ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВР

АБСОЛЮТНЫЙ ШЕДЕВР, АБСОЛЮТНАЯ КЛАССИКА

УИЛЬЯМ ПИТЕР БЛЭТТИ

ДИЛОГИЯ ОБ ИЗГОНЯЮЩЕМ ДЬЯВОЛА

И ИМЯ МНЕ ЛЕГИОН

Эксмо

УИЛЬЯМ ПИТЕР БЛЭТТИ

ДИЛОГИЯ ОБ ИЗГОНЯЮЩЕМ ДЬЯВОЛА

ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВР

Улей — это Бог

Библия об изначальном языке

Уильям
Питер
БЛЭТТИ

Изгоняющий дьявола

•

Легион

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2005

УИЛЬЯМ ПИТЕР

БЛЭТТИ

Дилогия об изгоняющем дьявола

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2005

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 68

William Peter Blatty

THE EXORCIST
Copyright © 1971 by William Peter Blatty

LEGION
Copyright © 1983 by William Peter Blatty

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Блэтти У.П.

Б 68 Дилогия об изгоняющем дьявола: Романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 656 с. — (Шедевры мистики).

ISBN 5-699-12842-5

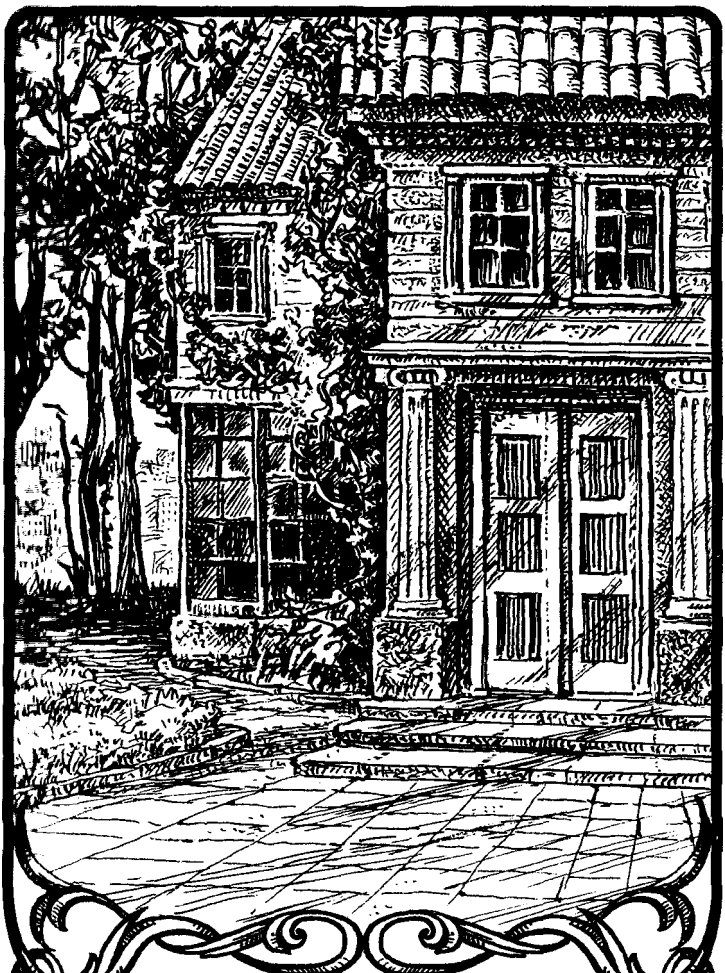
«Изгоняющий дьявола» Уильяма Питера Блэтти уже занял прочное место среди мировых бестселлеров. Он выдержал множество переизданий не только в США, но и в других странах мира и был переведен на десятки языков. Недаром автор рецензии на книгу в «New York Times Book Review» писал, что «Изгоняющий дьявола» «так же превосходит все произведения в своем жанре, как уравнение Эйнштейна — обычную колонку цифр».

Роман «Легион» продолжает тему, начатую в «Изгоняющем дьявола». Здесь те же персонажи, такой же острый, завораживающий сюжет и такая же глубокая проблематика, что и в предыдущем романе.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. А. Ячменев, М. Павлова, М. Яковлева, 2005
© Дополнения к переводу. И. Шефановская, 2005
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-12842-5



ИЗГОНЯЮЩИЙ ДЬЯВОЛА

Моим братьям и сестрам, Морису, Эдварду и Элис,
и памяти моих дорогих родителей

Когда же вышел Он [Иисус] на берег, встретил Его один человек... одержимый бесами с давнего времени... он [нечистый дух] долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами... но он разрывал узы... Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион...

Евангелие от Луки, 8:27–30

Некоторые поступки коммунистов вообще не поддаются объяснению. Например, одному священнику вбили в череп восемь гвоздей... Еще вспоминаю семерых маленьких мальчиков и их учителя. Когда к ним подошли солдаты, они читали молитву «Отче наш». Один из солдат штыком отрубил язык учителю. Другой достал шампуры и вогнал их в уши мальчикам. Как вы это назовете?

Д-р Том Дули
Дахау
Аусшвиц
Бухенвальд

(Томас Дули — известный общественный и религиозный деятель эпохи «холодной» войны. Соответствие данного высказывания истине издательство оставляет на совести автора.)

Джеймс Торелло: *Джексона повесили на мясной крюк. Под такой тяжестью тот даже разогнулся немного. И на этом крюке он провисел трое суток, пока не издох.*

Фрэнк Буччери *(посмеиваясь)*: *Джекки, ты бы видел этого парня. Этакая туша, а когда Джимми подсоединил к нему электрический провод...*

Торелло *(возбужденно)*: *Он так дергался на этом крюке, Джекки! Мы побрызгали его водичкой, чтобы он лучше почувствовал электрические разряды, и он так заорал...*

(Запись ФБР)

Пролог

СЕВЕРНЫЙ ИРАК

Палящее солнце крупными каплями выжимало пот из упрямого старика, которого мучило дурное предчувствие. Оно было похоже на холодные мокрые листья, прилипающие к спине.

Раскопки закончены. Курган полностью и тщательно исследован, все находки изучены, внесены в список и отправлены по назначению. Бусы и кулоны, резные драгоценные камни, фигурки, изображающие фаллос, каменные ступки с едва заметными остатками охры, глиняные горшки. Ничего выдающегося. Ассирийская шкатулка слоновой кости. И человек. Точнее, кости человека. Бренные останки великого мученика, которые когда-то заставляли старика задумываться о сущности материи, Бога и дьявола. Теперь он узнал все. Он почувствовал запах тамариска и перевел взгляд на холмы, поросшие тростником, и на каменистую дорогу, которая, извиваясь, вела в места, повергающие всех смертных в благоговейный страх. Поехав на север, можно было попасть в Мосул, на восток — в Эрбиль. На юге лежали Багдад, Киркук и великий Небухаднезар.

Старик сидел за столом в придорожной чайхане и, медленно потягивая чай, смотрел на свои истоптанные ботинки и брюки цвета хаки. Мысли одна за другой приходили ему в голову, но он не мог соединить их в единое целое.

Рядом кто-то засопел. Хозяин чайханы, морщинистый, сухощавый старик, подошел к нему, шаркая пыльными ботинками со смятыми задниками.

— Kaman chay, chawaga?*

Человек в хаки отрицательно покачал головой, продолжая смотреть вниз, на грязные ботинки, пропыленные суетой жизни. Частички Вселенной, медленно размышлял он,— материя, и тем не менее в основе этого — дух. Для него дух и ботинки были только двумя сторонами вечной и бесконечной материи.

Курд все еще ждал. Человек в хаки посмотрел на его лицо. Глаза у чайханщика были тусклые, словно на них натянули мутную пленку. Глаукома.

Старик вынул бумажник и стал медленно перебирать содержимое. Вот несколько динаров, потрепанные водительские права, выданные в Ираке, поблекший календарь из пластика двенадцатилетней давности. На обратной стороне виднелась надпись: «Все, что мы отдаем неимущим, возвратится к нам после нашей смерти». Такие календари изготовлялись иезуитской миссией. Он заплатил за чай, оставив пятьдесят филсов на расколотом столе, направился к своему джипу, сунул ключ в замок зажигания. Нежное позвякивание ключей в полном безмолвии показалось ему оглушительным.

На мгновение старик замер, прислушиваясь к окружающей тишине. Впереди, на вершине далекого холма, возвышались крыши домов. Весь Эрбиль, казалось, висел в воздухе, сливаясь с черными тучами. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок. Что ждало его?

— Allah ma'ak, chawaga**.

---

* Еще чаю, парень? *(араб.)*

** Аллах с вами, парень *(араб.)*.

Какие гнилые зубы. Курд, улыбаясь, махал ему на прощание рукой. Человек в хаки собрал все то доброе, что у него было внутри, и улыбнулся. Но, как только он отвернулся, улыбка исчезла. Он включил мотор, резко повернул руль и направился в Мосул. Курд, в то время как джип набирал скорость, наблюдал за ним с непонятным чувством потери. Что уходило от него? Что он чувствовал, пока этот незнакомец был рядом? Курду показалось, что рядом с посетителем он был в полной безопасности. Теперь это чувство таяло вместе с исчезающим из вида джипом. Ему стало неуютно и одиноко.

Доскональная перепись находок была закончена в шесть часов десять минут. Хранителем древних экспонатов в Мосуле был пожилой араб с отвислыми щеками. Записывая в большую книгу последнюю находку, он вдруг остановился на секунду и, обмакнув перо в чернильницу, посмотрел на своего визави. Человек в хаки о чем-то сосредоточенно думал. Он стоял у окна, засунув руки в карманы, и смотрел вниз, будто прислушиваясь к шепоту прошлого. Хранитель музея с любопытством наблюдал за ним некоторое время, а затем вновь вернулся к книге и мелким аккуратным почерком дописал последнее слово. Затем, с облегчением вздохнув, положил ручку и посмотрел на часы. Поезд в Багдад отправлялся в восемь часов. Он промокнул страницу и предложил выпить чаю.

Человек в хаки отрицательно покачал головой, пристально разглядывая что-то на столе. Араб наблюдал за ним с чуть заметным беспокойством. Какая-то тревога витала в воздухе. Он встал, подошел поближе и почувствовал легкое покалывание в затылке. Его друг наконец шевельнулся и взял со стола амулет. Он задумчиво повертел его в руке. Это была зеленая каменная головка демона Пазузу, олицетворяющего юго-западный ветер. Демон повелевал хворями и недугами. В голове виднелось отверстие. Его владелец когда-то использовал амулет как защиту от болезней.

— Зло против зла,— сказал хранитель музея, лениво обмахиваясь французским научным журналом, на обложке которого расплылось жирное пятно.

Старик не двигался и не отвечал.

— Что-нибудь случилось, святой отец?

Человек в хаки, казалось, не слышал его, весь поглощенный мыслями об амулете. Это была самая последняя находка. Потом он положил фигурку назад и вопросительно посмотрел на араба: кажется, тот что-то сказал?

— Нет-нет, ничего, все в порядке.

Уже возле самых дверей хранитель музея взял старика за руки и крепко сжал их.

— Святой отец, я чувствую, вам не надо уходить.

Его друг спокойно ответил, что уже пора, уже поздно.

— Нет-нет, я имел в виду, чтобы вы не уезжали домой.

Человек в хаки уставился на крошечное зернышко, которое прилипло к губе старого араба. «Домой»,— повторил он. В звучании этого слова ему слышался какой-то безысходный конец.

— В Америку,— добавил хранитель музея и сам удивился, зачем он это сказал.

Человек в хаки посмотрел на араба. Им всегда было легко вдвоем.

— Прощай,— прошептал он. Потом быстро повернулся и шагнул в сумерки навстречу длинной дороге к дому.

— Увидимся через год! — крикнул ему вслед араб.

Но человек в хаки не оглянулся.

Араб наблюдал за уходящим стариком, фигурка которого делалась все меньше и меньше. Вот он перешел по диагонали узенькую улочку, едва не столкнувшись с быстро несущимся экипажем. Внутри сидела дородная пожилая женщина. Лицо ее оставалось в тени, и к тому же черная кружевная накидка окутывала голову и плечи, словно паранджа. Судя по всему, она ехала куда-то по делу и очень торопилась.

Вскоре поспешно удалявшийся силуэт старика совсем скрылся из вида.

Человек в хаки упорно двигался вперед. Наконец он вышел на окраину города и перешел через Тигр. Приближаясь к развалинам, он сбавил темп, потому что с каждым шагом зародившееся глубоко внутри дурное предчувствие угнетало его все сильнее и сильнее. Однако, сколь бы ужасными ни были его предположения, необходимо выяснить все до конца. Он должен подготовиться.

Маленький деревянный мостик через мутный ручей Хоср заскрипел под его тяжестью. Через минуту старик стоял на том холме, где когда-то сверкала под солнцем Ниневия, открывая все свои пятнадцать ворот ассирийским племенам. Теперь город простирался внизу, покрытый кровавой пылью судьбы. Он стоял и ощущал тревогу, чувствовал, что кто-то разрушает его мечты.

Сторож-курд вышел из-за угла, снял с плеча винтовку и побежал ему навстречу. Затем, узнав, резко остановился, улыбнулся и пошел дальше.

Человек в хаки осмотрел развалины. Храм Набу. Храм Иштар. Он медленно шел вперед. Во дворце Ашурбанипала он остановился и посмотрел на массивную известковую статую: острые крылья, когтистые лапы, выпуклый, похожий на обрубок пенис. Рот застыл в дикой усмешке. Демон Пазузу.

И вдруг он поник.

Он все понял.

Неминуемое приближалось.

Он смотрел на пропыленные камни. Сумерки сгущались. Он услышал лай бездомных псов, рыскающих стаями по окраинам города. Солнечный диск медленно катился к краю земли. Старик опустил закатанные рукава рубашки, застегнул пуговицы. Подул юго-западный ветерок.

Человек в хаки заспешил в Мосул. Сердце его сжималось в предчувствии скорой встречи лицом к лицу с древним врагом...

Часть первая

НАЧАЛО

Глава первая

Как это часто бывает, предвестники и само начало кошмара остались практически незамеченными. Трудно сказать, почему так случилось. Возможно, их вытеснил из памяти ужас произошедших впоследствии событий, а быть может, никому просто не пришло в голову связать все воедино.

Дом сдавался внаем. Очень ухоженный дом. Аккуратный. В колониальном стиле. Обвитый плющом. Находился он в Вашингтоне, в районе Джорджтауна. Через дорогу располагалась территория университета. Сзади — крутой спуск на шумную М-стрит, а внизу — мутный Потомак.

Ранним утром первого апреля в доме было тихо. Крис Макнил лежала в кровати и просматривала текст сценария для завтрашней съемки. Риган, ее дочь, спала внизу. В комнате у кладовой спали немолодые экономка и мажордом, Уилли и Карл. Примерно в половине первого Крис ото-

рвалась от текста. Она услышала какое-то постукивание. Очень странные звуки. То приглушенные, то громкие и четкие. Очень ритмичные. Похожие на какую-то недобрую морзянку.

«Забавно».

Минуту она прислушивалась, затем отвлеклась, но постукивание не прекращалось, и она не могла сосредоточиться. Крис в сердцах швырнула сценарий на кровать.

«Боже, я сойду с ума!»

Она встала с твердым намерением разобраться, в чем дело.

Крис вышла в коридор и огляделась. Ей показалось, что звуки идут из комнаты Риган.

«Что это она там делает?»

Она спустилась в холл, постукивание стало громче. Когда же она распахнула дверь и вошла в комнату, звуки резко затихли.

«Что за чертовщина?»

Ее симпатичная одиннадцатилетняя дочка спала, прижавшись к большому плюшевому круглоглазому медведю.

Крис подошла к кровати, нагнулась и шепнула:

— Ригс, ты не спишь?

Дыхание ровное. И глубокое.

Крис оглядела комнату. Бледные лучи света из зала легли на картины, нарисованные Риган, на ее игрушки.

«Ну ладно, Ригс. Твоя глупая мамочка попалась на удочку. Скажи теперь: "Первого апреля, никому не верю!"»

И все же Крис знала, что на Ригс это не похоже. Ее дочка была скромной и очень робкой девочкой. Тогда где же шутник? Какой-нибудь дурак спросонок решил проверить отопительные трубы или канализацию? Однажды в горах Бутана она несколько часов подряд смотрела на буддийского монаха, который сидел на корточках и занимался медитацией. В конце концов ей показалось, что он воспарил. Скорее всего, показалось. Рассказывая об этом случае, она всегда добавляла «скорее всего». Возможно, и теперь

ее воображение (довольно богатое само по себе) выдумало этот стук.

«Ерунда, я же слышала!»

Неожиданно она посмотрела на потолок. Ага! Слабое царапанье!

«Крысы на чердаке! Господи! Крысы!»

Она вздохнула. «Ну вот. Огромные толстые хвосты. Шлеп, шлеп». Как ни странно, ей полегчало. И тут она впервые обратила внимание на холод. Комната была совершенно выстужена.

Мать подошла к окну. Проверила его. Закрыто. Потрогала батареи. Горячие.

«В чем дело?»

Удивленная, она вернулась к кровати и потрогала щеку девочки. Она была гладкая, немного влажная.

«Я, наверное, заболела».

Крис посмотрела на дочь, на ее курносый нос и веснушчатое лицо, потом быстро наклонилась и поцеловала теплую щеку.

— Я тебя очень люблю,— прошептала она.

Затем Крис вернулась в свою спальню, поудобнее улеглась на кровати и вновь принялась за чтение сценария.

Какое-то время она старалась поглубже вникнуть в текст. Предполагалось, что это будет музыкальная комедия, римейк старого фильма «Мистер Смит едет в Вашингтон». Авторы нового сценария добавили туда еще одну сюжетную линию: бунт в кампусе. Крис предлагалась главная роль — преподавательницы психологии, которая встает на сторону возмущенных студентов. Все это ей совершенно не нравилось. Тупо и бессмысленно! Весь эпизод — абсолютная глупость. Несмотря на отсутствие полноценного образования, Крис всегда умела отличать правду жизни от голых постулатов и пустых лозунгов. Пытливый от природы ум заставлял ее упорно продираться сквозь нагромождение слов и фраз в поисках хоть какой-нибудь стоящей мысли или выигрышного момента, за который мож-

но было бы уцепиться. Однако сама идея бунта казалась ей «глупостью» — другого слова она не находила.

«В чем причина? — размышляла Крис.— В том, что я принадлежу другому поколению? Все это вранье... Мне уже тридцать два... Сущая глупость, это...

Ладно, не кипятись,— уговаривала она себя.— Сохраняй выдержку. У тебя впереди еще неделя...»

Интерьерные съемки в Голливуде уже практически завершены. Осталось доснять только несколько уличных сцен в кампусе Джорджтаунского университета. Работа должна начаться завтра, пока там пусто — все студенты разъехались на пасхальные каникулы.

Ей хотелось спать. Веки буквально слипались. Крис вновь взглянула на измятую страницу. Края оборваны. Она задумчиво улыбнулась. Это работа режиссера-англичанина. Когда он нервничает, то дрожащими руками отрывает полоску бумаги от первой попавшейся страницы и жует ее, пока не превратит в бумажный комочек.

«Милый Бэрк!»

Крис зевнула и бросила еще один взгляд на сценарий. Многие страницы были объедены. Она вспомнила про крыс. «У этих маленьких сволочей, безусловно, есть вкус». Она решила утром отправить Карла за крысоловками.

Пальцы Крис разжались. Сценарий выпал из рук.

«И все-таки это глупость, совершеннейшая бессмыслица...»

Неуверенной рукой она нащупала выключатель... Вот так... Крис глубоко вздохнула и с наслаждением вытянулась, чувствуя, что вот-вот провалится в сон. Несколько минут она пролежала неподвижно, но потом резким движением ноги скинула с себя одеяло.

«Ну и жара!..»

Оконные стекла запотели от жары и сырости, даже на рамах появились капельки влаги...

Крис уснула. Ей снилась ее смерть. Она задыхалась и растворялась, терялась в пустоте и все время думала: «Ме-

ня не будет, я умру, меня не будет никогда, о, папа не допустит этого, я не хочу превратиться в ничто, навсегда». И опять таяла, растворялась, и этот звон, звон, звон...

«Телефон!»

С тяжело бьющимся сердцем Крис вскочила и сняла трубку.

Звонил помощник режиссера.

— В гримерной в шесть часов, дорогая.

— Ладно.

— Как дела?

— Если сейчас приму душ и приду в себя, значит, все в порядке.

Он засмеялся.

— Увидимся.

— Хорошо.

Она повесила трубку. Немного посидела, раздумывая над своим сном. Сон? Это скорее напоминало раздумья в полусне. Такая удивительная ясность! Конец существования. Невозвратимость. Она раньше не могла себе представить. «О Боже, этого не может быть!»

«Но это, к сожалению, правда».

Крис надела халат и быстро спустилась вниз, к реальному и шкворчащему жареному бекону.

— Доброе утро, миссис Макнил!

Седая Уилли склонилась над столом. Она выжимала сок из апельсинов. Под глазами синие круги и мешки. Чуть заметный акцент. Она, как и Карл, была родом из Швейцарии. Экономка вытерла руки салфеткой и направилась к плите.

— Я сама достану, Уилли.

Крис, всегда наблюдательная, заметила усталый взгляд женщины.

Уилли вернулась к столу, ворча что-то себе под нос. Крис налила кофе и принялась за завтрак. Посмотрев на свою тарелку, она тепло улыбнулась. Алая роза. Риган. «Мой ангел». Каждое утро, когда Крис снималась, Риган тихонько

вставала с кровати, шла на кухню и клала ей цветок на тарелку, а потом, сонная, опять отправлялась спать. Крис покачала головой, вспомнив, что когда-то хотела назвать дочь Гонерильей. «Да. Все верно. Надо быть готовой к худшему». Ее большие зеленые глаза стали вдруг похожи на глаза бездомного или осиротевшего человека. Она вспомнила о другом цветке. О сыне. Джеми. Он умер давно, когда ему было всего три года. Крис в то время была молоденькой девочкой, никому не известной певичкой из хора на Бродвее. Она поклялась, что никого не будет любить так сильно, как Джеми и его отца, Говарда Макнила.

Уилли подала сок, и тут Крис вспомнила о крысах.

— Где Карл? — спросила она экономку.

— Я здесь, мадам.

Мажордом выглянул из-за двери кладовой. Властный. Почтительный. Энергичный. Вежливый. Живые, блестящие глаза. Орлиный нос. Абсолютно лысый.

— Послушай, Карл. На чердаке завелись крысы. Неплохо бы купить капканы.

— Крысы?

— Я же сказала.

— На чердаке чисто.

— Ну, значит, у нас чистоплотные крысы.

— Никаких крыс.

— Карл, я их слышала ночью.— Крис едва сдерживалась.

— Может, канализация,— попробовал возразить Карл,— или отопительные трубы?

— Крысы! Ты купишь в конце концов эти проклятые ловушки? И перестань спорить!

— Да, мадам. Я пойду прямо сейчас!

— Не сейчас, Карл! Все магазины закрыты!

— Они и правда закрыты,— проворчала Уилли.

— Посмотрим.

Он ушел.

Крис и Уилли обменялись взглядами, потом Уилли покачала головой и вернулась к бекону. Крис вспомнила про свой кофе.

«Странный... Странный человек». Так же как и Уилли, трудолюбивый, очень преданный. И все же было в нем что-то такое, от чего Крис становилось не по себе. Что именно? Может, его чуть заметная заносчивость? Или его вызывающее поведение? Нет. Что-то другое. Супруги жили у нее уже почти шесть лет, но Карла она никак не могла понять до конца. Он по-прежнему оставался для нее загадкой — своего рода не поддающимся расшифровке иероглифом, живым, обладающим способностью дышать, двигаться, разговаривать, с готовностью выполняющим любое поручение хозяйки. И все же — Крис интуитивно чувствовала это — за внешней маской скрывалась некая тайна, словно внутри Карла действовал некий невидимый разумный механизм.

Крис поднялась в свою комнату и надела свитер и юбку. Посмотрела в зеркало и с удовольствием начала расчесывать короткие рыжие волосы, вечно казавшиеся растрепанными. Потом состроила рожицу и глупо усмехнулась. «Эй, милая соседушка! Можно поговорить с твоим мужем? С твоим любимым? С твоим негодяем? А, твой негодяй в богадельне? Это он звонит!» Она показала язык своему отражению. Поникла. «О Боже, что за жизнь!» Взяла коробку с гримом и париками, спустилась вниз и вышла на тенистую чистую улицу.

На мгновение Крис остановилась, вдохнула полной грудью свежий утренний воздух и посмотрела направо. Сбоку от дома круто уходила вниз, к М-стрит, старинная каменная лестница. Чуть дальше виднелся верхний въезд в трамвайный парк — построенное в средиземноморском духе старинное кирпичное здание под черепичной крышей, украшенное башенками в стиле рококо, когда-то служило пристанищем городским трамваям. Крис разглядывала его со странным чувством тоски и сожаления. «Забав-

ное строение,— думала она.— И вся улица забавная. Черт побери, ну почему бы мне не остановиться, не поселиться здесь? Почему бы не купить дом? Почему бы не начать наконец нормальную жизнь?» Где-то послышался колокольный перезвон. Крис повернула голову в ту сторону, откуда доносился звук. А, это часы на башне Джорджтаунского университета. Их печальный голос эхом разносился над рекой. Крис показалось, что этот тоскливый звон проник в самое ее сердце.

Она пошла дальше. К своей работе, к этой веселой путанице, к бутафорской, шутовской старине.

Как только Крис вошла через главные ворота, ее настроение немного улучшилось, а потом, увидев знакомые ряды фургонов вдоль южной стены, где размещались костюмерные и гримерные, она и вовсе повеселела. В восемь утра первого дня съемок она уже почти пришла в себя. И первым делом начала спорить по поводу сценария.

— Эй! Бэрк! Будь так добр, посмотри, что это здесь за ерунда, а?

— Ага, у тебя все-таки есть сценарий! Прекрасно!

Режиссер Бэрк Дэннингс, подтянутый и очаровательный, как принц из волшебной сказки, озорно и лукаво подмигнул ей и аккуратно оторвал дрожащими пальцами полоску бумаги от сценария.

— Сейчас я начну чавкать,— засмеялся он.

Они стояли на площадке перед административным зданием университета среди актеров, статистов, технического персонала и работников ателье. Кое-где на лужайке уже разместились любопытные зрители. Собралось множество детей. Оператор, уставший от шумихи, поднял газету, которую жевал Дэннингс. От режиссера уже с утра слегка отдавало джином.

— Да, я жутко доволен, что тебе дали сценарий.

Стройный, изящный, уже немолодой Дэннингс говорил с таким изысканным британским акцентом, что в его устах красиво звучали даже самые страшные ругательст-

ва. Когда Бэрк был навеселе, казалось, что он готов в любой момент неудержимо расхохотаться, что ему трудно сдерживать себя и оставаться хладнокровным.

— Ну-ка расскажи, крошка моя, что случилось. В чем дело? Что тебя не устраивает? — поинтересовался он у Крис.

Основным камнем преткновения, по ее мнению, была описанная в сценарии сцена, когда глава вымышленного университета обращается к взбунтовавшимся студентам и пытается отговорить их от сидячей забастовки, которую те угрожают устроить на территории кампуса. Крис в свою очередь должна подбежать к декану, выхватить из его рук мегафон, а затем, указав на главное административное здание, громко крикнуть: «Давайте разрушим его до основания!»

— Но ведь это полная чушь,— заявила Крис.

— Брось, все нормально,— возразил Дэннингс.

— Но какого черта они станут разрушать здание, Бэрк? Объясни! Чего ради?!

— Ты что, издеваешься надо мной?

— И не думаю Я только спрашиваю, чего ради. На кой дьявол им это делать?

— Ну, просто потому, что оно там есть, радость моя...

— Где? В сценарии?

— Нет, на территории университета.

— Абсолютнейшая бессмыслица, Бэрк. Она просто не способна на такое.

— Еще как способна!

— А я говорю — нет!

— Может пригласим сюда автора сценария? Если не ошибаюсь, он сейчас в Париже.

— Прячется?

— Трахается!

Бэрк так тщательно и четко выговорил это слово, с такой неподражаемой интонацией, с таким масляным блеском в по-лисьему хитрых глазках, что Крис не выдержала и расхохоталась.

— Ох, Бэрк, черт бы тебя побрал, ты просто невыносим...— Обессилев от смеха, она уткнулась лицом ему в плечо.

— Да,— скромно согласился Дэннингс. Таким же тоном, наверное, кесарь подтверждал свой троекратный отказ от трона во время коронации.— Ну так что, продолжим наконец?

Крис, казалось, не услышала вопрос. Она украдкой бросила смущенный взгляд на стоявшего неподалеку иезуита, словно желая проверить, достигли ли его ушей столь крамольные речи. Это был темноволосый мужчина лет сорока. Суровое выражение на негладком, словно вышербленном лице делало его похожим на боксера. Однако, встретившись с ним глазами, Крис, к своему удивлению, прочла в них печаль и боль, и в то же время было в их выражении нечто такое, что свидетельствовало о доброте души этого человека, нечто такое, что вселяло надежду и давало утешение. Конечно же он все слышал. И он улыбался. А потом взглянул на часы и поспешно ушел.

— Так будем мы работать дальше или нет? — вновь подал голос Бэрк.

Крис рассеянно оглянулась.

— Да-да, Бэрк. Конечно. Давай начинать.

— Слава тебе, Господи!

— Нет, подожди минутку.

— Святой Боже! Ну что еще?

Крис сказала, что ее не устраивает финал эпизода. По ее мнению, кульминационным моментом сцены должен стать вовсе не тот, где она выбегает из здания, а тот, который перед ним.

— Эта пробежка ничего не дает, она совершенно лишняя,— убеждала она Дэннингса.

— Знаю, радость моя, знаю. Я с тобой полностью согласен,— попытался успокоить ее Бэрк.— Но режиссер монтажа настаивает, чтобы мы сняли этот эпизод. Так что сама понимаешь...

— Нет, не понимаю.

— Конечно. Идея глупее не придумаешь.— Он хихикнул.— Но, видишь ли, поскольку следующая сцена начинается с того, что Джед встречается с нами возле двери, режиссер монтажа вбил себе в голову, что ты непременно должна из нее выбежать...

— Но это же полный идиотизм!

— Безусловно. Чушь и белиберда. Дерьмо собачье — иного слова не придумаешь. Ну и черт с ним! Почему бы нам не снять эту ахинею, а уж потом, поверь мне, я позабочусь, чтобы ее вырезали при окончательном монтаже. И сделаю это с превеликим удовольствием, не сомневайся.

Крис в ответ рассмеялась. И кивнула в знак согласия. Бэрк покосился на режиссера монтажа — известного эгоиста и большого любителя тратить время на никому не нужные бесплодные споры. Тот был занят — обсуждал что-то с оператором. Дэннингс вздохнул с облегчением.

В ожидании, пока установят свет, Крис стояла внизу, возле ступеней, ведущих к входу в здание, и наблюдала, как Дэннингс на чем свет стоит поносил тупоголовый вспомогательный персонал студии, а заодно и ее руководителей. Он заметно опьянел, а в таком состоянии чудачества и всякого рода эксцентричные выходки доставляли ему удовольствие.

Однако Крис прекрасно знала, что, стоило Бэрку достичь определенной стадии, присущий режиссеру вспыльчивый нрав проявлялся во всей своей красе: он становился несдержанным, раздражительным, и если это случалось даже в три или в четыре часа утра, мог запросто позвонить кому-нибудь из вышестоящих начальников и наговорить им кучу гадостей, а то и просто, воспользовавшись самым незначительным поводом, обрушить на них целый град ядовитых замечаний и оскорблений.

Ей вспомнилось, как однажды глава одной из студий во время просмотра имел неосторожность мягко заметить, что манжеты на рубашке Дэннингса выглядят поношен-

ными, и как Бэрк позвонил «провинившемуся» в три часа ночи и поднял его с постели только затем, чтобы обозвать того «дерьмовой деревенщиной», чей папаша был, конечно же, «полным психом».

Как правило, наутро после подобных выходок Дэннингс прикидывался невинной овечкой, уверял, что совершенно ничего не помнит, и, сияя улыбкой, с удовольствием выслушивал рассказы оскорбленных им людей о том, что он вытворял ночью.

Однако иногда, если это было ему по тем или иным причинам выгодно, Бэрк не выказывал и намека на амнезию. Однажды вечером, крепко перепив джина, он вдруг ни с того ни с сего пришел в неописуемую ярость и буквально разгромил несколько служебных помещений на киностудии. А наутро, когда ему предъявили счет за причиненный ущерб и в качестве доказательства представили несколько фотографий, Бэрк бросил на них мимолетный взгляд и поистине царственным жестом отодвинул в сторону, заявив, что «все это явная фальшивка, потому что на самом деле ущерб гораздо больше». Вновь представив себе словно воочию ту картину, Крис невольно улыбнулась. Она не считала Дэннингса ни горьким пьяницей, ни уж тем более алкоголиком и была совершенно уверена, что он пьет и ведет себя таким образом просто потому, что все ожидают от него именно этого,— он, так сказать, соответствует своему имиджу.

«Что ж,— думала она,— путь к обретению славы и бессмертия может быть и таким».

Крис обернулась и поискала глазами улыбавшегося ей несколько минут назад иезуита. Но того уже не оказалось рядом. Наконец она заметила его удаляющуюся фигуру: священник шел опустив голову, и даже издали Крис видела, что он задумчив и словно чем-то подавлен,— одинокое черное облако, готовое вот-вот пролиться дождем.

Священники никогда не вызывали у нее симпатии — слишком уж они безмятежны, всегда спокойны и исполнены уверенности в себе. Однако этот...

— Так что, Крис, ты готова? — прервал ее размышления Дэннингс.

— Да-да, конечно.

— Ну вот и прекрасно,— подал голос ассистент режиссера.— Все! Тишина на площадке!

— Включить камеры! Всем приготовиться! — громко скомандовал Бэрк.

— Поторапливайтесь, ребята!

— Мотор! Начали!

Статисты заулыбались, и под их приветственные восклицания Крис взбежала по ступенькам. Дэннингс задумчиво наблюдал за происходящим — он никак не мог понять, что у нее на уме. Легкость, с какой Крис согласилась с его аргументами и прекратила спор, настораживала. Он многозначительно посмотрел на одного из ассистентов. Тот моментально подбежал и подобострастно протянул режиссеру открытый на нужной странице сценарий. При этом он походил на состарившегося алтарного служку, подающего молитвенник священнику перед торжественной мессой.

Пока шли съемки, солнце то ярко светило, то пряталось за тучи, и к четырем часам небо окончательно нахмурилось. Помощник режиссера распустил труппу до следующего дня.

Крис пошла домой. Она чувствовала усталость. На углу ее выследил из дверей своего бакалейного магазина пожилой итальянец и попросил дать автограф. Крис расписалась на бумажном пакете и добавила: «С наилучшими пожеланиями». Пока она стояла у светофора, взгляд ее упал на католическую церковь. Кто-то ей говорил, что здесь женился Джон Ф. Кеннеди. Здесь он и молился. Крис попыталась представить его среди набожных морщинистых старушек и жертвенных свечей: «Верую... ослабление напряженности в отношениях с русскими... Верую... Аполлон IV... Верую... воскрешение и вечная жизнь...»

Мимо промчался развозящий пиво грузовик, громыхая запотевшими банками.

Крис перешла на другую сторону и направилась вдоль улицы. Едва она поравнялась со зданием начальной школы, ее обогнал какой-то священник в нейлоновой ветровке. Молодой и явно озабоченный чем-то. В каждом его жесте чувствовалось напряжение. Заметно было, что святой отец давно не брился... Он свернул налево и направился в сторону церкви.

Крис, остановившись, с интересом наблюдала за ним. Священник торопился к небольшому коттеджу. Заскрипела старая дверь, и появился еще один священник. Да это же... Ну конечно! Тот самый, который улыбнулся, когда Бэрк сказал «трахается»... Только сейчас он выглядел очень мрачным и, по всей вероятности, нервничал. Опять скрипнула дверь коттеджа, и Крис увидела еще одного священника. Он молча кивком поздоровался с гостем и обнял его за плечи. В этом движении было что-то покровительственное. Он вовлек молодого человека внутрь, и затянутая противомоскитной сеткой дверь медленно закрылась за ними с противным скрипом.

Крис в недоумении уставилась на свои туфли. Что за ерунда? Ей стало интересно, ходят ли иезуиты исповедоваться.

Послышался отдаленный раскат грома. Крис взглянула на небо.

«Интересно, будет дождь или нет?.. Воскрешение... Да-да, конечно. Да, в следующий вторник...»

Сверкнула молния...

«Не звони нам, малышка, мы сами тебе позвоним».

Подняв воротник пальто, она ускорила шаг.

«Ах, если бы пошел дождь!»

Через минуту Крис уже была дома. Сначала она зашла в ванную, а оттуда — в кухню.

— Салют, Крис, успешно поработали?

Шарон Спенсер, симпатичная блондинка двадцати с небольшим лет, сидела за столом. Уже три года эта вечно юная особа родом из Орегона работала секретарем у Крис и одновременно исполняла обязанности воспитательницы и домашней учительницы Риган.

— Да как всегда, ерунда.— Крис подошла к столу и лениво начала перебирать почту.— Что-нибудь стоящее внимания?

— Не желаете ли отобедать на следующей неделе в Белом доме?

— Не знаю... А что я там буду делать?

— Объедаться пирожными до отвала.

Крис засмеялась.

— А где Ригс?

— Внизу, в детской.

— Чем занимается?

— Лепит. По-моему, птицу. Для тебя.

— Да, птица мне нужна,— улыбнулась Крис.

Она подошла к плите и налила в чашку горячего кофе.

— Ты пошутила насчет обеда?

— Конечно нет,— удивилась Шарон.— В четверг.

— Народу много будет?

— Да нет. По-моему, человек пять или шесть.

— Кроме шуток?

Крис было приятно. Она даже не особенно удивилась. Ее общество любили многие: кучера и поэты, профессора и короли. Что им нравилось в ней? Ее жизнь? Крис села.

— Как прошли занятия?

Шарон зажгла сигарету и нахмурилась:

— Опять плохо с математикой.

— В самом деле? Интересно.

— Вот именно. Это же ее любимый предмет,— поддержала Шарон.

— Ну, это, наверное, из-за современных методов обучения. Я бы даже не сумела различить номера автобусов, если бы...

— Привет, ма!

Риган выскочила из-за двери, широко расставив в стороны руки. Рыжие хвостики. Светящееся от радости лицо. И миллион веснушек.

— Привет, маленькая негодяйка.— Крис поймала ее в объятия и крепко прижала к себе, смачно чмокая в щечку и не пытаясь сдерживать свою нежность. Потом с любопытством спросила: — Что же ты делала сегодня? Что-нибудь очень интересное?

— Да ерунда.

— Какая именно ерунда?

— Дай вспомнить.— Риган уперлась коленями в ноги матери и медленно раскачивалась взад-вперед.— Ну, как всегда, я занималась.

— Так.

— И рисовала.

— Что ты рисовала?

— Цветы, такие, знаешь... как маргаритки, только розовые. А потом, ну да, потом была лошадь! — Риган широко раскрыла глаза и начала с восхищением рассказывать.— У этого дяди была лошадь, ну, у того, который живет там, у реки. Ма, мы гуляли, и вдруг эта лошадь, такая красивая! Ма, ты бы ее видела! И этот дядя сам разрешил мне посидеть на ней. Правда-правда! Ну, конечно, только на минуточку!

Крис многозначительно подмигнула Шарон.

— Неужели сам? — спросила она, удивленно поднимая брови.

Когда Крис приехала на съемки в Вашингтон, Шарон (она была уже членом семьи) жила вместе с ними в отдельной комнате на втором этаже. Потом она познакомилась с каким-то конюхом, который работал на конюшне, расположенной неподалеку. Теперь Шарон нужна была отдельная квартира. Крис сняла для нее номер люкс в дорогой гостинице и при этом настояла на том, чтобы за номер платила именно она, а не Шарон.

— Сам,— улыбнулась Шарон.

— Лошадь была серая! — добавила Риган.— Ма, а неужели мы не можем купить лошадь? То есть ведь мы могли бы, да?

— Посмотрим, малышка.

— Когда у меня будет лошадь?

— Посмотрим. Ну, а где твоя птица?

На секунду Риган замерла, а потом, недовольно взглянув на Шарон, сжала губы и укоризненно покачала головой.

— Это был сюрприз.— Она засмеялась.

— Ты хочешь сказать...

— Ну да. С длинным смешным носом, как ты и хотела!

— Ригс, ты прелесть. Можно посмотреть?

— Нет, мне еще нужно ее раскрасить. Когда будем обедать, ма?

— Ты голодная?

— Умираю от голода.

— Так ведь еще и пяти нет. Когда же мы ели? — спросила Крис у Шарон.

— Где-то в двенадцать,— попыталась припомнить Шарон.

— А когда вернутся Уилли и Карл?

Крис отпустила их до вечера.

— Часов в семь,— ответила Шарон.

— Ма, пошли в кафе, а? — попросила Риган.— Можно?

Крис взяла дочь за руку, притянула ее к себе и поцеловала.

— Беги наверх, одевайся, сейчас пойдем.

— Как я тебя люблю!

Риган выбежала из комнаты.

— Малыш, надень новое платье! — крикнула ей вдогонку Крис.

— Тебе хотелось бы опять стать одиннадцатилетней девочкой? — задумчиво спросила Шарон.

— Это предложение?

Крис глянула на письма и начала безразлично раскладывать исписанные листки.

— Ты его принимаешь? — настаивала Шарон.

— Со всеми заботами, которые у меня сейчас? И со всеми воспоминаниями?

— Да.

— Ну уж нет.

— Подумай хорошенько.

— Я думаю.— Крис подняла письмо с прикрепленным впереди конвертом. Джаррис. Ее агент.— Кажется, я просила его пока ни о чем мне не писать.

— Прочитай,— предложила Шарон.

— А что такое?

— Я читала его сегодня утром.

— Что-нибудь хорошее?

— Великолепное. Они хотят взять тебя режиссером,— ответила Шарон и сделала очередную затяжку.

— Что?!

— Прочитай письмо.

— О Боже, Шар, ты не шутишь?

Крис вцепилась в письмо и начала жадно пробегать его глазами: «...Новый сценарий... триптих... студия просит сэра Стефана Мора... При наличии согласия на...»

«Я буду режиссером!» Размахивая руками, она заверещала от радости:

— О Стив, ты ангел, ты не забыл!

Они снимали какой-то фильм в Африке. Он здорово напился. Сидя в шезлонге, на закате дня, Стив как-то сказал ей, что ему нравится работа актера. «Ерунда,— ответила Крис.— Ты знаешь, что такое настоящая работа? Самому ставить фильмы!» — «Согласен».— «Надо сделать что-то свое собственное, я имею в виду что-то такое, что будет жить потом».— «Ну и займись этим сама».— «Я пыталась, но меня не берут».— «Почему?» — «Им кажется, что я не справлюсь с монтажом». Дорогие воспоминания. Теплая улыбка. Милый Стив!

— Ма, я не могу найти платье! — крикнула Риган.

— В стенном шкафу! — ответила Крис.

— Уже смотрела!

— Сейчас иду! — На секунду Крис задумалась, взглянула на письмо и поникла.— А вдруг ерунда какая-нибудь? И не в моем стиле...

— Вряд ли. Мне кажется, фильм стоящий.

— Ну да, ты всегда считала, что в «Психо»* не хватает комедийных эпизодов.

Шарон засмеялась.

— Мама!

— Уже иду! — Крис медленно встала.— У тебя сегодня свидание, Шар?

— Да.

Крис покосилась на корреспонденцию.

— Тогда иди, а с остальной ерундой разберемся завтра.

Шарон вскочила.

— Хотя подожди-ка.— Крис что-то вспомнила.— Одно срочное письмо надо отправить сегодня же.

— Хорошо.— Шарон взяла блокнот и приготовилась записывать.

— Ма-а-а-м! — Риган уже подвывала от нетерпения.

— Подожди, я сейчас,— попросила Крис Шарон.

Шарон глянула на часы.

— Крис, мне уже пора заниматься медитацией.

Крис пристально и с чуть заметным раздражением посмотрела на нее. За полгода ее секретарша вдруг превратилась в «искательницу спокойствия». Началось это с самогипноза еще в Лос-Анджелесе, а потом закончилось буддийским песнопением. Последнее время, пока Шарон жила под одной крышей с Крис, в доме поселилась апатия, сопровождаемая безжизненными, унылыми напевами «Nam myoho renge kyo» («Крис, ты просто повторяй

---

* Один из самых известных триллеров великого американского режиссера Альфреда Хичкока.

эти слова, ничего больше, и твои желания исполнятся, и все будет так, как ты хочешь...»). Эти завывания доносились до Крис и днем, и ночью, и чаще всего именно тогда, когда она разучивала роль.

— Можешь включить телевизор,— великодушно разрешила Шарон своей хозяйке.— Все нормально. От песнопения меня никакой шум не отвлекает.

На этот раз она собралась заниматься трансцендентальной медитацией.

— Шар, неужели ты действительно веришь, что вся эта чепуха может хоть каким-то образом помочь тебе? — равнодушно спросила Крис.

— Это меня успокаивает,— ответила Шарон.

— Понятно,— сухо отчеканила Крис и пожелала Шарон спокойной ночи. Она не напомнила про письмо и, выходя из кухни, пробормотала: — «Nam myoho renge kyo».

— Повторяй эти слова минут пятнадцать или двадцать! — крикнула ей вдогонку Шарон.— Может, это и тебе поможет!

Крис остановилась и хотела возразить, но передумала. Она поднялась в спальню Риган и сразу же подошла к стенному шкафу. Риган застыла посередине комнаты и внимательно вглядывалась в потолок.

— Что такое? — забеспокоилась мать.

Крис пыталась найти платье. Бледно-голубое, ситцевое. Она купила его неделю назад и хорошо помнила, что повесила платье в стенной шкаф.

— Странный шум,— заметила Риган.

— Я знаю. У нас завелись друзья.

— Разве? Какие? — Риган перевела взгляд на мать.

— Белки, крошка моя, белки на чердаке.

Ее дочь была брезглива и терпеть не могла крыс. Даже мыши приводили ее в ужас.

Поиски платья не увенчались успехом.

— Мам, посмотри, его тут нет.

— Вижу, вижу. Может, Уилли случайно бросила его в стирку?

— Как будто исчезло.

— Ну ладно. Надень тогда синее, оно тебе тоже идет.

Они пошли в кафе. Крис довольствовалась салатом, а Риган после супа с четырьмя булочками и жареного цыпленка уплетала шоколадный коктейль, полторы порции пирога с голубикой и кофейное мороженое. «И куда это все умещается? В кости идет, что ли?» — не переставала удивляться Крис: девочка была очень худенькая.

Крис докурила и, медленно допивая кофе, посмотрела в окно.

Темная вода Потомака застыла словно в ожидании чего-то.

— Какой хороший был обед, мам.

Крис повернулась к ней и, как это часто с ней случалось, увидела в своей дочке Говарда. Она тут же перевела взгляд на тарелку.

— А пирог не будешь доедать? — спросила Крис.

Риган опустила глаза.

— Я наелась конфет.

Крис потушила сигарету и улыбнулась:

— Тогда пошли.

Около семи они были дома. Уилли и Карл уже вернулись. Риган сразу побежала в детскую, чтобы побыстрее закончить птицу для матери. Крис пошла на кухню за письмом. Уилли варила кофе в старой кастрюльке без крышки. Она была раздражена и недовольна.

— Привет, Уилли, как кино? Хорошо провели время?

— Не спрашивайте.

Она бросила щепотку соли и немного яичной скорлупы в булькающее содержимое кастрюльки. Да, они сходили в кино, объяснила Уилли. Она хотела посмотреть кино с участием «Битлз», но Карл настоял на своем: ему приспичило пойти на фильм про Моцарта.

— Ужас! — кипела она, уменьшая огонь на плите.— Такой дурак!

— Ну извини.— Крис сунула письмо под мышку.— Кстати, Уилли, ты не видела платье, которое я купила Риган на прошлой неделе? Такое голубое, из ситца?

— Видела. Сегодня утром оно было в стенном шкафу.

— И куда ты его положила?

— Оно там.

— Может, ты случайно прихватила его, собирая грязное белье?

— Оно там.

— С грязным бельем?

— В стенном шкафу.

— Там его нет. Я смотрела.

Уилли хотела что-то ответить, но только сжала губы и бросила сердитый взгляд на кастрюльку с кофе. Вошел Карл.

— Добрый вечер, мадам.— Он направился к умывальнику и налил стакан воды.

— Ты расставил капканы? — спросила Крис.

— Никаких крыс.

— Ты их расставил?

— Конечно, я их расставил, но на чердаке чисто.

— А теперь скажи: тебе кино понравилось?

— Очень.

По его поведению, так же как и по непроницаемому выражению лица, ничего нельзя было понять. Крис пошла к себе в комнату, про себя напевая известную песенку «Битлз». Но внезапно остановилась, решив для проверки задать еще один вопрос:

— Карл, а тебя не затруднило достать мышеловки?

— Ничуть.

— В шесть часов утра?

— В ночном универмаге, мадам.

— О Господи!

Крис долго купалась, наслаждаясь теплой водой, а когда вошла в свою спальню за халатом, то в стенном шкафу обнаружила пропавшее платье Риган. Оно лежало смятое на куче белья.

Крис подняла его. «Как оно здесь очутилось?» Этикетки не были сорваны. Крис задумалась. Потом вспомнила, что в тот же день, когда покупала платье, купила и кое-что для себя. «Наверное, я все сюда и бросила».

Крис отнесла платье в спальню Риган и, повесив его на вешалку, убрала в шкаф. Она мельком взглянула на туалеты дочери. «Прекрасные платья. Да, Ригс, смотри лучше на них и не думай о папе, который даже писем не пишет».

Крис закрыла шкаф и, резко повернувшись, ударилась ногой о письменный стол. «О Боже, этого еще не хватало!»

Она приподняла ногу и потерла ушибленный палец. И тут только заметила, что стол сдвинут с прежнего места приблизительно на метр.

«Неудивительно, что я ударилась. Наверное, Уилли пылесосила и отодвинула его».

Крис с письмом от своего агента спустилась в кабинет и присела на мягкий низкий диван у огня.

В отличие от внушительного вида просторной гостиной с ее окнами-«фонарями» кабинет выглядел очень уютным и располагал к отдыху и задушевным беседам: высокий кирпичный камин, деревянные панели на стенах, перекрещивающиеся балки потолка, образующие над головой своего рода мостки... Присутствовали и некоторые детали современного интерьера: бар, несколько подушек яркой расцветки, принадлежащая самой Крис шкура леопарда, расстеленная на сосновом полу перед камином. На этой-то шкуре она и устроилась сейчас поудобнее, прислонившись плечами и головой к невысокой мягкой софе.

Крис еще раз просмотрела письмо. Вера, Надежда, Любовь. Три независимые части, в каждой свой режиссер и актерский состав. Ей предлагали Надежду. Замысел ей нравился. «Немного скучновато,— подумала она,— но зато изы-

скучно. Наверняка название изменят на что-нибудь типа "Суматоха вокруг добродетели"».

В прихожей раздался звонок. Пришел Бэрк Дэннингс. У него не было своей семьи, и он часто заходил к Крис. Будущий режиссер задумчиво улыбнулась и покачала головой, услышав, как Бэрк что-то съязвил в отношении Карла, которого ненавидел и постоянно поддразнивал.

— Ну, привет. Дай выпить! — первым делом потребовал Бэрк, войдя в комнату и устремившись к бару.

Бэрк был немного раздражен и чем-то расстроен.

— Опять в поисках? — спросила Крис.

— Что ты имеешь в виду, черт возьми? — огрызнулся он.

— У тебя озабоченный вид.

В таком состоянии она его уже видела, когда снимали фильм в Лозанне. Они остановились в приличной гостинице с видом на Женевское озеро. В первую ночь после приезда Крис никак не могла заснуть. В пять часов утра она вскочила с кровати, оделась и спустилась вниз, чтобы выпить чашечку кофе или просто поболтать с кем-нибудь. Ожидая в коридоре лифт, она выглянула в окно и увидела Дэннингса. Он вышагивал вдоль берега озера, засунув руки в карманы пальто, и не обращал никакого внимания на жуткий холод. Когда Крис спустилась в вестибюль, Бэрк как раз входил в гостиницу.

— Ни одной шлюхи на горизонте! — разочарованно выпалил он, проходя мимо нее с опущенными глазами.

Затем Дэннингс вошел в лифт и поднялся к себе в номер спать. Позже, когда Крис со смехом вспомнила этот случай, Дэннингс пришел в ярость, объявил публично, что она страдает «избытком галлюцинаций», и добавил, что верят ей только потому, что она кинозвезда. Тогда Бэрк назвал ее ненормальной, а несколько позже спокойно объяснил (чтобы не обижать ее), что, возможно, она кого-то и видела, но по ошибке приняла за Дэннингса. «Кстати,— заметил он,— моя прапрабабушка, кажется, была родом из Швейцарии».

Крис подошла к бару и напомнила ему об этом случае.

— Не будь дурой! — закричал Дэннингс.— Я провел целый вечер за чаем, я был на факультетском чаепитии!

Крис облокотилась о стойку бара.

— Так ты пил только чай?

— Да, не ухмыляйся так глупо.

— И нализался чаем,— сухо отрезала она.— Вместе с иезуитами.

— Нет, иезуиты были трезвые.

— Они не пьют?

— Ты что, рехнулась? — продолжал кричать Бэрк.— Они нажрались! Никогда в жизни не встречал таких алкашей!

— Потише, Бэрк, не забывай: здесь Риган.

— Да, Риган,— зашептал Дэннингс.— Дай скорее выпить, черт тебя дери!

— Что же ты делал на факультетском чаепитии?

— Идиотская общественная деятельность, вечно приходится заниматься какой-нибудь ерундой.

Крис протянула ему стакан джина со льдом.

— Мы обсуждали, как сильно испоганили их территорию,— пробурчал режиссер. Он поднес стакан к губам и сделал набожный вид.— Ну да, смейся. Все, что ты умеешь,— это смеяться и вертеть задом.

— Я только улыбнулась.

— Ну, все равно. Лучше скажи, как у тебя дела.

Крис неопределенно пожала плечами.

— У тебя плохое настроение? В чем дело?

— Не знаю.

— Не рассказывай сказки.

— Чертовщина какая-то, я, пожалуй, тоже выпью,— сказала она, протягивая руку за стаканом.

— Правильно, это полезно для желудка. Ну, так в чем же дело?

Крис медленно налила себе водки.

— Ты когда-нибудь думал о смерти?

— Извини, но...

— Да, о смерти,— перебила она его.— Думал когда-нибудь, Бэрк? Что это такое? Я хочу сказать, на самом деле, что это такое?

— Не знаю,— ответил Дэннингс слегка раздраженно.— Нет, не знаю. Я вообще об этом не думаю. Я воспринимаю смерть, как она есть, и все. Какого черта ты вздумала говорить об этом?

Крис пожала плечами.

— Не знаю,— медленно произнесла она. Бросила кусочек льда себе в стакан и задумчиво наблюдала за ним.— Да... да... я думаю, это что-то вроде... как сон в момент пробуждения. Я хочу сказать, что именно так мне показалось... что смерть... именно такая. Я имею в виду конец, конец, я раньше никогда об этом не думала.— Крис потрясла головой.— О Боже, меня даже в дрожь бросило! Мне показалось, что я падаю с нашей проклятой планеты со скоростью сто миллионов в час.

— Чушь! Смерть — это покой,— вздохнул Дэннингс.

— Но только не для меня, дорогой мой.

— Твоя жизнь будет продолжаться в твоих детях.

— Перестань! Мои дети — это не я.

— Да, и слава Богу! Одной такой вполне достаточно.

— Нет, Бэрк, ты только вдумайся! Никогда больше не существовать! Это...

— О Господи помилуй! Приходи на факультетское чаепитие на следующей неделе, и, может, священники тебя успокоят.

Бэрк поставил стакан.

— Давай лучше выпьем.

— Знаешь, а я и не догадывалась, что они пьют.

— Ты просто глупая.

В его глазах сверкнула злоба. Бэрк приближался к агрессивной стадии опьянения. Крис задумалась. Ей показалось, что она задела его за живое.

— Они ходят исповедоваться? — спросила она.

— Откуда я знаю? — неожиданно взревел Бэрк.

— А ты разве не учился на...

— Где этот проклятый джин?

— Хочешь кофе?

— Не будь дурой. Я хочу выпить.

— Выпей кофе.

— Ну перестань! Давай, налей на дорожку.

— Что-нибудь полегче?

— Нет, никакой дряни. Терпеть не могу пить всякую пакость. Ну, давай же, наливай, в конце концов!

Бэрк протянул стакан, и Крис плеснула ему немного джина.

— Может, мне пригласить двух или трех священников к себе?

— Кого?

— Я не знаю.— Она снова пожала плечами.— Ну, кого-нибудь поважнее, повыше рангом.

— От них потом не отвяжешься. Все они ворюги и зануды,— выпалил Бэрк и залпом осушил стакан.

«Да, он начисто забывается». Крис быстро переменила тему. Она рассказала о новом сценарии и о том, что ее приглашают на съемки в качестве режиссера.

— Неплохо,— пробормотал Дэннингс.

— Но я боюсь.

— Ерунда. Самое главное — это заставить всех поверить в то, что поставить фильм было очень сложно. В первый раз я не понимал этого, зато теперь я, как видишь, на высоте. Это элементарно.

— Бэрк, если говорить честно, то именно сейчас, когда мне сделали такое предложение, я чувствую себя очень неуверенно. И особенно в отношении технической стороны дела.

— Послушай, предоставь это другим. У тебя будут операторы, редакторы, сценаристы. Подыщи хороших специалистов, и они обо всем позаботятся. Самое важное — это работа с актерами, а здесь ты справишься превосход-

но. Ты ведь можешь не только на словах объяснить им, как двигаться и произносить реплики, милая, но и показать. Вспомни Пола Ньюмена в «Рэчел, Рэчел...» и не впадай в истерику.

Крис по-прежнему переполняли сомнения.

— И все-таки как насчет технической стороны дела, подбора актеров и вспомогательного персонала? — обеспокоенно спросила она.

Пьяный или трезвый, Дэннингс был как-никак одним из лучших режиссеров, и Крис очень нужны были его советы.

Битый час она вникала в таинство режиссерского искусства.

В принципе, все необходимые сведения можно было найти в соответствующей литературе. Но чтение утомляло Крис, ей не хватало терпения. Вместо этого она предпочитала «читать» людей. Любознательная от природы, она расспрашивала их, старалась выудить как можно больше информации — так сказать, выжать из окружающих все, что только возможно. С книгами этот номер не проходил. В то же время в них было слишком много лишних слов. Авторы, например, писали «следовательно» и «очевидно», хотя на самом деле из их изложения ничего не следовало и уж тем более ничего очевидного не было и в помине. При этом их уклончивые разглагольствования нельзя было ни проверить, ни оспорить. Их невозможно было прервать на полуслове, заявив нечто вроде: «Погоди-погоди, я не понимаю. Давай-ка еще раз и поподробнее...» Книги не поймаешь на слове, не заставишь пуститься в долгие объяснения, не покритикуешь... Они в чем-то похожи на Карла.

— Дорогая моя, единственное, что тебе нужно,— это найти хорошего редактора,— усмехнулся Дэннингс, закругляя разговор.— Человека, действительно разбирающегося в этом деле.

Опасный момент агрессивности миновал, и теперь Бэрк являл собой очаровательного собеседника.

— Извините, мадам. Вы что-то хотели?

У дверей кабинета стоял Карл.

— А, привет, Торндайк,— засмеялся Бэрк.— Или это Генрих? Никак не могу запомнить.

— Это Карл.

— Ах да, конечно. Как же я мог забыть, черт меня побери! Скажи-ка, Карл, ты был внештатным осведомителем при гестапо или официальным? Мне кажется, здесь есть разница.

Карл вежливо ответил:

— Ни тем ни другим, сэр, я швейцарец.

— Да-да, конечно,— захохотал Дэннингс.— И ты, конечно же, никогда не играл с Геббельсом?

Непроницаемый Карл повернулся к Крис.

— И никогда не летал вместе с Рудольфом Гессом?

— Мадам чего-нибудь желает?

— Я не знаю. Бэрк, ты хочешь кофе?

— А пошел твой кофе...

Бэрк резко встал и, выйдя с воинственным видом из комнаты, покинул дом.

Крис покачала головой и повернулась к Карлу.

— Отключи телефон,— произнесла она равнодушно.

— Хорошо, мадам. Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо. Где Ригс?

— Внизу, в детской. Позвать ее?

— Да, уже пора спать. Нет, погоди, не надо. Я пойду к ней, взгляну на птицу.

— Хорошо, мадам.

— И в сотый раз прошу прощения за Бэрка.

— Я не обращаю внимания.

— Знаю. Вот это его и бесит.

Крис вышла в коридор, открыла дверь на первый этаж и крикнула сверху:

— Эй, разбойница! Ты что там делаешь? Птица готова?

— Да, иди посмотри. Спускайся сюда, я ее уже закончила.

Детская была тоже отделана деревянными панелями и в целом выглядела очень веселой и нарядной: пюпитр для чтения и мольберт, картинки, рисунки, фотографии, столики для игр и занятия лепкой... Гирлянды красно-белых флажков остались здесь, видимо, от какого-то праздника, организованного для сына прежних жильцов.

— Ну, ты молодчина! — воскликнула Крис, когда дочка протянула ей фигурку птицы.

Та еще не совсем высохла, и краски немного растеклись. Птица была выкрашена в оранжевый цвет, а клюв — в зеленую и белую полосочку. К голове был приклеен хохолок из перьев.

— Тебе нравится? — спросила Риган.

— Да, крошка, очень нравится. Как ее зовут?

— М-м-м...

— Так как мы ее назовем?

— Не знаю.— Риган пожала плечами.

— Давай подумаем.— Крис с серьезным видом прижала палец к губам.— Может быть, Птичка-Глупышка? А? Просто — Птичка-Глупышка.

Риган прыснула и прикрыла рот ладонью, чтобы не расхохотаться. Она радостно закивала.

— Итак, Птичка-Глупышка большинством голосов! Пусть останется здесь и подсохнет, а потом я отнесу ее в свою комнату.

Крис поставила птицу на место и вдруг заметила планшетку для спиритических сеансов. Она лежала рядом на столе. Крис была любопытна и в свое время купила эту планшетку, чтобы исследовать собственное подсознание. Но у нее ничего не получилось. Пару раз она пробовала с Шарон и один раз с Дэннингсом. Но Бэрк очень ловко научился управлять планшеткой («Так это ты ее все время двигаешь, голубчик?»), и все «послания» были начинены ругательствами. Впоследствии Дэннингс сваливал все на «этих дефективных духов».

— Ты играешь с планшеткой?

— Ага.

— Ты умеешь?

— Ну конечно. Давай я тебе покажу.— Она с готовностью подошла к столу.

— Я думала, что для игры нужно два человека.

— Совсем не обязательно, я все время играю одна.

Крис пододвинула стул.

— Давай играть вдвоем, хорошо?

Секунду девочка раздумывала.

— Хорошо.

Риган пододвинула пальцы к белой планшетке, и, как только Крис захотела до нее дотронуться, планшетка резко повернулась и остановилась у отметки «нет».

Крис лукаво улыбнулась:

— Это значит: «Мамочка, я хочу поиграть одна»? Ты не хочешь, чтобы я с тобой играла?

— Нет, я хочу. Это капитан Гауди сказал «нет».

— Какой капитан?

— Капитан Гауди.

— Малышка, а кто такой этот капитан Гауди?

— Ты знаешь... Ну, я задаю ему вопросы, а он отвечает.

— Да?

— Да, он очень хороший.

Крис чуть заметно нахмурилась. Она вдруг встревожилась. Риган любила своего отца, но внешне никак не отреагировала на развод родителей. А вдруг она плакала в своей комнате, но Крис даже не знала этого? Она боялась, как бы депрессия и другие отрицательные эмоции не отразились на здоровье Риган. Фантазии, выдуманный друг. Это было уже явное отклонение. И почему Гауди? Вроде бы был такой известный архитектор...

— Как же так, то ты не можешь придумать имени для своей птички, то вдруг у тебя появляется капитан Гауди? Почему ты называешь его «капитан Гауди»?

— Потому что его так зовут,— улыбнулась Риган.

— Кто это сказал?

— Ну он, конечно.

— А что он тебе еще говорит?

— Ерунду.

— Какую ерунду?

— Просто ерунду.

— Например?

— Сейчас увидишь. Я у него кое-что спрошу.

— Пожалуйста.

Риган прикоснулась пальцами к планшетке, уставилась на дощечку и сосредоточилась:

— Капитан Гауди, моя мама красивая?

Секунда... пять секунд... десять... двадцать...

— Капитан Гауди?

Прошло еще несколько секунд. Крис была удивлена. Она была уверена, что ее дочь сама сдвинет планшетку на отметку «да».

«Боже мой, что же это такое? Бессознательная неприязнь? Нет, этого не может быть».

— Капитан Гауди, это уже невежливо,— обиделась Риган.

— Малышка, а может, он уже спит?

— Ты думаешь?

— Я думаю, что и тебе пора спать.

— Уже? Он дурачина,— пробурчала Риган и пошла за матерью наверх.

Крис уложила ее в постель и села рядом.

— Кроха, в воскресенье я не работаю. Хочешь куда-нибудь пойти?

— Куда?

Несколько раз Крис пыталась найти для Риган подруг. Ей удалось познакомиться с одной двенадцатилетней девочкой по имени Джуди. Но сейчас Джуди уехала на пасхальные каникулы, и Крис показалось, что Риган чувствует себя одинокой.

— Ну, я не знаю,— ответила Крис.— Куда-нибудь. Давай посмотрим город. А может, пойдем к цветущим вишням? Вот это мысль, они наверняка уже цветут. Ты хочешь?

— Конечно хочу, ма.

— А завтра вечером пойдем в кино. Ладно?

— Как я тебя люблю!

Риган обняла ее, и Крис в ответ крепко прижала девочку к себе, прошептав:

— Ригс, милая, я тебя тоже очень люблю!

— Можешь пригласить и мистера Дэннингса, если хочешь.

Крис удивилась:

— Мистера Дэннингса?

— Да, все нормально. Я не против.

Крис засмеялась:

— Нет, не нормально. Почему я должна приглашать мистера Дэннингса?

— Он же тебе нравится.

— А тебе он разве не нравится?

Риган не ответила.

— Крошка моя, что с тобой происходит? — Крис решила все у нее выпытать.

— Ведь ты же собираешься выйти за него замуж.— Это был уже не вопрос, а утверждение.

Крис рассмеялась:

— Малышка моя, конечно нет! О чем ты говоришь? И как это пришло тебе в голову?

— Но он же тебе нравится.

— Мне нравятся пироги, но я не собираюсь выходить за них замуж. Малышка, он мой друг, просто старый хороший друг.

— Тебе он нравится не так, как папа?

— Я люблю твоего папу и всегда буду любить твоего папу, а мистер Дэннингс часто ко мне приходит, потому что ему скучно, он совсем один, вот и все. Он мой друг.

— А я слышала...

— Ты слышала? От кого ты слышала?

В глазах дочери еще проглядывало сомнение, но вскоре оно рассеялось.

— Не знаю. Я просто подумала.

— Ну, это совсем глупо. Забудь.

— Хорошо.

— А теперь спи.

— Можно, я почитаю? Я не хочу спать.

— Конечно можно. Почитай немного и ложись спать.

— Спасибо, мамочка.

— Спокойной ночи, кроха.

— Спокойной ночи.

Крис послала ей воздушный поцелуй и вышла.

«Ох уж эти дети! Откуда они столько выдумывают?» — вздохнула она, спускаясь по лестнице.

Крис стало любопытно, не считает ли Риган Дэннингса причиной развода. Ну нет, это уж совсем глупо. Риган знала только, что Крис подала на развод. Этого хотел Говард. Причиной, как он считал, являлись длительные разлуки и подавление его личности, поскольку никто не воспринимал его иначе как мужа кинозвезды. Риган ничего этого не знала. «Ну, хватит. Прекрати заниматься дилетантским психоанализом и займись дочерью».

Крис вернулась в кабинет. Она заметила сценарий и решила еще раз перечитать его. На середине Крис вдруг подняла глаза и увидела перед собой Риган.

— Привет, что случилось?

— Мам, там какие-то странные звуки.

— В твоей комнате?

— Как будто кто-то стучится. Я не могу заснуть.

«Где, черт возьми, эти мышеловки?!»

— Кроха, ложись в моей спальне, а я пойду посмотрю.

Крис проводила ее до спальни и уложила.

— Можно, я немножко посмотрю телевизор?

— А где книга?

— Не могу найти. Можно?

— Конечно.— Крис включила маленький переносной телевизор.— Так не громко?

— Нормально.

— И постарайся заснуть.

Крис выключила свет и направилась в коридор. Оттуда по узкой лесенке, покрытой коврами, она поднялась на чердак, открыла дверь, на ощупь включила свет и, пригнувшись, прошла вперед.

На сосновом полу валялись картонные коробки из-под посылок. И ничего больше, не считая шести мышеловок. Все шесть были начинены приманкой. На всем чердаке ни одной пылинки. В воздухе пахло свежестью и чистотой. Чердак не обогревался. Тут не было никаких труб и батарей. Не было и дыр в крыше.

— Ничего нет.

Крис похолодела от ужаса. «Боже мой!» Она прижала руку к тяжело бьющемуся сердцу и оглянулась.

— Господи, Карл!

Он стоял у входа на чердак.

— Извините, но вы видите сами. Здесь чисто.

— Да, все чисто. Большое спасибо.

— Может, лучше кошку?

— Что?

— Ловить крыс.

Не дожидаясь ответа, он кивнул головой и вышел. Крис посмотрела ему вслед. Либо у Карла чувство юмора отсутствовало полностью, либо было настолько глубоко запрятано, что ускользало от ее внимания.

Крис вспомнила о звуках. Поглядела на крышу. Улица была густо засажена деревьями, стволы которых обвивали плющ и другие ползучие растения. Ветви лип скрывали добрую треть особняка. Может быть, и в самом деле виной всему белки? Наверняка. Или ветви. Да, скорее всего ветви. Ночью дул сильный ветер.

«Может, лучше кошку?» Крис вспомнила Карла. «Кто он: идиот или притворяется?» Она лукаво улыбнулась, как девчонка, придумавшая очередную шалость, спустилась в спальню Риган, подняла что-то с пола, опять прошла на чердак и через минуту вернулась в свою спальню. Риган спала.

Крис перенесла дочку в ее комнату и вернулась к себе. Затем выключила телевизор и заснула.

До утра в доме стояла тишина.

Во время завтрака Крис как бы между прочим заметила Карлу, что ночью слышала звук захлопнувшейся мышеловки.

— Ты посмотришь? — спросила она, потягивая кофе и делая вид, будто полностью поглощена чтением газеты.

Не сказав ни слова, Карл поднялся на чердак.

Крис направилась к лестнице и по дороге встретила Карла, спускавшегося с чердака. В руках он держал большую плюшевую мышь. Он нашел ее в мышеловке.

Крис, удивленно подняв брови, уставилась на мышь.

— Кто-то шутит,— пробормотал Карл, проходя мимо нее, и понес игрушку в спальню Риган.

«Сколько интересного происходит в доме,— заметила про себя Крис, входя в спальню. Она сняла халат и стала готовиться к съемкам.— Да, может быть, лучше кошку, старый осел. Гораздо лучше».

Она усмехнулась, и лицо ее сразу сморщилось.

Съемки шли успешно. К двенадцати часам дня пришла Шарон, и в коротких перерывах они занимались делами в гримерной Крис. Написали письмо агенту с обещаниями обдумать предложение, дали согласие на приглашение в Белый дом, сочинили телеграмму Говарду, напомнив ему, чтобы он позвонил Риган в день ее рождения, настрочили менеджеру Крис просьбу об отпуске и составили план проведения вечеринки, которую решено было устроить двадцать третьего апреля.

Вечером Крис повела Риган в кино, а на следующий день на «ягуаре», принадлежащем Крис, они поехали осматривать достопримечательности Вашингтона. Они посетили Мемориал Линкольна, Капитолий, лагуну цветущих вишен. Потом поехали на Арлингтонское кладбище к могиле Не-

известного солдата. Риган вдруг посерьезнела, а у могилы Джона Ф. Кеннеди даже слегка взгрустнула. Она долго глядела на Вечный огонь, потом вдруг взяла мать за руку.

— Ма, а почему люди должны умирать?

Эти слова ранили Крис. «О Ригс, и ты тоже? Неужели и ты? Нет-нет!» Что она могла ответить ей? Соврать она не могла. Крис всмотрелась в поднятое к ней личико дочери, в ее блестевшие слезами глаза. Неужели Риган читала ее собственные мысли? У нее это всегда получалось. Всегда получалось раньше...

— Малышка, люди очень устают,— ответила Крис.

— Почему же Бог позволяет им уставать?

Крис удивилась и забеспокоилась. Сама она была атеисткой и никогда не говорила с Риган о религии, считая, что это было бы нечестно.

— Кто рассказал тебе про Бога?

— Шарон.

— Понятно. Надо будет с ней поговорить.

— Ма, ну почему Бог разрешает нам уставать?

Крис посмотрела в эти глаза, ждущие ответа, увидела в них боль и сдалась — она не могла рассказать ей то, что сама считала правдой.

— Понимаешь, Ригс, Бог скучает по нам и хочет, чтобы мы к нему вернулись.

Риган ничего не ответила. Молчала она и по дороге домой. В таком настроении девочка пребывала еще в течение двух дней.

Во вторник был день рождения Риган, и ее настроение, казалось, улучшилось. Крис прихватила ее с собой на съемки, и, когда рабочий день закончился, все участники фильма спели Риган песню «С днем рождения», а потом подарили торт. Дэннингс, в трезвом состоянии всегда добрый, зажег юпитеры и заснял момент, когда Риган разрезала торт. Он назвал это пробной съемкой и пообещал впоследствии сделать ее кинозвездой. Риган веселилась от души.

Но после обеда, получив подарки, девочка опять заскучала. Говард так и не позвонил. Крис сама набрала его но-

мер в Риме, и портье ответил, что Говард отсутствует уже несколько дней. Наверное, катается где-нибудь на яхте. Крис извинилась и повесила трубку. Риган понимающе кивнула головой. Но настроение у нее было окончательно испорчено. Девочка отказалась даже выпить шоколадный коктейль. Ничего не сказав, она пошла в детскую и оставалась там до вечера.

На следующий день Крис проснулась и увидела рядом с собой полусонную дочь.

— Что такое? Какого... Что ты здесь делаешь? — улыбнулась она.

— Моя кровать трясется.

— Ты с ума сошла.— Крис поцеловала ее и накрыла одеялом.— Иди поспи, еще рано.

То, что казалось утром, было на самом деле началом бесконечной ночи.

Глава вторая

Священник стоял в метро на краю пустынной платформы и прислушивался к грохоту поездов, который заглушал боль, никак не утихавшую в нем уже долгое время. Но, так же как и сердцебиение, особенно отчетливо боль ощущалась в тишине. Святой отец переложил портфель из одной руки в другую и пристально вгляделся в нутро туннеля. Цветные огоньки убегали вдаль, и казалось, что они освещают дорогу к отчаянию и безнадежности.

Послышался кашель. Священник обернулся. Какой-то седой бродяга сидел на полу в луже собственной мочи и не шевелился. У него было сморщенное, измученное лицо, а в желтых глазах светилась тоска.

Священник отвернулся. Сейчас этот бродяга подойдет к нему и начнет скулить: «Помогите старому дьяцку, отця! Позалейте!» Рука, испачканная в блевотине, коснется его плеча, потом станет судорожно нащупывать медаль на груди этого убогого. Воздух был полон отблесками тысяч

исповедей, смешанных с запахом вина, чеснока и сотен других исконно человеческих грехов, выплеснувшихся наружу... Они обволакивают... душат... душат...

Священник почувствовал, что бродяга медленно поднимается.

«Не подходи!»

Шаги.

«Боже, спаси и сохрани!»

— Эй, отця!

Священник вздрогнул. И поник. Он не мог обернуться. Не мог видеть Христа, стонущего в этих пустых глазах, Христа, страдающего от гнойных ран и кровавого поноса, того Христа, который не мог дольше жить. Невольно он потрогал свой рукав, будто проверял, на месте ли траурная повязка. Смутно он припомнил и другого Христа.

— Эй, отця!

Послышался шум приближающегося поезда. Сзади кто-то споткнулся. Священник оглянулся на бродягу. Тот зашатался. Затем оступился и упал. Не размышляя ни секунды, святой отец рванулся к нему, подхватил и подтащил к скамейке у стены.

— Я католик...— пробормотал несчастный.— Католик...

Священник попытался успокоить его. Он осторожно положил нищего на скамейку. В этот момент подошел поезд. Священник быстро достал из бумажника доллар и сунул его бродяге в жилет. Потом ему показалось, что так доллар может потеряться. Он вытащил банкноту и запихнул ее поглубже в карман мокрых брюк. Затем поднял свой портфель и вошел в поезд.

Он сел в углу и притворился спящим. На конечной остановке он сошел и пешком побрел в Фордхэмский университет. Доллар, доставшийся бродяге, предназначался для оплаты такси.

Войдя в зал для приезжих, священник вписал свое имя в специальный журнал. Дэмьен Каррас. Потом проверил запись. Ему показалось, что чего-то не хватает. Подумав,

он приписал к своему имени еще три слова: «член ордена иезуитов».

Каррас снял комнату в «Уэйджел-Холл» и уже через час крепко спал.

На следующий день ему надо было идти на собрание Американского психиатрического общества. Священник должен был выступить с основным докладом на тему «Психологические аспекты духовного развития». После собрания он вместе с другими психиатрами отправился на вечеринку, но ушел оттуда рано. Ему еще надо было зайти к матери.

Каррас подошел к полуобвалившемуся, построенному из песчаника дому, расположенному в восточной части Манхэттена, на Двадцать первой улице. Остановившись у лестницы, ведущей наверх, он заметил играющих неподалеку детишек. Неухоженные, плохо одетые, бездомные создания. Ему вспомнились унижения, которые приходилось терпеть, лишь бы не быть выселенными из дома.

Каррас поднялся по лестнице и с болью толкнул дверь, будто вскрывал незажившую рану. Приторно пахло гнилью. Он вспомнил, как ходил в гости к миссис Корелли в ее крошечную каморку с восемнадцатью кошками, и ухватился за поручни. Неожиданно его охватила слабость. Он почувствовал свою вину. Нельзя было оставлять ее одну.

Мать очень обрадовалась, увидев его. Даже вскрикнула от радости. Расцеловала и бросилась на кухню варить кофе. Темные волосы, узловатые, разбухшие вены на ногах. Дэмьен сидел на кухне и слушал ее бесконечное щебетание. Он разглядывал выцветшие обои и грязный пол, которые так часто всплывали в его памяти. Жалкая лачуга! Помощь от конторы социального обеспечения и несколько долларов в месяц от брата — вот и все доходы матери.

Мать села за стол. Заговорила о своих знакомых. В ее речи до сих пор слышался акцент. Дэмьен пытался не смотреть в полные грусти глаза. Он не должен был оставлять ее одну.

Дэмьен, правда, написал ей несколько писем. Но мать не умела ни читать, ни писать по-английски. Тогда он починил старый треснувший радиоприемник. У нее появился свой мирок, полный новостей и сообщений о майоре Линдсее.

Дэмьен прошел в ванную. Пожелтевшие газеты, наклеенные на треснувшие кафельные плитки. Проржавевшие раковина и ванна. Да, в этом доме он впервые ощутил свое призвание. Здесь он понял суть любви. Теперь любовь остыла. И тем не менее по ночам он чувствовал, как она, хоть и остывшая, по-прежнему воет в его сердце подобно осеннему заблудившемуся ветру.

Без четверти одиннадцать Каррас поцеловал мать и, попрощавшись, обещал при первой же возможности вернуться. Он ушел, а старый приемник все сообщал и сообщал ей о происходящих в мире событиях...

Вернувшись в свою комнату в «Уэйджел-Холл», Каррас еще раз обдумал текст письма к архиепископу штата Мэриленд. Когда-то он хорошо знал его. Священник просил перевести его в Нью-Йорк, чтобы быть поближе к матери. Просил о должности учителя и об освобождении от прежних обязанностей. При этом Каррас ссылался на свою «непригодность» к священнослужению.

Мэрилендский архиепископ познакомился с ним во время ежегодной инспекции в Джорджтаунском университете. Эта процедура напоминала проверку в армии, когда генерал лично выслушивает жалобы и просьбы подчиненных. Услышав просьбу о переводе, о необходимости быть поближе к матери, архиепископ согласно и понимающе кивнул, но когда дело дошло до «непригодности» к службе, он возразил.

Каррас настаивал на своем:

— Видишь ли, Том, дело здесь даже не в психиатрии. Ты же сам знаешь. Некоторые проблемы переиначивают

человеческую жизнь, придают ей иной смысл. Это просто ад, и не только секс играет здесь свою роль, а прежде всего — их вера. Я больше так не могу. Это слишком. Я выхожу из игры. У меня появились свои проблемы, вернее, сомнения.

— А у кого их нет, Дэмьен?

Архиепископ был всегда очень занят и не располагал временем, чтобы выпытывать у Карраса настоящие причины. Дэмьен был благодарен ему за это. Он знал, что ответы его все равно покажутся безумными: необходимость пожирать пищу, а затем ею же и гадить. Вонючие носки. Юродивые дети. Он не мог упомянуть и о газетной статье, в которой говорилось о молодом священнике, стоявшем на автобусной остановке. О том, как незнакомые люди облили его керосином и подожгли. Нет. Это слишком. Все это так непонятно. И в то же время так реально! Молчание Бога тоже корнями уходило в туман. В мире так много зла. И большая часть его родилась из сомнений добрых и честных людей. Разумный Бог должен покончить с этим. Он должен показаться людям. Должен заговорить.

«Боже, дай нам знамение».

Воскрешение Лазаря ушло в далекое прошлое. Никто из живых не слышал его смеха.

«Почему нет знамения?»

Очень часто Дэмьену хотелось жить в одно время с Христом, видеть его, дотрагиваться до него, смотреть ему в глаза. «О Господь, дай мне увидеть Тебя! Дай мне узнать Тебя! Приди ко мне хотя бы во сне!»

Сильная тоска охватила его.

Каррас сидел за письменным столом и держал ручку. Возможно, не отсутствие времени заставило архиепископа молчать. Видимо, он понял, что вера и любовь неразделимы.

Архиепископ обещал рассмотреть просьбу Дэмьена, но до сих пор так и не дал ответа. Каррас написал письмо и пошел спать.

Он с трудом проснулся в пять часов утра и пошел в часовню «Уэйджел-Холл». Там он достал гостию*, вернулся в свою комнату и стал молиться.

«Et clamor meus ad te veniat»,— страдальчески шептал он.— «Да приблизится к тебе вопль мой...»

Сосредоточившись, Дэмьен поднял гостию со смутным воспоминанием прежней радости. В этот момент он почувствовал на себе пристальный взгляд, светящийся издалека и несущий в себе давно потерянную любовь.

Священник разломил гостию над потиром.

— В мире я оставляю тебя. Мое смирение я отдаю тебе.— Дэмьен сунул гостию в рот и проглотил вместе с комком отчаяния, застрявшим в горле.

Когда месса была окончена, Каррас тщательно вытер потир и осторожно положил его в портфель. Затем быстро встал и пошел на вокзал. Священник торопился на утренний поезд в Вашингтон и уносил в своем черном чемоданчике боль и страдание.

Глава третья

Ранним утром одиннадцатого апреля Крис вызвала по телефону своего врача в Лос-Анджелесе и попросила его проконсультироваться у известного психиатра относительно Риган.

— Что случилось?

Крис объяснила. На другой день после дня рождения она вдруг заметила резкую перемену в поведении и настроении дочери. Бессонница. Раздражительность. Приступы злости. Она разбрасывала вещи. Кричала без причины. Не ела. Вдобавок ко всему у нее появился избыток энергии. Она постоянно двигалась, бегала, топала ногами, прыгала и ломала вещи. Совсем не занималась уроками.

---

* Ритуальный хлеб у католиков.

Выдумала себе несуществующего друга. И совершенно ненормальными способами привлекала к себе внимание.

— Например? — спросил врач.

Во-первых, стук. С тех пор как Крис обследовала чердак, она слышала этот стук еще пару раз. Риган находилась в своей комнате. Когда же Крис входила к ней, стук прекращался. Во-вторых, Риган постоянно «теряла» вещи: то платье, то зубную щетку, то книги, то туфли. Она жаловалась, что кто-то «двигает» ее мебель. В довершение всего утром после вечеринки в Белом доме Крис увидела, что Карл передвигает письменный стол в спальне Риган с середины комнаты на прежнее место. Когда Крис спросила его, что он делает, он повторил свои слова «кто-то шутит» и отказался от дальнейшего обсуждения этого вопроса. Вскоре Риган пожаловалась матери, что ночью, пока она спала, кто-то опять переставил всю ее мебель.

После этого случая все подозрения Крис слились воедино. Стало ясно, что все это делает сама Риган.

— Ты имеешь в виду лунатизм? Она делает все это во сне?

— Нет, Марк. Она делает это вполне сознательно. Чтобы привлечь к себе внимание.

Крис рассказала и о трясущейся кровати. Это повторилось еще дважды, и каждый раз Риган просилась спать вместе с матерью.

— Ну уж у этого может быть вполне реальная основа,— предположил врач.

— Нет, Марк, я не говорю, что кровать тряслась. Я сказала, что она говорит, будто кровать трясется.

— А ты уверена, что кровать не трясется?

— Нет.

— Возможно, это клонические судороги,— пробормотал врач.

— Что-что?

— Температура есть?

— Нет. Ну и что ты думаешь по этому поводу? — спросила Крис.— Вести ее к психиатру?

— Крис, ты говорила про уроки. Как у нее с математикой?

— А почему ты спрашиваешь?

— Ты мне не ответила,— настаивал Марк.

— Ужасно. То есть вдруг неожиданно стало очень плохо.

Марк замычал.

— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Это один из признаков синдрома.

— Какого синдрома?

— Ничего серьезного. Но по телефону я не хочу высказывать никаких догадок. У тебя ручка рядом?

Марк хотел посоветовать ей хорошего терапевта в Вашингтоне.

— Марк, а ты не мог бы приехать и осмотреть ее сам?

Крис вспомнила про Джеми. Затянувшаяся инфекция. Врач прописал новый универсальный антибиотик. Выдавая лекарство в аптеке, фармацевт недоверчиво посмотрел на нее: «Не хочу тревожить вас, мэм, но это... Видите ли, это совсем новое лекарство, и некоторые врачи из штата Джорджия считают, что оно вызывает апластическую анемию в...» Джеми. Джеми умер. И с тех пор Крис больше не доверяла врачам. Только Марку. Да и то не сразу, а по истечении многих лет.

— Марк, ну я прошу тебя,— взмолилась она.

— Нет, я не могу. Да ты не волнуйся. Это очень хороший врач. Возьми ручку.

Молчание. Потом:

— Ну ладно.

Крис записала фамилию.

— Пусть осмотрит ее и позвонит мне,— сказал врач.— И забудь о психиатре.

— Ты уверен в этом?

Марк объяснил ей, что обычно все торопятся с выводами и забывают простую вещь: болезнь тела очень часто начинается с нарушения работы мозга.

— Что бы ты сказала,— продолжал он,— если была бы моим врачом, да простит мне Бог, а я бы поведал тебе, что меня мучают головные боли, ночные кошмары, тошнота, бессонница и искры перед глазами. К тому же я постоянно ощущаю беспокойство и неуверенность в работе. Ты бы, конечно, сказала, что я нервнобольной!

— Нашел кого спрашивать, Марк! Я-то уж знаю, что ты сумасшедший!

— А ведь это симптомы опухоли мозга, Крис. Проверь тело. Это во-первых. А там будет видно.

Крис сразу же позвонила терапевту и договорилась о приеме. Времени у нее было достаточно. Съемки закончились, по крайней мере для нее. Бэрк Дэннингс продолжал работать со «вторым составом», снимая второстепенные сцены.

Больница находилась в Арлингтоне. Доктора звали Сэмьюэл Кляйн. Пока раздраженная происходящим Риган нетерпеливо ожидала в смотровой, Кляйн усадил Крис в своем кабинете и выслушал историю болезни девочки. Крис рассказала все. Врач кивал, изредка что-то записывая в блокнот. Когда Крис упомянула трясущуюся кровать, доктор нахмурился. Крис продолжала:

— Марк насторожился, когда узнал, что у Риган стало плохо с математикой. Почему?

— В смысле с уроками?

— Да, но в особенности с математикой. Почему его это так обеспокоило?

— Давайте не торопиться, миссис Макнил. Я должен сначала обследовать ребенка.

Врач извинился и вышел. Тщательно осмотрев Риган, он взял у нее анализы мочи и крови.

Моча покажет состояние печени и почек, объяснил он, а показатели крови помогут выявить наличие или отсутствие целого ряда заболеваний и нарушений в функционировании организма, таких как диабет, анемия, дисфунк-

ция щитовидной железы, различного рода инфекции и так далее. После этого Кляйн усадил Риган перед собой и беседовал с ней, пристально наблюдая за поведением девочки. Затем он вернулся к Крис и сразу принялся выписывать рецепт.

— Похоже, у нее гиперкинетическое расстройство нервов.

— Что?

— Нервное расстройство. Так, по крайней мере, думаем мы. Сейчас мы точно не знаем, что при этом происходит в организме, но в таком возрасте это часто случается. Все симптомы налицо: ее чрезвычайная активность, темперамент, плохие дела с математикой.

— Да-да, с математикой. Но при чем тут математика?

— Она требует наибольшей сосредоточенности.

Кляйн вырвал листок с рецептом из крошечного голубого блокнота и протянул его Крис:

— Вот вам рецепт на риталин.

— На что?

— Метилфенидат.

— Понятно.

— Будете давать по десять миллиграммов два раза в день. Я советую принимать одну порцию в восемь часов утра, а вторую — в два часа дня.

— А что это? Транквилизатор?

— Стимулятор.

— Стимулятор? Да она сейчас и без этого...

— Состояние девочки не совсем соответствует ее поведению,— объяснил Кляйн.— Это форма перераспределения энергии. Реакция организма на депрессию.

— На депрессию?

Кляйн кивнул.

— Депрессия...— тихо повторила Крис.

— Вы здесь упомянули ее отца,— продолжал Кляйн.

Крис посмотрела на него:

— Так вы думаете, нет необходимости показывать ее психиатру?

— Нет-нет. Давайте подождем и понаблюдаем за действием риталина. Мне кажется, в этом и будет отгадка. Подождем недели две или три.

— Вы считаете, что это нервы?

— Похоже, что так.

— А ее вранье? Оно прекратится?

Его ответ удивил Крис. Кляйн спросил, слышала ли Крис, чтобы Риган ругалась или употребляла неприличные слова.

— Никогда,— ответила Крис.

— Понимаете, это в какой-то степени похоже на ее вранье: так же нетипично для нее, как вы утверждаете. Но при некоторых нервных расстройствах может...

— Подождите-ка,— перебила Крис, пораженная его словами,— откуда вы знаете, что Риган употребляет неприличные слова? Или, может, я что-нибудь не так поняла?

Секунду Кляйн удивленно смотрел на нее, а потом осторожно произнес:

— Да, я хотел сказать, что она знает такие слова. А вы об этом не подозревали?

— Я и до сих пор понятия об этом не имею! О чем вы говорите?

— Ну, в общем, она нецензурно ругалась, пока я осматривал ее, миссис Макнил.

— Да вы шутите! В это трудно поверить.

Врач выглядел смущенным; казалось, он чувствовал себя неловко.

— Знаете, миссис Макнил, ее словарный запас в этой области довольно-таки... как бы это сказать... довольно-таки обширен.

— Что вы имеете в виду? Ну же, приведите хоть один пример!

Кляйн молча пожал плечами.

— Она что, употребляет слова типа «дерьмо» или «трахаться»?

— Да, и эти тоже.

Врач несколько расслабился.

— А какие еще? Говорите конкретно.

— Ну, например, она велела мне убрать чертовы пальцы от ее влагалища...

Крис аж задохнулась от неожиданности.

— Она именно так и сказала?

— Я бы на вашем месте не придавал этому слишком серьезного значения. Дело в том, что подобные проявления свойственны ее заболеванию и встречаются довольно-таки часто. Они тоже служат своего рода признаками наличия синдрома.

Крис лишь покачала низко опущенной головой.

— Я просто ушам своим не верю! — тихо воскликнула она, не отрывая взгляда от собственных туфель.

— Мне кажется, она сама не понимает того, что говорит,— успокоил ее врач.

— Надеюсь,— пробормотала Крис.— Хотелось бы думать, что это так.

— Давайте ей риталин,— посоветовал он.— Посмотрим, что будет дальше. А через две недели я снова ее осмотрю.

Кляйн взглянул на календарь, лежавший на столе.

— Значит, так. Давайте встретимся двадцать седьмого, в среду. Вам удобно? — спросил он, глядя на Крис.

— Да, разумеется,— ответила она, встав со стула, и смяла рецепт в кармане пальто.— До двадцать седьмого, доктор.

— Я поклонник вашего таланта,— улыбаясь, заметил Кляйн и открыл ей дверь.

Крис остановилась и, погруженная в свои мысли, прижала палец к губам. Потом взглянула на доктора:

— Вы все-таки считаете, не надо к психиатру?

— Не знаю. Но самое простое объяснение всегда кажется самым лучшим. Давайте подождем. Увидим, что из этого получится.— Врач обнадеживающе улыбнулся.— А пока что постарайтесь не волноваться.

— Как?

Крис вышла.

По дороге домой Риган выпытывала у матери, что сказал ей доктор.

— Он сказал, что у тебя немного расшатались нервы.

Крис решила ничего не выяснять у Риган относительно нецензурных выражений.

«Это все Бэрк,— твердила она себе.— Девочка нахваталась всей этой гадости от него».

Но немного позже Крис завела разговор с Шарон. Ей необходимо было узнать, слышала ли Шарон, чтобы Риган ругалась.

— Конечно нет,— удивилась Шарон.— Даже в последнее время ничего подобного не слышала. Но мне помнится, что преподаватель рисования и лепки однажды сделал какое-то замечание по этому поводу.

— Давно это было? — спросила Крис.

— Нет, на прошлой неделе. Но ты ее знаешь. Может, девочка чертыхнулась или сказала что-нибудь вроде «чушь собачья».

— Да, кстати, ты что-нибудь говорила Риган о религии?

Шарон вспыхнула.

— Нет, совсем немного. Ты понимаешь, этот вопрос было трудно обойти. Она ведь задает так много вопросов и... ну...— Она беспомощно пожала плечами.— Мне было трудно. Подумай сама, как бы я ей все объяснила, не рассказав о том, что я сама считаю величайшим враньем?

— Расскажи ей все, а что есть правда — пусть сама выбирает.

В последующие дни, вплоть до вечеринки, которую давно запланировала Крис, Риган аккуратно принимала риталин. Крис сама следила за этим. Однако она не заметила никаких перемен к лучшему. Напротив, появились некоторые признаки ухудшения. Провалы памяти, забывчивость, нечистоплотность, жалобы на тошноту. Появился еще один способ привлекать к себе внимание (хотя прежние больше не повторялись): Риган уверяла мать, что в ее

комнате чем-то отвратительно пахнет. Крис принюхивалась, но ничего не ощущала.

— Ты не чувствуешь?

— Ты хочешь сказать, что и сейчас пахнет? — спросила Крис.

— Ну конечно!

— И на что это похоже?

Риган сморщилась:

— Как будто что-то горит.

— Да? — Крис опять принюхалась.

— Неужели не чувствуешь?

— Ну конечно, кроха,— солгала Крис.— Совсем немножко. Давай откроем окно и проветрим комнату.

На самом деле Крис не ощутила никакого запаха, но решила не спорить с Риган, по крайней мере до следующего визита к врачу. Кроме того, у нее было полно дел. Во-первых, надо было готовиться к приему гостей. Во-вторых, требовалось дать окончательный ответ относительно сценария. Перспектива ставить фильм ей нравилась, но давать согласие второпях она не хотела. Между тем агент звонил ей ежедневно. Крис объяснила, что хочет знать мнение Дэннингса, поэтому отдала сценарий ему, и Дэннингс его читает.

В-третьих (и это было самое главное), у Крис провалились сразу две финансовые сделки: покупка обратимых облигаций с предварительным выплачиванием доходов и вклад капитала в ливийскую нефтедобывающую компанию. Таким образом Крис намеревалась оградить свои капиталы от налогов. Но дело обернулось против нее: нефти в Ливии не оказалось, а из-за подскочивших вверх доходов была объявлена срочная распродажа облигаций.

Для обсуждения этих и других проблем приехал менеджер Крис по вопросам бизнеса. Он прибыл в четверг. Переговоры длились всю пятницу. В конце концов Крис во всем согласилась со своим менеджером, который пришел от этого в веселое расположение духа. Лишь один мо-

мент вызвал его недовольство: Крис заявила, что хочет купить «феррари».

— Что? Новую машину?

— А почему бы и нет? Помнишь, я в одном фильме ездила на «феррари». Если написать на завод и напомнить им об этом, может быть, удастся устроить сделку? Как ты думаешь?

Менеджер был против. Он считал, что покупка новой машины была бы расточительством.

— Бен, в прошлом году я заработала восемьсот тысяч, а ты говоришь, что я не могу купить какую-то дурацкую машину! Тебе это не кажется нелепым? Куда же девались деньги?

Бен напомнил ей, что большая часть денег лежит в банке. Потом представил полный список, куда утекают деньги. Федеральный подоходный налог, предстоящий федеральный подоходный налог, налог штата, налог на поместье, десять процентов комиссионных агенту, пять процентов ему, пять процентов агенту по рекламе, один процент с четвертью жертвуется фонду процветания кинематографа, затем шли расходы на туалеты самой последней моды, зарплата Уилли, Карлу и Шарон, управляющему в доме в Лос-Анджелесе, расходы, связанные с поездками в разные города, и, наконец, ежемесячные карманные расходы.

— Ты в этом году будешь еще сниматься? — спросил Бен.

— Не знаю. Ты считаешь, что это необходимо?

— Думаю, да.

Крис подперла руками подбородок и уныло посмотрела на него.

— Может, тогда купим «хонду»?

Бен ничего ей не ответил.

Немного позже Крис решила отложить в сторону все дела и занялась приготовлением к завтрашней вечеринке.

— Давайте не будем устраивать застолье. Сделаем ужин «а-ля фуршет». Приготовим рагу с мясным соусом,— пред-

ложила она Уилли и Карлу.— Стол поставим в углу гостиной. Ладно?

— Очень хорошо, мадам,— быстро согласился Карл.

— Как ты думаешь, Уилли, может быть, сделать на десерт салат из свежих фруктов?

— Это будет великолепно,— одобрил Карл.

— Спасибо.

Крис пригласила на вечер интересную и разношерстную компанию. Кроме Бэрка («Только не напивайся, черт бы тебя побрал!») и молодого ассистента режиссера она ожидала сенатора (с супругой), астронавта (с супругой), двух иезуитов из Джорджтауна, своих соседей, Мэри-Джо Пэррин и Эллен Клиари.

Мэри-Джо Пэррин была седой толстушкой, прослывшей вашингтонской пророчицей. Крис познакомилась с ней на приеме в Белом доме, и та ей очень понравилась. Крис казалось, что эта женщина должна быть строгой, чопорной, но Мэри-Джо Пэррин оказалась простой и добродушной женщиной.

Эллен Клиари, женщина средних лет, работала в госдепартаменте. В свое время, когда Крис увлекалась туризмом и путешествовала по России, Эллен Клиари работала в посольстве США в Москве. В последующие годы Крис с благодарностью вспоминала Эллен и, как только приехала в Вашингтон, тут же решила встретиться с ней.

— Послушай, Шар, а кто придет из священников? — спросила Крис.

— Точно не знаю. Я пригласила президента и декана, но мне кажется, что президент пришлет кого-нибудь вместо себя. Я разговаривала с его секретарем, и он сказал, что президенту обязательно нужно быть вечером в городе.

— Кого же он пришлет? — с интересом спросила Крис.

— Сейчас посмотрю.— Шарон порылась в своих записях.— Вот. Его помощник — отец Джозеф Дайер.

— Он из университета?

— Не уверена.

— Ну ладно, не все ли равно.— Крис была немного разочарована.— Следи завтра за Бэрком,— попросила она.

— Обязательно.

— Где Ригс?

— Внизу.

— Знаешь, может быть, тебе лучше перенести машинку туда? Ты бы смогла печатать и заодно присматривать за девочкой. Ладно? Я не хочу, чтобы она подолгу оставалась одна.

— Неплохая мысль.

— Но это потом. А теперь иди домой. Займись медитацией или чем-нибудь еще... В общем, развлекись немного.

Приготовления подходили к концу. Крис вдруг опять почувствовала тревогу. Она попробовала смотреть телевизор. Но сосредоточиться никак не удавалось. Ей было не по себе. Что-то необычное чувствовалось во всем доме. Какое-то странное спокойствие. Как пыль, застывшая в бликах света.

К полночи все в доме спали. Это была последняя спокойная ночь.

Глава четвертая

В элегантном брючном костюме цвета лайма Крис встречала гостей. Она надела самые удобные свои туфли и возлагала на предстоящий вечер большие надежды.

Первой приехала Мэри-Джо Пэррин вместе со своим сыном — подростком Робертом. Последним прибыл розовощекий отец Дайер. Это был молодой человек маленького роста и очень хрупкого телосложения, робко глядевший на присутствующих сквозь очки в стальной оправе. Еще в дверях он извинился за опоздание:

— Никак не мог подобрать подходящий галстук.

Крис, опешив, посмотрела на него, а потом рассмеялась. Депрессия, длившаяся целый день, понемногу отступала.

Вино сделало свое дело. Уже без четверти десять гости разделились на небольшие группы и вели оживленную беседу.

Крис положила себе на тарелку дымящееся рагу и пошла искать Мэри-Джо Пэррин. Она сидела на диване рядом с деканом иезуитов, отцом Вагнером. Крис при знакомстве коротко переговорила с ним и уже успела составить о нем свое мнение. Отец Вагнер был лысый, весь осыпанный веснушками, очень добродушный и внимательный человек. Крис подошла к ним и уселась по-турецки на полу перед столиком с кофе. Пророчица о чем-то весело щебетала.

— Продолжайте, Мэри-Джо! — улыбнулся декан и насадил на вилку кусок рагу.

— Да-да, продолжайте, Мэри-Джо! — поддержала его Крис.

— Ого! Превосходное рагу! — похвалил декан.— Не очень горячее?

— Нет, в самый раз. Мэри-Джо сейчас рассказывала, что когда-то жил на свете иезуит, который одновременно был и медиумом.

— А он мне не верит! — засмеялась пророчица.

— Это не совсем так,— поправил ее декан.— Я сказал, что в это трудно поверить.

— Он, наверное, был медиумом постольку-поскольку? — засомневалась Крис.

— Да, конечно,— согласилась Мэри-Джо.— Но ему удалось освоить даже левитацию.

— Я занимаюсь этим каждое утро,— спокойно заметил иезуит.

— А он проводил сеансы спиритизма? — спросила Крис у Мэри-Джо.

— Разумеется,— ответила та.— Он был очень известен в девятнадцатом столетии. Его, пожалуй, единственного из всех медиумов не считали мошенником.

— А я утверждаю, что он не был иезуитом,— опять вмешался декан.

— О Господи, да был же, я вам говорю! — Мэри-Джо засмеялась.— Когда ему стукнуло двадцать два, он присоединился к иезуитам и поклялся больше никогда не заниматься спиритизмом. Но его вскоре выгнали из Франции после одного спиритического сеанса, который он проводил прямо в королевском дворце. Вы представляете себе, что он сделал? В середине сеанса он предсказал императрице, что сейчас ее коснется рука ребенка, дух которого вот-вот материализуется и станет осязаемым. Вдруг кто-то включил свет, и все увидели, что иезуит положил свою голую ногу на руку августейшей особы!

Иезуит улыбнулся и поставил тарелку на столик.

— Ну все, больше не ждите от меня снисхождения, когда я буду отпускать вам грехи.

— Но вы же должны согласиться, что в каждом стаде должна быть одна паршивая овца.

— Наши паршивые овцы вымерли вместе с папами из семейства Медичей.

— А со мной один раз вот что произошло...— начала Крис.

Но декан перебил ее:

— Что, уже начинается исповедь?

Крис улыбнулась и заметила:

— Ну уж нет, я не католичка.

— Иезуиты тоже не католики,— усмехнулась Мэри-Джо.

— Это сплетни монахов-доминиканцев,— возразил декан и обратился к Крис: — Извините. Так о чем вы начали говорить?

— Мне кажется, я видела, как один человек возносился вверх. В горах Бутана.

Она рассказала об этом случае.

— Как вы считаете, это возможно? — спросила она, завершая рассказ.— Я вполне серьезно.

— А кто его знает? — Декан пожал плечами.— И вообще, что такое гравитация? Или, если уж на то пошло, что такое материя?

— Хотите знать мое мнение? — вмешалась Мэри-Джо.

Декан ответил ей:

— Нет, Мэри-Джо, я принял обет нищеты.

— И я тоже,— пробормотала Крис.

— Что такое? — заинтересовался декан, наклоняясь к ней.

— Ничего особенного. Я о чем-то хотела спросить вас. Да, вы знаете маленький коттедж, который стоит за церковью? — Крис махнула рукой в неопределенном направлении.

— Святой Троицы?

— Да, говорят, там проводится черная месса,— зловеще прошептала миссис Пэррин.

— Черная — что?

— Черная месса.

— А что это такое?

— Мэри-Джо пошутила,— ответил декан.

— Я знаю,— продолжала Крис.— Но я не разбираюсь в этих вещах.

— В общем, это пародия на католическую святую мессу,— объяснил декан.— Она связана с черной магией и колдовством. Поклонение дьяволу.

— В самом деле? Неужели такое возможно?

— Я не могу сказать точно. Хотя как-то слышал, что статистика утверждает, будто в Париже ежегодно черная месса проходит не менее пятидесяти тысяч раз.

— Да что вы? И это в наше время? — удивилась Крис.

— Это только то, что я слышал.

— Да, а источник информации, наверное, секретная служба иезуитов? — поддразнила его миссис Пэррин.

— Совсем нет,— возразил декан,— я слышу внутренние голоса.

— Вы знаете, у себя дома, в Лос-Анджелесе,— подхватила Крис,— я часто слышала жуткие рассказы о культах ведьм и колдунов. Но мне как-то не верилось, что это правда.

— Я уже сказал, что не могу ответить вам наверняка,— начал декан.— Но я знаю человека, который в этом разбирается. Это отец Джо Дайер. Где Джо?

Декан оглядел комнату.

— А, да вот же он! — воскликнул декан и указал на священника.

Тот стоял около буфета спиной к ним. И уже второй раз накладывал себе в тарелку добавку.

— Эй, Джо!

Молодой священник обернулся. Лицо его решительно ничего не выражало.

— Вы звали меня, святой отец?

Иезуит поманил его пальцем.

— Да-да, сейчас, подождите минуточку,— пробурчал Дайер, продолжая наступление на рагу и салат.

— Это наш единственный гномик среди всех служителей церкви,— с нежностью в голосе сказал декан.— У них в Святой Троице на прошлой неделе произошло несколько случаев осквернения. Джо, помнится, утверждал, что по крайней мере один из них, похоже, явился делом рук поклонников дьявола. Вот почему, мне кажется, он кое-что знает о них и о том, на что они способны.

— А что случилось в церкви? — заинтересовалась Мэри-Джо Пэррин.

— Омерзительное деяние.— Декана передернуло.

— Расскажите, мы все равно уже не едим.

— Нет уж, увольте,— запротестовал он.

— Расскажите!

— А вы разве не можете прочитать мои мысли, Мэри-Джо? — съехидничал декан.

— Я могла бы,— засмеялась она,— но считаю себя недостойной вторгаться в святая святых!

— Это противно,— предупредил декан.

Он рассказал об осквернениях. В первом случае старый ризничий нашел на алтаре, прямо перед молельней, кучу человеческих испражнений.

— Да, это мерзко;— сморщилась миссис Пэррин.

— А второе еще хуже того,— заметил декан.

Избегая фривольных мест и заменяя грубые слова на более приличные выражения, он рассказал, что к статуе Христа, стоящей недалеко от алтаря, кто-то прилепил огромный фаллос, вылепленный из глины.

— Ну что, вам еще не противно? — закончил он.

Мэри-Джо, похоже, действительно стало не по себе.

— Да, пожалуй, хватит,— пробормотала она.— Я уж и не рада, что попросила вас рассказать об этом. Давайте переменим тему.

— Нет, я зачарована,— возразила Крис.

— Еще бы, я ведь очаровательный человек.— Эти слова произнес отец Дайер. Он застыл над ней, держа в руках тарелку.— Погодите минуточку, мне надо кое о чем переговорить с астронавтом.

— О чем же? — спросил декан.

С серьезным видом отец Дайер сказал:

— Что вы думаете о первом миссионере на Луне?

Все рассмеялись.

— Вы им как раз подойдете по размерам,— захихикала миссис Пэррин.— Они вас без труда засунут в носовое отделение.

— Нет, я не про себя,— поправил ее отец Дайер. Потом повернулся к декану и объяснил: — Я хотел договориться насчет Эмори.

— Это наш приверженец пресвитерианства,— пояснил Дайер женщинам.— На Луне ведь никого нет, а это как раз то, что ему нужно. Понимаете, он очень любит тишину и спокойствие.

— А каких грешников он будет там обращать? — спросила миссис Пэррин.

— Конечно же, астронавтов. Это ему подходит. Один или два человека, никаких толп. Парочка грешников — и довольно.

Он с серьезным видом посмотрел на астронавта.

— Извините,— сказал Дайер и устремился к нему.

— Мне он нравится,— улыбнулась миссис Пэррин.

— И мне тоже,— согласилась Крис. Затем повернулась к декану: — Что же все-таки у вас в том коттедже? — напомнила она о прерванном разговоре.— Или это страшная тайна? Что там за священник? Такой смуглый. Вы понимаете, о ком я говорю?

— Отец Каррас,— тихо сказал декан. На лице его появился оттенок грусти.

— Чем он занимается?

— Он наш советник.— Декан поставил рюмку на стол и повертел ее за ножку.— Прошлой ночью у него произошло большое несчастье. Бедняга!

— Что такое? — с участием спросила Крис.

— У него умерла мать.

Крис почувствовала, как ее охватывает жалость.

— Я не знала,— прошептала она.

— Он очень сильно переживает,— продолжал иезуит.— Она жила совсем одна и, наверное, пролежала мертвая несколько дней, прежде чем ее нашли.

— Как это ужасно,— пробормотала миссис Пэррин.

— Кто же нашел ее? — печально спросила Крис.

— Управляющий. Они, наверное, и до сих пор об этом не знали бы, если б... Просто ее соседи пожаловались, что у нее днем и ночью играет радио.

— Как это грустно,— тихо промолвила Крис.

— Извините меня, мадам.

Перед ней стоял Карл. Он держал поднос с рюмками и стаканами.

— Поставь сюда, Карл, пожалуйста.

Крис сама любила разносить вино гостям. Ей казалось, что это прибавляет вечеру особую интимность и очарование.

— Ну ладно. Начнем с вас.— Она предложила вина декану и миссис Пэррин, потом обошла всю комнату, угощая гостей.

Дайер и астронавт, не обращая ни на кого внимания, продолжали беседу.

— На самом деле я не священник,— услышала Крис голос Дайера. Он положил руку на плечо астронавта, который смеялся и все никак не мог успокоиться.— Я скорее передовой раввин.

Через некоторое время Крис услышала, как Дайер спросил у астронавта:

— Что такое космос?

Астронавт пожал плечами и ничего не ответил. Дайер нахмурился и недовольно произнес:

— А ведь вы должны знать.

Крис стояла рядом с Эллен Клиари. Они вспоминали поездку в Москву. Вдруг Крис услышала знакомый резкий и злобный голос, доносившийся из кухни.

«О Боже! Это Бэрк!»

Он уже кого-то ругал.

Крис извинилась и быстро направилась в кухню. Дэннингс отчаянно орал на Карла, а Шарон безуспешно пыталась успокоить его.

— Бэрк! — закричала Крис.— Прекрати сейчас же!

Дэннингс не обратил на нее никакого внимания и продолжал орать. От злости на губах у него выступила пена. Карл с безучастным выражением лица стоял около раковины и, сложив руки, смотрел прямо в лицо Дэннингсу.

— Карл! — воскликнула Крис.— Может быть, ты уйдешь отсюда? Убирайся! Ты что, не видишь, в каком он состоянии?

Но Карл так и не сдвинулся с места, пока Крис буквально не вытолкнула его за дверь.

— Нацистская свинья! — орал ему вслед Дэннингс, потом добродушно посмотрел на Крис и потер руки в предвкушении вкусного.

— А что у нас на десерт? — как ни в чем не бывало спросил он.

— На десерт! — Крис в ужасе схватилась за голову.

— Но я же голоден! — пожаловался Бэрк.

Крис повернулась к Шарон:

— Накорми его! Мне надо укладывать Риган. И пожалуйста, Бэрк, ради всего святого, веди себя прилично! Там священники! — Она указала на гостиную.

Бэрк в изумлении поднял брови, и в его глазах блеснул неподдельный интерес.

— И ты тоже заметила? — искренне изумился он.

Крис вышла из кухни и спустилась вниз к Риган. Дочь весь день играла одна. Сейчас она занималась планшеткой. Риган была сосредоточенна и, казалось, ничего не замечала вокруг. «Ну ладно, по крайней мере, она не настроена агрессивно». В надежде как-то развлечь Риган Крис повела ее в гостиную и представила своим гостям.

— Какое прелестное дитя! — восхитилась жена сенатора.

Риган вела себя подозрительно хорошо, кроме, пожалуй, одного момента, когда при знакомстве с миссис Пэррин она замолчала и не ответила на рукопожатие. Но пророчица отшутилась:

— Знает, что я мошенница,— и весело подмигнула хозяйке дома.

Немного позже она сама с любопытством взяла руку Риган и слегка сжала ее, будто хотела нащупать пульс. Риган отдернула руку, и глаза ее злобно заблестели.

— Ой-ой-ой, наверное, она очень устала,— сказала миссис Пэррин, с беспокойством продолжая следить за Риган.

— Она немного больна,— извинилась Крис и посмотрела на Риган: — Правда, крошка?

Риган ничего не ответила. Она смотрела в одну точку и не шевелилась.

Крис повела Риган в спальню и уложила в кровать.

— Ты хочешь спать?

— Не знаю,— сонным голосом ответила Риган, повернулась на бок и уставилась в стену невидящим взглядом.

— Хочешь, я тебе немного почитаю?

Дочь отрицательно покачала головой.

— Ну, хорошо. Постарайся заснуть.

Крис наклонилась, поцеловала ее, потом подошла к двери и выключила свет.

— Спокойной ночи, кроха.

Она уже выходила из комнаты, когда услышала тихий голос Риган:

— Мама, что со мной?

На секунду Крис растерялась, но быстро справилась с собой и ответила:

— Я же тебе говорила, крошка, это нервы. Ты еще две недели будешь принимать таблетки, и все пройдет. Ну, а теперь постарайся заснуть. Ладно?

Молчание. Крис ждала ответа.

— Ладно? — переспросила она.

— Ладно,— шепотом ответила Риган.

Крис почувствовала, как по ее коже побежали мурашки. Она потерла руку. «О Боже, в этой комнате становится холодно. Откуда здесь может сквозить?»

Она подошла к окну и проверила, не дует ли из щелей. Но все было в порядке.

— Тебе не холодно, малышка?

Молчание.

Крис подошла к кровати.

— Риган, ты спишь?

Глаза закрыты. Дыхание глубокое и ровное.

Крис на цыпочках вышла из комнаты. Из зала доносились музыка и пение. Спускаясь вниз, Крис не без удовольствия заметила, что отец Дайер играет на фортепиано и поет, а гости ему охотно подпевают. Когда Крис входила в гостиную, они как раз заканчивали песню «Пока мы не встретимся вновь».

Крис решила присоединиться к поющим, но на полпути ее остановили сенатор с супругой. Они собирались уходить. Вид у них был весьма раздраженный.

— Вы так быстро меня покидаете? — спросила Крис.

— О, извините нас, дорогая, вечер был просто великолепный! — приступил к извинениям сенатор.— Но у бедняжки Марты начались головные боли.

— Мне так неловко, но я на самом деле ужасно себя чувствую,— простонала жена сенатора.— Крис, вы ведь извините нас, правда? Нам так понравилась ваша вечеринка.

— Мне не хочется вас отпускать! — огорченно воскликнула Крис, провожая их к выходу. Отец Дайер в этот момент спрашивал оставшихся, знают ли они слова «Токийской розы».

Крис пожелала сенатору и его супруге спокойной ночи и заперла дверь. На обратном пути она столкнулась с Шарон, которая как раз выходила из кабинета.

— Где Бэрк? — заволновалась Крис.

— Здесь,— успокоила ее Шарон и кивком указала на кабинет.— Отсыпается. Что тебе сказал сенатор? Что-нибудь этакое? Я представляю...

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Крис.— Они просто ушли.

— Я догадываюсь.

— Шарон, объясни немедленно, в чем дело.

— Да все из-за Бэрка,— вздохнула Шарон.

Убедившись, что их никто не подслушивает, она рассказала о встрече сенатора с режиссером. Дэннингс, проходя мимо сенатора, заметил, что, дескать, в его джине болтыхается какой-то вонючий волос, упавший, по всей вероятности, с чего-то... Затем он повернулся к сенатору и тоном обвинителя продолжал:

— Никогда в жизни не видел такого волоса. А вы видели?

Крис засмеялась. Шарон продолжала описывать, как сенатор растерялся и не знал, что ответить, а в это время Дэннингс впал в донкихотство и выразил свою «безграничную благодарность» за само существование политиков, ибо без них, как он выразился, «мы бы вообще не знали и не подозревали, кто такие государственные деятели».

Когда оскорбленный сенатор удалился, Дэннингс повернулся к Шарон и заявил с гордостью:

— По-моему, я довольно деликатно с ним объяснился, правда?

Крис опять расхохоталась:

— Ну ладно, нусть спит. Но ты все-таки останься с ним, а то вдруг он проснется? Хорошо?

— Хорошо,— согласилась Шарон и направилась в кабинет.

Мэри-Джо Пэррин, задумавшись о чем-то, сидела в кресле, стоявшем в самом углу гостиной. Было заметно, что она расстроена. Крис направилась было к ней, но, увидев, что один из гостей как раз в этот момент тоже решил нарушить одиночество Мэри-Джо, изменила направление и подошла к Дайеру.

Он, улыбнувшись Крис, прервал игру на рояле.

— Ну, молодая леди, чем мы вас сегодня порадуем? Для вас можно придумать что-нибудь поинтересней.

Крис улыбнулась в ответ.

— Я бы предпочла узнать побольше о черной мессе,— сказала она.— Отец Вагнер проговорился, что вы большой знаток в этой области.

Гости, стоявшие у рояля, притихли и с интересом посмотрели на Дайера.

— Да нет же,— запротестовал Дайер, наигрывая какую-то несложную мелодию.— А почему вы вспомнили о черной мессе?

— Мы разговаривали о... пу... о том, что случилось в Святой Троице, и...

— А, об осквернениях! — опередил Крис священник.

— Послушайте, о чем вы здесь говорите? — вмешался в разговор астронавт.— Введите-ка меня в курс дела.

— И меня тоже,— добавила Эллен Клиари,— а то я запуталась.

— В церкви, которая находится на этой улице, были обнаружены следы осквернений,— объяснил Дайер.

— А именно? — заинтересовался астронавт.

— Не стоит уточнять,— посоветовал отец Дайер.— Скажем просто, что там произошли омерзительные события. Ладно?

— Отец Вагнер нам говорил, будто вы считаете, что это черная месса,— подсказала Крис.— Мне хотелось бы побольше узнать об этом.

— Да я почти ничего не знаю,— запротестовал священник.— Обо всем, что я знаю, мне рассказал другой джеб.

— Кто такой джеб? — спросила Крис.

— Сокращенно иезуит. Отец Каррас — большой специалист в этой области.

Крис сразу насторожилась:

— Это тот смуглый священник из Святой Троицы?

— Вы его знаете? — удивился Дайер.

— Нет, но я слышала о нем.

— Мне помнится, он даже написал статью. Хотя, конечно, Каррас интересовался всем этим с точки зрения психиатрии.

— Что вы хотите сказать? — не поняла Крис.

— А что вы хотите сказать своим «что вы хотите сказать»?

— Вы хотите сказать, что он психиатр?

— Конечно. То есть я считал, что вы сами это знаете.

— Послушайте, может, мне кто-нибудь в конце концов объяснит, о чем здесь разговор? — нетерпеливо перебил астронавт.— Что происходит во время черной мессы?

— Давайте назовем это извращением.— Дайер пожал плечами.— Надругательство. Богохульство. Сатанинская пародия на святую мессу, здесь вместо Бога поклоняются дьяволу и иногда приносят ему человеческие жертвы.

Эллен Клиари покачала головой и отошла в сторону.

— Для меня это слишком страшно.— Она попыталась улыбнуться.

— А вы откуда это знаете? — выпытывала Крис у молодого иезуита.— Если черная месса существует на самом деле, кто же будет о ней рассказывать другим?

— Мне кажется,— ответил Дайер,— подробности узнают от разоблаченных сатанистов: они сами признаются во всем.

— Перестань,— перебил его декан.— Эти признания ничего не стоят, Джо. Их же пытают.

— Нет, только слабых,— возразил Дайер.

Гости нервно рассмеялись. Декан взглянул на часы.

— Ну, мне пора,— обратился он к Крис.— В шесть часов у меня месса в часовне Дальгрен.

— А вот у меня музыкальная месса.— Дайер улыбнулся.

Затем уставился в пространство за спиной Крис и тихо добавил:

— Мне кажется, у нас гостья, миссис Макнил.

Крис оглянулась и в ужасе замерла. Риган, стоя в одной ночной рубашке, обильно мочилась на ковер. Она уставилась пустым взглядом на астронавта и произнесла безжизненным голосом:

— Там, наверху, ты и умрешь.

— О Господи! — в страхе воскликнула Крис и бросилась к дочери.— О Боже, о моя крошка, пошли, пошли скорей со мной!

Она обхватила Риган за плечи и увела ее, на ходу бросая робкие извинения мертвенно-бледному астронавту:

— О, извините ее! Она больна, она, наверное, и сейчас спит на ходу! Она не понимает того, что говорит!

— Да, нам, пожалуй, пора идти,— обратился к кому-то Дайер.

— Нет-нет, оставайтесь,— запротестовала Крис, оглянувшись на гостей.— Пожалуйста, оставайтесь! Все в порядке, я через минуту вернусь!

Около кухни Крис остановилась и попросила Уилли смыть пятно на ковре. Потом она проводила Риган в ванную, подмыла девочку и сменила ей ночную рубашку.

— Кроха, зачем ты сказала это? — Крис пыталась добиться ответа у Риган, но та ничего не понимала и бормотала какую-то несуразицу. Глаза ее были затуманены и, казалось, ничего не видели.

Крис уложила девочку в кровать, и Риган тут же заснула. Крис немного подождала, прислушиваясь к ее дыханию, и вышла из комнаты.

Спустившись вниз, она увидела, как Шарон и ассистент режиссера помогают Дэннингсу выйти из кабинета. Они заказали такси и собирались проводить его до отеля «Шератон Парк».

— Не переживайте особенно! — крикнула им вслед Крис.

Неожиданно, на какую-то секунду придя в себя, Бэрк пробубнил:

— К чертовой матери! — И растворился в тумане у поджидающего такси.

Крис вернулась в гостиную и, еще раз извинившись, вкратце посвятила оставшихся гостей в историю болезни Риган. Они принялись наперебой утешать ее и всячески выражать свое сочувствие. Рассказывая о проблемах дочери, Крис заметила, что, едва она упомянула о странных постукиваниях и других «необычных явлениях», на лице миссис Пэррин появилось напряженное выражение. Крис на минуту умолкла, ожидая каких-либо комментариев, однако Мэри-Джо не проронила ни слова, и она продолжила рассказ.

— Девочка часто ходит во сне? — задал вопрос отец Дайер.

— Нет-нет, ничего подобного прежде не было,— ответила Крис.— Сегодня это случилось впервые. Точнее говоря, я в первый раз увидела это собственными глазами. Мне кажется... Быть может, таким образом проявилась ее гиперактивность? Что вы на это скажете?

— О, мне пока трудно судить. Насколько я знаю, в подростковом возрасте лунатизм — отнюдь не редкое явление, однако...— Отец Дайер прервал себя на полуслове.— Будет лучше, если вы проконсультируетесь со своим доктором,— после минутной паузы добавил он и пожал плечами.

Миссис Пэррин сидела молча, отрешенно наблюдая за огнем в камине. В таком же подавленном настроении находился и астронавт. Крис знала, что в этом году он должен лететь на Луну. Астронавт смотрел на свой стакан и время от времени хмыкал, выказывая тем самым свое участие в разговоре. Никто из присутствующих не заикнулся о жутких словах Риган.

— Ну уж теперь мне и в самом деле пора на мессу,— заявил, вставая, декан.

За ним потянулись и остальные. Гости поблагодарили Крис за вечер и угощения.

В дверях отец Дайер взял Крис за руку и заглянул ей в глаза:

— Как вы думаете, не найдется ли в одном из ваших фильмов роль для священника, который умеет играть на рояле?

— Если даже и нет,— засмеялась Крис,— мы напишем такую роль специально для вас, святой отец.

— Я хлопочу за своего брата,— уточнил Дайер с серьезным видом.

— Вы неисправимы! — Крис опять рассмеялась и пожелала ему спокойной ночи.

Последней уходила Мэри-Джо Пэррин с сыном. Крис немного поболтала с ними у дверей. Ей показалось, что Мэри-Джо хочет что-то сказать, но сомневалась, стоит ли. Чтобы немного задержать ее, Крис спросила, что Мэри думает о возне Риган с планшеткой и о ее безумном увлечении вымышленным капитаном Гауди.

— Вы считаете, что это плохо? — обратилась Крис к Мэри-Джо.

Она была уверена, что после двух-трех фраз миссис Пэррин распрощается с ней, и поэтому удивилась, когда Мэри-Джо, нахмурившись, уставилась вниз, на ступеньки. Миссис Пэррин задумалась, спустилась к ожидающему ее на крыльце сыну и тихо проговорила:

— Я бы отобрала у нее эту планшетку.

Она протянула сыну ключи от машины.

— Бобби, заведи мотор, а то уже холодно.

Взяв ключи, Роберт признался Крис, что всегда был поклонником ее таланта, и направился к старому разбитому «мустангу», стоявшему неподалеку, на той же улице.

В голосе миссис Пэррин звучало сомнение.

— Я не знаю, что вы думаете обо мне,— медленно заговорила она.— Многие считают, что я занимаюсь спиритизмом. Но это не так. Да, у меня есть дар, но в этом нет ничего таинственного. Я сама католичка и считаю, что мы живем в двух мирах одновременно. Первый, который мы осознаем,— это время. Но иногда какой-нибудь «каприз природы» вроде меня начинает чувствовать и другой мир, который, мне кажется, лежит... в вечности. В вечности нет времени. Там будущее всегда существует в настоящем. И когда я чувствую тот мир, я вижу будущее. Кто знает, может быть, на самом деле все не так. Может, это всего-навсего совпадение. А если это правда, то все настолько естественно! Что же касается оккультизма...— Тут она замолчала, будто подбирала слова.— Оккультизм — это совсем другое. Играть в эти игры я считаю крайне опасным. Это относится и к планшетке.

До сих пор Крис считала миссис Пэррин бесстрашной женщиной с потрясающей силой духа. Теперь же она разглядела в Мэри-Джо и беспокойство, и озабоченность. Крис овладело дурное предчувствие, которое она попыталась отогнать прочь.

— Пожалуйста, продолжайте, Мэри-Джо,— улыбнулась Крис.— А вы не знаете, как действует эта планшетка? Она рассчитана на подсознание человека?

— Да, скорее всего,— согласилась миссис Пэррин.— Но мы можем только предполагать. Рассказывают, что во время спиритических сеансов с планшеткой удавалось иногда приоткрывать завесу тайны. Конечно, не ту, что отделяет нас от мира духов,— в это вы не поверите. Нет, именно ту завесу, которую вы называете подсознанием. Однако, моя дорогая, во всем мире немало сумасшедших домов,

где держат людей, имевших неосторожность шутить с такого рода вещами.

— Вы это серьезно?

Мэри-Джо замолчала. Затем из темноты донесся ее монотонный голос:

— Крис, в Баварии жила одна семья. Это случилось в двадцать первом году. Я не помню фамилии. Их было одиннадцать человек. Вы можете проверить это по старым газетам. После одного спиритического сеанса они все сошли с ума. Все сразу. В буйном веселье они подожгли свой дом. Когда была сожжена вся мебель, они хотели сжечь трехмесячного ребенка одной из младших дочерей, но соседи успели вмешаться и остановили их. Вся семья,— закончила миссис Пэррин,— была помещена в сумасшедший дом.

— О Боже! — воскликнула Крис, вспомнив про капитана Гауди. Теперь увлечение дочери приобретало жуткий смысл. Безумие! Неужели правда? Что-то в этом было.— Я же говорила, что нужно показать ее психиатру!

— О, ради Бога,— воскликнула миссис Пэррин, выходя на свет,— вы не меня слушайте, а своего доктора! — В ее голосе чувствовалась уверенность. Она пыталась успокоить Крис: — Я предсказываю будущее, но в том, что касается настоящего, абсолютно беспомощна.— Миссис Пэррин порылась в своей сумочке.— Где же мои очки? Я их опять не положила на место. А, вот и они! — Мэри-Джо нашла их в кармане пальто.— Очаровательный домик,— заметила она, надев очки и взглянув на фасад дома.— От него веет теплом.

— Вы меня успокоили. Я думала, вы сейчас скажете, что в нем водятся привидения!

— Почему я должна вам это говорить?

Крис вспомнила о своей подруге, известной актрисе, которая жила в Беверли Хиллз и продала дом только потому, что считала, будто в нем обитает привидение.

— Не знаю.— Крис попыталась улыбнуться.— Наверное, из-за того, что вы предсказываете будущее. Я пошутила.

— Это очень красивый дом. Я раньше часто бывала здесь.

— Правда?

— Да, его снимал один мой друг, адмирал. Он мне и сейчас изредка пишет. Его, беднягу, опять отправили в море. Я даже не знаю, по кому я больше скучаю: по нему или по этому дому.— Мэри-Джо улыбнулась.— Но, может быть, вы меня сюда еще как-нибудь пригласите.

— Мэри-Джо, конечно, с большой радостью. Вы очаровательнейшая женщина.

— Ну, уж если не очаровательнейшая, то по крайней мере чувствительнейшая из всех ваших друзей!

— Я серьезно. Позвоните мне. Пожалуйста. Позвоните на той неделе.

— Да, конечно, мне наверняка захочется узнать, как здоровье вашей дочери.

— У вас есть мой номер?

— Да. Дома, в записной книжке.

Что-то было не совсем так. Крис удивилась. В голосе Мэри-Джо звучала какая-то странная нотка.

— Спокойной ночи,— попрощалась миссис Пэррин.— И еще раз спасибо за прекрасный вечер.

Крис закрыла дверь и почувствовала, что смертельно устала. «Тихая ночь. Что за ночь... Что за ночь...»

Она вошла в гостиную и увидела, как Уилли, нагнувшись, расчесывала ворс на ковре — в том месте, где было мокрое пятно.

— Я пробовала сводить уксусом,— пробормотала Уилли.— Два раза.

— Сходит?

— Может, в этот раз,— засомневалась Уилли.— Не знаю. Сейчас посмотрим.

— Нет, сейчас ничего не увидишь, надо, чтобы ковер высох.

«Да уж, действительно очень ценное замечание. Толстуха несчастная! Иуда, иди лучше спать!»

— Оставь, Уилли. Иди спать.

— Нет, я закончу.

— Ну ладно. Спасибо тебе за все. Спокойной ночи.
— Спокойной ночи, мадам.
Крис медленно поднялась по лестнице.
— Великолепное рагу, Уилли. Всем очень понравилось.
— Да, мадам. Спасибо.

Крис заглянула к Риган. Дочь еще спала. Потом Крис вспомнила про планшетку. «Может быть, спрятать ее? Или выкинуть? Боже, Пэррин ведь не очень разбирается в этих делах!» Крис и сама понимала, что вымышленный друг — это не совсем нормально. «Да, пожалуй, я ее лучше выкину».

Крис колебалась, стоя у кровати и глядя на Риган. Она вспомнила один случай. Дочери было тогда три года. Говард решил, что Риган пора уже спать без бутылочки, к которой она сильно привыкла. Он забрал у нее бутылочку, и Риган кричала всю ночь до четырех утра, а потом на протяжении еще нескольких дней у нее были приступы истерии. Крис боялась, что такая реакция может повториться и сейчас. «Лучше подожду немного, пока не проконсультируюсь у психиатра». К тому же и риталин пока что не произвел желаемого эффекта.

Она решила подождать. Вернувшись в свою комнату, Крис забралась в кровать и сразу же заснула. Проснулась она от отчаянного, истеричного крика.

— Мама, иди скорей, иди сюда! Я боюсь!

Крис бросилась через холл в спальню Риган. Девочка визжала. Из спальни доносился скрип пружин.

— Крошка, что случилось? — воскликнула Крис и включила свет.— О Боже!

Напрягая все тело, Риган распласталась на спине. Лицо ее было заплаканное и исказившееся от ужаса. Руками девочка судорожно вцепилась в кровать.

— Мамочка, почему она трясется? — закричала она.— Останови ее!

Матрац на кровати резко дергался взад и вперед.

Часть вторая

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Неотступно память о страданье
По ночам, во сне, щемит сердца,
Поневоле мудрости уча.
Небеса не знают состраданья.
Сила — милосердие богов.

Эсхил. «Агамемнон»
(пер. С. Апта)

Глава первая

Ее снесли в дальний угол маленького кладбища, где земля, скованная надгробными плитами, задыхалась от тесноты.

Месса была такой же печальной и унылой, как и вся жизнь этой женщины. Приехали ее братья из Бруклина, пришел бакалейщик из углового магазина, отпускавший ей продукты в кредит. Дэмьен Каррас наблюдал, как ее опускают в темноту. Горе и слезы душили его.

— Ах, Димми, Димми...

Дядя обнял его за плечи.

— Ничего, она сейчас в раю, Димми, она сейчас счастлива.

«О Боже, пусть будет так! О мой Бог! Я прошу Тебя! Молю Тебя, пусть будет так!»

Его уже ждали в машине, но Дэмьен никак не мог отойти от могилы. Воспоминания давили его. Ведь мать всегда была одна...

Весь путь до Пенсильванского вокзала Дэмьен вынужден был слушать, как его дядюшки обмениваются впечатлениями и наперебой рассказывают о собственных болячках. Они, наверное, так никогда и не избавятся от свойственного всем эмигрантам акцента, отчего-то подумалось вдруг ему.

Спазмы душили его, грозя сорваться с губ словами гнева, однако он сумел справиться с внутренним раздражением. Ему стало вдруг стыдно. Взглянув в окно, он увидел здание пункта по оказанию помощи малоимущим, куда зимой по субботам она ходила за молоком и овощами, торопясь сделать это, пока он еще нежился в постели. Потом они проехали мимо зоопарка — там он часто бывал летом, когда она оставляла его и шла просить милостыню на площадь перед отелем «Плаза». Возле отеля Каррас не выдержал и несколько раз всхлипнул, однако быстро взял себя в руки и вытер жгучие слезы запоздалого сожаления. Ну почему, почему так происходит? Почему его любовь нашла лазейку и выплеснулась наружу лишь теперь, после стольких лет? Почему она напомнила о себе тогда, когда уже слишком поздно что-либо исправить? Все это время мать терпеливо и покорно ждала, пока Дэмьен вернется. Почему же все теплые человеческие чувства ограничились в нем хранением в бумажнике той самой церковной карточки: «В память...»?

Каррас вернулся в Джорджтаун к обеду, но есть ему совершенно не хотелось. Дэмьен слонялся взад-вперед по комнате. Приходили с соболезнованиями знакомые иезуиты, обменивались с ним парой фраз, обещали молиться за нее и уходили.

В начале одиннадцатого явился Джо Дайер. Он с гордостью вытащил бутылку шотландского виски и прокомментировал:

— Отличная марка!

— Откуда ты взял деньги? Позаимствовал из фонда для бедных?

— Не будь идиотом, это было бы нарушением обета нищеты.

— А откуда же они у тебя?

— Я украл бутылку.

Каррас улыбнулся и покачал головой. Затем достал стакан, кофейную кружку и, ополоснув их в крошечном умывальнике, промолвил:

— Я верю тебе.

— Такую безоглядную веру я первый раз встречаю.

Каррас вдруг почувствовал знакомую боль. Он отогнал ее прочь и вернулся к Дайеру. Тот уже сидел на его койке и открывал бутылку. Дэмьен устроился рядом.

— Ты когда предпочитаешь отпустить мне грехи: сейчас или попозже?

— Аей давай,— отрезал Каррас,— и отпустим грехи друг другу.

Дайер наполнил стакан и кружку.

— Президент колледжа не должен пить,— проговорил он.— Это было бы дурным примером. Пожалуй, я избавил его от большого искушения.

Каррас выпил. Он не поверил Дайеру. Слишком хорошо он знал президента. Это был очень тактичный и добрый человек. Дайер пришел, конечно, не только как друг: его наверняка просил об этом президент. Вот почему брошенное как бы невзначай замечание Дайера о том, что Дэмьен, возможно, «нуждается в отдыхе», вселило в душу иезуита-психиатра надежду и принесло ему некоторое облегчение: он воспринял эти слова как хорошее предзнаменование на будущее.

Дайер старался изо всех сил: смешил Дэмьена, рассказывал о вечеринке и об актрисе миссис Макнил, выдавал свежие анекдоты о префекте. Дайер пил немного, но стакан Карраса наполнял регулярно, и Дэмьен быстро опьянел. Дайер встал, уложил друга в постель и снял с него ботинки.

— Собираешься украсть... и мои ботинки? — заплетающимся языком проворчал Каррас.

— Нет, я гадаю по линиям стопы. А теперь замолчи и спи.

— Ты не иезуит, а вор-домушник.

Дайер усмехнулся и, достав из шкафа пальто, накрыл им Дэмьена.

— Да, конечно, но кому-то ведь надо оплачивать счета. Все, что вы умеете делать,— это греметь четками и молиться за хиппи на М-стрит.

Каррас ничего не ответил. Дыхание его было ровным и глубоким. Дайер тихо подошел к двери и выключил свет.

— Красть грешно,— вдруг пробормотал в темноте Каррас.

— Виноват,— тихо согласился Дайер.

Он немного подождал, пока Каррас окончательно заснет, и вышел из коттеджа.

Посреди ночи Каррас проснулся в слезах. Ему приснилась мать. Снилось, что он стоит у окна и видит, как она с коричневым бумажным пакетом в руках выходит из магазинчика возле метро и стоит на краю тротуара в ожидании его, своего Димми. Он машет ей, но она его не видит и в тревоге оглядывает улицу. Автобусы... Машины... Толпы неприветливых людей... Ей явно становится страшно, и она возвращается к входу в метро... Еще мгновение — и она спустится по ступеням... Каррас в панике мчится к ней, с рыданием в голосе окликает ее... Однако она исчезает в толпе, и он не может отыскать взглядом знакомую фигуру... При мысли о том, как она, растерянная, испуганная, мечется где-то там, глубоко под землей, он разражается плачем...

Дэмьену вспомнился телефонный разговор с дядей: «Димми, водянка мозга совсем свела ее с ума. Она не подпускает к себе врачей. Выкрикивает что-то, говорит странные вещи... Она даже с радио стала разговаривать. Думаю,

надо отправить ее в клинику Бельвю. В обычной больнице ей делать нечего. Они не помогут. А там через пару месяцев ее приведут в чувство, и она будет как новенькая. Тогда заберем ее домой. Ты не против? По правде говоря, мы уже отправили ее туда. Сегодня утром приезжала "скорая". Они сделали ей укол и увезли. Мы бы и говорить тебе об этом не стали, но нужно подписать кое-какие бумаги... Это должен сделать ты. Что? Частная клиника? А где взять деньги, Димми? У тебя они есть?..»

Дэмьен встал, чувствуя себя вялым и разбитым. Его не покидало ощущение страшной потери. Шатаясь, он прошел в ванную, принял душ, побрился и надел сутану. Было 5.35 утра. Он отпер дверь в Святую Троицу и начал молиться.

«Memento etiam...— шептал он в отчаянии.— Помни рабу твою, Мэри Каррас...»

В дверях молельни ему вдруг привиделось лицо сиделки из госпиталя Бельвю. Он услышал плач и причитания.

«Вы ее сын?»

«Да, я Дэмьен Каррас».

«Не заходите к ней сейчас. У нее приступ».

Через приоткрытую дверь он видел комнату без окон, с потолка свисала ничем не прикрытая электрическая лампочка. Обитые стены. Холодно. И никакой мебели, кроме больничной койки.

— ...Прими ее к себе, молю Тебя, помоги ей обрести мир и покой...

Их глаза встретились, мать вдруг замерла и, подойдя к двери, спросила его недоумевающе:

«Зачем это, Димми?»

Ее взгляд был кротким, как у ягненка.

— Agnus Dei,— прошептал Дэмьен и, наклонившись, ударил себя в грудь.— Агнец Божий, уносящий с собой грехи наши, помоги ей обрести покой...

Он закрыл глаза, взял гостию и увидел свою мать в приемной больницы. Руки сложены на коленях, лицо покорное и растерянное. Судья разъяснил ей заключение психиатра из Бельвю.

«Ты все поняла, Мэри?»

Она кивнула, но ничего не сказала. У нее вынули зубные протезы.

«И что ты об этом думаешь, Мэри?»

Она ответила с гордостью:

«Вот мой мальчик, и он будет говорить за меня».

Каррас склонил голову над гостией, и тихий стон сорвался с его губ. Он опять ударил себя в грудь, будто что-то хотел этим изменить, и прошептал:

«Domine, non sum dignus... Я недостоин... Скажи лишь слово и исцели мою душу».

После мессы он вернулся к себе и попытался заснуть, но безуспешно. Через некоторое время в дверь постучали. В комнату заглянул молодой священник, которого Дэмьен никогда прежде не встречал.

— Вы не заняты? К вам можно ненадолго?

В глазах священника застыла тоска. Какое-то мгновение Каррас не мог заставить себя взглянуть на непрошеного посетителя.

Он вдруг испытал необъяснимую ненависть к молодому иезуиту. Но это длилось всего несколько мгновений.

— Войдите,— тихо предложил Дэмьен.

В душе он злился на самого себя, на ту особенность своей натуры, которую он не в силах был контролировать и которая делала его беспомощным в подобных ситуациях. Внутри его словно свернулась кольцом некая змея, всегда готовая резко распрямиться и броситься на помощь тому, кто в ней нуждался. Из-за нее Каррас не знал покоя ни днем ни ночью. Она оставалась настороже, даже когда он спал. Где-то на периферии сознания он вдруг слышал зов, мольбу о помощи. И какой бы тихой ни была эта мольба,

Каррас немедленно просыпался с мучительным чувством невыполненного долга.

Молодой священник смущенно топтался на месте, не зная, с чего начать. Каррас заботливо усадил его. Предложил кофе и сигареты. Затем попытался изобразить на своем лице интерес. Проблема, приведшая к нему этого визитера, была известна: одиночество священника.

Из всех трудностей, с которыми Каррасу приходилось здесь встречаться, эта проблема наиболее волновала священников. Иезуиты были отрезаны от семейной жизни и вообще от женщин, поэтому они часто боялись проявлять чувство симпатии по отношению к своим товарищам или завязывать крепкую дружбу.

— Иногда мне хочется положить на плечо друга руку, но в этот момент я начинаю опасаться, как бы он не подумал, будто я гомосексуалист. Сейчас много говорят о том, что среди священников немало скрытых педерастов. Поэтому я ничего подобного не делаю. Я даже не хожу к друзьям послушать музыку, или поболтать, или просто покурить. Дело не в том, что я боюсь Бога, мне страшно подумать, что Он начнет опасаться за меня.

Каррас чувствовал, как тяжесть наболевшего постепенно покидает молодого священника и ложится на его, Карраса, плечи. Он не противился и терпеливо слушал своего гостя. Каррас знал, что теперь этот иезуит будет часто заходить к нему, ибо здесь он найдет спасение от одиночества. Потом они сделаются друзьями, и когда молодой человек обнаружит, что это произошло естественно и непринужденно, тогда, возможно, он начнет дружить и с другими священниками.

Дэмьен почувствовал слабость, и горе опять завладело всем его существом. Он взглянул на карточку, которую ему подарили на прошлое Рождество. На ней было написано: «Когда мой брат в печали, я разделяю его боль и в нем встречаю Бога».

В действительности у Дэмьена это не получалось, и в душе он винил себя. Мысленно Каррас всегда пытался разделить беду кого-либо из братьев, но только мысленно.

Дэмьену постоянно казалось, что его боль принадлежит только ему одному.

Наконец гость взглянул на часы. Пора было идти в трапезную обедать. Иезуит поднялся и собрался уходить, но в этот момент заметил на столе Карраса недавно вышедший роман.

— Не читал еще? — полюбопытствовал Каррас.

Молодой священник отрицательно покачал головой.

— Нет. Хорошая книга?

— Не знаю, я только что прочел ее, но не уверен, что все правильно понял,— солгал Каррас. Он поднял книгу и протянул ее гостю: — Хочешь взять? Мне очень нужно услышать чье-нибудь мнение.

— Конечно,— согласился иезуит, запихивая книгу в карман куртки,— я постараюсь вернуть ее дня через два.— Настроение его явно улучшилось.

Когда дверь за гостем захлопнулась, Каррас на какое-то мгновение почувствовал умиротворение. Он достал требник и направился во двор, читая молитву.

После обеда к нему заглянул еще один гость, пожилой пастор из Святой Троицы. Он пододвинул стул поближе к столу и выразил свои соболезнования по поводу кончины матери Карраса.

— Я молился за нее, Дэмьен. И за вас тоже,— закончил он хриплым голосом с чуть заметным провинциальным акцентом.

— Вы так добры ко мне, святой отец. Большое спасибо.

— Сколько ей было лет?

— Семьдесят.

— Прекрасный возраст.

Каррас смотрел на молитвенную карточку, которую захватил с собой пастор. Во время мессы использовались три

такие карточки. Они изготовлялись из пластика, и на них печатался текст молитвы, произносимой священником. Психиатру стало интересно, для чего пастор принес эту карточку.

— Послушайте, Дэмьен, сегодня у нас в церкви опять кое-что произошло. Еще одно осквернение.

Пастор рассказал ему о том, что статуя Девы Марии в углу церкви была размалевана под проститутку.

— А вот еще. Это было уже утром, в тот день, когда вы уехали в этот... в Нью-Йорк. В субботу, кажется. Ну да, в субботу. Ну, в общем, посмотрите. Я только что разговаривал с сержантом полиции и... ну... это самое... ну... посмотрите сюда, пожалуйста, Дэмьен.

Каррас взял в руки карточку. Пастор объяснил ему, что кто-то вставил отпечатанный на машинке листок между настоящим текстом и пластиковой пленкой. Фальшивка, в которой встречались опечатки и другие типографские ошибки, была тем не менее составлена на хорошем латинском языке. Текст представлял собой яркое и подробное описание вымышленной лесбийской любви между Девой Марией и Марией Магдалиной.

— Ну достаточно, это не обязательно читать до конца,— прервал пастор, забирая назад карточку, как будто боялся, что чтение может содействовать греху.— Это великолепная латынь, здесь выдержан стиль, это настоящая церковная латынь! Сержант заявил, что разговаривал с одним психиатром и тот поведал, что все это мог сделать... ну, это, в общем... это мог сделать священник... это очень больной священник. Как вы считаете?

Психиатр на секунду задумался. Потом кивнул.

— Да. Да. Возможно. Возможно, протестуя против чего-то, он делает это в состоянии лунатизма. Я, конечно, не уверен, но такое может быть.

— Вы кого-нибудь подозреваете, Дэмьен?

— Я вас не понимаю.

— Рано или поздно они ведь все приходят к вам, верно? Я имею в виду больных на территории колледжа, если такие есть. Не встречались ли вам среди них подобные? Я хотел сказать, те, кто страдает такого рода заболеваниями.

— Нет, таких нет.

— Я знал, что вы мне все равно не скажете.

— Святой отец, я ничего не смог бы узнать в любом случае. Лунатизм зачастую служит одним из способов избавления от проблем в конфликтных ситуациях, однако в основном это избавление бывает чисто символическим. Поэтому я все равно ничего не узнал бы. И если уж речь идет о лунатиках, то, как правило, у них проявляется так называемая постериорная амнезия, то есть после пробуждения они ровным счетом ничего не помнят о том, что говорили и делали в состоянии сна. Вот почему даже он сам — я имею в виду того священника, которого подозревает сержант,— скорее всего ничем не смог бы нам помочь.

— А если бы вы ему об этом рассказали? — осторожно спросил пастор, подергивая себя за мочку уха. Этот привычный, судя по всему, жест, как успел заметить Каррас, свидетельствовал о том, что его гость хитрит или что-то недоговаривает.

— Поверьте, я действительно не знаю,— повторил психиатр.

— Да-да, конечно... Впрочем, я и не надеялся...— Пастор поднялся и направился к выходу.— Вы ведете себя как... как истинный священнослужитель,— с укоризной в голосе добавил он.

Каррас тихо рассмеялся. На полпути к двери пастор остановился, вернулся к столу и положил на него карточку.

— Мне кажется, вам все же следует изучить это повнимательнее,— пробормотал он.— Кто знает, быть может, вам придет в голову какая-нибудь идея.

Он вновь пошел к выходу.

— Они сняли отпечатки пальцев? — спросил Каррас.

Пастор остановился.

— Сомневаюсь. Зачем? В конце концов, никакого преступления совершено не было. Вероятнее всего, это дело рук неизвестного нам сумасшедшего прихожанина. Вы допускаете такую версию, Дэмьен? Не кажется ли вам, что виновником является кто-то из местного прихода? Лично я склоняюсь именно к такому мнению. Осквернитель не священник, а кто-либо из прихожан.— Он снова подергал себя за мочку уха.— Что вы на это скажете?

— Не знаю... Не знаю...— в который уже раз повторил Каррас.

— Да, понимаю. Иного ответа я, собственно, не ожидал.

В тот же день отец Каррас был освобожден от обязанностей советника и воспитателя и направлен в Джорджтаунский университет для чтения курса лекций по психиатрии. Ему было велено «отдохнуть»...

Глава вторая

Риган лежала на столе в смотровой Кляйна с раскинутыми в стороны руками и ногами. Врач обхватил пальцами ее стону и согнул ее в направлении лодыжки. Несколько секунд он крепко удерживал стопу в таком положении, затем неожиданно отпустил. Стопа вернулась в нормальное положение.

Кляйн несколько раз проделал это, и каждый раз стопа неизменно возвращалась в первоначальное положение. Однако врач был явно недоволен таким результатом. Он попросил присмотреть за девочкой и вернулся в свой кабинет, где его ждала Крис.

Было двадцать шестое апреля. Кляйн отсутствовал в городе в воскресенье и понедельник, так что Крис смогла застать его только этим утром. Она сразу же рассказала

ему о происшествии на вечеринке и о том, что случилось потом.

— Кровать действительно двигалась?

— Да, она двигалась.

— Долго?

— Не знаю. Может, десять секунд, а может, пятнадцать. То есть это то, что я сама видела. Потом Риган замерла, и я заметила, что кровать мокрая. Может быть, она намочила ее раньше, я не знаю. Но после этого она сразу же крепко заснула и не просыпалась до следующего дня.

Доктор Кляйн задумался.

— Что это может быть? — заволновалась Крис.

Когда она приезжала в первый раз, Кляйн сказал, что кровать может двигаться вследствие клонических судорог, когда мышцы то напрягаются, то расслабляются. В хронической форме эта болезнь называется клонус и свидетельствует о нарушении функции мозга.

— Да, но результат проверки этого не подтвердил,— недоумевал Кляйн и описал Крис процедуру. Он объяснил, что при клонусе прижимание стопы вызвало бы судороги. Врач сел за стол. Вид у него был крайне обеспокоенный.— Она никогда не падала?

— В смысле на голову? — удивилась Крис.

— Ну да.

— Нет, такого я не припомню.

— Чем она болела в детстве?

— Да ничем особенным. Корью, свинкой, ветрянкой.

— Раньше она ходила во сне?

— Нет, до этого случая ничего подобного я не замечала.

— То есть вы хотите сказать, что на вечеринке она все делала во сне?

— Конечно. Она до сих пор ничего не может вспомнить. Даже того, что с ней происходило недавно.

— Недавно? Что вы имеете в виду?

В воскресенье, когда дочь еще спала, позвонил Говард из Рима.

«Что с Ригс?»

«Спасибо тебе за телефонный звонок в день ее рождения».

«Я не мог выбраться с яхты. Так что, Бога ради, отстань от меня. Как только я вернулся в отель, я сразу же ей позвонил».

«В самом деле?»

«Разве она тебе не сказала?»

«Ты с ней разговаривал?»

«Да. Поэтому я и решил, что мне следует пообщаться с тобой. Что там за чертовщина у вас происходит?»

Рассказывая об этом доктору Кляйну, Крис объяснила, что, когда Риган окончательно проснулась, она ничего не помнила ни о телефонном звонке отца, ни о том, что произошло на вечеринке.

— Тогда, вероятно, она говорит правду и насчет мебели, которую якобы кто-то двигает,— предположил Кляйн.

— Я не понимаю вас.

— Несомненно, она двигает ее сама, но делает это в состоянии прострации. Это называется автоматизмом. Состояние вроде транса. Пациент либо не понимает того, что делает, либо ничего не помнит.

— Да, но мне вот что пришло в голову, доктор. В ее комнате есть бюро из тикового дерева. Оно весит, наверное, полтонны. Как же она могла сдвинуть его с места?

— Патология часто связана с огромной физической силой.

— Да? А как это объяснить?

Доктор только пожал плечами:

— Этого никто не знает. Ну, а кроме того, что вы мне уже рассказали, больше вы не заметили ничего необычного в поведении дочери?

— Она стала очень неряшливой.

— Я имею в виду нечто действительно необычное, из ряда вон выходящее,— настаивал врач.

— Для нее это как раз и есть нечто из ряда вон выходящее. Подождите-ка, я вспомнила. Вы не забыли ту планшетку, с которой она играла в капитана Гауди?

— В вымышленного друга?

— Теперь она его слышит.

Кляйн весь подался вперед и грудью лег на стол. По мере того как Крис рассказывала ему о дочери, в его глазах росло недоумение. Врач задумался.

— Вчера утром,— продолжала Крис,— я слышала, как Риган разговаривала с Гауди в спальне. То есть она бормотала какие-то слова, потом чего-то ждала, как будто играла с планшеткой. Когда я тихонько заглянула в комнату, планшетки у нее не оказалось. Риган сидела одна. Она кивала головой, как будто соглашалась с ним.

— Она его видела?

— Не думаю. Риган склонила голову немного набок. Она всегда так делает, когда слушает пластинки.

Врач в задумчивости кивнул головой.

— Да-да, понимаю. А еще что-нибудь в этом роде? Может быть, она видит что-нибудь? Или чувствует запахи?

— Запахи,— вспомнила Крис.— Да, верно. Ей постоянно кажется, что у нее в спальне плохо пахнет.

— Пахнет горелым?

— Точно! — воскликнула Крис.— Как вы догадались?

— Иногда это случается при нарушениях деятельности мозга. У вашей дочери эти нарушения, вероятно, возникли в височной доле.— Кляйн указал ей на переднюю часть черепа: — Вот здесь, в этой части. Теперь подобное встречается редко, но в таких случаях у пациента, в основном перед приступом, возникают необычные галлюцинации. Эту болезнь часто путают с шизофренией, но это не шизофрения. Возникает она вследствие поражения височной доли головного мозга. Мы не ограничимся проверкой на клонус, миссис Макнил. Я считаю, что теперь ей надо сделать ЭЭГ.

— А это что такое?

— Электроэнцефалограмма. Она покажет нам работу мозга в виде волнообразной кривой. Обычно параметры этой кривой помогают выявить все отклонения.

— Но вы действительно считаете, что у нее поражена височная часть мозга?

— Симптомы похожи, миссис Макнил. Например, ее нечистоплотность, драчливость, неприличное поведение, а также автоматизм. И конечно, эти припадки, из-за которых дергалась кровать. Обычно после таких приступов больной мочится, или его рвет, или и то и другое одновременно, а потом крепко засыпает.

— Вы хотите проверить Риган прямо сейчас? — забеспокоилась Крис.

— Да, я думаю, это надо сделать немедленно, но ей необходимо ввести успокоительное. Если девочка шевельнется или дернется, это скажется на результатах. Вы разрешите ввести ей, скажем, двадцать пять миллиграммов либриума?

— О Боже, конечно, делайте все, что необходимо,— выговорила Крис, потрясенная услышанным.

Она прошла с ним в смотровую. Увидев в руках врача шприц, Риган завизжала, и кабинет огласился потоком ругательств.

— Крошка, это поможет тебе,— произнесла Крис умоляющим голосом. Она крепко держала Риган, и доктор Кляйн сделал укол.

— Я сейчас вернусь,— пообещал врач.

Пока сиделка подготавливала в смотровой аппаратуру, он успел принять еще одного пациента. Вернувшись через некоторое время, Кляйн обнаружил, что либриум еще не подействовал на Риган. Врач очень удивился.

— Это была приличная доза,— в недоумении заявил он Крис.

Кляйн ввел девочке еще двадцать пять миллиграммов либриума и вышел, а когда вернулся, Риган была уже кроткой и послушной.

— А что вы сейчас делаете? — испугалась Крис, наблюдая, как Кляйн присоединяет трубки с физиологическим раствором к голове Риган.

— С каждой стороны по четыре провода,— начал объяснять врач.— Мы можем сравнить работу правого и левого полушарий мозга.

— А зачем их сравнивать?

— Так можно обнаружить значительные расхождения в работе обоих полушарий. Например, был у меня один пациент, которого мучили галлюцинации,— продолжал объяснять Кляйн,— как зрительные, так и слуховые. Я заметил отклонения, только сравнивая «волны» левого и правого полушарий, и оказалось, что галлюцинации возникали только в одной половине мозга.

— Это дико.

— Левое ухо и левый глаз функционировали нормально, лишь правая половина видела и слышала то, чего на самом деле не было. Ну ладно, давайте теперь посмотрим.— Он включил машину. На флюоресцентном экране вспыхнули волны.— Сейчас мы наблюдаем работу обоих полушарий,— пояснил Кляйн.— Здесь мы будем искать остроконечные волны, имеющие форму шпиля.— Он пальцами нарисовал в воздухе острый угол.— Надо искать волны очень высокой амплитуды. Они проходят со скоростью от четырех до восьми за секунду. Наличие этих шпилей и будет признаком поражения височной доли мозга,— закончил врач.

Он тщательно рассматривал на экране кривую линию, но никакой аритмии не обнаружил. Острых углов не было. Сравнивая работу правого и левого полушарий, Кляйн и здесь не выявил отрицательных результатов.

Врач нахмурился. Он ничего не мог понять. Повторил процедуру сначала. Никакой патологии не было.

Кляйн позвал сиделку и, оставив ее с Риган, прошел с Крис в кабинет.

— Так что же с ней такое? — осведомилась Крис.

Врач присел на край стола. Вид у него был задумчивый.

— Видите ли, ЭЭГ могла подтвердить мое предположение. Но отсутствие аритмии не опровергает его окончательно. Возможно, это истерия, но уж очень сильно отличаются кривые работы мозга до и после приступа.

Крис наморщила лоб:

— Доктор, вот вы постоянно повторяете «приступ». А как называется эта болезнь?

— Это не болезнь,— спокойно парировал врач.

— Ну все равно, ведь как-то вы это называете? Есть же какой-нибудь термин?

— Это называется эпилепсией, миссис Макнил.

— О Боже!

Крис упала в кресло.

— Не переживайте так сильно,— успокоил ее Кляйн.— Я по опыту знаю, что многие люди часто преувеличивают опасность эпилепсии и рассказы о ней большей частью обыкновенная выдумка.

— А это не наследственная болезнь?

— Предрассудки,— продолжал объяснять Кляйн.— Хотя так думают многие врачи. Практически каждый человек склонен к припадкам. Большинство людей рождается с сопротивляемостью к ним, но у некоторых эта сопротивляемость невелика. Так что разница между вами и эпилептиками не качественная, а количественная. Вот и все. И это не болезнь.

— Тогда что же это, просто галлюцинации?

— Расстройство. Расстройство, которое можно вылечить. Оно имеет огромное количество разновидностей, миссис Макнил. Например, вот вы сейчас сидите передо мной и на секунду отключаетесь, в результате чего, скажем, упускаете несколько слов из моей речи. Это один из видов эпилепсии, миссис Макнил. Вот так. Это настоящий эпилептический припадок.

— Да, но с Риган происходит совсем другое,— возразила Крис,— и возможно ли, чтобы это проявлялось так неожиданно?

— Послушайте, мы же еще точно не знаем, что с вашей дочерью. Может быть, вы были правы, когда хотели отвести ее к психиатру. Мы не исключаем, что это расстройство все же носит психосоматический характер. Хотя я лично в этом сомневаюсь. А что касается ответа на ваш последний вопрос, миссис Макнил, то приступ эпилепсии может быть спровоцирован любым нарушением деятельности головного мозга — причиной судорог может стать беспокойство, тошнота, эмоциональное напряжение и даже определенное звучание того или иного музыкального инструмента.

Однажды, например, у меня был пациент, приступы у которого всегда начинались в одно и то же время и в одном и том же месте: в автобусе, всего лишь за одну остановку до его дома,— и больше нигде. Мы очень долго пытались понять, в чем именно дело, пока наконец не выяснили, что виной всему вспышки света: лучи фар отражались от белых перекладин забора и попадали в окно автобуса. Если этот человек возвращался домой в неурочный час или автобус двигался с иной, чем обычно, скоростью, ничего не случалось. Понимаете? В этих случаях никаких судорог не было. В детстве этот человек чем-то переболел, и в результате появилась так называемая лезия — повреждение тканей мозга.

У вашей дочери, возможно, тоже имеется некое поражение мозговой ткани — в передней части. И как только этот участок подвергается воздействию некоего, скажем так, электрического импульса определенной частоты, немедленно возникает резкая аномальная реакция. Вы понимаете, о чем я говорю?

— В общем и целом — да,— ответила Крис.— Но, по правде говоря, не могу понять только вот что, док. Каким

образом за столь короткий срок мог измениться ее характер? Почему она стала совсем другой?

— Когда речь идет о передней доле мозга, это не такое уж редкое явление, миссис Макнил. Причем изменения столь стремительны и кардинальны, что лет двести или триста назад таких больных считали одержимыми дьяволом.

— Что-что?

— Считали, что мозгом таких людей управляет бес. Одно из обывательских объяснений раздвоения личности.

Крис закрыла глаза и упала лбом на сжатую в кулак ладонь, лежащую на столе.

— Послушайте, ну скажите мне хоть что-нибудь хорошее,— еле слышно попросила она.

— Вы особенно не переживайте. Если это поражение мозга, то в каком-то смысле вам повезло. Надо только удалить этот шрам.

— Я уже ничего не понимаю.

— Может оказаться, что это всего лишь внутричерепное давление. Надо сделать несколько рентгеновских снимков черепа. У нас в этом здании есть специалист. Может быть, мне удастся направить вас к нему прямо сейчас. Хорошо?

— Да, конечно, договоритесь с ним.

Кляйн позвонил по телефону, и ему ответили, что Риган примут сразу же.

Он повесил трубку и написал на клочке бумаги: «Комната 21-я на 3-м этаже».

— Я позвоню вам завтра или в четверг. Надо пригласить еще невропатолога. А пока что назначаю ей либриум.

Он вырвал из блокнота рецепт и протянул его Крис.

— Будьте всегда рядом с дочерью, миссис Макнил. В состоянии транса, если это транс, она может удариться или упасть. Ваша спальня находится рядом с ее комнатой?

— Да.

— Это хорошо. На первом этаже?

— Нет, на втором.

— В ее спальне большие окна?

— Одно окно. А почему вас это интересует?

— Закрывайте получше окно, а еще лучше, сделайте так, чтобы оно запиралось на замок. В состоянии транса она может выпасть из окна. У меня был...

— Пациент...— с усталой и горькой усмешкой продолжила вместо доктора Крис.

Он невесело усмехнулся.

— Но у меня их действительно было немало, да и сейчас тоже...

— Имеется парочка, как я догадываюсь,— вновь перебила она, а потом подперла лицо ладонями и задумчиво проговорила: — Вы знаете, я сейчас подумала кое о чем.

— О чем же?

— Вы говорили, что после припадка она должна сразу же крепко засыпать. Как в субботу вечером. Ведь вы так говорили?

— Да,— согласился Кляйн.— Все правильно.

— Но как же тогда объяснить, что, жалуясь на дергающуюся кровать, моя дочь всегда бодрствовала?

— Вы мне про это не рассказывали.

— Но это так. И выглядела Риган очень хорошо. Она просто приходила в мою комнату и просилась ко мне на кровать.

— Она мочилась в кровати? Или ее рвало?

Крис отрицательно покачала головой:

— Риган прекрасно себя чувствовала.

Кляйн задумался на мгновение и закусил губу.

— Давайте подождем результата рентгеновских снимков.

Крис отвела Риган в рентгеновский кабинет и подождала, пока будут сделаны все снимки. Потом она отвезла дочь домой. После второго укола Риган вела себя необычайно спокойно и все время молчала. Теперь Крис решила как-нибудь занять девочку:

— Хочешь, поиграем в «Монополию» или еще что-нибудь придумаем?

Риган отрицательно покачала головой и взглянула на мать невидящими глазами. Казалось, что девочка смотрит куда-то вдаль.

— Я хочу спать,— выговорила она голосом таким же сонным, как ее глаза. Потом Риган повернулась и направилась в спальню.

«Наверное, действует либриум»,— подумала Крис, глядя вслед дочери. Она тяжело вздохнула и пошла на кухню. Здесь Крис налила в чашку кофе и села за стол рядом с Шарон.

— Ну, как дела?

— Не спрашивай.

Крис вытащила рецепт.

— Лучше позвони в аптеку, пусть принесут вот это,— произнесла она и рассказала Шарон все, что говорил врач.— Если я буду занята или уйду куда-нибудь, смотри за ней хорошенько, ладно, Шар? Он...

Вдруг она что-то вспомнила.

— Да, кстати.

Крис встала из-за стола и поднялась в спальню Риган. Дочка лежала в кровати и, похоже, уже спала.

Крис подошла к окну и закрыла его на щеколду. Она взглянула вниз. Окно выходило на крутую городскую лестницу, ведущую на М-стрит.

«Да, лучше всего вызвать столяра, и немедленно».

Крис вернулась на кухню и добавила для Шарон в список домашних работ еще один пункт. Потом перечислила Уилли, что приготовить на обед, и позвонила своему агенту.

— А как насчет сценария? — поинтересовался он.

— Сценарий прекрасный, Эд. Давай согласие. Когда начало?

— Твоя часть будет сниматься в июле, так что подготовку надо уже начинать.

— Как?! Уже?!!

— Да, надо начинать. Это тебе не роль играть, Крис. Надо провести большую подготовительную работу. Заняться с декоратором, костюмером, гримером, продюсером. Нужно выбрать оператора, редактора и обговорить все сцены. Ну, я надеюсь, ты все это и сама знаешь.

— Черт!

— У тебя что-нибудь случилось?

— Да, у меня проблема.

— Что случилось?

— Риган серьезно заболела.

— Да? Что с ней?

— Еще не знаю. Ждем результата анализов. Послушай, Эд. Я не могу ее бросить.

— А кто говорит, что ты должна ее бросить?

— Нет-нет, ты меня не понял, Эд. Я должна быть с ней. Ей нужен мой уход. Я не могу объяснить тебе всего, Эд, это так запутано. Но неужели нельзя немного подождать?

— Нельзя. Они хотят пустить фильм под Рождество. Поэтому и спешат так.

— Ради Бога, Эд, ну две-то недели они могут повременить. Поговори с ними!

— Я ничего не понимаю. Сначала ты мне все уши прожужжала, что хочешь поставить фильм, а теперь...

— Все правильно, Эд,— перебила Крис.— Я очень хочу, просто ужас как хочу поставить фильм, но тебе все равно придется сказать им, что мне нужно немного времени.

— Если я так скажу, мы только все испортим. Это мое личное мнение. Они ведь не особенно держатся за тебя, и тебе это известно. Если Мору передадут, что ты не очень горишь желанием, он переиграет. Так что будь разумней, Крис. Делай, конечно, то, что сочтешь нужным. Мне все равно. Пока этот фильм не станет популярным, мы не получим за него много денег. Но если ты хочешь, я попрошу у них отсрочки, хотя этим мы только все испортим. Так что я должен им сказать?

— О Боже! — вздохнула Крис.

— Я знаю, это нелегко.

— Да уж. Ну послушай...

Она задумалась. Потом покачала головой:

— Нет, Эд, они просто должны подождать.

— Это твое окончательное решение?

— Да, Эд. И позвони мне потом.

— Ладно, позвоню. До свидания.

Крис повесила трубку и закурила сигарету.

— Между прочим, я разговаривала с Говардом. Я тебе не рассказывала? — спросила она Шарон.

— Да? Когда? Ты сказала ему про Ригс?

— Да, я попросила, чтобы он к ней приехал.

— Приедет?

— Не знаю. Вряд ли,— засомневалась Крис.

— Может, попытается вырваться?

— Да, наверное,— вздохнула Крис.— Но его можно понять, Шар. Я-то знаю, в чем тут дело.

— В чем же?

— Опять эта проблема: «муж кинозвезды». А Ригс была частью этого. Она везде была со мной. Нас вместе снимали на обложки журналов, в любой рекламе мы также выступали вдвоем. Неразлучные мать и дочь — на всех фотографиях.— Крис стряхнула пепел.— А может, это чепуха, кто его знает? У меня все смешалось. Но с ним трудно наладить отношения, Шар. Лично я просто не в состоянии.

Она заметила у Шарон книгу.

— Что ты читаешь?

— Не поняла. А, это! Я совсем забыла. Миссис Пэррин просила тебе передать.

— Она заходила?

— Да, утром. Жалела, что не застала тебя дома. Она уезжает из города, но как только вернется, сразу же позвонит.

Крис кивнула и посмотрела на книгу. «Изучение дьяволопоклонничества и оккультных явлений, связанных с ним». Она открыла книгу и внутри нашла записку от Мэри-Джо Пэррин:

«Дорогая Крис, я случайно зашла в библиотеку Джорджтаунского университета и взяла для вас эту книгу. Здесь есть главы о черной мессе. Но вы прочитайте все: мне кажется, вы найдете здесь много интересного. До скорой встречи,

Мэри-Джо».

— Очаровательная женщина,— восхитилась Крис.

— Да,— согласилась Шарон.

Крис провела пальцем по обрезу книги:

— Ну и что там насчет черной мессы? Что-нибудь очень противное?

Шарон потянулась и зевнула:

— Вся эта чушь меня не интересует.

— А как же твои религиозные увлечения?

— Да брось ты.

Крис оттолкнула книжку, и та по столу заскользила к Шарон.

— Прочитай и расскажи мне.

— И потом мучайся ночью в кошмарах, да?

— А за что я тебе деньги плачу?

— За упреки.

— Могу и без тебя обойтись,— проворчала Крис и раскрыла вечернюю газету.— Все, что от тебя требуется,— это молча выслушивать мои наставления, а ты уже целую неделю огрызаешься.— В порыве раздражения она отбросила газету.— Включи радио, Шар. И поймай новости.

Шарон пообедала с Крис, а потом ушла на свидание. Книгу она забыла. Увидев, что та по-прежнему лежит на столе, Крис решила заглянуть в нее, но почувствовала вдруг, что сильно устала. Она отложила книгу и поднялась наверх.

Крис заглянула к Риган. Дочка еще спала, и, видимо, крепко. Крис еще раз проверила окно. Уходя из комнаты, она оставила дверь открытой и, прежде чем лечь спать, убедилась, что дверь в ее спальню тоже открыта. Крис немного посмотрела телевизор и вскоре заснула.

На следующее утро книга о дьяволопоклонничестве исчезла со стола.

Однако никто этого не заметил.

Глава третья

Невропатолог принялся рассматривать рентгеновские снимки. Он искал в черепе маленькие углубления, похожие на следы от крошечных гвоздиков. За его спиной, сложив руки, стоял доктор Кляйн. Врачам не удалось обнаружить по снимкам ни поражения мозга, ни скопления жидкости, ни изменения в шишковидной железе. Теперь они искали характерные патологические изменения формы черепа, указывающие на хроническое внутричерепное давление.

Но им так и не удалось ничего найти. Было двадцать восьмое апреля, четверг.

Невропатолог снял очки и аккуратно засунул их в левый нагрудный карман куртки.

— Сэм, я ничего не нахожу. Абсолютно ничего.

Кляйн, нахмурившись, уставился в пол и качал головой:

— Этого не может быть.

— Хочешь, сделаем дополнительные снимки?

— Не стоит. Надо взять пункцию спинного мозга.

— Да, пожалуй.

— А пока что тебе следует ее осмотреть.

— Сегодня?

— Я...— Тут зазвонил телефон.— Извини.— Он поднял трубку.— Я слушаю.

— Вас просит миссис Макнил. Говорит, что дело очень срочное.

— На какой линии?

— На двенадцатой.

Кляйн сразу же соединился с Крис.

— Миссис Макнил, это доктор Кляйн. Что у вас случилось?

Срывающимся от истерики голосом Крис закричала:

— О Боже, доктор, с Риган плохо! Вы можете прийти прямо сейчас?

— Что с ней?

— Не знаю, доктор, я просто не могу этого описать! Ради Бога, приходите! Как можно скорей!

— Иду.

Он повесил трубку и соединился со своим секретарем:

— Сюзанна, попроси Дрезнера принять моих пациентов.

Переодевшись, Кляйн обратился к невропатологу:

— Это она. Хочешь пойти вместе со мной? Это совсем рядом, за мостом.

— У меня есть час свободного времени.

— Тогда пошли.

Через несколько минут врачи были на месте. Дверь открыла испуганная Шарон, и они сразу же услышали из спальни Риган крики ужаса и стоны.

— Меня зовут Шарон Спенсер,— представилась девушка.— Проходите, пожалуйста. Она наверху.

Шарон проводила их наверх и открыла дверь в комнату Риган.

— Крис, врачи пришли.

Крис рванулась к двери. Лицо ее было искажено ужасом.

— О Господи, проходите! — дрожащим голосом выдавила она.— Вы посмотрите, что с ней делается!

— Это доктор...

Кляйн запнулся. Он увидел Риган. Истерично крича и заламывая руки, она поднялась над кроватью, на секунду

зависла в горизонтальном положении и тяжело рухнула на матрац. В следующее мгновение тело ее опять воспарило в воздухе и вновь упало... А потом все повторилось еще раз, и еще... и еще...

— Мамочка, останови его! — визжала девочка.— Останови его! Он хочет меня убить! Останови его! Остано-о-о-о-в-и-и-и-и его-о-о-о-о, ма-а-а-а, ма-а-а-а!

— Крошка моя! — зарыдала Крис и закусила кулак. Она умоляюще посмотрела на Кляйна: — Доктор, что это? Что с ней происходит?

Кляйн растерянно покачал головой и, не веря своим глазам, продолжал наблюдать за Риган. Она то поднималась над постелью, то, задыхаясь, падала на кровать, будто невидимые руки хватали ее и подбрасывали снова и снова.

Крис дрожащей рукой прикрыла глаза.

— О Боже, Боже,— прохрипела она,— доктор, что это?

Неожиданно взлеты и падения прекратились, и Риган закрутилась на кровати. Глаза ее закатились, и теперь были видны одни белки.

— Он сжигает меня... сжигает меня! — стонала девочка.— Я горю! Горю!

Она начала быстро сучить ногами. Врачи подошли поближе и встали по обе стороны кровати. Дергаясь и извиваясь, Риган выгнула шею и запрокинула назад голову. Врачам бросилось в глаза ее распухшее горло. Она начала бормотать что-то странным грубым голосом, исходившим, казалось, из груди.

— ...откъиньай... откъиньай...

Кляйн нащупал ее пульс.

— Ну, маленькая, давай посмотрим, что с тобой случилось,— ласково проговорил он.

Вдруг врач пошатнулся и отпрянул, едва не упав на пол. Риган неожиданно села и оттолкнула его с такой силой, что он отлетел в другой конец комнаты. Лицо ее было искажено злобой.

— Этот поросенок *мой!* — взревела она.— Она *моя!* Не прикасайтесь к ней! Она *моя!*

Риган визгливо рассмеялась и упала на спину, как будто ее кто-то толкнул. А потом... Она вдруг высоко задрала подол ночной рубашки, открыв взорам присутствующих самые интимные части своего тела, и принялась то ласкать, то неистово тереть их обеими руками. При этом она буквально сверлила докторов яростным взглядом и не переставая твердила только одно:

— Трахните меня! Ну же! Трахните меня!..

Увидев, как девочка периодически подносит ко рту и сладострастно облизывает влажные пальцы, Крис не выдержала и, задыхаясь от слез, выбежала из комнаты.

Кляйн вновь приблизился к постели. Риган нежно обнимала себя и гладила по плечам.

— Да-да, ты моя жемчужина,— тихо напевала она тем же странным грубым голосом. Глаза девочки были закрыты, и, казалось, она входит в экстаз: — Мой ребенок... мой цветочек... моя жемчужина...

Так прошло несколько минут, и вдруг Риган опять начала извиваться, выкрикивая лишь отдельные невнятные слова. Внезапно она резко села с беспомощным и испуганным выражением лица. Глаза девочки были широко раскрыты.

Она замяукала.

Потом залаяла.

Потом заржала.

А еще мгновение спустя, согнувшись пополам, тяжело и прерывисто дыша, начала стремительно вращаться всем туловищем.

— О, *остановите* его! — рыдала она.— Пожалуйста, *остановите* его! Мне так больно! Заставьте его *остановиться! Я задыхаюсь!*

Кляйн не смог вынести это зрелище. Он взял свой чемоданчик, поставил его на подоконник и начал приготавливать все для укола.

Невропатолог оставался у кровати. Риган упала на спину, как будто ее снова кто-то толкнул. Глаза опять закатились и в бешеном темпе забегали из стороны в сторону, она забормотала что-то низким, грудным голосом. Невропатолог склонился над ней, пытаясь разобрать слова. Потом он заметил, что Кляйн подзывает его к себе. Врач направился к окну.

— Я введу ей либриум,— зашептал ему Кляйн, поднося шприц к свету,— но тебе придется подержать ее.

Невропатолог кивнул. Он внимательно вслушивался в бред девочки, склонив голову в сторону кровати.

— Что она говорит? — еле слышно поинтересовался Кляйн.

— Не знаю. Какую-то чепуху. Бессмысленный набор звуков.— Он явно остался недоволен собственным объяснением и добавил: — Она произносит эти слова так, будто они что-то обозначают. Я ясно слышу ритм.

Кляйн кивнул ему, и они тихо подошли к кровати с обеих сторон. Едва врачи приблизились, Риган напряглась и застыла. Мужчины понимающе переглянулись. Тело девочки начало изгибаться назад, как лук, в немыслимую дугу, пока голова не коснулась пяток. При этом Риган оглушительно визжала от боли.

Врачи вопросительно взглянули друг на друга. Кляйн подал сигнал невропатологу. Однако, прежде чем тот успел протянуть руку, чтобы удержать девочку, она потеряла сознание и помочилась на кровать.

Кляйн нагнулся и приподнял ей веко. Потом нащупал пульс.

— Она скоро придет в себя,— прошептал он.— По-моему, у нее обморок. Как ты считаешь?

— Кажется, да.

— Давай все же подстрахуемся,— предложил Кляйн.

Он сделал Риган инъекцию и, прижимая ватку к месту укола, поинтересовался у невропатолога:

— Ну и каково твое мнение?

— Поражение височной доли мозга. Возможно, Сэм, это шизофрения, но началось все слишком неожиданно. Насколько я понимаю, раньше никаких проявлений не наблюдалось?

— Нет, ничего подобного.

— А признаков неврастении?

Кляйн отрицательно покачал головой.

— Может быть, истерия?

— Я уже думал об этом.

— Естественно. Но ведь тогда получается, что она проделывает все это сознательно. Однако только психически ненормальный человек может вытворять такое с собственным телом.— Невропатолог недоверчиво покачал головой.— Нет, здесь явная патология, Сэм. Ее сила, бред, мания преследования, галлюцинации. Да, при шизофрении все эти симптомы наблюдаются. Но такие приступы бывают и при поражении височной доли мозга. Здесь есть еще кое-что, что меня беспокоит...

Невропатолог не договорил. Он казался озадаченным, брови удивленно поползли вверх...

— Что именно?

— Я точно не уверен, но, мне кажется, здесь налицо признаки раздвоения личности: «моя жемчужина», «мой ребенок», «мой цветочек», «поросенок»... Судя по всему, она называла так саму себя. Что вы на это скажете?.. Или я уже сам начинаю сходить с ума?

Кляйн задумчиво потер пальцами губы.

— Ну, если говорить честно, прежде мне это в голову не приходило, но теперь...— Он что-то промычал себе под нос, а вслух добавил:— Возможно. Да-да, это возможно. Сейчас, пока она еще не пришла в себя, имеет смысл взять пункцию спинного мозга, и, может быть, кое-что прояснится.

Невропатолог кивнул.

Кляйн порылся в своем чемоданчике, нашел таблетку и положил в карман.

— Ты можешь остаться?

Невропатолог взглянул на часы.

— У меня есть еще полчаса.

— Давай поговорим с ее матерью.

Они вышли из комнаты и направились в коридор.

Крис и Шарон с опущенными головами стояли, облокотившись на перила лестницы. Когда врачи подошли, Крис приложила к носу насквозь промокший, скомканный платок. Глаза ее покраснели от слез.

— Девочка спит,— сказал Кляйн.

— Слава Богу,— вздохнула Крис.

— Я ввел ей большую дозу успокоительного. Вполне вероятно, что она проспит до завтрашнего утра.

— Хорошо,— прошептала Крис.— Доктор, вы уж меня простите, что я веду себя как ребенок.

— Вы себя прекрасно ведете,— попытался убедить ее Кляйн.— Это очень трудное испытание. Да, кстати, позвольте вам представить доктора Дэвида.

— Очень приятно,— выдавила из себя Крис. На ее лице появилось подобие улыбки.

— Доктор Дэвид — невропатолог.

— И что вы об этом думаете? — обратилась к обоим врачам Крис.

— Мы все-таки считаем, что это поражение височной доли мозга,— настаивал Кляйн,— и...

— Боже, да о чем, черт возьми, вы здесь говорите! — взорвалась Крис.— Она ведет себя как психопатка, у нее раздвоение личности! Что вы...

Вдруг она запнулась и опустила голову.

— Наверное, я перенервничала. Извините.— Затравленными глазами Крис посмотрела на Кляйна.— Что вы говорили?

Ответил ей Дэвид:

— Миссис Макнил, настоящих, признанных наукой случаев раздвоения личности не наберется и сотни. Это очень

редкая болезнь. Я знаю, что проще всего сейчас обратиться к психиатру, но любой опытный психиатр сначала должен убедиться в том, что исключены все возможные болезни тела. Так надо действовать и нам.

— Понятно. Так что же дальше? — вздохнула Крис.

— Надо взять пункцию спинного мозга,— заявил Дэвид.

— Спинного мозга?

Дэвид кивнул.

— То, что мы не увидели на рентгеновских снимках и на кривой ЭЭГ, может быть, проявится здесь. По крайней мере, это исключит некоторые другие предположения. Лучше заняться этим прямо сейчас, пока девочка спит. Я, разумеется, сделаю ей местное обезболивание, но, боюсь, как бы она не пошевелилась.

Лицо Крис исказилось от волнения.

— Как же Риган могла прыгать на кровати таким странным образом?

— Думаю, что мы это уже обсудили,— отрезал Кляйн.— При патологическом состоянии может наблюдаться огромная физическая сила и слишком быстрая, непредсказуемая реакция организма.

— А причину всего этого вы наверняка не знаете,— констатировала Крис.

— Ну-у, можно предположить, что это каким-то образом связано с определенной мотивировкой...— начал Дэвид.— Впрочем, вы правы: наверняка мы сказать не можем.

— Так как насчет анализа, миссис Макнил? — спросил Кляйн.— Вы согласны?

Крис вздохнула и поникла, уставившись в пол.

— Давайте,— пробормотала она.— Делайте все, что необходимо, только бы она выздоровела.

— Постараемся,— заверил ее Кляйн.— Можно, я воспользуюсь вашим телефоном?

— Конечно. Пройдите в кабинет.

— Да, кстати,— вставил Кляйн,— ей надо поменять постельное белье.

— Я все сделаю,— вызвалась Шарон и прошла в спальню Риган.

— Не хотите выпить кофе? — предложила Крис по дороге в кабинет.— Сегодня слуг дома нет, но я могу приготовить растворимый.

Врачи отказались.

— Я смотрю, вы еще ничего не сделали с окном,— заметил Кляйн.

— Пока нет, но мы уже подали заявку. Завтра придут мастера и установят ставни с замками.

Врач одобрительно кивнул.

Они вошли в кабинет. Кляйн позвонил в больницу и попросил принести необходимые для процедуры медикаменты и инструменты.

— И подготовьте лабораторию для исследования анализа,— добавил он.— Я сам займусь им, как только освобожусь.

Положив трубку, Кляйн повернулся к Крис и попросил рассказать, что произошло с тех пор, как он видел Риган последний раз.

— Так... Во вторник...— попыталась вспомнить Крис,— ничего не было. Риган сразу пошла в спальню и проспала до следующего утра. Потом... Нет-нет, подождите... Нет, она не спала. Все правильно. Уилли мне говорила, что рано утром слышала ее шаги в кухне. Помню, я еще обрадовалась, решив, что к ней вернулся аппетит. Но Риган опять возвратилась в спальню и оставалась там весь день.

— Она спала? — заинтересовался Кляйн.

— Нет, по-моему, она читала,— задумалась на секунду Крис.— И я немножко успокоилась. Решила, что либриум помог и дело пошло на лад. Она, правда, выглядела несколько рассеянной, и это меня тревожило, но в целом впечатление было такое, как будто ей значительно полегчало. Прошлой ночью опять ничего не случилось. Все началось

этим утром.— Она шумно вздохнула и покачала головой: — Боже, неужели все это действительно происходило?

Крис рассказала врачам, что с утра сидела в кухне. Вдруг туда с визгом вбежала Риган и спряталась за стулом. Она вцепилась в руки матери и испуганным голосом сообщила, что за ней гонится капитан Гауди и что он ругается, щиплет, толкает ее и грозится убить. «Вот он!» — пронзительно закричала девочка, указывая на дверь в кухню. Потом она упала на пол. Тело ее задергалось в судорогах, она задыхалась и плакала. Риган кричала и жаловалась, что капитан Гауди бьет ее ногами. Потом неожиданно встала посреди кухни, выставила руки в стороны и начала вертеться как волчок. Это длилось несколько минут, пока она в изнеможении не свалилась на пол.

— А потом вдруг,— дрожащим голосом продолжала Крис,— я заметила в ее глазах *ненависть*, такую жуткую *ненависть*... И она сказала мне...

Ей не хватало воздуха.

— Она назвала меня... О Боже!

Крис, закрыв лицо руками, расплакалась.

Кляйн спокойно подошел к бару, достал стакан и налил воды из-под крана. Потом вернулся к Крис.

Она судорожно вздохнула и согнутым пальцем провела под глазами, смахивая слезы.

— Проклятие, где сигареты?

Кляйн протянул ей стакан с водой, а также маленькую зеленую таблетку.

— Лучше проглотите вот это,— посоветовал он.

— Это транквилизатор?

— Да.

— Дайте мне еще одну.

— Одной вполне хватит.

— Вы не слишком щедры,— попыталась улыбнуться Крис.

Она проглотила таблетку и вернула доктору пустой стакан.

— Спасибо. Потом все началось. Вся эта ерунда. Риган вела себя так, как будто это была не она, а кто-то другой.

— Например, капитан Гауди? — вмешался Дэвид.

Крис удивленно посмотрела на него.

Дэвид ждал ответа.

— Что вы имеете в виду? — не поняла Крис.

— Не знаю,— пожал плечами Дэвид.— Я просто спросил.

Крис повернулась к камину и уставилась в него отсутствующим, затравленным взглядом.

— Я не знаю,— грустно закончила Крис.— Просто кто-то другой.

На мгновение все замолчали. Потом Дэвид встал и сообщил, что ему пора идти. Бросив на прощание несколько ободряющих слов, он откланялся и вышел.

Кляйн проводил его до двери.

— Ты проверишь на сахар? — напомнил ему Дэвид.

— Нет, я же провинциальный идиот.

Дэвид чуть заметно улыбнулся.

— Я сам немного перенервничал,— задумчиво проговорил он и отвернулся.— Странный случай.

Невропатолог, размышляя о чем-то, рассеянно поглаживал подбородок. Потом он взглянул на Кляйна:

— Если что-нибудь обнаружишь, дай мне знать.

— Ты будешь дома?

— Да. Позвони мне.

Дэвид махнул на прощание рукой и вышел.

Через некоторое время привезли заказанные Кляйном лекарства и инструменты. Он сделал Риган обезболивающий укол новокаина в спину и, поглядывая время от времени на манометр, начал выкачивать спинномозговую жидкость. Крис и Шарон внимательно наблюдали за его действиями.

— Давление нормальное,— тихо констатировал врач.

Когда все было кончено, он подошел к окну и проверил, не помутнела ли жидкость.

Она была прозрачной.

Кляйн осторожно сложил пробирки с жидкостью в свой чемоданчик.

— Вряд ли она проснется до утра,— заверил он женщин,— но если вдруг это произойдет ночью, могут возникнуть кое-какие проблемы. Вам понадобится медсестра, которая сможет делать ей уколы.

— Можно, я сама буду их делать? — забеспокоилась Крис.

— А почему не медсестра?

Крис не хотела признаваться в том, что не доверяет ни врачам, ни медсестрам.

— Я лучше буду делать сама,— повторила она.— Можно?

— Эти уколы делать непросто,— засомневался врач.— Крошечный пузырек воздуха может стать крайне опасным.

— Я знаю, как это делается,— вмешалась Шарон.— Моя мать была директором орегонской школы медсестер.

— Шар, а может быть, ты сама смогла бы делать эти уколы? Ты не можешь остаться сегодня на ночь? — попросила Крис.

— Только не сегодня,— вмешался Кляйн.— Ей, может быть, придется достаточно долго лежать под капельницей. Это будет зависеть от течения болезни.

— А вы не можете научить меня делать уколы? — заволновалась Крис.

Врач кивнул.

— Думаю, что смогу.

Он выписал рецепт на торазин и на шприцы для подкожных инъекций и отдал его Крис.

— Вот это пусть принесут прямо сейчас.

Крис передала рецепт Шарон.

— Пожалуйста, сделай это для меня, хорошо? Позвони в аптеку, и пусть все это доставят сюда. А я пойду с док-

тором и дождусь результата анализа... Вы не возражаете? — спросила она врача.

Кляйн заметил, как застыло в ожидании ответа ее лицо. Поймав беспомощный и смущенный взгляд Крис, он кивнул.

— Представляю себе, что вы сейчас чувствуете.— Кляйн улыбнулся.— Я себя примерно так же чувствую, когда разговариваю о своей машине с механиком.

Они вышли из дома вчетвером в шесть часов восемнадцать минут.

В своей росслинской лаборатории Кляйн провел исследование спинномозговой жидкости. Сначала он определил количество белка. Норма.

Потом перешел к подсчету кровяных телец.

— Если слишком много красных, можно подозревать гемофилию.— Кляйн давал пояснения для Крис.— А избыток белых свидетельствует о возможном наличии инфекции.

Он особо тщательным образом искал признаки грибковой инфекции, часто являющейся причиной поведенческих аномалий. Однако никакой патологии не обнаружил.

Наконец он исследовал жидкость на сахар.

— Ну что? Вы нашли что-нибудь? — сгорая от тревожного нетерпения, спрашивала его Крис.

— Потерпите,— отвечал он.— Содержание сахара в спинномозговой жидкости должно составлять две трети от его содержания в крови. Значительное нарушение этого соотношения говорит о заболевании, при котором бактерии как бы съедают сахар в спинном мозге. Симптомы этого заболевания похожи на те, что мы наблюдали у Риган.

Но и на этот раз выявить что-либо ему не удалось.

Крис в отчаянии заломила руки.

— Вот и все. Приехали,— промолвила она безжизненным голосом.

— У вас в доме есть наркотики? — поинтересовался врач.

— Что?

— Амфетамины? ЛСД?

— Да нет. Ничего подобного я у себя не держу.

Кляйн уставился на свои ботинки, потом снова посмотрел на Крис и произнес:

— Ну вот теперь, миссис Макнил, пора проконсультироваться у психиатра.

Крис вернулась домой вечером в семь часов двадцать одну минуту и у двери окликнула Шарон.

Шарон в доме не было.

Крис поднялась в спальню Риган. Девочка все еще спала. На постельном белье ни единой морщинки. Крис заметила, что окно распахнуто настежь. Пахло мочой. «Наверное, Шарон хотела проветрить комнату. Куда она ушла?»

Крис спустилась по лестнице и встретила Уилли.

— Привет, Уилли. Как сегодня развлекались?

— Ходили по магазинам. Потом в кино.

— А где Карл?

Уилли неопределенно махнула рукой.

— Сегодня он отпустил меня послушать «Битлз».

— Неплохо.

Уилли победно взмахнула рукой. Было семь часов тридцать пять минут.

В восемь часов одну минуту, пока Крис в кабинете разговаривала по телефону со своим агентом, вернулась Шарон с парой свертков, плюхнулась на стул и вопросительно уставилась на свою хозяйку.

— Где ты была? — поинтересовалась Крис, повесив трубку.

— А он тебе ничего не передал?

— Кто?!

— Бэрк. Его здесь нет? Где он?

— Он был здесь?

— А разве, когда ты вернулась, его уже не было?

— Ну-ка, расскажи все по порядку,— попросила Крис.

— Да тут такая ерунда получилась,— раздраженно начала Шарон и тряхнула головой.— Я не смогла дозвониться аптекарю, и, когда пришел Бэрк, я подумала, что оно к лучшему; он посидит с Риган, пока я схожу за торазином.— Она пожала плечами.— Я должна была это предвидеть.

— Вот именно. Ну, и что же ты купила?

— Я подумала: раз у меня есть время, куплю-ка я непромокаемую пеленку для Риган.— Шарон достала покупку.

— Ты ела?

— Нет еще. Думаю, можно проглотить бутерброд. Ты не хочешь?

— Пожалуй. Пойдем перекусим.

— Ну как анализы? — спросила по дороге на кухню Шарон.

— Никак. Все результаты отрицательные. Теперь нужно найти ей хорошего психиатра,— с отчаянием в голосе вымолвила Крис.

После бутербродов и кофе Шарон научила Крис делать уколы.

Некоторое время Крис терзала шприцем грейпфрут и добилась определенных успехов. В девять часов двадцать восемь минут в прихожей раздался звонок. Уилли открыла дверь. Пришел Карл. По дороге в свою комнату он со всеми поздоровался и объявил, что забыл дома ключи.

— Не могу в это поверить,— засомневалась Крис.— Первый раз за все время он что-то забыл.

Весь вечер они проторчали в кабинете, уставившись в телевизор.

В одиннадцать часов сорок шесть минут зазвонил телефон. Крис сняла трубку. Звонил молодой ассистент режиссера. Голос у него был расстроенный.

— Ты еще ничего не слышала, Крис?

— Нет, а что такое?

— Очень плохие дела.

— В чем дело? — заволновалась Крис.

— Бэрк умер. Он где-то напился. Оступился на лестнице и скатился по ней. Пешеход на М-стрит видел, как он падал. Бэрк сломал себе шею. Жуткое зрелище. Такой страшный конец!

Трубка выпала из рук Крис. Она беззвучно рыдала, едва удерживаясь на ногах. Шарон подхватила ее, опустила трубку и проводила Крис до дивана.

— Бэрк умер! — всхлипнула Крис.

— Боже мой! — выдохнула Шарон.— Что с ним случилось?

Крис не могла ничего толком рассказать. Она плакала. Немного позже они разговорились и проболтали всю ночь. Крис пила. Она вспоминала Дэннингса.

— Ах, Боже мой! — вздыхала Крис.— Бедный Бэрк!.. Бедный Бэрк!

К ней снова вернулись мысли о смерти.

В пять часов утра Крис стояла, облокотившись на стойку бара и уныло свесив голову. Она ждала, когда из кухни вернется Шарон со льдом.

Наконец Крис услышала шаги.

— Я до сих пор не могу в это поверить,— промолвила Шарон, входя в кабинет.

Крис взглянула на нее и замерла.

Прижимаясь к полу, в какой-то паучьей позе позади Шарон стояла Риган. Тело ее было выгнуто, голова почти касалась ног, язык, как жало змеи, то и дело высовывался изо рта со страшным присвистом.

— Шарон! — выдохнула Крис, холодея от ужаса и не спуская глаз с Риган.

Шарон остановилась. Риган тоже замерла. Шарон повернулась... и ничего не увидела. И вдруг завизжала, почувствовав, как язык Риган коснулся ее лодыжки.

Крис побелела.

— Звони доктору и поднимай его с кровати! Пусть немедленно приходит!

Куда бы ни направлялась Шарон, Риган по пятам следовала за ней.

Глава четвертая

Пятница, двадцать девятое апреля. Пока Крис ждала в холле, доктор Кляйн и известный психиатр осматривали Риган.

Врачи уже полчаса наблюдали за ней. Девочка время от времени корчила гримасы и прижимала к ушам руки, как будто ее мучили оглушительные звуки. Она изрыгала ругательства. Орала от боли. Потом упала лицом в подушку и, подтянув ноги к животу, замычала что-то нечленораздельное.

Психиатр отозвал Кляйна от кровати.

— Давайте введем ей транквилизатор,— прошептал он.— Может быть, мне удастся с ней поговорить.

Терапевт кивнул и приготовил шприц с пятьюдесятью миллиграммами торазина. Почувствовав приближение врачей, Риган быстро повернулась, а когда психиатр попытался ее удержать, закричала от ярости. Она ударила его, а потом, укусив, отпихнула прочь. Позвали на помощь Карла, и только тогда Кляйну удалось сделать укол.

Однако одной дозы оказалось недостаточно. Сделали второй укол и стали дожидаться результатов.

Риган успокоилась. Она изумленно уставилась на врачей и заплакала:

— Где мама?!

Психиатр кивнул Кляйну, и тот пошел за Крис.

— Твоя мама сейчас придет, крошка,— успокаивал Риган психиатр.

Он присел на кровать и погладил девочку по голове.

— Успокойся, маленькая. Все хорошо. Я доктор.

— Я хочу к маме! — не унималась Риган.

— Она уже идет. Тебе больно, малышка?

Риган кивнула. Слезы ручьями лились по ее щекам.

— Где?

— Везде! — всхлипнула Риган.— Все болит!

— О моя малышка!

— Мамочка!

Крис подбежала к кровати и крепко обняла дочь. Потом расцеловала ее и попыталась успокоить. После этого расплакалась сама.

— Ригс! Ты опять с нами! Теперь это действительно ты!

— Мама, он мне делает больно! — сквозь слезы проговорила Риган.— Пусть он перестанет бить меня. Ладно? Ну пожалуйста!

Крис непонимающе взглянула на дочь, потом на врачей. В глазах ее была мольба.

— Ей ввели большую дозу успокоительного,— спокойно объяснил психиатр.

— Вы хотите сказать...

Он перебил ее:

— Посмотрим.

Затем повернулся к Риган.

— Ты можешь сказать, что с тобой случилось, малютка?

— Я не знаю,— ответила девочка.— Я не знаю, почему он так со мной обращается.— Слезы покатились из ее глаз.— Ведь мы с ним всегда дружили!

— С кем?

— С капитаном Гауди! И еще мне кажется, будто во мне кто-то сидит! И заставляет меня безобразничать!

— Капитан Гауди?

— Я не знаю!

— Какой-то человек?

Риган кивнула.

— Кто?

— Я не знаю!

— Ну ладно, не волнуйся. Давай сыграем в одну игру.

Психиатр достал из кармана блестящий маленький диск на серебряной цепочке.

— Ты видела когда-нибудь в кино, как людей гипнотизируют?

Девочка кивнула.

— Ну вот, я и есть гипнотизер. Да, я все время гипнотизирую людей. Конечно, если они мне сами разрешают делать это. Если я тебя сейчас загипнотизирую, то человек, который внутри тебя, выйдет наружу. Ты хочешь, чтобы я тебя загипнотизировал? Посмотри, твоя мама здесь, она рядом с тобой.

Риган вопросительно взглянула на мать.

— Давай попробуем, крошка,— подбодрила ее Крис.— Не бойся.

Риган повернулась к психиатру и кивнула.

— Ладно,— прошептала она.— Только не очень долго.

Психиатр улыбнулся и вдруг услышал звук бьющегося стекла. Хрупкая фарфоровая ваза упала на пол с письменного стола, о который опирался локтями доктор Кляйн. Врач изумленно взглянул на свой локоть, а потом на разбитую вазу. Он нагнулся и начал подбирать осколки.

— Ничего-ничего, Уилли все уберет,— запротестовала Крис.

— Сэм, закрой, пожалуйста, ставни,— попросил психиатр.— И задерни занавески.

Когда в комнате стало темно, психиатр взял в руку цепочку и начал легонько раскачивать блестящий диск. Он поймал светящийся блик и приступил к гипнозу.

— Смотри сюда, Риган, смотри сюда, и ты скоро почувствуешь, как твои веки становятся все тяжелей и тяжелей...

Скоро девочка вошла в состояние транса.

— Очень похоже,— прошептал психиатр.

Затем он обратился к девочке:

— Тебе удобно, Риган?

— Да.— Голос был тихий и спокойный.

— Риган, сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Внутри тебя кто-нибудь есть?

— Иногда.

— Когда?

— В разное время.

— Этот «кто-то» живой?

— Да.

— Кто это?

— Я не знаю.

— Капитан Гауди?

— Я не знаю.

— Человек?

— Я не знаю.

— Но он находится в тебе?

— Да, иногда.

— А сейчас?

— Не знаю.

— Если я попрошу его поговорить со мной, ты разрешишь ему отвечать?

— Нет!

— Почему нет?

— Я боюсь.

— Чего?

— Не знаю!

— Если он поговорит со мной, Риган, я думаю, он выйдет из тебя. Ведь ты хочешь, чтобы он вышел из тебя?

— Да.

— Тогда разреши ему говорить. Ты разрешаешь ему говорить?

Пауза...

— Да.

— Сейчас я говорю с тем, кто находится внутри Риган,— уверенно начал психиатр.— Если ты здесь, то ты тоже загипнотизирован и должен отвечать на все мои вопросы.

На секунду он замер, чтобы дать возможность словам дойти до сознания девочки. Потом повторил еще раз:

— Если ты здесь, то ты тоже загипнотизирован и должен отвечать на все мои вопросы. Теперь отвечай: ты здесь?

Молчание. И тут произошло что-то невероятное: дыхание Риган вдруг стало смрадным. Его можно было почувствовать на расстоянии нескольких шагов. Блик от диска застыл на лице девочки.

Крис в ужасе затаила дыхание. Она видела, как черты лица дочери исказились, превращаясь в отвратительную маску: губы растянулись в противоположные стороны, распухший язык вывалился изо рта.

— Боже мой! — выдохнула Крис.

— Ты и есть существо, живущее в Риган? — продолжал выспрашивать психиатр.

Девочка кивнула.

— Кто ты?

— Откъиньая,— пробасила она грудным голосом.

— Это твое имя?

Риган кивнула.

— Ты человек?

Она прорычала:

— Ад!

— Это твой ответ?

— Ад!

— Если это «да», то кивни головой.

Она кивнула.

— Ты говоришь на иностранном языке?

— Ад.

— Откуда ты? Кто тебя прислал?

— Гоб.

— Ты из пустыни Гоби?

— Агобтаайтэнь,— возразила Риган.

Психиатр на секунду задумался, а потом решил сделать еще одну попытку:

— Когда я буду задавать тебе вопросы, отвечай движением головы: кивок, если «да», и покачивание в стороны, если «нет». Ты понимаешь меня?

Риган кивнула.

— Твои ответы имеют смысл? — спросил он.

— Да.

— Тебя Риган знала раньше?

— Нет.

— Ты ее собственное изобретение?

— Нет.

— Ты существуешь на самом деле?

— Да.

— Как часть Риган?

— Нет.

— Ты ее любишь?

— Нет.

— Не любишь?

— Нет.

— Ты ее ненавидишь?

— Да.

— За какой-то ее проступок?

— Да.

— Ты винишь ее за развод родителей?

— Нет.

— Это имеет отношение к ее родителям?

— Нет.

— К ее друзьям?

— Нет.

— Но ты ненавидишь ее?

— Да.

— Ты наказываешь ее?

— Да.

— Ты хочешь причинить ей боль?
— Да.
— Убить ее?
— Да.
— Если она умрет, ты тоже умрешь?
— Нет.

Этот ответ обеспокоил психиатра, он опустил глаза и на какое-то время погрузился в размышления. Врач поудобнее устроился на кровати, и пружины противно заскрипели. В тишине слышалось только тяжелое дыхание Риган, от которого за версту несло зловонием.

Психиатр снова глянул на искаженное злобой лицо. Он лихорадочно пытался что-нибудь придумать.

— Может ли девочка сделать так, чтобы ты из нее вышел?
— Да.
— Ты можешь мне сказать, что для этого надо сделать?
— Да.
— Ты мне скажешь?
— Нет.
— Но...

Вдруг психиатр вскочил с кровати, задохнувшись от нечеловеческой боли, и с ужасом осознал, что Риган стальной хваткой вцепилась в его мошонку. Выпучив глаза, он попытался высвободиться из этих страшных когтей, но безуспешно.

— Сэм! Сэм, помоги мне! — в ужасе закричал он.

Всех охватила паника.

Крис бросилась к выключателю.

Кляйн рванулся вперед.

Риган, запрокинув голову назад, дьявольски расхохоталась, а потом по-волчьи завыла.

Крис щелкнула выключателем. Она повернулась и увидела жуткую картину, похожую на замедленное кино: Риган и оба доктора возились на кровати. Мелькали ноги и руки, гримасы сменяли одна другую, слышались неровное

дыхание и отдельные выкрики, хохот, переходящий в вой, и снова дикий смех. Риган хрюкала, ржала, и это странное кино крутилось все быстрее и быстрее, кровать с невероятной скоростью двигалась взад-вперед. Крис чувствовала себя совершенно беспомощной, а Риган тем временем снова закатила глаза и испустила такой отчаянный вопль, что у присутствующих кровь застыла в жилах.

Девочка рухнула на постель и потеряла сознание. Наваждение исчезло.

Все затаили дыхание и замерли на месте. Потом, постепенно приходя в себя, врачи осторожно встали. Оба не спускали глаз с девочки. Кляйн подошел к постели и, не обращая ни на кого внимания, нащупал пульс. Пульс был нормальный, и Кляйн, накрыв Риган одеялом, кивком указал на дверь. Все тотчас покинули комнату и спустились в кабинет.

Некоторое время врачи и Крис молчали. Женщина сидела на софе. Кляйн и психиатр устроились на стульях напротив друг друга. Психиатр о чем-то думал, вперившись взглядом в журнальный столик и пощипывая губу. Потом, вздохнув, взглянул на Крис. Она уставилась на него невидящим взглядом.

— Что же это такое, черт возьми! — воскликнула Крис с болью в голосе.

— Вы не поняли, на каком языке она говорила? — поинтересовался психиатр.

Крис отрицательно покачала головой.

— Вы верите в Бога?

— Нет.

— А ваша дочь?

— Нет.

Потом психиатр расспросил ее о подробностях течения болезни. Рассказ Крис обеспокоил его.

— Что это? — пытала его Крис, нервно сжимая побелевшими пальцами скомканный платок.— Что это за болезнь?

— Это что-то не совсем понятное,— уклончиво объяснил психиатр.— И если говорить начистоту, то ставить диагноз после такого кратковременного осмотра было бы с моей стороны крайне безответственно и неразумно.

— Но какие-нибудь мысли у вас должны быть,— настаивала Крис.

— Я понимаю, вам не терпится узнать хоть что-нибудь, поэтому я выскажу кое-какие предположения.

Крис напряженно кивнула и подалась вперед. Пальцы судорожно цеплялись за платок.

Она перебирала руками кружевную кайму, как будто это были тряпичные четки.

— Прежде всего могу сказать,— начал врач,— весьма не похоже, что она симулирует.

Кляйн одобрительно закивал головой.

— К такому предположению мы пришли по целому ряду причин,— продолжал психиатр.— Взять, например, ее болезненные и крайне странные судороги... И все же главным фактором я считаю изменение черт лица при разговоре с так называемым человеком внутри ее. Видите ли, подобные метаморфозы могут происходить лишь в том случае, если она сама верит в существование такого человека. В то, что в ней живет этот таинственный некто. Вы меня понимаете?

— По-моему, да.— От удивления Крис прищурила глаза.— Но я только никак не пойму, откуда это существо взялось! Я, конечно, часто слышала о раздвоении личности, но никаких объяснений мне при этом не давали.

— И никто не даст, миссис Макнил. Мы используем разные термины: «сознание», «разум», «личность», но на самом деле мы не очень четко представляем себе, что каждое из них означает.— Врач покачал головой.— Не знаем. Совсем ничего не знаем. Поэтому когда я начинаю говорить о раздвоении личности, то прекрасно понимаю, что все объяснения вызывают только еще большее количество вопросов. Фрейд считал, что некоторые мысли и чув-

ства каким-то образом подавляются сознанием, но могут проявиться в бессознательном состоянии. Они активно проявляются в различных психических отклонениях. Давайте назовем эти подавленные чувства и эмоции диссоциирующими, так как слово «диссоциация» означает отклонение от основного потока сознания. Так вот, когда диссоциирующее становится самостоятельным или когда личность больного слабеет и дезорганизуется, может возникнуть психоз шизофрении. Он отличается от раздвоения личности,— предупредил психиатр.— Шизофрения означает расшатывание личности. Если же диссоциирующее может как-то выделиться и организовать подсознание больного, вот тогда эта часть начинает действовать вполне независимо; она становится самостоятельной личностью и может принять на себя также функции тела.

Врач вдохнул в себя воздух. Крис внимательно слушала его. Потом психиатр продолжил:

— Это одна из теорий. Есть еще несколько. Но, возвращаясь к Риган, хочу сказать, что у нее и намека нет на шизофрению, и ЭЭГ показала, что кривая работы ее мозга совершенно нормальная. Поэтому я склонен отвергнуть все подозрения на шизофрению. Остается истерия.

— В которой я и находилась всю прошлую неделю,— пробормотала Крис.

Психиатр чуть заметно улыбнулся.

— Истерия,— продолжал он,— это форма невроза, при которой эмоциональное расстройство превращается в телесное. При психоастении, например, человек теряет способность осознавать свои поступки и, делая что-то сам, приписывает это «что-то» другому лицу. Хотя в этом случае другая личность осознается им не до конца. У Риган несколько иной случай. Мы подошли к тому, что Фрейд называл трансформированной истерией. Она вырастает из бессознательного чувства вины и необходимости понести наказание. Диссоциация здесь играет первостепенную роль, я бы даже сказал, не только диссоциация, но и само раз-

двоение личности. При этом могут наблюдаться и судороги, как при эпилепсии, галлюцинации, чрезмерное возбуждение.

— Да, все это похоже на ее состояние,— уныло подтвердила Крис.— А вы как считаете? То есть все, кроме чувства вины. Какую вину она может за собой чувствовать?

— Ну, первое, что приходит в голову,— продолжал психиатр,— это развод. Дети часто считают, что родители расстаются именно из-за них, и поэтому принимают всю вину на себя. Но в данном случае такое можно только предположить. Я вот еще о чем думаю: у девочки могла развиваться депрессия на почве размышления о смерти — танатофобия. У детей она часто сопровождает чувство вины и возникает на почве страха потерять кого-нибудь из близких. В результате развиваются нервное расстройство и возбудимость. Вдобавок вина здесь может быть просто неизвестна. Ее трудно выявить конкретно,— закончил врач.

Крис замотала головой.

— Я запуталась,— пробормотала она.— Никак не пойму, откуда берется эта новая личность.

— Крайне необычно то, что ребенок в таком возрасте смог воедино собрать и систематизировать все части новой личности. Конечно, удивительно и многое другое. Например, игра девочки с планшеткой указывает на то, что она легко поддается внушению. Однако на самом деле мне не удалось загипнотизировать ее.— Психиатр пожал плечами.— Возможно, она сопротивлялась. Но что удивительнее всего: уровень развития новой личности довольно высок. Это не двенадцатилетний ребенок. Здесь человек гораздо старше. И еще тот язык, на котором она разговаривала...— Врач уставился на лежавший перед камином коврик и задумчиво подергал себя за нижнюю губу.— Есть, конечно, похожее состояние, но мы знаем о нем совсем мало: это форма лунатизма, при которой у больного неожиданно проявляются способности и знания, которых никогда не было раньше. При этой форме вторая личность стремит-

ся разрушить первую. Однако...— Психиатр не закончил фразу и неожиданно взглянул на Крис.

— Это очень запутанно,— пробормотал он.— И я все значительно упрощаю. Ей необходимо обследоваться у нескольких специалистов в течение двух или трех недель. Проводить обследование нужно тщательно, скажем, в бэрринджеровской клинике в Дэйтоне.

Крис опустила глаза.

— У вас есть затруднения?

— Нет. Все в порядке.— Она вздохнула.— Просто я потеряла надежду. Вот и все.

— Я не понял вас.

— Это моя личная трагедия.

Психиатр позвонил из кабинета в клинику Бэрринджера. Риган согласились принять и советовали привезти ее на следующий же день.

Врачи ушли.

Крис вспомнила о Дэннингсе, и ей стало грустно. С размышлением о смерти нахлынули мысли о пустоте, о невыносимом одиночестве и спокойствии под землей, где нет никакого движения. Никакого движения...

Она заплакала: «Это слишком. Я не могу...»

В конце концов она успокоилась и начала собирать вещи.

Крис стояла в своей спальне и выбирала парик для поездки в Дэйтон. Неожиданно в дверях появился Карл. Он сообщил, что к ней кто-то пришел.

— Кто там?

— Детектив.

— И он пришел ко мне?

Карл кивнул. Потом передал ей визитную карточку. Крис бегло пробежала ее. «УИЛЬЯМ Ф. КИНДЕРМАН,— стояло на визитке,— ЛЕЙТЕНАНТ». А в нижнем левом углу, как забытая всеми сирота, приткнулась еще одна надпись: «Отделение по расследованию убийств». Отпечатана она

была замысловатым готическим шрифтом; отдать предпочтение такой изощренной форме букв мог, очевидно, только какой-нибудь любитель древности.

Крис оторвала взгляд от карточки. В душе у нее зародилось смутное подозрение.

— Карл, а нет ли у него в руках чего-нибудь такого, что может оказаться рукописью сценария? Какого-нибудь большого конверта или свертка?

Карл отрицательно покачал головой. Крис стало любопытно, и она поспешила вниз. Бэрк? Может быть, это имеет какое-то отношение к Бэрку?

Детектив тоскливо слонялся по залу, зажав свою бесформенную шляпу в толстых, коротких, только что наманикюренных пальцах. Это был пухлый человек лет пятидесяти. Толстые щеки лоснились от частого и тщательного употребления хорошего мыла. На нем болтались мятые брюки, потертые и мешковатые, никак не соответствующие его прилежному уходу за собственным телом. Старомодное твидовое пальто бесформенно висело. Его карие, влажные, немного раскосые глаза были, казалось, постоянно обращены в прошлое, в них отражалась тоска по ушедшему времени. Крис заметила, что дыхание детектива было напряженное, с подкашливанием, как у астматика.

Она подошла ближе. Детектив протянул ей руку и заговорил каким-то болезненно-хриплым шепотом:

— Ваше лицо я бы узнал в любом гриме, миссис Макнил.

— Разве на мне сейчас грим? — искренне удивилась Крис, пожимая его руку.

— О Боже мой, конечно нет,— поспешно поправился он и замахал рукой, как будто отгонял муху.— Это формальность. Вы сейчас заняты, давайте завтра. Я приду завтра еще раз.

Он повернулся и собрался было уходить, но Крис взволнованно спросила:

— А что случилось? Бэрк? Бэрк Дэннингс?

Беспечность детектива еще сильнее взбудоражила ее интерес и беспокойство.

— Мне даже неудобно. Неловко как-то,— вздохнул тот, опустив глаза.

— Его убили? Вы из-за этого пришли ко мне? Его убили? Да?

— Нет-нет. Это простая формальность,— повторил детектив.— Ничего особенного. Ведь вы понимаете, он был знаменитым человеком, поэтому мы не могли оставить все просто так. Мы не могли,— чуть ли не извиняясь, продолжал он.— Только один или два вопроса. Он упал? Или, может быть, его кто-то подтолкнул? — Детектив ритмично покачивал рукой и головой. Потом пожал плечами и хриплым голосом добавил: — Кто знает?

— Его не ограбили?

— Нет, его не ограбили, миссис Макнил, его никто не грабил. Но в наше время ограбление — это не единственная причина для убийства. Сегодня, миссис Макнил, искать повод для убийства очень хлопотно, это только лишняя обуза. Наркотики, проклятые наркотики.— Детектив недовольно замолчал.— Эти наркотики, АСД...— Он посмотрел на Крис и забарабанил пальцами по груди.— Поверьте мне, я сам отец, и, когда вижу, что происходит вокруг, у меня сердце разрывается. У вас есть дети?

— Да, один ребенок.

— Сын?

— Дочка.

— Так-так...

— Пойдемте в кабинет,— нетерпеливо перебила Крис и повернулась, чтобы проводить его.

— Миссис Макнил, можно попросить вас об одном одолжении?

— Да, пожалуйста.

— Мой желудок.— На лице его появилось выражение нестерпимого мучения.— У вас не найдется стаканчика ми-

неральной воды? Если это трудно, то не надо. Я ничем не хочу вас беспокоить.

— Нет-нет, это меня совсем не затруднит. Присядьте пока в кабинете.— Она показала, где находится кабинет, и пошла на кухню.— По-моему, у меня в холодильнике стоит одна бутылка.

— Нет-нет, я тоже пойду на кухню,— возразил детектив, следуя за ней.— Я так не люблю причинять лишние хлопоты.

— Ничего страшного.

— Да нет, я же вижу, что вы заняты. У вас есть дети? — спросил он по дороге на кухню.— Ах да, все правильно, у вас есть дочка, вы же мне говорили, все правильно. Одна дочка.

— Одна дочка.

— Сколько ей лет?

— Только что исполнилось двенадцать.

— Тогда вам еще рано волноваться.— Детектив вздохнул.— Еще рано. Вот немного попозже вам придется смотреть в оба.— Он покачал головой. Крис заметила, что походка у него была вразвалку.— Когда вы наблюдаете за происходящими в мире событиями, вы перестаете во что-либо верить. Это немыслимо. Все сошли с ума. Вы знаете, я как-то глянул на свою жену и сказал: «Мэри, весь мир находится в каком-то постоянном нервном напряжении. Все сошли с ума. Весь белый свет».

Они вошли на кухню. Карл чистил плиту. Он не заметил их и не оглянулся.

— Мне и правда так неловко,— хрипло пробормотал детектив и уставился на Карла. Взгляд его с любопытством скользил по его спине, рукам и шее. Так, наверное, маленькая птичка скользит по поверхности озера.— Я встретился с известной кинозвездой,— продолжал он,— и прошу ее дать мне стакан минеральной воды. О Боже!

Крис нашла бутылку и теперь искала открывалку.

— Вам со льдом? — поинтересовалась она.

— Нет, просто так. Я люблю просто так.

Крис открыла бутылку.

— Вы помните фильм с вашим участием, который называется «Ангел»? — спросил детектив.— Я смотрел его шесть раз.

— Если вы ищете убийцу,— съязвила Крис, наливая пузырящуюся шипящую жидкость,— то арестуйте продюсера и редактора.

— Нет-нет, фильм был превосходный и мне очень понравился.

— Садитесь.— Она кивком указала на стул.

— Спасибо.— Детектив сел.— Нет, фильм был чудесный. Такой трогательный. Только одно упущение. Одна крошечная незначительная помарка. Спасибо вам большое.

Крис поставила стакан с водой и села напротив него, сложив руки перед собой на столе.

— Так вот, что касается небольшой погрешности,— как бы извиняясь, продолжал детектив.— Совсем маленькой. И уж, пожалуйста, поверьте, что я — дилетант. Вы же понимаете, я всего-навсего простой зритель. Но все же мне показалось, что музыкальное оформление в некоторых сценах действовало на нервы. Оно было слишком навязчивым.— Теперь детектив говорил начистоту и был увлечен разговором.— Из-за этой музыки я постоянно чувствовал, что нахожусь в кинозале. Вы меня понимаете? И что все действующие лица — это только симпатичные актеры. Это меня расстроило. А кстати, о музыкальном оформлении: композитор ничего не позаимствовал у Мендельсона?

Крис тихо барабанила пальцами по столу.

«Странный детектив. И почему это он постоянно посматривает в сторону Карла?»

— Вот этого я не знаю,— отрезала Крис.— Но я рада, что фильм вам понравился. Лучше выпейте вот это.— Она указала на стакан с водой.— А то весь газ выйдет.

— Да-да, конечно, я заболтался. Вы заняты. Простите меня.— Детектив поднял стакан, как будто хотел произ-

нести тост, и осушил его.— Вода хорошая, очень хорошая.— Отставляя стакан, детектив заметил фигурку птицы, слепленную Риган. Птица стояла на столе, и ее клюв забавно свисал над солонкой и перечницей.— Необычная фигурка.— Детектив улыбнулся.— Симпатичная. Это работа профессионального скульптора?

— Нет. Моей дочери,— возразила Крис.

— Очень симпатичная птица.

— Видите ли, я не люблю, когда...

— Да-да, я понимаю, я причиняю много хлопот. Только один-два вопроса — и все. Даже один вопрос.— Он взглянул на часы, будто торопился на свидание.— Так как несчастный мистер Дэннингс закончил съемки в нашем городе, то мы подумали, может быть, в день катастрофы он ходил к кому-нибудь в гости. Кроме вас у него были знакомые где-нибудь поблизости от этого места?

— Он был у меня в тот вечер,— уточнила Крис.

— Да? — Детектив удивленно поднял брови.— Как раз перед тем, как случилось несчастье?

— А когда это случилось? — заволновалась Крис.

— В семь часов пять минут,— ответил детектив.

— Да, примерно в это время.

— Тогда все становится понятно.— Киндерман кивнул и заерзал на стуле, как будто собирался подняться и уйти.— Он был пьян, а когда уходил домой, свалился с лестницы. Да, все становится понятно. Тогда для протокола скажите мне, во сколько приблизительно он ушел из вашего дома?

— Я не знаю,— ответила Крис.— Я его не видела.

— Я не понял вас.

— Видите ли, он приходил сюда, когда меня не было дома. Я ходила в росслинскую лабораторию.

— А, понимаю. Конечно. Но тогда откуда вы знаете, что он был здесь?

— Мне сказала Шарон.

— Шарон? — перебил детектив.

— Шарон Спенсер. Это мой секретарь. Она была здесь, когда заходил Бэрк, она...

— Он приходил к ней?

— Нет, ко мне.

— Да-да, конечно. Простите, что я вас перебил.

— У меня заболела дочка, и Шарон, оставив его с ней, пошла за лекарством. Когда я вернулась домой, Бэрк уже ушел.

— Когда это было?

— В семь пятнадцать.

— А когда вы ушли?

— Где-нибудь около четверти седьмого.

— Когда ушла мисс Спенсер?

— Я не знаю.

— Между уходом мисс Спенсер и вашим возвращением кто еще находился в доме с мистером Дэннингсом? Кроме вашей дочери?

— Никого.

— Никого? И он оставил ее одну?

Крис кивнула.

— Слуг не было?

— Нет. Уилли и Карл в это время...

— Кто они такие?

Крис почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног. Она вдруг поняла, что эта невинная беседа оказалась на деле самым настоящим допросом.

— Карл, вот он.— Она кивком указала на слугу. Тот все еще чистил плиту...— А Уилли — его жена,— продолжала Крис.— Они ведут хозяйство. Я их отпустила вчера после обеда, а когда вернулась, их еще не было дома. Уилли...

Крис запнулась.

— Что Уилли?

— Да нет, ничего.— Она пожала плечами и отвела взгляд от мускулистой спины Карла. Крис заметила, что плита была абсолютно чистой. Почему же Карл так усердно скреб ее?

Крис достала сигарету. Киндерман дал ей прикурить.

— Итак, только ваша дочь знает, когда Дэннингс ушел из дома?

— Это был несчастный случай?

— Конечно. Это формальность, миссис Макнил, простая формальность. Мистера Дэннингса не ограбили, и у него не было врагов. По крайней мере, мы не знаем, чтобы такие были в нашем городе.

Крис на секунду взглянула на Карла и быстро перевела взгляд на Киндермана. Заметил ли он? Кажется, не заметил. Он ощупывал фигурку птицы.

— Эта птица ведь как-то называется, но я никак не могу вспомнить, как именно. Нет, не могу.— Детектив заметил во взгляде Крис легкое смущение.— Извините меня, вы так заняты. Еще минуточку — и все. Так вы говорите, ваша дочь не знает, когда ушел мистер Дэннингс?

— Нет, вряд ли. Ей ввели большую дозу снотворного.

— О, извините, мне так неловко, так неловко.— В его раскосых глазах засветилось участие.— С ней что-нибудь серьезное?

— Боюсь, что да.

— Могу я узнать?..— осторожно полюбопытствовал детектив.

— Мы еще сами толком не знаем.

— Опасайтесь сквозняков,— предупредил он.

Крис, казалось, ничего не слышала.

— Сквозняк зимой — прекрасное поле деятельности для микробов. Так говорила моя мать. Может быть. Но все эти приметы и народные мудрости для меня все равно что меню в шикарном французском ресторане: великолепный камуфляж всяких гадостей вроде лягушек, есть которых просто так никогда не придет вам в голову,— честно признался он.— Ее комната на втором этаже?

Крис кивнула.

— Не открывайте окно, и она скоро поправится.

— Вы знаете, там окно всегда закрыто,— заверила детектива Крис, пока он искал что-то во внутреннем кармане пиджака.

— Она выздоровеет,— повторил детектив нравоучительно.— И помните: немного предосторожности...

Крис снова забарабанила пальцами по столу.

— Вы заняты. Все, я уже ухожу. Только запишу кое-что для формальности, и все.

Он извлек из кармана отснятую на ротапринте смятую программку школьной постановки «Сирано де Бержерака». Потом порылся в кармане пальто и достал замусоленный огрызок карандаша, заточенный, как показалось Крис, с помощью ножниц.

Детектив развернул программку на столе и попытался ее разгладить.

— Только пару фамилий,— вздохнул он.— Спенсер пишется через два «е»?

— Да, через два «е».

— Через два «е»,— бормотал детектив, записывая фамилию.— А ваши слуги? Джон и Уилли?..

— Карл и Уилли Энгстром.

— Карл. Ну да, правильно, Карл. Карл Энгстром.— Он записывал имена крупными буквами.— Я вспоминаю времена,— отвлекся детектив, поворачивая программку в поисках чистого места,— я вспоминаю... Нет, подождите. Я совсем забыл. Да, так насчет ваших слуг: когда, вы говорили, они пришли домой?

— Я еще ничего об этом не говорила. Карл, ты вчера вечером когда вернулся домой? — обратилась Крис к слуге.

Швейцарец обернулся с невозмутимым лицом.

— Ровно в девять часов тридцать минут, мадам.

— Да, верно, ты забыл дома ключи. Я вспомнила, что посмотрела на часы, когда ты позвонил в дверь.

— Интересную картину смотрели? — поинтересовался у Карла детектив.— Я никогда не хожу на фильмы после

рекламы,— объяснил он, обращаясь к Крис.— Мне важно, что о фильме думают живые люди, зрители.

— «Король Лир» с участием Скофилда,— отчетливо произнес Карл.

— А, этот фильм я уже видел. Прекрасный фильм. Отличнейший фильм.

— Да. В кинотеатре «Крэст»,— продолжал Карл.— Шестичасовой сеанс, вечерний. Сразу после фильма я сел в автобус.

— Это не так важно,— попытался убедить его детектив.— Помилуйте.

— Мне не трудно.

— Ну, если вы настаиваете...

— Я вышел на пересечении Висконсин-авеню и М-стрит. Было где-то около двадцати минут десятого. Потом я шел пешком до дома.

— Что вы, помилуйте, это уж совсем не важно,— заверил его детектив.— Но тем не менее большое спасибо. Вы мне очень помогли. Вам понравилось кино?

— Великолепный фильм.

— Да, я с вами вполне согласен. Ну, а теперь...— Киндерман повернулся к Крис, продолжая что-то записывать на программке.— Я отнял у вас так много вашего драгоценного времени, но это ведь моя работа. Еще минуточку, и я ухожу. Трагично. Как трагично. Такой талант. И такой человек. Он умел обращаться с людьми. С такими людьми, от которых зависело, будет фильм хорошим или нет: с оператором, со звукооператором, с композитором, ну и с другими. Пожалуйста, поправьте меня, если я заблуждаюсь, но мне кажется, что такой знаменитый человек должен стоять в одном ряду с Дэйлом Карнеги, например. Может быть, я не прав?

— Иногда Бэрка удавалось вывести из себя,— вздохнула Крис.

Детектив положил программку на место.

— Ну, возможно, такое бывает у всех великих людей, у всех знаменитостей, а он ею был.— Киндерман опять что-то записал.— Многое зависит и от маленьких людей, так сказать от серой массы. Эти люди отвечают за всякие мелочи, а эти мелочи вместе составляют немаловажные детали. Как вы считаете?

Крис бросила взгляд на свои ногти и решительно покачала головой.

— Если Бэрк и сердился, он никогда никого не унижал,— заявила она, и на ее лице появилась чуть заметная горькая улыбка.— Сэр, когда он напивался, такое, может быть, и случалось.

— Ну вот и все. Теперь мы закончили.— Киндерман поставил последнюю точку.— О нет, подождите.— Он вдруг спохватился.— А миссис Энгстром? Они ушли и пришли вместе? — Детектив махнул рукой в сторону Карла.

— Нет, она ходила смотреть фильм с участием «Битлз» и пришла через несколько минут после меня.

— Зачем я это спросил? Это не имеет никакого значения.— Киндерман пожал плечами, сложил программку и засунул ее в карман пиджака с карандашным огрызком.— Ну вот и все. Когда я вернусь в контору, безусловно, вспомню, о чем забыл вас спросить. У меня всегда так бывает. Тогда я вам позвоню.

Детектив шумно выдохнул воздух и встал.

Крис поднялась вместе с ним.

— Вы знаете, я уезжаю из города недели на две,— сказала она.

— Это не срочно,— успокоил ее детектив, посмотрел на фигурку птицы и улыбнулся.— Симпатичная. Очень симпатичная птичка.

Потом взял ее в руки и потер клюв большим пальцем.

Крис нагнулась и подняла с пола какую-то нитку.

— У вас хороший врач? — вдруг спросил детектив.— Я имею в виду врача, который лечит вашу дочь.

Он поставил фигурку на место и собрался уходить. Крис пошла за ним, наматывая по дороге нитку на большой палец.

— У меня их очень много,— тихо проговорила она.— Но сейчас я хочу, чтобы ее обследовали в клинике. Там занимаются примерно тем же, что и вы, только объектом внимания врачей являются бактерии и вирусы.

— Будем надеяться, что со своей работой они справляются лучше меня. Эта клиника находится не в городе?

— Нет, не в городе.

— Хорошая?

— Посмотрим.

— Держите девочку подальше от сквозняков.

Они дошли до парадной двери. Киндерман взялся за ручку.

— Я мог бы сказать, что мне было очень приятно, но в связи с такими обстоятельствами... Извините, ради Бога. Мне так неловко.

Крис, скрестив руки, рассматривала коврик. Не глядя на детектива, она кивнула в ответ.

Киндерман открыл дверь и вышел на крыльцо. Он еще раз повернулся к Крис и, уже надевая шляпу, откланялся:

— Желаю вашей дочери быстрейшего выздоровления.

— Спасибо.— Крис тускло улыбнулась.— А вам — удачи в ваших делах.

Детектив кивнул, его взгляд был теплым и слегка грустным. Крис наблюдала, как Киндерман подошел к дежурной полицейской машине, ожидавшей его на углу перед пожарным гидрантом. Он рукой прижимал к голове шляпу, спасая ее от порывов южного ветра. Полы его пальто трепетали. Крис закрыла дверь.

Киндерман сел в полицейскую машину, потом обернулся и еще раз взглянул на дом. Ему почудилось, что в комнате Риган произошло какое-то движение: гибкая, едва различимая тень мелькнула и тут же скрылась. Киндер-

ман не мог точно сказать, было это на самом деле или ему показалось. Но он заметил, что ставни раскрыты. Странно. Он немного подождал. Но никто не появлялся. Детектив нахмурился, потом открыл бардачок и вынул оттуда маленький коричневый конверт и перочинный ножик. Он раскрыл конверт и с помощью крошечного лезвия выскреб из-под ногтя большого пальца краску, содранную с фигурки птицы. После этого он заклеил конверт и кивнул шоферу-сержанту. Автомобиль тронулся с места.

Конверт Киндерман положил в карман.

— Не спеши,— предупредил он шофера, увидев, что впереди образовался затор, и устало потер глаза руками.— Это работа, а не удовольствие. Что за жизнь. Что за жизнь!

Вечером того же дня, в тот момент, когда доктор Кляйн вводил Риган успокаивающее, чтобы без проблем перевезти ее в дэйтонскую клинику, лейтенант Киндерман задумчиво стоял в своем кабинете, опершись ладонями о стол. Он пытался сосредоточиться, чтобы тщательно обдумать и увязать воедино имевшиеся в распоряжении следствия разрозненные факты. Сведения, им полученные, пока что сливались в одну непостижимую загадку. Узкий луч старинной настольной лампы выхватывал из темноты разбросанные по столу доклады и отчеты. Вся остальная комната тонула во мраке. Киндерману казалось, что направленный на бумаги свет каким-то образом поможет и ему направить мысли в нужную сторону.

Детектив тяжело дышал, взгляд его блуждал по окружающим предметам, ненадолго задерживаясь то на одном, то на другом. Он сделал глубокий вдох и сомкнул веки. «Нужно очистить мозги,— говорил он себе, как делал это всякий раз, когда хотел взглянуть на проблему с новой точки зрения.— Я должен выбросить из головы все посторонние мысли».

Наконец Киндерман вновь открыл глаза и принялся изучать заключение патологоанатома о смерти Дэннингса:

«...повреждение спинного мозга, перелом костей черепа и шеи. Многочисленные ушибы, разрывы и ссадины; кожа шеи растянута. На ней кровоподтеки. Сдвиги грудинно-сосковой, пластырной, трапециевидной и различных мелких мышц шеи. Перелом позвоночника. Сдвиг передних и задних связок спины...»

Киндерман выглянул из окна. Светилась ротонда Капитолия. Конгресс засиживался допоздна. Он опять закрыл глаза и припомнил разговор с патологоанатомом, состоявшийся в ту ночь, когда умер Дэннингс.

«Такие повреждения могли быть получены в результате падения?»

«Нет, вряд ли. Грудинная и трапециевидная мышцы должны были воспрепятствовать этому. Кроме того имеются еще мышцы шеи, связки и тому подобное...»

«Понятно... И все же скажите прямо: возможно это или невозможно...»

«Видите ли, он был пьян, и мышцы, безусловно, были расслаблены. Если толчок оказался сильным и...»

«И если предположить, что он падал с высоты двадцати или тридцати футов...»

«Да, конечно. Кроме того, сразу после удара его голова должна была стукнуться обо что-то. Другими словами, при стечении ряда обстоятельств... падение, конечно, могло привести к летальному исходу. Могло... Я повторяю: могло...»

«А мог ли это сделать другой человек?»

«Да, но он должен обладать большой силой».

Киндерман проверил алиби Карла Энгстрома на момент смерти Дэннингса. Время сеанса в кинотеатре совпадало, равно как и время проезда транзитного автобуса. Кроме того, шофер автобуса, на котором Карл, по его собственному утверждению, возвращался домой, закончил работу и сменился на остановке, где Висконсин-авеню пересекает М-стрит, именно там, где, по словам Карла, он и сошел приблизительно в 9.20. Автобус немного запазды-

вал, но шофер успел нагнать время в дороге и приехал на остановку в 9.18.

На столе у Киндермана лежал еще один документ: обвинение Энгстрома в уголовном преступлении от 27 августа 1963 года. Он обвинялся в неоднократном хищении наркотиков на протяжении нескольких месяцев. Брал он их из дома врача в Беверли Хиллз, где служил вместе с Уилли:

«...родился 20 апреля 1921 года в Цюрихе (Швейцария), женился на Уилли Браун 7 сентября 1941 года. Дочь Эльвира родилась в Нью-Йорке 11 января 1943 года, адрес неизвестен. Подсудимый...»

А дальше шло совсем непонятное.

Врач, который, без всякого сомнения, должен был выиграть дело, неожиданно, не дав никаких объяснений, отказался от обвинения.

Через два месяца Энгстромы нанялись на работу к Крис Макнил. Это означало, что врач дал им положительную рекомендацию.

Энгстром, безусловно, воровал наркотики, но медицинская экспертиза показала, что у него не было ни малейших признаков, изобличавших его как наркомана.

Почему?

Детектив все еще не открывал глаз. Он начал тихо декламировать «Бармаглота» Льюиса Кэрролла:

«Варкалось. Хливкие шорьки...»

Это тоже помогало ему прояснить сознание.

Дочитав стихотворение, он открыл глаза и уставился на ротонду Капитолия. Попытался ни о чем не думать. Но, как и прежде, ему это не удавалось. Детектив вздохнул, и взгляд его упал на отчет полицейского психолога — об осквернении в Святой Троице.

«...статуя... фаллос... экскременты... Дэмьен Каррас...» Некоторые слова были подчеркнуты красным карандашом. Киндерман посидел немного в тишине, потом, достав пособие по колдовству и черной магии, открыл его...

«Черная месса... форма поклонения дьяволу. Ритуалы, как правило, включают в себя:

1) проповедование зла среди членов общины;

2) совокупление с бесом (по общему мнению, болезненное, так как пенис беса обычно описывается как "ледяной");

3) различные осквернения, чаще всего сексуальные.

Так, например, из мучной пыли, фекалий, менструальной крови и гноя изготавливают нечто вроде огромных гостий — облаток для причастия, которые затем разрезают и используют в качестве имитации влагалища. Священнослужители производят акт совокупления, выкрикивая при этом, что они насилуют саму Святую Деву Марию или вступают в содомистскую связь с Христом. В других случаях девушкам вводят во влагалище статуэтку, изображающую Христа, а в область ануса вставляют гостию, после чего священник, проламывая эту гостию, совершает содомистское насилие и произносит всякого рода богохульные слова. Большая роль в таких ритуалах зачастую отводится статуям Христа и Богоматери. Так, ярко раскрашенной для придания ее облику большего распутства статуе Святой Девы приделывают груди, и дьяволопоклонники сладострастно сосут их. Или создают на такой статуе имитацию влагалища и вонзают туда пенис. А статую Христа снабжают фаллосом, и потом как мужчины, так и женщины совершают с ним самые невероятные развратные действия. Иногда в роли распятого на кресте Христа заставляют выступать живого человека, а извергнутое им в результате непристойных развлечений семя собирают в специальные сосуды и используют для изготовления гостии, которую затем пачкают в экскрементах и кладут на алтарь...»

Киндерман перелистал страницы и нашел абзац, в котором описывались ритуалы, связанные с человеческими жертвоприношениями. Он медленно прочитал его, покусывая себя за подушечку указательного пальца. Закончив

чтение, он нахмурился и покачал головой. В задумчивости детектив взглянул на лампу и выключил ее. Потом вышел из здания и поехал в морг.

Дежурный, сидевший за письменным столом, жевал бутерброд с ветчиной и сыром. Завидев приближающегося Киндермана, он быстро стряхнул крошки с кроссворда.

— Дэннингс,— хрипло прошептал детектив.

Дежурный кивнул, записал в кроссворде какое-то пятибуквенное слово, потом поднялся и, прихватив с собой бутерброд, пошел по холлу. Киндерман последовал за ним, зажав в руке шляпу. Ему казалось, что вокруг пахнет тмином и витает еще какой-то запах, похожий на запах горчицы. Они подходили к морозильным установкам, которые хранят тех, кто спит вечным сном без сновидений.

Они остановились у номера 32. Дежурный с безразличным выражением на лице выдвинул ящик с трупом. Потом откусил кусок бутерброда, и маленькая крошка ржаного хлеба, испачканная майонезом, упала на саван. Некоторое время Киндерман смотрел вниз. Потом медленно и очень аккуратно отодвинул край простыни и увидел то, во что никак не хотел верить.

Голова Дэннингса была повернута на 180° и лежала затылком вверх.

Глава пятая

По глинистой овальной дорожке зеленой низины университетского кампуса в полном одиночестве бегал трусцой Дэмьен Каррас. На нем были шорты цвета хаки и хлопчатобумажная футболка, насквозь пропитанная потом. Впереди на холме белел известковый купол астрономической обсерватории. Сзади находилась медицинская школа, которую со всех сторон обступали холмы развороченной земли.

С тех пор как Дэмьена освободили от обязанностей советника и воспитателя, он приходил сюда каждый день и накручивал круги в погоне за здоровым, спокойным сном. Он уже почти выздоровел, вырвав из сердца цепкие когти горя. Теперь оно почти отпустило его.

Двадцать кругов...

Почти отпустило.

Еще! Еще парочку!

Почти отпустило...

Кровь гудела в его сильных мышцах. Длинными пружинистыми шагами Каррас огибал поворот и тут заметил человека, сидящего на той самой скамейке, где он оставил свитер, полотенце и брюки. Дэмьену показалось, что человек наблюдает за ним. Может быть, он ошибся? Нет... Человек повернул голову в том направлении, куда побежал Каррас.

Священник увеличил скорость и пошел на последний круг. Ему казалось, что от его шагов дрожит земля. Потом Дэмьен замедлил бег; тяжело и шумно вдыхая воздух, он перешел к ходьбе. Дэмьен прошел мимо скамейки, прижимая руки к бокам и не обращая на незнакомца никакого внимания. Мускулистая грудь и плечи сильно растянули рубашку и деформировали надпись «философы», нанесенную на ткань с помощью трафарета. Когда-то эти буквы были черными. Но в результате частой стирки они потускнели и теперь едва прочитывались.

— Отец Каррас? — хрипло позвал лейтенант Киндерман.

Священник оглянулся и, прищурив глаза от солнечного света, кивнул. Он подождал, пока Киндерман подошел к нему, а потом жестом пригласил его пройтись.

— Вы не возражаете? А то я упаду,— задыхаясь, пошутил он.

— Конечно, конечно, пожалуйста,— без особого энтузиазма согласился детектив и засунул руки в карманы.

— Мы не встречались раньше? — начал иезуит.

— Нет, святой отец. Нет, но мне кто-то говорил, что вы похожи на боксера. По-моему, какой-то священник, я уже не помню.— Детектив вытащил бумажник.— У меня совершенно нет памяти на имена.

— А свое собственное имя вы помните?

— Уильям Киндерман, святой отец.— Сыщик показал служебное удостоверение.— Отдел по расследованию убийств.

— Правда? — Каррас рассматривал значок и удостоверение с нескрываемым мальчишеским любопытством. Его взмокшее, раскрасневшееся лицо выражало наивность.— А что случилось?

— Вы знаете, святой отец,— задумался на секунду Киндерман, вглядываясь в грубые черты лица священника,— вы действительно похожи на боксера. Извините меня, но этот шрам, вот этот, около глаза, делает вас похожим на Брандо из кинофильма «В порту». Вы настоящий Брандо. Вам, наверное, все об этом говорят, святой отец?

— Нет, не говорят.

— А вы когда-нибудь занимались боксом?

— Совсем немного.

— Вы из Вашингтона?

— Из Нью-Йорка.

— Клуб «Золотые перчатки»? Я угадал?

— Вы дослужитесь до капитана,— Каррас улыбнулся.— Чем могу быть полезен?

— Замедлите немного шаг, пожалуйста. Эмфизема.— Детектив указал на свое горло.

— Извините.— Каррас пошел медленнее.

— Ничего. Вы курите?

— Да.

— Вам не следует курить.

— Да, конечно. А теперь объясните мне, в чем все-таки дело.

— Разумеется. Я заболтался. Между прочим, вы сейчас не заняты? — поинтересовался детектив.— Я не отрываю вас от чего-нибудь?

— От чего именно? — удивился Каррас.

— Может быть, от молитвы.

— Да, вы непременно будете капитаном.— Каррас загадочно улыбнулся.

— Извините, я что-нибудь упустил?

Каррас покачал головой, но улыбка не сходила с его губ.

— Я сомневаюсь, что вы вообще когда-либо что-либо упускаете,— возразил он.

Киндерман остановился и попытался придать своему лицу сконфуженное выражение, но, встретив взгляд священника, опустил голову и рассмеялся.

— Ну да. Конечно... конечно... вы же психиатр. Кого я хочу провести? — Он пожал плечами.— Вы знаете, святой отец, у меня такая привычка. Вы уж меня простите. У меня свои методы. Ну хорошо, давайте остановимся, и я вам расскажу, о чем, собственно говоря, идет речь.

— Осквернения,— угадал Каррас, кивнув головой.

— Да, мой метод не удался,— спокойно заметил детектив.

— Извините.

— Ничего, святой отец, я заслужил это. Да, эти происшествия в церкви,— подтвердил он.— Верно. Но помимо этого и еще кое-что более серьезное.

— Убийство?

— Да. Отгадайте еще что-нибудь. Мне это нравится.

— Но вы же из отдела по расследованию убийств.— Иезуит пожал плечами.

— Это ничего не значит, Марлон Брандо. Ничего не значит. Вам не говорили раньше, что вы очень умный священник?

— Моя вина,— пробормотал Каррас. Он продолжал улыбаться, хотя начал понимать, что помимо воли задел

своего собеседника.— Я все же не понимаю, какая здесь связь?

— Послушайте, святой отец, можно мне надеяться, что этот разговор останется между нами? Конфиденциально? Так сказать, небольшая исповедь?

— Конечно.— Дэмьен открыто смотрел на детектива.— Так в чем дело?

— Вы знаете режиссера, который снимал здесь фильм, святой отец? Бэрка Дэннингса?

— Да, я видел его.

— Вы его видели.— Детектив кивнул головой.— Вы знаете, как он умер?

— Ну, из газет...— Каррас снова пожал плечами.

— Это только часть правды.

— Да?

— Только часть. Послушайте, а что вы знаете о поклонении дьяволу?

— Что?

— Терпение. Я вас подвожу к главному. Поклонение дьяволу — вам это знакомо?

— Немного.

— А все, что касается самих ведьм, не охоты на них, а самих ведьм?

— Да, я когда-то писал статью по этому вопросу.— Каррас улыбнулся.— С точки зрения психиатрии.

— В самом деле? Отлично! Это большой плюс. Просто подарок судьбы. Вы можете мне очень помочь, даже в большей степени, чем я ожидал. Послушайте, святой отец... В общем, давайте поговорим о поклонении дьяволу...

Киндерман буквально вцепился в руку священника. Они прошли по изгибу дорожки и направились к скамейке.

— Знаете, святой отец,— вновь заговорил детектив,— я человек мирской и далеко не специалист в этих вопросах. Откровенно говоря, образованностью тоже не отличаюсь. Во всяком случае, в формальном значении этого слова. Но я много читаю. Я знаю, как относятся в обществе к

людям, которые, что называется, «сами себя сделали». Их считают отвратительными, ни на что не годными дилетантами, ну и все такое... Самообразование отнюдь не в почете. Однако я ничуть этого не стыжусь. Поверьте мне, ни капельки. Я...— он вдруг оборвал себя на полуслове, потупился и покачал головой.— Ну вот, опять ударился в лирические откровения. Знаете, дурная привычка — много болтать. Извините. Я понимаю, вы очень занятой человек...

— Да, я молюсь.

Иезуит произнес это мягким тоном, но в то же время голос его был сухим и лишенным всякого выражения.

Киндерман на миг застыл и бросил на священника удивленный взгляд.

— Вы это серьезно? Неужели? — Он вновь повернулся и двинулся вперед — Итак, осквернения... Они у вас никак не ассоциируются с поклонением дьяволу?

— Возможно. Такие ритуалы есть в черной мессе.

— Это уже хорошо. А теперь насчет Дэннингса. Вы читали, как он умер?

— Он упал.

— Ну что ж, я скажу вам. Только, пожалуйста, пусть это останется между нами.

— Конечно.

Детектив вдруг помрачнел, ибо священник прошел в этот момент мимо скамейки и, судя по всему, отнюдь не намеревался присесть на нее.

— Вы не возражаете, святой отец? — В голосе Киндермана слышалась едва ли не мольба.

— Против чего? — Каррас непонимающе взглянул на собеседника.

— Против того, чтобы остановиться и, быть может, посидеть где-нибудь,— пояснил детектив.— Например, вот здесь.

— О, конечно.

Они повернули обратно к скамейке.

— У вас не будет колик? Или судорог?

— Нет, я уже отдышался после бега.

— Вы уверены?

— Да, вполне.

— Ну что ж, тогда прекрасно.

— Итак... О чем вы говорили?

— Да-да, сейчас, одну секунду, пожалуйста.

Киндерман со вздохом облегчения опустился на скамейку.

— Ну вот, отлично, так будет значительно лучше,— пробормотал он, в то время как иезуит вытирал полотенцем блестящее от пота лицо.— Старость, знаете ли, не радость...

— Вы спрашивали о Бэрке Дэннингсе?

— Бэрк Дэннингс... Бэрк Дэннингс...— Детектив пристально уставился на свои ботинки. Потом поднял взгляд и посмотрел прямо в лицо Каррасу.— Бэрка Дэннингса, святой отец, нашли у подножия длинной лестницы ровно в семь часов пять минут. Ему, словно цыпленку, свернули голову на сто восемьдесят градусов.

Отчаянные крики раздались с бейсбольного поля, где тренировалась университетская команда. Каррас замер и заглянул лейтенанту в глаза.

— Так это произошло не в результате падения? — наконец произнес священник.

— В принципе все возможно.— Киндерман пожал плечами.— Но...

— Маловероятно,— задумчиво продолжил Каррас.

— И что вам приходит в голову относительно поклонения дьяволу?

— Ну,— вымолвил наконец иезуит,— предположим, что бесы таким образом ломают шеи ведьмам. По крайней мере, так утверждает легенда.

— Легенда?

— В основном да. Хотя, по-моему, некоторые люди умирали подобным образом. Наиболее вероятно, что это были члены общества дьяволопоклонников, которые ли-

бо отреклись от черной мессы, либо выдали ее секреты. Но это только догадка.

Киндерман кивнул.

— Точно. Я вспомнил о подобном убийстве в Лондоне. Это было уже в наше время. Вернее, не так давно, четыре или пять лет назад, святой отец. Я читал об этом в газетах.

— Да, я тоже читал, но все это оказалось газетной уткой. Или я ошибаюсь?

— Нет, все верно, святой отец, абсолютно верно. Но в данном случае вы можете проследить некоторую связь между убийством и осквернением в церкви. Может быть, это какой-то сумасшедший священник или некто, настроенный против церкви? А может быть, подсознательный протест...

— Больной священник,— пробормотал Каррас.— Вы об этом?

— Вы психиатр, святой отец, вот вы и скажите мне.

— Безусловно, в осквернениях есть психическое отклонение, какая-то патология...— Каррас задумчиво натягивал на себя свитер.— И если Дэннингса убили, то я считаю, что убийца страдает расстройством психики.

— И, возможно, что-то знает о поклонении дьяволу?

— Возможно.

— Возможно,— хмыкнул детектив.— Тот, кто подходит под эту статью, очевидно, живет где-то поблизости и имеет по ночам доступ в церковь.

— Больной священник...— тихо повторил Каррас и протянул руку к выгоревшим брюкам цвета хаки.

— Послушайте, святой отец, вам это, конечно, тяжело. Я все понимаю. Но ведь для священников на территории университета вы — психиатр, святой отец.

— Нет, у меня теперь другие обязанности.

— В самом деле? В середине года?

— Таков приказ.

Каррас пожал плечами и принялся надевать брюки.

— И все-таки вы должны знать, кто болен, а кто здоров,— настаивал Киндерман.— То есть вы понимаете, какую болезнь я имею в виду. Это вы должны знать.

— Совсем не обязательно, лейтенант. Совсем не обязательно. Если бы я и знал, это было бы чистой случайностью. Я не занимаюсь психоанализом. Мои обязанности — давать советы. Я действительно не знаю, кто бы это мог быть.

— Ах, ну да. Врачебная этика. Если бы вы и знали, то все равно не сказали бы.

— Скорее всего, нет.

— Между прочим, это я вспомнил так, к слову. Такая этика очень часто идет вразрез с законом. Я не хочу утомлять вас мелочами, но не так давно одного калифорнийского психиатра посадили в тюрьму за то, что он не дал полиции определенных сведений о своем пациенте.

— Это угроза?

— Не говорите ерунду. Я упомянул об этом так, к слову.

— Я всегда смогу объяснить судье, что это была исповедь,— усмехнулся иезуит, вставая, чтобы заправить в брюки футболку.— Если уж быть с вами до конца откровенным,— добавил он.

Детектив мрачно взглянул на Карраса.

— Хотите заняться делом, святой отец? — Он тоскливо поглядел куда-то в сторону.— Впрочем... Какой вы святой отец? Ведь вы же иудей. Я сразу это понял, как только увидел вас.

Иезуит фыркнул.

— Смейтесь, смейтесь,— проворчал Киндерман, а потом вдруг и сам озорно улыбнулся: — Кстати, я вспомнил сейчас одну историю. Когда я сдавал экзамен на право быть принятым на службу в полицию, один из вопросов звучал приблизительно так: «Что такое бешенство и как следует поступать, если вам придется с ним столкнуться?» И знаете, что ответил на это кто-то из тупоголовых претендентов? Догадываетесь? Он сказал: «Раввины — это иудейские

священники, и я готов оказывать им всяческое содействие». Клянусь вам, это истинная правда*.

Каррас рассмеялся.

— Может, пройдемся еще? Я провожу вас до машины. Вы оставили ее на стоянке?

Детектив молча посмотрел на него и не двинулся с места.

— Вы полагаете, наша беседа окончена? — наконец спросил он.

— Послушайте, я действительно ничего не скрываю.— Священник поставил ногу на скамейку и обхватил рукой колено.— На самом деле. Но если бы я и знал этого больного священника, я не назвал бы его имени. Скорее всего, я доложил бы об этом архиепископу. Но я даже приблизительно не могу себе представить, кто бы это мог быть.

— Ну ладно,— вздохнул детектив.— Если говорить честно, я не думал, что это мог быть священник. Если бы я объяснил, какие у меня подозрения, вы бы назвали меня ненормальным. Не знаю. Все эти общества и культы, где жизнь человеческая и гроша ломаного не стоит. Начнешь задумываться. Чтобы идти в ногу со временем, надо быть чуточку сумасшедшим.

Каррас кивнул.

— Что написано на вашей рубашке? — спросил вдруг Киндерман.

— Что именно?

— На вашей футболке,— уточнил детектив.— Надпись «Философы».

— А-а, я читал лекции одно время,— объяснил Каррас,— в Вудстокской семинарии штата Мэриленд. Я играл в бейсбольной команде низшей лиги. Она называлась «Философы».

— А высшая?

---

* Здесь обыгрывается созвучие английских слов. Rabies — бешенство, водобоязнь; rabbi — раввин, иудейский священник; библ.: равви, учитель.

— «Богословы».

Киндерман с улыбкой покачал головой.

— «Богословы» — три... «Философы» — два...— пробормотал он.

— «Философы» — три... «Богословы» — два...— поправил его священник.

— Конечно-конечно.

— Да, именно так.

— Странно все это, очень странно,— печально произнес детектив.— Послушайте, доктор. Или я сошел с ума, или в Вашингтоне существует община ведьм. Возможно ли это в наше время?

— Ну-ну, продолжайте,— подстегнул его Каррас.

— Значит, возможно.

— Я вас не понимаю.

— Вы мне точно не ответили и опять поступили очень умно. Вы играете роль защитника дьявола, святой отец, да-да, защитника. Может быть, вы не хотите показаться доверчивым. Суеверный священник и рациональный умница Киндерман.— Он постучал пальцем у виска.— Но гений находится рядом, это наш Век разума. Правильно. Ну скажите, я прав?

Иезуит смотрел на детектива с все возрастающим уважением.

— Ну что ж, это довольно проницательное замечание.

— Тогда ладно,— Киндерман понизил голос до хрипа.— Я вас еще раз спрашиваю: может ли сейчас в Вашингтоне существовать община ведьм?

— Но я действительно не знаю,— задумался Каррас, сложив руки на груди.— Говорят, что где-то в Европе есть почитатели черной мессы.

— В наши дни?

— В наши дни.

— Такие, как в средние века, святой отец? Вы знаете, я много читал об этом, между прочим, и о сексе, и о статуях,

и еще Бог знает о чем. Я не хочу вызывать у вас отвращение, но неужели они действительно этим занимались?

— Я не знаю.

— Но выскажите хотя бы свое мнение по этому поводу.

Иезуит рассмеялся.

— Ну хорошо. Тогда я считаю, что все это правдоподобно. По крайней мере, я так думаю. Но здесь я исхожу только из патологии. Ну да, об этой самой черной мессе. Все, кто этим занимался, были, видимо, психически больными. В медицине даже есть специальный термин для подобного расстройства: сатанизм. Эти люди не могут получать сексуального наслаждения, если оно не связано с богохульством и осквернением святых. Это встречается не так уж редко даже в наше время, а черная месса только подтверждает правильность моих слов.

— Еще раз прошу простить мне мое невежество, но как же все-таки обстоит дело со статуями Иисуса и Девы Марии?

— Что именно вы имеете в виду?

— Эти рассказы о них правдивы?

— Что ж, возможно, вас, как полицейского, заинтересует факт, о котором я сейчас вспомнил.— Каррас заметно оживился. Чувствовалось, что в нем проснулся ученый и исследователь.— В отчетах парижской полиции можно и сейчас найти описание интересного случая, который произошел с двумя монахами. Сейчас вспомню. По-моему, это было в Крепи. Эти два монаха пришли в гостиницу и начали ругаться, требуя трехместную кровать. Третьего «постояльца» они тащили с собой: это была статуя Богоматери в человеческий рост.

— О Боже, это потрясающе! — выдохнул детектив.— Потрясающе!

— Но это самая настоящая правда. И она подтверждает, что все, прочитанное вами, основано на фактах.

— Да, секс... Может быть, может быть. Я теперь понимаю. Но это немного другое. Не важно. А ритуалы, связан-

ные с убийствами, святой отец? Это тоже правда? Расскажите! Они используют кровь грудных младенцев?

Детективу пришли на память истории, о которых он тоже прочел в книгах о ведьмовстве и дьяволопоклонничестве. Там описывалось, как лишенный сана священник во время черной мессы вскрывал вены на запястье новорожденных младенцев и собирал их кровь в специальный сосуд. И как потом эту кровь освящали и выпивали во время причастия.

— Это очень напоминает рассказы об иудеях,— сказал он.— О том, как они похищали христианских младенцев и пили их кровь. Извините, святой отец, но я лишь пересказываю истории, поведанные вашими же собратьями.

— Если эти истории правдивы, то просить прощения следует мне.

— Вы прощены и оправданы. Прощены и оправданы,— повторил Киндерман.

В глазах священника промелькнуло выражение скорби и печали — словно тень некоего весьма болезненного воспоминания. Он поспешил отвести взгляд и пристально уставился себе под ноги.

— Я ничего не знаю о ритуальных убийствах,— наконец проговорил он.— Нет, не знаю. Но в Швейцарии одна акушерка на исповеди призналась, что убила около тридцати или сорока младенцев, чтобы использовать их во время черной мессы. Возможно, у нее выведали это под пытками,— поспешил добавить он.— Кто знает? Но говорила она убедительно. Акушерка рассказывала, что прятала в рукав длинную тонкую иглу, и, когда надо было принимать ребенка, она незаметно высовывала иглу и втыкала ее в родничок на голове ребенка, а потом опять прятала иглу в рукав. После этого не оставалось никаких следов,— пояснил Каррас и взглянул на Киндермана.— Все считали, что ребенок родился мертвым. Вы слышали, что европейцы-католики весьма предосудительно относятся к акушер-

кам? Так вот, эта предосудительность вытекает именно отсюда.

— Это страшно.

— И в нашем веке встречается безумие. Во всяком случае...

— Подождите. Все эти истории... ведь их рассказывали под пытками, верно? Так что на них нельзя полностью полагаться. Сначала они подписывали свои признания, а уж потом кто-то другой мог их дополнить. Я хочу сказать, что в этих случаях не было ни клятв, ни, так сказать, предписания о представлении виновных перед судом для рассмотрения законности их ареста. Я прав?

— Да, вы правы, но тем не менее многие признания были сделаны добровольно.

— Кто же будет добровольно рассказывать о таких вещах?

— Ну, хотя бы те, у кого болела душа.

— Ага! Еще один достоверный источник!

— Конечно же вы правы, лейтенант. Я выступаю в роли адвоката дьявола. Но есть одна вещь, часто нами забываемая: люди, у которых хватает духа сознаться в подобных делах, возможно, способны и совершить их. Ну, например, вспомним легенду об оборотнях. Конечно, это звучит смешно, ведь никто не может превратиться в дикого зверя. Но если человек поверит в то, что он оборотень, он и будет вести себя как оборотень.

— Ужасно. Только теория или факт?

— Ну, существовал же, например, Вильям Штумпф. Или Петер. Я точно не помню. Он жил в Германии в шестнадцатом веке, был уверен в том, что он оборотень и убил больше двадцати человек.

— Вы хотите сказать, что он сам признался в этом?

— Да, но думаю, что это признание было обосновано.

— Чем?

— Когда его поймали, он пожирал мозги двух своих молодых невесток.

Со стороны тренировочного поля, отчетливо слышные в прозрачном воздухе солнечного апрельского дня, донеслись стук мяча о биту и крики: «Давай, Миллинс, давай! Бей! Беги! Покажи им всем!»

Детектив и иезуит подошли к стоянке. Оба молчали.

Поравнявшись с полицейской машиной, Киндерман потянулся было к ручке дверцы, но потом на мгновение замер и вновь повернулся к Каррасу. Взгляд его был мрачен, даже угрюм.

— Так кого же мне искать, святой отец? — спросил он.

— Сумасшедшего,— тихо ответил Дэмьен Каррас.— Возможно, наркомана.

Детектив задумался и, ни слова не говоря, кивнул головой. Потом повернулся к священнику.

— Хотите, подброшу? — предложил он, открывая дверцу машины.

— Спасибо, мне здесь близко.

— Не важно, садитесь! — Киндерман нетерпеливым жестом пригласил священника в машину.— Потом расскажете своим друзьям, что катались в полицейской машине.

Иезуит улыбнулся и опустился на заднее сиденье.

— Ну вот и хорошо.— Детектив шумно выдохнул воздух, откинулся назад и захлопнул дверцу.

Каррас показал дорогу. Они поехали на Проспект-стрит, к современному зданию, куда недавно перевели иезуитов. Каррас не мог больше оставаться в коттедже, понимая, что священники, привыкшие к его безотказности, не оставят его в покое и будут постоянно просить о помощи.

— Вы любите кино, отец Каррас?

— Очень.

— Вы видели «Короля Лира»?

— У меня нет возможности.

— А я видел. У меня есть пропуск.

— Это хорошо.

— У меня есть пропуск на самые лучшие фильмы. Моя жена очень устает и поэтому никогда со мной не ходит.

— Это плохо.

— Да, это плохо, я не люблю ходить в кино один. Понимаете, мне нравится поговорить о фильме, поспорить, покритиковать его.

Каррас молча кивнул, глядя вниз на большие и сильные руки, зажатые между колен. Так прошло несколько секунд. Потом Киндерман неуверенно повернулся и с хитринкой в глазах предложил:

— Может быть, вы когда-нибудь согласитесь сходить со мной в кино, отец Каррас? Это бесплатно... У меня пропуск,— быстро добавил он.

Священник взглянул на него и улыбнулся.

— Как говорил Элвуд П. Дауд в кинофильме «Харви» — когда?

— О! Я позвоню вам, позвоню! — Лицо детектива просветлело.

Они подъехали к дому и остановились.

Каррас взялся за ручку и открыл дверцу.

— Пожалуйста, позвоните. Извините, что я не смог вам помочь.

— Ничего, вы мне все-таки помогли.— Киндерман неуклюже помахал рукой. Каррас уже выходил из машины.— Должен признать, что для иудея, который старается скрыть свое истинное лицо, вы весьма приятный человек.

Каррас обернулся, захлопнул дверцу машины и наклонился к окну.

— Вам кто-нибудь говорил, что вы похожи на Пола Ньюмана? — с едва заметной, но доброжелательной улыбкой спросил он.

— О да, и не раз. Поверьте, мистер Ньюман очень старается вырваться из этого тела на свободу. Там слишком тесно. Кроме него внутри заперт еще и Кларк Гейбл.

Каррас усмехнулся и отошел от машины.

— Подождите! — вдруг остановил его Киндерман.

Каррас обернулся.

— Послушайте, святой отец, я совсем забыл.— Детектив высунулся из окна автомобиля.— Напрочь вылетело из головы. Вы помните ту карточку с осквернительным текстом? Ту самую, что нашли в церкви?

— Карточка с молитвами?

— Ну да. Она еще у вас?

— Да, она у меня. Я проверял латинский язык. Она вам нужна?

— Да, может быть, мне удастся извлечь из нее что-либо полезное.

— Одну секундочку, сейчас принесу.

Пока Киндерман ждал около полицейской машины, иезуит прошел в свою комнату на первом этаже, выходящую окнами на Проспект-стрит, и взял карточку. Вернувшись, он отдал ее Киндерману.

— Может быть, остались отпечатки пальцев,— предположил Киндерман, осматривая карточку, а потом добавил: — Хотя нет, вы же держали ее в руках. Хорошо, что я вовремя сообразил.— Он вглядывался в пластиковую обертку карточки.— Ага, подождите-ка, что-то есть, что-то есть! — Потом с нескрываемым ужасом детектив посмотрел на Карраса.— Вы ее вынимали отсюда?

Каррас усмехнулся и кивнул.

— Ну, это не важно, может быть, мы что-нибудь все-таки найдем. Кстати, вы ее изучали?

— Да.

— Ваше заключение?

Каррас пожал плечами.

— На шутника не похоже. Сначала я подумал, что текст сочинил какой-то студент. Но теперь я в этом сомневаюсь. У того, кто писал эти строки, несомненно, сильное психическое расстройство.

— Как вы и говорили.

— И латынь...— Каррас нахмурился.— Текст не безликий, лейтенант, здесь чувствуется определенный стиль, вполне индивидуальный стиль. Человек, который это писал, должен думать на латинском языке.

— А священники думают на латыни?

— Ну-ну, продолжайте!

— Ответьте на вопрос, мистер Вечно-Подозревающий.

— Да, на определенной стадии освоения языка это бывает. По крайней мере, у иезуитов и некоторых других священников. В Вудстокской семинарии отдельные философские дисциплины читались на латыни.

— Почему?

— Для четкости мышления. Это стройная система.

— Ага, понимаю.

Каррас посерьезнел:

— Послушайте, лейтенант, можно, я скажу вам, кто, по-моему, действительно сделал это?

Детектив придвинулся к нему:

— Кто же?

— Доминиканцы. Поищите среди них.— Каррас улыбнулся, помахал на прощание рукой и пошел.

— Я вам сказал неправду! — вдруг крикнул ему вслед лейтенант.— Вы похожи на Сола Минзо!

Киндерман следил взглядом за священником. Тот еще раз махнул рукой и вошел в здание. Детектив повернулся, уселся в машину, вздохнул и пробормотал:

— Он колеблется, колеблется. Совсем как камертон под водой.

Помедлив еще несколько мгновений, он тронул за плечо водителя.

— Все. Давай обратно в контору. И побыстрее. Гони вопреки всем правилам движения — они для нас сейчас не существуют.

Машина резко рванула с места.

Новая комната Карраса была обставлена скромно: односпальная кровать, удобный стул, письменный стол и книжные полки, встроенные в стену. На письменном столе стояла старая фотография его матери, а в изголовье кровати молчаливым упреком висело металлическое распятие.

Эта узкая комната вполне устраивала Карраса и являла собой его мир. Дэмьен не заботился о вещах, главное, чтобы они всегда были чистыми. Каррас принял душ, быстро побрился. Надев брюки цвета хаки и рубашку с короткими рукавами, он легкой походкой направился в столовую для священников. Здесь он заметил розовощекого Дайера, одиноко сидящего в углу, и двинулся в его сторону.

— Привет, Дэмьен! — поздоровался Дайер.

Каррас кивнул и, встав рядом со стулом, скороговоркой пробубнил молитву. Потом перекрестился, сел и поздоровался с другом.

— Ну, как дела у бездельника? — пошутил Дайер, пока Каррас развертывал на коленях салфетку.

— Это кто бездельник? Я работаю.

— Читая одну лекцию в неделю?

— Здесь важно качество,— возразил Каррас.— Что на обед?

— А по запаху не определишь?

— Кошмар! Кислая капуста да конская колбаса.

— Здесь важно количество,— с напускной серьезностью парировал Дайер.

Каррас покачал головой и протянул руку к алюминиевому кувшину с молоком.

— Я бы не стал рисковать,— пробормотал Дайер, не меняясь в лице и намазывая масло на добрую половину пшеничного батона.— Видите там пузыри? Селитра.

— Мне полезно,— отрезал Каррас, пододвинул к кувшину свой стакан и услышал, как кто-то подошел к столу.

— Я наконец-то прочитал книгу,— весело сообщил подошедший.

Каррас поднял глаза и почувствовал болезненную тревогу, а потом свинцовую тяжесть в суставах. Он узнал священника, приходившего к нему недавно за советом. Того самого, который не мог ни с кем подружиться.

— Да? И что же вы о ней думаете? — полюбопытствовал Каррас и поставил кувшин на место.

Молодой священник заговорил, а уже через полчаса вся столовая сотрясалась от смеха Дайера.

Каррас взглянул на часы.

— Не хочешь одеться? — спросил он священника.— Можно пойти полюбоваться закатом.

Через некоторое время они уже стояли, облокотившись о перила лестницы, ведущей на М-стрит.

Рыжие лучи заходящего солнца освещали западную часть неба и мелкими красноватыми зайчиками разбегались по темной речной глади.

Однажды в это же время Каррас встретил Бога. Это было давно. Но, как покинутый любовник, он помнил об этом свидании.

— Красивое зрелище,— восхищался Дайер.

— Да,— согласился Каррас.— Я стараюсь приходить сюда каждый вечер.

Университетские часы начали отбивать время. Было семь часов вечера.

В семь часов двадцать три минуты лейтенант Киндерман изучал спектрографические данные, подтверждавшие, что краска, соскобленная с птицы Риган, идентична краске с осквернённой статуи Девы Марии.

А в восемь часов сорок семь минут в трущобах северной части города бесстрастный Карл Энгстром вышел из запущенного, полуразвалившегося жилого дома, с бесстрастным, лишенным всякого выражения лицом прошел три квартала к автобусной остановке, минуту постоял там в полном одиночестве, а потом вдруг согнулся и зарыдал, опершись о фонарный столб.

В это время лейтенант Киндерман был в кино.

Глава шестая

В среду, 11 мая, они вернулись домой. Риган уложили в кровать, установили замки на ставнях и убрали все зеркала из ее спальни и ванной.

«...Все меньше и меньше работает ее сознание, а во время припадков она полностью отключается. Это новый симптом, и, пожалуй, он исключает истерию. В то же время проявились другие симптомы в области, которую мы называем парапсихологическим феноменом...»

Пришел доктор Кляйн. Он продемонстрировал Крис и Шарон, как следует подключать Риган к питанию сустагеном в период комы. Он показал им специальную трубку:

— Сначала...

Крис заставляла себя смотреть и в то же время не видеть лицо дочери, слушать врача и забыть о словах, произнесенных врачом в клинике...

Но они пробивались в ее сознание, как туман сквозь ветви деревьев.

Кляйн направил трубку в желудок Риган.

— Сначала вы должны проверить, не попала ли жидкость в легкое,— инструктировал он, зажимая трубку, чтобы прекратить доступ сустагена.— Если...

«...Синдром разновидности такого расстройства, которое вряд ли встретишь еще где-нибудь, разве что только у примитивных народов. Мы называем это "сомнамбулическая одержимость". Честно говоря, мы мало знаем об этом расстройстве — известно лишь, что оно начинается с конфликта или чувства вины, отчего у больного складывается впечатление, будто в его теле находится посторонний разум, душа, если хотите.

Раньше, когда люди верили в дьявола, это вторгающееся существо считалось бесом. В современных случаях это

чаще душа какого-либо умершего человека, знакомого больному прежде, которому он может подсознательно подражать — мимикой, голосом, манерами, а иногда даже способен воспроизводить черты его лица. Говорят...»

После того как мрачный доктор ушел, Крис связалась со своим агентом в Беверли Хиллз и безжизненным голосом сообщила, что не будет принимать участие в съемках. Потом она позвонила миссис Пэррин. Но той не оказалось дома. Крис повесила трубку, и ее охватило отчаяние.

Хоть бы кто-нибудь был рядом... Кто-нибудь, кто мог бы ей помочь...

«...Есть более простые случаи, связанные с душами умерших. Здесь редко встречаются ярость, сверхактивность или мышечное возбуждение. Однако в большинстве случаев сомнамбулическая одержимость новой, вселившейся личности отличается злобностью и враждебно настроена по отношению к первой. Ее основная цель — разрушить, замучить, а иногда даже уничтожить первую личность...»

В дом доставили несколько смирительных ремней. Крис, усталая и опустошенная, стояла и наблюдала, как Карл привязывал ими руки Риган к кровати. Пока Крис поправляла Риган подушку, швейцарец выпрямился и с жалостью взглянул в искаженное лицо девочки.

— Она выздоровеет? — спросил он.

Крис уловила участие в его голосе, но не смогла ответить... В тот момент, когда Карл обратился к ней, Крис нащупала под подушкой какой-то предмет.

— Кто положил сюда распятие? — возмутилась она.

«...Этот синдром — только проявление конфликта или какой-то вины, поэтому мы и пытаемся выяснить причину. Самый лучший способ в данном случае — гипнотерапия, однако здесь мы не могли успешно ее применить и

поэтому выбрали наркосинтез — один из методов лечения наркотиками. Но, честно говоря, опять зашли в тупик».

«Так что же дальше?»

«Время покажет. Боюсь, что теперь нам остается уповать только на него. Мы попытаемся что-нибудь предпринять и будем надеяться на перемены. Пока что придется положить ее в больницу...»

Крис отыскала Шарон на кухне в тот момент, когда та ставила на стол только что принесенную из детской пишущую машинку. Уилли около раковины резала морковь для рагу.

— Шар, это ты сунула распятие ей под подушку? — выпытывала Крис с напряжением в голосе.

— О чем ты? — опешила Шарон.

— Так это не ты?

— Крис, я не пойму, о чем ты говоришь. Послушай, я же тебе говорила еще в самолете: я рассказала Риган, что Бог создал мир, и еще, возможно, о...

— Хорошо, Шарон, я тебе верю, но...

— Я тоже ничего не клала,— проворчала Уилли.

— Но ведь кто-то положил его туда, черт возьми! — взорвалась Крис и тут же накинулась на Карла, открывавшего холодильник.

— Я тебя еще раз спрашиваю: это ты положил распятие ей под подушку? — Голос ее почти срывался.

— Нет, мадам,— спокойно возразил Карл, заворачивая кусочки льда в полотенце.— Нет. В глаза не видел никакого распятия.

— Но этот идиотский крест не мог сам попасть туда! Кто-то из вас врет! Признавайтесь! Чьих это рук дело? — Она вдруг тяжело опустилась на стул и зарыдала, закрыв лицо руками.— Простите меня, ради Бога, простите, я не соображаю, что делаю,— всхлипывала Крис.— О Боже, я ничего не понимаю!

Уилли и Карл молча смотрели на нее. Шарон успокаивающим жестом дотронулась до ее шеи.

— Ну перестань. Все хорошо, все хорошо.

Крис вытерла лицо рукавом.

— Да, я понимаю, что тот, кто это сделал, хотел как лучше.

«...Послушайте, я вам снова и снова повторяю, вы лучше поверьте мне: я не отдам ее ни в какой сумасшедший дом!»

«Это не...»

«Мне не важно, как вы это называете! Но я должна видеть ее все время!»

«Тогда извините».

«Конечно! "Извините"! О Боже! Сотня докторов, и все, что вы мне можете сказать,— это ваше идиотское...»

Крис глубоко затянулась сигаретным дымом, потом нервно затушила окурок и поднялась в спальню Риган. В сумерках Крис разглядела прямую фигуру, сидящую на стуле у кровати Риган. «Что он тут делает? — удивилась она.— Карл?»

Крис подошла ближе, но швейцарец даже не взглянул на нее, продолжая пристально смотреть на девочку.

Рука Карла была протянута вперед и касалась лица Риган. Что у него в руке?

Крис приблизилась к кровати и различила самодельный компресс со льдом, который Карл наспех соорудил на кухне. Швейцарец пытался охладить девочке лоб.

Крис была тронута и с удивлением наблюдала за этой картиной. Видя, что Карл не обращает на нее внимания и не двигается, она повернулась и тихо вышла из комнаты...

«...Внешняя случайность, ведь одержимость редко связывают с истерией, поскольку корни синдрома почти всегда ведут к самовнушению. Должно быть, ваша дочь слы-

шала об одержимости, верила в нее, знала симптомы, поэтому сейчас ее подсознание и воспроизводит синдром. Если это возможно установить, тогда и лечение надо проводить на основе самовнушения. В таких случаях, мне думается, сыграло бы на руку потрясение. Хотя, вероятно, большинство терапевтов с этим не согласятся.

Ну и, как я уже говорил, повлиять может любая внешняя случайность. Поскольку вы возражаете против госпитализации дочери, я...»

«Говорите же ради Бога — что "я"»?

«Вы когда-нибудь слышали о ритуале изгнания дьявола, миссис Макнил?..»

Книги в кабинете были для Крис лишь частью обстановки, она не читала ни одной из них.

Теперь же Крис жадно всматривалась в названия, упорно искала...

«...Специфический ритуал, во время которого раввины или священники пытаются изгнать духа. В настоящее время сохранился только у католиков. Для тех, кто считает себя одержимым, этот ритуал вполне действенное средство. Обычно этот метод срабатывает, здесь играет роль сила внушения. Вера больного в одержимость вызывает синдром, и в той же мере вера в изгнание беса может заставить исчезнуть все признаки одержимости. Этот... ну вот, вы уже нахмурились. Ну, может быть, здесь будет к месту рассказать вам об австралийских аборигенах. Они считают, что если какой-нибудь колдун мысленно на расстоянии пошлет им "луч смерти", то они обязательно должны умереть. И ведь в самом деле умирают! Ложатся и постепенно умирают! Единственное, что иногда спасает их,— это то же самое внушение: аннулирующий луч, посланный другим колдуном!»

«И вы хотите, чтобы я отвела ее к колдуну?»

« Да. То есть я хочу сказать, что ее надо показать священнику. Я понимаю, что это немного странный совет, возможно даже опасный, ведь мы не уверены в том, что Риган раньше хоть что-нибудь знала об одержимости, и в частности об изгнании бесов. Как вы думаете, она могла об этом где-то прочитать?»

«Вряд ли».

«Может быть, она видела это в кино? Или по телевизору?»

«Нет».

«Может быть, читала Евангелие, Новый Завет?»

«А почему вы об этом спрашиваете?»

«Там есть упоминание об одержимых и о том, как Христос изгонял бесов. Описание признаков одержимости».

«Нет. Забудьте об этом. Слышал бы сейчас все это ее отец!..»

Указательный палец Крис скользнул по корешкам книг. Ничего нет. Ни Библии, ни Нового Завета, ни...

«Спокойно!» — приказала себе Крис.

Ее взгляд вернулся к заглавию книги, стоящей в самом низу. Это был один из томов о колдовстве, который ей прислала Мэри-Джо Пэррин. Крис достала книгу и отыскала оглавление. Палец заскользил вниз по странице.

Вот!

Название главы пульсом отдалось в висках: «Состояние одержимости».

Крис захлопнула книгу и прикрыла глаза. Она растерялась...

Может быть... Может быть...

Крис открыла глаза и медленно побрела на кухню. Шарон печатала на машинке. Крис показала ей книгу.

— Шар, ты читала это?

Шарон продолжала печатать, не отрывая глаз от листа.

— Что именно? — переспросила она.

— Книгу о колдовстве.

— Нет.

— Это ты отнесла ее в кабинет?

— Нет. Я вообще ее не трогала.

— А где Уилли?

— Ушла на рынок.

Крис кивнула, что-то обдумывая. Затем поднялась в спальню Риган и показала книгу Карлу.

— Карл, ты не ставил эту книгу в кабинет? На стеллаж?

— Нет, мадам.

— Может быть, Уилли,— пробормотала Крис, не в силах оторвать взгляд от увесистого тома. Ее начали мучить ужасные догадки. Неужели врачи в клинике Бэрринджера были правы? Неужели это правда, и Риган под впечатлением прочитанного сама внушила себе психическое расстройство? Можно ли найти здесь описание подобного состояния? Что-то специфическое, что присутствует и в поведении Риган?

Крис села за стол, открыла главу об одержимости и начала искать:

«Непосредственное следствие веры в бесов, так называемая одержимость,— состояние, при котором люди считают, что их физическим и моральным поведением руководит либо бес (наиболее часто в описываемый период), либо дух умершего человека. Это явление встречалось в истории во все времена и по всей территории земного шара. Его еще предстоит объяснить. После подробнейшего и досконального исследования Трауготта Остеррайха*, впервые опубликованного в 1921 году, этот вопрос практически не изучался. Достижения психиатрии почти ничего не добавляют по существу этого явления».

Крис нахмурилась. После разговора с врачом у нее сложилось другое впечатление.

---

* Остеррайх, Трауготт Константин (1880–1949) — философ и психолог.

«Известно следующее: некоторые люди подвергались таким изменениям, что для окружающих они становились совсем другими личностями. Менялись не только голос, манеры, выражение лица и характерные телодвижения, но и сам человек начинал чувствовать, что он отличается от своего прошлого "я", и осознавал, что у него теперь иное имя (человеческое или дьявольское) и другая судьба...»

«Симптомы... Где же симптомы?» — нервничала Крис.

«...На островах Малайского архипелага, где одержимость до сих пор — обычное явление, вселившийся дух умершего часто заставляет одержимого повторять жесты усопшего, подражать его голосу и манерам до такой степени, что родственники усопшего часто впадают в истерику. Здесь можно столкнуться и с так называемой квазиодержимостью — это может быть либо простое надувательство, либо паранойя или истерия. Проблема всегда состояла лишь в том, как объяснить явление, и самое древнее толкование этому — вселение духа. Такое толкование подтверждали еще тем, что вселившаяся личность вела себя совсем по-иному. В бесовской форме одержимости "бес", например, мог разговаривать на иностранном языке, неизвестном первой личности, или...»

Вот! Это уже кое-что! Ее бред! Попытка воспроизвести какой-то язык. Крис торопливо продолжала читать:

«...или проявление парапсихологических способностей, например телекинеза, то есть способности перемещать предметы без использования материальной силы...»

Стук? Подпрыгивание кровати?

«В случаях вселения духа умершего происходят и такие явления, как описанный Остеррайхом эпизод с монахом, становившимся во время приступов одержимости способным и одаренным танцором, хотя до заболевания никогда и нигде не танцевал. Такие явления могут быть весьма впечатляющими. Психиатр Юнг после изучения сеансов одержимости мог дать лишь частичное объясне-

ние тем явлениям, которые, бесспорно, нельзя симулировать...»

Это уже звучало тревожно.

«...И Уильям Джеймс, величайший психолог Америки, указывал на "правдоподобность" духовного объяснения этого явления, после того как тщательно изучил так называемое "Чудо Вацека", девочку-подростка из Вацека в штате Иллинойс, которую нельзя было отличить от девочки по имени Мэри Рофф, умершей двенадцатью годами ранее в сумасшедшем доме...»

Крис, нахмурившись, читала и не слышала, как в прихожей раздался звонок. Она не слышала, как Шарон перестала печатать и пошла открывать.

«Обычно считают, что демоническая форма одержимости восходит к истокам христианства... На самом деле и одержимость, и изгнание бесов появились задолго до времени Христа. Древние египтяне, а также представители древнейших цивилизаций междуречья Тигра и Евфрата считали, что физические и духовные расстройства вызываются вторжением в организм бесов. Приводим в качестве примера заклинание против детских болезней в Древнем Египте: "Уйди прочь, исчадье тьмы, нос твой как крючок, а лицо наизнанку... Ты пришел лобзать мое дитя... Ты не смеешь..."»

— Крис?

Увлекшись, она продолжала читать дальше.

— Шар, я занята.

— К тебе явился детектив по делу об убийстве.

— О Боже, Шар, скажи ему...— Крис задумалась.— Хотя не надо.— Она нахмурилась, все еще глядя в книгу.— Не надо. Пусть войдет. Пригласи его.

Послышались шаги.

Крис замерла в ожидании.

«Чего я жду?»

Детектив вошел вместе с Шарон. Комкая в руках шляпу, он сопел, почтительно склонившись немного вперед.

— Мне так неловко. Вы заняты, я вижу, вы заняты. Я вас побеспокоил.

— Ну, как ваши дела с миром?

— Очень плохо, очень плохо. А как ваша дочь?

— Никаких перемен.

— О, извините, мне ужасно неловко.— Детектив неуклюже топтался у стола. В глазах его проскальзывало участие.— Вы знаете, я бы вас никогда не стал беспокоить, у вас больна дочь, это так неприятно. Боже мой, когда моя Руфь болела, или нет, нет, это была Шейла, моя младшая...

— Пожалуйста, присаживайтесь,— перебила Крис.

— Да-да, спасибо.— Киндерман шумно выдохнул и с благодарностью уселся на стул напротив Шарон.

Та опять принялась печатать письма.

— Извините, так на чем вы остановились? — возобновила разговор Крис.

— Ах да, моя дочь, у нее... ах, ну это не важно.— Детектив сменил тему.— Вы ведь заняты. А я тут лезу со своей жизнью, хотя о ней можно было снять целый фильм. В самом деле! Это просто невероятно! Если бы вы знали хоть половину из того, что происходило в моей сумасшедшей семье! Я расскажу вам всего один случай. Моя мама каждую пятницу готовила нам рыбный фарш. Так всю неделю, понимаете, всю неделю никто не мог помыться, потому что моя мамуля запускала в ванну карпа, вот он там и плавал себе целую неделю, потому что моя мама, видите ли, считала, что это очищает его организм от ядов! Вы приготовились? Потому что... Ах, ну ладно... Этого достаточно.— Киндерман вздохнул и махнул рукой.— Иногда полезно посмеяться хотя бы для того, чтобы не расплакаться.

Крис безразлично смотрела на детектива и ждала...

— Вы читаете? — Киндерман взглянула на книгу о колдовстве.— Это нужно вам для фильма? — поинтересовался он.

— Просто читаю.

— Нравится?

— Я только начала.

— Колдовство,— пробормотал детектив. Вытянув голову, он попытался прочитать название книги.

— В чем дело? — рассердилась Крис.

— Да-да, извините. Вы заняты, я сейчас уйду. Как я уже говорил, я бы никогда не стал вас беспокоить, но тут...

— Что?

Детектив стал серьезным и положил руки на стол.

— Понимаете, миссис Макнил, мистер Дэннингс...

— Ну?

— Черт побери! — яростно воскликнула Шарон и вынула испорченное письмо из машинки. Она скомкала его и швырнула в корзину для бумаг, стоящую около Киндермана.— О, извините,— осеклась Шарон, заметив, что ее внезапная вспышка гнева перебила их разговор.

Крис и Киндерман смотрели на нее.

— Вы — мисс Фенстер? — обратился к Шарон Киндерман.

— Спенсер,— поправила Шарон и отодвинула стул, собираясь встать и поднять листок.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь,— затараторил Киндерман, нагибаясь и поднимая скомканный листок.

— Спасибо,— поблагодарила Шарон.

— Ничего. Извините, вы — секретарь?

— Шарон, это...

— Киндерман,— напомнил детектив.— Уильям Киндерман.

— Ну да. А это Шарон Спенсер.

— Рад познакомиться,— кивнул Киндерман блондинке. Она положила руки на машинку и с любопытством рассматривала его.— Возможно, вы нам поможете,— добавил детектив.— В ночь гибели мистера Дэннингса вы ушли в аптеку и оставили его одного в доме, верно?

— Не совсем. Оставалась еще Риган.

— Это моя дочь,— пояснила Крис.

Киндерман продолжал задавать вопросы Шарон.

— Он пришел повидать миссис Макнил?

— Да.

— Он считал, что она скоро придет?

— Я ему сказала, что она должна вернуться очень скоро.

— Очень хорошо. А когда вы ушли? Вы этого не помните?

— Надо подумать. Я смотрела новости, поэтому... Ну да, верно. Я, помню, разозлилась, когда аптекарь заявил, что рассыльный мальчик уже ушел домой. Я тогда еще сказала: «Ну-ну, а всего-то шесть тридцать». Значит, Бэрк пришел через десять или двадцать минут после моего разговора.

— Значит,— подытожил детектив,— он пришел сюда где-то в шесть сорок пять.

— А что все это значит? — заволновалась Крис, чувствуя в душе растущее напряжение.

— Понимаете, тут возникает вопрос, миссис Макнил,— с хрипотцой в голосе произнес Киндерман, поворачиваясь к ней.— Приехать в дом, скажем, без четверти семь и уйти всего через двадцать минут...

— Ну и что? Это же Бэрк,— возразила Крис.— На него похоже.

— А похоже ли на мистера Дэннингса,— поинтересовался Киндерман,— посещать бары на М-стрит?

— Нет.

— Я так и думал. Я просто проверил. А имел ли он привычку ездить в такси? Обычно он вызывал машину из дома, когда собирался уходить?

— Да.

— Тогда приходится задуматься, зачем же он разгуливал по лестнице. Удивительно и то, что в таксопарках нет записи о заказе в тот вечер из этого дома,— добавил Киндерман.— Кроме той, где зафиксировано, что таксист заехал за мисс Спенсер ровно в шесть сорок семь...

— Я ничего не знаю,— пробормотала Крис. Голос ее был бесцветным... Она ждала...

— Вы же знали об этом! — крикнула детективу Шарон, потрясенная его словами.

— Да, простите меня,— извинился детектив.— Однако дело теперь приняло серьезный оборот.

Крис часто задышала, не сводя с Киндермана глаз.

— В каком смысле? — пролепетала она неестественно писклявым голосом.

Детектив уперся подбородком в кулаки, все еще сжимающие скомканный листок.

— Судя по отчету патологоанатома, миссис Макнил, вероятность случайной гибели исключена... Однако...

— Вы хотите сказать, что его убили? — Крис напряглась.

— Положение... Я понимаю, это очень неприятно.

— Продолжайте.

— Положение его головы и определенные травмы мышц шеи...

— О Боже! — вскрикнула Крис.

— Да. Это неприятно. Извините. Мне ужасно неловко. Но, понимаете, такие травмы — детали можно упустить,— такие травмы мистер Дэннингс мог получить, только пролетев определенное расстояние,— ну, скажем, двадцать или тридцать футов. И только потом тело должно было скатиться по лестнице. Так что вполне вероятно, что... Но, позвольте, я сначала спрошу вас...

Детектив повернулся к нахмурившейся Шарон.

— Когда вы ушли, мистер Дэннингс был здесь? С девочкой?

— Нет, он был внизу... В кабинете.

— Может ли ваша дочь вспомнить,— Киндерман повернулся к Крис,— был ли в тот вечер мистер Дэннингс в ее комнате?

«Была ли она когда-нибудь вообще с ним наедине?»

— А почему вы об этом спрашиваете? Нет, я же говорила раньше: ей дали сильное успокоительное и...

— Да-да, вы мне говорили, это верно, я вспомнил. Но, может быть, она проснулась. Ведь это возможно?

— Нет. И потом...

— Когда мы с вами разговаривали в прошлый раз, она тоже спала после успокоительного?

— Да, она действительно спала,— вспомнила Крис.— Ну так что?

— Мне показалось, что в тот день я видел ее у окна.

— Вы ошиблись.

Киндерман пожал плечами:

— Может быть... может быть... я не уверен.

— Послушайте, почему вы все это спрашиваете? — решилась наконец поинтересоваться Крис.

— Видите ли, есть вероятность, как я уже говорил, что покойный напился до такой степени, что споткнулся и выпал из окна спальни вашей дочери.

Крис отрицательно покачала головой:

— Этого никак не могло случиться. Во-первых, окно всегда закрыто, а во-вторых, Бэрк был практически постоянно пьян, но при этом очень аккуратен и осторожен. Ведь так, Шар?

— Так.

— Бэрк даже работал «под мухой». Как же он мог споткнуться и выпасть из окна?

— Может быть, вы еще кого-нибудь ждали в тот вечер? — спросил Киндерман.

— Нет.

— Может быть, у вас есть друзья, которые заходят без звонка?

— Только Бэрк,— уверила его Крис.— А что?

Детектив опустил голову и, нахмурившись, начал разглядывать смятый листок в руках.

— Странно... это так загадочно. Покойный приходит навестить вас, остается только на двадцать минут, уходит,

не встретив вас, и при этом оставляет тяжело больную девочку. Говоря точнее, миссис Макнил, вы исключаете, что он мог упасть из окна. Кроме того, после падения он не мог получить такие травмы шеи. Такое происходит в одном случае из тысячи...

Детектив указал на книгу о колдовстве.

— Вы читали в этой книге про ритуальные убийства?

Крис отрицательно покачала головой. Предчувствие сковало ее.

— Может быть, не в этой книге,— засомневался Киндерман.— Простите меня, я упомянул об этом просто так, чтобы вы лучше подумали. Ведь бедного Дэннингса нашли со свернутой шеей. Именно подобным образом совершаются ритуальные убийства так называемыми бесами, миссис Макнил.

Крис побледнела.

— Какой-то сумасшедший убил мистера Дэннингса,— продолжал детектив, пристально глядя на Крис.— Сначала я не говорил этого, чтобы не расстраивать вас. И кроме того, теоретически это мог быть и несчастный случай. Но лично я так не думаю. Это мое мнение. Моя догадка. Я считаю, что его убил очень сильный человек. Это раз. Трещины на черепе — это два. И еще разные мелочи, о которых я говорил, допускают возможность того факта, что покойного убили, а потом столкнули из окна комнаты вашей дочери. Это могло произойти, если кто-то зашел к вам в промежутке между уходом мисс Спенсер и вашим приходом. Поэтому я и спрашиваю еще раз: кто мог зайти?

— О Боже, подождите секунду! — потрясенно прошептала Крис срывающимся голосом.

— Да-да, извините... Это так неприятно. Возможно, я вовсе не прав, признаю... Но вы подумайте. Кто? Кто мог зайти?

Крис опустила голову и, нахмурившись, задумалась. Потом взглянула на Киндермана.

— Нет. Не могу никого вспомнить.

— Может быть, тогда вы, мисс Спенсер? — обратился детектив к Шарон.— Кто-нибудь к вам сюда приходит?

— О нет, никто,— удивилась Шарон, широко раскрыв глаза.

Крис повернулась к ней:

— А твой жокей знает, где ты работаешь?

— Жокей? — переспросил Киндерман.

— Это ее друг,— пояснила Крис.

Шарон отрицательно покачала головой.

— Он никогда не приходил сюда. Кроме того, в тот вечер он был в Бостоне. У них там какой-то съезд.

— Он торговец?

— Нет, адвокат.

Детектив опять повернулся к Крис.

— А ваши слуги? У них бывают посетители?

— Нет. Никогда.

— Может быть, вы ждали в тот день посылку? Или какой-нибудь пакет?

— Я об этом ничего не знаю. А что?

— Мистер Дэннингс был — о мертвых плохо не говорят, царство ему небесное,— но, как вы выразились, «под мухой». В этом состоянии он был, ну, скажем, вспыльчив, возможно, мог к чему-нибудь придраться и разозлить человека, в данном случае посыльного, который зашел для того, чтобы передать вам что-то. Вы никого не ждали? Может быть, белье из стирки? Или продукты из магазина? Какой-нибудь сверток?

— Я действительно не знаю,— недоумевала Крис.— Все приносит Карл.

— Да, я понимаю.

— Хотите спросить его?

Детектив вздохнул и откинулся на спинку стула, засовывая руки в карманы пальто. Он хмуро уставился на книгу о колдовстве.

— Не важно, не важно. Это было давно. У вас ведь очень больна дочь, и, пожалуйста, не волнуйтесь. Очень рад был с вами познакомиться, мисс Спенсер.

— Я тоже.— Шарон слегка кивнула.

— Загадочно,— покачал головой Киндерман.— Странно. Извините меня, я потревожил вас впустую.

— Ничего, я провожу вас до двери,— предложила Крис, думая о чем-то своем.

— Не беспокойтесь.

— Меня это не затруднит.

— Ну, если вы настаиваете. Кстати, один шанс на миллион, я понимаю, но ваша дочь... Может быть, вы спросите ее, видела ли она мистера Дэннингса в своей комнате в тот вечер?

Крис шла, сложив руки.

— Послушайте, прежде всего у него не было причин подниматься к ней.

— Я понимаю, я все понимаю, это верно. Но ведь если бы в свое время английские ученые не задали вопрос: «А что это за грибок?» — у нас сегодня не было бы пенициллина. Не так ли? Пожалуйста, спросите ее. Вы спросите?

— Когда она достаточно поправится. Да, я спрошу.

— Я не хотел огорчать вас...— Они уже подошли к входной двери, когда Киндерман вдруг замялся и в нерешительности приложил пальцы к губам: — Вы знаете, мне очень неловко просить вас, однако...

Крис напряглась в ожидании очередного удара. Предчувствие опять неприятно защекотало где-то внутри.

— Что такое?

— Для моей дочери... не могли бы вы дать автограф? — Детектив покраснел, и Крис чуть не рассмеялась от облегчения.

— О, конечно. Где карандаш? — засуетилась она.

— Вот он! — Киндерман одной рукой вынул из кармана пальто замусоленный карандашный огрызок, а другой — из пиджака — визитную карточку.— Она будет так благодарна!

— Как ее зовут? — спросила Крис, прижимая визитку к двери и приготовившись надписать ее.

Последовало какое-то непонятное замешательство. Крис слышала за спиной только тяжелое дыхание. Она обернулась на детектива и заметила в его глазах смятение.

— Я солгал,— выдавил он наконец.— Это для меня.

Киндерман уставился на визитку и покраснел.

— Напишите: «Уильяму».

Крис уставилась на него с неожиданной и чуть заметной нежностью, потом, взглянув на обратную сторону карточки, написала: «Уильям Ф. Киндерман, я люблю вас!» — и расписалась.

— Вы очень милая женщина,— заметил детектив, не глядя на Крис, и засунул карточку в карман.

— А вы очень милый мужчина.

Киндерман покраснел еще сильнее.

— Нет, я не милый. Я надоедливый зануда. Не обращайте внимания на то, что я здесь наговорил. Это так неприятно. Забудьте об этом. Думайте только о вашей дочери. Только о дочери.

Крис кивнула, и подавленное настроение опять захватило ее, как только Киндерман вышел на крыльцо.

— Но вы спросите ее? — напомнил детектив, повернувшись к Крис.

— Да,— прошептала Крис.— Я обещаю. Я спрошу.

— До свидания. Будьте осторожны.

Крис еще раз кивнула и добавила:

— И вы тоже.

Она закрыла дверь. И тут же опять открыла ее, услышав стук.

— Как неприятно. Я так вас совсем замучил. Я забыл у вас карандаш.— Его лицо выражало смущение.

Крис обнаружила у себя в руках огрызок, слабо улыбнулась и отдала его Киндерману.

— И еще...— Он колебался.— Это бесполезно... Я понимаю... Простите мою назойливость... но все же я не усну спокойно, если буду знать, что где-то сумасшедший или наркоман гуляет на свободе. Как вы думаете, мог бы я по-

говорить с мистером Энгстромом? Насчет доставок... По поводу доставок на дом. Мне, пожалуй, следовало бы это сделать.

— Конечно, входите,— чуть слышно проговорила Крис.

— Нет, вы заняты. Этого достаточно. Я могу поговорить с ним здесь. Здесь вполне удобно.

Он прислонился к перилам.

— Если вы так настаиваете...— Крис едва заметно улыбнулась.— Он с Риган. Я его сейчас пришлю.

Крис поспешно закрыла дверь. Через минуту на крыльцо шагнул Карл. Высокий и статный, он смотрел на Киндермана прямым холодным взглядом.

— Чем могу быть полезен?

— Вы имеете право не отвечать мне,— начал Киндерман, так же прямо глядя ему в глаза.— Если вы не воспользуетесь этим правом, то все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. У вас есть право переговорить с адвокатом или пригласить адвоката на допрос. Если вы желаете иметь адвоката, но не имеете средств, вам будет назначен адвокат бесплатно перед допросом. Вам все понятно?

Птицы щебетали в густой листве деревьев, и гудки автомобилей с М-стрит доносились сюда приглушенно, как жужжание пчел на дальнем лугу. Взгляд Карла не изменился. Он коротко бросил:

— Да.

— Вы отказываетесь от права молчать?

— Да.

— Вы хотите отказаться и от права переговорить с адвокатом или пригласить его на допрос?

— Да.

— Вы утверждали ранее, что двадцать восьмого апреля, в день смерти мистера Дэннингса, вы посетили кинотеатр «Крэст»?

— Да.

— В котором часу вы вошли в кинотеатр?

— Я не помню.

— Вы утверждали, что ходили на шестичасовой сеанс. Это поможет вам вспомнить?

— Да. На шестичасовой сеанс. Я вспомнил.

— Вы смотрели эту картину с самого начала?

— Да.

— И ушли после окончания фильма?

— Да.

— Не раньше?

— Нет, я досмотрел до конца.

— После этого вы сели в транзитный автобус перед кинотеатром и сошли на пересечении М-стрит и Висконсин-авеню приблизительно в девять двадцать вечера?

— Да.

— И пошли домой пешком?

— И пошел домой пешком.

— И были дома примерно в девять тридцать?

— Я был дома ровно в девять тридцать.

— Вы в этом уверены?

— Да, я посмотрел на часы. Абсолютно уверен.

— Так вы досмотрели фильм до самого конца?

— Да, я уже сказал.

— Ваши ответы записываются на магнитофон, мистер Энгстром, и я хочу, чтобы вы в полной мере отвечали за свои слова.

— Понимаю. Я уверен в том, что говорю.

— Вы помните ссору между служащим кинотеатра и пьяным зрителем, происшедшую за пять минут до окончания фильма?

— Да.

— Вы мне не можете назвать причину этого недоразумения?

— Этот мужчина напился и мешал другим.

— И чем все закончилось?

— Его выставили. Его выставили из кинотеатра.

— А ведь никакой ссоры не было. А помните ли вы вынужденную паузу по техническим причинам, она продолжалась примерно пятнадцать минут, и фильм был прерван.

— Нет.

— Вы помните, как возмущались зрители?

— Нет. Никакой паузы не было.

— Вы уверены?

— Ничего не было.

— Было, и это записано в журнале киномеханика, поэтому фильм в тот вечер закончился не в восемь сорок, а примерно в восемь пятьдесят пять, а значит, самый первый автобус, который смог вас довезти до пересечения М-стрит и Висконсин-авеню, подошел не в девять двадцать, а в девять сорок пять. Дома вы могли быть не ранее чем без пяти десять, а не в девять тридцать, что подтвердила и миссис Макнил. Теперь не смогли бы вы объяснить это загадочное несоответствие?

— Нет.

Несколько секунд детектив молча разглядывал его, потом вздохнул и, опустив голову, выключил магнитофон, спрятанный под подкладку пальто.

— Мистер Энгстром,— проникновенно начал Киндерман.— Возможно, совершено серьезное преступление. Вы под подозрением. Мистер Дэннингс оскорблял вас — я узнал об этом из других источников. Очевидно и то, что вы говорили неправду относительно места вашего пребывания в момент его смерти. Иногда случается — все мы люди, почему бы и нет? — что женатый человек оказывается в таком месте, о котором ему не хотелось бы упоминать. Вы заметили, я устроил все так, чтобы мы разговаривали с вами наедине? Теперь я не записываю. Магнитофон выключен. Вы можете доверять мне. Если уж получилось, что в тот вечер вы были не с женой, а с другой женщиной, вы можете сказать мне об этом. Я проверю ваше алиби, и в случае, если оно подтвердится, с вас будут полностью сняты подозрения. Что же касается вашей жены... она ничего

не узнает. Скажите, где вы были в тот момент, когда умер Дэннингс?

На секунду в глубине глаз швейцарца что-то блеснуло, но тут же пропало.

— В кино! — упорно настаивал на своем Карл.

Детектив пристально смотрел на него. В тишине было слышно только его сиплое дыхание. Прошло несколько секунд...

— Вы меня арестуете? — в конце концов нарушил молчание Карл. Голос его слегка дрожал.

Детектив не ответил и продолжал, не мигая, разглядывать швейцарца. Карл собрался что-то сказать, но детектив неожиданно спустился с крыльца и направился к полицейской машине, засунув руки в карманы.

Карл бесстрастно и спокойно наблюдал за ним с крыльца. Киндерман открыл дверцу машины, достал пачку салфеток, вынул одну и высморкался, безразлично уставившись на реку. Потом сел в машину и даже не оглянулся. Карл взглянул на свою руку и заметил, что она дрожит.

Когда захлопнулась входная дверь, Крис стояла у стойки бара в кабинете и наливала водку в стакан со льдом. Она услышала шаги. Карл поднимался по лестнице. Крис взяла стакан и медленно направилась в кухню, помешивая напиток указательным пальцем. Она шла и ничего вокруг не замечала. Что-то вокруг пугающе изменилось. Ужас просачивался в ее сознание. Что там, за дверью? Что это?

«Не смотри!»

Крис вошла на кухню, села за стол и отхлебнула из стакана.

«Я считаю, что его убил очень сильный человек...»

Взгляд ее упал на книгу о колдовстве.

«Что-то...»

Шаги. Это Шарон. Вернулась из спальни Риган. Вот она вошла. Села за машинку. Вставила чистый лист бумаги в каретку.

«Что-то...»

— Довольно-таки неприятно,— пробормотала Шарон, опустив пальцы на клавиатуру и рассматривая стенограмму, лежащую рядом.

Тишина. Что-то тяжелое зависло в воздухе. Крис с отсутствующим видом продолжала пить.

Молчание нарушила Шарон. В голосе ее отчетливо звучало напряжение:

— Сейчас развелось много хиппи в районе М-стрит и Висконсин. Разные оккультисты. Полиция называет их «адовы псы». Я подумала, может быть, Бэрк...

— О Боже, Шар! Забудь об этом, прошу тебя! — взорвалась Крис.— Я должна думать сейчас только о Ригс! Ты понимаешь?

Шарон повернулась к машинке и застучала с бешеной скоростью. Потом резко поднялась и вышла из кухни.

— Я пойду погуляю,— холодно бросила она.

— Ради Бога, держись подальше от М-стрит! — напутствовала Крис и опять уставилась на книгу.

— Ладно!

— И от Н-стрит тоже!

Крис слышала, как открылась и закрылась входная дверь. Она вздохнула и почувствовала, что жалеет о том, что произошло. Но вспышка, хоть и частично, сняла скопившееся у нее внутри напряжение.

Крис попыталась сосредоточиться на книге. Она нашла место, где остановилась, с нетерпением принялась пробегать страницу за страницей, отыскивая описание симптомов Риган: «...бесовская одержимость... синдром... случай с восьмилетней девочкой... ненормально... четыре взрослых человека едва могли удержать...»

Перевернув очередную страницу, Крис вдруг застыла.

До нее донесся шум. Это Уилли вернулась с продуктами.

— Уилли?.. Уилли?..— срывающимся голосом позвала Крис.

— Да, мадам,— отозвалась Уилли, ставя на пол сумки.

Не глядя на нее, Крис подняла книгу.

— Это ты положила книгу в кабинет, Уилли?

Уилли взглянула на книгу и кивнула, потом повернулась и принялась разгружать сумки.

— Уилли, где ты ее нашла?

— Наверху, в спальне,— ответила Уилли.

Она засовывала в холодильник бекон.

— Когда ты ее там нашла? — продолжала допытываться Крис, не отрывая взгляда от страниц.

— После того как все уехали в больницу, мадам, когда я пылесосила в спальне Риган.

— Ты уверена?

— Уверена, мадам.

Крис застыла. Взгляд ее замер, дыхание остановилось. В ее памяти болезненно четко вспыхнула картина того вечера, когда умер Дэннингс. Она ясно вспомнила открытое окно в спальне Риган. Что-то совсем знакомое шевельнулось в ее мозгу, когда она взглянула на первую страницу книги. По всей длине страницы была аккуратно оторвана тоненькая полоска бумаги.

Крис дернулась, услышав наверху, в спальне Риган, звуки какой-то странной возни.

Стук, очень частый, с мощнейшим резонансом, будто кто-то кувалдой молотил в комнатах!

Истошный крик Риган, испуганный, умоляющий!

Карл! Это Карл что-то со злостью кричит Риган.

Крис выскочила из кухни.

«Бог мой, что там происходит?»

Обезумев, она бросилась к лестнице в спальню. Крис услышала удар. Кто-то споткнулся, кто-то рухнул на пол, как тяжелый мешок.

Раздался крик Риган:

— Нет! Нет! Прошу тебя, нет!

И потом жуткий голос Карла. Нет-нет, это не Карл! Там кто-то еще!

Крис пролетела через холл, задыхаясь, ворвалась в спальню и замерла в ужасе. Невероятные удары сотрясали сте-

ны. Карл без сознания лежал около письменного стола. Девочка волчком вертелась на кровати, а кровать подпрыгивала и тряслась. В руках Риган сжимала белое костяное распятие и направляла его во влагалище, с ужасом уставившись на крест. Ее глаза почти вылезли из орбит от страха, все лицо было перепачкано кровью, сочащейся из носа, трубка для питания валялась рядом.

— Я прошу тебя! Нет! Ну, пожалуйста! — кричала девочка, а руки все ближе придвигали крест. Казалось, она изо всех сил пытается оттолкнуть распятие, но не может.

— Ты сделаешь то, что я говорю, мерзавка! Ты сделаешь это!

Ужасный бас, эти жуткие слова шли от Риган, голос ее вдруг стал низким и грубым, свирепым и яростным, и в одно мгновение выражение ее лица изменилось, превратившись в дикую бесовскую маску, ту, что Крис уже видела на сеансе гипноза. И теперь лицо и голос менялись с невероятной скоростью. Оглушенная, Крис не могла отвести взгляд от представшей ее глазам жуткой картины.

— Нет!

— Ты сделаешь это!

— Прошу тебя!

— Ты сделаешь это — или я убью тебя!

— Умоляю!

— Нет, ты позволишь Иисусу Христу трахать тебя! Трахать... Тр...

Глаза Риган раскрылись еще шире, она невидяще уставилась перед собой, отступив перед какой-то страшной неизбежностью, открыла рот и закричала с неистовым отчаянием. Потом черты беса опять появились на лице Риган, комната наполнилась зловонием, и стало очень холодно. Казалось, этот холод источали сами стены. Удары прекратились, и пронзительный крик девочки перешел в грудной, захлебывающийся, злобный вопль ликующего победителя. Риган ткнула распятие во влагалище и яростно начала глубже и глубже вонзать его, при этом она свирепо приговаривала все тем же низким, оглушительным басом:

— Теперь ты моя, ты моя, вонючая скотина! Мерзавка! И пусть Иисус трахает, трахает тебя...

Крис не могла пошевелиться, а Риган яростно бросилась на мать. Лицо ее изменилось до неузнаваемости, она вытянула руку, схватила Крис за волосы и дернула вниз.

— А-а-а! Мамаша маленькой хрюшки! — пророкотал тот же низкий голос.— Ну же, попробуй со мной совладать! А-а-а-а! — Затем рука, вцепившаяся в голову Крис, дернулась вверх, а другая сильно ударила ее в грудь. Крис отлетела от кровати и стукнулась головой о стену, а Риган продолжала злобно хохотать.

Крис в полуобморочном состоянии лежала на полу, перед ней мелькали какие-то лица, раздавались непонятные звуки. Перед глазами вертелось что-то бесформенное, расплывчатое, в ушах шумело и свистело. Крис пыталась встать, но это ей никак не удавалось. Она посмотрела на заляпанные кровью простыни, на дочь, лежащую к ней спиной и ритмично вводящую распятие во влагалище... До ее ушей вновь донесся жуткий голос:

— А-а-ах, все правильно, так, так, моя хрюшка... моя сладенькая хрюшка...

Едва Крис пошевелилась и сделала движение в сторону кровати, голос внезапно стих. С залитым кровью лицом, почти ничего не видя перед собой, она проползла мимо Карла. Все тело нестерпимо болело. Вдруг Крис съежилась и подалась назад. Сквозь застилавшую взгляд пелену она разглядела, как голова дочери начала медленно поворачиваться вокруг неподвижного туловища, все круче и круче, пока Крис не показалось, что голова повернулась на сто восемьдесят градусов.

— Ты знаешь, что она сделала, твоя трахнутая девка? — захихикал знакомый голос.

Крис взглянула на это безумное ухмыляющееся лицо, на пересохшие растрескавшиеся губы, на лисьи глаза и потеряла сознание.

Часть третья

БЕЗДНА

На это сказали Ему: какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе?

Евангелие от Иоанна, 6:30

...Однажды [во Вьетнаме] командир бригады устроил в своем подразделении соревнование: кто изобретет наиболее ужасную и мучительную пытку для пленных. Победителя ожидал приз: неделя отдыха на роскошной вилле полковника...

«Ньюсуик», 1969 г.

Но Я сказал вам, что вы и видели Меня и не веруете.

Евангелие от Иоанна, 6:36

Глава первая

Крис ожидала его, стоя на набережной около Кей-бридж. На дороге то и дело скапливались машины, водители, спешившие домой, сигналили в образовавшихся заторах с будничным безразличием.

Чуть раньше она связалась с Мэри-Джо. Пришлось пойти на хитрость.

«Риган чувствует себя прекрасно,— солгала она.— Да, кстати, я собираюсь организовать небольшое сборище — пригласить кое-кого на обед. Напомни, пожалуйста, как звали того иезуита... психиатра. Возможно, я включу его в список...»

Откуда-то снизу послышался смех — юная парочка каталась по реке на каноэ.

Крис нервно стряхнула пепел с сигареты и взглянула на дорогу, ведущую к мосту из города. Кто-то торопливо шел по тротуару. Крис разглядела брюки цвета хаки и синий свитер. Нет, это не священник.

Краем глаза она увидела, как человек в свитере положил руку на парапет, и резко обернулась.

— Двигай дальше, развалина,— жестко сказала Крис, бросая сигарету в воду,— или, клянусь Богом, я сейчас позову полицию.

— Мисс Макнил? Я отец Каррас.

Она вздрогнула, покраснела и повернулась к нему. Шероховатое, морщинистое лицо.

— О Боже мой! Я... Боже!

Нервничая, она сняла темные очки и тут же снова надела их, встретив взгляд ясных и грустных глаз.

— Мне надо было предупредить вас, что я буду в обычной одежде. Извините.

Голос звучал успокаивающе, он словно снимал все волнения и тревоги. Отец Каррас аккуратно сложил свои огромные и вместе с тем удивительно нежные руки на груди. Крис поймала себя на том, что не может оторвать глаз от этих рук.

— Я думал, что так будет менее заметно,— продолжал священник.— Ведь вы, кажется, хотели, чтобы все осталось в тайне?

— Мне нужно было лучше позаботиться о том, чтобы не выглядеть такой дурой,— ответила Крис, роясь в сумочке.— Я думала, что вы...

— Светский человек? — вставил он с улыбкой.

— Я поняла это сразу, когда увидела вас в университете.— Теперь она начала обыскивать карманы своего костюма.— Поэтому и позвонила вам. Да, вы производите впечатление светского человека.— Крис взглянула на него и увидела, что священник пристально смотрит на ее руки.— У вас не найдется сигареты, святой отец?

Он потянулся к карману рубашки:

— Ничего, что без фильтра?

— Сейчас я выкурю любую солому.

— Мои доходы таковы, что я часто так и поступаю,— откликнулся отец Каррас, выбивая сигарету из пачки «Кэмел».

— Обет нищеты,— пробормотала Крис и с вымученной улыбкой поднесла ее ко рту.

— Обет нищеты иногда приносит пользу,— возразил священник, отыскивая спички.

— Какую, например?

— Делает солому вкуснее.— Слегка улыбаясь, он смотрел, как сигарета дергается в руке Крис, затем решительно взял ее, прикурил, пряча спичку в ладонях, и со словами:— Машины поднимают такой ветер, что по-другому прикурить просто невозможно,— вернул Крис.

— Спасибо, святой отец.

Крис бросила на него благодарный взгляд, в котором светилась надежда, ибо она знала, что он сделал. Священник тоже взял сигарету и прикурил, даже не закрывая огонек от ветра. Глубоко затянувшись, он облокотился на парапет.

— Откуда вы родом, отец Каррас? — спросила Крис.

— Из Нью-Йорка.

— Я тоже. Но тем не менее никогда бы туда не вернулась. А вы?

— И я.— Каррас проглотил комок, подкативший к горлу, и попытался улыбнуться.— Но не мне принимать подобные решения.

— Ну да, какая же я глупая. Вы же священник. Вы едете туда, куда вас направят.

— Да.

— А как случилось, что вы из психиатра сделались священником? — спросила Крис.

Отцу Каррасу не терпелось побыстрее вникнуть в суть дела, но в то же время он понимал, что нельзя торопиться

с расспросами. Крис сама должна выйти на нужный разговор.

— Тут как раз наоборот,— поправил он.— Общество...

— Какое общество?

— Общество Христа. Иными словами, иезуиты...

— А, понимаю.

— Общество направило меня в университет учиться на психиатра.

— Куда?

— В Гарвард, к Джону Хопкинсу. В клинику Бельвю.

Каррас вдруг поймал себя на мысли, что хочет произвести впечатление на Крис. «Почему?» — удивленно подумал он, но тут же нашел ответ, вспомнив дешевые галерки в восточной части города и трущобы, где пролетело его детство. Маленький Димми стоит рядом с кинозвездой!

— Неплохо,— кивнула она.

— Мы не даем обета *моральной* нищеты.

Крис почувствовала легкое раздражение и, пожав плечами, перевела взгляд на реку.

— Видите ли, я вас не знаю, и...— Глубоко затянувшись, она выдохнула дым и потушила окурок о парапет.— Вы ведь друг отца Дайера?

— Да, я его друг.

— И довольно близкий?

— Достаточно близкий.

— Он рассказывал вам о вечеринке?

— В вашем доме?

— Да.

— Он сказал, что вы произвели на него очень хорошее впечатление.

Крис никак не отреагировала на комплимент.

— Он вам говорил что-нибудь о моей дочери?

— Нет, я и не знал, что у вас есть дочь.

— Ей двенадцать лет. Он вам не рассказывал про нее?

— Нет.

— И не рассказывал, что она сделала?

— Он вообще не упоминал о ней.

— Похоже, священники умеют молчать.

— Когда как,— ответил Каррас.

— А от чего это зависит?

— От священника.

В глубине его сознания вдруг мелькнула мысль об извращенности некоторых женщин, страстно желающих под любым предлогом завлечь и совратить именно священника.

— Я хотела сказать, что наш разговор смахивает на исповедь. Вам ведь запрещено разглашать тайну исповеди, верно?

— Да, это так.

— А то, что не относится к исповеди? — спросила Крис.— Я хочу сказать, что если...— Ее руки дрожали.— Мне интересно... Я... Мне правда очень хочется узнать. Что, если какой-то человек... ну, скажем, убийца или кто-то в этом роде... Вы меня понимаете? Если этот человек обратится к вам за помощью, вы его выдадите?

Пыталась ли она что-то выведать у него или же просто стремилась рассеять свои сомнения? Каррас знал, что некоторые люди относятся к идее спасения души с таким же недоверием, как к хлипкому мостику, перекинутому над бездонной пропастью.

— Если он придет ко мне за духовной помощью, то нет,— ответил Каррас.

— Вы бы его не выдали?

— Нет, но я бы постарался убедить его в том, что он должен сознаться сам.

— А как вы изгоняете бесов?

— О чем это вы?

— Если человек одержим, то как вы изгоняете из него бесов?

— Для начала, думаю, надо посадить этого человека в машину времени и доставить в шестнадцатый век.

— Что вы хотите этим сказать? Я вас не понимаю.

— Дело в том, мисс Макнил, что это явление больше не встречается.

— С каких пор?

— С тех пор как мир узнал о таких психических заболеваниях, как паранойя и раздвоение личности, и других патологических отклонениях, которые я изучал в Гарвардском университете.

— Вы шутите?

Крис смутилась. Голос ее дрожал, и Каррас в душе проклинал себя за болтливость.

«Что это на меня нашло?» — удивился он про себя, а вслух продолжил:

— Многие образованные католики, мисс Макнил, не верят больше в дьявола, а что касается одержимости, то с того дня, как я стал иезуитом, я не встречал ни одного священника, который бы изгонял бесов. Ни одного.

— Я начинаю сомневаться в том, что вы священник,— промолвила Крис с ноткой горького разочарования в голосе.— А как же библейские рассказы о Христе, изгоняющем всех этих бесов?

— Видите ли, если бы Христос назвал одержимых просто шизофрениками, что, как я полагаю, было истиной, его распяли бы на три года раньше.

— В самом деле? — Крис взялась за очки, пытаясь сдержать себя.— Дело в том, отец Каррас, что один очень близкий мне человек, возможно, одержим и ему нужна помощь. Вы сможете провести изгнание бесов?

Все вокруг показалось вдруг Каррасу нереальным: и мост, и кафе, и автомобили, и кинозвезда Крис Макнил.

Он уставился на нее, размышляя, как лучше ответить, и уловил мучительный страх и отчаяние в покрасневших от слез глазах.

— Отец Каррас, это моя дочь,— прошептала Крис.— Моя дочь!

— Тогда тем более нужно забыть об изгнании...

— Но почему? О Боже, я не понимаю! — надрывно вскрикнула Крис.

Каррас взял ее за руку.

— Прежде всего это может только ухудшить дело.

— Как?

— Ритуал изгнания бесов целиком основан на внушении. Он может вызвать одержимость там, где ее не было, или укрепить ее там, где она уже зародилась. Кроме того, мисс Макнил, прежде чем церковь даст разрешение на такой ритуал, ей нужно провести расследование, чтобы убедиться в правомерности вашей просьбы. На это нужно время. Между тем ваша...

— А вы не можете провести изгнание? — взмолилась Крис. Ее нижняя губа дрожала, в глазах стояли слезы.

— Послушайте меня. Право изгонять бесов имеет каждый священник, но ему необходимо разрешение церкви, и, честно говоря, это разрешение дается очень редко, поэтому...

— Но вы хотя бы взгляните на нее!

— Конечно, как психиатр, я мог бы, но...

— Ей нужен *священник!* — яростно вскричала Крис.— Я уже показывала ее всем этим идиотским психиатрам, и они посоветовали обратиться к вам. А теперь вы посылаете опять к ним!

— Но ваша...

— Господи Иисусе, неужели мне никто не поможет? — Этот отчаянный вопль переполошил птиц, которые откликнулись с берегов взбудораженным криком.— О Боже! Помогите мне, хоть кто-нибудь! — разрыдалась Крис и прижалась к Каррасу.— Пожалуйста, помогите мне! Помогите! Прошу вас! Пожалуйста! Помогите...

Иезуит заглянул Крис в глаза и успокаивающим жестом погладил ее по голове. Пассажиры, попавшие в затор, равнодушно наблюдали за ними из окон автомобилей.

— Конечно, конечно,— прошептал Каррас, похлопывая Крис по плечу. Он пытался успокоить и взбодрить ее, прервать женскую истерику.

«Дочь? Да ей самой нужна помощь психиатра!» — подумалось ему.

— Хорошо, я осмотрю ее,— сказал священник.— Осмотрю.

Они молча подошли к дому. Карраса угнетало ощущение нереальности происходящего, к тому же в голове вертелись мысли о завтрашней лекции в университете. Надо еще успеть набросать кое-какие заметки.

Поднимаясь следом за Крис по ступеням крыльца, Каррас бросил взгляд в ту сторону, где располагалось общежитие иезуитского колледжа. Да, к обеду он явно не успеет. Уже без десяти шесть. Крис открыла ключом дверь и, чуть поколебавшись, повернулась к нему:

— Святой отец... может быть, вам лучше надеть сутану?

Голос ее звучал совсем по-детски.

— Слишком опасно,— ответил он.

Крис понимающе кивнула и распахнула дверь. И вот тут Каррас почувствовал какую-то леденящую, гнетущую тревогу. Острыми осколками льда она вошла в его тело, сконцентрировалась и поползла вверх, замерев в горле.

— Отец Каррас?

Он поднял глаза. Крис вошла в дом и придерживала дверь.

Какую-то долю секунды священник стоял не шевелясь, а потом решительно вошел в прихожую, испытывая при этом странное чувство обреченности.

Он услышал звуки возни, доносившиеся сверху. Хриплый бас кому-то угрожал, посылая всевозможные проклятия с яростной ненавистью.

Крис стала подниматься на верхний этаж. Священник последовал за ней в спальню Риган. Карл стоял напротив двери, прислонившись к стене. Руки его были сложены,

голова опущена. Он медленно поднял голову и посмотрел на Крис. Каррас уловил в его взгляде страх и смятение. Бас громыхал где-то совсем рядом. Он был таким громким, что казалось, в комнате установлен электронный усилитель.

— Оно пытается вырваться из смирительных ремней,— вымолвил Карл слабеющим от ужаса голосом.

— Я сейчас вернусь, святой отец,— пробормотала Крис.

Каррас наблюдал, как она шла через зал к своей спальне. Потом взглянул на Карла.

— Вы священник? — спросил Карл.

Каррас кивнул. В этот момент из комнаты послышался рев какого-то животного, похожий на мычание вола.

Кто-то тронул его за руку.

— Это она,— выдохнула Крис.— Риган.— И дала ему фотографию.— Эта фотография была сделана четыре месяца назад.— Она взяла карточку и кивнула в сторону спальни.— А теперь идите и посмотрите, что с ней стало. А я подожду здесь.

— Кто с ней? — спросил Каррас.

— Никого.

Он выдержал ее пристальный взгляд и, нахмурившись, повернулся к спальне. Как только он взялся за ручку двери, звуки, доносившиеся оттуда, резко оборвались. В напряженной тишине Каррас медленно вошел в комнату и чуть не вылетел обратно, ощутив резкое зловоние.

Быстро придя в себя, он закрыл за собой дверь. И тут взгляд священника упал на существо, которое прежде было Риган. Оно полулежало на кровати, подпертое подушкой. Широко открытые проницательные глаза сверкали безумным лукавством. С интересом и злобой они уставились на Карраса. Лицо напоминало страшную маску. Каррас перевел взгляд на спутанные, свалявшиеся волосы, на исхудалые руки и ноги, на раздутый живот и потом снова на глаза: они наблюдали за ним, буравили его насквозь.

— Привет, Риган,— как ни в чем не бывало поздоровался священник.— Я друг твоей матери. Она мне сказа-

ла, что ты неважно себя чувствуешь. Сможешь рассказать, что произошло? Я хочу помочь тебе.

Немигающие глаза яростно блеснули, и на подбородок из уголков рта поползла желтоватая слюна. Потом губы напряглись и выгнулись в злобную насмешливую улыбку.

— Ну-ну,— злорадно прохрипела Риган, и у Карраса побежали мурашки по всему телу от этого невероятно низкого баса, полного угрозы и силы.— Итак, это ты... они прислали тебя! Ну, тебя-то нам нечего бояться.

— Да, это верно. Я твой друг. Я бы хотел помочь тебе.

— Тогда ослабь ремни,— загремел голос Риган. Она попыталась поднять руки, и только теперь Каррас заметил, что они были стянуты двойными смирительными ремнями.

— Они тебе мешают?

— Чрезвычайно. Они создают крайнее неудобство. Адское неудобство.— В ее глазах блеснул тайный азарт.

Каррас заметил следы царапин на лице и раны на губах девочки. Наверное, она кусала их.

— Боюсь, что ты можешь сделать себе больно, Риган.

— Я не Риган,— басом откликнулся голос. На лице оставалась все та же злобная усмешка, и Каррасу вдруг показалось, что таким оно было всегда. «Как нелепо это выглядит со стороны».

— Да, я понимаю. Тогда, наверное, нам надо познакомиться. Я — Дэмьен Каррас. А ты кто?

— А я — дьявол.

— Ага, хорошо, очень хорошо,— одобрительно кивнул Каррас.— Теперь мы можем поговорить.

— Поболтаем немного?

— Если хочешь.

— Это так приятно для души. Однако ты скоро поймешь, что я не могу свободно разговаривать, пока на мне эти ремни. Я привык жестикулировать. Как тебе известно, я провел много времени в Риме, дорогой Каррас. Будь так добр, развяжи ремни!

«Как по-взрослому мыслит и выражается это дитя!» — удивился Каррас и заинтересованно наклонился к девочке. В нем взыграло профессиональное любопытство.

— Так ты утверждаешь, что ты дьявол? — спросил он.

— Уверяю тебя.

— Тогда почему ты не можешь сделать так, чтобы ремни исчезли?

— Это слишком примитивное проявление моей силы, Каррас. Слишком грубое. В конце концов, я же князь! — Смех.— Для меня предпочтительней убеждение. Я люблю, чтобы в мои дела кто-нибудь вмешивался и помогал мне. Если я сам расслаблю ремни, мой друг, я лишу тебя возможности совершить благодеяние.

— Но ведь благодеяние,— возразил Каррас,— это добродетель и именно то, что дьявол должен предотвращать, так что я помогу тебе, если не буду снимать ремни. При условии, конечно,— он пожал плечами,— что ты на самом деле дьявол. Если же нет, то я, пожалуй, сниму их.

— Ну ты лиса, Каррас. Если бы любезный Ирод был с нами, он гордился бы тобой.

— Какой Ирод? — прищурившись, спросил Каррас.— Их было двое. Ты говоришь о короле Иудеи?

— Об Ироде из Галилеи! — с ненавистью и презрением выкрикнула она и улыбнулась, продолжая тем же зловещим голосом: — Ну вот, видишь, как меня расстроили эти проклятые ремни. Развяжи их. Развяжи, и я сообщу тебе твое будущее.

— Очень соблазнительно.

— Это я умею.

— А как я узнаю, что ты действительно видишь будущее?

— Я же дьявол.

— Да, ты так говоришь, а вот доказательств не даешь.

— В тебе нет веры.

Каррас застыл:

— Веры в кого?

— В меня, дорогой Каррас, в меня! — Маленькое пламя заплясало в злобных и насмешливых глазах.— Доказательства — это так расплывчато!

— Мне подошло бы что-нибудь очень простое,— продолжал Каррас.— Ну, например... дьявол ведь знает все, верно?

— Не совсем: почти все, Каррас, почти. Ты меня понимаешь? Люди говорят, что я зазнаюсь. Это не так. К чему же ты клонишь, лиса?

— Я думаю, что мы сможем проверить твои знания.

— Ах да, конечно! Самое большое южноамериканское озеро,— насмешливо произнесла Риган,— озеро Титикака в Перу! Это подойдет?

— Нет, мне нужно от тебя только то, что известно одному дьяволу. Например, где Риган? Ты знаешь это?

— Она здесь.

— Где «здесь»?

— В свинье.

— Дай мне взглянуть на нее.

— Зачем?

— Я должен быть убежден, что ты говоришь правду.

— Ты хочешь поразвлекаться с ней? Ослабь ремни, и я разрешу тебе это сделать.

— Я хочу видеть ее.

— Она ничего собой не представляет как собеседница, мой друг. Я бы посоветовал тебе остановить свой выбор на мне.

— Ну вот, теперь мне ясно, что ты не знаешь, где она.— Каррас пожал плечами.— Очевидно, ты не дьявол.

— Я — дьявол! — неожиданно взревела Риган и дернулась вперед. Лицо ее исказилось от злобы. Каррас вздрогнул от этого низкого громыхающего голоса, сотрясшего стены в комнате.— Я — дьявол!

— Ладно, ладно, так дай же мне взглянуть на Риган,— попросил Каррас.— Это и будет доказательством.

— Я докажу тебе! Я отгадаю твои мысли! — вскипело существо.— Задумай число от одного до десяти!

— Нет, это мне ничего не докажет. Мне нужно видеть девочку.

Неожиданно Риган засмеялась и откинулась на подушку.

— Нет, тебе никто ничего не сможет доказать, Каррас. И это прекрасно. Это действительно прекрасно! А мы тем временем постараемся развлечь тебя на славу. В конце концов, нам бы сейчас очень не хотелось потерять тебя.

— Кому это «нам»? — заинтересовался Каррас.

— Мы — маленькая симпатичная компания внутри поросенка,— кивнула Риган.— Да-да, великолепное маленькое общество. Позднее, возможно, я тебя кое с кем из нас познакомлю. А пока у меня мучительно чешется в одном месте, до которого я не могу достать. Ты не мог бы на минуточку ослабить ремень, Каррас?

— Нет. Скажи мне, где у тебя чешется, и я почешу.

— Ах, как хитро! Как хитро!

— Покажи мне Риган, тогда я, возможно, и развяжу один ремень,— предложил Каррас.— Если...

И вдруг он замер. Дэмьен понял, что смотрит в глаза, переполненные ужасом; на губах девочки застыл беззвучный вопль.

В ту же секунду облик Риган исчез, и черты лица быстро изменились, превратившись опять в жуткую маску.

— Ну, так снимешь эти ремни? — спросил бас с сильным британским акцентом.

— Помогите старому дьяцку, отця! Позалейте! — Существо вдруг перешло на гаденький скрипучий голос, а потом с хохотом откинулось назад.

Каррас сидел неподвижно. Внезапно он почувствовал, как будто к его шее прикоснулись чьи-то холодные руки. Риган перестала смеяться и сверлила его взглядом.

— Кстати, твоя мать здесь, с нами, Каррас. Ты ничего не хочешь ей передать? Я бы мог это сделать.

Побледнев, Каррас уставился на кровать. Риган торжествующе засмеялась.

— Если это правда,— ровным голосом проговорил священник,— тогда ты должен знать имя моей матери. Назови его.

Риган зашипела на него, глаза ее безумно заблестели, шея по-змеиному изогнулась.

— Так назови его.

Риган взревела, и этот вопль, прорвавшись через ставни, заставил задрожать стекла огромного окна. Глаза ее закатились.

Некоторое время Каррас наблюдал за Риган, потом онустил взгляд на свои руки и вышел из комнаты.

Крис быстро отошла от стены, вопросительно глядя на иезуита.

— Что случилось? Ее опять тошнило?

— У вас есть полотенце? — вместо ответа спросил Каррас.

— Там, в ванной,— поспешила ответить Крис, указывая рукой на одну из выходящих в коридор дверей.— Карл, присмотри за ней,— бросила она уже на ходу и последовала за священником в ванную.— Мне так неловко, святой отец! — извиняющимся тоном вновь обратилась она к склонившемуся над умывальником священнику.

— Вы держите ее на транквилизаторах? — спросил Каррас.

— Да. На либриуме.

— Какая дозировка?

— Сегодня ей ввели четыреста миллиграммов, святой отец.

— Четыреста?

— Да, иначе нам не удалось бы надеть на нее эти ремни.— Крис принялась помогать иезуиту, который в этот момент пытался снять с себя свитер.— Мы с трудом все вместе...

— Вы дали девочке четыреста миллиграммов за один раз?

— Ну да... Поднимите руки, святой отец...— Иезуит повиновался, и Крис осторожно стянула с него свитер.— Риган такая сильная, вы не поверите.— Она отодвинула занавеску душевой кабины и затолкала свитер в бак для грязного белья.— Попрошу Уилли постирать его. Еще раз извините, святой отец.

— Ничего страшного. Все в порядке.— Каррас расстегнул на правой руке накрахмаленный манжет белой рубашки и закатал рукав, открывая взору мускулистое, покрытое светло-коричневыми волосками предплечье.

— Ох, и все же мне так неловко, святой отец,— в который уже раз повторила Крис, усаживаясь на край бака.

— Она хоть что-нибудь ест? — спросил иезуит. Он повернул кран и сунул руку под горячую воду, чтобы смыть следы рвоты.— Получает хоть какое-то питание?

— Нет. Только сустаген во время сна.— Крис нервно комкала маленькое розовое полотенце с вышитым на нем голубыми нитками именем Риган.— Но она выдернула трубку.

— Выдернула?

— Сегодня.

Каррас забеспокоился и серьезно произнес:

— Она должна быть в больнице.

— Я не могу на это пойти,— безжизненным голосом ответила Крис.

— Почему?

— Просто не могу! — повторила она.— Нельзя допустить, чтобы еще кто-то был в этом замешан. Она...— Крис глубоко вздохнула. Потом медленно выдохнула воздух.— Она кое-что сделала, святой отец. Я не могу рисковать. Никто не должен об этом знать. Ни врач... ни сиделка.— Крис взглянула на Карраса.— Ни одна душа.

Нахмурившись, священник выключил воду. «Что, если человек, скажем, преступник...» Он опустил голову.

— Кто дает ей сустаген? Либриум? Другие лекарства?

— Мы сами. Доктор показал нам, как это делается.

— Но вам будут необходимы рецепты.

— Кое-чем вы смогли бы нам помочь, святой отец, ведь верно?

Каррас повернулся к Крис, встретил ее испуганный взгляд и прочел в нем какой-то необъяснимый, тайный ужас. Он молча кивнул на полотенце в ее руках, однако она никак не отреагировала.

— Позвольте...— мягко произнес священник, заметив, что глаза женщины устремлены в пространство.

— Ох, извините,— Крис поспешно протянула ему полотенце, и на лице ее появилось выражение напряженного ожидания.

Иезуит принялся неторопливо и методично вытирать руки.

— Святой отец, на что это похоже? — спросила Крис.— Вы думаете, она одержима?

— А вы?

— Я не знаю. Я считала вас специалистом.

— Что вы знаете об одержимости?

— Только то, что сумела выудить из разного рода изданий. И еще то, что мне рассказали врачи.

— Какие врачи?

— В больнице Бэрринджера.

— Вы католичка?

— Нет.

— А ваша дочь?

— Нет.

— А какой религии вы придерживаетесь?

— Никакой, но я...

— Зачем же вы тогда пришли ко мне? Кто вам посоветовал?

— Я пришла, потому что мне некуда больше идти! — взволнованно воскликнула Крис.— Никто мне не советовал!

— Вы говорили, что вам посоветовали обратиться ко мне психиатры.

— Я уже не знаю, что говорила. Я почти потеряла рассудок!

— Послушайте, для меня важно только одно: помочь вашей дочери. Но я должен предупредить вас: если вы рассчитываете на ритуал изгнания как на какое-нибудь лечение потрясением или внушением, то церковь не даст своего разрешения и вы упустите драгоценное время, мисс Макнил.

Каррас вцепился в вешалку, чтобы успокоить дрожь в руках.

«В чем дело? Что случилось?»

— Между прочим, я миссис Макнил,— сухо отрезала Крис.

Каррас опустил голову и попытался говорить мягче.

— Видите ли, для меня не важно, что это — бес или психическое расстройство. Я сделаю все, чтобы помочь девочке. Но мне нужно знать правду. Пока что я только пробираюсь в темноте. Почему бы нам не спуститься вниз, где мы смогли бы поговорить? — Он повернулся к Крис и ободряюще улыбнулся ей.— Я бы выпил чашку кофе.

— А я бы выпила что-нибудь покрепче.

Поручив Риган заботам Карла и Шарон, они устроились в кабинете. Каррас сел в кресло у камина, а Крис — на диван. Она рассказала священнику историю болезни Риган, старательно опуская все, что касалось Дэннингса.

Каррас слушал, лишь изредка перебивая ее, чтобы задать вопрос. Он кивал головой и время от времени хмурился.

Крис призналась, что вначале действительно считала, будто изгнание может подействовать как потрясение.

— А теперь я и сама не знаю,— засомневалась она. Ее веснушчатые руки нервно вцепились в колени.— Я про-

сто не знаю.— Крис взглянула на задумавшегося священника.— А что вы думаете, святой отец?

— Вынужденное поведение, вызванное чувством какой-то вины и, возможно, основанное на раздвоении личности.

— Святой отец, мне уже говорили о подобной чепухе! Как же вы можете предполагать это после всего, что увидели?!

— Если бы вы наблюдали стольких пациентов в психиатрических больницах, скольких довелось наблюдать и лечить мне, вы утверждали бы это с не меньшей легкостью,— убедительно возразил Каррас.— Пойдем дальше. Одержимость бесами — ладно. Давайте представим, что это возможно и иногда случается. Но ведь ваша дочь не говорит, что она бес, а уверяет, что она сам дьявол, а это равносильно тому, как если бы она утверждала, что она Наполеон! Понимаете?

— Тогда объясните стук и все прочее.

— Но я не слышал стука.

— Его слышали не только здесь, в доме, но и в больнице, святой отец.

— Возможно, но его происхождение отнюдь не обязательно объясняется вмешательством дьявольских сил.

— А чем же тогда? — требовательно спросила Крис.

— Возможно, речь может идти о психокинезе.

— Что?

— Вы слышали о том, что происходит на сеансах спиритизма, не правда ли?

— Когда призраки швыряются вещами и двигают блюдечко?

Каррас кивнул.

— Такая способность встречается не так уж редко, и обычно ею обладают эмоционально неуравновешенные подростки. Очевидно, невероятное внутреннее напряжение будит невидимую энергию, которая и передвигает предметы на расстоянии. В этом нет ничего сверхъесте-

ственного. То же можно сказать и о чрезвычайной силе Риган. Назовите это «разум, преобладающий над материей», если хотите.

— Лучше я назову это кошмаром.

— Ну, в любом случае подобное встречается за пределами одержимости.

— Черт возьми, это прекрасно,— тихо пробормотала Крис.— Вот мы сидим здесь: я атеистка, а вы священник, и...

— Лучшее объяснение любому явлению,— перебил ее Каррас,— всегда то, что проще других и включает в себя все факты.

— Может быть, я глупа,— парировала Крис,— но объяснение, будто что-то непонятное в чьей-то голове подбрасывает блюдце к потолку, мне тоже ничего не дает! Так что же это? Можете вы объяснить, ради всех святых?

— Нет, мы пока не пони...

— Что такое раздвоение личности? В чем, черт возьми, суть этого феномена? Вы упоминаете об этом явлении... Я вас внимательно слушаю, но понять, о чем именно идет речь, не могу. Неужели я действительно так глупа? Пожалуйста, объясните мне, но так, чтобы я наконец смогла уяснить себе это!

В ее полных отчаяния, покрасневших от слез и усталости глазах застыла мольба.

— Послушайте, Крис...— стараясь говорить как можно мягче, начал Каррас,— во всем мире, наверное, не найдется человека, который бы в полной мере понимал это явление. Мы знаем лишь, что такое случается, но о том, что лежит в основе этого феномена, о том, что служит его причиной, мы можем только догадываться и строить гипотезы. Попробуйте подойти к нему вот с какой точки зрения... Как вам известно, человеческий мозг состоит из приблизительно семнадцати миллиардов клеток...

Крис чуть наклонилась вперед и сосредоточенно вслушивалась в его слова.

— Так вот,— продолжал тем временем Каррас,— эти клетки предположительно поглощают до ста миллионов единиц информации в секунду — в данном случае я говорю о тех ощущениях, которые испытывает ваше тело. И эти клетки не только успевают перерабатывать всю получаемую информацию, но делают это весьма эффективно и никогда не мешают друг другу и не конфликтуют между собой. Однако каким образом им бы удавалось делать это в отсутствие какой-либо связи, своего рода коммуникации? На наш взгляд, это невозможно. Итак, мы предполагаем, что каждая клетка обладает собственным сознанием,— другого объяснения у нас пока нет. А теперь представьте себе, что человеческое тело — это огромный океанский лайнер, а клетки мозга — его команда. Одна из клеток стоит на командном мостике. Она играет роль капитана. Однако при этом она не знает и не может знать, чем именно занимается в данный момент тот или иной член команды, находящийся внизу — в трюме, на нижних палубах и так далее... Капитану известно лишь одно: они добросовестно выполняют свои обязанности, корабль успешно продвигается вперед и все идет как положено. Иными словами, этот капитан — вы, то есть ваше бодрствующее сознание. Но что произойдет, если кто-то из членов команды вдруг решит подняться на капитанский мостик и заявить о своем желании управлять судном — то есть если на судне возникнет мятеж? Вот такая ситуация и может служить своеобразной метафорой, помогающей постичь суть раздвоения личности. Теперь вам понятно?

Крис недоверчиво смотрела на Карраса немигающим взглядом.

— Святой отец, но это настолько невероятно, что легче, наверное, поверить в существование и в причастность ко всему дьявола!

— Что ж...— начал он.

Но Крис не дала ему договорить.

— Послушайте, я не знаю всех этих ваших теорий и ничего в них не смыслю. Но я знаю, что, если вы приведете и покажете мне точную копию Риган, с тем же лицом, с тем же голосом, с тем же запахом, с той же манерой поведения — словом, ее стопроцентного двойника, не пройдет и секунды, прежде чем я увижу и почувствую, что это не она. Непременно почувствую! Интуитивно, всем своим существом. Так вот. Уверяю вас, что там, наверху, сейчас находится вовсе не моя дочь. Я знаю это. И ничто не сможет убедить меня в обратном.

Она в изнеможении откинулась на спинку кресла.

— А вот теперь продолжайте,— устало произнесла она.— Давайте, говорите мне, что я должна делать. Продолжайте твердить о своей уверенности, что с моей дочерью все в порядке, что у нее просто-напросто мозги съехали набекрень, что она не нуждается ни в каком изгнании дьявола и эта процедура не принесет ей ничего, кроме вреда... Ну же! Давайте! Я слушаю! Скажите, как я должна поступить!

Священник долго молчал и сидел совершенно неподвижно. Наконец он тихо произнес:

— Поверьте, в этом мире очень мало найдется вещей, в которых я уверен...

Он вновь задумался и после паузы задал вопрос:

— У Риган низкий голос?

— Нет, я бы даже сказала — очень высокий.

— А как насчет коэффициента интеллектуального развития?

— Он близок к среднему.

— А что она читает?

— В основном книги о Нэнси Дрю и комиксы.

— А сама манера разговаривать сильно отличается сейчас от ее обычной речи?

— Кардинально. Она не употребляла и половины слов, которыми пользуется теперь.

— Нет, я имею в виду не содержание речи, а стиль.

— Стиль?

— Ну, как она соединяет слова в предложении.

— Я не уверена, что поняла вас правильно.

— У вас нет ее писем? Сочинений? А запись ее голоса была бы...

— Да, у меня есть кассета с записью ее звукового послания к отцу,— перебила Крис.— Она хотела отослать ее вместо письма, но так и не закончила. Возьмете ее?

— Да, и еще мне нужна история болезни из клиники Бэрринджера.

— Послушайте, святой отец, я уже прошла через все это, и...

— Да-да, я понимаю, но мне необходимо ознакомиться со всем этим.

— Значит, вы все еще против изгнания?

— Я только против того, что принесет вашей дочери больше вреда, чем пользы.

— Но вы сейчас говорите как психиатр?

— Нет, я говорю и как священник. Если я пойду в церковь за разрешением на изгнание беса, то первым делом я должен буду дать существенные доказательства того, что у вашей дочери не обычное психическое расстройство. Потом мне нужны будут данные, исходя из которых церковь признает, что она одержима.

— Например?

— Еще не знаю, надо почитать книги.

— Вы шутите? Мне казалось, что вы в этом разбираетесь.

— Возможно, вы сейчас знаете об одержимости больше, чем многие священники. А пока что скажите, когда вам смогут прислать записи из больницы?

— Если будет нужно, я найму самолет.

— А кассета?

Крис встала:

— Пойду поищу.

— И еще кое-что,— добавил Каррас.— Та книга, о которой вы говорили,— с главой об одержимости... Вы не припомните, когда Риган ее читала? До начала болезни?

Стараясь сосредоточиться, Крис постучала ногтями по зубам.

— Мне помнится, она что-то читала, перед тем как это дерь... как началась эта ужасная история,— быстро поправилась она.— Но я не могу сказать точно. Думаю, что она ее читала. То есть я в этом уверена. Абсолютно уверена.

— Я бы хотел просмотреть эту книгу. Вы мне ее дадите?

— Она ваша. Ее взяли в вашей библиотеке. Я сейчас принесу. А кассета, по-моему, внизу. Я скоро вернусь.— Крис вышла из кабинета.

Каррас отсутствующе кивнул, рассматривая узор на ковре. Прождав Крис несколько минут, он встал, прошел через кабинет и остановился в темном холле. Дэмьен словно застыл в другом измерении; засунув руки в карманы, он уставился в никуда и слушал доносившиеся сверху звуки: то хрюканье свиньи, то вой шакала, то шипение и икание.

— А, вы здесь! А я искала вас в кабинете.

Каррас обернулся.

Крис включила свет.

— Вы уходите? — Она подошла к нему, держа книгу и кассету.

— Боюсь, что да. Мне нужно подготовиться к завтрашней лекции.

— Вы читаете лекции? Где?

— В медицинской школе.— Дэмьен взял у нее книгу и кассету.— Я приду к вам завтра, днем или вечером. Но если случится что-нибудь непредвиденное, звоните мне в любое время. Я попрошу телефонистку на коммутаторе, чтобы вас со мной соединили.

Крис кивнула. Иезуит открыл дверь.

— Как у вас обстоит дело с медикаментами?

— Пока хорошо,— успокоила она священника.— Нам выписали рецепт на бланке, который каждый раз возвращают.

— Вы больше не будете вызывать врача?

Крис прикрыла глаза и чуть заметно покачала головой.

— Вы же знаете, я не терапевт,— предупредил Каррас.

— Я не могу,— прошептала она.— Не могу.

Священник чувствовал, как в ней поднимается тревога.

— Вы понимаете, что рано или поздно мне придется рассказать обо всем высшему духовенству, особенно если я буду бывать здесь по ночам?

— Это так необходимо? — Крис нахмурилась.

— Иначе это будет выглядеть несколько странно, вы не считаете?

Крис опустила глаза.

— Да, я понимаю, что вы хотите сказать,— пробормотала она.

— Вы не против? Я расскажу только самое необходимое. Не волнуйтесь.— Иезуит попытался успокоить ее.— Больше никто не узнает.

Крис подняла свои измученные глаза и, встретившись с его грустным взглядом, прочитала в нем боль и сочувствие.

— Хорошо,— согласилась Крис.

Она поверила этому взгляду.

Каррас кивнул:

— Мы еще поговорим.

Он уже собирался выйти, но замешкался на секунду в дверях, приложил к губам пальцы, о чем-то раздумывая.

— Ваша дочь не знала, что я священник?

— Нет. Никто не знал, кроме меня.

— Вы знали, что у меня недавно умерла мать?

— Да. Мне очень жаль.

— А Риган знала об этом?

— Нет.

Каррас кивнул.

— А почему вы об этом спрашиваете? — не унималась Крис, удивленно приподнимая брови.

— Это не важно.— Иезуит пожал плечами.— Мне просто хотелось узнать.

Он посмотрел на актрису, в его глазах мелькнула тревога.

— Вы ночью спите?

— Да, немного.

— Принимайте таблетки. Вы пьете либриум?

— Да.

— Сколько? — поинтересовался Каррас.

— По десять миллиграммов, два раза в день.

— Принимайте по двадцать. Попробуйте пока не заходить к дочери. Чем чаще вы ее видите в таком состоянии, тем скорее начнете неправильно судить о ней. Лучше оставайтесь в неведении. И успокойтесь. В состоянии нервного расстройства вы ей ничем не поможете. Да вы и сами это знаете.

Опустив глаза, Крис грустно кивнула.

— А теперь, пожалуйста, ложитесь спать,— тихо попросил священник.— Прямо сейчас идите и ложитесь.

— Да, хорошо,— послушно согласилась Крис.— Хорошо. Я вам обещаю.— Она попыталась улыбнуться.— Спокойной ночи, святой отец. Спасибо. Спасибо вам большое.

Секунду он молча смотрел на нее, потом повернулся и быстро вышел.

Крис, стоя в дверях, наблюдала за священником. Когда он перешел через улицу, она вдруг поняла, что сегодня Каррас остался без обеда.

Заметив, что он опускает закатанные рукава, Крис забеспокоилась, не холодно ли ему.

На углу Проспект-стрит и П-стрит иезуит уронил книгу и резко остановился, чтобы поднять ее, потом обогнул угол и скрылся из виду. Глядя ему вслед, Крис отчего-то испытала облегчение. Она не заметила, что в машине без номеров, стоящей рядом с ее домом, сидит Киндерман.

Крис закрыла дверь.

Получасом позже Дэмьен Каррас быстрым шагом подходил к двери своей комнаты, неся под мышкой целую кипу книг и журналов, найденных им на полках Джордж-

таунской библиотеки. Он поспешно сгрузил свою ношу на стол и принялся рыться в шкафах в поисках сигарет. Наконец он нашел полпачки «Кэмела», закурил и глубоко затянулся. Все это время мысли о Риган не оставляли его ни на секунду.

Истерия... Он был уверен, что это не что иное, как истерия. Выпустив струю дыма, он засунул за брючный ремень большие пальцы и бросил взгляд на разложенные на столе книги.

Так, «Одержимость» Остеррайха, «Луденские бесы» Хаксли, «Проговорки в исследовании Фрейда, посвященном случаю Хайзмана», «Одержимость дьяволом и экзорцизм в эпоху раннего христианства в свете современных взглядов на психические заболевания» Дэвида Маккасланда, статьи из фрейдовских журналов, посвященных вопросам психиатрии: «Дьявольский невроз в семнадцатом столетии» и «Демонология в современной психиатрии».

Иезуит провел рукой по лбу и внимательно посмотрел на свои влажные от липкого пота пальцы. Только теперь он заметил, что дверь в комнату осталась незапертой. Он плотно прикрыл ее и подошел к полке, на которой стояла книга в красном переплете: «Обряды Римско-католической церкви» — принадлежащий ему сборник чинов богослужения и молитв. Зажав в зубах сигарету и щурясь от дыма, он перелистывал страницы, пока не дошел до заголовка: «Общие правила для экзорцистов». Каррас принялся быстро просматривать текст, надеясь найти в нем описание симптомов одержимости дьяволом. Постепенно он стал все более внимательно вчитываться в написанное...

«...Экзорцист не должен безоговорочно верить, что тот или иной человек одержим злым духом. Он обязан найти способ убедиться, что те признаки, которые заставляют предполагать наличие одержимости, не вызваны каким-либо заболеванием, прежде всего психического характера. Признаками одержимости могут служить следующие проявления: способность без труда разговаривать на не-

обычном или чужом языке или понимать тех, кто на таком языке говорит; умение предсказывать будущее или узнавать о каких-либо тайных, не известных другим событиях; обладание силой и способностями, не свойственными обыкновенному человеку в данном возрасте; иные странные проявления, в совокупности своей позволяющие допустить, что человек одержим дьяволом».

Каррас некоторое время стоял в задумчивости, потом прислонился к стеллажу и продолжил изучать инструкцию. Дойдя до последней страницы, он вернулся назад и еще раз внимательно перечитал пункт под номером восемь:

«Некоторые способны раскрывать преступления и предавать гласности имена виновных...»

Каррас оторвался от чтения, лишь когда послышался стук в дверь.

— Дэмьен!

— Войдите,— откликнулся он.

Это был Дайер.

— Послушай, с тобой очень хотела встретиться миссис Макнил. Ты ее видел?

— Когда она меня искала? Вечером?

— Нет, еще днем.

— А-а. Тогда да, я с ней говорил.

— Отлично.— Дайер вздохнул с облегчением.— Я просто хотел убедиться, что все в порядке.

Маленький священник ходил по комнате, трогая или беря в руки то один, то другой предмет,— он походил на озорного карлика в шикарном магазине.

— Тебе что-то нужно, Джо? — спросил Каррас.

— У тебя есть леденцы?

— Что?!

— Я всю округу обшарил в поисках леденцов. Ни у кого нет. А мне вдруг так захотелось... Хотя бы один.— Дайер погрустнел и замолчал, не переставая бродить по комнате.— Понимаешь,— спустя несколько минут попытался объяснить он,— однажды мне довелось в течение целого

года выслушивать исповеди ребятишек, и после этого я превратился едва ли не в леденцового наркомана. Я буквально подсел на них. От этих маленьких разбойников постоянно пахло леденцами. Между нами говоря, в леденцах, мне кажется, действительно есть нечто такое, что вызывает быстрое привыкание к ним.— Он приподнял крышку коробки для трубочного табака, в которой Каррас хранил фисташки.— А это что? Мексиканские скачущие бобы?

Каррас вновь повернулся к стеллажу с книгами и принялся читать написанные на корешках названия книг.

— Знаешь, Джо, у меня...

— А эта Крис ничего себе штучка, да? — перебил его Джо, заваливаясь на кровать. Он вытянулся на ней во весь рост и заложил руки за голову.— Очень приятная дамочка. Ты с ней лично встречался?

— Да, мы долго беседовали.

Каррас наконец нашел что искал и вытащил из ряда стоявших на полке книг том в зеленом переплете, озаглавленный «Сатана». Это был сборник статей и фрагментов разного рода католических периодических изданий, публиковавших работы французских богословов. Он положил книгу на стол.

— Послушай,— вновь начал он,— мне действительно нужно...

— Очень простая, разумная женщина. Искренняя. И ведет себя так непринужденно...— Дайер продолжал гнуть свою линию.— Она может оказать помощь в осуществлении моего плана, после того как мы откажемся от священного сана.

— А кто собирается отказываться?

— Да желающих полно. Черный цвет выходит из моды. Я...

— Извини, Джо, но мне нужно подготовиться к завтрашней лекции.

Каррас разложил на столе книги.

— Ладно-ладно, я понял. А план мой состоит в том, что мы отправляемся к миссис Макнил — представляешь себе картину? — и говорим ей, что я собираюсь написать сценарий о жизни святого Игнатия Лойолы... Называться он будет... Ну, скажем, «Когда отважные иезуиты маршируют»... А потом...

— Да уберешь ты наконец отсюда свою задницу, Джо?! — раздраженно воскликнул Каррас, резко сминая окурок в пепельнице.

— Я тебе мешаю?

— У меня куча дел.

— Так кто тебе не дает? Работай!

— Все, убирайся. Я серьезно тебе говорю.— Каррас начал расстегивать пуговицы на рубашке.— Я собираюсь прыгнуть под душ, а потом плотно засесть за работу.

— Кстати, я что-то не видел тебя сегодня за обедом,— заметил Дайер, поднимаясь с кровати.— Ты перекусил где-то в другом месте?

— Нет.

— Ну и глупо с твоей стороны. К чему сидеть на диете, если единственная одежда, которую ты носишь, это монашеская ряса,— хмыкнул Дайер, подходя к столу. Он взял в руки сигарету и понюхал ее.— Старье. Пахнет затхлостью.

— Ты не знаешь, в холле есть магнитофон? — спросил Каррас.

— В этом холле нет даже леденцов. Воспользуйся лингафонным кабинетом.

— А у кого можно взять ключ? У преподобного президента?

— Нет, у преподобного сторожа. Он нужен тебе сегодня?

— Да.— Каррас аккуратно повесил рубашку на спинку стула.— Где я смогу его найти?

— Хочешь, я принесу тебе ключ?

— Буду тебе очень признателен.

— Нет проблем, о блаженный иезуит, великий специалист по ведьмам. Уже иду.

С этими словами Дайер открыл дверь и вышел из комнаты.

Каррас принял душ, надел футболку и брюки и сел за письменный стол. Там он обнаружил блок сигарет «Кэмел» без фильтра, а рядом с ним два ключа: на бирке, прикрепленной к одному из них, было написано «Лингафонный кабинет», на бирке другого — «Холодильник столовой». Ко второму ключу была приложена записка: «Лучше это сделаешь ты, чем крысы». Увидев подпись, Каррас невольно улыбнулся: «Леденцовый мальчик». Он отложил записку, снял часы и положил их перед собой на стол. Было 12 часов 28 минут ночи. Каррас начал читать. Фрейд. Маккасланд. «Сатана». Подробные и глубокие исследования Остеррайха. Чтение он закончил уже под утро. Глаза нестерпимо болели. Каррас взглянул на пепельницу, переполненную пеплом и смятыми окурками. Дым густой пеленой повис в воздухе. Он встал, медленно побрел к окну, открыл его, вдохнул полной грудью свежий утренний воздух и задумался. У Риган выявились физические признаки одержимости. Он не сомневался в этом. Во всех приведенных случаях, независимо от эпохи и места нахождения больного, симптомы одержимости всегда были одни и те же. Некоторые из них, правда, у Риган еще не проявились: пятна на теле, желание есть непригодную к употреблению пищу, нечувствительность к боли, громкая и продолжительная икота. Но остальные выявились в достаточной степени: непроизвольное мышечное возбуждение, зловонное дыхание, обложенный язык, раздутый живот, раздражение на коже и слизистых оболочках. Но, что более важно, налицо были основные симптомы, наличие которых Остеррайх относил к «истинной» одержимости: поразительные перемены в голосе и чертах лица в сочетании с появлением новой личности.

Каррас поднял глаза и уставился в темноту. Через ветви деревьев ему померещились дом и большое окно в спальне Риган. Когда одержимость добровольная, как у медиумов, новая личность часто бывает доброй. «Как Ция»,— отметил про себя Каррас. Дух женщины, который вселился в мужчину-скульптора. Приступы были непродолжительными, длились не более часа. Но в Риган находится не Ция. Эта вторая личность была злой. Типичный случай бесовской одержимости, когда новая личность пытается разрушить тело своего хозяина. И это ей часто удается.

В задумчивости иезуит подошел к столу, взял пачку сигарет, закурил. *Ну, хорошо. У нее синдром бесовской одержимости. А как это лечить? Все зависит от того, что вызвало одержимость.*

Священник присел на край стола. Задумался. Например, монахини в монастыре Лилля. Это случилось во Франции в начале семнадцатого века. Монахини признались на исповеди, что в моменты одержимости они часто посещали дьявольские оргии и занимались развратом с женщинами, с мужчинами, с домашними животными и с драконами. И с драконами!.. Иезуит покачал головой. Во многих случаях одержимости встречается смесь фантазии и мифомании. Одержимость может быть вызвана и психическими расстройствами: паранойей, шизофренией, неврастенией, психастенией — в этом крылась основная причина того, что уже в течение многих лет Церковь советовала священникам работать вместе с психиатрами и невропатологами. Однако не все случаи одержимости объяснялись так просто. Некоторые из них Остеррайх характеризовал как «отдельные случаи расстройства», не прибегая к психиатрическому термину «раздвоение личности», а заменяя его примерно такими же по смыслу оккультными понятиями «бес» или «дух усопшего».

Записи, сделанные в клинике Бэрринджера, свидетельствовали, по словам Крис, о том, что расстройство Риган могло быть связано с внушением или с чем-то, вызвавшим

истерию. Каррас тоже придерживался этого вывода. Он считал, что большинство изученных им случаев имели в своей основе эти причины. Во-первых, подобное почти всегда случается с женщинами. Во-вторых, вспомнить хотя бы вспышки эпидемий одержимости. И еще священников, занимавшихся изгнанием бесов... Каррас нахмурился. Они сами часто становились одержимыми. Он подумал о Лудене. Франция. Урсулинский женский монастырь. Из четырех священников, посланных туда во время эпидемии одержимости, трое — отцы Лукас, Лактанц и Транквилль — не только сами стали одержимы, но и вскоре умерли — вероятно, от нервного потрясения. Четвертый, Пьер Сурин, ставший одержимым в 33 года, сошел с ума и провел остальные 25 лет своей жизни в безумии.

Если расстройство Риган было истерического характера, если внушение есть причина одержимости, тогда на это могла повлиять прочитанная глава из книги о колдовстве. Глава об одержимости. Читала ли она ее?

Иезуит пролистал несколько страниц. Может быть, здесь он найдет какое-то сходство описания припадков одержимости с поведением Риган? Это было бы доказательством. Это могло бы помочь.

Кое-где он нашел совпадения:

«...случай с 8-летней девочкой, который описывали так: "Она ревела, как бык, тяжелым, низким басом". (И Риган ревела так же.)

...Случай с Элен Смит, которую лечил известный психолог Флурной. Психолог описывал, как с поразительной скоростью менялись черты ее лица и голос. (С Риган было то же. Личность, которая разговаривала с британским акцентом. Быстрая перемена. Почти моментальная.)

...Случай в Южной Африке. Сведения получены от известного этнолога Юно. Он рассказал о женщине, которая однажды ночью исчезла из дома. Ее нашли на следующее утро. Женщина была привязана к верхушке высокого дерева широкими прочными лианами, а потом сползла с де-

рева вниз головой, шипя и высовывая язык, как змея. Некоторое время она висела на дереве и говорила на языке, которого до сих пор никто из местных жителей не слышал. (Риган тоже ползала за Шарон, как змея. А ее бессмысленная речь? Что это — попытка говорить на неизвестном языке?)

...Случай с Джозефом и Тибатом Бернерами. Им было соответственно 10 и 8 лет. Говорили, что они вдруг начинали волчками вертеться с огромной скоростью. (Очень похоже на то, как дергается и крутится Риган.)

Да, причины, чтобы подозревать внушение, имелись: в этой главе упоминалось об огромной силе, о сквернословии. Более того, в ней подробно описывалось течение одержимости по стадиям: «Первая — заражение; сюда входят нападение жертвы на предметы окружающей обстановки, шумы, запахи, перемещение предметов. Вторая — одержимость; нападение на субъект с целью запугивания, нанесения увечий посредством ударов руками и ногами».

Может быть, она все это и читала. Но Каррас не был убежден. И Крис тоже. Она сильно в этом сомневалась.

Священник снова подошел к окну. «Так где же ответ? Настоящая одержимость? Бес?» Он опустил глаза и покачал головой. «Нет. Это невероятно. Парапсихологические проявления? Конечно. Почему бы и нет? Сколько опытных наблюдателей описывало их. И терапевты, и психиатры. Например, Юно. Но все дело в том, как ты преподнесешь эти проявления». Каррас опять вспомнил Остеррайха, его рассказ про шамана в горах Алтая. Шамана исследовали в больнице во время левитации. Незадолго до начала левитации его пульс участился сначала до ста, а потом до двухсот ударов в минуту. Заметно изменилась частота дыхания, поднялась температура. Его ненормальное состояние было тесно связано с физиологией. Оно было вызвано какой-то материальной силой или энергией.

Но в качестве доказательства настоящей одержимости Церковь требовала иные внешние проявления, которые...

Каррас забыл формулировку и заглянул в книгу. Провел пальцем по странице и отыскал нужное место: «...достоверные внешние проявления, свидетельствующие о высшем вторжении в интеллект человека». «Есть ли это у Риган?» — спросил себя Каррас.

Он прочитал строчки, которые отчеркнул для себя карандашом: «Изгоняющий бесов должен убедиться в том, что ни одно из проявлений не осталось незамеченным...» Священник зашагал по комнате, перечисляя в уме признаки расстройства Риган и пытаясь по возможности объяснить их. Он перебирал один признак за другим:

Невероятная перемена черт лица Риган.

Частично вследствие болезни. Частично в результате плохого питания и ухода. Но скорее всего, решил он, из-за того, что лицо должно отражать психическую конституцию. И тут же устало подумал: «Хотя одному Богу известно, что это может означать».

Невероятная перемена голоса.

Иезуит ни разу не слышал ее нормального голоса. Но даже если он и был высоким, как утверждает мать, постоянный крик мог огрубить голосовые связки, и, следовательно, голос стал более низким. Дело было даже не в этом, а в удивительной громкости голоса, которая физиологически невозможна. И все же, подумал Каррас, в состоянии возбуждения и в патологии огромная сила и напряжение мышц считаются нормальным явлением. Не может ли это относиться и к голосовым связкам?

Резкое увеличение словарного запаса и объема знаний.

Криптомнезия: сохранившаяся и отложившаяся в глубине мозга информация, полученная с первого дня жизни. У сомнамбул, а иногда и у людей, находящихся при смерти, эта подсознательная информация пробивается наружу с поразительными подробностями.

Тот факт, что Риган мгновенно узнала в нем священнослужителя.

Риган могла догадаться. Если она читала главу про одержимость, то могла ожидать, что к ней пришлют священника. Юнг утверждал, что подсознательная интуиция и чувствительность у истерических больных в десятки раз выше той, которую проявляют медиумы во время чтения мыслей и на сеансах спиритизма. Ведь чтение мыслей — это не что иное, как вибрации, незаметное сотрясение воздуха, идущее от человеческих рук. Эти вибрации создают определенный рисунок, он-то и является условным кодом для разных букв или чисел. Риган, угадав его профессию, могла прочитать и мысли священника. Она ведь наблюдала за его манерами, руками, могла почувствовать запах церковного вина.

Риган узнала, что у него умерла мать.

Всего лишь логический домысел. Ему уже сорок шесть лет.

«Помогите старому дьяцку...»

Католичество признает телепатию как реальное и естественное явление.

Раннее развитие интеллекта у Риган.

Психиатр Юнг, наблюдая однажды случай раздвоения личности, обладающей якобы оккультными способностями, сделал заключение, что истерический лунатизм не только обостряет чувственное восприятие, но и повышает интеллектуальные способности, так как новые, вторгающиеся личности оказываются намного умнее первой. «Но все же,— удивился Каррас,— может ли констатация факта объяснить его?»

Внезапно священник застыл над столом. Его осенило, что намек Риган на Ирода был гораздо тоньше, чем ему сначала показалось: когда фарисеи рассказали Христу об угрозах Ирода, Христос ответил им: «Идите и скажите этой лисе, что я изгоняю бесов...»

Каррас взглянул на кассету с записью голоса и устало опустился на стул. Он прикурил еще одну сигарету... выпустил дым... и опять вспомнил братьев Бернеров и восьмилет-

нюю девочку со всеми признаками настоящей одержимости. Какую же книгу могла прочитать девочка, чтобы подсознательно так правдоподобно симулировать симптомы? И может быть, одержимые в Китае каким-то образом связывались с одержимыми в Сибири, в Германии, в Африке, ведь симптомы всегда были одинаковы?

«Кстати, твоя мать здесь, с нами, Каррас...»

Сигаретный дым поднимался вверх и возвращал Дэмьена в прошлое. Он откинулся назад, уставившись на нижний левый ящик стола, затем выдвинул ящик и вытащил из него старую школьную тетрадь, тетрадь своей матери. «Обучение взрослого населения». Дэмьен положил ее на стол и с трепетом пролистал. Алфавит, опять и опять алфавит. Потом простые упражнения:

Урок 6.
МОЙ ПОАНЫЙ АДРЕС.

Между страницами она пыталась написать ему письмо:

«Дорогой Димми,
Я долго ждала тебя...»

Еще одно письмо. Тоже незаконченное. Дэмьен отвернулся. В окне привиделись ее глаза. В них застыла тоска.

«Отец наш, я недостоин...»

Глаза матери вдруг превратились в глаза Риган. Они молили... Они ждали...

«Скажи хоть слово...»

Священник взглянул на кассету с записью голоса Риган.

Он вышел из комнаты, прихватив с собой пленку, и направился в лабораторию. Отыскал свободный магнитофон. Сел. Вставил кассету. Надел наушники. Щелкнул выключателем. Подался поближе и приготовился слушать.

Некоторое время было слышно только шипение пленки. Потом раздался щелчок включаемого аппарата и сразу же какой-то шум, звуки возни. «Привет...» Потом, види-

мо, кассету остановили. Откуда-то издалека донесся приглушенный голос Крис Макнил: «Не так близко к микрофону, малышка. Держи его чуть подальше».— «Так?» — «Нет, еще дальше».— «Так?» — «Да, вот так. Ну, давай. Говори дальше». Смех. Микрофон стучит по столу. Потом веселый голос Риган Макнил.

«Привет, папа! Это я. М-м-м-м». Опять смех и шепот в сторону: «Я не знаю, что говорить!» — «Ну, расскажи ему, как у тебя дела. Расскажи, чем ты занимаешься». Снова смех. «М-м-м... папа... ну, я... Ты меня хорошо слышишь? Я... м-м... в Вашингтоне, знаешь? Это где президент и этот дом... ты знаешь, папа, он такой... нет, подожди, я лучше начну сначала. Ну вот. В общем, здесь...»

Остальное Каррас слышал неясно, звуки доносились издалека, в ушах шумело, в груди, где-то внутри, всколыхнулось предчувствие: «Существо, которое я видел в той комнате,— не Риган!»

Он вернулся к себе. Произнес молитву, а когда поднимал гостию, пальцы его задрожали. Дэмьен вдруг ощутил надежду, о которой не смел даже думать; против этой надежды восставала вся его воля, каждая клеточка, каждый нерв.

«Это мое тело...» — прошептал он с трепетом.

«Нет, это хлеб! Это только хлеб!»

Дэмьен не осмеливался полюбить вновь и опять потерять свою любовь. Прежняя утрата была для него слишком тяжела. Священник опустил голову и проглотил гостию. Надежда растаяла, а хлеб больно оцарапал его пересохшее горло.

После мессы Дэмьен позавтракал, набросал кое-какие заметки и отправился читать лекцию в медицинскую школу Джорджтаунского университета. С трудом давалась плохо подготовленная речь: «...и рассматривая симптомы маниакальных состояний, вы...»

«Папа, это я... это я...»

Но кто «я»?

Каррас отпустил студентов пораньше и вернулся домой.

Он сразу же сел за стол и еще раз просмотрел главу о признаках одержимости: «...телепатия... естественное явление... движение предметов... теперь предполагается... тело может излучать некий флюид... наши предки... наука... в настоящее время надо быть более осторожным. Однако сверхнормальные явления не выдерживают критики...» Дэмьен начал читать медленней: «...нужно тщательнее анализировать все разговоры, которые ведутся с пациентом. Если в них сохраняется логико-грамматическая структура и та же система ассоциаций, что и в нормальном состоянии, то одержимость следует поставить под сомнение».

Каррас тяжело вздохнул и опустил голову. Он сильно устал за это время. Нет, он не знает, как поступить... Он не в силах что-либо сделать... Взгляд его упал на иллюстрацию, на вклейку, в книге. Дьявол. Подпись под иллюстрацией гласила: «Пазузу». Каррас зажмурился. Нет, что-то не так... Транквилль... Ему словно воочию представилась картина смерти экзорциста. Последняя агония... рев... вопли... мычание... шипение... рвота... И то, как бесы в ярости от того, что он скоро умрет и окажется вне пределов их досягаемости, сбрасывали его с кровати. И Лукас... Лукас, стоящий на коленях возле кровати, погруженный в молитву. И едва Транквилль умер, Лукасом в тот же момент овладели бесы, и он принялся жестоко избивать еще теплое, измученное, скрюченное, исторгавшее экскременты тело. Сила его была такова, что шестеро здоровых, крепких мужчин не могли справиться с ним, и все это продолжалось до тех пор, пока труп не вынесли из комнаты.

Каррас был тому свидетелем. Он видел все собственными глазами.

Неужели это правда? Неужели такое может быть? Неужели единственная надежда для Риган — это обряд изгнания? Неужели ему придется приподнять завесу прошлого?

Нет, нужно еще раз проверить. Он должен все досконально выяснить. Но как? Священник открыл глаза. «...Разговоры с больными надо тщательно...» Ну да. Почему бы не попробовать? Если обнаружится, что структура речи Риган и «беса» совпадает, то даже со сверхнормальными проявлениями, конечно же... Верно. Только резкое отличие докажет, что одержимость возможна!

Священник нервно зашагал по комнате. Надо еще что-то срочно придумать. Она... Он остановился, уставившись в пол и сложив за спиной руки. Эта глава... Эта глава в книге по колдовству... Бесы всегда реагируют на священную гостию, она вводит их в ярость, как и другие реликвии... Святая вода! Вот то, что мне надо! Я приду к девочке и окроплю ее простой водопроводной водой, но скажу, что это святая вода! Если Риган среагирует на нее так, как должны реагировать на святую воду бесы, то будет ясно, что она не одержима... что причина во внушении... А если нет, то это...

Настоящая одержимость?

Может быть...

Дрожа, как в лихорадке, Дэмьен пошел искать пузырек для святой воды.

Уилли открыла священнику дверь. Еще из прихожей он взглянул на дверь спальни Риган, откуда доносились крики. Кто-то ругался. Но это был уже не тот оглушительный бас. Голос отличался резкостью, в нем явственно слышался британский акцент... Когда Каррас видел Риган в последний раз, именно эта личность на секунду возникла перед ним.

Каррас посмотрел на Уилли, с удивлением рассматривающую его рясу.

— Скажите, пожалуйста, где миссис Макнил? — обратился к служанке священник.

Уилли указала наверх.

— Спасибо.

Дэмьен поднялся по лестнице и увидел Крис. Она сидела рядом со спальней Риган. Голова опущена, руки сложены на груди. Когда иезуит подошел поближе, Крис услышала шорох его одежды и встала.

— Здравствуйте, святой отец.

Увидев у нее под глазами мешки, Каррас нахмурился:

— Вы спали?

— Немного.

Он с упреком покачал головой.

— Я просто не могла,— вздохнула Крис, кивком указывая на спальню.— Это продолжается всю ночь.— Она взяла священника за рукав, будто пыталась увести его в сторону.— Пойдемте вниз, там мы сможем...

— Нет. Я хотел бы посмотреть на нее,— перебил Каррас, не трогаясь с места.

— Прямо сейчас?

Что-то было явно неладно. Каррас отметил про себя, что она напряжена. Чем-то напугана.

— А почему бы нет? — поинтересовался он.

Крис с опаской взглянула на дверь, ведущую в спальню. Оттуда доносился пронзительный мужской голос:

— Проклятый нацист! Нацистская свинья!

Крис отвернулась, потом в отчаянии кивнула:

— Идите. Идите к ней.

— У вас есть магнитофон?

Она метнула на него удивленный взгляд.

— Принесите его, пожалуйста, сюда. И еще чистую кассету.

Крис подозрительно нахмурилась.

— Зачем? Вы хотите записать?

— Да. Невоз...

— Святой отец, я не могу...

— Мне нужно сравнить структуру ее речи,— резко перебил Каррас.— И, пожалуйста, запомните: вы должны мне доверять!

Из спальни выскочил Карл, вслед ему несся поток отборной ругани. Мрачное лицо швейцарца было землистого оттенка. В руках он сжимал грязные полотенца и постельное белье.

— Ты его сменил, Карл? — спросила Крис, как только слуга закрыл за собой дверь.

— Да, сменил,— сухо отчеканил Карл и заспешил через холл к лестнице.

Крис посмотрела ему вслед и повернулась к Каррасу.

— Хорошо. Хорошо. Магнитофон принесут сюда.— Она неожиданно отвернулась и вышла из холла.

Каррас следил за ней, ничего не понимая. Что произошло? Потом прислушался. В спальне было тихо. Но тишина взорвалась вдруг дьявольским смехом. Каррас нащупал в кармане пузырек с водой, открыл дверь и шагнул в спальню.

Зловоние было еще сильнее, чем в прошлый раз. Священник прикрыл за собой дверь и уставился на кровать.

Бес наблюдал за ним насмешливым взглядом. Глаза его были полны лукавства, ненависти и силы.

— Здравствуй, Каррас.

— Здравствуй, дьявол. Как ты себя чувствуешь?

— В настоящий момент счастлив видеть тебя. Очень рад.— Язык вывалился наружу, глаза нахально рассматривали Карраса.— Теперь ты в своем обычном одеянии. Очень хорошо. Кстати, кто тебе сказал, что я — дьявол?

— Разве не так?

— Нет. Просто бедный разбуянившийся демонишка. Черт. Однако я не совсем забыт нашим папочкой, который сейчас обитает в аду. Кстати, ты ведь ему не расскажешь о моей непростительной оговорке, Каррас? Не расскажешь, когда его увидишь?

— Я увижу его? Он здесь? — вздрогнул священник.

— В поросенке? Конечно нет. Здесь только маленькая несчастная компания скитающихся душ, мой друг. Ты ведь не винишь нас за то, что мы здесь, правда? Дело в том, что нам деться-то некуда. Мы бездомные бродяги.

— И как долго ты собираешься здесь находиться?

Голова дернулась, Риган перекосило от ярости, и она зарычала:

— Пока не сдохнет поросенок! — Неожиданно она откинулась назад и, пуская слюни, улыбнулась: — Между прочим, какой сегодня прекрасный день! Как раз для изгнания, Каррас.

«Книга! Она прочитала это в книге!»

— Ну начинай же. Побыстрее, пожалуйста.

— Разве тебе этого хочется?

— Безумно.

— Но это выгонит тебя из Риган.

Закинув голову, бес дико расхохотался. Потом смех резко оборвался.

— Это нас сплотит.

— Тебя и Риган?

— Тебя и нас, мой милый друг,— заскрипел бес.— Тебя и нас.

Каррас замер. Он ясно почувствовал прикосновение к шее чьих-то рук. Будто кто-то дотронулся до него ледяными пальцами. Мгновением позже ощущение пропало. «Это от страха,— успокоил себя иезуит.— От страха».

Страха перед чем?

— Ну да, ты присоединишься к нашей маленькой семейке, Каррас. Беда в том, моя крошка, что, хоть раз распознав знамение Бога и поверив в него, человек уже не имеет оправданий. Ты, наверное, заметил, как мало чудес происходит в последнее время? Не наша вина, Каррас, не обвиняй в этом нас. Мы стараемся.

Каррас дернулся и повернул голову, услышав резкий, громкий скрип. Ящик шкафа был выдвинут на всю длину. Священник увидел, как ящик сам собой задвинулся с тем же противным скрипом. Что это? Он тут же успокоился, и душа его освободилась от мелькнувших на мгновение сомнений, подобно дереву, сбросившему оковы состарившейся коры. Психокинез. Каррас услышал хохот.

— Как приятно поболтать с тобой, Каррас,— оскалился бес.— Я чувствую себя свободным. Как развратник. Я расправляю свои огромные крылья. Ведь даже то, что я просто рассказываю тебе об этом, должно удесятерить твои проклятия, мой доктор, мой бездарный лекарь.

— Это ты сделал? Ты двигал сейчас ящик?

Но бес уже не слушал его. Он уставился на дверь. Кто-то приближался к спальне.

Черты его лица опять изменились, и перед Каррасом явилось новое существо.

— Проклятый мерзавец! — закричало оно с британским акцентом.— Поганый лгун!

Вошел Карл. Он быстро приблизился к кровати, держа в руках магнитофон, поставил его, отвернулся от Риган и так же быстро вышел из комнаты.

— Прочь, Гиммлер! Прочь с моих глаз! Вали к своей косолапой дочке! Поднеси ей квашеной капустки и героинчику! Торндайк! Ей это придется по нраву! Ей...

Карл поспешно вышел.

Неожиданно существо успокоилось и мирно наблюдало, как Каррас вставляет в магнитофон кассету.

— О, здорово, здорово, здорово! Что у нас там новенького в программе? — радостно заверещало оно.— Мы что-то собираемся увековечить, падре? Как здорово! Я люблю новые роли, ты же понимаешь! Просто обожаю!

— Я — Дэмьен Каррас,— начал священник, когда магнитофон заработал.— А кто ты?

— Ты что же, меня не узнаешь? Ерунда какая-то.— Существо захохотало.— Кстати, где здесь дают выпить? А то у меня в горле пересохло.

Священник аккуратно поставил микрофон на ночной столик.

— Если ты назовешь мне свое имя, то я, пожалуй, поищу что-нибудь.

— Ну да, конечно,— хихикнуло существо.— А потом, я полагаю, сам все и вылакаешь.

Каррас нажал на кнопку «запись» и продолжал:

— Как тебя зовут?

— Задрюченный ворюга! — заорало существо. И в тот же момент исчезло. Вместо него появился бес.— А что мы сейчас делаем, Каррас? Записываем нашу милую трепотню?

Каррас напрягся. Он посмотрел на беса, переставил стул поближе к кровати и сел.

— Ты не возражаешь?

— Вовсе нет,— заскрипел бес.— Мне всегда нравились эти адские механизмы.

И вдруг новый сильный запах ударил в нос священнику, запах, похожий на...

— Квашеная капуста, Каррас. Ты заметил?

Действительно, пахнет квашеной капустой. Потом запах исчез, и его сменило обычное зловоние. Каррас нахмурился. Неужели показалось? Самовнушение? Он решил, что пора доставать пузырек. Хотя нет, еще рано. Надо записать побольше.

— С кем я говорил перед этим? — спросил Каррас.

— С одним из нашей компании, Каррас.

— С демоном?

— Ты ему льстишь.

— Каким образом?

— Слово «демон» означает «мудрый», а он придурок.

Иезуит встрепенулся.

— А на каком языке «демон» означает «мудрый»?

— На греческом.

— Ты говоришь по-гречески?

— Совершенно свободно.

Один из признаков! Она говорит на незнакомом языке. На подобное священник даже не рассчитывал.

— Pos egnokas hoti presbyteros eimi? — быстро задал он вопрос на классическом греческом языке.

— Я не в духе, Каррас.

— А-а-а. Тогда не умеешь...

— Я не в духе!

Каррас почувствовал разочарование.

— Это ты выдвигал ящик стола? — поинтересовался он.

— Да, уверяю тебя.

— Очень эффектно.— Каррас кивнул.— Ты действительно очень сильный демон. Интересно, а можешь повторить?

— В свое время повторю.

— Сделай, пожалуйста, сейчас, мне очень хочется посмотреть.

— В свое время.

— Почему не сейчас?

— Надо же оставить тебе сомнения,— прорычал бес.— Некоторые сомнения. Чтобы таким образом обеспечить правильный исход событий.— Он откинул голову и злобно рассмеялся.— Как нехарактерно для меня брать в союзницы истину и выигрывать с ее помощью! Как это заводит!

Ледяные пальцы вновь дотронулись до шеи. Каррас окаменел. Опять страх? Страх? Но страх ли это?

— Нет, не страх,— возразил бес, ухмыльнувшись.— Это я сделал.

Ощущение прикосновения пропало. Каррас нахмурился. Еще одно проявление. Телепатия? Проверить. Немедленно проверить.

— Ты можешь сказать, о чем я сейчас думаю?

— Твои мысли слишком скучно читать.

— Значит, ты не умеешь читать мысли.

— Думай как хочешь...

Попробовать святую воду? Сейчас? Каррас слышал, как поскрипывает мотор магнитофона. Нет. Еще не время. Надо еще немного записать.

— Ты очаровательное создание,— начал Каррас.

Риган ухмыльнулась.

— Нет-нет, в самом деле,— продолжал Каррас.— Я бы с удовольствием послушал подробности о твоем прошлом. Ну, например, ты никогда не говорил мне, кто ты такой.

— Я — черт,— представился бес.

— Да, знаю, но какой именно черт? Как тебя зовут?

— Какая разница, Каррас? Зови меня Гауди.

— Да-да, капитан Гауди.— Каррас кивнул.— Друг Риган.

— Очень близкий друг.

— Правда?

— В самом деле.

— Тогда почему ты мучаешь ее?

— Потому что я ее друг. Поросенку это нравится.

— Нравится?

— Она без ума от этого.

— Но почему?

— Спроси ее!

— И ты разрешишь ей ответить?

— Нет.

— Тогда какой смысл спрашивать?

— Никакого! — В глазах беса заблестела ярость.

— С кем я говорил раньше? — выпытывал Каррас.

— Ты уже спрашивал об этом.

— Я знаю, но ты мне так и не ответил.

— Еще один хороший приятель нашего сладкого поросеночка, дорогой Каррас.

— Можно мне поговорить с ним?

— Нет. Им сейчас занимается твоя мамаша. Она сосет его член. Вылизывает его до блеска.— Бес тихо загоготал и добавил: — Прекрасный язычок у твоей мамаши. И ротик замечательный.

Он хитро и выжидающе уставился на Карраса. Священник почувствовал резкий прилив ярости, но понял, что она относится не к Риган, а к бесу. Бес!

«Что случилось с тобой, Каррас?»

Он попробовал успокоиться, глубоко вздохнул, достал из кармана рубашки пузырек и откупорил пробку.

Демон насторожился:

— Что это?

— А ты разве не знаешь? — удивился Каррас, слегка прикрывая большим пальцем горлышко пузырька и разбрызгивая содержимое на Риган.— Это святая вода, дьявол.

В то же мгновение бес съежился и начал корчиться, в ужасе выкрикивая:

— Она жжет! Она меня жжет! А-а-а! Прекрати это! Остановись, мерзкий святоша! Прекрати!

Каррас хладнокровно закрыл пузырек. Истерия. Внушение. Она все же читала эту книгу. Он посмотрел на магнитофон. Зачем тогда записывать?

Заметив, что Риган затихла, Каррас взглянул на нее и нахмурился. В чем дело? Что происходит? Черты лица изменились, они лишь отдаленно напоминали только что виденную Каррасом страшную маску. Риган что-то бормотала. Очень медленно. Какой-то бред. Каррас подошел к кровати, нагнулся и стал вслушиваться. Что это? Набор звуков. И все же... Здесь прослеживается определенный ритм... Похоже на непонятный язык. Возможно ли это? Нет, он не позволит себя одурачить! И все-таки...

Каррас проверил уровень записи на магнитофоне. Слишком тихо. Он увеличил громкость и стал прислушиваться, пригнув свою голову к губам девочки. Бред тем временем прекратился, слышно было только глубокое хриплое дыхание.

Каррас выпрямился.

— Кто ты? — обратился он к Риган.

— Откъиньай,— выдохнула она. Стон. Потом шепот. Девочка говорила с надрывом, казалось, каждое слово вызывало у нее сильную боль. Веки задрожали.

— Откъиньай.

— Это твое имя? — нахмурился Каррас.

Губы зашевелились. Девочка лихорадочно произносила непонятные слоги. Что-то совсем неразборчивое. Внезапно прекратился и этот шепот...

— Ты понимаешь меня?

Тишина. Приглушенное глубокое дыхание. «Странный звук,— подумал Каррас.— Так дышат больные люди, когда спят в кислородной камере».

Иезуит ждал, надеясь услышать еще что-нибудь.

Тишина.

Каррас перемотал пленку и, прихватив кассету, поднял магнитофон.

Последний раз взглянул на Риган. В нерешительности задержался, уставившись на ослабшие ремни, потом вышел из комнаты и спустился вниз.

Крис он нашел в кухне. Она сидела за столом рядом с Шарон, мрачно уставившись неподвижным взглядом в чашку с остывавшим кофе. Заметив священника, обе женщины впились в него напряженными взглядами. Потом Крис повернулась к Шарон:

— Иди проверь Риган. Хорошо?

Шарон отпила маленький глоток кофе, кивнула Каррасу и вышла. Священник устало опустился на стул.

— Ну как там? — спросила Крис, ловя его взгляд.

Каррас собрался было ответить, но в этот момент вошел Карл. Он направился к раковине, намереваясь почистить кастрюли.

Крис проследила за взглядом священника.

— Все нормально,— тихо успокоила она его.— Говорите. Как там дела?

— Появились две новые личности. Вернее, одна появлялась в прошлый раз, она говорит с британским акцентом. Это ваш знакомый?

— А это так важно? — переспросила Крис.

— Да, важно.

Крис опустила глаза и кивнула.

— Я его знаю.

— Кто это?

— Бэрк Дэннингс.

— Режиссер?

— Да...

— Режиссер, который...

— Да,— быстро вставила Крис.

Некоторое время иезуит молчал, обдумывая услышанное. Он заметил, как нервно подергиваются его пальцы.

— Вы не хотите выпить кофе? — предложила Крис.

Каррас покачал головой.

— Нет, спасибо.— Он облокотился на стол.— Риган была с ним знакома?

— Да.

— И...

Раздался звон падающей посуды. Крис вздрогнула, резко повернулась и увидела, что Карл уронил на пол сковородку.

— В чем дело, Карл?

— Извините, мадам.

— Выйди отсюда. Сходи в кино или еще куда-нибудь. Нельзя же нам всем сидеть в этом доме как в тюрьме.— Крис повернулась к Каррасу, взяла пачку сигарет и в ответ на протестующий возглас Карла хлопнула ею по столу.

— Нет, я лучше посмотрю за...— начал было тот.

— Карл, я не шучу! — не оборачиваясь, нервно вскричала Крис.— Убирайся! Уйди из дома, ну хоть ненадолго! Нам всем надо выходить отсюда. Иди!

— Да-да, иди! — поддержала вошедшая на кухню Уилли и отобрала у Карла сковородку.

Карл взглянул на Крис и Карраса и вышел.

— Извините, святой отец,— смущенно пробормотала Крис.— Ему так много пришлось пережить в последнее время.

— Вы правы,— мягко начал Каррас.— Все должны стараться хоть ненадолго выходить из дома. И вы в том числе.

— Так что говорил Бэрк? — поинтересовалась Крис.

— Он ругался,— пожал плечами Каррас.

— И это все?

Священник заметил, что голос ее дрогнул.

— Разве этого недостаточно? — Он заговорил тише: — Кстати, у Карла есть дочь?

— Дочь? Нет, я ничего не знаю. Если и есть, то он о ней никогда не говорил.

Уилли чистила кастрюли у раковины, и Крис обернулась к ней.

— Разве у вас есть дочь, Уилли?

— Она умерла, мадам. Очень давно.

— Извини меня.

Крис повернулась к Каррасу.

— Я сама об этом первый раз слышу,— прошептала она.— А почему вы спросили? Откуда вы узнали?

— Риган говорила о ней,— ответил Каррас.

Крис молча уставилась на него.

— А вы никогда не замечали у нее сверхчувствительного восприятия? — спросил священник.— Я имею в виду, до болезни.

— Ну...— Крис запнулась.— Даже не знаю. Я не уверена. То есть бывало, что наши мысли совпадали, но мне кажется, это часто происходит с близкими людьми.

Каррас кивнул и задумался.

— А вторая личность, о которой я говорил,— начал он,— это она появлялась во время гипнотического сеанса?

— Та, которая бредит?

— Да. Кто это?

— Я не знаю.

— Она вам совсем незнакома?

— Нет.

— А вы посылали за медицинскими отчетами?

— Да, их привезут сегодня и сразу же передадут вам.— Крис отпила глоток кофе.— Мне это стоило большого труда.

— Я знал, что вы столкнетесь с трудностями.

— Трудности были, но тем не менее документы вам принесут. Так как же насчет изгнания беса, святой отец?

Каррас опустил глаза и вздохнул:

— Я не совсем уверен, что епископ одобрит это изгнание.

— Что значит «не совсем уверен»? — Крис поставила чашку на стол и нетерпеливо взглянула на священника.

Иезуит сунул руку в карман и вынул оттуда пузырек.

— Вы видите это?

Крис кивнула.

— Я сказал девочке, что это святая вода,— объяснил Каррас.— И когда начал разбрызгивать ее, Риган реагировала очень бурно.

— Ну и что?

— Это не святая вода. Это обыкновенная водопроводная вода.

— Может быть, некоторые бесы просто не знают разницы?

— Вы действительно верите, что в ней сидит бес?

— Я верю, что Риган завладел тот, кто хочет ее убить, отец Каррас. А может ли он отличить мочу от воды, по-моему, не так уж и важно. Разве я не права? Извините, конечно, но вы хотели знать мое мнение! Какая разница между святой водой и водопроводной?

— Святую воду освящают.

— Великолепно, отец Каррас, я так счастлива, что узнала об этом! Значит, вы говорите, об изгнании не может быть и речи?

— Нет, я только начал разбираться в этом деле,— горячо возразил Каррас.— Но у Церкви свои критерии, и с ними надо считаться. Нельзя без разбора верить во все предрассудки и рассказы о левитирующих священниках или плачущих статуях святой Девы Марии. Я не хочу стоять в одном ряду с такими рассказчиками.

— Вы не хотите принять либриум, святой отец?

— Извините, но вы хотели знать мое мнение.

— И я узнала его.

Каррас полез за сигаретами.

— Дайте и мне тоже,— попросила Крис.

Иезуит протянул ей пачку, поднес спичку и прикурил сам. Они шумно выдохнули дым и тяжело откинулись на спинки стульев.

— Извините,— мягко проговорил священник.

— Такие крепкие сигареты вас погубят,— заметила Крис.

Он повертел в руках пачку, шелестя целлофаном.

— У нас есть все необходимые Церкви признаки. Ваша дочь говорит на языке, который никогда прежде не знала и не изучала. Я все записал на пленку. Ее ясновидение... Правда, современные взгляды на телепатию и сверхчувствительное восприятие несколько иные, чем в средние века, и Церковь может не принять их как доказательство одержимости.

— А вы сами-то верите в эту чепуху?

Крис нахмурилась.

Каррас посмотрел на нее и продолжил:

— И последнее — ее сила. Она не соответствует ни ее возрасту, ни ее состоянию. Это уже ближе к мистике.

— А стук в стенах?

— Сам по себе он ничего не значит.

— А то, как она подпрыгивала на кровати?

— И этого недостаточно.

— А чертовщина на коже? Эти странные знаки?

— О чем вы?

— Разве я вам не рассказывала?

— О чем?

— О, я узнала о них, когда Риган лежала в больнице,— объяснила Крис.— Там были...— Она провела пальцем по груди.— Ну, как надпись. Просто буквы. Они появились у нее на груди, а потом исчезли.

Каррас нахмурился.

— Вы сказали «буквы», а не целые слова?

— Нет, не слова. Сначала один или два раза появлялась буква «М», потом «П».

— Вы это видели? — спросил Каррас.

— Нет, мне рассказывали.

— Кто?

— Лечащие врачи Риган. Все записано в истории ее болезни.

— Я вам верю. Но опять же повторяю: это естественное явление. Оно встречается довольно часто.

— Где? В Трансильвании? — недоверчиво поинтересовалась Крис.

Каррас покачал головой.

— Нет, я читал об этом в журнале. Мне запомнился один случай. Тюремный психиатр сообщил, будто один из заключенных мог по своему желанию впадать в транс и в этом состоянии у него на груди появлялись знаки зодиака.— Иезуит провел рукой по груди.— Он заставлял кожу приподниматься в определенных местах.

— Пожалуй, вы не очень-то верите в чудеса.

— Однажды был проведен такой эксперимент,— спокойно объяснил Каррас.— Пациента загипнотизировали, ввели в транс и на каждой руке сделали надрезы. Ему сказали, что левая рука будет кровоточить, а правая — нет. И действительно, кровь пошла только из левой руки. Сила мозга удерживала ток крови. Мы не знаем, как это происходит, но факты налицо. То же самое и со стигматами — вроде тех, что появлялись у заключенного и у Риган: подсознание контролирует скорость течения крови и посылает ее увеличенное количество туда, где кожа должна вздуться. Таким образом появляются рисунки, буквы или что угодно. Это, конечно, таинственно, но вряд ли сверхъестественно.

— С вами очень трудно, святой отец.

Каррас прикусил ноготь большого пальца.

— Я попробую вам объяснить,— начал он.— Церковь — заметьте, не я, а Церковь — издала однажды предупреждение для священников, занимающихся изгнанием бесов. Я читал его вчера вечером. Там было сказано, что большин-

ство людей, считающих себя одержимыми,— я цитирую,— «гораздо больше нуждаются в помощи врача, нежели священника». Как вы думаете, в каком году было издано это предупреждение?

— В каком же?

— В тысяча пятьсот восемьдесят третьем.

Крис удивленно взглянула на него и задумалась. Потом она услышала, что священник встает со стула.

— Разрешите, я подожду, пока принесут больничные документы, и просмотрю их?

Крис кивнула.

— А пока что,— продолжал иезуит,— я прослушаю записи, выберу из них нужные места и отвезу их в Институт лингвистики. Может быть, это бессмысленное бормотание все-таки имеет отношение к какому-нибудь языку. Хоть я и сомневаюсь в этом, но все, в конце концов, возможно. Там выявят еще и структуру речи. Если она окажется постоянной, вы можете быть уверены, что девочка не одержима.

— И что тогда? — заволновалась Крис.

Священник пристально посмотрел на нее. В глазах Крис застыла тревога. Странно! Неужели она боится, что дочь не одержима?! Он вспомнил Дэннингса. Что-то здесь не так... Совсем не так...

— Мне очень неудобно просить вас, но не могли бы вы одолжить мне на некоторое время свою машину?

— На некоторое время я могу вам одолжить хоть собственную жизнь,— пробормотала Крис.— Только верните машину к четвергу — вдруг она мне понадобится.

Каррас с болью смотрел на эту беззащитную, поникшую женщину. Ему так хотелось взять ее за руку и успокоить, сказать, что все так или иначе уладится. Но как это сделать?

— Подождите, я дам вам ключи,— сказала Крис, выходя из комнаты.

Получив ключи, Каррас прошел в комнату, взял пленку с записью голоса Риган и возвратился на стоянку, где была припаркована машина Крис.

Садясь в машину, он услышал с крыльца оклик Карла:

— Отец Каррас!

Каррас обернулся. Карл бежал к нему, натягивая на ходу куртку, и махал рукой.

— Отец Каррас! Подождите минутку!

Каррас опустил стекло, и Карл просунул в окно голову.

— Вы в какую сторону едете, отец Каррас?

— На Дюпон-серкл.

— Это просто здорово. Вы меня туда не подбросите, святой отец? Не возражаете, если я поеду с вами?

— Рад помочь. Садитесь.— Каррас завел мотор.— Сделаю доброе дело, если вывезу вас отсюда на некоторое время.

— Да, я пойду в кино. Идет хороший фильм.

Каррас включил скорость, и машина тронулась.

Некоторое время они ехали молча.

Каррас погрузился в размышления, мучительно отыскивая ответы на бесконечные вопросы. Одержимость? Невозможно. Святая вода... И все-таки...

— Карл, вы ведь хорошо знали мистера Дэннингса?

Карл уставился на ветровое стекло, потом кивнул:

— Да, я его знал.

— Когда Риган... когда она пытается изобразить Дэннингса, вам не кажется, что она действительно на него похожа?

Молчание. Потом последовал короткий сухой ответ:

— Да.

Больше они не разговаривали. Выехав на Дюпон-серкл, машина затормозила перед светофором.

— Я сойду, отец Каррас,— сказал Карл, открывая дверцу.— Здесь можно пересесть на автобус. Большое спасибо, вы меня очень выручили.

Швейцарец стоял посреди улицы и ждал, когда загорится зеленый свет. Он улыбнулся, помахал священнику рукой и следил за машиной, пока она не скрылась за поворотом на Массачусетс-авеню. Потом побежал к автобусу и сел в него. Проехав несколько остановок, Карл сделал пересадку, доехал до северо-западного жилого района и зашагал к старому, полуразрушенному зданию.

Он остановился около мрачной лестницы и задумался. Из кухни несло кислятиной. Где-то в квартире надрывался ребенок. Швейцарец опустил голову. Из-под плинтуса выполз таракан и заспешил к лестнице. Карл вцепился в перила и хотел было вернуться, но потом покачал головой и пошел наверх. На третьем этаже он свернул в темный закуток и остановился перед дверью. Постоял так некоторое время, положив руку на дверную ручку, и нажал на кнопку звонка. Из глубины квартиры донесся скрип пружин. Кто-то раздраженно выругался. Послышались неровные шаги, как будто человек шел в ортопедической обуви. Дверь неожиданно приоткрылась, гремя, натянулась дверная цепочка, и в образовавшейся щели показалась женщина в одной комбинации. Из уголка рта торчала сигарета.

— А, это ты,— мрачно произнесла она и сняла цепочку.

Карл наткнулся на ее жесткий взгляд. Эти глаза, похожие на два переполненных болью колодца, обвиняли его. Он разглядел печальный изгиб рта на опустошенном лице молодой женщины, похоронившей свою юность и красоту в дешевых гостиничных номерах, ночами тоскующей по несостоявшейся жизни.

— Скажи там, чтобы побыстрее проваливали! — донесся из глубины квартиры мужской голос.

Она грубо отрезала:

— Не трепыхайся, это мой папаша!

Потом повернулась к Карлу:

— Пап, он пьяный. Ты лучше туда не ходи.

Карл кивнул.

Равнодушные глаза молча следили за его руками. Карл достал из заднего кармана брюк бумажник.

— Как мама? — поинтересовалась женщина, затягиваясь сигаретным дымом и не сводя глаз с бумажника.

Карл отсчитывал десятидолларовые купюры.

— Она чувствует себя хорошо.— Он кивнул.— Мама чувствует себя хорошо.

Женщина судорожно закашлялась и прикрыла рот рукой.

— Проклятые сигареты,— прохрипела она.

Карл заметил у нее на руке следы от уколов.

— Спасибо, пап.

Он почувствовал, как она вытягивает у него из пальцев деньги.

— О Боже, нельзя ли там побыстрей?! — заорал мужчина из комнаты.

— Слушай, пап, давай поскорей, а? Ты же его знаешь!

— Эльвира!..— Карл неожиданно сделал шаг вперед и схватил ее за руку.— Сейчас в Нью-Йорке открылась больница! — почти умоляя, прошептал он.

Дочь скорчилась и попыталась вырвать руку.

— Ну хватит!

— Я пошлю тебя туда! Они помогут! Тебя не посадят в тюрьму! Это...

— О Боже мой, ну хватит, па! — хрипло воскликнула женщина, высвободив наконец руку.

— Нет, прошу тебя! Это...

Она захлопнула перед ним дверь.

Карл горестно опустил голову — последняя его надежда рухнула.

Из квартиры раздались приглушенные голоса, послышался циничный женский смех, перешедший в кашель.

Карл повернулся и застыл на месте. Перед ним стоял лейтенант Киндерман.

— Может быть, мы поговорим, мистер Энгстром? — хриплым голосом спросил детектив. Он еще не избавился

от одышки после подъема и стоял, засунув руки в карманы. Во взгляде устремленных на Карла понимающих глаз была грусть.— Я думаю, теперь мы можем поговорить.

Глава вторая

В кабинете директора Института лингвистики Каррас вставил в магнитофон кассету.

Он выбрал на пленке нужные места и переписал их на отдельную кассету. Сейчас Каррас собирался прослушать первую запись. Он включил магнитофон и отошел от стола. Каррас и директор молча слушали лихорадочное и невнятное бормотание Риган. Потом Каррас повернулся к директору.

— Что это, Фрэнк? Это язык?

Директор — полный седеющий мужчина — сидел на краю письменного стола. Пленка кончилась. Лицо Фрэнка выражало крайнее удивление.

— Какая-то дикость. Где вы это взяли?

Каррас остановил магнитофон.

— Эта запись хранится уже несколько лет. У меня был пациент, страдающий раздвоением личности. А сейчас я пишу статью по этому вопросу.

— Понятно.

— Ну, и что вы думаете?

Директор снял очки и начал покусывать черепаховую оправу.

— Нет, лично я такого языка никогда не слышал. Однако...— Он нахмурился. И опять взглянул на Карраса.— Можно еще раз прокрутить?

Каррас быстро перемотал кассету и запустил ее еще раз.

— Ну, теперь ваше мнение не изменилось?

— Ритм, характерный для человеческой речи вообще, здесь присутствует.

— Да, мне тоже так показалось,— согласился Каррас.

— Но язык мне не знаком, святой отец. Он древний или современный? Или вы сами этого не знаете?

— Не знаю.

— Оставьте кассету у меня. Я попрошу ребят, и они проверят.

— Фрэнк, а вы не могли бы сделать копию?? Я должен оставить оригинал у себя.

— Да-да, конечно.

— Но это еще не все. У вас есть время?

— Да. Что там у вас?

— Если я дам вам пленку с записью речи двух разных людей, не могли бы вы, сделав семантический анализ, сказать, принадлежит ли речь в первом и во втором случаях одному и тому же лицу?

— Думаю, что смогу.

— Каким образом?

— Здесь можно применить метод подсчета частоты употребления тех или иных знаков. Если у вас есть запись из тысячи или более слов, можно подсчитать количество разных частей речи.

— А можно ли положиться на такой вывод?

— Безусловно. Почти на сто процентов. Такая проверка выявляет разницу и в основном словарном запасе. Здесь имеют значение не столько сами слова, сколько стиль. Мы это называем индексом разнообразия. Дилетанту здесь разобраться трудно, что, впрочем, нас устраивает.— Директор чуть заметно улыбнулся. Потом кивком указал на кассеты, которые Каррас держал в руках.— Если я правильно понял, здесь записана речь двух разных людей.

— Нет. И голос, и слова принадлежат одной и той же личности, Фрэнк. Я уже говорил вам, это случай раздвоения личности. И слова, и голоса кажутся совершенно разными, но все это принадлежит одному и тому же лицу. Я буду вам очень обязан.

— Вы хотите, чтобы я проверил записи? С радостью. Я передам их специалисту.

— Нет, Фрэнк, я прошу вас о большем: чтобы это сделали именно вы и как можно скорее. Это очень важно.

Директор заглянул ему в глаза и поспешно кивнул.

— Хорошо-хорошо, я займусь этим.

Фрэнк сделал копию записи с пленки священника, и Каррас вернулся в свою комнату. На полу за дверью он нашел записку. В ней сообщалось, что документы из клиники уже доставлены.

Каррас расписался за пакет. Вернувшись в комнату, он немедленно принялся за чтение и вскоре убедился, что напрасно ездил в институт.

«...предполагается навязчивая идея вины с последующим истерико-сомнамбулическим...»

Но сомнения все-таки остались. Все зависит от того, как объяснять эти явления. А пятна на коже у Риган? Каррас закрыл лицо руками. То, о чем рассказывала Крис, действительно упоминалось в бумагах. Но там также указывалось, что у Риган сверхчувствительная кожа и она вполне могла сама нарисовать эти буквы, проводя по груди пальцем незадолго до того, как замечали их появление букв. Обычная дерматография.

Она сама это делала. Каррас был убежден в этом. Как только Риган стянули ремнями руки, таинственные буквы больше ни разу не появлялись.

Обман. Сознательный или подсознательный, но все равно обман.

Священник взглянул на телефон. Может, позвонить Фрэнку? Он снял трубку. Абонент не отвечал, и Каррас продиктовал на автоответчик просьбу, чтобы Фрэнк ему перезвонил. Измученный и уставший, он медленно поднялся и побрел в ванную.

«...Изгоняющий дьявола должен убедиться в том, что не осталось признаков...»

Дэмьен взглянул на свое отражение в зеркале. Может быть, он что-то упустил? Что? Запах квашеной капусты. Каррас повернулся, снял с вешалки полотенце и вытер лицо. Самовнушение, вспомнил он. К тому же люди с психическими заболеваниями умеют так воздействовать на свой организм, что от тела начинают исходить самые различные запахи.

Удары... Ящик, открывающийся и закрывающийся сам по себе. Телекинез? Но может ли это быть? «Неужели вы верите в эту чепуху?» Мысли путались и разбегались. Слишком устал. Тем не менее Каррас продолжал думать о Риган.

Он направился в университетскую библиотеку, нашел нужный журнал и прочитал статью немецкого психиатра Ганса Бендера об исследовании явлений парапсихологии.

Сомнений нет, решил Каррас, закончив чтение: психокинез существует, в его пользу говорят авторитетные документы, случаи, которые удалось заснять на пленку, и случаи в психиатрических клиниках. Но ни в одном из них даже не упоминалось об одержимости бесами. Предполагалось, что телекинез достигается за счет энергии мозга, высвобожденной подсознательно и (что особенно произвело на Карраса впечатление) встречающейся у подростков в моменты чрезвычайно высокого внутреннего напряжения, расстройства или озлобленности.

Каррас потер усталые глаза, еще раз просмотрел выдержки с описанием симптомов, тщательно обдумывая каждый из них. «Что же пропущено? — удивлялся он.— *Что?*»

И тут же с отчаянием осознал, что ответом было жестокое слово: *ничего.*

Каррас вернул журнал и направился к дому миссис Макнил. Уилли открыла ему дверь и провела в кабинет.

Крис, облокотившись на стойку бара и подперев руками голову, стояла спиной к священнику.

— Здравствуйте, святой отец.

В ее голосе сквозило отчаяние. Обеспокоенный священник подошел к актрисе.

— Вам плохо? — тихо спросил он.

— Нет, мне хорошо.

Эту фразу она почти выдавила из себя. Каррас нахмурился. Крис закрыла лицо руками. Руки дрожали.

— Что вы делали? — спросила Крис.

— Я читал больничные записи.— Каррас подождал. Она не отвечала. Тогда он заговорил снова: — Я считаю... Поймите, лично мое мнение таково, что Риган сейчас помогут психиатры и соответствующее лечение.

Крис медленно покачивала головой.

— Где ее отец? — спросил священник.

— В Европе,— чуть слышно прошептала Крис.

— Вы сообщили ему, что случилось?

Крис столько раз порывалась рассказать ему обо всем. Может быть, это несчастье снова их сблизило бы. Но Говард и священники... Это невозможно. Ради Риган Крис решила ничего ему не говорить.

— Нет,— тихо ответила она.

— Мне кажется, будет лучше, если он приедет сюда.

— Послушайте, нет ничего лучше, чем то, что далеко от нас! — неожиданно взорвалась Крис.— И нет никого лучше, чем тот, кто убирается от нас ко всем чертям!

— Я думаю, стоит послать за ним.

— Зачем?

— Это может...

— Я просила вас выгнать дьявола, а не тащить сюда еще одного! — истерично закричала Крис. Лицо ее страдальчески сморщилось.— Что же вдруг случилось со всеми священниками?

— Послушайте...

— На кой черт мне здесь Говард?

— Мы можем поговорить об этом...

— Так поговорите об этом сейчас! На кой черт здесь нужен Говард? Какой от него толк?

— Есть сильные подозрения, что расстройство Риган как раз началось с ее чувства вины по поводу...

— По поводу чего?

— Это может быть...

— Развод? Этот бред я уже слышала от психиатров!

— Видите ли...

— Риган виновата, потому что она *убила Бэрка Дэннингса!* — завизжала Крис, со всей силой сдавив руками виски.— Она убила его! Риган убила его, и теперь ее пытаются убрать! Ее посадят в тюрьму! О Боже мой. Боже мой...

Крис зарыдала и пошатнулась. Каррас подхватил ее и проводил до дивана.

— Успокойтесь,— тихо повторял он,— успокойтесь.

— Нет, они все равно ее уберут! — всхлипывала женщина.— Все равно... они... ее... О-о-о! Боже мой!.. Боже мой!

— Ну-ну, успокойтесь, пожалуйста.

Каррас усадил Крис на диван, помог лечь, а сам присел на край дивана и взял ее ладони в свои руки.

Он думал о Киндермане. О Дэннингсе. Об этих слезах. Нет, все это нереально.

— Успокойтесь, все в порядке... не переживайте так... успокойтесь...

Вскоре всхлипывания прекратились, и Крис, приподнявшись, села. Каррас принес ей воды и пачку бумажных салфеток, найденных им на полке в баре. Потом снова присел рядом с Крис.

— Я рада,— проговорила она, сморкаясь.— Боже, как я рада, что наконец-то рассказала об этом.

Карраса одолело смятение. Чем спокойней становилась Крис, тем сильнее он сам начинал волноваться. Необъяснимая и гнетущая тяжесть навалилась на священника. Он весь напрягся изнутри. «Нет! Молчи! Не говори больше ничего!»

— Может быть, вы хотите мне еще что-то сказать? — тихо вымолвил Каррас.

Крис кивнула, глубоко вздохнула и вытерла глаза. Очень сбивчиво и отрывочно она рассказала о Киндермане, о кни-

ге, о своей уверенности в том, что Дэннингс заходил к Риган в спальню, о невероятной силе Риган и о том, как она увидела повернувшееся к ней на сто восемьдесят градусов лицо Дэннингса.

Наконец она замолчала и замерла в ожидании реакции священника. Некоторое время Каррас обдумывал услышанное. Наконец тихо проговорил:

— Вы же не знаете наверняка, что это именно ее рук дело.

— Но голова повернулась и уставилась на меня,— воскликнула Крис.

— Вы сами довольно сильно ударились головой о стену,— возразил Каррас.— К тому же находились в шоковом состоянии. Вам это показалось.

— Она сама сказала мне об этом,— настаивала Крис безжизненным голосом.

— А Риган не рассказала вам, как именно она это проделала? — после недолгой паузы поинтересовался Каррас.

Крис отрицательно покачала головой.

— Нет, не говорила.

— Тогда ее слова ничего не значат,— заверил Каррас.— Это все ерунда, раз Риган не рассказала вам все подробности, знать которые может только убийца.

Крис с сомнением пожала плечами.

— Я не знаю,— промолвила она.— Не знаю, правильно ли я поступила. Я считаю, что это сделала Риган и что она может убить еще кого-нибудь. Я не знаю...— Крис замолчала.— Святой отец, что же мне делать?

Ощущение тяжести, обрушившейся на него, становилось все отчетливей и острей, и Каррас внезапно осознал, что эта тяжесть никогда больше его не оставит. Он уперся локтями в колени и прикрыл глаза.

— Вы правильно поступили, что рассказали мне обо всем,— спокойно начал Каррас.— А сейчас перестаньте думать об этом и положитесь на меня.

Священник почувствовал ее взгляд и обернулся.

— Вам лучше?

Крис кивнула.

— Вы не сделаете мне одолжение?

— Что такое?

— Сходите в кино.

Она вытерла ладонью глаза и улыбнулась:

— Я терпеть не могу кино.

— Тогда сходите в гости к друзьям.

Крис положила руки на колени и тепло взглянула на Карраса.

— Мой друг сидит передо мной,— произнесла она.

Иезуит улыбнулся.

— Отдохните-ка лучше,— посоветовал он.

— Ладно.

Каррас снова задумался.

— Вы считаете, что это Дэннингс отнес книгу наверх? Или она уже была там?

— Я думаю, что она уже была там,— ответила Крис.

Священник обдумал ее ответ. Встал.

— Ну хорошо. Вам нужна сейчас машина?

— Нет, можете пока оставить ее у себя.

— Отлично. Я к вам зайду попозже.

— До свидания, святой отец.

— До свидания.

Дэмьен в полном смятении вышел на улицу. В голове все перемешалось. Риган... Дэннингс...

«Невозможно! Нет! И все же...»

Крис, впав в истерику, почти убедила его. «Вот в том-то и дело: истеричное воображение. И все же...» Он перебирал все варианты и искал, искал ответ.

Проходя мимо длинной лестницы неподалеку от дома, Каррас услышал доносящиеся снизу звуки музыки. Кто-то наигрывал на гармонике мотив популярной песенки. «Долина Красной реки» — с детства и до сих пор она оставалась одной из его любимых. Каррас остановился и слушал

до тех пор, пока шум уличного движения не заглушил мелодию, пока приятные воспоминания не оказались вновь вытесненными мучительной действительностью, воспоминаниями о событиях, от которых кровь стыла в жилах. Поглубже засунув руки в карманы, он вновь принялся лихорадочно размышлять... О Крис... О Риган... О Лукасе, неистово колотящем кулаками безжизненное тело Транквилла... Он должен, он просто обязан что-то сделать! Но что? Надо порыться в архивах. Он вспомнил случай Ахилла. Одержимость дьяволом. Так же, как Риган, он называл себя дьяволом. И так же, как у Риган, причиной психического заболевания стало чувство вины — чувство вины за нарушение супружеской верности. Джанет — психотерапевт, которая наблюдала и лечила его,— использовала гипноз. Она ввела Ахилла в состояние транса и заставила его увидеть свою жену. Та якобы навестила неверного мужа и с мрачным видом даровала ему свое прощение.

Каррас кивнул. Да, пожалуй, внушение могло бы стать и для Риган спасительным выходом из положения. Но только не гипнотическое. В клинике Бэрринджера они уже пытались применить этот метод. Единственным методом внушения в отношении Риган мог стать только обряд изгнания дьявола. Кому, как не Каррасу, знать, насколько действенным может оказаться этот обряд. Риган знала о нем, знала, в чем именно он заключается и какова его суть. И несомненным подтверждением в данном случае служит святая вода. Она прочла о ней в книге.

Да, это может сработать... Может сработать...

Но как получить санкцию церковных властей? Каким образом составить просьбу о разрешении, ни словом не упомянув в ней о Дэннингсе? Каррас никогда не осмелится лгать епископу. Равно как и подтасовывать или фальсифицировать факты.

«Все так. Но ты можешь сделать так, чтобы соответствующие факты говорили сами за себя».

Но какие именно факты?

Каррас устало провел рукой по лбу. Он мало спал в последнее время. Он просто не мог спать. В висках пульсировала непрекращающаяся боль.

«Привет, пап...»

Факты? Какие факты?

Записи, хранящиеся в архиве института? Сумеет ли Фрэнк отыскать в них что-нибудь полезное? Маловероятно. Впрочем, кто знает? Разве можно было предположить, что Риган не сумеет отличить святую воду от обычной, взятой из-под крана? Да, прежде она не слышала ни о какой святой воде. Это так.

«Но если девочка умеет читать чужие мысли, то почему же она не смогла прочесть мои и уяснить разницу?»

Дэмьен вновь поднес ладонь ко лбу. Ох уж эта головная боль! И вдруг его охватило смятение: «Господи! Каррас, очнись! Кое-кто умирает! Очнись!»

Вернувшись к себе, иезуит позвонил в институт. Но Фрэнка там не оказалось. Дэмьен положил трубку. Святая вода. И водопроводная вода. Что-то здесь не так. Он открыл «Инструкцию для изгоняющих дьявола»: «...злые духи... неверные ответы... таким образом может показаться, что данная личность не одержима...»

Каррас задумался. «Черт возьми! Какие еще "злые духи"?»

Он с треском захлопнул книгу, взгляд его упал на медицинские записи. Дэмьен перечитал их, отыскивая сведения, которые можно было бы использовать в разговоре с епископом.

Вот. Нет подозрения на истерию. Это уже кое-что. Но мало. Нужно еще. Смутно припоминалось какое-то несоответствие. Но какое? Дэмьен отчаянно пытался вспомнить. И вдруг его осенило.

Он поднял трубку, набрал номер и услышал сонный голос Крис:

— Это вы, святой отец?

— Вы спали? Извините.

— Ничего.

— Крис, где этот доктор...— Каррас заглянул в свои записи.— Доктор Кляйн?

— В Росслине.

— В больнице?

— Да.

— Позвоните ему и передайте, что к нему зайдет доктор Каррас, который желает посмотреть ЭЭГ Риган. Скажите, доктор Каррас. Вы меня поняли?

— Поняла.

— А с вами я поговорю попозже.

Повесив трубку, Каррас быстро переоделся в свитер и брюки цвета хаки. Сверху он надел черный плащ и застегнул его на все пуговицы. Посмотрев на себя в зеркало, он нахмурился. Так выглядят только священники и полицейские. В их одежде всегда найдется какая-нибудь деталь, сразу указывающая на профессию. Каррас расстегнул плащ, снял черные ботинки и надел белые теннисные тапочки.

Он сел в машину Крис и поехал в Росслин. Остановившись у светофора перед мостом, Дэмьен выглянул из окна и обомлел. Из черной полицейской машины, стоявшей перед винным магазином Дикси на Тридцать пятой улице, выходил Карл. За рулем машины сидел Киндерман.

Загорелся зеленый свет. Каррас дал полный ход и вырвался вперед. Он въехал на мост и глянул в зеркальце заднего вида. Заметили они его или нет? Вряд ли. Но почему они были вместе? Что это: чистая случайность? Или тоже связано с Риган?

«Забудь об этом! Нельзя все время думать об одном и том же».

Каррас припарковал машину у больницы и принялся разыскивать кабинет Кляйна. Доктор был занят, но медсестра передала Каррасу электроэнцефалограмму. В отдель-

ном кабинете Дэмьен, пропуская между пальцев длинную узкую полоску бумаги, изучал результат ЭЭГ.

Вскоре к нему присоединился Кляйн.

— Доктор Каррас?

— Да. Рад с вами познакомиться.

— Я — доктор Кляйн. Как дела у девочки?

— Ей лучше.

— Рад слышать.

Каррас вернулся к изучению рисунка. Кляйн водил пальцем по зигзагообразной линии.

— Видите? Волны очень ритмичные. Никаких отклонений.

— Да, вижу,— Каррас нахмурился.— Очень любопытно.

— Любопытно? Если учитывать, что мы имеем дело с истерией...

— Я полагаю, что это пока малоизвестно,— пробормотал Каррас, продолжая рассматривать ленту.— Бельгиец Айтека обнаружил, что при истерии наблюдаются довольно странные колебания волн на рисунке. Очень незначительные, но постоянные изменения. Я искал их здесь, но пока не смог найти.

Кляйн ухмыльнулся:

— Ну и что?

Каррас посмотрел в его сторону.

— Но все-таки, когда вы делали ЭЭГ, у нее было расстройство?

— Да, было. Я бы сказал, что было. То есть, конечно же, было.

— Неужели вас не поразило то, что результаты получились идеальные? Даже в нормальном состоянии субъекты способны менять рисунок волн в пределах допустимого, а у Риган было расстройство. Можно было логически предположить, что на ЭЭГ появятся колебания. Если...

— Доктор, миссис Симмонс нервничает,— перебила его медсестра, открывая дверь.

— Да-да, иду,— вздохнул Кляйн.

Медсестра поспешно удалилась. Кляйн шагнул к выходу и обернулся.

— Кстати, об истерии,— сухо вставил он.— Извините, мне надо бежать.

Кляйн закрыл за собой дверь. До Карраса донеслись его торопливые шаги. Потом стало слышно, как в приемной открылась дверь и оттуда раздался голос:

— Ну, как мы себя сегодня чувствуем, миссис?..

Дверь закрылась. Каррас вернулся к бумажной ленте, досмотрел ее, свернул, перевязал и вернул медсестре в приемной. Что-то есть. Об этом он мог упомянуть в разговоре с епископом. Каррас мог утверждать, что у Риган не истерия, а значит, она, возможно, одержима. С другой стороны, ЭЭГ порождала еще одну загадку: почему на ней не было отклонений? Совсем никаких?!

Священник возвращался к дому Крис, но у дорожного знака на углу Тридцать пятой улицы и Проспект-стрит сердце его екнуло: между знаком и резиденцией иезуитов стояла машина Киндермана. Детектив сидел в машине один, высунув из окна локоть и уставившись прямо перед собой.

Каррас нашел свободное место, припарковал машину и запер ее. «Неужели он наблюдает за домом?» Призрак Дэннингса вновь отчетливо встал перед его глазами. Неужели Киндерман думает, что Риган...

«Спокойно. Не спеши. Спокойно».

Священник подошел к машине и нагнулся к окошку.

— Здравствуйте, лейтенант.

Детектив быстро обернулся, удивленно посмотрел на него, а потом расплылся в улыбке:

— А, отец Каррас.

Дэмьен почувствовал, что ладони у него увлажнились и похолодели.

«Спокойней. Не показывай ему, что ты волнуешься! Спокойней!»

— С вас сейчас штраф возьмут, вы это знаете? По будням с четырех до шести здесь запрещена остановка.

— Не важно,— засопел Киндерман.— Я ведь разговариваю со священником. А здесь все полицейские набожные.

— Как у вас дела?

— Говоря откровенно, отец Каррас, так себе. А у вас?

— Не могу пожаловаться. Вы так и не раскрыли то дело?

— Какое дело?

— Смерть режиссера.

— А, это...— Детектив махнул рукой.— Лучше не спрашивайте. Послушайте, а что вы делаете сегодня вечером? Вы не заняты? У меня есть пропуск в «Крэст». Там сейчас идет «Отелло».

— А кто играет?

— Дездемону — Молли Пайкон, а Отелло — Лео Фукс. Вы довольны? Это же Шекспир! Какая разница, кто играет! Так вы идете?

— Боюсь, что нет. У меня очень много работы.

— Вижу. Извините, но выглядите вы отвратительно. Засиживаетесь допоздна?

— Я всегда выгляжу отвратительно.

— А сейчас хуже обычного. Бросьте свои дела! Один вечер можно и отдохнуть. Пойдемте!

Каррас решил проверить Киндермана:

— А вы уверены, что именно эти актеры в главных ролях? Мне помнится, что сейчас на экранах идет картина с участием Крис Макнил.

Детектив не отреагировал:

— Нет, я уверен. Там идет «Отелло».

— Кстати, что вас привело в наши места?

— Я приезжал специально из-за вас, хотел пригласить в кино.

— Да, конечно, гораздо проще приехать, чем позвонить по телефону,— съязвил Каррас.

Детектив невинно поднял брови и развел руками.

— Ваш номер был занят.

Иезуит молча уставился на него.

— Что случилось? — спустя мгновение поинтересовался Киндерман.

Каррас с мрачным видом просунул внутрь машины руку и приподнял Киндерману веко. Осмотрел глаз.

— Не знаю. Вы ужасно выглядите. У вас может развиться мифомания.

— Я не знаю, что это такое,— проговорил Киндерман, когда Каррас убрал руку.— Это серьезно?

— Не смертельно.

— Но что это? Я умираю от любопытства.

— Загляните в справочник,— посоветовал Каррас.

— Не будьте злюкой. Я некоторым образом на страже закона и могу вас задержать. Вы это понимаете?

— А за что?

— Психиатр не должен заставлять людей волноваться. Вы эпатируете публику, святой отец. Нет, я серьезно, эта публика не прочь от вас отделаться. Что же это за экстравагантный священник, расхаживающий в свитере и тапочках?

Чуть заметно улыбнувшись, Каррас кивнул.

— Мне пора. Будьте осторожны.— Прощаясь, Дэмьен дважды постучал по окошку, потом повернулся и медленно побрел к дому.

— Сходите к психоаналитику! — хрипло крикнул вслед ему детектив. Проезжая мимо Карраса, он посигналил и махнул рукой.

Каррас помахал в ответ, остановился на тротуаре и дрожащими пальцами осторожно провел по лбу. Неужели она могла это сделать?

Неужели Риган так чудовищно разделалась с Бэрком Дэннингсом? Дэмьен поднял голову и взглянул на окно Ри-

ган. Что же там, в этом доме? И сколько уже времени Киндерман идет по следу Риган? Может быть, он видел кого-то, похожего на Дэннингса? Или слышал голос этого человека? Сколько времени будет мучиться Риган?

Или она умрет?

Он должен переговорить с высшим духовенством.

Священник торопливо перешел улицу и направился к дому Крис. Надавил на кнопку звонка. Дверь открыла Уилли.

— Миссис прилегла отдохнуть,— заявила она.

Каррас кивнул.

— Хорошо. Очень хорошо.— Он прошел мимо служанки и поднялся наверх. Ему срочно понадобились неопровержимые доказательства.

Священник вошел в спальню Риган и увидел Карла. Тот сидел у окна, сложив руки и уставившись на девочку. Своей солидностью и спокойствием швейцарец гармонировал с добротной темной мебелью комнаты.

Каррас подошел к кровати и посмотрел на Риган. Глаза ее закатились, слышалось невнятное бормотание, похожее на какое-то неземное заклинание. Каррас перевел взгляд на Карла. Потом не спеша нагнулся и начал развязывать ремни, стягивающие руки Риган.

— Святой отец, не надо!

Карл подскочил к кровати и резко оттолкнул руку священника.

— Не надо, святой отец! Она сильная! Очень сильная! Оставьте эти ремни!

В глазах его без труда читался неподдельный страх, и Каррас понял, что разговоры о силе Риган не были пустой болтовней. Она могла это сделать, могла свернуть шею Дэннингсу. «О Боже, Каррас! Спеши! Отыщи доказательства! Думай! Спеши, или...»

— Ich müchte Sie etwas fragen, Engstrom!*

---

* Я хочу вас кое о чем спросить, Энгстром! *(нем.)*

Горячей волной в крови нахлынула надежда. Каррас вздрогнул и посмотрел на кровать. Бес издевательски ухмылялся, обращаясь к Карлу:

— Tanzt Ihre Tochter gern?*

Немецкий! Бес спрашивает, любит ли дочь Карла танцевать! Сердце Карраса забилось, он повернулся и увидел, что у слуги щеки стали пунцовыми. Карл весь затрясся, в глазах сверкнула ярость.

— Карл, вам лучше выйти,— посоветовал Каррас.

Швейцарец отрицательно замотал головой и только крепче сжал кулаки.

— Нет, я останусь.

— Вы уйдете отсюда. Я прошу вас,— твердым голосом произнес иезуит, глядя прямо в глаза Карлу.

После некоторого замешательства Карл уступил и вышел из комнаты.

Смех прекратился. Каррас оглянулся. Бес с довольным видом наблюдал за священником.

— Итак, ты вернулся,— пробасил он.— Я удивлен. Я считал, что неудача со святой водой навсегда отобьет у тебя охоту появляться здесь. Но я совсем забыл, что у священников нет совести.

Каррас изо всех сил пытался сдержаться и ждал, что будет дальше. Ему необходимо было сосредоточиться и оценить все трезво. Он знал, что языковая проверка требует разговора, ведь отдельно произнесенные фразы могли оказаться подсознательно запомнившимися. «Спокойно! Ты помнишь ту девочку?» Служанку-подростка? Она была одержима и в бреду разговаривала на каком-то языке, который в конце концов оказался древнесирийским. Каррас представил себе, как это поразило всех, когда выяснилось, что девочка какое-то время работала в доме, где одним из квартирантов был студент, изучающий теологию. Накануне экзаменов он шагал по комнате, поднимался по

* Ваша дочь любит танцевать? (*нем.*)

лестнице и на ходу читал вслух древнесирийские тексты. Девочка все это слышала. «Спокойно! Не торопись!»

— Sprechen Sie deutsch?* — тихо спросил Каррас.

— Если хочешь поразвлекаться?

— Sprechen Sie deutsch? — повторил он и почувствовал, как сердце в надежде застучало еще быстрей.

— Natürlich**,— злобно усмехнулся бес.— Mirabile dictu***, не правда ли?

Сердце иезуита замерло. Не только немецкий, но и латынь! Да еще разговорная!

— Quod nomen mihi est? — быстро спросил Каррас. (Как меня зовут?)

— Каррас.

Священник возбужденно продолжал:

— Ubi sum? (Где я?)

— In cubiculo. (В комнате.)

— Et ubi est cubiculum? (А где комната?)

— In domo. (В доме.)

— Ubi est Burke Dennings? (Где Бэрк Дэннингс?)

— Mortuus. (Он умер.)

— Quomodo mortuus est? (Как он умер?)

— Inventus est capite reverso. (Его нашли со свернутой головой.)

— Quis occidit eum? (Кто его убил?)

— Риган.

— Quomodo ea occidit ileum? Duc mihi exacte! (Как она убила его? Расскажи мне подробно!)

— Ну ладно, пока и этого вполне достаточно,— сказал бес, оскалившись.— Достаточно. И вообще хватит. Хотя, конечно, тебе и в голову не пришло, как я полагаю, что, пока ты задавал свои вопросы на латыни, ты в уме сам же проговаривал и ответы на латыни.— Он рассмеялся.— Разумеется, подсознательно. И что бы мы вообще делали без

---

* Говорите ли вы по-немецки? *(нем.)*

** Конечно *(нем.)*.

*** Отличное произношение *(лат.)*.

этого подсознания? Ты понимаешь, на что я намекаю, Каррас? Я совсем не умею говорить по-латыни. Я читаю твои мысли. Я просто нашел ответы в твоей голове.

Каррасу стало страшно. Уверенность его была поколеблена, постоянно мучили сомнения, глубоко засевшие в его мозгу.

Демон усмехнулся и продолжал:

— Да, я знал, что до тебя это дойдет, Каррас. За это ты мне и нравишься. За это я уважаю всех разумных людей.— Голова его откинулась, и он захохотал.

Мозг священника лихорадочно работал. Он пытался найти такой вопрос, на который можно было бы дать несколько ответов. «Но, может быть, я буду думать обо всех ответах? Ладно. Тогда можно задать вопрос, на который сам не знаешь ответа! А правильность его определить позже».

Он подождал, пока смех прекратится, и спросил:

— Quam profundus est imus Oceanus Indicus? (Какова глубина Индийского океана в самом глубоком месте?)

Глаза беса засветились.

— La plume de ma tante*,— злобно произнес он.

— Responde Latine**.

— Bon jour! Bonne nuit!***

— Quam...

Каррас не договорил. Глаза беса закатились, и появилось существо, бормочущее на неизвестном языке.

Каррас с нетерпением потребовал:

— Я хочу говорить с бесом!

Ответа не было. Только дыхание.

— Quis es tu? (Кто ты?) — резко спросил он. Голос его звучал раздраженно.

Молчание.

---

* Ручка моей тетушки (*фр.*).

** Отвечай на латыни (*лат.*).

*** Добрый день! Доброй ночи! (*фр.*)

— Дай мне поговорить с Бэрком Дэннингсом!

Существо начало икать.

— Дай мне поговорить с Бэрком Дэннингсом!!!

Икота продолжалась с равномерными промежутками. Каррас покачал головой. Затем подошел к стулу и сел на самый край. Сгорбившись, он принялся ждать...

Время шло. Каррас начал дремать. Вдруг он резко вскинул голову и посмотрел на Риган. Тишина, икота прекратилась.

Спит?

Он подошел к кровати и посмотрел на девочку. Глаза закрыты. Дыхание глубокое. Он нагнулся и нащупал пульс, потом тщательно осмотрел ее губы. Они были сухими и растрескавшимися. Каррас выпрямился, подождал еще немного, затем вышел из комнаты.

Он спустился в кухню в надежде найти Шарон. Шарон сидела за столом и ела суп. В руке у нее был бутерброд.

— Вам что-нибудь приготовить поесть, отец Каррас? — спросила она.— Вы, наверное, голодны.

— Спасибо, не надо. Я не хочу,— ответил Дэмьен и, взяв со стола блокнот Шарон, достал ручку.

— Ее мучила икота. У вас есть компазин?

— Да, осталось еще немного.

Каррас писал что-то на листке и, не поднимая головы, сказал:

— Сегодня вечером поставьте половину 25-миллиграммовой свечки.

— Хорошо.

— У нее началось обезвоживание организма,— продолжал он.— Поэтому я перевожу ее на внутривенное питание. Первым делом позвоните в магазин медицинского оборудования и скажите, чтобы сюда доставили вот это.

Он протянул ей исписанный листок.

— Она спит, поэтому сейчас можно установить сустагенное питание.

— Хорошо,— кивнула Шарон.— Я все сделаю.

Выгребая ложкой остатки супа, она придвинула к себе листок и проглядела список.

Каррас молча наблюдал за ней.

— Вы ее учительница?

— Да.

— Не учили ли вы ее латыни?

Она удивилась:

— Нет.

— А немецкому?

— Только французскому. И довольно серьезно.

— Но ни немецкому, ни латыни?

— Да нет же!

— А Энгстромы, они между собой иногда говорят по-немецки?

— Конечно.

— Риган могла это слышать?

Шарон пожала плечами.

— Наверное.— Она встала и понесла тарелки в раковину.— Да, я даже уверена в этом.

— А вы сами никогда не изучали латынь?

— Никогда.

— Но могли бы отличить ее на слух?

— Да, конечно.

— Она никогда не разговаривала по-латыни в вашем присутствии?

— Риган?

— С тех пор, как заболела.

— Нет, никогда.

— А на каком-нибудь другом языке? — пытался дознаться Каррас.

Шарон закрутила кран и задумалась.

— Может быть, мне это показалось, но...

— Что?

— Ну, мне показалось...— Она нахмурилась.— Я готова поклясться, что она разговаривала по-русски.

Каррас внимательно посмотрел на нее.

— А вы сами говорите по-русски? — спросил священник. В горле у него пересохло.

Шарон пожала плечами.

— Чуть-чуть.— Она сложила кухонное полотенце.— Я изучала его в колледже, вот и все.

Каррас обмяк. «Она выбирала латинские слова из моей головы». Он сидел, опустив голову на руки и ничего не видя вокруг. Его терзали и сомнения, факты. «Телепатия часто встречается в состоянии сильного напряжения. Человек начинает говорить на языке, знакомом кому-нибудь из присутствующих... Что же делать? Надо немного отдохнуть. А потом еще раз попробовать... еще раз... еще раз... еще раз...» Он встал. Шарон, прислонившись к раковине и сложив руки, задумчиво наблюдала за ним.

— Я пойду к себе,— сказал Дэмьен.— Как только Риган проснется, позвоните мне.

— Хорошо, я позвоню.

— И насчет компазина,— напомнил он.— Не забудьте.

Она кивнула:

— Конечно не забуду. Я все сейчас сделаю.

Каррас пытался припомнить, не забыл ли он что-то еще сказать Шарон. Так всегда: когда надо сделать очень многое, обязательно о чем-то забываешь.

— Святой отец, что происходит? — спросила Шарон.— Что же это? Что случилось с Риган?

Он поднял свои поблекшие от горя и слез глаза.

— Я не знаю.

Затем повернулся и вышел из кухни.

Проходя через зал, Каррас услышал шаги. Кто-то торопливо догонял его.

— Отец Каррас!

Он оглянулся. Карл нес его свитер.

— Извините,— сказал слуга, протягивая свитер священнику.— Я хотел это сделать раньше, но совсем забыл.

Пятна были выведены, и от свитера приятно пахло.

— Большое спасибо, Карл,— ласково сказал священник.— Вы очень заботливы.

— Спасибо вам, отец Каррас. Спасибо за помощь мисс Риган.— Карл повернулся и с достоинством удалился.

Каррас смотрел ему вслед и вспоминал о том, как встретил его в машине Киндермана. Еще одна тайна...

Он с трудом открыл дверь. Было уже темно. С чувством отчаяния Дэмьен шагнул вперед — из одного мрака в другой.

Он перешел улицу и заспешил навстречу близкому отдыху, но, войдя в комнату, увидел на полу у двери записку. Записка была от Фрэнка. Насчет пленок. Домашний телефон и «пожалуйста, позвоните...»

Дэмьен набрал номер и замер в ожидании. Руки его подрагивали.

— Алло? — зазвучал в трубке писклявый мальчишеский голос.

— Можно мне поговорить с твоим папой?

— Да. Подождите, пожалуйста.— Трубку положили и тут же снова подняли. Опять мальчик: — А кто это?

— Отец Каррас.

— Отец Каритц?

Сердце Дэмьена бешено стучало, но он спокойно поправил мальчика:

— Каррас. Отец Каррас.

Трубку опять положили, и через несколько секунд раздался голос:

— Отец Каррас?

— Да. Здравствуйте, Фрэнк. Я тщетно пытался дозвониться вам.

— О, извините. Я занимался дома нашими пленками.

— Уже закончили?

— Да. Это какая-то чертовщина.

— Я и сам знаю.— Каррас пытался говорить ровным голосом.— Так что же там, Фрэнк? Что вы обнаружили?

— Начнем с частности..

— Ну?..

— Здесь недостаточно примеров, чтобы сказать наверняка, вы понимаете, но выводы сделать можно. Эти два голоса на пленках, возможно, принадлежат разным людям.

— Возможно?

— Под присягой я не стал бы на этом настаивать, но ошибка почти исключена.

— Почти исключена...— автоматически повторил Каррас. Опять сомнения...— А что насчет бреда? — спросил он безнадежно.— Это какой-нибудь язык?

Фрэнк рассмеялся.

— Что тут смешного?

— Это что, психологический тест, святой отец?

— Я вас не понимаю, Фрэнк.

— Или вы перепутали кассеты, или я уж не знаю..

— Фрэнк, это язык или нет? — перебил Каррас.

— Я бы сказал, что это язык. Да, именно язык.

Каррас напрягся:

— Вы шутите?

— Вовсе нет.

— И что это за язык?

— Английский.

Несколько секунд Каррас молчал, а потом изо всех сил закричал:

— Фрэнк, или я вас не расслышал, или вы решили надо мной подшутить?

— У вас есть магнитофон? — спросил Фрэнк.

Магнитофон стоял на письменном столе.

— Да, есть.

— Там есть кнопка реверса?

— А в чем дело?

— Есть или нет?

— Подождите.— Каррас раздраженно положил трубку на стол и снял с магнитофона крышку.— Такая кнопка есть. Но что все это значит?

— Поставьте кассету и проиграйте ее в обратную сторону.

— Что?!

— Там какие-то злые гномы.— Фрэнк рассмеялся.— В общем, вы прослушайте, а завтра побеседуем. Спокойной ночи, святой отец.

— Спокойной ночи, Фрэнк.

— Желаю вам хорошенько развлечься.

Каррас повесил трубку, разыскал нужную ленту и вставил ее в магнитофон. Сначала он просто прослушал ее. Покачал головой.

Ошибки быть не могло: бред — и все.

Дэмьен промотал пленку до конца и включил ее в обратную сторону. Он услышал свой голос, произносящий слова наоборот. А потом голос Риган — или еще кого-то,— говорящий... по-английски!

— ...Marin, Marin, Karras, be us let us...*

Английский. Какая-то чепуха, но на английском! Как она это делает, черт возьми!

Он прослушал пленку, перемотал ее и поставил снова. Потом еще раз. И только после этого осознал, что слова тоже шли в обратном порядке!

Взяв бумагу и карандаш, Дэмьен сел за стол и начал записывать транскрипцию слов. Он работал увлеченно, то и дело щелкая выключателем магнитофона. Когда с этим было покончено, на другом листке бумаги он записал те же слова, только меняя их порядок в предложениях.

Наконец откинулся на спинку стула и прочитал все, что у него получилось:

«...опасность. Но не совсем (неразборчиво) умрет. Мало времени. Теперь (неразборчиво). Пусть она умрет. Нет, нет, так хорошо! Так хорошо в этом теле! Я чувствую! Здесь (неразборчиво). Лучше (неразборчиво), чем пустота. Я боюсь

---

* ...Мэррин, Мэррин, Каррас, жить нам дай... *(англ.)*

священника. Дай нам время. Бойся священника! Он (неразборчиво). Нет, не этот, а тот, который (неразборчиво). Он болен. Ах, эта кровь, почувствуй кровь, как она (поет?).

На этом месте Каррас спросил: «Кто ты?» — и ответом было:

«Я никто... я никто...»

Тогда Каррас спросил: «Это твое имя?»

«У меня нет имени. Я никто. Нас много. Дай нам жить. Дай нам согреться в теле. Не (неразборчиво) из тела в пустоту, в (неразборчиво). Оставь нас, оставь нас. Дай нам жить. Каррас. (Мэррин? Мэррин?)...»

Он вновь и вновь перечитывал написанное. Его пугали эти слова, казалось, что здесь говорят несколько людей сразу. В конце концов от многократного перечитывания текст превратился в бессмысленный набор слов. Каррас отложил листок и закрыл лицо руками. Это не неизвестный язык. Писать слова наоборот не считалось сумасшествием, и такое явление часто встречалось, но говорить! Переделывать произношение так, чтобы при проигрывании назад слова звучали фонетически верно. Это было не под силу даже чрезмерно возбужденному интеллекту. Может, это и есть ускоренное развитие подсознания, на которое ссылается Юнг? Нет. Здесь что-то другое...

Каррас подошел к полкам, отыскивая книгу Юнга «Психология и патология так называемых оккультных явлений», и нашел нужную страницу: «Отчет об эксперименте относительно автоматического написания слов». Субъект подсознательно отвечал на все вопросы анаграммами.

Анаграммы!

Он положил открытую книгу на стол, склонился над ней и прочитал часть отчета:

«3-й день.

— Что такое человек? — ...

— Это анаграмма? — Да.

— Сколько в ней слов? — Пять.

— Какое первое слово? — Смотри.
— Какое второе слово? — И-и-и-и.
— Смотри? Я должен разгадать его сам? — Попробуй.

Решение анаграммы субъектом было найдено:
(Жизнь в меньшей степени может.) Он сам был удивлен. Это доказывало, что в его мозгу существует интеллект, совершенно от него не зависимый. Поэтому он продолжая задавать вопросы:

— Кто ты? — Клелия.
— Ты женщина? — Да.
— Ты жила на Земле? — Нет.
— Ты будешь жить? — Да.
— Когда? — Через шесть лет.
— Почему ты разговариваешь со мной? — ...

Субъект расшифровал и эту анаграмму: (Я Клелию чувствую.)

4-й день.
— Это я отвечаю на вопросы? — Да.
— Клелия здесь? — Нет.
— Тогда кто здесь? — Никого.
— Клелия существует? — Нет.
— Тогда с кем я разговаривал вчера? — Ни с кем».

Каррас перестал читать. Покачал головой. Ничего сверхнормального здесь не было: просто неограниченные возможности интеллекта.

Он достал сигарету, потом снова сел и закурил: «Я никто. Нас много». Жутко. Откуда она могла это взять?

«Ни с кем».

Может быть, и Клелия появилась так же? Неожиданно возникающие личности?

«Мэррин... Мэррин...» «Ах, эта кровь...» «Он болен»...

Утомленный взгляд Дэмьена упал на книгу «Сатана». Он вспомнил первые строки: «Не дай дьяволу увести меня...»

Каррас выпустил дым, закрыл глаза и закашлялся. Горло саднило. Глаза слезились от дыма. Он встал, повесил на дверь табличку «Прошу не беспокоить», выключил свет, задернул занавески, сбросил ботинки и рухнул на кровать. В голове мелькали обрывки мыслей. Риган, Дэннингс, Киндерман. Что делать? Он должен помочь, но как? Поговорить с епископом, имея лишь то немногое, что у него есть? Нет, рано. Пока еще он не может отстаивать свою правоту до конца.

Каррас подумал о том, что неплохо было бы раздеться и забраться под одеяло. Но он слишком устал. Тяжесть событий давила на него, а он хотел быть свободным.

«...Дай нам жить!»

«Дай мне жить!» — ответил он на это. Тяжелый глубокий сон постепенно окутал его.

Дэмьена разбудил телефонный звонок. Слабой рукой он потянулся к выключателю. Интересно, сколько сейчас времени? Он снял трубку. Звонила Шарон и просила его прийти прямо сейчас. Каррас снова почувствовал себя затравленным и измученным.

Он прошел в ванную, умылся холодной водой, натянул свитер и вышел из дома.

Было еще темно. Несколько кошек в испуге шарахнулись в разные стороны.

Шарон встретила его внизу. Она была в кофте и куталась в одеяло. Вид у нее был перепуганный.

— Извините, святой отец,— прошептала Шарон,— но я подумала, что вы должны это видеть.

— Что?

— Сейчас увидите. Только тише. Я не хочу будить Крис.— Она кивком пригласила Карраса следовать за ней.

Войдя в спальню Риган, священник ощутил ледяной холод. Он нахмурился и недоуменно посмотрел на Шарон.

— Отопление включено на полную мощность,— прошептала она и взглянула на Риган, на страшные белки ее

глаз, сверкающие при свете ночника. Казалось, Риган находится в бессознательном состоянии. Дыхание тяжелое, полная неподвижность. Трубка — на месте, сустаген медленно вливается через нос в горло ребенка.

Шарон осторожно подошла к кровати, наклонилась и медленно расстегнула Риган воротник пижамы. Каррас с болью наблюдал за тем, как обнажается исхудалое тело девочки. По выступившим ребрам, казалось, можно сосчитать остаток ее дней на этой земле.

Он почувствовал, что Шарон смотрит на него.

— Я не знаю, святой отец, может быть, это уже прекратилось,— прошептала она.— Но вы посмотрите на грудь.

Брови Карраса поползли вверх. Он заметил, что кожа Риган начала краснеть, но не на всей груди, а только местами.

— Вот, начинается,— шепнула Шарон.

По телу Карраса поползли мурашки, но не от холода, а от того, что он увидел на груди Риган. Ярко-красными рельефными буквами на коже четко проступили два слова:

«ПОМОГИТЕ МНЕ»

— Это ее почерк,— прошептала Шарон.

В девять часов утра священник Дэмьен Каррас явился к президенту Джорджтаунского университета и попросил предварительного разрешения на проведение ритуала изгнания дьявола. Получив его, он отправился к епископу епархии. Тот серьезно выслушал рассказ Карраса.

— Вы уверены, что это настоящая одержимость? — спросил епископ.

— Я могу утверждать, что все признаки, описанные в инструкции, сходятся,— уклончиво ответил Каррас. Он все еще не осмеливался поверить в случившееся. Не разум, а сердце заставило его прийти сюда. Жалость и надежда, что внушение поможет излечить девочку.

— Вы хотели бы провести изгнание сами? — спросил епископ.

Дэмьен почувствовал в себе прилив сил. Ему захотелось сбросить с себя тяжкий груз и избавиться от надоедливого призрака собственного неверия.

— Да, конечно,— ответил он.

— Как ваше здоровье?

— В порядке.

— Вам когда-нибудь приходилось делать что-нибудь подобное?

— Никогда.

— Хорошо, мы примем решение. Конечно, в таких делах лучше всего иметь человека с опытом. Их немного, но, возможно, кто-нибудь вернулся из заграничной миссии. Дайте мне время подумать. Когда что-нибудь прояснится, я сразу же поставлю вас в известность.

После того как Каррас ушел, епископ связался с президентом Джорджтаунского университета, и они поговорили о Дэмьене, уже второй раз за этот день.

— Да, он знает всю историю болезни,— заметил в разговоре президент.— Я думаю, не будет вреда, если взять его в качестве помощника. В любом случае необходимо присутствие психиатра.

— А кого пригласить для изгнания? У вас есть какие-нибудь предложения? Я ума не приложу.

— Здесь сейчас Ланкэстер Мэррин.

— Мэррин? Мне казалось, что он сейчас в Ираке. По-моему, я читал, что он работает на раскопках где-то в Ниневии.

— Да, рядом с Мосулом. Все правильно, только он уже закончил работу и три или четыре месяца назад вернулся. Он в Вудстоке.

— Преподает?

— Нет, работает над очередной книгой.

— Бог да поможет нам! Вам, однако, не кажется, что он слишком стар? Как его здоровье?

— Наверное, неплохо, иначе он не стал бы заниматься раскопками, не так ли?

— Думаю, вы правы.

— Кроме того, у него есть опыт, Майкл.

— Я этого не знал.

— По крайней мере так говорят.

— Когда это было?

— Мне кажется, десять или двенадцать лет назад, по-моему, в Африке. Изгнание длилось несколько месяцев, он сам чуть не погиб.

— В таком случае я сомневаюсь, чтобы он захотел это повторить.

— Мы делаем то, что нам говорят, Майкл. Среди нас, священнослужителей, мятежников нет.

— Спасибо за напоминание.

— Ну и что же вы думаете?

— Я полагаюсь на вас и на архиепископа.

Этим же вечером молодой человек, готовящийся стать священником, бродил по Вудстокской семинарии штата Мэриленд. Он искал худого седовласого иезуита и нашел его, когда тот в раздумье прогуливался по аллеям семинарии. Юноша вручил ему телеграмму. Пожилой человек поблагодарил его, тепло посмотрел на юношу, затем повернулся и продолжал свои размышления. Он шел и любовался природой; иногда останавливался, прислушиваясь к пению малиновки и наблюдая за поздними бабочками. Он не вскрыл телеграмму и не прочитал ее, так как уже знал, что в ней написано. Он прочитал ее в пыльных храмах Ниневии.

Он был готов, поэтому и продолжал свою прощальную прогулку.

Часть четвертая

«ДА ПРИИДЕТ ВОПЛЬ МОЙ ПРЕД ЛИЦЕ ТВОЕ...»

...Пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем.

1 Иоанн, 4:16

Глава первая

Киндерман сидел за столом в полумраке своего тихого кабинета. Свет от настольной лампы падал на ворох документов. Рапорты полицейских и отчеты из лабораторий, вещественные доказательства и служебные записки. В задумчивости он медленно разложил их в виде лепестков цветка, чтобы сгладить то мерзкое заключение, к которому они его привели и которые он никак не мог принять.

Энгстром был невиновен. Во время гибели Дэннингса он был у своей дочери — снабжал ее деньгами для покупки наркотиков. Он солгал в первый раз, чтобы не выдать ее и чтобы мать, считавшая дочь умершей, ничего не узнала. Когда Киндерман рассказал Эльвире, что ее отец подозревается в причастности к убийству Дэннингса, она согласилась все рассказать. Нашлись и свидетели, которые подтвердили рассказ. Энгстром был невиновен. Невиновен и молчалив. От него нельзя было узнать, что происходит в доме Крис.

Киндерман нахмурился, рассматривая свой «цветок»: что-то ему не понравилось.

Он передвинул один «лепесток» немного ниже и правее и еще раз проанализировал все факты.

Розы... Эльвира... Он сурово предупредил ее, что если она в течение ближайших двух недель не ляжет в клинику, он добьется ее ареста. Откровенно говоря, он не верил, что она последует его совету. Он не раз застывал над сводом законов и не мигая всматривался в написанное, словно ожидая, что буквы исчезнут,— так человек смотрит в ясный полдень на висящее в небе ослепительное светило в надежде, что оно временно ослепит его и избавит от нежелательного зрелища или позволит кому-то в эти минуты скрыться из его глаз.

Энгстром невиновен. Тогда что же остается?

С тяжелым вздохом Киндерман изменил позу. Потом поплотнее сомкнул веки и представил, что нежится сейчас в горячей ванне. «Надо расслабиться,— уговаривал он себя.— Я должен выбросить из головы все лишнее. Полностью избавиться от прежних идей... И найти свежее решение... Полностью избавиться...»

Он открыл глаза и заново пересмотрел все собранные материалы.

Первое. Смерть режиссера Бэрка Дэннингса каким-то образом связана с осквернениями в Святой Троице. И там, и там не обошлось без дьяволопоклонничества, и осквернитель храма может одновременно оказаться убийцей Дэннингса.

Второе. Специалист по колдовству и демонизму неоднократно бывал в доме миссис Макнил.

Третье. Отпечатанный на машинке листок с богохульным текстом был подвергнут дактилоскопии. На обеих его сторонах найдены отпечатки пальцев. Некоторые из них принадлежат Дэмьену Каррасу. Однако были среди отпечатков и такие, которые могли быть оставлены только очень маленькой рукой — вполне возможно, детской.

Четвертое. Шрифт, которым был напечатан богохульный текст, сравнили со шрифтом пишущей машинки, на которой работала Шарон Спенсер во время беседы Киндермана с Крис. Для этой цели использовали незаконченное письмо, смятое и брошенное мисс Спенсер мимо мусорной корзины. Киндерман незаметно поднял его и вынес из дома миссис Макнил. В итоге оказалось, что оба текста отпечатаны на одной и той же машинке. Однако в докладе экспертов сказано, что сделали это разные люди. Сила удара того, кто печатал текст, обнаруженный в церкви, значительно превосходит силу удара мисс Спенсер, а точнее говоря, этот человек обладает неординарной мощью.

Пятое. Бэрк Дэннингс — если допустить, что его смерть наступила не в результате несчастного случая,— был убит кем-то, обладающим невероятной силой.

Шестое. Все подозрения с Карла Энгстрома полностью сняты.

Седьмое. Проверка заказов на авиарейсы, сделанных из дома миссис Макнил, показала, что она летала с дочерью в Дейтон, штат Огайо. Киндерману было известно, что дочь Крис Макнил больна и нуждалась в госпитализации в специализированную клинику. Но в Дейтоне находится клиника Бэрринджера. Судя по всему, именно там и проходила курс лечения Риган. Киндерман связался с администрацией больницы, и там полностью подтвердили его предположение, сказав, что дочь Крис Макнил проходила у них обследование. И хотя они наотрез отказались сообщить диагноз, ни для кого не секрет, что в клинике Бэрринджера занимаются лечением психических заболеваний.

Восьмое. Серьезные нарушения деятельности мозга способны приводить к резкому увеличению физической силы человека.

Детектив вновь тяжело вздохнул и закрыл глаза. Нет, опять то же самое. Вывод из всего прочитанного напрашивался только один. Он покачал головой.

Открыв глаза, Киндерман уставился в самую середину своей бумажной розы, где лежала старая выцветшая обложка популярного журнала. С фотографии на него смотрели Крис и Риган. Он пригляделся к девочке: симпатичное веснушчатое лицо, волосы завязаны в «хвостики», не хватает переднего зуба. Киндерман посмотрел в окно. На улице было темно. Моросил надоедливый дождик.

Он пошел в гараж, сел в черный автомобиль и поехал по блестящим, мокрым от дождя улицам в сторону Джорджтауна. Припарковавшись на восточной стороне Проспект-стрит, он просидел в машине около четверти часа, глядя на окно комнаты Риган. Может быть, нужно постучаться и потребовать, чтобы ему ее показали? Он опустил голову и потер лоб рукой.

«Уильям В. Киндерман! Вы больны! Идите домой! Примите лекарство и ложитесь спать!»

Он опять посмотрел на окно и задумчиво покачал головой. Нет. Неумолимая логика руководила его поступками.

К дому подкатил автомобиль.

Детектив насторожился, повернул ключ зажигания и включил дворники.

Из такси вышел высокий пожилой человек. На нем были черный плащ и шляпа, в руках он держал видавший виды чемоданчик. Старик заплатил шоферу и остановился, осматривая дом с улицы. Такси тронулось и повернуло на Тридцать шестую улицу. Киндерман поехал за ним. Поворачивая за угол, он заметил, что пожилой человек так и не двинулся с места; он стоял в туманном свете уличного фонаря, как памятник путнику: полный спокойствия и застывший на века.

Детектив посигналил фарами таксисту.

В это время внутри дома Шарон делала Риган укол либриума, а Каррас и Карл держали девочку за руки. За последние два часа доза была увеличена до четырехсот миллиграммов. Это было очень много, но после временного

затишья, длившегося много часов, бес неожиданно проснулся в таком приступе ярости, что ослабевший организм Риган не смог бы долго продержаться.

Каррас измотался. После визита к представителю высшего духовенства он вернулся к Крис, чтобы рассказать ей о результатах. Потом помог наладить для Риган внутреннее питание, вернулся домой и сразу же рухнул в кровать. Однако уже через полтора часа его разбудил телефонный звонок. Звонила Шарон. Риган все еще была без сознания, и ее пульс постепенно замедлялся. Каррас сразу же бросился на помощь, захватив чемоданчик с медикаментами. Он уколол Риган в ахиллесово сухожилие, чтобы посмотреть на ее реакцию. Реакции не было. Он с силой надавил на ноготь. То же самое. Священник забеспокоился. Хотя он знал, что при истерии и в состоянии транса иногда наблюдается невосприимчивость к боли, в данном случае он опасался наступления комы, которая легко могла закончиться смертью. Каррас измерил давление: девяносто на шестьдесят, пульс — шестьдесят. Он оставался в комнате и делал повторные измерения через каждые пятнадцать минут в течение полутора часов, пока не убедился в том, что Риган была не в состоянии шока, а в оцепенении. Шарон получила инструкцию продолжать измерять пульс каждый час. После этого Дэмьен вернулся к себе, чтобы поспать. Но его снова разбудил телефон. Ему сообщили, что «изгоняющим дьявола» назначен Ланкастер Мэррин, а помощником — он, Каррас.

Новость потрясла его. Мэррин! Философ-палеонтолог, человек, обладающий удивительным, тонким умом! Его книги всякий раз приводили в волнение Церковь, потому что в них вера объяснялась с точки зрения науки, постоянно развивающейся материи, судьба которой — стать субстанцией духовной и присоединиться к Богу.

Каррас тут же позвонил Крис, чтобы передать новость, и узнал, что епископ уже сообщил ей об этом лично.

— Я ответила епископу, что Мэррин может остановиться у нас,— сказала Крис.— Это займет день или два, верно?

— Я не знаю,— ответил Каррас.

Подождав еще немного, он продолжал:

— Вы не должны слишком многого ждать от него.

— Я хотела сказать, если это поможет.— Голос Крис звучал подавленно.

— Я и не думал убеждать вас в том, что это не подействует,— подбодрил ее Каррас.— Просто на это, возможно, понадобится время.

— Сколько времени?

— Бывает по-разному.

Он знал, что изгнание дьявола часто затягивалось на недели, а то и на месяцы. Знал, что часто оно вообще не помогало. Предчувствовал, что бремя лечения свалится на него очередным и на сей раз последним грузом.

— Это занимает несколько дней или недель,— сказал он Крис.

После разговора Каррас почувствовал себя до предела усталым и измученным. Вытянувшись на кровати, он думал о Мэррине. Волнение и сомнения овладели им. Дэмьен считал себя вполне подходящим кандидатом для проведения ритуала, однако епископ выбрал не его. Почему? Из-за того, что Мэррину раньше уже приходилось делать это?

Он закрыл глаза и вспомнил, что для изгнания бесов выбирают тех, «кто набожен» и обладает «высокими душевными качествами». Ему припомнился отрывок из Евангелия, когда ученики спросили Христа, почему они не могут изгонять бесов, и он ответил им: «Потому что вера ваша слаба».

Архиепископ знал о его проблеме, знал об этом и президент. Может быть, один из них и рассказал епископу? Каррас повернулся на кровати и почувствовал себя недостойным, неумеющим, отвергнутым. Эта мысль больно ужа-

лила его. В таком подавленном настроении он все же заснул, и сон постепенно заполнил все трещины и пустоты в его сердце.

Но и на этот раз он проснулся от телефонного звонка. Рыдающая Крис сообщила, что у Риган опять приступ. Дэмьен поспешил к ним и проверил у девочки пульс. Сердце бешено колотилось. Он ввел ей либриум, потом еще раз. И еще раз. После этого Каррас отправился на кухню и сел рядом с Крис за стол, чтобы выпить чашечку кофе. Крис просматривала одну из книг Мэррина, которые по ее просьбе были доставлены на дом.

— Мне это недоступно,— тихо сказала она. Однако по ее виду можно было догадаться, что книга ей очень понравилась.

Она перелистала назад несколько страниц, нашла отмеченное место и передала книгу Каррасу. Он прочитал:

«...У нас есть установившееся мнение относительно порядка, постоянства и обновления материального мира, окружающего нас. Хотя каждая часть его преходяща и все элементы его движутся, все же он связан законом постоянства, и хотя он постепенно умирает, он так же постоянно и возрождается. Исчезновение одного только лишь дает рождение другим, и смерть — это появление тысячи новых жизней. Каждый час бытия свидетельствует о том, как преходяще и как одновременно с этим твердо и велико сие грандиозное существование единства. Оно подобно отражению в воде: всегда одно и то же, хотя вода течет. Солнце заходит, чтобы снова взойти, ночь поглощает день, чтобы он снова родился из нее, такой же ясный, словно никогда и не угасал. Весна становится летом, а потом, пройдя лето и осень,— зимою, но тем яснее и ближе становится ее возвращение, которое все равно восторжествует над холодом, хотя к холоду весна стремится уже с самого первого своего мгновения. Мы горюем о майских цветах, потому что они непременно завянут, но мы знаем, что од-

нажды май непременно возьмет верх над ноябрем, и этот круговорот никогда не остановится. Это учит нас надеяться и никогда ни в чем не отчаиваться...»

— Да, это красиво,— тихо сказал Каррас, не отрывая взгляда от книги.

Сверху послышался крик беса:

— Негодяй!.. Подонок!.. Набожный лицемер!..

— Она всегда клала мне розу на тарелку... утром... перед тем как мне уходить на работу.

Каррас вопросительно посмотрел на Крис.

— Риган,— пояснила она и опустила глаза.— Я совсем забыла, что вы ее раньше никогда не видели.— Крис высморкалась и коснулась пальцами век.— Вам налить немного бренди в кофе, отец Каррас? — спросила она, силясь придать голосу бодрость.

— Спасибо, не нужно.

— А для меня просто кофе не подходит,— прошептала она.— Я налью себе бренди, если вы не возражаете.

Крис вышла из кухни.

Оставшись один, Каррас мелкими глотками допил свой кофе. Ему было тепло в свитере, надетом под рясу. То, что он не смог успокоить Крис, слегка расстроило его. Он вдруг вспомнил свое детство, и ему стало грустно. У него жила собачонка Джинджер, простая дворняга, которая однажды заболела и лежала в ящике прямо в его комнате. Ее все время лихорадило и рвало, и Каррас укрывал ее полотенцами, заставлял пить теплое молоко. Потом пришел сосед и сказал, что собака больна чумой. Он покачал головой и добавил: «Надо было сразу же делать уколы». Однажды он вышел из школы... на улицу... они шли парами... И на углу его ждала мать... она была очень грустная... потом она взяла его за руку и вложила в нее монетку в полдоллара... он тогда еще обрадовался: так много денег!.. И тут же раздался ее голос, мягкий и нежный: «Джинджер больше нет...»

Он посмотрел на горькую черноту в чашке и ощутил холод утраты.

— Проклятый святоша!!!

Бес все еще был в бешенстве.

«Надо было сразу же делать уколы».

Каррас вернулся в спальню Риган и удерживал ее, пока Шарон делала укол либриума. Доза на этот раз составляла пятьсот миллиграммов. Шарон прижала тампон к месту укола, и тут Каррас изумленно взглянул на Риган. Ругательства на этот раз относились не к ним, а к кому-то другому, кто был невидим и находился далеко отсюда.

— Я сейчас вернусь,— сказал он Шарон и спустился на кухню, где в одиночестве за столом сидела Крис, подливая себе в кофе бренди.

— Вы не передумали, святой отец? — спросила она.

Он отрицательно покачал головой и устало опустился на стул.

— Вы разговаривали с ее отцом?

— Да, он звонил.— Крис помолчала.— Он хотел поговорить с Ригс.

— И что же вы ему сказали?

— Я сказала, что она ушла в гости.

Снова тишина. Каррас взглянул на Крис и увидел, что она смотрит на потолок. Он заметил, что крики наверху наконец смолкли.

— Мне кажется, либриум подействовал,— с удовлетворением произнес Дэмьен.

В дверь позвонили. Он посмотрел на Крис, и она уловила догадку в его глазах.

Киндерман?!

Потянулись долгие секунды. Они ждали. Уилли отдыхала, Шарон и Карл были еще наверху. Крис резко поднялась и пошла в комнату. Она приподняла занавеску и посмотрела в окно на незваного гостя. Слава Богу! Это не Киндерман. Вместо детектива она увидела высокого пожилого мужчину в поношенном плаще. Склонив голову, он терпеливо ждал под дождем, держа в руках старомодный потертый чемоданчик.

Звонок прозвенел еще раз.

Кто же это?

Удивленная Крис пошла к выходу, приоткрыла дверь и высунулась в темноту.

— Я вас слушаю.

Поля шляпы скрывали глаза незнакомца.

— Миссис Макнил? — раздался его голос. Он был чистым, мягким и вместе с тем достаточно уверенным.

Старик снял шляпу, и Крис увидела глаза, которые ошеломили ее. Умные и добрые, они словно сияли и были наполнены пониманием и состраданием. Они излучали тепло, и источник этой целительной энергии был одновременно в них самих и вовне, и поток этот не имел границ.

— Я отец Мэррин.

Секунду она непонимающе смотрела на него, на его худое лицо аскета, на рельефные, тщательно выбритые скулы, а потом поспешно распахнула дверь:

— О Боже! Пожалуйста, входите! О, входите! Видите ли, я... В самом деле! Я не знаю, где мои...

Он вошел в дом, и она закрыла дверь.

— То есть я хочу сказать, что я ждала вас только завтра утром!

— Да, я знаю,— услышала она в ответ.

Крис обернулась и увидела, что отец Мэррин стоит, склонив голову набок, и смотрит вверх, как будто слышит что-то, нет, чувствует чье-то невидимое присутствие... Какие-то отдаленные вибрации, которые ему давно знакомы. Она с удивлением наблюдала за пришельцем.

— Можно, я помогу вам, святой отец? Мне кажется, ваш багаж слишком тяжел.

— Спасибо,— мягко ответил он.— Этот чемодан — как часть меня самого: такой же старый... и потрепанный.— Отец Мэррин опустил глаза, и в них мелькнуло что-то совсем доброе и ласковое.— Я привык к грузу... Отец Каррас здесь?

— Да, он на кухне. Кстати, вы сегодня обедали, святой отец?

Послышался скрип открываемой двери.

— Да, я поел в поезде.

— Вы не хотите еще перекусить?

Через секунду дверь закрыли.

— Нет, спасибо.

— Этот противный дождь,— сокрушалась Крис.— Если бы я только знала, что вы приедете, я бы вас встретила на вокзале.

— Это не важно.

— Вы долго искали такси?

— Всего несколько минут.

— Все равно я перед вами виновата, святой отец!

С лестницы быстро спустился Карл, взял из рук священника чемодан и понес его через зал.

— Вам приготовлена постель в кабинете, святой отец,— засуетилась Крис.— Там очень удобно, я подумала, что вы любите, когда вас не беспокоят. Я провожу.— Она шагнула вперед и остановилась.— Или, может быть, вы хотите повидать отца Карраса?

— Прежде всего я хотел бы повидать вашу дочь,— сказал Мэррин.

Она удивилась.

— Прямо сейчас, святой отец?

— Да, прямо сейчас.

— Она спит.

— Не думаю.

— Ну, если...

И тут Крис вздрогнула, услышав, как сверху раздался приглушенный яростный крик беса. Он был похож на вопль заживо похороненного человека:

— Мэр-р-р-ри-и-и-и-и-н-н-н!

За этим последовал глухой удар, потрясший стены спальни.

— О Боже всемогущий! — Крис прижала руки к груди и онемела от ужаса.

Священник не шевелился. Он смотрел наверх, напряженно и сосредоточенно, и в глазах его не было и намека

на удивление. Даже больше, отметила про себя Крис, он, похоже, узнавал этот голос.

Еще один удар потряс стены.

— Мэр-р-р-и-и-и-н-н-н-н-н-н-н-н-н!!!

Иезуит медленно двинулся вперед, не обращая внимания ни на Крис, ни на Карраса, внезапно появившегося в дверях кухни. Жуткие удары о стены не прекращались. Отец Мэррин хладнокровно подошел к лестнице, и рука его, тонкая и изящная, будто вылепленная из гипса, легко заскользила вверх по перилам.

Каррас подошел к Крис и вместе с ней наблюдал, как Мэррин вошел в спальню Риган и закрыл за собой дверь. Несколько секунд было тихо. Внезапно раздался резкий хохот дьявола, и Мэррин вышел из комнаты. Он закрыл за собой дверь и пошел в зал. Дверь в спальню снова открылась, оттуда выглянула удивленная Шарон.

Иезуит быстро спустился по лестнице и протянул руку Каррасу, ждавшему его внизу.

— Отец Каррас...

— Здравствуйте, святой отец.

Мэррин стиснул руку Карраса и серьезно посмотрел ему в глаза.

Сверху доносились дикий хохот и ругательства в адрес Мэррина.

— Вы очень плохо выглядите,— сказал Мэррин.— Вы устали?

— Нет. А почему вы об этом спрашиваете?

— У вас есть с собой плащ?

Каррас отрицательно покачал головой.

— Тогда возьмите мой,— сказал седовласый иезуит, расстегивая плащ.— Я попросил бы вас принести мне рясу, два стихаря, орарь*, немного святой воды и два экземпляра «Обрядов».— Он протянул плащ изумленному Каррасу.— Мне кажется, надо начинать.

---

* Длинная лента, элемент дьяконского облачения.

Каррас нахмурился:

— Что вы имеете в виду? Прямо сейчас?

— Да, именно так.

— Может быть, вы сначала хотите послушать ее историю, святой отец?

— Зачем?

Мэррин непонимающе поднял брови.

Каррас понял, что ему нечего на это ответить, и отвел взгляд от чистых бесхитростных глаз.

— Хорошо,— ответил он.— Я сейчас все принесу.

Мэррин посмотрел на Крис.

— Вы не возражаете, если мы начнем сразу же? — тихо спросил он.

Она смотрела на него и чувствовала, как все ее существо наполняется облегчением, решимостью и уверенностью. Эти чувства обрушились внезапно, как гром среди ясного неба.

— Вы, наверное, устали, святой отец? Не хотите ли чашечку кофе? Его только что заварили.— Голос ее звучал настойчиво, и в то же время в нем прослушивались нотки мольбы.— Он горячий. Не хотите, святой отец?

Мэррин заметил ее усталые глаза и то, как она нервно сжимала и разжимала кулаки.

— Да, с удовольствием,— тепло сказал он.— Спасибо. Если только это вас не затруднит.

Крис провела его на кухню, и через минуту он уже держал в руке чашку с черным кофе.

— Хотите, я добавлю в кофе немного бренди, святой отец?

Мэррин склонил голову и ровным голосом произнес:

— Врачи не разрешают.— И добавил, протягивая ей чашку: — Но, слава Богу, воля у меня слабая.

Крис увидела веселую искорку в его глазах и налила ему бренди.

— Какое у вас чудесное имя,— сказал он.— Крис Макнил. Это не псевдоним?

Она налила себе немного бренди и покачала головой.

— Нет, мое настоящее имя не Эсмеральда Глютц.

— Ну и слава Богу,— пробормотал Мэррин.

Крис улыбнулась.

— А как насчет Ланкэстер, святой отец? Такое необычное имя. Вас назвали в чью-нибудь честь?

— В честь грузового судна. Или в честь моста. Да, помнится, это был мост.— Он задумался, потом продолжил: — Дэмьен! Как бы мне хотелось, чтобы меня звали Дэмьен! Это имя священника, который посвятил свою жизнь прокаженным острова Молокай. В конце концов он сам заболел. Прекрасное имя. Я считаю, что, если бы меня звали Дэмьен, я даже согласился бы на фамилию Глютц.

Крис засмеялась, и ей стало легче. Некоторое время они разговаривали с Мэрримом о домашних делах и разных мелочах. В дверях появилась Шарон. Мэррин встал, как будто только и ждал ее появления, отнес кружку в мойку, ополоснул ее и аккуратно поставил в сушилку.

— Спасибо, кофе был очень вкусный, как раз то, что надо.

— Я провожу вас в вашу комнату.

Он поблагодарил и пошел за ней к кабинету.

— Если вам что-нибудь понадобится, святой отец, скажите мне.

Он положил ей руку на плечо и ободряюще сжал его. Крис почувствовала, как в нее вливаются сила и тепло. И покой. Она явно ощутила покой! И еще одно странное чувство... безопасности.

— Вы очень добры.— Ее глаза улыбались.— Благодарю вас.

Он опустил руку и посмотрел ей вслед. Но как только Крис скрылась, лицо его исказилось от боли. Мэррин вошел в кабинет и тщательно закрыл дверь. Из кармана брюк он достал коробочку с надписью «аспирин», открыл ее, вынул оттуда таблетку нитроглицерина и осторожно положил ее под язык...

Крис прошла в кухню. Прислонившись к двери, она смотрела на Шарон, которая стояла у плиты и, положив руки на кофейник, ждала, когда подогреется кофе.

— Послушай, дружок, почему ты не хочешь отдохнуть? — озабоченно спросила Крис.

Шарон молчала. Казалось, она была погружена в размышления. Потом она повернулась и уставилась на Крис.

— Извини. Ты что-то сказала?

Крис заметила какое-то напряжение в ее лице.

— Что произошло наверху, Шарон?

— Где произошло?

— В комнате. Когда туда вошел отец Мэррин.

— Ах, да...— Шарон нахмурилась.— Да. Это было забавно.

— Забавно?

— Странно. Они только...— Она запнулась.— Ну, в общем, они молча посмотрели друг на друга, а потом Риган, то есть это существо сказало...

— Что сказало?

— Оно сказало: «На этот раз ты проиграешь».

— А потом?

— Это все,— ответила Шарон.

Отец Мэррин повернулся и вышел из комнаты.

— А как он при этом выглядел? — спросила Крис.

— Забавно.

— О Боже, Шарон, оставь в покое это слово! — вспылила Крис и хотела добавить еще что-то, но вдруг заметила, как Шарон склонила голову набок, будто к чему-то прислушивалась.

Бес внезапно прекратил бушевать, и еще... что-то тревожное и тягостное разливалось в воздухе вокруг них. Женщины уставились друг на друга.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросила Шарон.

Крис кивнула. Дом. Что-то было в самом доме. Напряжение. Воздух постепенно сгущался, в нем явно угадывалась пульсация, вибрация какой-то посторонней энергии.

Звонок у входной двери вывел их из оцепенения.

— Я открою.

Шарон пошла в холл и открыла дверь. Вернулся Каррас и принес с собой картонную коробку из-под белья.

— Спасибо, Шарон.

— Отец Мэррин в кабинете,— сообщила она Дэмьену.

Каррас осторожно постучал и вошел, неся коробку на вытянутых руках.

— Извините, святой отец,— сказал он.— Я немного...

Каррас неожиданно остановился. Мэррин, одетый в брюки и рубашку с короткими рукавами, стоял на коленях у кровати и молился, опустив голову на сложенные руки. Каррас секунду стоял неподвижно, как будто вдруг очутился в детстве и увидел себя, бегущего куда-то вперед с перекинутой через руку рясой дьячка.

Он перевел взгляд на коробку из-под белья, на еще не просохшие капельки дождя. Потом медленно подошел к дивану и молча выложил на него содержимое коробки. Закончив эту процедуру, он снял плащ и аккуратно повесил его на стул, взял стихарь из белой материи и стал надевать поверх рясы. Он услышал, как Мэррин встал.

— Спасибо, Дэмьен.

Каррас повернулся к нему, поправляя одежду. Мэррин подошел к дивану и оглядел принесенные вещи.

Каррас взял в руки свитер.

— Я подумал, может быть, вы наденете под рясу вот это, святой отец? — сказал он, протягивая его Мэррину.— В комнате иногда становится очень холодно.

Мэррин дотронулся до свитера.

— Вы очень внимательны, Дэмьен.

Каррас взял с дивана рясу Мэррина и молча наблюдал, как тот надевает свитер. Только теперь он ощутил величие, силу этого человека, этой минуты, тишины дома, которая сейчас давила и душила его.

Он опомнился, когда почувствовал, что Мэррин тянет у него из рук рясу.

— Вы знакомы с правилами проведения обряда, Дэмьен?

— Да,— коротко ответил Каррас.

Мэррин начал застегиваться.

— Особенно важно не вступать с бесом в разговоры...

Бес. «Он произнес слово как бы между прочим»,— подумал Каррас. Именно это и поразило его.

— Мы можем спрашивать только очень немногое,— сказал Мэррин, застегивая пуговицу на воротнике.— И помните, что все излишнее — чрезвычайно опасно.— Он взял стихарь и надел его поверх рясы.— Ни в коем случае не прислушивайтесь к тому, что он говорит. Бес — лжец. Он будет лгать, чтобы смутить нас, но при этом будет подмешивать к своей лжи долю правды. Это психологическая атака, Дэмьен. И очень серьезная. Не слушайте его. Помните об этом и не слушайте.

Каррас передал ему епитрахиль*, и Мэррин спросил:

— Вы еще что-то хотите узнать, Дэмьен?

Каррас отрицательно покачал головой.

— Нет, но я думаю, что вам стоит познакомиться с разными личностями, которыми одержима Риган. Пока что их три.

— Всего одна,— мягко ответил Мэррин, поправляя одежду. На секунду он крепко сжал епитрахиль, и на лице его появилось мучительное выражение страдания и боли. Потом он взял «Обряды» и дал один экземпляр Каррасу.

— Литании святым мы пропускаем. У вас есть святая вода?

Каррас вынул из кармана маленький пузырек, заткнутый пробкой. Мэррин взял его и кивнул в сторону двери:

— Идите, пожалуйста, первым, Дэмьен.

Наверху в напряженном ожидании стояли Крис и Шарон. На них были надеты теплые кофты и свитера. При

---

* Элемент облачения священника.

звуке открываемой двери они повернулись и, глядя вниз, увидели, что к лестнице идут Каррас и Мэррин.

«Высокие,— подумала Крис,— какие они высокие и величественные!»

Наблюдая за тем, как Каррас подходит все ближе и ближе, Крис возликовала: «Ко мне на помощь пришел мой старший брат, и берегись теперь, проклятый!» Она ощутила сильное сердцебиение.

Около двери в комнату иезуиты остановились. Увидев теплую одежду Крис, Каррас нахмурился.

— Вы тоже собираетесь пойти туда?

— Мне показалось, что так будет лучше.

— Не надо, прошу вас,— принялся убеждать ее Каррас.— Не надо. Вы совершите большую ошибку.

Крис вопросительно посмотрела на Мэррина.

— Отцу Каррасу виднее,— спокойно ответил тот.

— Хорошо,— в отчаянии произнесла она и прислонилась к стене.— Я буду ждать здесь.

— Какое второе имя у вашей дочери? — спросил Мэррин.

— Тереза.

— Прекрасное имя.— Мэррин ободряюще посмотрел ей прямо в глаза, потом перевел взгляд на дверь.

Крис вновь почувствовала какое-то напряжение, будто темнота сгущалась и давила на нее. Изнутри. Оттуда, из спальни.

— Все в порядке,— тихо произнес Мэррин.

Каррас открыл дверь и сразу же отшатнулся от волны зловония и ледяного холода. В углу комнаты, сгорбившись на стуле, сидел Карл. На нем был старый зеленый охотничий костюм. Карл вопросительно посмотрел на Карраса. Иезуит перевел взгляд на беса, чей яростный взгляд сверлил фигуру Мэррина.

Каррас подошел к кровати и встал в ногах у беса, а Мэррин, высокий и стройный, подошел сбоку. Он остановился и склонился над кроватью.

Гнетущая тишина воцарилась в комнате. Риган облизнулась распухшим, почерневшим языком. Раздался звук, похожий на шорох пергамента.

— Ну что, чирей проклятый,— проскрипел бес.— Наконец-то! Наконец-то ты явился собственной персоной!

Старый священник поднял руку и перекрестил кровать, а потом и всю комнату. Повернувшись, он открыл пузырек со святой водой.

— Ах, ну да! Вот и святая моча! — зарычал бес.— Семя святых!

Мэррин поднял пузырек, и лицо беса исказилось от злости.

— Давай же.

Мэррин начал разбрызгивать воду. Бес вскинул голову и затрясся от ярости.

— Давай продолжай! Валяй, Мэррин! Вымочи нас! Потопи нас в своем поту! Ведь твой пот священный, святой Мэррин! А теперь нагнись и испусти немного благовония!

— Молчи!

Слово вылетело как стрела. Каррас резко повернул голову и с удивлением посмотрел на Мэррина, который повелевающе глядел на Риган. Бес замолчал. Он тоже смотрел на Мэррина, и в глазах его мелькнуло сомнение. Бес насторожился.

Мэррин закрыл пузырек, встал на колени у кровати, закрыл глаза и начал читать «Отче наш».

Риган плюнула, желтоватый комок слюны попал в лицо Мэррина и начал медленно сползать по щеке.

— ...Да приидет царствие Твое.— Мэррин достал из кармана платок и не спеша вытер с лица плевок.— И не введи нас во искушение.

— Но избави нас от лукавого,— подхватил Каррас и коротко взглянул на Риган.

Ее глаза закатились так, что были видны одни белки. Каррас встревожился, почувствовав усиливающийся в ком-

нате холод. Он вернулся к тексту и стал следить за молитвой.

— Бог и Отче наш, я взываю к святому имени Твоему, молю о милосердии Твоем, сжалься и помоги мне одолеть врага Твоего, который измывается над созданием Твоим, помоги мне, Боже,— продолжал молиться Мэррин.

— Аминь,— произнес Каррас.

— Боже, создатель и защитник рода человеческого, сжалься, смилуйся над рабой Твоей, Риган-Терезой Макнил, чьи душа и тело находятся в лапах врага нашего, искусителя, который...

Каррас услышал, что Риган зашипела, и взглянул на нее. Она выпрямилась, закатила глаза и быстро задвигала языком. При этом голова ее тоже двигалась, как у кобры.

Каррас снова ощутил беспокойство и еще раз заглянул в текст.

— Спаси рабу Твою,— молился Мэррин, время от времени заглядывая в книгу.

— Которая верует в Тебя, Господи,— отзывался Каррас.

— Пусть же она найдет защиту в Тебе...

— И избавь ее от врага...

Мэррин продолжал читать молитву.

Вдруг Каррас услышал испуганный крик Шарон. Он быстро повернулся и увидел, что та в оцепенении уставилась на кровать. Каррас обернулся и обомлел. Передняя ее часть медленно отрывалась от пола!

Он не верил своим глазам. Четыре дюйма. Полфута. Фут. Потом начал подниматься и другой конец кровати.

— Gott in Himmel!* — в ужасе прошептал Карл.

Кровать поднялась еще на фут и зависла в воздухе, медленно покачиваясь и кренясь, будто плавала по поверхности тихого озера.

---

* Боже праведный! *(нем.)*

— Отец Каррас! — послышался сзади шепот.

Риган извивалась и шипела.

— Отец Каррас!

Дэмьен обернулся. Мэррин смотрел на него в упор, кивком указывая на «Обряды», которые Каррас держал в руках.

— Ответьте, пожалуйста, Дэмьен.

Каррас недоуменно посмотрел на него.

— Не позвольте же бесу возыметь власть над нею,— тихо и уверенно повторил Мэррин.

Каррас торопливо заглянул в книгу и с гулко бьющимся сердцем прочитал ответ:

— И пусть порожденный несправедливостью не сможет причинить ей зла.

— Господи, услышь мою молитву,— продолжал Мэррин.

— Да приидет вопль мой пред лице Твое.

— Господь с нами.

— И с душами нашими!

Мэррин начал читать следующую молитву, и Каррас опять посмотрел на кровать. Дрожь пробежала по всему телу. «Она там! Она там! Прямо передо мной! Вот она!» Он услышал, как открылась дверь, и оглянулся. Шарон и Крис, вбежав в комнату, остановились как вкопанные, все еще не веря своим глазам.

— Боже мой!

— ...Всемогущий Боже, Господи...

Мэррин поднял руку и будничным жестом три раза перекрестил лоб Риган, продолжая читать молитву из «Обрядов»:

— ...Который послал своего сына единородного сражаться против врага нашего...

Шипение прекратилось, и из перекошенного рта Риган исторгся душераздирающий бычий рев.

— ...Вырви из когтей торжествующего дьявола рабу Твою, созданную по образу и подобию Твоему...

Мычание становилось все сильнее, заставляло тело содрогаться, проникало в каждую клеточку, в каждый нерв.

— Господи, создатель наш, отец наш...— Мэррин спокойно вытянул руку и прижал орарь к шее Риган: — И сатана был низвергнут с небес и упал на землю, повергая в ужас...

Рев прекратился. Комната заполнилась тишиной. Потом обильная и зловонная рвота ровными толчками поползла изо рта Риган, покрывая ее лицо толстым слоем и стекая как лава на руки Мэррина.

— Протяни руку свою, изгони злого беса из Терезы-Риган Макнил, которая...

Каррас смутно слышал, как дверь снова открылась и Крис вылетела из комнаты.

— Изгони его, преследующего невинных...

Кровать начала медленно раскачиваться, накренилась и стала двигаться вверх-вниз, а потом вправо-влево, но Мэррину удалось приспособиться и к этим движениям. Он плотно прижимал орарь к шее Риган, которую все еще рвало.

— Наполни дух наш отвагой, чтобы мы смогли смело сражаться с нечистым...

Неожиданно кровать замерла. Каррас увидел, как она спокойно, подобно перышку заскользила вниз и с приглушенным стуком опустилась на коврик.

— Господи, дай нам силу... Услышь мою молитву,— тихо произнес Мэррин.

Он сделал шаг назад, и комната затряслась от его приказа:

— Я изгоняю тебя, нечистый дух, и всякую сатанинскую силу! Все порождение ада!

Мэррин, встряхнув рукой, сбросил комки рвоты на коврик:

— Это Христос приказывает тебе, чье слово усмиряет ветер и море! Тот, кто...

Риган перестало рвать. Она сидела молча и смотрела на Мэррина. Стоя в изножии кровати, Каррас с напряжением

наблюдал за всем происходящим, его потрясение понемногу стало проходить, но в мозгу с новой силой вспыхнули сомнения. Он вспомнил сеансы спиритизма, психокинез, силу мысли и напряжения у подростков и нахмурился. Потом подошел к кровати и взял Риган за запястье. И тут же понял, что опасения его были не напрасны. Пульс у Риган возрос до невероятной частоты. Каррас считал удары, глядя на свои часы, и не мог поверить, что сердце способно выдержать такой ритм.

— Это Он приказывает тебе, Тот, Кто сверг тебя с Небес!

Властные заклинания Мэррина отдавались эхом в сознании Карраса, а в это время пульс Риган неумолимо продолжал учащаться. Все быстрее и быстрее билось ее сердце. Тонкие струйки пара поднимались от рвоты. Каррас присмотрелся и почувствовал, как волосы у него на голове встают дыбом. Очень медленно, как в кошмарном сне, сантиметр за сантиметром, голова Риган начала поворачиваться, вращаться, как у куклы, шея при этом хрустела, как старый, несмазанный механизм, и ее страшные, сверкающие глаза уставились прямо на него.

— ...И посему трепещи в страхе, сатана...

Голова медленно повернулась назад, в сторону Мэррина.

— ...Ты, попирающий справедливость! Породитель смерти! Предатель рода человеческого! Ты, отбирающий жизнь, ты...

Каррас устало огляделся по сторонам. Накал в лампах неожиданно ослаб, и они очутились в страшном, мигающем полумраке. Дэмьена передернуло. Становилось все холоднее и холоднее.

— ...Ты, повелевающий убийцами, ты, враг...

Приглушенный удар потряс комнату. Потом еще один. Затем стал слышен ритмичный стук, сотрясающий стены и пол и раскалывающий потолок. Стук этот словно пытался войти в ритм с биением бесовского сердца.

— Уходи прочь, чудовище! Твоя доля — быть в изгнании! Твое жилище — в гнезде гадюк! Ползай же подобно им! Сам Бог повелевает тебе! Кровь и...

Стук усилился, удары раздавались все чаще и чаще.

— ...Приказываю тебе...

И еще чаще.

— ...Именем судьи всех живых и мертвых, именем создателя...

Шарон вскрикнула, зажимая уши руками. Удары стали оглушительными и раздавались с бешеной скоростью.

Пульс у Риган стал таким частым, что его невозможно было подсчитать. С другой стороны кровати подошел Мэррин и медленно перекрестил грудь Риган, покрытую слоем рвоты. Его молитва была полностью заглушена грохотом.

Неожиданно Каррас почувствовал, что сердцебиение стало уменьшаться. Когда Мэррин перекрестил Риган лоб, грохот прекратился, словно по мановению безумного дирижера.

— Господи, повелитель на земле и в небесах, Господи, властелин над всеми ангелами и архангелами...— Каррас прислушивался к молитве, а пульс становился все реже и реже...

— Гордец, скотина Мэррин! Подонок! Ты все равно проиграешь! Она умрет! Поросенок сдохнет!

Мерцающий туман поредел. Бес вновь с ненавистью накинулся на Мэррина:

— Развратная гадина! Еретик! Заклинаю тебя: повернись, посмотри на меня! Посмотри на меня, дрянь! — Бес дернулся и плюнул в лицо Мэррину, зашипев: — Вот так твой хозяин исцеляет слепых!

— Господи, создатель всего живого...— молился Мэррин, доставая в то же время платок и вытирая лицо.

— Последуй теперь его примеру, Мэррин! Давай же! Соверши чудо... Исцели поросенка, святой Мэррин!

— ...Освободи рабу свою...

— Лицемер! Тебе же плевать на свинью! Тебе на всех плевать! Ты отдал ее нам на растерзание!

— ...Я смиренно...

— Врешь! Ты врешь! Расскажи нам, где ты растерял свою смиренность? В пустыне? На развалинах? В могилах, куда ты позорно сбежал от своих друзей? Куда ты нагло смылся? Как ты смеешь разговаривать после этого с людьми, ты, вшивая блевотина!..

— ...Отпусти...

— Твое место в гнезде у павлина, Мэррин! Твоя участь — остаться наедине с самим собой! Уединись где-нибудь подальше и поговори сам с собой, ведь тебе больше нет равных!

Мэррин продолжал молиться, не обращая внимания на поток оскорблений.

Каррас попытался сосредоточиться на тексте. Мэррин читал отрывок из Библии:

— ...Он сказал «легион», потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелевал им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедшие из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо из крутизны в озеро, и потянуло, и...

— Уилли, у меня для тебя хорошие вести! — заскрипел бес. Каррас поднял глаза и увидел в дверях Уилли, которая тут же замерла, держа в руках ворох простыней и полотенец.— Я облегчу тебе страдания,— загремел голос беса.— Эльвира жива! Она жива! Она...

Уилли уставилась на него, а Карл закричал:

— Нет, Уилли, нет!

— Она наркоманка, Уилли, совершенно безнадежная...

— Уилли, не слушай! — кричал Карл.

— Сказать тебе, где она живет?

— Не слушай! Не слушай! — Карл попытался вытолкнуть Уилли из комнаты.

— Сходи навести ее в праздник, Уилли, удиви ее! Сходи...

Неожиданно бес замолчал и внимательно посмотрел на Карраса, который, посчитав пульс Риган и найдя его нормальным, решил, что можно ввести еще немного либриума. Он попросил Шарон приготовить все для инъекции.

Шарон кивнула и быстро отошла в сторону. Когда она с опущенной головой подошла к кровати, Риган с воплем «потаскуха!» обдала ей лицо рвотой.

Шарон остановилась как вкопанная, и тут появилась личность Дэннингса и заорала:

— Проклятая шлюха!

Шарон вылетела из комнаты.

Новая личность скорчила недовольную физиономию, огляделась и спросила:

— Может быть, кто-нибудь откроет окно? Пожалуйста! Здесь такая жуткая вонища! Это просто...

— О нет-нет, не надо,— вдруг передумав, продолжал тот же голос.— Ради Бога, не делайте этого, а то еще кого-нибудь к черту угробят! — Потом Дэннингс засмеялся, подмигнул Каррасу и исчез.

— ...Это он изгоняет тебя...

— Неужели, Мэррин? Да неужели? — Снова появился бес, и Мэррин молился, время от времени перекладывая орарь и осеняя Риган крестным знамением. Бес снова принялся ругать его.

«Слишком долго длится этот приступ,— подумал Каррас.— Слишком уж он затянулся».

— А, вот и свиноматка появилась! — засмеялся бес.

Каррас повернулся и увидел, что к нему приближается Крис со шприцем и тампоном. Она пыталась не смотреть на него.

— Шарон переодевается, а Карл...

Каррас перебил ее коротким «хорошо», и она подошла с ним к кровати.

— Да-да, посмотри на свое произведение, мама-свинья! Подойди сюда! — захихикал бес.

Крис изо всех сил пыталась не смотреть на Риган, не слушать ее, пока Каррас потуже привязывал руки девочки.

— Посмотри на эту блевотину! — взревел бес.— Ты довольна? Это все из-за тебя! Да! Это все из-за того, что карьера тебе важнее всего на свете, важнее мужа, важнее дочери, важнее...

Каррас оглянулся. Крис не шевелилась.

— Давайте же! — приказал он.— Не слушайте его!

— ...Твой развод! Иди к священникам! Но они тебе не помогут! — У Крис затряслись руки.— Она сошла с ума! Она сошла с ума! Поросенок спятил! Это ты довела ее до сумасшествия и до убийства, и...

— Я не могу.— Лицо Крис исказилось. Посмотрев на трясущийся шприц, она покачала головой.— Я не могу делать укол!

Каррас выхватил у нее шприц.

— Ладно, протрите руку! Протирайте! Вот здесь,— твердо приказал он.

Бес дернулся и, сверкая глазами от ярости, повернулся к нему.

— Кстати и о тебе, Каррас!

Крис прижала тампон к руке и протерла нужное место.

— А теперь уходите! — решительно приказал Каррас, вонзая иглу в тело.

Крис вышла.

— Да, уж мы-то знаем, как ты заботишься о матерях, дорогой Каррас! — закричал бес.

Иезуит отступил и некоторое время не мог шевельнуться. Потом вынул иглу и посмотрел на закатившиеся глаза. Из горла Риган доносилось тихое медленное пение, похожее на голос мальчика из церковного хора:

— Tantum ergo sacramentum veneremur cernui...

Это был католический гимн. Каррас стоял как вкопанный, пока продолжалось жуткое, леденящее кровь пение. Он поднял глаза и увидел Мэррина с полотенцем в руках. Аккуратно и очень осторожно он вытер рвоту с шеи и лица Риган.

— ...Et antiquum documentum...

Пение продолжалось.

Чей же это голос? И эти обрывки: Дэннингс, окно...

Каррас не заметил, как вернулась Шарон и взяла полотенце из рук Мэррина.

— Я закончу, святой отец,— сказала она.— Уже все прошло. Перед компазином я бы хотела переодеть ее и немного привести в порядок. Можно? Вы не могли бы на минуточку выйти?

Священники вышли в теплый полутемный зал и устало прислонились к стене.

Каррас все еще прислушивался к страшному приглушенному пению, раздававшемуся из комнаты. Через несколько секунд он обратился к Мэррину:

— Вы говорили... вы говорили мне, что в ней только одна... новая личность.

— Да.

Они разговаривали, опустив головы, будто на исповеди.

— А все остальное — только формы приступов. Да, здесь всего... всего один бес. Я знаю, что вы сомневаетесь. Видите ли, этот бес... В общем, я один раз уже встречался с ним. Он очень могучий, очень.

Они снова помолчали, потом заговорил Каррас:

— Говорят, что бес появляется помимо желания жертвы.

— Да, это так... это так. Он может появиться и там, где нет греха.

— Тогда какова цель одержимости? — спросил Каррас, хмурясь.— Отчего это происходит?

— Кто знает,— ответил Мэррин, задумался на секунду, потом продолжил: — Мне, однако, кажется, что цель беса — не сама жертва, а другие люди, мы... те, кто видит все это, кто живет здесь. И я думаю, я уверен, он хочет, чтобы мы отчаялись, потеряли человеческий облик и сами стали зверьми, подлыми, разложившимися личностями, забывшими о человеческом достоинстве. В этом, видимо, и весь секрет — дьяволу нужно, чтобы мы сами считали се-

бя недостойными. Я думаю, что вера в Бога зависит не от разума, а от нашей любви, от того, считаем ли мы, что Бог любит нас...

Мэррин помолчал, а потом заговорил медленней, как бы вспоминая о чем-то:

— Он знает... бес знает, куда бить. Тогда, давно, я даже отчаялся любить ближнего своего. Некоторые люди... отталкивали меня. Это меня мучило, Дэмьен, и привело к тому, что я разочаровался в себе, после чего мог легко разочароваться и в своем Боге. Моя вера была расшатана.

Каррас с интересом посмотрел на Мэррина.

— И что же произошло потом? — спросил он.

— ...В конце концов я понял: Бог никогда не потребует от меня того, что невозможно с точки зрения психологии, что любовь, которая нужна ему, находится во мне, она в моих силах и совсем не похожа на обычные эмоциональные чувства. Совсем не похожа! Ему нужно было только, чтобы я делал все с любовью, делал даже для тех, кто отталкивает меня,— а ведь это требует от нас большой любви.— Он покачал головой.— Конечно, все ясно и так, сейчас я понимаю, Дэмьен. Но тогда не понимал. Странная слепота. Как много мужей и жен считают, что их любовь прошла, потому что сердца их не бьются в восторге при виде возлюбленного! Боже! — Он снова покачал головой.— Вот здесь-то и лежит ответ, Дэмьен... Одержимость. Не в войнах суть, как считают многие, и даже не в таких случаях, как этот... Эта девочка... бедный ребенок. Нет, главное в мелочах, Дэмьен... в бесчувственном, мелочном непонимании. Ну, ладно. Ведь и сатана не нужен, чтобы началась война. Для этого достаточно нас самих... нас самих.

Из спальни все еще доносилось ритмичное пение. Мэррин взглянул на дверь и прислушался.

— А ведь даже от зла может исходить добро. Конечно, в каком-то смысле, который мы не можем ни понять, ни увидеть.— Мэррин помолчал.— Возможно, что зло — это суровое испытание добра,— задумчиво продолжал он.—

И возможно, даже сатана, сам сатана, не желая этого, делает что-то такое, что потом служит во благо добру.

— А если бес будет изгнан,— спросил Каррас,— какая гарантия, что он больше не вернется назад?

— Я не знаю,— ответил Мэррин,— не знаю. Но такого не случалось никогда.— Он приложил руку к лицу.— Дэмьен. Какое красивое имя.

Каррас почувствовал смертельную усталость в его голосе. И что-то еще. Какое-то усилие, которым он пытался подавить боль.

Неожиданно Мэррин шагнул вперед, извинился и, закрыв лицо руками, поспешил вниз, в ванную. Каррас же почувствовал откровенную зависть к сильной и искренней вере иезуита. Пение прекратилось. Чем же кончится эта ночь? Он глубоко вздохнул и вернулся в спальню. Риган заснула. «Наконец-то! — подумал Каррас.— И наконец-то можно отдохнуть».

Он нагнулся, взял ее худенькую ручку и начал следить за секундной стрелкой часов.

— Почему ты так со мной поступил, Димми?

Дэмьен застыл от ужаса.

— Почему?

Каррас не мог сдвинуться с места, у него перехватило дыхание. Существо смотрело на него таким одиноким и обвиняющим взглядом. «Глаза его матери. Его матери!»

— Ты бросил меня, чтобы стать священником, Димми, ты думал, мне будет легче...

«Не смотри!»

— А теперь ты меня выгоняешь?

«Это не она!»

— Зачем ты это делаешь?

В висках застучало, к горлу подкатил комок. Он крепко зажмурился, а голос становился все более умоляющим и страшным.

— Ты же у меня хороший мальчик, Димми! Прошу тебя! Мне страшно! Не гони меня отсюда, Димми! Ну, пожалуйста!

«Это не моя мать!»

— Там, снаружи, нет ничего! Только темнота, Димми! Мне будет так одиноко! — Голос ее дрожал от слез.

— Ты не моя мать,— прошептал Каррас.

— Димми, прошу тебя!

— Ты не моя...

— О, ради Бога, Каррас!

Это уже был Дэннингс.

— Послушай, нехорошо гнать нас отсюда! В самом деле! То есть, что касается меня, я здесь нахожусь по справедливости. Сучка! Она отняла у меня тело, и мне кажется, что я по праву остался здесь, как ты думаешь? О, ради Христа, Каррас, посмотри на меня, а? Посмотри же! Мне не очень-то часто удается поговорить. Ну, оглянись на меня!

Дэмьен завороженно поднял глаза.

— Ну вот, так-то лучше. Послушай, она же меня убила! Не наш хозяин, Каррас, а она! Это точно! — Существо усердно затрясло головой.— Она! Я занимался своими делами возле бара, и мне вдруг послышалось, что кто-то стонет. Наверху. Я должен был посмотреть, что там ее беспокоило. Ну, я пошел к ней наверх, и эта стерва, представь себе, схватила меня за горло! Боже, никогда в своей жизни я не видел такой силы! Она начала орать, что я как-то надул ее мамашу, и что она развелась из-за меня, и еще что-то в этом роде. Я уж точно и не помню. Но уверяю тебя, милый мой, что это она выкинула меня из проклятого окна.— Голос осекся и продолжал уже фальцетом: — Она убила меня! И теперь ты считаешь, что это честно — выгонять меня отсюда? Послушай, Каррас, ну-ка ответь! Ты считаешь, это честно? А?

Каррас сглотнул.

— Да или нет? — настаивал голос.— Честно?

— Каким образом... шея оказалась свернутой? — через силу выдавил из себя Каррас.

Дэннингс осторожно огляделся.

— Ну, это чистая случайность... Я ведь ударился о ступени, понимаешь... так что это случайность.

У Карраса пересохло в горле. Сердце бешено стучало. Он поднял руку Риган и растерянно посмотрел на часы.

Снова появилась его мать:

— Димми, прошу тебя! Не оставляй меня одну! Если бы ты стал не священником, а доктором, мы жили бы в красивом доме, таком хорошем, Димми, без тараканов, я не осталась бы одна-одинешенька в квартире... И тогда...

В отчаянии он пытался не слушать, но голос молил:

— Димми, пожалуйста!

— Ты не моя мать...

— Боишься посмотреть правде в глаза, тварь вонючая? — Теперь появился бес.— Веришь тому, что говорит Мэррин? Веришь, что он святой и хороший? Нет, он не такой! Он гордец и недостоин уважения! Я докажу тебе, Каррас! Я докажу это, убив поросенка!

Каррас открыл глаза, но все еще не осмеливался повернуть голову.

— Да, она умрет, и ваш Бог не спасет ее, Каррас! И ты не спасешь ее! Она умрет из-за его высокомерия и твоего невежества! Сапожник! Не надо было давать ей либриум!

Каррас обернулся и посмотрел в эти сверкающие победой глаза.

— Пощупай пульс! — усмехнулся бес.— Ну, Каррас! Пощупай пульс!

Каррас все еще держал Риган за руку и озабоченно хмурился. Пульс был частый и...

— Слабый? — засмеялся бес.— Ах, да! Но это ерунда. Пока что ерунда.

Каррас взял свой чемоданчик и достал стетоскоп. Бес закричал:

— Послушай ее, Каррас! Хорошенько!

Каррас услышал далекое и слабое биение сердца.

— Я не дам ей спать!

Каррас быстро взглянул на беса и похолодел.

— Да, Каррас! — хохотал он.— Она не будет спать. Ты слышишь? Я не дам поросенку заснуть!

Каррас онемел. Бес откинул голову и злорадно ухмыльнулся. Никто не заметил, как в комнату вернулся Мэррин, встал у кровати рядом с Каррасом и взглянул ему в глаза.

— Что такое? — спросил он.

Каррас глухо ответил:

— Бес... сказал, что не даст ей спать.— И измученно посмотрел на Мэррина.— Сердце начало сбиваться в ритме, святой отец. Если она в скором времени не получит хоть немного отдыха, она умрет от сердечной недостаточности.

Мэррин встревожился.

— Вы можете дать ей какое-нибудь лекарство, чтобы она заснула?

Каррас покачал головой.

— Нет, это опасно. Может наступить кома.

Он повернулся к Риган, которая в это время начала кудахтать, как курица.

— Если давление упадет еще ниже...— Он не закончил фразу.

— Что можно сделать? — спросил Мэррин.

— Ничего... ничего,— ответил Каррас.— Я не знаю, может быть, есть какие-то новые средства.— И вдруг он добавил: — Я хочу пригласить специалиста-кардиолога, святой отец.

Мэррин кивнул.

Каррас спустился вниз. Из кладовой раздавались всхлипывания Уилли и голос Карла, пытающегося успокоить ее. Крис не спала и сидела на кухне. Каррас объяснил ей необходимость консультации, умолчав, однако, о той опасности, которая угрожала Риган. Крис согласилась, и Каррас позвонил приятелю, известному специалисту медицинского факультета Джорджтаунского университета, разбудил его и кратко изложил суть дела.

— Сейчас приеду,— ответил кардиолог.

Он прибыл примерно через полчаса и был очень удивлен обстановкой в комнате. С ужасом и состраданием смотрел он на Риган. Она бредила, то напевая, то издавая животные звуки. Потом появился Дэннингс.

— О, это невыносимо! — пожаловался он врачу.— Просто ужасно! Я надеюсь на вас, вы должны что-то сделать! Вы что-нибудь предпримете? Иначе нам некуда будет пойти, и все из-за... О, этот проклятый упрямый дьявол!

Доктор удивленно поднял брови. Пока он измерял Риган давление, Дэннингс обратился к Каррасу:

— Какого черта вы здесь торчите? Вы что, не видите, что эту сучку нужно немедленно отправить в больницу? Ее место в сумасшедшем доме, Каррас! Теперь ты понимаешь, да? Давайте оставим в стороне все суеверия! Если она умрет, виноваты будете вы! Только вы! Если он такой упрямый, это еще не значит, что и вы должны так же вести себя! Вы же врач! Вы должны понимать это, Каррас! И войдите в наше положение: сейчас с жильем очень трудно, и если мы...

Вернулся бес и завыл по-волчьи. Кардиолог хладнокровно упаковал свои инструменты и кивнул Каррасу. Обследование было закончено.

Они вышли в зал. Кардиолог на секунду оглянулся на дверь в спальню и повернулся к Каррасу.

— Что за чертовщина здесь происходит, святой отец?

— Я не могу объяснить вам,— честно признался Каррас.

— Ладно.

— Что вы нашли?

Доктор был мрачен.

— Она уже на пределе. Ей нужно выспаться... прежде чем упадет давление.

— Можем ли мы ей помочь, Билл?

— Молитесь,— ответил врач.

Он попрощался и ушел. Каррас смотрел ему вслед и каждой клеткой, каждым нервом молил об отдыхе, о надежде, о чуде, хотя знал, что чудес не бывает.

«...не надо было давать ей либриум!»

Он вернулся в спальню.

Мэррин стоял у кровати и смотрел на Риган, ржавшую по-лошадиному. Лицо у него было грустным, потом на нем

отразились смирение и, наконец, твердая решимость. Мэррин встал на колени.

— Отче наш...— начал он.

Риган отрыгнула на него темную вонючую желчь и засмеялась:

— Ты проиграешь! Она умрет! Она умрет!

Каррас взял свою книгу и раскрыл ее. Потом стал наблюдать за Риган.

— Спаси рабу Твою,— молился Мэррин.— Перед лицом опасности.

Сердце Карраса терзалось в отчаянии. Засни! Засни! — неустанно повторял он.

Но Риган не засыпала.

Ни на рассвете.

Ни днем.

Ни вечером.

Не заснула она и в воскресенье, когда пульс был уже сто сорок ударов в минуту и заметно ослаб. Приступы не прекращались. Каррас и Мэррин не переставая читали молитвы. Каррас пытался сделать все возможное: он использовал смирительную рубашку, чтобы свести движения Риган до минимума, выгнал всех из комнаты, чтобы проверить: вдруг отсутствие посторонних лиц приостановит приступ. Но ничего не помогало. Крик Риган становился все более слабым, как и она сама, давление, однако, не падало. Сколько это еще может длиться? Нервы у Карраса были на пределе.

«Господи, не дай ей умереть! Не дай ей умереть! Ниспошли ей сон!»

В воскресенье, в семь часов вечера, Каррас, совершенно изможденный, сидел в спальне рядом с Мэрримом. Он думал о том, что ему не хватает веры, знаний, о том, что он ушел от матери, надеясь обрести положение в обществе. И о Риган. О своей ошибке. «...Не надо было давать ей либриум...»

Священники закончили очередной этап ритуала и теперь отдыхали, прислушиваясь к Риган. Она пела «Ранис Анжеликус».

Они редко покидали комнату. Каррас вышел только один раз, чтобы принять душ и переодеться. Однако при таком холоде бодрствовать было легко. Запах в комнате с утра изменился: теперь было похоже, что где-то поблизости находится гнилая, разложившаяся плоть. От спертого воздуха сильно тошнило. Лихорадочно следя за Риган красными утомленными глазами, Каррас вдруг услышал какой-то звук. Будто что-то скрипнуло. Потом еще раз. Как раз в тот момент, когда он моргнул. Потом до его сознания дошло, что звук доносится из-под его затвердевших век. Он повернулся к Мэррину. Слишком уж большой дефицит сна накопился в старом организме. Это в его-то возрасте! Мэррин сидел с закрытыми глазами, опустив подбородок на грудь. Каррас с трудом поднялся, подошел к кровати, проверил пульс Риган и приготовился измерять давление. Оборачивая черную материю вокруг руки, он несколько раз подряд моргнул, чтобы прийти в себя: комната уже начала расплываться перед глазами.

— Сегодня мой праздник, Димми.

Сердце рванулось из груди. Потом он заглянул в глаза, которые принадлежали уже не Риган. Это были глаза его матери.

— Разве я не была к тебе добра? Почему ты бросил меня одну умирать, Димми? Почему? Почему? Почему ты...

— Дэмьен!

Мэррин крепко сжал его руку.

— Пожалуйста, идите отдохните немного!

У Карраса подкатил комок к горлу, и он молча вышел из спальни. Кофе? Да, он хотел бы выпить чашечку кофе. Но еще больше ему хотелось принять душ, побриться и переодеться.

Он вышел из дома, пересек улицу, вошел в подъезд и открыл дверь в свою комнату... Но как только он увидел свою постель...

«Забудь о душе. Поспи. Хотя бы полчаса».

Едва он протянул руку к телефону, собираясь попросить, чтобы его разбудили через тридцать минут, как телефон зазвонил сам.

— Да, я слушаю,— хрипло сказал он.

— Вас ожидают, отец Каррас. Некий мистер Киндерман.

Задумавшись на секунду, Каррас ответил:

— Пожалуйста, скажите ему, что я сейчас выйду.

Повесив трубку, Каррас заметил на столе пачку сигарет «Кэмел». В ней торчала записка Дайера: «В часовне нашли ключ от клуба "Плейбой". Не твой ли случаем? Можешь взять его в приемной».

Каррас равнодушно отложил записку, переоделся в чистое белье и вышел из комнаты, забыв захватить сигареты.

В приемной он увидел Киндермана, увлеченного перестановкой цветов в большой вазе. Детектив, держа в руке розовую камелию, повернулся к Каррасу.

— А, святой отец! Отец Каррас! — Лицо детектива приняло выражение озабоченности. Он быстро воткнул цветок на прежнее место и подошел к Каррасу.— Вы ужасно выглядите! В чем дело? Вот к чему приводит бег по стадиону! Бросьте вы это! Послушайтесь меня!

Он взял Карраса за локоть и потянул его на улицу.

— У вас есть время? — спросил Киндерман, когда они вышли из приемной.

— Очень мало,— пробормотал Каррас.— А что случилось?

— У меня к вам небольшой разговор. Мне нужен ваш совет. Простой совет, ничего более.

— Какой совет?

— Одну минуточку.— Киндерман махнул рукой.— Давайте прогуляемся, подышим воздухом. Это так полезно.— Он повел иезуита через Проспект-стрит.— Посмотрите-ка вон туда. Как красиво! Просто великолепно! Нет, ейбогу, вы плохо выглядите,— повторил он.— Что случилось? Вы не больны?

«Когда же он поймет, что происходит?» — подумал про себя Каррас, а вслух произнес:

— У меня много дел.

— Тогда отложите их,— засопел детектив.— Притормозите немного. Отдохните. Кстати, вы видели балет Большого театра? Они выступают в Уотергейте.

— Нет.

— И я не видел. Но мне очень хочется. Балерины так изящны... Это очень красиво!

Они прошли еще немного. Возле гаража Каррас взглянул в лицо Киндерману, который в задумчивости смотрел на реку.

— Что вы задумали, лейтенант? — спросил Каррас.

— Видите ли, святой отец,— вздохнул Киндерман.— У меня появилась проблема.

Каррас мимолетом взглянул на закрытое ставнями окно Риган.

— Профессиональная проблема?

— Частично... только частично.

— Что случилось?

— Ну, в общем...— Киндерман замялся.— В основном это проблема этики. Можно сказать так... Отец Каррас... вопрос...— Детектив повернулся и, нахмурившись, прислонился к стене здания.— Я ни с кем не мог поговорить об этом, даже со своим капитаном, понимаете... Я не мог рассказать ему. Поэтому я подумал...— Его лицо неожиданно оживилось.— У меня была тетка... Это очень смешно. В течение многих лет она испытывала необъяснимый ужас в присутствии моего дяди. Никогда не осмеливалась возразить ему хоть словом. Никогда! Боялась даже поднять на него взгляд! Поэтому когда она сердилась на него за что-то, то пряталась в шкаф в своей спальне, и там, в темноте — вы мне не поверите! — в темноте, среди одежды и моли, она ругалась. Ругалась! — на дядю! — в течение двадцати минут! И говорила все, что она о нем думает! Когда ей становилось легче, она выходила из своего шкафа, шла

к дяде и целовала его в щечку. Как вы считаете, отец Каррас, это хорошо или плохо?

— Очень хорошо,— ответил, улыбаясь, Каррас.— Так что же, сейчас я — ваш шкаф? Это вы имели в виду?

— В какой-то степени.— Киндерман задумчиво посмотрел вниз.— В какой-то степени. Только здесь дело более серьезное, отец Каррас.— Он немного помолчал, затем добавил: — И шкаф должен говорить.

— У вас есть сигареты? — спросил Каррас. У него дрожали пальцы.

— В моем состоянии еще и курить?

— Ах, да... Конечно нет,— пробормотал Каррас, прижимая ладони к стене. «Перестаньте дрожать!»

— Ну и доктор! Вы все еще сводите бородавки лягушками, доктор Каррас?

— Жабами,— мрачно ответил священник.

— Вы что-то сегодня совсем не в духе,— обеспокоился Киндерман.— Что-нибудь случилось?

Каррас молча покачал головой и тихо попросил:

— Продолжайте.

Детектив вздохнул и посмотрел на реку.

— Я говорил...— Он засопел, потом почесал лоб большим пальцем.— Я говорил, что... Ну, давайте предположим, что я работаю над одним делом, отец Каррас. Речь идет об убийстве.

— Дэннингс?

— Нет, я говорю чисто гипотетически. Считайте, что вы об этом ничего не знаете. Ничего.

Каррас согласно кивнул.

— Убийство похоже на ритуальное жертвоприношение,— хмуро продолжал детектив, медленно подбирая слова.— Давайте предположим, что в доме живут пять человек и один из них — убийца. И я знаю об этом совершенно точно.— Он медленно повернул голову.— Но вот проблема... Все улики — понимаете? — указывают на ребенка, на маленькую девочку лет десяти, может быть, двенадцати...

Далее. В этот дом приходит священник, очень известный, и так как это дело чисто теоретическое, я, святой отец, чисто теоретически предположил, что священник вылечил однажды очень специфическую болезнь. Болезнь, кстати сказать, психическую.

Каррас почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— И еще здесь замешан сатанизм... плюс сила. Да, невероятная сила. И эта выдуманная девочка могла, например, свернуть взрослому человеку шею. Да, ей это было вполне под силу.— Он кивнул головой.— Да, да... Теперь вопрос.— Киндерман в задумчивости наморщил лоб.— Видите ли... Девочка здесь ни при чем. Она сумасшедшая. И всего лишь ребенок. Ребенок! И все же ее болезнь... Девочка может быть опасна. Она может убить кого-нибудь еще. Вот в чем проблема. Что делать? Я имею в виду, теоретически. Забыть об этом? Забыть и надеяться...— Киндерман замялся,— на то, что она поправится? Или... Святой отец, я не знаю... Это ужасное решение, просто ужасное. И мне не хотелось бы принимать его. Как правильно поступить в таком случае? Я имею в виду теорию. Как вы считаете?

Некоторое время иезуит боролся со своими противоречивыми чувствами, злился на себя за то, что снова ощутил страшный груз. Потом, встретив прямой взгляд Киндермана, тихо ответил:

— Я бы оставил решение вопроса тем, кто более компетентен.

— Я полагаю, что они это сейчас и решают. Я знал, что вы мне именно так ответите. Ну, мне пора, а то миссис Киндерман начнет нервничать и твердить, что вот опять обед стынет! Спасибо вам, святой отец. Мне сейчас легче... гораздо легче. Да, кстати, вы мне не откажете в любезности? Если встретите человека по имени Энгстром, скажите ему: «Эльвира в больнице, у нее все в порядке». Он поймет. Передадите? Если, конечно, вы его встретите.

Каррас удивленно посмотрел на него.

— Обязательно,— сказал он.— Обязательно.

— Послушайте, а когда же мы с вами сходим в кино, святой отец?

Иезуит опустил глаза и пробормотал:

— Скоро.

— «Скоро». Вы как тот раввин, который говорит о мессе всегда только «скоро». Послушайте, сделайте мне еще одолжение. Прекратите этот бег по стадиону хотя бы ненадолго. Ходите, просто ходите. Сбавьте темп! Вы мне обещаете?

— Обещаю.

Детектив сунул руки в карманы и смиренно уставился в землю.

— Понятно,— вздохнул он.— Скоро. Всегда только «скоро».

Перед тем как уйти, Киндерман положил руку на плечо иезуита и крепко сжал его.

— Элия Казан шлет вам поклон.

Некоторое время Каррас наблюдал, как он шел по улице. Наблюдал с удивлением. С любовью. И поражался тем изменениям, которые могут происходить в сердце человека. Он прижал кулак к губам и почувствовал, как печаль исторгается из груди и затуманивает глаза. Взглянув на окно Риган, он решил вернуться в дом.

Дверь открыла Шарон, держа в руках испачканное белье. Она извинилась:

— Я несла это вниз постирать.

Глядя на нее, он подумал было о кофе, но тут же услышал, как наверху бес орет на Мэррина. Он двинулся к лестнице, но вдруг вспомнил о Карле. Где он сейчас? Дэмьен пошел на кухню, но Карла там не было. Только Крис сидела за столом и разглядывала... альбом?

Приклеенные фотографии, вырезки из газет. Она закрывала голову руками, и Каррас не смог разглядеть выражения ее лица.

— Извините,— тихо спросил Каррас,— Карл у себя?

Крис покачала головой.

— Он вышел.— Каррас услышал, что она всхлипнула.— Там есть кофе, святой отец. Вот-вот закипит.— Крис встала из-за стола и вышла из кухни.

Каррас перевел взгляд на альбом, подошел к столу и пролистал его. Он увидел фотографии маленькой девочки и с болью осознал, что смотрит на Риган: вот здесь она в день рождения, задувает свечки на торте, здесь сидит в шортах и маечке, весело помахивая рукой фотографу. Спереди на майке виднелась какая-то надпись, сделанная по трафарету: «Лагерь...» Дальше он не смог разобрать.

На следующей странице детским почерком на листке бумаги было написано:

«Если бы вместо обычной глины
Я могла взять самые красивые вещи,
Например радугу,
Или облака, или песенку птицы,
Может быть, тогда, милая мамочка,
Если бы я все это перемешала,
Я бы по-настоящему вылепила тебя».

Ниже: «Я люблю тебя! Поздравляю с праздником!» и подпись карандашом: «Риган».

Каррас закрыл глаза. На сердце стало тяжело от случайной встречи с чужим прошлым. Он отвернулся и стал ждать, когда закипит кофе. Выкинь все из головы! Немедленно! Прислушиваясь к бульканью закипающего кофе, он почувствовал, как у него задрожали руки, жалость вдруг переросла в слепую ярость, в злость на эту болезнь, на эту боль, на страдания детей и на хрупкость тела, на чудовищную и непреодолимую разрушительную силу смерти.

«...Если бы вместо обычной глины...»

Злоба снова медленно превращалась в сострадание, в беспомощную жалость.

«...Самые красивые вещи...»

Больше он не мог ждать. Он должен идти... Должен что-то сделать... помочь... попытаться...

Каррас вышел из кухни. Проходя мимо гостиной, он заглянул в дверь и увидел, что Крис лежит на диване и ры-

дает, а Шарон сидит рядом и пытается ее успокоить. Он отвернулся и пошел наверх, в спальню.

Бес отчаянно ругал Мэррина:

— ...Все равно ты бы проиграл! И ты знал это! Ты подонок, Мэррин! Скотина! Вернись! Вернись и...— Каррас перестал слушать.

«...Или песенку птицы...»

Он посмотрел на Риган. Ее голова была повернута в сторону. Приступ бесовской ярости продолжался.

«...Самые прекрасные вещи...»

Он медленно подошел к своему стулу и только тогда заметил, что Мэррина в комнате нет. Когда же Дэмьен направился к Риган, чтобы измерить давление, то споткнулся о распростертое на полу тело. Мэррин лежал возле самой кровати, безвольно раскинув руки, лицом вниз. В ужасе Каррас опустился на колени, перевернул тело и увидел страшное, посиневшее лицо. Он взял его за руку в надежде нащупать пульс. Жгучая, невыносимая боль пронзила его сердце: Мэррин был мертв!

— ...Священная напыщенность! Умер, да? Умер? Каррас, вылечи его! — заорал бес.— Верни его, дай нам закончить, дай нам...

«Сердечная недостаточность. Коронарная артерия не выдержала...»

— О Боже всевышний! — чуть слышно простонал Каррас, закрыл глаза и затряс головой. Он не хотел, не мог поверить. В безумном порыве горя он изо всей силы сжал бледное запястье Мэррина, будто хотел выжать из мертвых сухожилий пропавшее биение жизни.

— ...Набожный...

Каррас заметил крошечные таблетки, раскатившиеся по всему полу. Нитроглицерин. Глазами, красными от слез, он посмотрел на мертвое тело Мэррина.

«...Идите и отдохните немного, Дэмьен...»

— Даже черви не будут жрать твои останки, ты...

Каррас услышал слова беса, и его заколотило от злобы.

«Не слушай!»

— ...Педераст...

«Не слушай! Не слушай!»

На лбу у Карраса вздулись пульсирующие жилы. Он поднял руки Мэррина и стал осторожно складывать их на груди.

Плевок вонючей слюны угодил прямо в глаз Мэррину.

— Последний обряд! — обрадовался бес, запрокинул голову и дико захохотал.

Некоторое время Каррас молча смотрел на плевок и не шевелился. Он ничего не слышал, кроме шума приливающей к голове крови. Потом очень медленно, весь дрожа, поднял голову. На его багровом лице застыла маска ненависти и злобы.

— Ты, сукин сын,— прошептал он, и эти слова рассекли воздух, как сталь.— Ты, подонок! — Хотя он не шевелился, каждый мускул его был напряжен и жилы на шее натянулись, как веревки.

Бес перестал смеяться и зло уставился на него.

— Ты проиграешь! Ты всегда проигрывал!

— Да, ты прекрасно расправляешься с детьми! — Дэмьен дрожал, как в лихорадке.— С маленькими девочками! А ну-ка, давай посмотрю, способен ли ты на что-нибудь большее! Давай же, попробуй! — Он выставил свои огромные руки и медленно поманил к себе.— Давай, ну, давай же! Попробуй, возьми меня! Оставь девочку, возьми МЕНЯ! МЕНЯ!..

Крис и Шарон услышали, что в спальне Риган происходит нечто странное. Крис сидела возле бара, Шарон смешивала напитки. Она поставила водку и тоник на стойку бара, и тут обе женщины одновременно поглядели наверх. Послышался звук падающего тела. Потом удары по мебели, по стенам. И голос... беса? Да, беса. Были слышны его ругательства. Но голос был уже немножко другим. Он менялся. Каррас? Пожалуй, Каррас мог говорить таким голосом. Но *этот* голос был громче. И глубже.

— Нет, я не позволю тебе обижать их! Ты не посмеешь причинить им зло! Ты...

Крис уронила стакан и вздрогнула от звука разбившегося стекла. В ту же секунду они вместе с Шарон выбежали из кабинета, помчались вверх к спальне Риган и ворвались в комнату.

Они увидели, что ставни, снятые с петель, валяются на полу, а окно!.. Стекло было полностью высажено!

Встревоженные женщины кинулись к окну, и в эту секунду Крис увидела Мэррина, лежавшего на полу возле кровати. Она замерла. Потом подбежала к нему, нагнулась, и у нее тут же перехватило дыхание.

— О Боже! — закричала она.— Шарон! Шар, подойди! Скорее, сюда!

Шарон выглянула в окно, тоже вскрикнула и рванулась к двери.

— Шар, что случилось?

— Отец Каррас! Отец Каррас!

Рыдая, она вылетела из комнаты, а Крис встала и подошла к окну. Она смотрела вниз, и сердце ее в эту минуту готово было вырваться из груди. В самом конце лестницы, на М-стрит, окруженный собравшейся толпой, беспомощно лежал Каррас.

От ужаса она не могла шевельнуться и стояла как парализованная.

— Мама?

Слабенький, тоненький голосок, дрожащий от слез, позвал ее откуда-то сзади. Крис окаменела. Она боялась верить.

— Что случилось, мама? Пожалуйста, подойди ко мне! Мамочка, пожалуйста! Я боюсь! Я...

Крис обернулась. Она увидела детские слезы, умоляющее родное лицо и бросилась к кровати.

— Ригс, моя маленькая, моя крошка! О Ригс...

...Шарон неслась к дому иезуитов. Она вызвала Дайера — тот сразу же вышел в приемную — и все ему рассказала. Дайер побледнел.

— Вы вызвали «скорую помощь»?

— О Боже, я об этом как-то не подумала!

Дайер быстро проинструктировал дежурного у телефона и кинулся вперед. Шарон едва успевала за ним. Они перебежали улицу и спустились по ступенькам вниз.

— Дайте мне пройти! Расступитесь! — Проталкиваясь через зевак, Дайер слышал обрывки реплик: «Что произошло?» — «Какой-то тип упал с лестницы».— «Вы видели?» — «Наверное, напился. Видите, его рвало».— «Ну, пошли, а то опоздаем в...»

Наконец Дайеру удалось протиснуться внутрь кольца, и он застыл на миг от чувства неутешного горя и скорби. Каррас лежал на спине, около головы его растекалась лужа крови. Он безразлично смотрел в небо, рот был слегка приоткрыт. Но вот он заметил Дайера и слегка шевельнулся. Как будто хотел сказать ему что-то очень важное и срочное.

— Ну-ка, разойдись! А ну, отойдите! — К толпе подошел полицейский.

Дайер опустился на колени и положил ладонь на разбитое лицо. Как много порезов! Из уголка рта струйкой стекала кровь.

— Дэмьен...— Дайер запнулся и постарался справиться с комком, подкатившим неожиданно к горлу.

Он увидел слабую улыбку, озарившую лицо Карраса, и придвинулся поближе.

Каррас медленно дотянулся до руки Дайера и, глядя ему прямо в глаза, сжал ее слабеющими пальцами.

Дайер еле сдерживал слезы. Он придвинулся еще ближе и прошептал ему прямо на ухо:

— Ты хочешь исповедаться, Дэмьен?

Каррас снова сжал ему руку.

Дайер немного отодвинулся и медленно перекрестил его, произнеся слова отпущения грехов:

— Ego te absolvo...*

Слеза выкатилась из глаза Карраса, и Дайер почувствовал, что он еще сильнее сжимает его руку.

— In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen**.

Дайер склонился над Каррасом, подождал немного и прошептал ему на ухо:

— Ты...— И тут же осекся, почувствовав, что рука Карраса разжалась. Он посмотрел на него и увидел, что глаза Дэмьена наполнились покоем и чем-то еще: какой-то таинственной радостью от того, что сердце наконец-то перестало страдать. Глаза устремились в небо, но они уже ничего не видели в этом мире.

Медленно и очень нежно Дайер опустил Каррасу веки. Вдали послышалась сирена «скорой помощи». Он хотел сказать «прощай», но не смог, а только опустил голову и заплакал. Подъехала «скорая». Санитары положили тело Карраса на носилки, задвинули их в машину. Дайер тоже залез внутрь и сел рядом с врачом. Он нагнулся и взял Карраса за руку.

— Вы ему больше ничем не поможете, святой отец.— Врач пытался говорить как можно мягче.— Не расстраивайте себя. Вам не надо ехать.

Дайер не сводил глаз с разбитого лица и отрицательно качал головой.

Врач посмотрел на дверцу, около которой терпеливо ждал шофер, и кивнул ему. Дверца захлопнулась.

Шарон стояла на тротуаре и молча наблюдала, как «скорая» медленно скрывается за углом.

Вой сирены будоражил ночь и несся над рекой, но потом шофер, видимо, вспомнив, что спешить уже некуда, отключил сигнал. Стало совсем тихо, и река вновь обрела покой.

---

* Я прощаю тебе грехи... *(лат.)*

** Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь *(лат.)*.

Эпилог

Стоял конец июня. В спальне Крис собирала вещи, и яркие солнечные лучи пробивались через стекло. Она положила цветастую кофточку в чемодан и закрыла крышку.

— Ну вот и все,— сказала она Карлу.

Тот закрыл чемодан на ключ, и Крис пошла к Риган.

— Эй, Ригс, ты готова?

Прошло уже шесть недель после смерти священника и после того, как Киндерман закрыл дело, хотя не все было выяснено до конца. Крис могла только догадываться о случившемся, и частые размышления доводили ее до того, что она нередко просыпалась среди ночи в слезах.

Киндерман тоже не мог успокоиться. Смерть Мэррина наступила от острой сердечной недостаточности. Но Каррас...

— Интересно,— сопел Киндерман в попытках добраться до истины.— Это не девочка. В тот момент она была крепко связана смирительными ремнями. Очевидно, сам Каррас убрал ставни и выбросился из окна. Но зачем? От страха? Или в попытке избежать чего-то ужасного? Нет! — Киндерман сразу же отбросил эту версию. Если бы Дэмь-

ен хотел уйти, то вышел бы спокойно через дверь, тем более что Каррас был не из тех, кто бежит в минуту опасности.

Тогда чем объяснить этот прыжок?

Киндерман решил поискать ответ в показаниях Дайера, который говорил, что у Карраса были большие эмоциональные перегрузки: чувство вины перед матерью, ее смерть, проблема его собственной вины. Когда Киндерман добавил к этому несколько бессонных ночей, вину перед неизбежной смертью Риган, издевки беса, принимавшего облик его матери, и удар, нанесенный смертью Мэррина, он с грустью заключил, что у Карраса помутился разум. Кроме того, расследуя смерть Дэннингса, детектив вычитал в книгах, что во время изгнания бесов священники часто и сами становились одержимыми, когда этому благоприятствовали обстоятельства: сильное чувство вины, желание быть наказанным плюс сильная самовнушаемость. Каррас был к этому предрасположен. Звуки борьбы, меняющийся голос священника, который слышали Шарон и Крис,— все это также подтверждало гипотезу Киндермана.

Однако Дайер не согласился с таким предположением. Он снова и снова приходил поговорить с Крис, пока девочка выздоравливала и набиралась сил. Он всякий раз спрашивал, в состоянии ли Риган вспомнить, что же все-таки случилось в комнате в тот вечер. Но ответ был всегда один: «Нет».

Дело было закрыто.

...Крис заглянула в спальню Риган и увидела, что девочка сидит, обняв двух плюшевых зверей, и недовольно смотрит на упакованный чемодан на кровати.

— Ну как, ты уже уложила вещи, крошка? — спросила Крис.

Риган, такая худенькая и слабая, с черными кругами под глазами, посмотрела на нее:

— Не хватает места вот для них!

— Ну, ты же все равно не сможешь взять сейчас всех, дорогая. Оставь их, а Уилли все привезет. Пойдем, кроха, а то опоздаем на самолет.

В полдень они улетали в Лос-Анджелес, оставляя Шарон и Энгстромов собирать вещи. Потом Карл на «ягуаре» должен был привезти домой все оставшееся.

— Ну ладно,— нехотя согласилась Риган.

— Вот и хорошо.— Крис, услышав звонок, быстро спустилась по лестнице и открыла дверь.

На пороге стоял отец Дайер.

— Привет, Крис! Я зашел попрощаться.

— О, я очень рада! Я как раз сама собиралась к вам.— Она сделала шаг назад.— Заходите.

— Да нет, не стоит, Крис. Я знаю, что вам некогда.

Крис молча взяла его за руку и втащила в зал.

— Прошу вас. Я как раз собиралась выпить кофе.

— Ну, если вы уверены, что...

Она была уверена. Они пошли на кухню, сели за стол, выпили по чашечке кофе, поговорили о мелочах, а в это время Шарон и Энгстром продолжали заниматься багажом, бегая по всему дому.

Крис заговорила о Мэррине: она была очень удивлена, увидев так много известных людей — и американцев, и иностранцев — на его похоронах. Потом они помолчали, и Дайер принялся грустно разглядывать свою чашку. Крис без труда отгадала его мысли.

— Риган ничего не помнит,— произнесла она.— Простите.

Иезуит молча кивнул. Крис взглянула на свой нетронутый завтрак. На тарелке все еще лежала роза. Она взяла ее и в задумчивости повертела в руках стебелек.

— А он так и не увидел ее,— прошептала Крис, ни к кому не обращаясь.

Потом посмотрела на Дайера и встретила его взгляд.

— А как вы думаете, что же произошло на самом деле? Как неверующая,— тихо спросил он,— вы считаете, что она и в самом деле была одержима?

Крис опустила глаза и задумалась, продолжая поигрывать цветком.

— Что касается Бога, то я действительно в него не верю. До сих пор. Но когда речь идет о дьяволе, тут совсем другое дело. В это я поверить могу. И я верю. В самом деле! И не только после того, что случилось с Ригс, а вообще.— Она положила цветок.— Вот вы обращаетесь к Богу. Представьте, сколько он должен отдыхать от наших просьб и молитв, чтобы они ему не надоели, если он, конечно, существует. Вы понимаете, о чем я говорю? А дьявол постоянно сам создает себе рекламу. Он везде, он всюду совершает сделки.

— Но если все зло мира заставило вас поверить в существование дьявола, то что вы скажете насчет всего добра, которое есть в мире?

Она задумалась и отвела глаза в сторону. Потом посмотрела на тарелку.

— Да... да,— тихо согласилась Крис.— Об этом стоит подумать.

Со дня смерти Карраса печаль настолько глубоко вошла в ее сознание, что оставалась в нем и по сей день. Хотя впереди она предвидела светлые дни и все время вспоминала слова Дайера, которые он произнес, провожая ее до машины после похорон Карраса.

— Вы не могли бы зайти ко мне? — спросила она тогда.

— Я бы с удовольствием, но боюсь опоздать на праздник,— ответил он.

Крис была поражена.

— Когда умирает иезуит,— пояснил Дайер,— у нас всегда праздник. Для него это только начало, и мы должны отметить это событие.

У Крис мелькнула еще одна мысль.

— Вы говорили, что у отца Карраса была проблема с верой?

Дайер кивнул.

— Я не могу в это поверить,— сказала она.— Я никогда в жизни не встречала такой набожности.

— Такси уже здесь, мадам,— доложил появившийся Карл.

Крис вышла из задумчивости:

— Спасибо, Карл. Все в порядке.— Она встала, и Дайер вслед за ней поднялся из-за стола.

— Нет-нет, вы оставайтесь, святой отец. Я сейчас вернусь. Я только поднимусь за Ригс.

Крис ушла, а Дайер вновь принялся размышлять над последними непонятными словами Карраса, над криками, которые слышали перед самой его смертью. Здесь что-то скрывалось. Но что? Этого-то он и не понимал. И Крис, и Шарон вспоминали только какие-то смутные обрывки фраз. Дайеру отчетливо вспомнилась затаенная радость в глазах умирающего священника. Этот странный блеск не давал ему покоя, было в них что-то похожее на... триумф? Дайер не был уверен в этом, но от такой мысли ему почему-то стало легче.

Он встал, вышел в зал, прислонился к двери и, засунув руки в карманы, молча стал наблюдать, как Карл помогает укладывать багаж в такси. Воздух был горячим и влажным. Дайер вытер взмокший лоб и услышал, что Крис спускается вниз. Она вышла, держа Риган за руку. Мать и дочь подошли к Дайеру, и Крис поцеловала его в щеку, а потом, коснувшись его рукой, заглянула в глаза.

— Все в порядке,— сказал он и улыбнулся.— Мне почему-то кажется, что все будет хорошо.

Крис кивнула:

— Я позвоню вам из Лос-Анджелеса. Ждите.

Дайер посмотрел на Риган. Она нахмурилась, взглянув на него, будто вспоминая что-то, потом протянула руки. Дайер нагнулся, и она его поцеловала.

Крис отвернулась.

— Ну, пошли,— сказала она, взяв Риган за руку.— Мы опоздаем, кроха. Пошли.

Дайер не отрываясь смотрел, как они шли к машине, и махал им на прощание. Крис послала ему воздушный поцелуй и быстро села в такси вслед за Риган. Карл уселся рядом с шофером, и такси тронулось. Дайер дошел до поворота и все смотрел им вслед. Вскоре машина повернула за угол и скрылась.

Сзади раздался скрип тормозов. Священник оглянулся и увидел полицейскую машину, из которой выходил Киндерман. Детектив не спеша обошел автомобиль и проковылял к Дайеру, приветливо махнув ему рукой.

— Я пришел попрощаться.

— Вы опоздали.

Киндерман остановился и поник.

— Уже уехали?

Дайер кивнул.

Киндерман посмотрел на улицу и горестно покачал головой. Потом обратился к Дайеру:

— Как девочка?

— Все в порядке.

— Это хорошо. Очень хорошо. А остальное меня не интересует. Ну ладно. Надо возвращаться на работу. До свидания, святой отец.

Он повернулся и шагнул к машине, потом остановился и, раздумывая о чем-то, уставился на Дайера.

— Вы ходите в кино, отец Дайер?

— Конечно.

— У меня есть контрамарка.— Он поколебался секунду и добавил: — На завтрашний вечер в «Крэст». Вы не хотите составить мне компанию?

Дайер стоял, засунув руки в карманы.

— А что там идет?

— «Грозовой перевал».

— А кто играет?

— Хатклифа — Джэки Глизон, а Кэтрин Эрншо — Люси Болл*.

— Я уже смотрел,— ответил Дайер.

Киндерман молча посмотрел на него и отвернулся.

— Еще один,— пробормотал он.

Потом вдруг подошел к Дайеру, взял его под руку и повел по улице.

— Мне вспомнились слова из фильма «Касабланка»,— сказал он весело.— В самом конце Хэмфри Богарт говорит Клоду Рэйнсу: «Луи, мне кажется, что это — начало красивой дружбы».

— Знаете, а вы немного похожи на Богарта.

— И вы заметили?

Наступило время забвения. Но они старались запомнить все до последней детали...

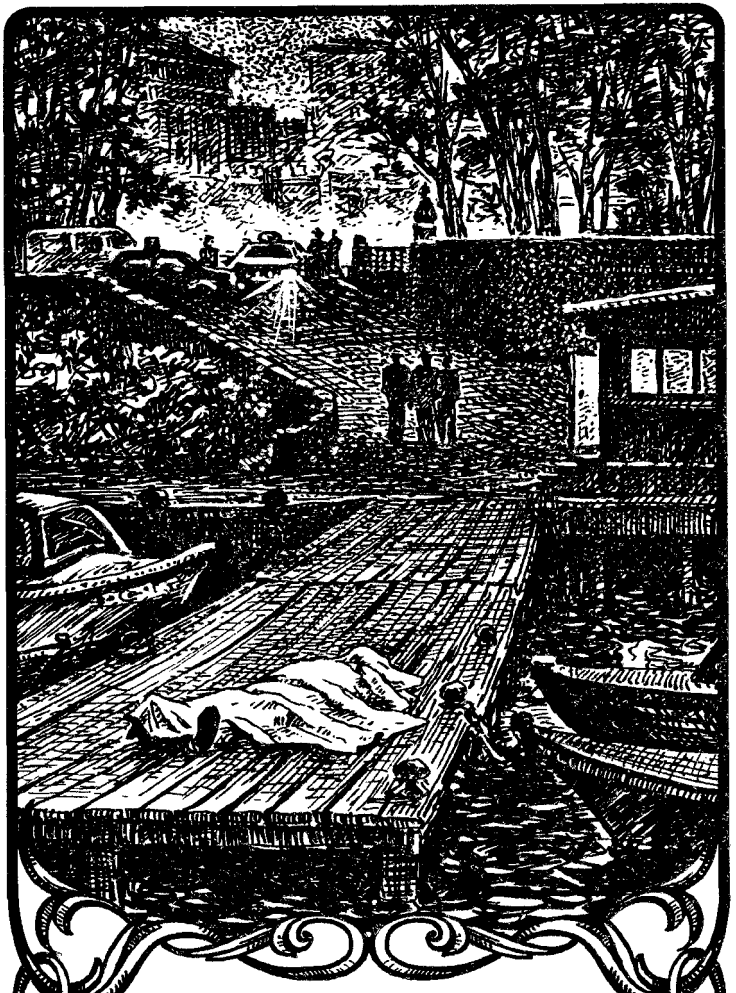
---

* Такой экранизации знаменитого романа Эмили Бронте не существует. Судя по всему, это фантазия автора.

Примечание автора

Я взял на себя смелость изменить местонахождение Джорджтаунского университета, а также перевести в другое место Институт языков и лингвистики. Проспект-стрит в действительности не существует, она выдумана мной так же, как и приемная в доме иезуита.

Отрывок прозы, приписанный Ланкэстеру Мэррину, взят из проповеди Джона Генри Ньюмана «Вторая весна».



ЛЕГИОН

Часть первая

«...Иисус сказал ему:
выйди, дух нечистый, из сего человека.
И спросил его: как тебе имя?
И он сказал в ответ: легион имя мне,
потому что нас много».

Евангелие от Марка, 5:8–9

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 МАРТА

Глава первая

Он размышлял над вечной проблемой смерти, над ее бесчисленными и жестокими проявлениями. Перед его мысленным взором возникали то кровожадные ацтеки, вырывающие из человеческой груди еще бьющееся сердце, то искаженные в муках лица раковых больных, то младенцы, похороненные заживо. Он решил было, что Бог жесток по своей сути и ненавидит человека. Тогда он вспомнил о другом мире, пронизанном гением Бетховена. Красочная и многогранная Вселенная, где по утрам звенит песня неугомонного жаворонка, где торжествует Карамазов и где все и вся согревается добротой. Он вглядывался в поднимающийся над Капитолием диск солнца, прочертивший на поверхности Потомака оранжевые полосы. И тут взгляд его упал на землю. Туда, где у его ног покоилось очередное доказательство бесконечного насилия и жестокости. Какая-то чудовищная размолвка произошла между человеком и его

Творцом. И вот теперь он стоит здесь, на пристани, и созерцает весь этот кошмар.

— Лейтенант, по-моему, они его нашли.

— Не понял. Кого нашли?

— Молоток. Они нашли молоток.

— А, молоток. Хорошо.

Киндерман с трудом возвратился к действительности. Он глянул в сторону и заметил, что эксперты по судебной медицине уже собрались. Они подходили поодиночке: одни тащили кучу каких-то склянок, пинцетов, пипеток, другие же держали в руках фотоаппараты, блокноты и мел. Их приглушенные голоса были еле слышны, как будто эти люди сочли за благо не разговаривать, а перешептываться между собой. Однако в большинстве своем, они вообще предпочитали помалкивать. Даже движения их были какими-то беззвучными. Бесцветные и размытые силуэты — они явились словно из сновидений. Где-то поблизости урчала речная драга.

— Кажется, вот-вот закончим, лейтенант.

— В самом деле? Правда?

Прищурившись, Киндерман поежился от утренней прохлады. Полицейский вертолет только что закончил поиск и теперь медленно удалялся, подмигивая красными и зелеными огоньками над мутной, грязновато-коричневой холодной водой. Следователь задумчиво наблюдал, как он постепенно уменьшается. Вертолет таял в лучах восходящего солнца, словно сгорающая надежда. Киндерман прислушался, слегка склонив набок голову, и, дрожа от холода, поглубже запихнул руки в карманы пальто. Женский крик, такой пронзительный и леденящий кровь, все не стихал. Этот крик разрывал Киндерману сердце, да и изогнувшиеся, растущие по обоим берегам стылой реки деревья тоже, казалось, мучаются, страдая вместе с женщиной.

— О Иисус! — мысленно воскликнул Киндерман. Затем взглянул на Стедмана.

Почти касаясь коленом земли, патологоанатом сидел на корточках возле грязной, запятнанной простыни из грубой ткани, под которой скрывалось нечто бесформенное. Нахмурившись, он уставился на нее и о чем-то сосредоточенно думал. Стедман застыл словно изваяние. Лишь по белому облачку дыхания, которое тут же растворялось в морозном воздухе, можно было определить, что патологоанатом жив. Внезапно Стедман поднялся и бросил на Киндермана странный взгляд.

— Вы узнаете эти порезы на левой руке жертвы?

— Что именно вы имеете в виду?

— Порезы расположены необычно.

— В самом деле?

— Да, мне так кажется. Они напоминают символ одного из зодиакальных знаков. По-моему, это символ Близнецов.

Киндерману вдруг показалось, что сердце у него перестало биться. Он глубоко вдохнул. Потом взглянул на реку. За массивной кормой драги появилась байдарка — это приступала к утренней тренировке команда Джорджтаунского университета. Лодка в полнейшем безмолвии скользила по водной глади. Вот она мелькнула в последний раз и тут же исчезла под мостом. Сверкнула вспышка фотоаппарата. Киндерман опять взглянул себе под ноги, туда, где лежала эта грубая, холщовая ткань.

«Нет, этого не может быть,— рассуждал он про себя.— Этого просто не может быть».

Патологоанатом проследил за взглядом следователя, и его покрасневшая от мороза рука потянулась к воротнику пальто: он вцепился в него, ежась и дрожа от холода. Сейчас Стедману более чем не хватало шарфа. Собираясь сегодня на работу, он в этой чудовищной спешке забыл прихватить его.

— Какой жуткий день для смерти,— тихо произнес Стедман.— Все это так неестественно.

Киндерман дышал с присвистом, белый пар облачком клубился возле его губ.

— Любая смерть неестественна,— пробормотал он.

Кто-то создал этот мир. Что ж, вполне разумно. Почему глазу приятны его формы? Чтобы смотреть и все видеть? А для чего это он должен все видеть? Чтобы выжить? А зачем он должен выживать? Почему? И еще раз — почему? Этот детский вопрос вставал каждый раз там, где возникали туманные и зыбкие очертания новой загадки. А вопросы эти искали ответа, однако разум не находил его — напротив, он путался в тупиках лабиринта. И чем дальше, тем глубже верил Киндерман в то, что материалистическое восприятие Вселенной явилось, пожалуй, самым величайшим заблуждением нынешней эпохи. Киндерман верил в чудеса, но всегда пытался найти им объяснение. Он категорически не соглашался с теми, кто допускал бесконечную последовательность случайных совпадений, а любовь или же проявление человеческой воли мог свести к элементарным механическим и химическим реакциям, протекающим в нейронах мозга.

— Сколько лет прошло со смерти того Близнеца? — поинтересовался Стедман.

— Десять... нет, двенадцать лет,— сообщил Киндерман.— Двенадцать.

— А мы можем с уверенностью констатировать, что он мертв?

— Он мертв.

«В некотором смысле,— подумал Киндерман.— Частично». Ведь человек являет собой не просто нервную систему, хотя бы и столь высокоорганизованную. У человека есть еще и душа. Иначе каким образом могла бы выражаться материя? И как объяснить тот факт, что Карл Юнг наблюдал привидение в своей собственной кровати, и то, что после покаяния в грехе болезнь оставляет тело? Или попробуйте растолковать еще одно явление: атомы человека

постоянно меняются, и тем не менее каждое утро он просыпается, оставаясь при этом самим собой. И если бы не было жизни после смерти, какой смысл имел бы любой труд? Так в чем же тогда вообще идея эволюции?

— Да, он мертв. Материально,— повторил Киндерман.

— Что вы сказали, лейтенант?

— Ничего особенного.

Электроны перемещаются из одной точки в другую, никогда не пересекаясь. У Бога, безусловно, есть свои тайны. Иегова говорил: «Я буду там таковым, каков я есть воистину». Ну вот и хорошо. Аминь. Но для обычного человека все это так запутанно. Просто каша какая-то. Создатель сделал так, чтобы человек смог отличить плохое от хорошего, осознать, что есть насилие, зло и несправедливость. Однако сама система мироздания возмутительно жестока по своей сути: ведь закон жизни — это не что иное, как существование, в основе которого лежит пища. Поэтому вся Вселенная от края и до края наполнена ужасом — начиная от взрывающихся, гибнущих звезд и кончая окровавленными челюстями хищника, пожирающего свою добычу. Разумеется, можно избежать этой печальной участи и не превратиться в чей-то лакомый кусочек, однако остается изрядная доля риска быть заживо погребенным во время землетрясения или горного оползня, а то и просто под обломками собственного дома. Вполне возможно и то, что в одно из ваших любимых блюд собственная ваша матушка не замедлит подсыпать толику крысиного яда или же какой-нибудь Чингисхан подпалит вас на костерке. А может случиться, что с вас заживо сдерут кожу, или обезглавят, или задушат,— и все это в пылу спортивного азарта, просто оттого, что это кому-то по душе. Он — Киндерман — вот уже сорок три года на службе и повидал немало на своем веку. Разве не насмотрелся он на все эти кошмары? А теперь вот еще и это...

На какое-то мгновение Киндерман попытался отвлечься от всего происходящего старым проверенным спосо-

бом: надо только вообразить, что Вселенная и все, что ее населяет,— всего-навсего мысли в мозгу Творца. Есть еще один вариант: внешний мир целиком, во всех своих проявлениях, живет только в его собственном сознании, поэтому на самом-то деле никто не пострадал. Иногда подобная уловка выручала сыщика. Но в этот раз она не подействовала.

Киндерман изучал то, что покоилось сейчас под холстом. Нет, это не совсем то, размышлял он. Это не то зло, которое мы сознательно выбираем или причиняем друг другу. Корень зла заложен в мироздании. Прекрасно и заманчиво пение китов, но в этом же мире существуют и львы, вспарывающие своим жертвам брюхо. А крошечные личинки наездников, питающиеся живой плотью гусениц в зарослях восхитительной сирени или в цветущей луговой траве? Здесь же обитают и пестрые легкомысленные кукушки, которые откладывают яйца в чужие гнезда. И только кукушонок вылупится из яйца, как он первым делом убивает своих невинных собратьев. Однако приемные родители и после этого покорно продолжают выкармливать его. Где же в эти минуты находится то бессмертное око, та вездесущая десница?

Киндерман поморщился, вспомнив вдруг о тех ужасах, что творились в детском отделении психиатрической больницы. В огромной палате, смахивающей скорее на зал, сыщик насчитал пятьдесят коек, каждая из которых была ограждена металлической решеткой. Внутри такой клетки помещался постоянно плачущий или орущий ребенок. Киндерману запомнился один восьмилетний мальчуган, у которого еще в младенчестве прекратился рост костей. Могла ли вся красота и прелесть окружающего мира оправдать боль этого одного-единственного ребенка? Иван Карамазов заслуживает ответа.

— И слоны умирают от сердечной недостаточности, Стедман.

— Не понял вас.

— Там, в джунглях. Они погибают от стресса, когда иссякают запасы пищи и пересыхают водоемы. Слоны помогают друг другу. А стоит одному из них пасть где-нибудь в заброшенном месте, остальные переносят кости погибшего на слоновье кладбище.

Патологоанатом нервно заморгал и, втянув голову в плечи, еще крепче вцепился в воротник своего пальто. До него, конечно, доходили слухи о том, что сознание Киндермана взрывалось порой фонтанами болезненного воображения и в последнее время вспышки этой неуместной фантазии участились. Но вот так, в действительности, Стедман сталкивался с подобным явлением впервые. В полицейском округе уже начали поговаривать о том, что, каким бы опытным и замечательным сыщиком ни был Киндерман, он становится старым и дряхлым. Стедман разглядывал следователя с профессиональным любопытством. Его манера одеваться ничуть не изменилась: серое твидовое пальто, видавшее виды и обтрепанное, было Киндерману явно велико, помятые, мешковатые брюки с давно вышедшими из моды манжетами, потерявшая форму фетровая шляпа, за лентой которой торчало ободранное перо, выдернутое из хвоста какой-то грязнющей птицы.

«Да, этот, похоже, одевается исключительно в лавочке у старьевщика»,— со всей очевидностью решил Стедман, и его профессиональный взгляд подметил на пальто сразу несколько яичных пятен. Но патологоанатом прекрасно знал, что Киндерман и раньше одевался точно так же. Стиль его не изменился ни на йоту. И в этом не было ничего необычного. Да и внешность оставалась прежней: ногти на пухлых коротеньких пальчиках аккуратно и регулярно подстригались, толстые щеки лоснились от тщательного ухода, а печальные карие глаза с поволокой были, казалось, обращены в прошлое, к тем годам, которые уже никогда не вернуть. И его облик, и манеры вызывали в памяти образ некоего священнослужителя, решившего на старости лет разводить цветы.

— В Принстоне,— продолжал Киндерман,— проводят множество опытов с шимпанзе. Обезьянка нажимает на рычаг и с помощью специального приспособления получает за это вкусный банан. Вроде все здорово, да? Но вот гуманные экспериментаторы решают слегка усложнить свои опыты. Они ставят рядом небольшую клетку со вторым шимпанзе. Появляется первая обезьянка и не находит своего любимого лакомства. Тогда она нажимает на рычаг и, как всегда, получает банан. И в тот же момент слышит, как ее соплеменник визжит от боли,— оказывается, в это мгновение тот получил электрошок. Так вот: с этой минуты, как бы ни был голоден первый шимпанзе, он никогда не нажмет на рычаг, если в это время рядом окажется другая обезьянка. Опыт проводили с пятьюдесятью, сотней обезьян, и каждый раз результат оставался прежним. Ну ладно, предположим, что и среди обезьян попадаются свои «обезьяньи» садисты, которые будут продолжать нажимать на рычаг; но все равно в девяноста процентов случаев они этого не сделают.

— Я про это не слыхал.

Киндерман не мигая уставился на холст.

Во Франции во время раскопок обнаружили два скелета неандертальцев с сильными костными повреждениями — и тем не менее они жили еще пару лет, хотя сами уже не могли обеспечить себя едой. Безусловно, о них заботилось все племя. А вот возьмите, к примеру, хотя бы детей, рассуждал про себя Киндерман, ведь ничего более проницательного, чем детское чувство справедливости, нет. Они лучше кого бы то ни было ощущают добро и понимают, как надо все в этом подлунном мире устроить. Откуда у них такое восприятие? Когда Джулии было всего три годика, стоило ей подарить игрушку или угостить печеньем, она тут же сгребала все это и тащила другим детишкам. Это уже потом она кое-чему научилась — и все гостинцы оставляла себе. И вовсе не потому, что повзрослела и стала

сильной. Просто она поняла, что все дерутся за место под солнцем, мир же до краев полон несправедливости. А вот конфеты, напротив, имеют обыкновение очень быстро кончаться. Когда дети вступают в жизнь, весь их скарб составляет невинность. И доброта живет в их сердцах. Никто не обучал их этой доброте и не рассказывал, с чем ее едят. Да ведь ни один шимпанзе не будет льстить и подкупать ученого, чтобы тот отдал ему свою последнюю рубаху. Это просто смешно. Но вот здесь-то и скрывается парадокс. Ибо физическое зло и моральное добро переплетались между собой, словно нити ДНК, и смахивали на таинственный космический код. Но возможно ли это? Существует ли во Вселенной искуситель? Сатана? Нет. Это глупо. Господь Бог нанес бы сатане такой сокрушительный удар, что ему пришлось бы целую вечность объяснять каждому встречному-поперечному, будто он, столкнувшись с Арнольдом Шварценеггером, решил пожать тому руку. Существование сатаны оставляло в неприкосновенности парадокс, а заодно и кровоточащую, незаживающую рану в сознании Киндермана.

Он переступил с ноги на ногу. Любовь Господа полыхала мрачным и горячим пламенем, но она не давала света. А может быть, тьма как раз и составляет часть его сущности? Допустим, он чувствителен и гениален. Но ведь его могли сломить? А что, если великий Господь на самом деле мало чем отличается от знаменитых чикагских гангстеров? Или он просто глуп и недалек? Возможно и то, что сила его поистине изумительна и в то же время ограничена. Киндерман вдруг представил себе, как Бог стоит в зале суда и умоляющим голосом просит о снисхождении: «Виновен, ваша честь, но все это можно объяснить». Пожалуй, подобная теория уже близка к истине. Она являлась в меру рациональной, простой и не противоречила фактам. Однако Киндерман сразу выбросил ее из головы, подчинив логику интуиции, как это часто случалось с ним в ходе

уголовных расследований. «Я подозреваю», «я считаю», «я полагаю» — именно эти слова он повторял чаще других. С этих же позиций Киндерман рассматривал проблему зла и добра. Что-то изнутри нашептывало ему, что едва наметившаяся, зыбкая и туманная истина связана-таки непостижимым образом с первородным грехом, да и то косвенно и неопределенно.

Следователь поднял голову. Драга перестала тарахтеть — мотор замолчал. Стихли и душераздирающие вопли несчастной женщины. В наступившей тишине отчетливо слышалось, как нежно ластятся речные волны к пристани. Киндерман обернулся и встретился глазами с внимательным взглядом Стедмана.

— Во-первых, мы не можем встречаться вот так. Во-вторых, вы никогда не пробовали приложить свой палец к раскаленной сковородке и не отдергивать его?

— Нет, не пробовал.

— А я пробовал. Это практически невозможно. Уж очень больно. Вы вот, к примеру, просматриваете газету и наталкиваетесь на сообщение о том, что кто-то сгорел во время пожара в гостинице. «Тридцать два человека погибли в огне отеля "Мэйфлауэр"»,— пишут журналисты. Однако на самом деле вы ни в коей мере не можете представить себе, что это такое. Ни вообразить этот кошмар, ни оценить его в полной мере вы не в состоянии. Остается раскаленная сковородка. Приложите же к ней свой палец — вот тогда вы поймете.

Стедман молча кивнул.

Киндерман, слегка прикрыв глаза, мрачно разглядывал патологоанатома.

«Вы только полюбуйтесь на него! — заметил про себя сыщик.— И этот считает меня чокнутым. Он, видимо, решил, что я сейчас несу невероятную чушь».

— Вы хотите еще что-то сказать, лейтенант?

«О да, разумеется. Про Седраха, Мисаха и Авденаго. "Навуходоносор... повелел разжечь печь в семь раз силь-

нее, нежели как обыкновенно разжигали ее, и самым сильным мужам из войска своего приказал связать Седраха, Мисаха и Авденаго и бросить их в печь, раскаленную огнем*"».

— Нет, больше ничего.

— Можно забрать тело?

— Пока еще нет.

«У боли свои правила,— размышлял Киндерман,— мозг способен отвлечься от нее в любой момент. Но каким образом? Царь небесный нам этого не объяснил. "И покатятся головы",— мрачно подытожил он».

— Стедман, идите. Отдохните, выпейте кофейку.

Киндерман проводил патологоанатома взглядом, пока тот не добрался до сторожки на пристани, где к нему присоединились другие судебные эксперты. Все они вели себя как обычно. Кто-то даже пытался шутить и негромко смеялся. Киндерман никак не мог взять в толк, что же это такое могло их сейчас вот так развеселить. Но тут он вспомнил трагедию «Макбет» и в который раз подумал о том, что мораль нынче и гроша ломаного не стоит.

Один из судебных экспертов протянул Стедману толстый регистрационный журнал. Патологоанатом одобрительно кивнул.

Вся остальная компания побрела прочь с пристани. Они шагали, ступая по похрустывающей гальке, вдоль берега и, миновав машину скорой помощи с бригадой врачей, уже весело обсуждали свои бытовые проблемы. Двигаясь по пустынной джорджтаунской улице, вымощенной булыжником, они, вероятно, плакались друг дружке в жилетку, жалуясь на своих сварливых жен. Они торопились позавтракать — возможно, дома, а скорее всего, в уютной «Белой башне» на М-стрит. Киндерман взглянул на часы и кивнул. Разумеется. Именно в «Белой башне». Она рабо-

---

* Книга пророка Даниила, 3:19–20.

тает круглосуточно. «Луис, пожалуйста, глазунью из трех яиц. Побольше бекона, ладно? И горячую булочку». До чего здорово устроиться сейчас где-нибудь в уютном и теплом местечке!

Вот они свернули за дом и исчезли из виду. Сразу же из-за угла донесся взрыв смеха.

Киндерман снова посмотрел на патологоанатома.

К Стедману тем временем подошел сержант Аткинс, помощник Киндермана. Молоденький и тщедушный сержант носил поверх коричневого фланелевого пиджака морской военный бушлат, а на голове — черную морскую фуражку. При этом он натягивал ее на уши, пытаясь скрыть свою стрижку под «ежика». Стедман вручил сержанту регистрационный журнал. Аткинс кивнул и, отойдя немного в сторону, расположился на скамейке перед входом в сторожку. Он не спеша раскрыл журнал и принялся внимательно изучать записи. Тут же, на скамейке, сидели плачущая женщина и медсестра. Последняя ласково поглаживала женщину, пытаясь хоть как-то ее успокоить.

Стедман стоял теперь в одиночестве и, застыв на месте, не сводил глаз с женщины. Киндерман с интересом вглядывался в его лицо. «Итак, какие-никакие чувства ты таки испытываешь, Алан,— про себя рассуждал он.— После стольких лет работы, после всех этих трагедий и насилия в тебе все-таки осталась некая субстанция, которая продолжает чувствовать. Это хорошо. Ведь и я точно такой же. Мы с тобой являемся частью великой тайны. Если бы смерть была так же естественна, как, например, дождь, то с какой стати мы бы с тобой сейчас испытывали все это, Алан? Конкретно, ты и я. Почему?»

Внезапно Киндерману до боли захотелось оказаться дома, в своей постели. Усталость опутывала ноги, а затем по костям тяжело утекала в недра земли.

— Лейтенант?

Киндерман медленно обернулся.

— Да?

Сзади стоял Аткинс.

— Это я, сэр.

— Да, вижу, что это ты. Я это вижу.

Притворившись, что разглядывает его с откровенным презрением, Киндерман метал один за другим недовольные взгляды то на бушлат, то на фуражку Аткинса. И наконец заглянул ему в глаза. Глаза у сержанта были маленькие и зеленоватые. Они всегда были обращены немного внутрь, в себя, и от этого создавалось впечатление, будто Аткинс все время находится в состоянии медитации. Киндерману же он напоминал этакого средневекового святошу, какими их обычно представляют в кино: не улыбающегося аж до гробовой доски, на редкость честного и искреннего, но непроходимо глупого. Однако последнее никак не относилось к Аткинсу, и лейтенант об этом прекрасно знал. Сержанту стукнуло тридцать два года, он морским пехотинцем участвовал во вьетнамской войне. Призвали его туда прямо из Католического университета. За внешней невозмутимостью скрывалась натура яркая и прекрасная, достойная внимания и уважения, проникнутая истинной человечностью. Да и прятал-то Аткинс ее вовсе не из-за хитрости, а потому, как считал Киндерман, что душа у сержанта была весьма нежная. Внешне тщедушный, в минуты испытаний он проявлял недюжинные силу и храбрость. Однажды Аткинс умудрился даже повязать сумасшедшего наркомана, настоящего верзилу, когда тот, набросившись на Киндермана, приставил к его горлу нож. А когда дочь Киндермана попала в автомобильную катастрофу, чуть было не закончившуюся для нее трагически, все тот же Аткинс двенадцать дней и ночей проторчал в больнице возле нее. На работе он тогда взял внеочередной отпуск. Киндерман обожал своего помощника. Аткинс же, как верный пес, платил преданностью.

— Я тоже здесь, Мартин Лютер, и я слушаю. Киндерман, иудейский мудрец, весь во внимании. Я слушаю тебя,

Аткинс, ходячее ископаемое. Рассказывай. Докладывай. Какие у нас там добрые вести из Гента? Обнаружили какие-нибудь отпечатки пальцев?

— И очень много. На всех веслах. Но они какие-то смазанные, лейтенант.

— Какая жалость.

— Несколько окурков,— протянул Аткинс с неуловимой надеждой в голосе. А это уже кое-что да значило. По ним можно было определить состав крови.— Да, еще пара волосков на трупе.

— Вот это уже теплее. Гораздо теплее.

Подобная находка действительно могла облегчить поиски.

— И вот еще,— добавил Аткинс, протягивая Киндерману целлофановый пакетик.

Следователь осторожно взял его в руки и, поднеся поближе к глазам, нахмурился. Внутри пакета находилась розоватая пластмассовая безделушка.

— Что это?

— Заколка для волос. Женщины такие носят.

Киндерман прищурился, пристально разглядывая заколку.

— На ней что-то написано.

— Да, «Большие Виргинские водопады».

Опустив пакет, Киндерман взглянул на Аткинса.

— Такие штуковины продаются в сувенирных ларьках рядом с водопадом,— сообщил он.— У моей Джулии была такая же. Но это было давно, Аткинс. Я сам ее покупал дочке. Вернее, даже не одну, а пару. У нее их было две.— Следователь вручил пакет Аткинсу и глубоко вздохнул.— Это детская заколка.

Аткинс пожал плечами. Бросив взгляд на сторожку, он сунул пакетик в карман.

— Эта женщина все еще там, лейтенант.

— Сделай одолжение, скинь, пожалуйста, эту козырную фуражку. Мы же не собираемся снимать фильм о мор-

ском флоте, Аткинс. Война давно закончилась, хватит бомбить Хайфон.

Аткинс послушно стянул с головы фуражку и, засунув ее в другой карман бушлата, поежился от холода.

— А теперь надень ее,— тихо приказал Киндерман.

— Да нет, все нормально.

— Ошибаешься. Твой «ежик» еще козырнее. Надевай.

Аткинс колебался, а Киндерман продолжал настаивать:

— Давай-давай, надевай. Холодно ведь.

Аткинс снова натянул фуражку.

— Женщина еще там,— повторил он.

— Кто — там?

— Ну, та самая старушка.

Труп обнаружил на пристани воскресным утром 13 марта Джозеф Манникс, владелец лодочной станции. Он спозаранку приехал в тот день на работу: надо было приготовить закуски, снасти и различное снаряжение, а также и сами лодки для туристов — обычные двухвесельные, каяки и каноэ.

Заявление Манникса отличалось краткостью. Вот оно:

«Меня зовут Джо Манникс. И что дальше?

(В этом месте его перебил полицейский.)

Да. Да, я вас понял, я все понимаю. Меня зовут Джозеф Фрэнсис Манникс, я проживаю по адресу: тридцать шесть восемнадцать, Проспект-стрит, Джорджтаун, Вашингтон, округ Колумбия. Я владею лодочной станцией на Потомаке и сам управляюсь со всем хозяйством. Я приехал сюда утром, около половины шестого. Обычно я так и приезжаю на станцию — надо приготовить закуску и сварить кофе. Посетители являются не раньше шести, иногда им приходится даже чуточку подождать меня. Сегодня, правда, никого не было в это время. Я поднял газету, которую мне обычно оставляют на пороге, и — о Боже мой! Боже!

(Небольшое замешательство, свидетель пытается успокоиться.)

Я открыл дверь, вошел внутрь и поставил кофе. Потом отправился на пристань, чтобы пересчитать лодки. Иногда их отвязывают. А бывает, пускают в ход и кусачки — тогда хана цепям. Поэтому я их всегда пересчитываю. Сегодня все лодки оказались целехоньки. Тогда я поворачиваюсь, чтобы вернуться в домик, и вдруг вижу тележку этого мальчугана и пачку газет, а потом вижу... вижу...

(Свидетель жестом указывает на тело жертвы; он не в состоянии продолжать рассказ. Полицейский вынужден отложить дальнейший допрос.)».

Жертвой оказался Томас Джошуа Кинтри, двенадцатилетний темнокожий, сын Лойс Аннабель Кинтри, тридцативосьмилетней вдовы, преподавательницы иностранных языков в Джорджтаунском университете. Томас Кинтри развозил номера газет «Вашингтон пост». Предполагалось, что газету он должен был доставить на пристань примерно в пять часов утра. Манникс позвонил в полицейский участок в 5 часов 38 минут. Труп был опознан сразу же, поскольку на зеленой клетчатой ветровке, принадлежавшей жертве, обнаружили нашивку с его именем, адресом и телефоном: Томас Кинтри был немым от рождения. А на этом участке он работал всего тринадцать дней, поэтому-то Манникс его и не узнал. Зато Киндерман с ходу опознал жертву. Этого мальчугана он встречал в полиции.

— Старушка...— печальным эхом отозвался Киндерман. Затем его брови изумленно поползли вверх, и он снова уставился на реку.

— Она в сторожке на пристани, лейтенант.

Киндерман обернулся и в упор глянул на Аткинса.

— Ей там тепло? — забеспокоился он.— Вы уж пошустрите там, чтобы она не замерзла.

— Мы ее закутали в одеяло и, кроме того, раскочегарили камин.

— Ее надо покормить. Дайте ей супчику, горячего супчику.

— Она уже попила бульон.

— Бульон тоже хорошо, лишь бы он был горячим.

Ее заметили ярдах в пятидесяти от сторожки. Она стояла на берегу пересохшего канала «Си-энд-Оу». Канал этот нынче не судоходен, а случались времена, когда по нему плавали баржи, запряженные лошадьми, и перевозили пассажиров на расстояние в пятьдесят миль. Сейчас же его использовали для своих ежедневных моционов местные жители — любители утренних пробежек трусцой. Старушке на вид было лет семьдесят, а то и больше. Ее подобрала поисковая бригада. Старая женщина дрожала как осиновый лист; нелепо подбоченившись, она испуганно озиралась по сторонам, чуть не плача, словно потерялась и не знала, куда теперь идти. Она не отвечала на вопросы. Очевидно, старушка была либо чем-то потрясена, либо находилась просто в старческом маразме. Никто так и не смог выдвинуть мало-мальски толковое предположение, что могла здесь делать старая женщина в столь ранний час. Ни одного жилого дома поблизости. Старушка была одета в хлопчатобумажную пижаму в мелкий цветочек, голубой шерстяной халат с поясом и бледно-розовые домашние тапочки. А на улице стоял холод.

Подошел Стедман.

— Вы уже закончили с телом, лейтенант?

Киндерман взглянул вниз, на запятнанную кровью простыню.

— По Томасу Кинтри уже все выяснили? — осведомился он.

До него опять донеслись всхлипывания. Киндерман покачал головой.

— Аткинс, отведи миссис Кинтри домой,— попросил он и глубоко вздохнул.— И прихвати медсестру. Пусть она подежурит у нее весь день сегодня. Я сам оплачу ей сверхурочные, не беспокойся. Отвези ее домой.

Аткинс хотел было что-то сказать, но Киндерман продолжал:

— Ах да, я помню. Старушка. Я сейчас как раз иду к ней.

Аткинсу ничего не оставалось, кроме как выполнить просьбу Киндермана. А тот, тяжело опустившись на одно колено, чуть не застонал от напряжения.

— Прости меня, Томас Кинтри,— еле слышно пробормотал следователь, а затем, бережно приподняв краешек простыни, вновь осмотрел руки, ноги и грудь мальчонки.

«Какой же тоненький и хрупкий, точь-в-точь крошечный воробушек»,— подумал Киндерман.

Томас был сиротой и переболел пеллагрой*. Лойс Кинтри усыновила мальчика, когда тому исполнилось три годика. У Томаса началась новая жизнь. А теперь она оборвалась. Мальчика распяли, прибив запястья и щиколотки к двум веслам, сколоченным в виде креста. И такими же трехдюймовыми болванками раскроили ему голову: сначала размозжили череп, а потом вбили их в мозг. Кровь извилистыми струйками стекала около глаз, все еще раскрытых и отражавших последний в жизни мальчика ужас. Открытый рот его застыл в беззвучном вопле, в диком немом крике от невыносимой боли и кошмара.

Киндерман внимательно осмотрел порезы на левой ладони Кинтри. Да, действительно, они смахивали на символ Близнецов. Затем следователь взглянул на другую руку мальчика и обнаружил, что на ней не хватает указательного пальца. Его отрезали. Киндерман почувствовал вдруг, как по спине пробежали мурашки.

Он осторожно опустил простыню и с трудом поднялся. Киндерман не мог отвести взгляд от этого тела и вдруг

---

* Пеллагра — заболевание, обусловленное недостатком в организме никотиновой кислоты и витаминов группы В. Проявляется поражением кожи, слизистой, нервно-психическими расстройствами.— *Здесь и далее примечания переводчика.*

ощутил в душе непреклонную решимость. «Я найду твоего убийцу, Томас Кинтри»,— мысленно пообещал он.

Даже если это преступление совершил сам Господь Бог.

— Ну хорошо, Стедман, действуй,— сказал он вслух.— Бери тело и исчезни наконец с глаз моих долой. От тебя за версту несет формалином и смертью.

Стедман направился к «скорой помощи».

— Хотя нет, подожди еще чуток,— вслед ему прокричал Киндерман.

Стедман обернулся.

Следователь подошел к нему вплотную и тихо пояснил:

— Погоди, пусть сначала уйдет его мать.

Стедман кивнул.

К пристани пришвартовывалась драга. Тотчас с нее спрыгнул полицейский сержант в черной кожаной куртке на меху и подошел к Киндерману. В руках он нес какой-то предмет, завернутый в тряпку. Сержант собрался было заговорить, но Киндерман жестом остановил его.

Сержант непонимающе уставился на следователя, а затем проследил за его взглядом. Киндерман смотрел туда, где Аткинс беседовал с медсестрой и миссис Кинтри. Вот миссис Кинтри кивнула, и обе женщины встали. Киндерман отвел глаза, когда заметил, как мать на мгновение задержала взгляд на прикрытом холстом теле своего сына. Подождав немного, следователь спросил:

— Ну как, они уже ушли?

— Да, садятся в машину,— сообщил Стедман.

— Хорошо.— Киндерман повернулся к полицейскому.— Ну, сержант, валяйте, показывайте.

Сержант молча развернул коричневую ткань и показал то, что в ней находилось: деревянный молоток для отбивания мяса. Сержант держал его очень осторожно, чтобы случайно не коснуться пальцами.

Киндерман взглянул на молоток и объявил:

— У моей жены почти такой же. Для шницелей. Только чуть поменьше.

— Таким пользуются в ресторанах,— заметил Стедман.— Или в столовых на предприятиях. Я сам видел такие на кухне в армии.

Киндерман поднял глаза.

— И такой штуковиной можно все это проделать?

Стедман кивнул.

— Пусть его возьмет Делира,— проинструктировал сержанта Киндерман.— А я пойду взгляну на старушку.

В сторожке на лодочной станции было тепло. Поленья вспыхивали и потрескивали в огромном камине, выложенном из крупных и округлых серых булыжников, а вдоль стен в специальных отсеках стояли легкие байдарки.

— Пожалуйста, мэм, назовите свое имя.

Старушка сидела у камина на ободранном диване, обитом желтой искусственной кожей. Рядом с ней расположилась сотрудница полиции. Киндерман стоял перед ними, он сопел и комкал поля своей шляпы. Казалось, старая женщина не замечает следователя, ее сосредоточенный взгляд был устремлен Бог знает куда. Киндерман изумленно прищурился. Присев на стул рядом со старушкой, он бережно пристроил шляпу на стопку видавших виды журналов — разорванных, без обложек, забытых здесь, вероятно, во времена оны и сваленных на маленький деревянный столик. Шляпа накрыла древнюю рекламу виски.

— Вы не могли бы назвать свое имя, милая?

Ответа не последовало. Киндерман вопросительно взглянул на сотрудницу полиции. Та кивнула и объяснила:

— Она повторяет это бесконечно, кроме тех моментов, когда мы ее кормили. И даже тогда, когда я причесывала ее,— добавила она.

Киндерман снова взглянул на старушку. Она делала какие-то странные ритмичные движения руками. И вдруг следователь увидел нечто такое, чего раньше почему-то не заметил. На столике рядом с его шляпой лежала маленькая розовая вещица. Киндерман поднял ее и прочитал надпись:

«Большие Виргинские водопады». Буква «н» оказалась стертой.

— Никак не могу найти вторую,— пояснила сотрудница полиции,— поэтому я не стала закалывать эту и отложила ее.

— А она носит эти заколки?

— Да.

Следователь внутренне напрягся: с одной стороны, это было открытием, а с другой... Заколки приводили его в замешательство. Старушка, несомненно, являлась свидетельницей преступления. Но что она потеряла на пристани в такой час? Да еще на таком холоде? И совсем непонятно, с какой стати занесло ее на пересохший канал? Поначалу Киндерман решил было, что она просто слабоумная и, скорее всего, выгуливала собаку. «Собаку? Да, наверное, пес куда-то удрал, а она, пытаясь его найти, заблудилась. Это, по крайней мере, объясняло, почему она так плачет». Поразмыслив над этим, Киндерман пришел к страшному выводу, что несчастная женщина своими глазами наблюдала разыгравшуюся здесь трагедию и от этого потеряла рассудок — во всяком случае, на некоторое время. Поэтому сейчас она не в состоянии отвечать ни на какие вопросы. Киндерман ощущал странную смесь жалости, возбуждения и раздражения. Надо было во что бы то ни стало разговорить ее.

— Мэм, не могли бы вы назвать свое имя?

И снова молчание. В наступившей тишине следователь наблюдал, как она опять и опять повторяет одни и те же пассы руками. Высоко в небе солнце выскользнуло наконец из облаков, и его приглушенные зимние лучи как нежданная милость коснулись ближайшего окна. Осветилось и лицо старушки. Казалось, что глаза ее наполнены этим божественным сиянием. Киндерман слегка подался вперед: ему вдруг почудилось, что в движениях пожилой женщины, казалось бы бессмысленных, прослеживается определенная ритмичность и очередность. Ноги старушки были

плотно сдвинуты, она последовательно то одной, то другой рукой совершала движения по направлению к бедрам, затем рука взмывала высоко вверх над головой, и после нескольких коротких и резких толчков все повторялось снова.

Киндерман некоторое время наблюдал за старушкой, потом поднялся со стула.

— Пусть она побудет в приемной, Джордан, пока мы не установим личность.

Сотрудница полиции кивнула.

— Вы причесали ее,— тепло проговорил Киндерман.— Это очень мило. Останьтесь пока с ней.

— Слушаюсь, сэр.

Киндерман повернулся и вышел из сторожки. Проинструктировав своих людей, он поехал домой. Жил Киндерман недалеко от Фоксхолл-роуд, в небольшом и уютном коттеджике в стиле эпохи Тюдоров. Он переселился сюда из городской квартиры всего шесть лет назад по настоянию жены и называл теперь свое жилище, расположенное на окраине, не иначе как «деревней».

Киндерман вошел в дом и позвал:

— Пончик, я уже дома. Это я, твой герой, инспектор Клузо*.

Он повесил шляпу и пальто в крошечной прихожей на вешалку, вырезанную в виде дерева, затем отстегнул кобуру с пистолетом и запер ее в ящике небольшого деревянного комода, стоящего рядом с вешалкой.

— Мэри?

Ответа не последовало. Почувствовав аромат только что сваренного кофе, Киндерман, тяжело ступая, направился в кухню. Джулия, его двадцатидвухлетняя дочь, по всей вероятности, еще спала. Но где же Мэри? А Ширли, его теща?

---

* Инспектор Клузо — комедийный герой из сериала художественных фильмов-пародий на детективы «Розовая пантера», популярные в 60-х годах.

Все на кухне было выдержано в этаком колониальном стиле. Хмуро оглядев медные кастрюльки и многочисленную утварь, развешенную над старинной газовой плитой, Киндерман попытался представить, что всем этим хламом набита не его кухня, а какая-нибудь ночлежка в Варшаве, в самом нищем районе. Он медленно подошел к столу.

— Стол из клена,— вслух пробормотал он. Находясь в одиночестве, он частенько разговаривал сам с собой.— Ну какой еврей отличит его от дуба или ясеня? Конечно никакой, это просто невозможно.

И тут Киндерман заметил на столе записку. Он поднял ее и прочитал:

«Дорогой мой Билли,

не обижайся, но когда нас сегодня разбудил телефонный звонок, матушка настояла на том, чтобы мы отправились в Ричмонд. Наверное, это тебе в отместку. Поэтому я решила: чем скорее мы уедем, тем быстрее управимся и вернемся. Она говорила, что все евреи на юге должны держаться друг друга. Кстати, кто у нас в Ричмонде?

Как твои дела на работе? Интересно? С нетерпением жду твоих рассказов. Я приготовила на завтрак твое любимое блюдо — загляни в холодильник. Вернешься ли ты к вечеру домой или, как всегда, отправишься кататься на коньках по Потомаку вместе с Омаром Шарифом и Катрин Денёв?

Целую тебя,

Мэри».

Ласковая улыбка осветила и согрела его лицо. Положив на стол записку, Киндерман открыл холодильник и обнаружил там на блюде сливочный сырок, помидоры, копченую лососину, маленький маринованный огурчик и миндальный соус. Он зажарил пару тостов и, налив кофе, уселся завтракать. Слева на стуле следователь заметил воскресный номер «Вашингтон пост». Еще раз взглянув на еду, Кин-

дерман вдруг обнаружил, что, хотя его желудок и пуст, он не сможет проглотить ни кусочка. Аппетит безнадежно пропал.

Он сидел и потягивал кофе. А потом поднял глаза. На улице заливалась какая-то птичка. «В такую погоду? Ее необходимо поместить в психиатрическую больницу. Она больна, ей надо помочь».

— Да и мне тоже,— заявил он вслух.

Птица замолчала, и единственным звуком, нарушавшим тишину, было тиканье больших настенных ходиков. Киндерман сверил свои часы — было восемь сорок две. Сейчас все христиане разбредутся по церквам.

«Не забудьте помолиться за Томаса Кинтри, пожалуйста».

— И за Уильяма Ф. Киндермана,— громко добавил он.

«Да. И еще за одного человека».

Следователь отхлебнул немного кофе. «Какое странное совпадение,— раздумывал он.— Почему Кинтри погиб именно в тот день, когда исполнился двенадцатый год с момента другой смерти, не менее загадочной и страшной?»

Киндерман снова взглянул на часы. Может быть, они остановились? Да нет. Часы продолжали тикать. Киндерман чуть пододвинул стул и внезапно почувствовал в комнате какие-то странные и необычные изменения. Но какие именно? «Ничего, просто ты переутомился». Он взял из вазочки конфету и, развернув, съел ее. «Конечно, не так вкусно, лучше бы все-таки съесть маринованный огурчик»,— с досадой решил он.

Киндерман вздохнул и, покачав головой, поднялся со стула. Он отодвинул блюдо с нетронутым завтраком, сполоснул под краном чашку и, покинув кухню, зашагал по лестнице на второй этаж. Он собрался чуточку вздремнуть, высвободив на это время подсознание. Может быть, тогда всплывет нечто такое, что он недоглядел или вообще не за-

метил. Внезапно Киндерман застыл на верхней ступеньке и пробормотал:

— Близнецы.

Неужели тот самый Близнец? Невозможно. Это чудовище уже мертво. Не может быть. Но почему же тогда по его телу поползли мурашки, почему волосы на руках встали дыбом? Киндерман вытянул руки и повернул их ладонями вниз. «Да, действительно, волосики стоят дыбом. Но отчего же?»

Киндерман услышал, как поднялась Джулия. Тяжело топая, она побрела в ванную. А он не двигался с места, озадаченный и вконец запутавшийся. Надо было что-то делать. Но что? Привычные методы расследования, да и все логические рассуждения здесь явно не годились. Надо искать маньяка, а лабораторное заключение подоспеет не раньше вечера. Он вполне отдавал себе отчет в том, что Манникс уже выложил все то немногое, о чем знал, а мать Кингри, конечно, никто не собирался сейчас тревожить. Но в любом случае одно было уже совершенно очевидно: мальчик не имел ни подозрительных дружков, ни вредных привычек. В этом Киндерман был абсолютно уверен, ибо сам неоднократно встречался с ним. Следователь покачал головой. Надо выйти на улицу, как-то подвигаться, расшевелиться, что ли. Он услышал, как Джулия в ванной включила душ. Киндерман спустился по лестнице, достал пистолет, надел пальто и, нахлобучив шляпу, вышел из дома.

Некоторое время он постоял на пороге, терзаемый сомнениями и самыми невероятными предположениями. Порыв ветра швырнул под ноги Киндерману пластиковый стаканчик, покатил его дальше по мостовой. Следователь прислушался к его мерному постукиванию. И вот опять все стихло. Киндерман стремительно направился к своей машине и завел мотор.

Он не знал, куда направляется. Неожиданно для самого себя Киндерман вдруг обнаружил, что припарковался в запрещенном для стоянки месте: на 33-й улице, рядом с

рекой. Он выбрался из автомобиля. На порогах особнячков лежали свежие номера «Вашингтон пост». Следователя вновь одолели мучительные воспоминания. Он резко отвернулся, запер машину и побрел вперед.

Киндерман прошелся вдоль небольшого парка до моста, перекинутого через канал. Потом по бечевнику* добрался до лодочной станции. Здесь уже собралась толпа зевак, наперебой обсуждавших события этого страшного утра, хотя никто из них толком не знал, какая именно трагедия разыгралась. Киндерман подошел к двери сторожки. Она оказалась запертой. Тут же висела красно-белая табличка с короткой надписью «Закрыто». Взглянув на скамейку, следователь тяжело опустился на нее, вздохнул и привалился спиной к стене сторожки.

Киндерман внимательно рассматривал людей, собравшихся на пристани. По опыту он знал, что убийца-маньяк частенько наслаждается вниманием, которое уделяет его особе обычная толпа. Вероятно, это льстит самолюбию: собрать кучу зевак, судачащих исключительно о твоих жутких подвигах! Возможно, и сам преступник находился сейчас среди этой толпы и как ни в чем не бывало вопрошал случайных прохожих: «А что произошло? Вы не в курсе? Кого-то убили?»

Киндерман пытался обнаружить в толпе что-нибудь подозрительное: например, джентльмена, который либо слишком натянуто улыбался, либо наблюдал за происходящим мутным, остановившимся взглядом, как у наркомана. Нервный тик тоже привлек бы внимание следователя. Но особенно насторожил бы Киндермана человек, который, уже зная, что произошло, тем не менее продолжал бы задавать каждому встречному-поперечному все те же вопросы.

Следователь сунул руку во внутренний карман пальто: там он всегда про запас держал пару книжонок. В этот раз он извлек из кармана «Клавдия Божественного» и недо-

---

* Бечевник — дорога, предназначенная для тяги судов на бечеве.

вольно окинул взглядом обложку. Ему надо было прикинуться самым что ни на есть обычным пенсионером, который вышел к реке подышать свежим воздухом и почитать. Но роман Роберта Грейвса таил в себе некоторую опасность. Киндерман вполне может увлечься, и тогда убийца ускользнет от его пытливого взгляда. И хотя следователь уже пару раз перечитывал роман, все равно он был уверен, что интересный сюжет вновь завладеет его вниманием. Киндерман запихнул книгу назад и вытащил другую. Взглянул на название. Это оказалась пьеса «В ожидании Годо». Следователь облегченно вздохнул и раскрыл ее сразу на втором акте.

Он просидел так очень долго, но ничего подозрительного не обнаружил. К одиннадцати часам толпа начала рассеиваться, да и новых лиц следователь больше не заметил. Однако он не терял надежды и выждал еще какое-то время. Взглянув на часы, Киндерман стал рассматривать лодки, прикованные к причалу цепями. Что-то раздражало его. Но что именно? Он попытался отыскать причину этого раздражения, но так и не смог. Сунув книгу в карман, он поднялся и зашагал прочь.

Подойдя к своей машине, Киндерман обнаружил на лобовом стекле штрафную квитанцию. Не веря глазам, следователь извлек ее из-под дворника и прочитал. Хотя на автомобиле не было опознавательных полицейских знаков, тем не менее по номерам можно было сразу определить, что машина принадлежала полиции округа. Киндерман смял квитанцию и запихнул ее в карман, а потом отпер машину, сел за руль и тронулся с места.

Он ехал куда глаза глядят и в конце концов остановился перед зданием полицейского участка в Джорджтауне.

Войдя внутрь, он подошел к дежурному сержанту.

— Сержант, кто сегодня штрафовал на Тридцать третьей улице, возле канала?

Тот удивленно уставился на Киндермана:

— Робин Теннес.

— Мне вовсе не улыбается жить в такое время и в таком месте, где самого распоследнего дурня могут взять на работу в полицию,— взорвался Киндерман. Вручив сержанту квитанцию, он зашагал вразвалку к лестнице.

— Лейтенант, есть что-нибудь новенькое о том ребенке? — крикнул ему вдогонку сержант. Он еще не успел прочитать, что было написано на квитанции.

— Никаких новостей, никаких,— пробурчал Киндерман.— Абсолютно никаких.

Он поднялся наверх и там, в зале, где собрались полицейские, буквально с порога был засыпан градом вопросов. Не отвечая ни на один из них, следователь добрался наконец до своего кабинета. На одной стене висела подробная карта северо-западной части города. А к другой — позади рабочего стола, как раз между двумя окнами, выходящими на Капитолий,— был приколот большой плакат с изображением Снупи*. Этот плакат подарил Киндерману Томас Кинтри.

Следователь сел за стол. Он все еще был в шляпе и пальто и не торопился раздеваться. На столе лежали еженедельник, Библия в мягкой обложке и почти новая пластиковая салфетница. Киндерман достал из нее одну салфетку, вытер нос и взглянул на фотографии, вставленные в специальные прорези салфетницы. С одной стороны ему улыбались жена и дочь. Перевернув салфетницу, Киндерман извлек из прорези фотографию темноволосого священника. Следователь застыл на месте, уставившись на надпись, сделанную на обороте снимка: «Не спускайте глаз с этих доминиканцев, лейтенант». И подпись: «Дэмьен». Взгляд Киндермана наполнился светом, словно отраженным от улыбки на этом суровом, обветренном лице со шрамом над правым глазом. Внезапно Киндерман скомкал салфетку, которую все еще продолжал держать в руке, и, швыр-

* Снупи — щенок, персонаж популярных газетных комиксов в США.

нув ее в корзину для бумаг, потянулся было к телефонной трубке. В этот момент в кабинет неожиданно вошел Аткинс. Киндерман заметил его только тогда, когда тот уже закрывал за собой дверь.

— А, это ты.— Следователь оставил телефон в покое и сложил на груди руки, отчего сразу же стал похож на этакого доморощенного Будду.— Так быстро?

Аткинс пересек кабинет и устроился напротив Киндермана. Он сдернул с головы фуражку и вопросительно взглянул на лейтенанта, до сих пор сидевшего в шляпе.

— Прости меня за навязчивость,— заговорил Киндерман.— Но, сдается мне, я попросил тебя оставаться с миссис Кинтри.

— К ней пришли брат и сестра. А потом еще несколько друзей из университета. Я решил, что мне лучше вернуться.

— И правильно сделал, Аткинс. У меня тут для тебя прорва работы.— Киндерман выждал, пока Аткинс достанет маленький красный блокнотик и шариковую ручку, а затем продолжил: — Во-первых, свяжись с Фрэнсисом Берри. Много лет тому назад он вел дело о Близнеце. Сейчас он работает в отделе расследования убийств в Сан-Франциско. Мне нужно все, что у него есть об убийце-Близнеце. Абсолютно все. Все материалы по этому делу.

— Но Близнец мертв вот уже двенадцать лет.

— Ну да? Неужели, Аткинс? А я-то и не знал. Ты хочешь сказать, что все газеты, сообщавшие о его смерти, оказались правы? И радио с телевидением тоже, Аткинс? Удивительно. Потрясающе. Я просто сражен.

Аткинс что-то записывал в блокнот, чуть заметно улыбаясь. Неожиданно дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появился начальник лаборатории.

— Ну, не маячь в дверях, Райан. Заходи,— пригласил коллегу Киндерман.

Райан вошел и прикрыл за собой дверь.

— Внимай мне, о Райан! — воскликнул Киндерман.— Обрати свое драгоценное внимание на младого Аткинса. Ты вот сейчас, между прочим, находишься рядом с гигантом мысли, с потрясающим гением розыска. Нет, в самом деле. Надо отдать ему должное. Ведаешь ли ты, что именно этот колосс поставил во главу угла своей карьеры? Ты просто обязан это знать. Нельзя скрывать таких звезд нашей профессии. Так вот, на минувшей неделе, аж в девятнадцатый раз...

— В двадцатый,— поправил его Аткинс, подняв вверх ручку, словно обращая внимание Райана на торжественность минуты.

— В двадцатый раз он задержал Мишкина, всемирно известного злодея. В чем тот провинился? Он всегда совершает одно и то же преступление. Он врывается в квартиры и по своему вкусу переставляет там всю мебель. Он считает себя непревзойденным дизайнером.— Тут Киндерман обратился к Аткинсу: — На этот раз, клянусь, мы его упечем в психушку.

— Да, но какое отношение к этому имеет отдел по расследованию убийств? — удивился Райан.

Аткинс повернулся к нему и ровным голосом пояснил:

— Видишь ли, Мишкин каждый раз оставляет записки с угрозой убить владельца квартиры, если тот хоть что-нибудь передвинет и Мишкин это обнаружит.

Райан нервно заморгал.

— Героическая работа. Просто героическая,— добавил Киндерман.— Райан, ты хотел мне что-то сообщить?

— Пока ничего.

— А тогда по какому праву ты отнимаешь у меня драгоценное время?

— Я сам думал узнать, нет ли каких новостей.

— Есть. На улице чудовищно холодно. И еще очень важная новость: сегодня утром встало солнце. Не пришло ли тебе в голову, о Райан, еще что-нибудь мудрое, еще пароч-

ка подобных вопросов? А то их с нетерпением ожидают несколько восточных султанов.

Райан смерил Киндермана презрительным взглядом и покинул кабинет.

Киндерман же холодно глянул ему вслед и, когда дверь за Райаном наконец закрылась, снова обратился к Аткинсу:

— По-моему, он клюнул на эту ерунду о Мишкине.

Аткинс кивнул.

— Да, у этого человека напрочь отсутствует чувство юмора. Он ничего не понимает.

Сержант печально покачал головой:

— Но он пытается, сэр.

— Благодарю вас, мать Тереза.— Киндерман чихнул и потянулся за салфеткой.

— Будьте здоровы.

— Спасибо, Аткинс.— Киндерман утер нос и выбросил салфетку.— Итак, ты достаешь мне полное досье на Близнеца.

— Так точно.

— После этого выясни, интересовался ли кто-нибудь этой старушкой.

— Пока никто, сэр. Я как раз проверил, перед тем как сюда идти.

— Позвони в отдел доставки «Вашингтон пост», разузнай, кто был ответствен за маршрут Кинтри, и уточни его личность с помощью компьютера ФБР. Выясни, не вступал ли он в конфликт с законом. Весьма сомнительно, чтобы в пять утра, да еще в такой собачий холод убийца вышел просто прогуляться и чисто случайно встретил Кинтри. Кто-то обязательно должен был знать, что это произойдет.

С нижнего этажа донеслась дробь телетайпа. Опустив глаза, Киндерман прислушивался к этим звукам, просачивавшимся сквозь пол кабинета.

— Ну вот, как здесь можно сосредоточиться?

Неожиданно телетайп замолчал. Вздохнув, Киндерман перевел взгляд на своего помощника:

— Есть еще вариант. Мальчика мог убить один из подписчиков. Видимо, он знал его маршрут и после убийства перетащил труп на пристань. Это вполне могло произойти. Так что данные всех подозрительных подписчиков также необходимо проверить по компьютеру.

— Слушаюсь, сэр.

— И вот еще что. Половину газет Кинтри так и не успел доставить по адресам. Узнай в редакции, кто сегодня им звонил и жаловался на то, что не получил свежий номер. А потом вычеркни этих адресатов из списка. Оставь только тех, от кого не было звонков,— их тоже проверь по компьютеру.

Аткинс перестал записывать и уставился на Киндермана, пытаясь догадаться, что же на сей раз задумал его шеф.

А тот кивнул:

— Да. Именно так. Ибо в воскресенье люди как никогда любят газеты. Они ведь такие веселые по выходным, Аткинс. И если кто-то не позвонил и не возмутился, что ему не достался воскресный номер, то значит, здесь вырисовываются два варианта: либо подписчик умер, либо он сам и есть убийца. Здесь все точно продумано. В общем, с тебя не убудет, если ты всех, кого сочтешь нужным, проверишь по компьютеру. Кстати, как ты думаешь, научатся ли компьютеры сами шевелить мозгами?

— Сомневаюсь.

— Я тоже. Где-то я вычитал, что об этом спросили одного теолога. Так вот, он заявил, будто бессонница одолеет его с того момента, когда компьютеры начнут беспокоиться о своих изношенных деталях. Мое им почтение. Удачи вам, компьютеры, и да благословит вас Господь! Однако вещица, сама собранная из нескольких штуковин, не сможет о себе позаботиться. Я прав? Все это чушь собачья, и разум далеко не то же самое, что и мозг. Вот посмотри: моя рука в кармане. Так разве стал карман при этом ру-

кой? Да кто угодно тебе скажет, что мысль — это мысль, а не клетки мозга и тем более не протекающая в них реакция. А, к примеру, ревность — это совсем не какой-нибудь вариант компьютерной игры «Атари». Да и вообще, кто кого стремится надуть? Если все эти блестящие японские ученые, создав искусственную клетку мозга величиной в одну сороковую кубического дюйма, решили бы воспроизвести на ее основании человеческий мозг, им бы пришлось занять амбарчик размерами миллиона в полтора кубических футов, да еще хорошенько запрятать свое изобретение подальше от любопытных глаз, убеждая соседей, что ровным счетом ничего стоящего в этом амбаре нет. И кроме всего прочего, Аткинс, я вот умею мечтать о будущем. А какой из известных тебе компьютеров может сделать то же самое?

— Так вы полностью исключаете Манникса?

— Я не беру здесь перспективы будущего — в общем, то, что можно предсказывать, исходя из логических соображений. Я мечтаю о таких вещах, которые тебе никогда и в голову не придут. Впрочем, не только я. Прочитай «Эксперимент со временем» Дюнне. А еще труды психиатра Юнга или физика-теоретика Вольфганга Паули, специалиста в области квантовой механики, которого в наше время называют отцом нейтрино. И таких людей ты, кстати, мог совершенно спокойно повстречать на улице или еще где-нибудь. Что же касается Манникса, то он отец семерых детей — можно сказать, святой человек. И я знаком с ним вот уже восемнадцать лет. Так что выбрось его из головы. Однако внимания заслуживает интересный факт. Стедман не обнаружил на голове Кинтри никаких следов удара. Но как примириться с этим фактом, учитывая все то, что сотворили с мальчиком? Получается, что он был в сознании. Бог мой, он был в полном сознании.— Киндерман опустил глаза и покачал головой.— Аткинс, мы должны искать не одно чудовище. Кто-то ведь должен был удерживать мальчика. Обязательно.

Зазвонил телефон. Киндерман взглянул на определитель номера и снял трубку.

— Киндерман слушает.

— Билл? — послышался голос жены.

— А, это ты, дорогая. Ну, рассказывай, как тебе в Ричмонде? Вы все еще там?

— Да, мы только что побывали в Капитолии. Ты знаешь, он, оказывается, белого цвета.

— Потрясающе.

— А как там у тебя, дорогой?

— Все отлично, любимая. Три убийства, четыре изнасилования и всего одно самоубийство. Ну а в остальном... Так, треплюсь с ребятками из участка. Милая, скажи, пожалуйста, когда карп сделает одолжение и освободит наконец нашу ванну?

— Мне сейчас неудобно говорить.

— А, понимаю. Матушка торчит рядом. Я догадался. Она с тобой в телефонной будке. Расплющивает тебя по стеклу? Так?

— Я не могу сейчас с тобой разговаривать. Ты придешь домой к обеду?

— Скорее всего, нет, мой бесценный ангел.

— Тогда, может, к ужину? Когда меня нет, ты питаешься нерегулярно. Мы сейчас выезжаем, а часам к двум уже будем дома.

— Спасибо тебе за все, дорогая. Но, видишь ли, сегодня мне необходимо слегка подбодрить отца Дайера.

— А что случилось?

— Из года в год именно в этот день он чувствует тоску и одиночество.

— Ах да, ведь это сегодня.

— Именно сегодня.

— Я совсем выпустила из головы.

Через кабинет Киндермана протащили задержанного. Он изо всех сил упирался, осыпал полицейских ругательствами и без конца повторял одно и то же:

— Я ничего не делал! Отпустите меня, идиоты вонючие!

— Что там происходит? — забеспокоилась супруга Киндермана.

— Да тут какие-то неевреи, только и всего. Не обращай внимания.— Дверь КПЗ, расположенной сразу же за проходным кабинетом Киндермана, захлопнулась.— Я свожу Дайера в кино. А потом мы покалякаем на этот счет. Ему понравится.

— Ну ладно. Я приготовлю тебе обед и поставлю в духовку. Так что, если все-таки надумаешь, тебе останется его только разогреть.

— Ты просто само очарование. Да, кстати, сегодня вечером запри, пожалуйста, все окна.

— А зачем?

— Мне так будет спокойнее. Ну, моя крошка, крепко тебя целую и обнимаю.

— И я тебя тоже.

— Да, пожалуйста, не забудь про карпа, ладно? Меня никак не тянет домой, покуда я знаю, что он все еще там.

— Билл!

— Пока, дорогая!

— До встречи.

Киндерман положил трубку и встал. Аткинс изумленно уставился на него.

— Этот карп тебя не касается,— буркнул Киндерман.— И вообще, лучше обрати свой пыл на наше Датское королевство, где что-то неладно.— Он подошел к двери.— У тебя куча работы, так что займись-ка делами. Что касается меня, то с двух до полчетвертого я в кинотеатре «Байограф». После этого ищи меня либо в ресторанчике «Клайд», либо здесь же, в кабинете. Если к этому времени у ребят из лаборатории что-нибудь прояснится, дай мне сразу же знать. Усек? Немедленно свяжись со мной по рации. Ну, до свидания, высокородный лорд. Развлекайся и от-

дыхай на роскошной яхточке. Да смотри, чтобы она не дала течь.

С этими словами он вышел из кабинета. Аткинс видел, как Киндерман продирается сквозь толпу полицейских и отмахивается от них, словно от нищих на улицах Бомбея. Вот он пробрался к лестнице и скрылся из виду.

Аткинс словно сразу же осиротел...

Он поднялся со своего стула и приблизился к окну. Сержант любовался белоснежными мраморными творениями рук человеческих. Памятники купались в солнечном сиянии. Аткинс прислушался к уличному гулу. На душе у него кошки скребли. Будто какая-то недобрая мгла сгущалась внутри его, и он, не понимая ее истоков, тем не менее ощущал всю ее тяжесть. Что же это такое? Ведь и Киндерман чувствовал то же самое. И не мог объяснить.

Аткинс попытался стряхнуть с себя наваждение. Он верил в людей, в их природу и жалел всех подряд. Внезапно ощутив надежду, он отвернулся наконец от окна и пошел работать.

Глава вторая

Джозеф Дайер, иезуит сорока пяти лет, был по происхождению ирландцем. Он преподавал Закон Божий в Джорджтаунском университете. В минувшее воскресенье Дайер присутствовал на церковной службе, подкрепляя в душе веру и молясь за милосердие ко всему человечеству. После мессы он посетил иезуитское кладбище, расположенное в низине на территории университета. Там он положил букетик цветов на могилу с надписью «Дэмьен Каррас, Общество Иисуса». Затем Дайер плотно позавтракал в университетской столовой, срубав такие порции, которым позавидовал бы и сам Гаргантюа: здесь были и блинчики, и свиные отбивные, и кукурузные лепешки, и сосиски, и, конечно же, яичница с беконом. В утренней трапезе

принимал участие старинный приятель Джозефа, президент университета отец Райли.

— Джо, как это все в тебя умещается? — удивлялся тот, наблюдая, как Дайер громоздит из отбивных и блинов сандвич невероятных размеров.

Хрупкий, рыжий, весь в веснушках, иезуит поднял на Райли свои наивные голубые глаза и ровным голосом пояснил:

— Усваивается, отец мой.— Он протянул руку к кувшину с молоком и налил себе очередной стакан.

Отец Райли только покачал головой и сделал микроскопический глоточек кофе из своей крошечной чашечки. Президент отвлекся и теперь никак не мог вспомнить, о чем же он только что беседовал с Дайером. Кажется, они обсуждали поэтов-священников.

— У тебя на сегодня определенные планы, Джо? Или ты еще побудешь здесь?

— А вы что, хотите продемонстрировать мне свою коллекцию галстуков, да?

— Да, мне тут надо подготовить речь — видимо, на следующей неделе придется кое-где выступить. Так вот, я хочу показать ее тебе.

Райли замолчал и, открыв рот, изумленно наблюдал, как Дайер выливает в свою тарелку целое озеро кленового сиропа.

— Я буду здесь часов до двух, а потом пойду в кино со своим другом, лейтенантом Киндерманом. Вы его знаете.

— А, этот полицейский с печальным, как у спаниеля, взглядом?

Дайер кивнул, набивая рот блинчиками.

— Занятный малый,— одобрил президент.

— Ежегодно именно в этот день его одолевает хандра, поэтому я должен его приободрить. А он обожает ходить в кино.

— Именно сегодня?

Дайер кивнул, потому что рот его в этот момент был наполнен яичницей.

Президент задумчиво отхлебнул еще один глоточек кофе.

— Надо же, а я совсем забыл.

Дайер и Киндерман встретились у кинотеатра «Байограф» на М-стрит. Они уже просмотрели добрую половину фильма «Мальтийский сокол». Но удовольствие было неожиданно прервано. Мужчина, сидевший рядом с Киндерманом, сделал несколько замечаний по ходу фильма, оценивая его достоинства, и лейтенант с ним сразу же согласился. Затем незнакомец, уставившись на экран, вдруг положил свою ладонь на ляжку Киндермана. Следователь тут же вспылил. Повернувшись к извращенцу, он возмущенно зашептал: «Боже ты мой, я не верю своим глазам». И одним движением надел тому наручники. Устроив в зале небольшую возню, он выпроводил нарушителя в вестибюль, вызвал патрульную машину и усадил в нее незадачливого любовника.

— Припугните его слегка, а потом отпустите восвояси,— тихо распорядился Киндерман.

Незнакомец высунул голову в окошко.

— Я лично знаком с сенатором Клюреманом! — взвизгнул он.

— Вот он расстроится-то, услышав о своем дружке в вечернем телевизионном выпуске,— отозвался следователь. И обратился к шоферу: — Давай, поехал!

Патрульная машина тронулась. Вокруг уже начали скапливаться любопытные прохожие. Киндерман поискал глазами Дайера и увидел, что тот пытается протиснуться к выходу, но собравшаяся толпа не пускает его. Дайер тоскливо озирался по сторонам и, приподняв лацканы пиджака, плотно сжимал их, пряча белый иезуитский воротничок.

Киндерман тут же подошел к Дайеру.

— Ты чего тут колдуешь? Пытаешься основать тайный орден священников?

— Я прикидываюсь невидимкой.

— Плохо тебе это удается,— чистосердечно признался Киндерман. Он протянул руку и пальцами коснулся Дайера.— Вот, смотри: это твоя рука.

— Да, лейтенант, с тобой действительно не соскучишься.

— Да ты сам смешной.

— Я не шучу.

— Этот придурок,— удрученно заметил Киндерман,— испортил все удовольствие от фильма.

— Но ты же его видел, наверное, раз десять.

— И еще столько же посмотрю. С меня не убудет.— Киндерман взял священника под руку, и они зашагали прочь.— Давай-ка лучше перекусим где-нибудь. Можно заглянуть в «Могилку», или «Клайд», или «Скотт»,— настаивал следователь.— Мы бы с тобой поболтали, обсудили бы фильм, а то и покритиковали бы его.

— Это полфильма-то?

— Я прекрасно помню, что там дальше.

Дайер неожиданно остановился.

— Билл, ты плоховато выглядишь. У тебя какое-то сложное дело?

— Да так, не очень.

— Нет, ты просто подавлен,— не унимался Дайер.

— Со мной все в порядке. А как у тебя?

— И со мной все в порядке.

— Лжешь.

— Так же, как и ты,— согласился Дайер.

— Вот это верно.

Дайер озабоченно посмотрел на следователя. Его друг и в самом деле выглядел изможденным. Видимо, в городе произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Ты очень устал,— настаивал Дайер.— Почему бы тебе не пойти сейчас домой и чуточку не вздремнуть?

«Ну вот, не хватало, чтобы не я, а он заботился обо мне»,— подумал Киндерман, а вслух произнес:

— Нет, домой мне никак нельзя. Там карп.

— Ты, кажется, сказал «карп»?

— Именно, карп,— подтвердил Киндерман.

— Ну да, я и говорю «карп».

Киндерман вплотную приблизился к Дайеру. Его физиономия оказалась всего в дюйме от лица священника. Мрачно глядя прямо в глаза иезуиту, он после минутного молчания пояснил:

— Понимаешь, к нам в гости приехала мать жены. Та самая, что считает, будто я связался с дурными людьми. И вообще, я напоминаю ей Аль Капоне. Она таскает дочке подарки, что-то вроде «Кибуц номер пять» — это самые изысканные и неповторимые израильские духи. Вплоть до своего оригинального названия. Да и прочую ерунду. Зовут ее Ширли. Теперь, я думаю, ты ее легко себе представишь. Ну и чудненько. Так вот, в ближайшее время она собирается приготовить нам карпа. Это очень вкусная рыба. И я нисколько не против. Но, так как считается, что эта рыбешка не вполне чистая, Ширли купила ее живой и, не долго думая, выпустила в ванну, где та отмокает вот уже третьи сутки. Мы сейчас с тобой разговариваем, а она плавает себе в моей ванне. Туда-сюда. Туда-сюда. И изгоняет из себя яды. А я ее ненавижу. Да вот еще что. Отец Джо, вы ведь стоите вплотную ко мне, верно? И, наверное, заметили, что я несколько дней не мылся. Три дня, если быть точным. И все из-за этого карпа. Поэтому я теперь ни за что не пойду домой, пока он не заснет. Если я увижу, что он там опять плещется, я не выдержу и прикончу его.

Дайер не смог удержаться от смеха, слушая этот рассказ.

«Лучше. Уже лучше»,— подумал Киндерман, а вслух произнес:

— Ну, решай, куда мы завалимся: в «Клайд», «Скотт» или в «Могилку».

— Ну уж нет, давай лучше в ресторанчик к Билли Мартину.

— Только не надо ничего усложнять. Я уже заказал столик на двоих в «Клайде».

— Пусть будет «Клайд».

— Ты знаешь, я почему-то так и подумал, что ты выберешь именно «Клайд».

— Я и выбрал.

Они ускорили шаг, стараясь не вспоминать о той страшной ночи.

Аткинс сидел за своим столом и беспомощно хлопал ресницами. Он решил было, что не совсем понял сказанное или же сам что-то неверно сформулировал, давая задание в лабораторию. Сержант попросил еще раз повторить результаты исследований. С замирающим от волнения сердцем он вцепился в телефонную трубку. И снова услышал те же слова.

— Да, понимаю... Да, спасибо,— еле слышно пробормотал Аткинс.— Большое спасибо.

Он повесил трубку. В своем крохотном кабинетике без окон Аткинс отчетливо слышал собственное дыхание. Отодвинув настольную лампу, яркий свет которой раздражал глаза, сержант скользнул взглядом по руке. Ногти и кончики пальцев побелели. Аткинса охватил ужас.

— Вы не принесете мне еще немного помидоров для гамбургера? — Киндерман расчистил пространство на столе для жареного картофеля, который им только что принесла очаровательная темноволосая официантка.

— О, благодарю вас.— Она поставила тарелку на освободившееся место как раз между Киндерманом и Дайером.— Три ломтика?

— Да мне и двух вполне хватит.

— Еще кофе?

— Нет, не надо, мисс, спасибо.— Следователь взгляпул на Дайера.— А тебе? Как насчет седьмой порции?

— Нет, достаточно,— отказался тот. Он положил вилку рядом с тарелкой, на которой высился гигантский кусище омлета под кокосовым соусом, и потянулся к пачке сигарет, лежавших здесь же, на бело-голубой скатерти.

— Сейчас принесу вам помидоры,— с улыбкой пообещала официантка и направилась в кухню.

Киндерман посмотрел на тарелку Дайера.

— Ты почему не ешь? Тебе плохо?

— Это блюдо слишком острое,— констатировал священник.

— Слишком острое? А мне показалось, что ты макал сладкое печенье в горчицу. Видимо, ты плохо себе представляешь, что такое на самом деле «острое и неудобоваримое блюдо». Позволь, сын мой, высказать свое мнение по этому поводу эксперту и знатоку.— Лейтенант откковырял своей вилкой небольшой кусочек омлета, попробовал его и отложил вилку.— Да, похоже, именно такое блюдо ты и заказал.

— Возвратимся к нашему фильму,— переменил тему Дайер, выпуская клубы голубоватого сигаретного дыма.

— Он входит в десятку моих самых любимых фильмов,— заявил Киндерман.— А какие ваши любимые, святой отец? Может, назовешь хотя бы пяток?

— Мои уста скреплены обетом молчания.

— Однако ты позволяешь себе исключения.— Киндерман посолил жареный картофель.

Дайер скромно пожал плечами:

— Пять — это слишком много. Да и чей могучий интеллект в состоянии перечислить аж пять наименований?

— Аткинса,— не задумываясь, ответил Киндерман.— Он может назвать все подряд: фильмы, бальные танцы... Да что угодно. Спроси его о еретиках, и он тут же назовет тебе десяток в том порядке, в каком они ему больше нра-

вятся. Аткинс — человек, который принимает молниеносные, может быть даже чересчур поспешные, решения. Однако это не страшно, ибо у него есть вкус и, как правило, он не ошибается.

— Да неужели? И какие же у него любимые фильмы?

— Первые пять?

— Первые пять.

— «Касабланка».

— Ну а остальные четыре?

— Опять же «Касабланка». Он просто с ума сходит по этой ленте.

Иезуит кивнул.

— Вот тут некоторые кивают,— угрюмо пробурчал Киндерман.— «Бог есть не что иное, как теннисный тапочек»,— заявляет еретик, а Торквемада кивает и с непроницаемой физиономией резюмирует: «Стража, отпустите его. Надо выслушать и другую сторону. Им обоим есть что сказать». В самом деле, святой отец, нельзя же так поспешно обо всем судить. А происходит это, вероятно, оттого, что в твоей голове не смолкает пение и звенят гитары.

— Так ты хочешь узнать название моего любимого фильма?

— И пожалуйста, побыстрее, мой друг,— улыбнулся Киндерман.— А то моего звонка ждут не дождутся некоторые коронованные особы.

— Картина называется «Жизнь прекрасна»,— признался Дайер.— Ну что, теперь ты счастлив?

— О, выбор великолепный,— просиял Киндерман.

— Честно говоря, я смотрел этот фильм раз двадцать.— Улыбка озарила и веснушчатое лицо Дайера.

— Ну, с тебя не убудет.

— Мне действительно очень нравится этот фильм.

— Да-да, он чистый и добрый. Он наполняет сердце какой-то невинностью.

— Сдается мне, ты то же самое говорил и о картине «Возвращение на круги своя».

— Даже не упоминай при мне этот кошмарный фильм,— прорычал Киндерман.— Аткинс называет его «Бесконечное путешествие внутри козла».

Подошла официантка и принесла тарелочку с нарезанными помидорами.

— Ваш заказ, сэр.

— Спасибо,— поблагодарил следователь.

Девушка взглянула на нетронутый омлет, стоявший перед Дайером.

— Вам не нравится? Что-то не так?

— Нет-нет, он просто решил пока отдохнуть,— поспешно откликнулся Дайер.

Официантка засмеялась.

— Может, вам еще что-нибудь принести?

— Нет, спасибо. Похоже, я не очень голоден.

Девушка взглядом указала на омлет.

— Мне убрать его?

Священник кивнул, и она унесла тарелку.

— Пожуй чего-нибудь, Ганди,— предложил Киндерман и пододвинул поближе к Дайеру тарелку с жареной картошкой. Не обратив на нее внимания, священник спросил:

— А как поживает Аткинс? Я его не видел аж с рождественской мессы.

— Чувствует себя превосходно. В июне у него свадьба.

Дайер просветлел.

— Здорово.

— Сержант женится на подружке детства. Два очаровательных существа, прогуливающихся по лесам и весям.

— А где будут отмечать?

— В грузовике. Они копят деньги на мебель. Невеста работает кассиршей в супермаркете, благослови ее, Господи. Аткинс же, как всегда, днем помогает мне, а по ночам грабит магазины «Сэвен-элевен»*. К сожалению, государ-

---

* «Сэвен-элевен» — сеть магазинов, работающих с 7 до 23 часов.

ственным служащим разрешается работать по совместительству сразу в двух местах. А может быть, я слишком придираюсь к нему? Святой отец, с нетерпением жду вашего духовного совета.

— Но мне кажется, в таких лавочках не бывает много наличности.

— Да, кстати, а как твоя матушка?

Дайер потушил сигарету и, замерев, посмотрел на Киндермана странным и долгим взглядом.

— Билл, она же умерла.

Лейтенант ошарашенно уставился на священника.

— Она умерла вот уже полтора года назад. По-моему, я говорил тебе об этом.

Киндерман покачал головой.

— Нет, я не знал.

— Билл, я тебе говорил.

— Мне так жаль ее.

— А мне нет. Ей было девяносто три года, она постоянно страдала от боли, и смерть явилась для нее избавлением.

Из бара донеслась музыка, и Дайер взглянул в ту сторону, где стоял автоматический проигрыватель. Там за столиком несколько студентов потягивали пиво из больших керамических кружек.

— Кроме того, раз пять или шесть срабатывала ложная тревога,— продолжал священник, снова повернувшись к Киндерману.— Мне звонили то брат, то сестра, сообщая, что мать при смерти, и я тут же мчался к ним. Но в последний раз смерть наконец сжалилась над ней.

— Я тебя понимаю. Наверное, это ужасно.

— Нет. Вовсе нет. Когда я в тот раз добрался до них, мне сообщили, что она уже умерла. Там находились мой брат, сестра и врач. Я вошел в спальню к матери и прочитал молитву. А когда закончил, мать вдруг открыла глаза и уставилась на меня. Я чуть было не лишился дара речи. А она заговорила: «Джо, это было прекрасно, такая чудесная молитва. А теперь, сынок, налей-ка мне что-нибудь вы-

пить». Понимаешь, Билл, я сразу же опрометью бросился вниз по лестнице в кухню — так я был поражен. Там я наполнил стакан виски, бросил в него льда, принес ей это наверх, и она залпом осушила весь бокал. Потом я взял его у нее из рук, а она, взглянув мне прямо в глаза, сказала: «Джо, сынок, по-моему, раньше я тебе этого не говорила, но ты замечательный человек». И после этого она умерла. Но что меня действительно потрясло...— Дайер на мгновение замолчал, разглядев в глазах Киндермана слезы.— Слушай, если ты тут собрался порыдать, я сейчас уйду.

Киндерман смахнул слезы костяшками пальцев.

— Прости меня. Я просто подумал: какая жалость, что матери почти всегда ошибаются,— пробубнил он.— Ну, продолжай.

Дайер придвинулся ближе.

— Я до сих пор не могу забыть... Больше всего меня поразило в тот день то, что... Так вот. Передо мной на смертном одре лежала девяностотрехлетняя старушка, выжившая из ума, полуслепая и почти глухая, и тело ее походило на старую, мятую тряпицу, но когда она со мной заговорила, Билл, когда заговорила... я понял, что она целиком, до мозга костей, *вся,* словно вернулась ко мне.

Киндерман кивнул и бросил взгляд на свои руки, сложенные на столе. Мрачный и непрошеный образ Кинтри, распятого на веслах, как пуля прострелил его мозг.

Дайер накрыл своей ладонью руку лейтенанта.

— Эй, не грусти,— подбодрил он его.— Все в порядке. Сейчас ей уже хорошо.

— Мне только кажется, что мир — это какая-то жертва самоубийства,— угрюмо возразил Киндерман.— Неужели именно Бог изобрел такую страшную штуку, как смерть? Говоря попросту, это никчемная его затея, паршивая, святой отец. И, похоже, далеко не самая лучшая его выдумка.

— Не мели чушь. Ты бы и сам не рискнул жить вечно,— отрезал Дайер.

— Очень даже рискнул бы.

— Тебе бы надоело,— не унимался священник.

— У меня куча интересных увлечений.

Иезуит рассмеялся.

Воспрянув духом, следователь продолжал развивать свою теорию:

— Я размышляю о проблеме зла.

— Ах, об этом...

— О, это надо запомнить. Очень ценное замечание. Вот, к примеру, в газете пишут: «Землетрясение в Индии, погибли тысячи людей». А я пробегаю глазами заголовки и невзначай бросаю: «Ах, об этом...» Святой Франциск ведет беседы с птицами, а в то же время на Земле свирепствует рак, рождаются уроды, не говоря уже о бесчисленных болезнях желудка и прочих неполадках человеческого организма, о которых некоторые эстеты даже и слышать не хотят. Неужели же наш добрый, полный сострадания Бог может допускать подобные беспорядки? Тот самый всемогущий Господь Бог, который блаженно витает где-то в заоблачных высях, а в это время наши любимые умирают в мучениях. А обращался ваш Бог по этому вопросу к Пятой поправке?*

— Но зачем предоставлять мафии благоприятные шансы?

— Истинная правда, святой отец. Так когда вы собираетесь начать свою проповедь? Очень хочется послушать. У тебя просто потрясающая способность проникать в самую суть.

— Билл, дело в том, что как раз в эпицентре всего этого кошмара и находится создание, называемое человеком, и оно способно *видеть* этот кошмар. Поэтому что значат для нас такие понятия, как «злой», «жестокий», «несправедливый»? Ты же не скажешь, будто прямая слегка изгиба-

---

* Пятая поправка к Конституции США посвящена обеспечению в уголовном процессе права на защиту обвиняемого; в частности, она освобождает обвиняемого от обязанности давать показания, которые могут быть использованы против него.

ется, если не знаешь, что такое прямая линия.— Киндерман попытался было перебить священника, но тот не дал ему и рта раскрыть.— Мы являемся частью этого мира. И если бы он на самом деле был таковым, мы бы все равно не смогли его оценить с помощью этих категорий. Мы бы просто думали, будто все то, что мы называем нынче злом, есть не что иное, как естественный ход событий. Рыба ведь не может чувствовать, что вода мокрая. Рыба в ней живет, Билл. А люди — нет.

— Да, я читал об этом у Стивенсона, святой отец. И понимаю, конечно, что ваш Господь совсем не то же самое, что доктор Джекил и мистер Хайд. Но ведь это только часть тайны, святой отец, грандиозного детектива, задуманного на небесах. И все — от евангелистов до Кафки — тщетно силятся разобраться в сути происходящего. Ну, ничего, ничего. За расследование взялся теперь лейтенант Киндерман. Тебе знакомы гностики?

— Я болею за другую команду.

— Да у тебя просто совести нет. Так вот, гностики считали, что мир создал, так сказать, «заместитель Бога».

— Ну, это уже переходит все границы,— взорвался Дайер.

— Это же не я, а они так считают.

— А потом ты объявишь, что святой Петр был католиком.

— Да послушай же ты. Итак, Господь Бог вызвал к себе ангела, своего «заместителя», и приказал ему: «Послушай, парень, меня посетила классная идея: вот тебе пара долларов — иди-ка ты и создай для меня что-нибудь стоящее». И ангел пошел и действительно сотворил мир, но так как сам он не являлся совершенством, то допустил некоторые промахи, о которых я тебе уже говорил сегодня.

— Это ты все сам придумал? — поинтересовался Дайер.

— Нет, но Господа Бога это не освобождает от неприятностей.

— Ну а если шутки в сторону, твоя-то теория в чем состоит?

Киндерман хитро прищурился:

— Не важно. Это нечто совершенно новое и неожиданное. Просто грандиозное!

Подошла официантка и положила на столик счет.

— Вот и все,— протянул Дайер, разглядывая счет.

Киндерман рассеянно помешивал ложечкой остывший кофе и, вытянув шею, озирался по сторонам, словно выискивая некоего шпиона, который мог бы подслушать их разговор.

— Мое отношение к этому миру сводится к следующему,— заговорщическим тоном начал лейтенант.— Я рассматриваю его как гигантское место преступления. Понимаешь? И пытаюсь собрать улики. Пока что у меня на примете несколько подозрительных лиц, и на них уже готовы фотороботы. Они объявлены в розыск. Ты, кстати, не мог бы развесить их физиономии на университетской территории? Отдаю даром. Я же понимаю, что ты весьма щепетильно относишься к своему обету нищеты. И я очень тебя уважаю за это. Никакой ответственности, а заодно и зарплаты тоже.

— Так ты посвятишь меня в свою теорию?

— Я могу только намекнуть,— согласился Киндерман.— Свертывание крови.

Брови Дайера удивленно поползли вверх.

— Свертывание крови?

— Ну да, стоит человеку случайно порезаться, кровь в ранке начинает сворачиваться. А ведь в человеческом теле в это время происходит четырнадцать различных микроскопических процессов, и все они протекают в строго определенной последовательности. Крошечные тромбоциты и всякие там умненькие молекулы с мудреными названиями приходят в движение и вступают в реакции каким-то невероятным, известным только им одним способом. А иначе человеку попросту пришел бы конец: вся кровь

вытекла бы из него, и он превратился бы в груду сушеного мяса.

— Это что, и есть намек?

— А вот еще один: автономная система. И еще: с помощью лозы можно за много миль обнаружить источник воды.

— Я совсем запутался.

— Терпение, мой друг. Ваш сигнал бедствия запеленгован, спешим на помощь.— Киндерман еще ближе придвинулся к Дайеру.— Так вот, некоторые штуковины, которые принято считать лишенными сознания, частенько ведут себя так, словно оно у них есть.

— Спасибо вам, профессор.

Киндерман неожиданно откинулся на спинку стула и нахмурился.

— А вот ты-то как раз и есть живое доказательство моей теории. Ты видел нашумевший фильм ужасов «Чужие»?

— Видел.

— Это история твоей жизни. А я, в свою очередь, получил неплохой урок. Не рекомендуется посылать горных тибетских проводников на скальные работы. Потому что, если на них обвалится утес, у проводников начнутся страшные головные боли.

— И это все, что ты хотел мне поведать о своей теории? — обиделся Дайер, поднимая чашку с кофе.

— Да, все. И это мое последнее слово.

Внезапно чашка выскользнула из пальцев священника. Перед его глазами все поплыло.

Киндерман тут же подхватил чашку и, поставив ее на стол, промокнул салфеткой выплеснувшийся напиток, чтобы тот не стек Дайеру на колени.

— Отец Джо, что случилось? — встревожился Киндерман.

Он хотел было подняться, но Дайер жестом остановил его. Похоже, он уже приходил в себя.

— Все в порядке, в порядке,— успокоил друга священник.

— Тебе нехорошо? Что случилось?

— Нет-нет, ничего.— Он зажег спичку, прикурил и, задув пылающий кончик, аккуратно опустил обгоревшую спичку в пепельницу.— В последнее время меня частенько одолевают приступы головокружения, но они как-то сразу проходят.

— А ты был у врача?

— Да, но он ничего не обнаружил. А ведь это может быть что угодно. Аллергия. Или вирус.— Дайер пожал плечами.— У моего брата Эдди тоже случалось подобное, и длилось это аж несколько лет. На нервной почве. Да, кстати, завтра утром мне надо сдать кое-какие анализы.

— Ты ложишься на обследование?

— В Джорджтаунскую больницу. По настоянию президента. В его душу, видите ли, закралось подозрение, будто у меня сильнейшая аллергия на проверку курсовых. И теперь ему необходимо научное подтверждение этой версии.

На запястье у Киндермана запищали часы. Он отключил будильник и взглянул на циферблат.

— Полшестого,— пробормотал лейтенант и вдруг оживился. Глаза его заблестели. Он повернулся к Дайеру и нараспев протянул: — Засну-у-ул наш ка-арп.

Дайер прикрыл рукой рот: он не смог удержаться и прыснул в ладонь.

В этот момент раздалось жужжание. Кто-то вызывал Киндермана на связь. Лейтенант отцепил от ремня радиопередатчик и отключил зуммер.

— Прошу прощения, святой отец, я сейчас вернусь.

Он с трудом поднялся и, отдуваясь, вышел из-за стола.

— Да уж, не бросай меня наедине с этим чудовищным счетом,— взмолился Дайер.

Следователь ничего не ответил. Он подошел к телефонному автомату, набрал номер полицейского участка и соединился с Аткинсом.

— Лейтенант, есть новости. Срочные.

— В самом деле?

Аткинс доложил о полученных из лаборатории данных. Во-первых, что касалось подписчиков, которым Кинтри доставлял газеты. Никто из них не пожаловался в редакцию на то, что газету не принесли: ее получили все подписчики, даже те, к кому Кинтри должен был заехать уже после лодочной станции на Потомаке. После гибели мальчика газеты непостижимым образом были доставлены остальным адресатам.

И второе. Это уже касалось старушки. Киндерман отдал приказ самым тщательным образом исследовать ее волосы и те несколько волосиков, которые были найдены в сжатом кулаке погибшего мальчика.

Волосы оказались идентичными.

Глава третья

«Заметив его в окне, она вскрикнула и бросилась бежать. Раскрыв объятия, она рванулась к нему, ее юное личико сияло от радости.

— Любовь всей моей жизни! — восторженно воскликнула она.

И через мгновение он уже обнимал само солнце».

— Доброе утро, доктор. Вам как обычно?

Амфортас не слышал бакалейщика. Он глубоко задумался, и все его мысли витали сейчас где-то далеко.

— Как обычно, доктор?

И тогда он вернулся к действительности и огляделся. Кроме него, в маленькой бакалейной лавчонке неподалеку от Джорджтаунского университета не было ни единого посетителя. Чарли Прайс, старенький бакалейщик за прилавком, озабоченно разглядывал Амфортаса.

— Да, Чарли, то же самое,— рассеянно согласился тот. Голос его прозвучал печально.

Амфортас заметил Люси, дочь бакалейщика. Она примостилась на стуле у окна.

— Одну булочку для доктора,— пробормотал Прайс и нагнулся к застекленным ящикам, где были разложены свежие пончики и всякие плюшки. Он извлек глазированную булочку с начинкой из корицы, изюма и дробленого ореха. Выпрямившись, он завернул ее в вощеную бумагу и затем, сунув в пакетик, положил на прилавок.— И один черный кофе,— добавил бакалейщик и направился к кофеварке, рядом с которой громоздились целые башни пластиковых стаканчиков.

«Целый день катались они на велосипедах, но вот неожиданно он вырвался вперед и скрылся за поворотом, где она не могла уже его видеть. Он резко затормозил и, соскочив с велосипеда, быстро нарвал букет алых маков, растущих в изобилии прямо у обочины. Маки напоминали ему крошечных ангелочков, прославляющих Господа. И когда она показалась из-за поворота, он уже ждал ее. Он застыл посредине дороги и протягивал ей ослепительный букет. Она притормозила, изумленно глядя на цветы. Слезы заструились по ее щекам. "Я люблю тебя, Винсент"».

— Вы опять провели всю ночь в лаборатории, доктор?

Пакет с булочкой и кофе в пластиковом стаканчике с крышкой ждали его на прилавке. Амфортас перевел взгляд на бакалейщика.

— Нет, не всю ночь. Несколько часов.

Прайс взглянул на его изможденное лицо, на ласковые, темно-карие, как лесная чаща, глаза. Какая-то тайна застыла в этом взгляде. Нет, не горе, нет. Что-то другое.

— Вы уж так не переутомляйтесь,— посочувствовал бакалейщик.— Вы выглядите уж больно усталым.

Амфортас кивнул. Порывшись в кармане темно-синей куртки, надетой поверх больничного халата, он извлек оттуда доллар и протянул его бакалейщику.

— Спасибо, Чарли.

— Помните, что я вам сказал.

— Я запомню.

Амфортас прихватил пакет с булочкой, и через мгновение над входной дверью нежно звякнул колокольчик. Доктор очутился на улице. Высокий и стройный, слегка сутулившийся Амфортас постоял некоторое время на пороге, задумчиво опустив голову и прижав к груди пакет. Бакалейщик подошел к дочери, и они принялись вдвоем разглядывать доктора.

— За все эти годы я ни разу не видела, чтобы он улыбался,— еле слышно заметила Люси.

Бакалейщик протянул к полкам руку:

— А с чего он должен улыбаться?

«Улыбаясь, он произнес:

— Энн, я не могу на тебе жениться.

— Почему? Разве ты не любишь меня?

— Но ведь тебе всего двадцать два.

— А разве это плохо?

— Я в два раза старше тебя,— возразил он.— Не за горами то время, когда тебе придется возить меня в инвалидной коляске.

Она вспорхнула со стула, весело рассмеялась и, усевшись ему на колени, нежно обняла его обеими руками:

— О Винсент, я не дам тебе состариться».

Амфортас услышал крики и топот. Он взглянул в сторону Проспект-стрит и увидел справа лестницу — бесконечный ряд каменных ступеней, ведущих далеко вниз, на М-стрит, а оттуда — к реке и лодочной станции. Много лет назад эту лестницу окрестили «Ступенями Хичкока». Снизу вверх по ней бежали сейчас спортсмены университетской команды по гребле. Эта пробежка входила в обязательную утреннюю разминку. Амфортас наблюдал, как гребцы один за другим появились на верхней площадке, а потом дружно трусцой побежали к университету. Вскоре спортсмены скрылись из виду. Доктор стоял не шевелясь, пока не смолкли последние выкрики. В полном одиночестве застыл он в этом гулком, опустевшем коридоре, где,

казалось, размывались границы любого человеческого поступка, а смысл жизни сводился лишь к ожиданию.

Сквозь бумажный пакет он почувствовал тепло, исходившее от горячего кофе. Амфортас отвернулся и медленно побрел вдоль 36-й улицы, пока не добрался до своего маленького двухэтажного деревянного домика. Тот располагался неподалеку от бакалейной лавки и отличался от прочих строений скромностью. Напротив, через дорогу, находились женское общежитие и дипломатическая школа, а чуть дальше, налево,— церковь Святой Троицы. Амфортас присел на белоснежное, ослепительно чистое крыльцо и, раскрыв пакет, вынул булочку. По воскресеньям она обычно приносила ему именно такие.

«— После смерти мы все возвращаемся к Богу,— объяснил он ей тогда. Она вспомнила отца, которого потеряла всего год назад, и он стремился утешить ее.— И тогда мы становимся частью Его самого.

— Такие, как мы есть?

— Возможно, что и не такие. Может быть, мы при этом утрачиваем свою индивидуальность.

Он увидел, как ее глаза наполняются слезами; она закусила губку, чтобы не расплакаться.

— Что с тобой? — спросил он.

— Я не хочу терять тебя навсегда».

До этого момента он никогда не боялся смерти.

Зазвонили колокола в церкви, и небольшая стайка скворцов вспорхнула с крыши. Птицы развернулись в небе, словно исполняя какой-то неведомый замысловатый танец. Из церкви начали выходить прихожане. Амфортас взглянул на часы. Семь пятнадцать. Как это он пропустил шестичасовую мессу? За последние три года такое случилось с ним впервые. Как же так? Амфортас рассеянно посмотрел на булочку и медленно опустил ее в бумажный пакет. Приподняв руки, он положил большой палец левой кисти на запястье правой, а еще два пальца — на правую ладонь. Потом, надавив на правую всеми тремя пальцами,

начал двумя водить по ладони. Затем повторил то же самое другой рукой.

Закончив эти манипуляции, Амфортас принялся рассматривать свои руки. Вновь вернувшись к действительности, он опять взглянул на часы. Семь двадцать пять. Амфортас поднял с крыльца пакет и очередной номер «Вашингтон пост», лежащий прямо у двери и пахнущий свежей типографской краской. Он зашел в пустой и осиротевший дом, положил пакет и газету на журнальный столик, а потом вновь вышел на крыльцо и запер входную дверь. Амфортас повернулся и, еще раз взглянув в сторону каменной лестницы, поднял глаза к небу. Над рекой ползли черные тучи, порывы ветра усилились и трепали кусты бузины, посаженные вдоль улицы. В это время года на них еще не было листвы. Амфортас не спеша застегнул куртку на все пуговицы и, затаив в душе одиночество и боль, зашагал в сторону горизонта. Сейчас он находился на расстоянии девяноста трех миллионов миль от солнца.

Джорджтаунская больница была построена сравнительно недавно и выглядела внушительно. Выполненные в современном стиле корпуса простирались между О-стрит и Резервуар-роуд. Главное же здание выходило фасадом на западную сторону 37-й улицы. Амфортас мог добраться туда от своего дома всего за несколько минут, так что в неврологическом отделении он оказался ровно в половине восьмого. У дежурного столика его уже поджидал молодой врач, и вдвоем они начали утренний обход. Они переходили из палаты в палату, молодой врач представлял вновь поступивших, а Амфортас задавал им вопросы. В коридоре у дверей очередной палаты они обсуждали диагнозы.

Палата 402. Здесь лежал тридцатишестилетний продавец с ярко выраженным поражением мозга: у него был так называемый синдром «односторонней небрежности». Этот больной тщательнейшим образом заботился об од-

ной половине своего тела, совершенно не обращая внимания на другую. Когда он брился, то выбривал лишь одну щеку.

Палата 407. Экономист, пятьдесят четыре года. Полгода назад ему сделали операцию на мозг по поводу эпилепсии. С этого-то времени и начались жалобы. У хирурга не было выбора, и пациенту пришлось удалить часть височной доли.

За месяц до госпитализации больной присутствовал на собрании в сенате. Оно длилось девять изнурительных часов. А после, утром, сенат дал этому экономисту задание разработать новую налоговую систему, и тот сразу же ринулся в бой. Он трудился не покладая рук. Его рассудительность, равно как и абсолютная осведомленность и профессионализм вызывали восхищение. Ему потребовалось еще часов шесть, чтобы детально разработать свою программу и изложить ее на бумаге. Затем он подвел итоги и в течение получаса докладывал о результатах, даже не заглядывая в свои записи. После этого он прошел в свой рабочий кабинет и занялся корреспонденцией. Он ответил на три письма и, повернувшись к своей секретарше, вдруг обронил: «Вы знаете, у меня такое впечатление, что сегодня мне надо было бы присутствовать в сенате». Больше он уже не мог припомнить ничего из того, что происходило с ним в течение дня.

Палата 411. Девушка двадцати лет, подозрение на инфекционный менингит. Амфортас вздрогнул, услышав этот предварительный диагноз. Однако молодой доктор, пока еще плохо знавший своего шефа, не заметил этого.

Палата 420. Плотник, пятьдесят один год. Жалобы на «призрачную конечность». Он потерял руку год назад, а теперь страдал от мучительной боли в кисти, которая была ампутирована.

Расстройство нервной системы началось как обычно в этих случаях. Сначала плотник ощущал «покалывание» в отсутствующей руке, ему казалось, что он чувствует каж-

дый сантиметр потерянной кисти и может делать ею любые движения точно так же, как другой рукой. Забываясь, он мысленно протягивал несуществующую руку, пытаясь дотронуться ею до какого-либо предмета. А потом начались боли — его одолевало ощущение, что рука сжалась в кулак и он не может ее расслабить.

Ему сделали операцию, удалили невромы и узелки регенерирующей нервной ткани. Поначалу это принесло ему облегчение. Ощущение призрачной кисти осталось, но плотник теперь мог мысленно сгибать и ее, и пальцы.

Однако очень скоро боль вернулась. Плотнику казалось теперь, что большой палец прилип к ладони, а все остальные сжались вокруг него в кулак, при этом кисть так выгибается в запястье, что терпеть это нет никакой мочи. И никакое усилие воли не могло изменить это положение невидимой руки. Временами боль слегка отступала, однако частенько она походила на режущий скальпель, подолгу терзающий его плоть. Он жаловался и на непонятные болезненные ощущения, возникавшие в указательном пальце и постепенно поднимавшиеся вдоль всей руки до плеча, отчего культя начинала дергаться, словно во всей отсутствующей руке свирепствовали клонические судороги.

Плотник говорил, что во время таких приступов его мучила сильная тошнота. Когда судороги проходили, боль вновь концентрировалась в несуществующей кисти, и, хотя плотнику становилось легче, он утверждал, что все равно не может изменить положение пальцев.

Амфортас подошел к плотнику и заговорил:

— Суть вашего беспокойства заключается в том, что вы постоянно ощущаете напряжение в кисти. Но почему же все-таки это вас настолько тревожит?

Вместо ответа плотник попросил его сжать кулак, сначала плашмя расположив на ладони большой палец, затем вывернуть кисть и поднять кулак словно для удара. И вот в таком положении немного подержать руку. Невропатолог повиновался. Но буквально через несколько минут боль

стала нестерпимой, и Амфортас решил прекратить этот эксперимент.

Грустно кивнув, плотник произнес:

— Вот видите. Разница только в том, что вы можете расслабить руку, а я нет.

Врачи молча покинули палату.

Шагая по коридору, молодой доктор пожал плечами:

— Ума не приложу, чем мы ему можем помочь.

Амфортас предложил сделать новокаиновую блокаду верхних симпатических нервных узлов.

— На какое-то время это облегчит его страдания,— решил он.— Правда, только на несколько месяцев.

Но не дольше. Амфортас прекрасно отдавал себе отчет в том, что вылечить от «призрачной конечности» невозможно.

Так же как и исцелить разбитое сердце.

Палата 424. Домохозяйка. С шестнадцати лет постоянно жаловалась на боли в животе. За прошедшие годы ей были сделаны четырнадцать операций на брюшной полости. После этого она перенесла незначительную черепную травму и стала жаловаться на сильные головные боли. Пришлось операционным путем понижать ей внутричерепное давление. Теперь же пациентка утверждала, что ее мучают боли в спине и конечностях. Сначала она ничего не хотела рассказывать о себе и постоянно лежала на правом боку. Когда же молодой врач попытался было повернуть ее на спину, она закричала от боли. Подойдя к женщине вплотную, Амфортас легонько прикоснулся к ее кресту. Пациентка взвизгнула и затряслась.

Выйдя из палаты, врачи пришли к выводу, что больную необходимо показать психиатру, ибо здесь, возможно, появилось так называемое «пристрастие к хирургии». И к боли.

Палата 425. Еще одна домохозяйка, тридцать лет. Жалобы на постоянные, изнуряющие головные боли, отсутствие аппетита и рвоту. Самое страшное при таких симп-

томах — поражение мозга. Но боль ощущается только в одной половине головы. Иногда появляется временная слепота, или мерцательная скотома,— когда в поле зрения попадают светящиеся пятна. Световая зона ограничивается зигзагообразными линиями. Обычно такие явления предвещают приступ мигрени. Кроме того, пациентка воспитывалась в весьма необычной семье, где человеческие достоинства пестовались с такой неукоснительностью, что любое проявление агрессии наказывалось самым суровым образом. Как правило, именно в подобных семьях все ее члены бывают подвержены мигрени. Подавленная враждебность постепенно перерастала в подсознательную ярость, и это рано или поздно сказывалось на больном — у него начинались расстройства. Эту женщину тоже следовало показать психиатру.

Палата 427, последняя. Мужчина тридцати восьми лет, с возможным поражением височной доли. Он работал дворником при больнице. Только за день до обхода его обнаружили в подвале, где он увлеченно старался утопить в ведре с водой около десятка электрических лампочек. Впоследствии он не мог вспомнить свои действия. Все это смахивало на автоматизм, на так называемое «автоматическое действие», характерное при психомоторных приступах. Такие припадки серьезно разрушают человеческий организм и зависят от подсознательных эмоций, хотя в большинстве своем совершенно безобидны с виду и просто доставляют некоторое неудобство окружающим. Необычное в таких случаях поведение, как правило, скоротечно. Хотя истории известны и более длительные случаи. Непонятные действия длились часами и не поддавались никаким объяснениям. Например, один мужчина совершил перелет на легком самолете из Виргинии в Чикаго, хотя доподлинно известно, что никто его этому не обучал. После приземления он не мог ничего вспомнить об этом полете. Случается, что подобные больные бывают опасны для окружающих. Так, один пациент во время эпилептического припадка убил

собственную жену. В ходе расследования выяснилось, что незадолго до этого он перенес операцию по удалению гемангиомы в области височной доли мозга.

Случай с дворником был почти тривиальным. Приступы, правда, одолевали его, как выяснилось, и раньше. В частности, он жаловался на то, что временами чувствовал неприятные запахи или противный привкус во рту. Менялись и вкусовые качества продуктов: плитка шоколада отдавала металлом, а иногда ни с того ни с сего ему внезапно чудился «запах тухлой рыбы». Сплошь и рядом возникало ощущение, будто что-то, происходящее с ним, случалось и ранее, или же, наоборот, в знакомом месте он вдруг вел себя словно слепой котенок. Перед приступами он начинал, как уже заметили врачи, характерно причмокивать губами. Частое употребление алкоголя провоцировало припадки.

У дворника наблюдались и зрительные галлюцинации, в частности микропсия, при которой больной видит предметы меньшими, чем они есть на самом деле, и левитация — ощущение полета. Случался с ним и не совсем обычный приступ, известный под названием «двойник». Дворник видел себя в трехмерной проекции со стороны, причем фигура повторяла все его слова и действия.

ЭЭГ выявила самую неблагоприятную картину. В подобных случаях если в мозгу развивалась опухоль, то происходило это довольно медленно — болезнь подкрадывалась незаметно, но в конце концов, словно готовясь к последнему прыжку, буквально в течение нескольких недель сжимала и разрушала мозг.

И тогда исход только один — смерть.

— Уилли, дайте мне руку,— осторожно попросил Амфортас.

— Которую? — спросил дворник.

— Любую. Дайте левую.

Дворник повиновался.

Молодой врач с обидой поглядел на Амфортаса.

— Я это уже делал,— слегка раздраженно сообщил он.

— Я просто хочу еще разок повторить,— успокоил его Амфортас.

Он положил указательный и средний палец левой руки на ладонь дворника, а большой палец правой руки — на его запястье, потом надавил ими на руку больного и начал описывать на его ладони круги. Кисть дворника подхватила эти движения и послушно повторяла их.

Амфортас прекратил колдовать над рукой пациента и отпустил ее.

— Спасибо, Уилли.

— Не за что, сэр.

— Вы только не волнуйтесь.

— Хорошо, сэр.

В половине десятого Амфортас и его молодой коллега уже стояли около кофейного автомата у входа в психиатрическое отделение. Они обсуждали диагнозы, уточняли детали некоторых заболеваний и не забывали о вновь поступивших пациентах. Когда очередь дошла до дворника, врачи пришли к единодушному заключению.

— Я уже заказал компьютерную томографию,— сообщил молодой коллега.

Амфортас согласно кивнул. Только с помощью томографии можно было с уверенностью констатировать, что имеется поражение мозга и оно переходит в свою заключительную стадию.

— Надо бы на всякий случай забронировать операционную,— предложил Амфортас. Даже на этом этапе хирургическое вмешательство еще могло спасти Уилли жизнь.

Когда молодой врач начал рассказывать о девушке, у которой он подозревал менингит, Амфортас внезапно напрягся, черты его лица словно заострились и огрубели. Помощник заметил эту резкую перемену, но не придал ей особого значения, ибо знал, что невропатологи вообще отличаются интровертностью и весьма необщительны. Ко-

роче, люди со странностями. Поэтому молодой доктор тут же отнес такое поведение своего шефа именно на сей счет. При этом он подумал, что Амфортас, вероятно, расстроен. Ведь девушка еще слишком молода, и досадно, что ее ожидает либо полная инвалидность, либо мучительная смерть.

— А как продвигаются ваши исследования, Винсент?

Молодой врач уже допил свой кофе и, смяв пластиковый стаканчик, швырнул его в урну. Выходя за пределы отделения, где пациенты уже не могли их слышать, врачи, как правило, отбрасывали все формальности.

Амфортас пожал плечами. Мимо прошла медсестра. Она катила перед собой тележку с лекарствами. Амфортас некоторое время наблюдал за ней. Его безразличие начинало раздражать помощника.

— Сколько вы уже этим занимаетесь? — не унимался тот, пытаясь преодолеть возвышающийся между ними барьер отчуждения.

— Три года,— ответил Амфортас.

— И есть какие-нибудь результаты?

— Никаких.

Амфортас попросил своего помощника внести последние замечания в некоторые истории болезней, и тот оставил наконец очередную попытку сблизиться с шефом.

В десять часов Амфортас вместе с другими врачами совершил основной обход, а конференцию для медперсонала решили перенести на двенадцать.

Заведующий отделением невропатологии читал лекцию о рассеянном склерозе. Молодые врачи и студенты медицинского колледжа столпились у дверей лекционного зала и почти ничего не слышали. Так же как и Амфортас, сидевший прямо перед носом лектора. Он просто не слушал его.

После лекции состоялась дискуссия, переросшая вскоре в жаркие дебаты. Темой, однако, как ни странно, стали внутренние конфликты между различными отделениями больницы. И когда Амфортас произнес: «Извините, мне

надо на минутку выйти» — и вышел, никто не заметил, что он так и не вернулся назад.

Дискуссия закончилась, когда заведующий отделением вдруг разъяренно крикнул:

— И, черт возьми, мне уже опостылели здесь, в больнице, ваши пьяные физиономии. Или срочно приходите в себя, или на пушечный выстрел не приближайтесь к палатам, дьявол вас побери!

Последнее замечание слышали уже все, включая стажеров и студентов.

Амфортас вернулся в палату 411. Девушка, больная менингитом, сидела на кровати и не сводила глаз с голубого экрана телевизора, вмонтированного в противоположную стену. Она то и дело щелкала пультом, переключаясь с программы на программу. Когда вошел Амфортас, пациентка скосила глаза в его сторону. Голову она уже не поворачивала. Болезнь стремительно прогрессировала, и любое, даже незначительное, движение причиняло девушке нестерпимую боль.

— Здравствуйте, доктор.

Она нажала очередную кнопку на пульте, и экран, вспыхнув, погас.

— Нет-нет, не выключай,— быстро сказал Амфортас.

Теперь она уставилась на пустой экран.

— Все равно сейчас нет ничего интересного.

Он стоял возле кровати и рассматривал девушку. Личико ее покрывали веснушки, а на голове торчал смешной хвостик.

— Тебе хорошо здесь? — спросил Амфортас.

Она пожала плечами.

— Что-нибудь не так? — поинтересовался он.

— Надоело.— Девушка снова скосила глаза в его сторону. И улыбнулась. Врач тут же заметил темные мешки у нее под глазами.— Днем по телевизору никогда не бывает интересных передач.

— Ты хорошо спишь?

— Нет.

Амфортас взял личную карту и, заглянув в нее, увидел, что снотворное уже назначено.

— Мне дают какие-то таблетки, но они совсем не действуют,— пожаловалась девушка.

Амфортас положил карту на место. Когда он снова взглянул на пациентку, та неестественно изогнулась, едва сдерживая крик.

— Можно, я буду смотреть телевизор ночью? Я выключу звук.

— Я принесу тебе наушники,— пообещал Амфортас.— И никто, кроме тебя, ничего не услышит.

— Программы идут только до двух ночи,— с тоской в голосе поведала она.

Амфортас начал расспрашивать девушку, чем она раньше занималась.

— Я играла в теннис.

— Профессионалка?

— Да.

— А уроки давала?

Нет, уроков она не давала, а выступала на международных соревнованиях и колесила по всей стране.

— А место какое-нибудь занимаешь?

— Да, девятая ракетка.

— В стране?

— В мире.

— Прости мое невежество,— извинился он. И вдруг почувствовал озноб. Он ничего не мог пообещать ей.

А она все так же неподвижно сидела на кровати.

— Да, теперь останутся только воспоминания,— тихо произнесла девушка.

Амфортас почувствовал комок в горле. Ей все известно. Он пододвинул стул поближе к кровати и принялся расспрашивать девушку о теннисе. Казалось, что она немного приободрилась. Тогда врач присел на стул.

— Ну, в основном мне запомнились поездки во Францию и в Италию Правда, во Франции и соперниц-то подходящих не было. Там я победила всех.

— А в Италии? — заинтересовался доктор.— С кем ты встречалась в финале?

Еще добрых полчаса они болтали о теннисе и о соревнованиях.

Взглянув на часы, Амфортас понял, что ему пора уходить. Девушка сразу же словно съежилась, втянула голову в плечи и безразличным взглядом уставилась в окно.

— Да-да, конечно, идите,— пробормотала она. И снова ушла в свою скорлупу.

— У тебя есть здесь родственники? — осведомился врач.

— Нет.

— А где же они?

Она с трудом перевела взгляд с окна на экран телевизора.

— Они все умерли,— бросила она словно невзначай.

На экране бегали какие-то спортсмены, и эти чудовищные слова потонули в яростных криках болельщиков. Когда Амфортас выходил из палаты, девушка внимательно следила за происходящим на спортивном поле.

Уже из коридора Амфортас услышал, что она плачет.

Амфортас решил сегодня не обедать, а вместо этого поработать в своем кабинете. Надо закончить описание нескольких историй болезни. Два случая эпилепсии, где приступы провоцировались весьма необычно. В первом женщина не выносила звуков музыки. Как только она их слышала, у нее тут же начинался припадок. Во втором девочка одиннадцати лет также подвергалась припадку, стоило ей только взглянуть на собственную руку.

И еще несколько случаев афазии*.

---

* Афазия — расстройство речи, вызванное поражением коры головного мозга.

Одна пациентка повторяла буквально все, что ей говорили.

Пациент, который писал, а потом не мог прочесть то, что написал.

Еще один пациент не мог узнать человека по лицу. Для того чтобы больной признал этого человека, ему были необходимы дополнительные данные, например голос или иная особая примета вроде родинки и необычного цвета волос.

Все формы афазии были связаны с поражением мозга.

Отхлебывая кофе, Амфортас пытался сосредоточиться. Но это ему никак не удавалось. Отложив ручку, он внимательно посмотрел на фотографию в рамке, стоящую на столе. Золотоволосая юная девушка.

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет буквально впрыгнул Фримэн Темпл, заведующий отделением психиатрии. Элегантной пританцовывающей походкой он сразу же направился к столу Амфортаса. При этом он слегка изгибался, так что складывалось впечатление, будто он ходит на цыпочках. Подойдя к свободному стулу, Темпл тут же плюхнулся на него и с ходу понес:

— Слушай, я тебе тут такую кралю присмотрел! — Он поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее, вытянул ноги, затем скрестил их, достал короткую тонкую сигару и прикурил от спички, а саму спичку швырнул на пол, помахав ею в воздухе, чтобы загасить пламя.— Клянусь Богом, тебе она придется по вкусу. Ноги у нее растут прямо от груди. А грудь какая! Господи, одна сиська как арбуз, а другая еще больше! И кроме того, она просто сохнет по Моцарту. Винс, ты обязан ее куда-нибудь затащить!

Амфортас равнодушно внимал этой тираде. Темплу было уже за пятьдесят, но этот коротышка сумел сохранить мальчишеский задор, и глаза его всегда светились весельем. Однако, присмотревшись к нему повнимательнее, можно было заметить, что веселость эта весьма обманчива. И гла-

за его напоминали скорее волнующееся пшеничное поле. Иногда они внезапно останавливались, впившись в собеседника, оценивали и изучали его. Амфортас не любил Темпла и не доверял ему. Тот постоянно надоедал Амфортасу рассказами о своих бесчисленных любовных похождениях. Или начинал плести какие-то пространные байки, будто, учась в колледже, слыл бесподобным боксером. При этом он заставлял всех называть его Герцогом.

— Именно так все меня называли в Стенфорде,— хвастался он.— Все обращались ко мне не иначе как Герцог.

Каждой миловидной медсестре Темпл считал своим долгом сообщить, будто избегает боев. «Законом установлено, что мои руки считаются смертельным оружием»,— говаривал он. Когда Темпл напивался, то становился просто невыносимым. Мальчишеское очарование сменялось неприкрытой агрессивностью и злобой. Сейчас он тоже был навеселе. Видимо, после изрядной порции алкоголя или амфетамина, а может быть, как подозревал Амфортас, того и другого одновременно.

— Я сам встречаюсь с ее подружкой,— продолжал свои откровения Темпл.— Правда, она замужем. Ну и что? К черту мужа! Мне-то какая разница? Но та, которую я тебе наметил, конечно, свободна. Дать тебе ее телефончик?

Амфортас взял ручку и начал просматривать бумаги, делая на полях кое-какие заметки.

— Нет, спасибо. Я уже много лет не назначаю никому свиданий,— спокойно отказался он.

Внезапно психиатр словно протрезвел и, прищурившись, холодным взглядом окинул Амфортаса.

— Я это знаю,— ледяным тоном заметил он.

Амфортас продолжал работать.

— Что у тебя за проблемы? Ты что, импотент? — не унимался Темпл.— Хотя, конечно, в твоем положении такое вполне возможно, но я могу вылечить тебя гипнозом. Это у меня здорово получается. Я самый лучший гипнотизер.

Амфортас игнорировал болтовню Темпла, делая заметки и что-то записывая для себя на отдельном листочке, словно психиатра и вовсе не было в кабинете.

— Ну хорошо, тогда объясни мне, что это такое.

Амфортас оторвал взгляд от бумаг и наблюдал, как Темпл роется в карманах. Затем психиатр вытащил оттуда смятый листок и швырнул его Амфортасу на стол. Тот не спеша взял его и развернул. Потом прочел надпись, сделанную очень похожим на его — Амфортаса — почерком. Он ничего не понимал. Надпись гласила: «Жизнь в меньшей степени способна».

— Это еще что за чертовщина? — переспросил Темпл. Теперь он уже не скрывал своей злости.

— Не знаю,— просто ответил Амфортас.

— Ах ты не знаешь!

— Я этого не писал.

Темпл взвился со стула и рванулся к столу:

— Боже мой, ты ведь собственноручно всучил мне вчера эту писанину у дежурного столика. Мне тогда было некогда, и я сунул листок в карман. Что это значит?

Амфортас отложил записку в сторону и снова принялся за работу.

— Я этого не писал,— повторил он.

— Ты что, окончательно спятил? — Темпл сгреб записку и сунул ее прямо в лицо Амфортасу.— Это же твой почерк! Вот тут видишь свои знаменитые закорючки? Они, между прочим, говорят о том, что с твоими мозгами не все в порядке.

Амфортас зачеркнул в бумагах какое-то слово и вместо него вписал другое.

Лицо психиатра побагровело, и это особенно бросалось в глаза на фоне его белоснежных волос.

— Тебе следует прийти ко мне на прием,— взревел он.— У тебя повышенная агрессивность и враждебность. Ты полоумней, чем самый безнадежный псих у меня в палатах.

Пулей выскочив из кабинета, Темпл громко хлопнул дверью.

Какое-то время Амфортас безучастно разглядывал мятый листок. А потом вновь с головой погрузился в работу — до конца недели он должен ее закончить.

Днем Амфортас читал лекцию на медицинском факультете Джорджтаунского университета. Он поведал одну любопытную историю болезни. Пациентка с рождения не чувствовала боли. Еще в детстве она случайно откусила себе кончик языка, разжевывая пищу, а спустя некоторое время очень сильно обожглась: залюбовавшись закатом, в течение нескольких минут простояла голыми коленями на раскаленной батарее. Женщину отправили на психиатрическое исследование. Врачам она объясняла, что не чувствует боли даже при электрошоке. Не различала она также горячую или ледяную воду. Самым поразительным было то, что при этом у нее не повышалось кровяное давление, не изменялась частота сердцебиения и не нарушалось дыхание. Она никогда не чихала и не кашляла, рвотный рефлекс удавалось вызвать с большим трудом, да и то при помощи специальных инструментов. Напрочь отсутствовал и роговичный рефлекс, защищающий глаза.

Разнообразные опыты, которые при иных обстоятельствах смахивали бы скорее на садистские пытки — протыкание сухожилий, инъекции гистамина или введение палочек глубоко в ноздри,— не доставляли ей ровным счетом никаких неудобств, не вызывая болезненных ощущений.

Со временем женщина стала чувствовать себя плохо, появились различные отклонения: патологические изменения коленных чашечек, тазобедренных суставов и позвоночника. Хирург предположил, что подобная патология происходит оттого, что у больной ослаблена защита суставов, которая обычно ориентирована на болевые ощущения. В конце концов женщина потеряла способность

двигаться, менять позы и переворачиваться во время сна, что ускорило воспалительные процессы в суставах.

Она умерла в возрасте двадцати девяти лет от обширной инфекции, не поддающейся лечению.

Вопросов после лекции не последовало.

В половине четвертого Амфортас вернулся в свой рабочий кабинет. Он запер дверь, сел за стол и расслабился, отдавая себе отчет в том, что совершенно не в состоянии сейчас работать. Надо было чуточку отдохнуть.

Время от времени раздавался стук в дверь. Амфортас не отвечал, и шаги в коридоре постепенно стихали. Один раз в дверь стали колотить, потом бить ногами, и Амфортас догадался, что явился Темпл. Сквозь массивную дверь до Амфортаса донеслось его яростное рычание:

— Ты, псих ненормальный, я уверен, что ты там. Пусти меня, я знаю, как тебе помочь.

Амфортас даже не пошевелился, и некоторое время снаружи было тихо, затем он услышал негромкий голос Темпла: «Какие сиськи!» — и снова молчание. Ему показалось, что Темпл прижал ухо к двери и прислушивался.

Наконец раздались шаги — психиатр уходил, почти неслышно ступая по коридору своими легкими ботинками на двойной подошве. Амфортас продолжал все так же неподвижно сидеть за столом.

Без двадцати пять он позвонил своему приятелю, тоже невропатологу, работающему в городской больнице. Когда тот снял трубку, Амфортас с ходу заговорил о делах:

— Эдди, это Винсент. Результаты моего томографирования готовы?

— Да. Я как раз собирался позвонить тебе.

Наступила пауза.

— Положительный? — спросил наконец Амфортас.

И снова молчание.

— Да.— Голос невропатолога был едва слышен.

— Ладно, я сам обо всем позабочусь. До свидания, Эд.

— Винс...

Но Амфортас уже опустил трубку.

Он достал из ящика письменного стола фирменный больничный бланк и, тщательно обдумывая каждое слово, написал письмо заведующему невропатологическим отделением.

«Дорогой Джим!

Как ни трудно писать об этом, но я вынужден просить тебя освободить меня от занимаемой должности с вечера 15 марта. Мне необходимо целиком, без остатка посвятить себя научным исследованиям. Том Соамс вполне опытный врач, и все мои пациенты окажутся в надежных руках до тех пор, пока ты не найдешь мне замену. Ко вторнику я закончу полный отчет о каждом пациенте, а диагнозы вновь поступивших больных мы с Томом сегодня обсудили. После вторника я постараюсь выбраться еще разок для консультации, но на сто процентов не могу это обещать. В любом случае, найти меня всегда можно или в лаборатории, или дома.

Я понимаю, что для тебя все это полнейшая неожиданность. И что тебе придется нелегко. Еще раз прости. Я знаю, что ты не потребуешь от меня никаких дальнейших объяснений. К концу недели я уберу все свои вещи из кабинета. Хочу также заверить тебя, что все в отделении было прекрасно и работа мне всегда нравилась. А уж ты-то, конечно, вообще был на высоте. Спасибо за все.

С сожалением,

Винсент Амфортас».

Амфортас вышел из кабинета и, опустив письмо в персональный ящик заведующего отделением, покинул больницу. Было уже почти полшестого, и он ускорил шаг, направляясь в церковь Святой Троицы. Он еще успевал на вечернюю мессу.

В церкви была уйма народу. Он стоял у самого выхода и слушал мессу с замирающим сердцем, полным надеж-

ды и веры. Измученные тела пациентов, с которыми ему приходилось встречаться на протяжении многих лет, укрепили в его сознании мысль о том, что человек — это весьма хрупкое и одинокое создание. Люди напоминали ему крошечные язычки пламени на свечах, трепещущие во мраке вечной и кошмарной бездны. И подобное восприятие человека заставляло Амфортаса бережно относиться к людскому племени. Он считал себе подобных существами беспомощными и легко ранимыми, такими, которых необходимо постоянно и неусыпно защищать. А вот Господь почему-то не шел к нему на помощь. Амфортас знал о существовании Бога, но Бог только манил его к себе, а стоило к нему приблизиться, как он тут же отступал. Амфортас хотел обнять Господа, слившись с ним, но в итоге в объятиях оказывалась лишь его же собственная вера. Однако именно она объединяла все эти крошечные язычки пламени в единое целое; это целое было разлито в воздухе, оно возносилось ввысь и освещало ночь.

«О, Господи, я любил и воспевал красоту дома твоего...»

Может быть, только здесь и таился смысл, ибо нигде больше его просто не существовало.

Амфортас взглянул на длинную очередь, выстроившуюся перед исповедальней. Слишком много людей. Он решил прийти сюда завтра. Вот это будет исповедь. Он сознается во всех своих смертных грехах! «Можно будет исповедаться и на утренней мессе,— подумал Амфортас.— С утра здесь никогда не бывает людно».

«И да станет это для нас вечным исцелением...»

— Аминь,— твердо подхватил Амфортас.

Он уже все решил для себя.

Отперев парадную дверь, он вошел в дом. В прихожей прихватил со столика газету с пакетом и, пройдя в гостиную, зажег свет.

Амфортас снимал этот небольшой меблированный особнячок, который являл собой дешевую и неудачную паро-

дию на колониальный стиль. Гостиная переходила в кухню и завершалась небольшим закутком, который вполне годился под столовую. Наверху располагались спальня и кабинет. Однако большего Амфортасу и не было нужно.

Он устало опустился на стул и огляделся. Как всегда, в комнате царил беспорядок. Никогда прежде это его не беспокоило. Но теперь внутри нарастало какое-то непривычное ощущение: оно властно требовало разложить по местам все вещи, вымести мусор и до блеска протереть мебель и окна — в общем, произвести в доме генеральную уборку. Словно Амфортасу предстояло неведомое и длительное путешествие.

И тем не менее он отложил уборку на завтра. Сегодня он слишком устал.

Амфортас взглянул на магнитофон, стоящий на полке неподалеку от стула. Магнитофон соединялся с усилителем, рядом лежали наушники. Но сил Амфортасу не хватало даже на то, чтобы послушать любимую музыку. Он бросил взгляд на газету «Вашингтон пост», лежавшую на коленях, и внезапно ощутил страшный приступ головной боли. С силой втянув воздух, он прижал к вискам ладони, затем встал, и газета соскользнула на пол.

Пошатываясь, он добрел до спальни, нащупал выключатель, и комната озарилась приглушенным светом. Возле кровати неизменно стоял саквояжик с лекарствами. Амфортас раскрыл его, достал ватный тампон, одноразовый шприц и маленький пузырек с янтарно-желтой жидкостью. Он присел на кровать, расстегнул ремень и, спустив до колен брюки, обнажил бедра, а затем сделал себе инъекцию гормона, успев подумать, что теперь ему требуется уже приличная доза.

Амфортас лег на кровать и стал ждать, когда лекарство подействует. В кулаке он все еще сжимал пузырек с гормоном. Сердце бешено колотилось, в висках стучало, но ритмы эти не совпадали. Однако через пару минут они наконец слились, и Амфортас потерял чувство времени.

Он очнулся и, сев на кровати, обнаружил, что брюки все еще снущены. Он натянул их и застегнул ремень. В этот момент взгляд его упал на маленькую фарфоровую уточку, стоявшую на тумбочке возле кровати. Бело-зеленая пухлая уточка была облачена в девичье платьишко. На нем было написано: «Если ты от меня без ума, только крякни». Амфортас долго с грустью разглядывал фигурку, а затем, печально вздохнув, спустился вниз на кухню.

Пересекая гостиную, Амфортас подобрал с пола воскресную газету, которую решил просмотреть, пока в духовке разогревается обед. Он щелкнул выключателем и, едва под потолком в кухне вспыхнул свет, буквально застыл на месте. В закутке, который служил ему столовой, на столе валялись остатки завтрака. Тут же были разбросаны газетные листы все того же воскресного выпуска «Вашингтон пост».

Кто-то читал газету в его доме.

Глава четвертая

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Заключение экспертизы от 13 марта 1983 г.

Алану Стедману, доктору медицины
Копия: доктору Фрэнсису Капонерго
Запрос № 50

Эксперт:	магистр Самюэль Хиршберг
Лаборатория:	Бетесда
Получено:	13 марта 1983 г.
Жертва:	Кинтри, Томас Джошуа
Возраст:	12 лет
Цвет кожи:	темный
Пол:	мужской
Подозреваемые:	отсутствуют

Материал предоставлен доктором Аланом Стедманом. Задача экспертизы: исследование крови и мочи на содержание алкоголя и наркотиков.

Результаты исследования:

Кровь: концентрация этанола — 0,06%.

Моча: концентрация этанола — 0,08%.

Результаты качественных исследований химического состава крови и мочи:

Не обнаружено: цианидов и фтористых соединений; барбитуратов, карбаматов, бензодиазепинов и прочих седативных и снотворных лекарств; амфетаминов, антигистаминов; естественных и синтетических наркотиков и болеутоляющих средств; трициклических антидепрессантов и угарного газа; радионуклидов. Обнаружено: сукцинилхолинхлорид — 18 миллиграммов.

Токсиколог
Самюэль Хиршберг, магистр.

Глава пятая

«Существует некое предположение, будто человек является пленником, не имеющим права открыть дверь и уйти; это та самая тайна, которую я не в состоянии постичь. И все же я считаю, что боги — наши тюремщики, а мы, люди,— их собственность».

Киндерман раздумывал над отрывком из Платона. Эти строки то и дело всплывали в памяти следователя.

— Как это понимать? — недоумевал он.— Как же это может быть?

Они сидели за столом в полицейском участке: Киндерман, Аткинс и Райан. Киндерману позарез требовались сей-

час все эти люди: он должен был ощущать вокруг себя деловую суматоху, чувствовать, что мир реален и пол под его ногами с минуты на минуту не провалится. И еще ему был необходим яркий свет.

— Ну, конечно, на все сто процентов я в этом не уверен,— начал Райан и в задумчивости почесал плечо. Так же как Аткинс и Стедман, он привык работать без пиджака: в комнате на полную мощность были включены обогреватели. Райан пожал плечами и продолжал: — По волоскам это нельзя сказать наверняка, и все же мы вполне можем допустить. И все же...

— И все же...— эхом отозвался Киндерман.— Все же...

Рыхлый слой волос был идентичен по толщине; кроме того, размер и количество волос на единицу площади, а также кутикулы совпадали в обоих образцах. Волоски, извлеченные из кулака Кинтри, оказались свежевырванными, с округленными корнями. Это свидетельствовало о том, что мальчик сопротивлялся.

Киндерман покачал головой.

— Невозможно,— заявил он.— Это просто невозможно.

Следователь посмотрел на женскую фотографию, которую только что положили перед ним на стол, затем перевел взгляд на стоявший перед ним стакан чая и принялся пальцем гонять лимонную дольку по поверхности чуть теплой жидкости. Он даже не успел снять пальто.

— Отчего он умер? — спросил наконец лейтенант.

— От шока,— ответил Стедман.— И постепенного удушья.— Все уставились на него.— Ему вкололи сукцинилхолин. Десять миллиграммов на каждые пятьдесят фунтов вызывают немедленный паралич,— пояснил он.— В тело Кинтри ввели почти двадцать миллиграммов. После этого он не мог ни пошевелиться, ни крикнуть, а через минут десять не мог и дышать. Эта отрава парализует и дыхательную систему.

Наступила тишина, она словно внезапно упала на них и отрезала от всего остального мира: от погруженных в

свои дела, галдящих за соседними столиками людей, от треска, стука и писка многочисленных включенных аппаратов. Киндерман слышал, что происходит вокруг, но звуки теперь казались ему какими-то стертыми и размытыми. Они доносились словно издалека и походили на давно забытые молитвы.

— И для чего он применяется? — прервал молчание следователь.— Этот... как вы его там называете?

— Сукцинилхолин.

— Да, Стедман, это словечко наверняка пришлось тебе по вкусу.

— В основном он применяется как мышечный релаксант,— разъяснил Стедман.— Его используют для анестезии. Например, при лечении электрошоком.

Киндерман кивнул.

— Да, и еще кое-что,— спохватился Стедман.— Это лекарство действует только в определенных количествах. Так что для достижения желаемого эффекта необходимо знать точную дозировку.

— Итак, это может быть врач,— вслух размышлял Киндерман.— Возможно, анестезиолог! Пока этого никто не знает. Во всяком случае, человек, весьма близкий к медицинским кругам, так? И у него есть доступ к лекарствам, в частности к этому. Кстати, а шприц на месте преступления не нашли? Или там обнаружили лишь ценнейшие улики вроде фантиков или пустых сигаретных пачек?

— Нет, шприца там не было,— вставил Райан.

— Ну да, разумеется,— вздохнул Киндерман.

Тщательное обследование места происшествия мало что дало. Правда, на деревянном молотке обнаружили дырки от гвоздей, но зато отпечатки пальцев оказались смазанными, а исследование окурков выявило лишь то, что куривший человек имел группу крови 0 — самую распространенную из всех. Киндерман заметил, что Стедман взглянул на часы.

— Стедман, иди домой,— приказал он.— И ты, Райан, тоже. Уходите. Валите отсюда. Разбредайтесь по своим до-

мам и там обсуждайте евреев сколько душе заблагорассудится.

После короткого прощания Райан и Стедман покинули участок, и уже через пару минут думали лишь о вкусном обеде и горячем кофе.

Замерев у окна, Киндерман следил за тем, как они пытаются перейти забитую автомобилями улицу. Мыслями следователь вновь вернулся в суматоху полицейского участка. Он тут же услышал телефонные звонки, нетерпеливые выкрики своих коллег, но вдруг звуки опять будто по команде куда-то исчезли, словно растворились, и он остался с глазу на глаз с Аткинсом.

Сержант молча наблюдал, как Киндерман в задумчивости не спеша потягивает чай, затем пальцами достает ломтик лимона и, аккуратно выжав его, снова бросает в стаканчик.

— И эти газеты, Аткинс,— прервал молчание Киндерман и нахмурился.

Не мигая, сержант уставился на своего шефа.

— Лейтенант, тут скорее всего недоразумение. Я в этом почти уверен. Должно же быть какое-нибудь объяснение. Я завтра еще раз позвоню в отдел доставки и разузнаю.

Киндерман покачал головой и заглянул в стакан, с которым до сих пор никак не мог расстаться.

— Бесполезно. Ты ровным счетом ничего не узнаешь. И от этого мне становится как-то не по себе. Словно над нами решил позабавиться кто-то жуткий и беспощадный. Ты ничего не узнаешь, Аткинс.— Он отхлебнул еще один глоток, а потом пробормотал: — Сукцинилхолинхлорид. Одного этого уже достаточно.

— А что делать с той старушкой, лейтенант? — вспомнил Аткинс.— Никто не пытается разыскивать ее. На ее одежде не обнаружили пятен крови.

Киндерман посмотрел на Аткинса отсутствующим взглядом, затем, внезапно оживившись, заговорил:

— Ты что-нибудь слышал об охотящейся осе, Аткинс? Сразу вижу, тебе ничего не известно об этом. Да и вообще,

мало кто об этом что-нибудь знает. Но оса проделывает невероятные вещи. Для начала обмолвлюсь, что продолжительность ее жизни всего два месяца. Немного. Но осе этого вполне хватает, если она, конечно, здорова. Ну, хорошо. Вот вылупляется она из яйца. Махонькая такая, но уже шибко умная. Через месяц она вырастает и может откладывать собственные яйца. Но тут выясняется, что потомство надо еще и кормить, а едят они только живых насекомых. Так вот, Аткинс, возьмем, к примеру, цикаду, да, пусть это будет цикада. И оса это прекрасно понимает. А откуда ей известно про цикад? Так вот, это тоже тайна, но сейчас она к делу не относится. Важно лишь то, что еда должна быть живой: любое разложение может оказаться смертельным для личинок. С другой стороны, живая цикада сама может раздавить яйцо или, чего доброго, съесть его. А ведь оса не может накинуть сеть на стайку цикад и приволочь их в свое гнездо, сказав при этом своим деткам: «Вот, прошу вас, откушайте. Это вам на обед». Ты думаешь, Аткинс, охотящейся осе так все и плывет в ручки? А сама она целый день напролет весело и беспечно летает, жаля кого попало? Нет, все гораздо сложней. У ос своих проблем выше крыши. Но если оса сумеет *парализовать* цикаду, то проблема, считай, решена и обед, можно сказать, готов. Но ведь надо знать, куда ужалить цикаду, Аткинс. А для этого требуется изучить цикаду. Тебе же известно, что она покрыта хитиновыми пластинками. И кроме того, Аткинс, надо точно рассчитать, сколько яда можно ввести в цикаду. Иначе наша прелестница либо околеет, либо просто улетит. Для подобной скрупулезности требуются глубочайшие медико-хирургические знания. Ну, Аткинс, не вешай нос! Все прекрасно. Осы везде охотятся удачно. Пока мы с тобой сидим тут и занимаемся болтовней, они летают себе преспокойненько по всей стране и, напевая восхитительные песенки, парализуют одно насекомое за другим. Разве это не удивительно? Как же все это происходит?

— Ну, это инстинкт,— объявил Аткинс, заранее зная, что же хочет от него услышать Киндерман.

Тот просветлел:

— Аткинс, не произноси при мне слово «инстинкт», а я со своей стороны клянусь, что никогда не упомяну про «параметры». Ну что, по рукам?

— Ладно, а можно говорить «инстинктивно»?

— Нет, это тоже запрещается. Инстинкт... А что такое инстинкт? Разве слово само по себе что-то значит? Вот тебе кто-нибудь скажет, что сегодня над Кубой не взойдет солнце, а ты ответишь на это: «Подумаешь, значит, сегодня День-Невсхождения-над-Кубой-Солнца». Так? Ну и что? Разве этим ты что-нибудь объяснишь? Навешивая на какое-то явление ярлык, ты только скрываешь его тайную суть. Вот на меня, например, никакого впечатления не производят слова «сила притяжения». Ну ладно, об этом особый разговор. А пока что вновь возвратимся к охотящейся осе, Аткинс. Это удивительно. И это является частью моей теории.

— Вашей теории касательно нашего дела? — оживился Аткинс.

— Не знаю. Вполне возможно. А может, и нет. Я просто рассуждаю. Нет, скорее всего, это другое дело, Аткинс. Нечто гораздо большее.— Следователь неопределенно махнул рукой.— Все ведь на этом свете взаимосвязано. А что касается той старушки, ты пока что...

Киндерман внезапно замолчал, а откуда-то издалека донеслись раскаты грома. Следователь уставился в окно. Первые капли дождя робко скользнули по стеклу. Аткинс заерзал на стуле.

— Так вот, эта старушка,— еле слышно продолжал Киндерман, и глаза его мечтательно закатились.— Она приведет нас к самому сердцу тайны, Аткинс. Лично мне страшновато покуда следовать за ней. Честно.

Следователь замолчал, размышляя о чем-то про себя. Потом, внезапно смяв пустой стакан, швырнул его в кор-

зину для бумаг, стоявшую рядом со столом. Стакан унал в нее с глухим стуком. Киндерман поднялся.

— Ну а теперь поспеши к своей возлюбленной, Аткинс. Жуйте жвачку, пейте лимонад и уплетайте ириски. Что же до меня, то я ухожу. Adieu*.— Следователь продолжал стоять на месте, озираясь по сторонам.

— Лейтенант, она на вас,— подсказал Аткинс.

Лейтенант дотронулся до полей шляпы.

— Да, действительно. Надо же, заметил.

Киндерман все еще медлил, стоя возле стола.

— Никогда слепо не доверяй фактам,— буркнул он и засопел.— Факты нас ненавидят. И от них несет частенько чем-то гнусным. Они к тому же ненавидят не только людей, но временами — и саму истину.

Киндерман, резко повернувшись, ковыляющей походкой зашагал к выходу. Однако, не дойдя до двери, он вновь вернулся к столу, обшаривая на ходу свои карманы.

— И еще вот это,— обратился он к Аткинсу.— Сейчас, минуточку...

Киндерман извлек из кармана книгу, взглянул на название и, наспех пролистав ее, вынул оттуда пакетик из-под закусок местного бара. На пакетике было что-то написано. Следователь прижал его к груди, велев Аткинсу не подглядывать.

— Я и не собирался,— обиделся тот.

— Вот и хорошо.— Киндерман расправил листок и начал читать вслух: «Еще одно убедительное доказательство существования Бога связано с разумом, а не с чувствами, и заключается в том, что весьма трудно, даже невозможно представить себе, будто вся бесконечная Вселенная является результатом чистейшей случайности или же объективной необходимости».— Киндерман прижал листок к груди и взглянул на своего помощника.— Кто это написал, Аткинс?

---

* Прощай (*фр.*). *Здесь:* пока, счастливо.

— Вы.

— Да, похоже, до лейтенанта тебе еще далековато. Попробуй отгадать еще разок.

— Не знаю.

— Чарльз Дарвин,— сообщил Киндерман.— «Происхождение видов».— С этими словами он запихнул листок в карман пальто и покинул кабинет.

И тут же снова вернулся.

— И еще кое-что,— спохватился он, подойдя вплотную к Аткинсу. Между ними оставалось не больше дюйма. Лейтенант держал руки в карманах.— Что означает слово «Люцифер»?

— Несущий свет.

— А что составляет основу Вселенной?

— Энергия.

— А какая самая распространенная ее форма?

— Свет.

— Сам знаю.

Поникнув головой, следователь медленно вышел из кабинета. До сержанта донеслись тяжелые шаги Киндермана, спускающегося по лестнице.

Больше он не возвращался.

Сотрудница полиции Джоурдан примостилась в темном углу одной из палат. Старушка лежала на кровати, освещенная тусклым светом ночника. Она не шевелилась и не издавала ни звука. Руки ее были вытянуты вдоль тела, а глаза широко раскрыты. Она ничего не замечала вокруг, словно погруженная в свои неведомые грезы. Джоурдан прислушивалась к ровному дыханию старушки и к барабанной дроби дождевых капель, бивших в окно. Время от времени она начинала ерзать на стуле, устраиваясь поудобней. Ее уже клонило ко сну. Внезапно женщина встрепенулась и широко открыла глаза. Ей послышался странный звук. То ли потрескивание, то ли хруст. Совсем рядом со старушкой. Звук был еле слышен. Почувствовав себя не-

уютно, Джоурдан огляделась по сторонам. Она даже не поняла, испугал ли ее этот звук или же просто встревожил. Но тут же облегченно вздохнула: вероятно, это всего-навсего кубики льда в стакане около постели старушки.

В этот момент дверь распахнулась, и на пороге возник Киндерман. Он тихо вошел в палату.

— Вы можете отдохнуть,— предложил лейтенант.

Джоурдан, благодарно улыбнувшись, покинула палату.

Киндерман некоторое время внимательно изучал старую женщину, а затем, сняв шляпу, заговорил:

— Как вы себя чувствуете, дорогая?

Старушка молчала. И вдруг, вскинув руки, начала судорожно повторять все те же странные движения, которые лейтенант уже наблюдал сегодня на лодочной станции. Киндерман осторожно приподнял стул и поставил его рядом с кроватью. В палате невыносимо пахло какими-то дезинфицирующими средствами. Лейтенант сел и начал наблюдать за старушкой. Движения ее рук носили явно не случайный характер. Но что они могли означать? Мрачные тени от рук плясали на стене, напоминая силуэты каких-то жутких пауков, движущихся в таинственном, закодированном танце. Киндерман снова заглянул в лицо старушке. Оно словно излучало непонятную святость, а в глазах застыла безысходная тоска, как будто женщина жаждала и никак не могла открыть свою тайну.

Битый час Киндерман просидел в полумраке наедине со своими невеселыми мыслями, и единственными звуками в палате были стук дождя и его — Киндермана — собственное дыхание. Он рассуждал про себя о кварках и странных, неясных намеках физики, будто бы материя — это не вещество, а некие процессы, происходящие в мире. Они просто меняют расположение теней. Нейтрино в этом мире — призраки, а электроны вообще способны путешествовать во времени. «Посмотрите прямо на неяркую звезду — она сразу же исчезнет,— думал лейтенант,— потому что свет ее попадает на колбочки вашей сетчатки.

А теперь взгляните чуть в сторону от этой звезды — и вы ее увидите, ибо теперь свет воспринимается палочками сетчатки вашего глаза». Киндерман понимал, что и ему теперь придется смотреть не прямо, а чуточку в сторону. Ибо иначе найти ответы на огромное количество вопросов, видимо, просто невозможно. Нет, он не верил, что старушка замешана в убийстве, и все же каким-то шестым чувством ощущал имеющуюся здесь связь. Видимо, срабатывал инстинкт. И чем меньше доверял Киндерман фактам, тем сильнее крепла его уверенность в том, что старушка связана с происшедшей трагедией.

Когда несчастная прекратила наконец свои странные пассы руками, детектив поднялся и в который раз взглянул на кровать. Шляпу свою он держал обеими руками за поля.

— Спокойной ночи, мисс. Извините, что я вас потревожил.

Он вышел из палаты.

Джоурдан курила в холле. Лейтенант подошел к женщине и, окинув ее внимательным взглядом, понял, что она изрядно вымоталась.

— Старушка что-нибудь говорила? — спросил он.

Джоурдан выпустила струйку дыма и отрицательно покачала головой.

— Нет, ни слова.

— Ее кормили?

— Да, она поела немного каши и горячего супа.

Джоурдан нервно постучала указательным пальцем по кончику сигареты, пытаясь стряхнуть пепел.

— По-моему, вы чем-то обеспокоены,— встревожился Киндерман.

— Не знаю. Здесь жутковато. И я не могу понять отчего.— Она пожала плечами и повторила: — Не знаю.

— Вы очень устали. Идите-ка лучше домой. Здесь есть и медсестры, и сиделки...

— Нет-нет. Мне не хочется уходить. Она такая жалкая и несчастная.— Джоурдан снова попыталась стряхнуть несуществующий пепел, и тут в ее глазах вспыхнула надежда.— Впрочем, я и в самом деле какая-то разбитая. Вы думаете, мне можно уйти?

— Вы прекрасно поработали. А теперь бегите домой.

Джоурдан взглянула на него с облегчением:

— Спасибо, лейтенант. Спокойной ночи.

Повернувшись, она поспешила к выходу.

Киндерман не спускал с нее глаз.

«Вот и она почувствовала это,— размышлял он.— То же, что и я. Но что именно? В чем же загвоздка? Старушка ведь этого не делала».

В холле появилась уборщица и принялась надраивать пол. Ее волосы покрывала красная, видавшая виды косынка.

«А вот уборщица моет пол,— думал Киндерман.— И больше ничего не происходит».

Вернувшись к действительности, следователь отправился домой. Ему вдруг нестерпимо захотелось в теплую, мягкую постель.

Мэри уже поджидала его на кухне. В голубом шерстяном халате она восседала за столом из кленового дерева. У нее было круглое, добродушное лицо и озорные глаза.

— Ну, наконец-то! Привет, Билл. Ты какой-то усталый,— заметила она.

— Просто с ног валюсь.

Киндерман чмокнул жену в лоб и опустился на стул.

— Есть хочешь? — спросила Мэри.

— Не очень.

— Я пожарила грудинку.

— А почему не карпа?

Она рассмеялась.

— Как у тебя дела?

— Прекрасно. Как обычно резались в картишки.

Мэри прекрасно знала об убийстве Кинтри. Она слышала об этой трагедии по радио. Но еще много-много лет

назад они договорились, что служебные дела не будут тревожить их семейный покой. По крайней мере, обсуждать их дома запрещалось. Что же касалось поздних телефонных звонков, то они, конечно же, были неизбежны.

— Ну, а у тебя что новенького? Как тебе Ричмонд?

Она скорчила недовольную гримасу.

— Представляешь, решили мы там позавтракать, заказали яичницу с беконом, а нам ее принесли с овсянкой. Так мама не выдержала и как выпалит у самой кассы: «Здесь все евреи какие-то чокнутые».

— А где же она сама, наша несравненная и почтенная богиня яиц и бекона?

— Спит.

— Слава Богу.

— Билл, потише. Она может услышать.

— Сквозь сон? Ну конечно, любовь моя, а я и забыл. Повелительница Ванны дремлет чутко. Ибо прекрасно знает, что я могу совершить нечто чудовищное с этой проклятущей рыбиной. Мэри, ну когда же наконец мы съедим этого карпа? Кроме шуток.

— Завтра.

— Значит, сегодня я опять не смогу принять ванну?

— Сходи в душ.

— Но я хочу в ванну, и чтобы в ней было много-много пены. Слушай, а может, карп не будет возражать против пены? Я согласен вступить с ним в переговоры. Кстати, а где Джулия?

— На занятиях по танцам.

— Разве по ночам пляшут?

— Билл, но сейчас только восемь часов.

— Пусть лучше пляшет днем.

— Почему?

— Днем светло. Поэтому и лучше. Она будет видеть собственные туфли. Евреи не умеют плясать в темноте. Они все время спотыкаются. А это здорово раздражает.

— Билл, я хочу тебе кое-что сообщить. Только ты не психуй.

— Ясно. К нам спешат еще пять карпов.

— Что-то вроде этого. Джулия собирается поменять фамилию на Фебрэ.

Лейтенант тупо уставился на жену.

— Ты издеваешься?

— Нисколько.

— Значит, у тебя такие шуточки?

— Она утверждает, что танцовщице эта фамилия подходит гораздо лучше.

— Джулия Фебрэ,— мрачно произнес Киндерман.

— А почему бы и нет?

— Среди евреев нет фамилии Фебрэ. Что-то в этом роде происходит нынче и со всей нашей культурой. А потом явится доктор Берни Фейнерман и выпрямит ей нос, чтобы он соответствовал ее фамилии. Следом за этим в Библии появится новая книга Фебрэ, да и в ковчег уже не пустят никого, кто смахивает на антилопу гну. Там соберутся только аккуратненькие и чистенькие зверьки с благозвучными именами. И при этом все они будут непременно стопроцентными янки из Дубьюка. Мы должны благодарить Бога за то, что рядом с нами нет фараона. Ох и посмеялся бы он нам прямо в лицо!

— Могло быть и хуже,— возразила Мэри.

— Могло бы.

— А интересно, ковчег причаливал в Ричмонде?

Но Киндерман уже не слушал.

— По-моему, я уже погружаюсь,— пробормотал он и уронил голову на грудь.

— Дорогой, иди скорее спать,— засуетилась Мэри.— Ты сам себя изводишь.

Киндерман послушно кивнул.

— Да, я действительно здорово устал.— Он поднялся со стула и поцеловал жену в щеку.— Спокойной ночи, пончик.

— Спокойной ночи, Билл. Я тебя очень люблю.

— Я тоже.

Киндерман добрел до спальни и через несколько минут уже мирно посапывал.

И приснился ему странный сон. Сначала он будто бы летал над лесами и лугами — все казалось ярким, красочным и настоящим. Потом Киндерман разглядел сверху деревеньки и города. Они тоже казались вроде бы настоящими, да и выглядели как обычно, но он-то знал: на этот раз в них кроется что-то совершенно непонятное — Киндерман никогда не смог бы описать их. Как бывает обычно в таких снах, он не ощущал собственного тела и в то же время чувствовал невероятную силу. Отчетливо распознавая вокруг себя и предметы, и лица, Киндерман тем не менее прекрасно понимал, что все это ему только снится,— на самом деле он лежит сейчас в постели и досконально помнит все события минувшего дня.

Неожиданно Киндерман очутился внутри огромного каменного строения. Гладкие нежно-розовые стены сходились на невероятной высоте, образуя гигантский купол. Киндерман догадался, что находится внутри исполинского собора. Всюду стояли койки, такие же, как в больницах — белые и узкие, а рядом сновали незнакомые люди, и каждый был чем-то занят. При этом вокруг стояла тишина. Одни лежали или сидели на койках, другие бродили между ними в пижамах и халатах. В основном люди читали или беззвучно беседовали друг с другом. Совсем рядом Киндерман заметил горсточку людей, состоящую из пяти человек. Они собрались за столом, на котором возвышался аппарат, напоминающий радиопередатчик. Лица у собравшихся застыли в напряжении. Наконец Киндерман услышал, как один из них произнес: «Вы меня слышите?» Странные крылатые существа — мужчины и женщины в белых больничных халатах — шествовали в разных направлениях и раздавали лекарства. Они тоже спокойно переговаривались между собой. Сквозь круглые витраж-

ные окна пробивались яркие солнечные лучи. В соборе царили мир и согласие.

Киндерман двинулся вдоль бесконечного ряда коек. Похоже, его здесь никто не замечал, кроме разве что одного крылатого ангела, который на мгновение обернулся к Киндерману, когда тот проходил мимо. Ангел приветливо улыбнулся и тут же снова вернулся к своей работе.

И вдруг Киндерман увидел своего брата Макса. Тот ходил в учениках у раввина вплоть до своей смерти в 1950 году. Киндерман не спеша подошел к Максу и присел на краешек его кровати.

— Рад тебя видеть, Макс,— начал он, а затем добавил: — Ну вот, теперь мы *оба* спим и видим этот сон.

Но брат, печально покачав головой, возразил:

— Нет, Билл, *я-то* как раз и не сплю.

И тут Киндерман вспомнил, что Макс давно умер. Но одновременно с прозрением к нему явилась и мысль, что Макс не иллюзия, не плод воображения. Киндерман вдруг осознал, что видит брата на самом деле.

— Эти люди уже умерли? — спросил лейтенант.

Макс кивнул.

— Это часть таинства,— объяснил он.

— А где мы находимся? — полюбопытствовал Киндерман.

Макс лишь пожал плечами.

— Не знаю. Мы точно не уверены. Но сначала мы все попадаем сюда.

— Смахивает на больницу,— заметил Киндерман.

— Да, нас всех здесь лечат,— подтвердил Макс.

— А ты знаешь, куда вы отправитесь потом?

— Нет,— ответил Макс.

Они продолжали беседовать, и Киндерман наконец решился задать свой самый важный вопрос.

— А Бог действительно существует, Макс?

— Только не в мире снов, Билл.

— А что такое мир снов, Макс? Мы сейчас в нем?

— Это тот мир, где мы занимаемся самосозерцанием.

Киндерман принялся настаивать, чтобы Макс объяснил смысл своих слов, но ответы брата становились все более непонятными.

Макс вдруг заявил:

— У нас две души.

А потом снова бессвязно залепетал.

Сон начал постепенно растворяться, и вскоре Макс растаял, превратившись в призрак, продолжавший нести полную околесицу.

Проснувшись, Киндерман приподнял голову. Сквозь щелочку в занавесках пробивался сумеречный свет — близился восход солнца. Лейтенант опустил голову на подушку и принялся размышлять о своем странном сне... Что же он мог означать?

— Ангелы-врачи,— вслух пробормотал Киндерман.

Мэри заворочалась во сне. Киндерман осторожно выскользнул из-под одеяла и направился в ванную. Нащупав выключатель и прикрыв за собой дверь, он зажег свет и справил нужду, недовольно косясь в сторону ванны. Там, лениво шевеля плавниками, все еще ожидал своей участи несчастный карп, и лейтенант отвернулся, чтобы не видеть его. Киндерман умылся, побрился и снял халат, висевший тут же на маленьком дверном крючке.

Выключив свет, он спустился по лестнице, вскипятил чайник, уселся за стол и задумался. А вдруг этот сон имеет непосредственное отношение к будущему? Может быть, он является предчувствием смерти? Киндерман покачал головой. Нет, сны о будущем никогда не были у него такими красочными и отчетливыми. А этот сон вообще ни на что не походил. И произвел на лейтенанта очень сильное впечатление.

— Только не в мире снов,— пробормотал Киндерман.— Две души. Это тот мир, где мы занимаемся самосозерцанием.

А вдруг, пока он спал, само подсознание протягивало ему ключ к решению задачи, над которой он постоянно бился? Вечная проблема боли... Киндерман вспомнил очерк Юнга «Видения», где рассказывается о том, как психиатр столкнулся со смертью. Его доставили в больницу в состоянии комы. Он чувствовал, как покидает собственное тело и словно плывет по воздуху куда-то ввысь, а потом витает над планетой. Психиатр уже собрался было посетить некий храм, паривший тут же неподалеку, но вдруг к нему приблизился доктор, причем, судя по одежде, это был врачеватель из Древней Греции. Он принялся уговаривать психиатра вернуться в собственное тело и укорял его за то, что тот еще не закончил свои земные дела. И через мгновение Юнг очнулся на больничной койке. Он тут же узнал врача, хотя в грезах тот явился ему в странном одеянии. Юнга охватила тревога: его беспокоила судьба доктора. И действительно, тот через пару недель серьезно заболел и вскоре умер. Однако самыми сильными чувствами из тех, что довелось ему тогда испытать,— и эти чувства не покидали его еще по крайней мере месяцев шесть — были глубочайшая депрессия и сознание того, что ему пришлось вернуться в собственное тело и в этот мир, который он отныне называл не иначе, как «ящик».

«Может быть, здесь и кроется ответ? — про себя рассуждал Киндерман.— Может быть, вся наша трехмерная Вселенная является всего-навсего искусственно созданной конструкцией и служит лишь для того, чтобы в определенный промежуток времени мы решали те задачи, которые нельзя решить в других мирах? Возможно, и проблема зла придумана для того, чтобы мы разобрались в ней самостоятельно? И может быть, наши души являются в этот чуждый им мир облаченными в тела, словно подводники, напялившие на себя водолазные скафандры и устремившиеся на океанское дно? И не сознательно ли мы выбираем боль, чтобы потом страдать?»

Киндерман размышлял, способен ли человек существовать без боли, по крайней мере, без *необходимости* ее ощущать. И сохранятся ли тогда понятия чести, храбрости и доброты? Если Бог хороший и добрый, он не должен пройти мимо страдающего и плачущего ребенка. А он проходит. Он просто наблюдает. А не человек ли попросил его именно наблюдать? Ибо именно человек и взвалил на свою душу все самые суровые испытания, дабы сделаться *настоящим* человеком, и случилось это в незапамятные времена, до того как была создана твердь небесная.

Больница. Ангелы-врачи. «Да, нас всех здесь лечат». Ну разумеется,— решил Киндерман.— Все сходится. После смерти необходимо отдохнуть недельку-другую. Это что-то вроде курорта во Флориде. Хуже, во всяком случае, от этого не будет.

Киндерман еще немного порассуждал на эту тему, и она показалась ему забавной. Но как только лейтенант подумал о страданиях высших животных, он тут же зашел в тупик. Звери-то уж наверняка не могли выбрать для себя боль, а ведь даже самая расчудесная и преданная собака не имела бессмертной души. «И все же в этом что-то есть,— сам себе возразил он.— Это уже ближе к истине». Оставалось лишь логически обосновать данную теорию. Чтобы она, имея смысл, выставляла Бога в самом выгодном свете. Киндерману казалось, что сейчас он на верном пути.

На лестнице послышались торопливые шаркающие шаги. Он обернулся и скорчил недовольную гримасу. Шаги приближались. Лейтенант поднял глаза и увидел тещу. Ей уже стукнуло восемьдесят, и Киндерман в который раз принялся разглядывать старушку. Седые волосы аккуратно уложены в пучок, черный халат...

— Я и не знала, что ты уже встал,— удивилась она. Все лицо ее избороздили морщины.

— А я вот встал,— отозвался Киндерман.— И это факт.

Казалось, она задумалась над его словами. Потоптавшись на месте, старушка поспешила к плите.

— Сейчас я поставлю чайник.

— Я уже пил чай.

— Выпей еще.

Она подошла к столу и, дотронувшись до чашки зятя, бросила на него такой взгляд, какой, наверное, был у Господа Бога, когда ему сообщили о Каине.

— Он же остыл,— ледяным тоном констатировала теща.— Я приготовлю новый.

Киндерман взглянул на часы. Почти семь.

«Что происходит со временем?» — удивился он, а вслух спросил:

— Ну как Ричмонд?

— Там сплошь и рядом негры. Больше вы меня туда ни за какие коврижки не затащите.

Теща плюхнула чайник на плиту и пробурчала что-то на идиш. Зазвонил телефон.

— Ничего, я возьму,— спохватилась она и сняла трубку.— Да?

Киндерман наблюдал, как старушка с недовольной гримасой выслушивает чьи-то слова, а затем хмурится.

— Это тебя. Один из твоих дружков-гангстеров.

Лейтенант вздохнул и, поднявшись, взял трубку.

— Киндерман слушает,— устало произнес он.

И застыл как вкопанный. Лицо его окаменело.

— Сейчас буду,— буркнул он и бросил трубку.

Утром в шесть тридцать был убит священник. Его обезглавили прямо в исповедальне церкви Святой Троицы, в то время как он выслушивал одного из прихожан.

Убийцы на месте преступления не оказалось. Кто мог его совершить, оставалось только гадать.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 14 МАРТА

Глава шестая

«Существование жизни на земле связано с атмосферным давлением. Это давление, в свою очередь, определяется постоянным действием некоторых физических сил, зависящих от расположения планеты в космическом про-

странстве. А на него — на космическое пространство — влияет Вселенная в целом. Но что же здесь первично?» — раздумывал Киндерман.

— Лейтенант?

— Я весь во внимании, Горацио Хвастунишка. И каковы наши достижения на сегодняшний день?

— Никто не заметил ничего особенного,— сообщил Аткинс.— Можно отпустить прихожан?

Киндерман сидел на скамье возле исповедальни, где обычно выстраивалась очередь прихожан. Дверь в исповедальню была прикрыта, но кровь уже успела просочиться под нее. Алый поток разделился надвое, и судебные эксперты с опаской переступали через эти страшные ручейки. Вход в церковь охранялся полицейскими. Настоятель внимательно слушал Стедмана. Они стояли слева от алтаря перед статуей Девы Марии. Старый священник время от времени кивал, покусывая нижнюю губу.

— Да, конечно, отпустите их,— обратился лейтенант к Аткинсу.— Оставьте только тех четверых — свидетелей. А мне еще надо кое-что обдумать.

Аткинс кивнул и обвел взглядом церковь в поисках возвышения, откуда он смог бы объявить прихожанам, что они свободны. Тут он заметил хоры и направился к ним.

Киндерман вновь погрузился в размышления. Вечна ли Вселенная? Возможно. Этого никто не знает. Если бы, к примеру, зубной врач обладал бессмертием, он бы вечно пломбировал зубы! А Вселенная? Что ее-то поддерживает? Изменится ли что-нибудь, если начать растягивать звенья причинно-следственной цепи? «Нет, так я ни к чему не приду»,— решил Киндерман. Он представил себе товарный состав, перевозящий на фирму «Авраам и Страус» одежду с маленьких военных заводиков близ Кливленда, где, как ему казалось, ее и производят. Впереди каждого вагона находится другой, благодаря которому тот движется. Ни один вагон сам по себе не поедет. И как ни увеличивай число вагонов, в движение они от этого не придут.

Сколько ни умножай ноль, все равно ноль и получится. Да и электровоз не тронется с места, если на нем не поставить двигатель. А это уже совсем другое, нежели вагоны.

«Первичный двигатель сам по себе недвижим. Первоначальная причина ни из чего не проистекает. Что это? Противоречие? — думал Киндерман.— И если все должно иметь свою причину, то, может быть, она и есть Бог?» Тут Киндерман приступил к интеллектуальной разминке и сразу же ответил сам себе: «Принцип причинно-следственных связей вывели на основании наблюдений за материальной Вселенной, а она лишь часть общей Вселенной. И существует ли другой мир, не связанный со временем, с пространством и материей? А что думает по этому поводу, например, чайник?»

Киндерман повернулся к Райану:

— Как ты считаешь, стоит ли оповещать прессу или оставим это пока в пределах церкви?

— Надо снять отпечатки пальцев с ширмы в исповедальне.

— А для чего мы, интересно, съехались сюда? Ищите отпечатки. И не только снаружи, но и изнутри, особенно на металлических ручках.

— Но внутри могут быть отпечатки пальцев только самого священника,— удивленно возразил Райан.— Что они могут дать?

— Я иду по следу. Работу мне оплачивают по часам. А тебе полагается присматривать за своим помощником, вместо того чтобы задавать мне дурацкие вопросы.

Но Райан стоял на своем:

— Я не понимаю, какое отношение к преступлению могут иметь отпечатки пальцев убитого священника.

— Придется тебе поверить мне на слово.

— Хорошо,— сдался наконец Райан.

Он ушел, а вместе с ним исчезло и ощущение покоя — крошечный островок в потоке отчаяния и тоски. Киндермана вновь одолели сомнения. Да, все произошло именно

здесь. И в определенное время. Он услышал шаркающие шаги прихожан. Люди выходили из церкви на освещенную улицу.

«Допустим,— продолжал свои рассуждения Киндерман,— американский астронавт совершает посадку на Марс. И там вдруг обнаруживает фотоаппарат. Как он объяснит его присутствие на поверхности чужой планеты? Сначала астронавт решит, что он здесь не первый, что кто-то уже побывал на Марсе до него. Но только не русские. Ибо это фотоаппарат фирмы "Никон". Он слишком дорогой. Тогда, может быть, это астронавты из какой-то другой страны, а то и вообще пришельцы? Они, наверное, побывали сначала на Земле и прихватили этот аппарат для изучения. А вдруг правительство США обмануло его и послало сюда другого астронавта, который и обронил здесь свой аппарат? В конце концов он может прийти к заключению, что у него начались галлюцинации, что все это ему просто привиделось или приснилось. Но вот одна вещь никогда не придет ему в голову,— рассуждал Киндерман,— на Марс попадает множество метеоритов, да и сама его поверхность изобилует вулканами. За многие миллиарды лет могло произойти случайное слияние различных частиц, в результате которого и возник этот фотоаппарат. Однако нашего астронавта убедят в том, что он, дескать, подвергся некоему опасному космическому облучению и от этого прямиком сошел с ума. Затем его тихонечко спровадят в соответствующее учреждение, снабдив при этом мешком с мацой и какой-нибудь цацкой, вроде значка Космического десантника. Затвор объектива, диафрагма, автоматическая фокусировка, выдержка... Может ли все это возникнуть случайно?»

Человеческий глаз обладает десятками миллионов электрических связей. Они могут воспринимать одновременно несколько миллионов сигналов, а могут различить свечение всего лишь одного фотона.

И вот на Марсе находят человеческий глаз.

Человеческий мозг, три фунта ткани, состоит из более чем сотни миллиардов клеток и пятисот триллионов синапсов. Он может мечтать, решать уравнения, сочинять музыку, создавать язык и науки, придумывать двигатели для ракет, рвущихся к звездам; он усыпляет мать в яростную бурю, и он же будит ее при малейшем писке младенца. Компьютер, который исполнял бы все функции мозга, целиком занял бы поверхность планеты Земля.

На Марсе находят человеческий мозг.

Мозг в состоянии распознать единицу меркаптана* в пятидесяти миллиардах единиц воздуха, и если бы ухо человека было таким же чувствительным, оно смогло бы воспринять на слух столкновение молекул.

За сотни миллионов лет никто так и не смог разгадать тайны мироздания. Сама эволюция является величайшей загадкой. Основная тенденция материи направлена в сторону дезорганизации, к конечному состоянию случайностей, из которого Вселенная уже никогда не сумеет выбраться. Каждое мгновение рвутся и исчезают какие-то связи, и весь наш мир летит навстречу саморазрушению, лихорадочно ожидая смерти, подобно остывающей звезде. И все же эволюция существует, вновь и вновь поражался Киндерман, ураган собирает соломинки в стог, в единое сложное строение. Эволюция похожа на некую теорему, начерганную на листочке растения, плывущего против течения. Великий Конструктор трудится в поте лица. Ну, что еще? Вроде здесь все ясно. Если вы услыхали топот копыт в Центральном парке, не спешите обнаружить там стадо зебр.

— Все посторонние покинули церковь, лейтенант.

Киндерман поднял глаза и, увидев Аткинса, перевел взгляд на исповедальню, где до сих пор лежал труп священника.

---

* Меркаптан — химическое соединение с резким, неприятным запахом.

— Ну да, Аткинс? В самом деле?

Райан усердно наносил порошок на внешнюю сторону ширмы, и Киндерман какое-то время наблюдал за ним. Веки его отяжелели, глаза закрывались.

— И с внутренней стороны тоже,— напомнил он.— Не забудьте.

— Не забуду,— буркнул Райан.

— Чудесно.

Тяжело вздохнув, Киндерман поднялся и вместе с Аткинсом направился ко второй исповедальне — в дальний правый угол церкви. На задних скамьях сидели свидетели, которых Аткинс попросил задержаться. Остановившись, Киндерман внимательно присмотрелся к ним. Ричард Коулман, сорок лет, адвокат, работает в приемной у генерального прокурора. Сюзан Вольп, симпатичная студенточка Джорджтаунского университета. Джордж Патерно, футбольный тренер из Мэриленда: невысок, крепкого телосложения, на вид немногим более тридцати. Рядом с ним расположился одетый с иголочки джентльмен лет пятидесяти, Ричард Маккуи, выпускник Джорджтаунского университета. В настоящее время он владел ресторанчиком под названием «1789», что находился всего в квартале от церкви. Киндерман лично знал этого человека. Ему принадлежала еще одна забегаловка, всем известная в округе «Могилка». В незапамятные времена лейтенант неоднократно сиживал там со своим приятелем, который уже давным-давно умер.

— Еще несколько вопросов, если это вас не затруднит,— обратился к присутствующим Киндерман.— Это не займет много времени. Я постараюсь отпустить вас как можно скорее. Мистер Патерно, войдите, пожалуйста, в исповедальню.

Внутри комнатка была разделена на три секции, каждая из которых имела отдельный вход. Центральная предназначалась для священника и была темной: свет сюда проникал лишь через небольшую решетку над входной дверью.

В двух других секциях стояли маленькие скамеечки, для того чтобы посетителям было удобно вставать на колени. С обеих сторон располагались ширмы. Когда подходил очередной кающийся, священник сдвигал ткань в сторону, а по окончании исповеди закрывал ширму и открывал другую, с противоположной стороны, где его уже ждал следующий прихожанин.

Утром, примерно в шесть тридцать пять, слева из исповедальни вышел молодой человек. Личность его пока не установлена, однако свидетели дали вполне сносное описание: светло-зеленые глаза, наголо обритая голова, возраст — около двадцати. Одет он был в плотную синюю водолазку. Судя по всему, исповедь его длилась долго. Потом его место занял Джордж Патерно. В это время священник — отец Кеннет Бермингэм, бывший президент Джорджтаунского университета,— повернулся направо, чтобы выслушать очередного прихожанина. Его личность также оставалась пока загадкой. Говорили, будто на этом джентльмене были белые полотняные штаны и черная шерстяная ветровка с капюшоном. Он появился минут через шесть-семь, а вместо него внутрь зашел старичок с целлофановым пакетом. Какое-то время он отсутствовал, потом возвратился, очевидно так и не исповедовавшись, поскольку сначала шла очередь Патерно. А последний все еще находился внутри исповедальни. Место старичка занял Маккуи и так же, как и Патерно, стал дожидаться в темноте. Маккуи был уверен, что священник занят сейчас мистером Патерно. Тот же, в свою очередь, считал, что мужчина в черной ветровке еще не покинул исповедальню. Но одно было совершенно ясно. Ни до Коулмана, ни до Вольп очередь так и не дошла. Кровь, сочащуюся из-под двери исповедальни, первым заметил Коулман.

— Мистер Патерно?

Патерно опустился на колени в левой части исповедальни. Постепенно он начинал приходить в себя. Услышав свое

имя, Патерно взглянул на Киндермана и растерянно заморгал.

— Пока вы находились в исповедальне,— продолжал следователь,— неизвестный в черном стоял с другой стороны, а потом там оказался старичок, и уже после него мистер Маккуи. Вы говорили, будто слышали, как задвинулась шторка. Вы подтверждаете свои слова?

— Да, все было именно так.

— И поэтому вы решили, что тот, в черной кофте, уже закончил свою исповедь?

— Да.

— А вы не слышали, как священник снова открывает ширму? Может быть, он хотел еще что-то сказать ему?

— Нет, не слышал.

Киндерман кивнул и перешел в соседний отсек. Осмотревшись, он занял место священника.

— Сейчас я прикрою ширму с вашей стороны,— объяснил он Патерно.— После этого слушайте внимательно.— Он дернул ширму, потом очень медленно раздвинул противоположную и вновь обратился к Патерно: — Вы что-нибудь слышали?

— Нет.

Киндерман задумался. Патерно хотел было подняться с коленей, но лейтенант остановил его и попросил:

— Пожалуйста, мистер Патерно, не уходите пока.

Следователь покинул средний отсек, вошел в правый и встал на колени. Отодвинув свою ширму и, разглядев Патерно, который уже вновь отдернул свою шторку, скомандовал:

— Закройтесь и слушайте внимательно.

Патерно послушно задвинул ширму. Киндерман протянул руку внутрь среднего отсека, где должен был находиться священник, нащупал там металлическую ручку и попробовал закрыть ширму изнутри. Он задвинул ее почти до конца, а потом уже со своей стороны нажал паль-

цами на створку и захлопнул ее. Раздался приглушенный стук.

Киндерман поднялся и вновь направился к Патерно.

— Теперь что вы слышали? — осведомился лейтенант.

— Вы закрыли ширму.

— А походил ли этот звук на тот, что вы слышали в прошлый раз, когда ждали своей очереди?

— Да, точно такой же.

— Точно?

— Точно.

— Пожалуйста, опишите его.

— Как это — «опишите»?

— Ну, припомните, например, на что он был похож.

Мгновение поколебавшись, Патерно заговорил:

— В общем... сначала раздался звук, как будто ширма закрывается, потом наступила тишина, а немного погодя кто-то задвинул ее до конца.

— Значит, вы расслышали, что звук прекращался на некоторое время?

— Да, все было точно так же, как сейчас.

— А откуда вы узнали, что ее задвинули до конца?

— Тогда раздался такой же глухой стук. Довольно громкий.

— То есть громче, чем это бывает обычно?

— Да, стук был громкий.

— И не такой, как всегда?

— Да, громче.

— Понятно. А вы не удивились, почему после этого ширму не открыли с вашей стороны?

— Удивился ли я?

— Да, тому, что священник не обратился к вам.

— В общем... да, пожалуй, удивился.

— А когда вы услышали этот звук? Сколько прошло времени, прежде чем обнаружили труп?

— Не припомню.

— Минут пять?

— Не знаю.

— Десять?

— Не скажу точно.

— А может быть, больше, чем десять минут?

— Я не уверен.

Киндерман снова задумался, а потом спросил:

— А не слышали ли вы другие звуки, пока ждали здесь своей очереди?

— В смысле, разговоры?

— Что угодно.

— Нет, разговора я не слышал.

— А бывает так, что вы все же слышите голоса во время чужой исповеди?

— Иногда. Особенно в конце, когда исповедь становится по-настоящему искренней и говорят очень громко.

— Но на этот раз такого не было?

— Нет.

— Вообще никаких разговоров?

— Вообще никаких.

— Даже бормотания?

— Нет.

— Спасибо. Вы можете идти.

Патерно отвел взгляд от Киндермана, поспешно поднялся с коленей, вышел из исповедальни и присел на скамью рядом с другими свидетелями. Киндерман оглядел их еще раз. Адвокат время от времени бросал нетерпеливые взгляды на свои часы. Следователь обратился именно к нему:

— Итак, пожилой человек с пакетом... Мистер Коулман!

— Да? — откликнулся адвокат.

— Сколько времени, по-вашему, он находился внутри исповедальни?

— Минут семь-восемь. Может, и дольше.

— А после исповеди он оставался в церкви?

— Не знаю.

— Ну а вы, мисс Вольп? Вы, случайно, не заметили?

Девушка никак не могла собраться с мыслями и тупо уставилась на следователя.

— Мисс Вольп?

Она вздрогнула.

— Да?

— Тот старичок с пакетом, мисс Вольп. После исповеди он ушел из церкви или остался?

Девушка еще некоторое время смотрела на него остекленевшими глазами, а потом наконец заговорила:

— По-моему, он вышел. Но точно сказать я не могу.

— Вы не уверены?

— Не уверена.

— Но все же вам кажется, что он ушел.

— Да, мне так кажется.

— Вы не заметили ничего необычного в его поведении?

— Необычного?

— Мистер Коулман, а вы не заметили?

— Он показался мне очень дряхлым,— отозвался Коулман.— Я еще подумал тогда, что поэтому-то он и задержался так надолго.

— Вы говорили, что на вид ему было за семьдесят?

— Ну да, но он выглядел уж больно изможденным и слабым, когда шел.

— Шел? Куда он шел?

— К скамье.

— Значит, он остался в церкви,— заключил Киндерман.

— Нет, я этого не утверждаю,— возразил Коулман.— После исповеди он действительно направился к скамье, но потом, вполне возможно, покинул церковь.

— Я понял вас, господин адвокат. Благодарю.

— Не за что.— В глазах Коулмана светилось удовлетворение.

— Так, теперь остается голубчик с бритой головой и неизвестный в черной ветровке с капюшоном,— добавил

Киндерман.— Кто-нибудь из вас помнит, оставались ли они в церкви или же сразу ушли?

Наступила тишина.

Киндерман обратился к девушке:

— Мисс Вольп, тот мужчина в черной ветровке... Что-нибудь в его облике или манерах не показалось вам необычным?

— Нет,— удивилась мисс Вольп.— Я хочу сказать, что не обратила на него особого внимания.

— А суетливости в его действиях вы не заметили?

— Нет, он был спокоен... ну, в общем, как все.

— Как все...

— Ах, да! Он слегка причмокивал. А больше ничего такого...

— Слегка причмокивал?

— Ну да.

Киндерман задумался, а потом спохватился:

— Это все, господа. Спасибо всем. Извините, что пришлось вас задержать. Сержант Аткинс, проводите свидетелей, а потом сразу ко мне. Это очень важно.

Аткинс повел всю компанию к выходу, где дежурил полицейский. Всего несколько шагов, но Киндерман с таким волнением наблюдал за сержантом, будто Аткинс решил отправиться куда-нибудь в Мозамбик и, возможно, навсегда.

Однако через несколько минут Аткинс уже стоял перед ним.

— Слушаю вас, сэр.

— Я хотел тут кое-что добавить к сказанному об эволюции. Вот все твердят: шансы... шансы... и что все очень просто. Миллиарды рыб безуспешно плюхались на берег, но вот как-то раз одна очень пройдошистая рыбешка огляделась по сторонам и заметила: «Чудесненько. Майами-Бич. Фонтенбло. Можно, я полагаю, остаться здесь и подышать воздухом». Итак, далее следуют легенды о карпепитекантропе, карпе-кроманьонце, карпе-неандертальце и

так далее. Но не все так просто. Если рыба надышится воздухом, ей конец. Да, во всяком случае, все так привыкли думать. А надо, чтобы история была повеселее? И обоснована по-научному? Пожалуйста, к вашим услугам. Так вот, дело в том, что эта умная рыбешка не загорает с утра до ночи на солнышке. Она прихватывает немного воздуха, как бы пробу,— это у нее просто очередная репетиция,— а потом сразу же назад, в море, в реанимационное отделение. Там она приходит в себя, и уже можно бренчать на банджо, вспоминая прекрасные времена, проведенные на суше. Потом еще одна попытка — и вот уже наша рыбка дышит воздухом чуть подольше. Это возможный вариант. После многократных попыток славная рыбешка мечет икру, а умирая, оставляет завещание следующего содержания: «Возлюбленные чада мои, пробуйте дышать воздухом, сделайте это во имя своего отца. С приветом, ваш Карлуша». И оставляет инструкции, как именно это делать. А потомки точно следуют завещанию. И вот так продолжается, может быть, сотни миллионов лет, поколение за поколением, и каждый раз у них получается все толковее и толковее, потому что опыт предков с генами передается детям. И вот наконец одна рыбешка, тощая, в очках, этакий скромный и страшно положительный подросток, который вечно что-нибудь читает и по двору без дела не шляется, начинает так долго дышать воздухом, что вскоре уже в состоянии посещать и спортивные клубы, и даже кегельбан. Разумеется, не стоит сомневаться в том, что перед детьми этого умника уже никогда не встанет проблема с дыханием. Конечно, им придется еще трудновато, когда надо будет держаться вертикально и вырабатывать походку. Именно так и считают ученые. Согласен, конечно, я все предельно упростил. А они — нет? Да ведь сейчас любого, кто при каждом удобном случае вставляет слово «позвоночные», автоматически зачисляют в гении, не говоря уж о тех, кто знает словечко «филюм». Наука предлагает нам уйму фактов, но дает минимум знаний. Что же касается теории о рыбах,

то тут тоже есть своя проблема. Конечно, упаси меня Бог удерживать рыб и не позволять им экспериментировать, но дело в том, что процесс привыкания к воздуху, к сожалению, протекает очень медленно. И каждая рыба должна начинать заново, а за одну рыбью жизнь в ее генах ничего не изменится. Главный рыбий лозунг звучит так: «Все делать постепенно».

Нет, я не против эволюции. Здесь все в порядке. Но вот тебе пример из жизни рептилий. Пораскинь на досуге мозгами. Рептилии выбираются на сушу и откладывают яйца. Пока все очень просто. Так? Сущая безделица. Но маленькой рептилии внутри яйца нужна влага, иначе бедняжка засохнет в скорлупе, так и не успев появиться на свет. И к тому же ей необходимо питаться — да еще как! — потому что вылупляется она уже сравнительно взрослой. Но не переживай слишком сильно. Малышка выживет. Потому что в яйце есть желток, который является в самый подходящий момент и сообщает: «А вот и пища». А белок прекрасно выполняет роль воды. Правда, для этого белок должен быть упрятан в специальную оболочку, иначе он обязательно испарится, не забыв попрощаться: «Пока, любезнейшая, лично я отсюда сваливаю!» И вот как по волшебству в яйце вокруг белка появляется что-то наподобие кожаной оболочки, и счастливая рептилия радостно улыбается. Рано веселиться. Все гораздо сложнее. Теперь надо подумать и об отходах — ведь скорлупа-то мешает. Нужен специальный пузырь, вроде мочевого. Тебя тошнит, что ли? Ну, я уже заканчиваю. Вдобавок надо позаботиться о каком-нибудь ломике или другом инструменте попроще, чтобы маленькая рептилия смогла в конце концов пробить твердую скорлупу и выбраться на свободу. Думаю, что сказанного вполне достаточно. Потому что, Аткинс, все эти изменения в яйце рептилии должны происходить мгновенно! Ты меня слушаешь? Мгновенно! Если хоть что-то в яйце будет отсутствовать — все: прощайте, юные рептилии, можете назначать друг другу свидания на том свете.

И ведь все складывается именно так, а не по-другому. Представь себе, что желток уже на месте, ждет себе не дождется миллион-другой лет, и вот появляется наконец пузырь или кожаная оболочка, заявляя на ходу: «Простите, слегка задержалась, раввин тут слишком долгую беседу затеял». Значит, все эти изменения должны произойти сразу. Невозможно? Тем не менее до сих пор мы имеем счастье наблюдать многочисленных рептилий. Можешь спросить кого хочешь, особенно тех, кто обитает неподалеку от змеиных болот. Они-то врать не станут. Но как это могло произойти? Столько изменений — и все благодаря счастливому совпадению в одном эмбрионе? Даю тебе гарантию, что на такое объяснение клюнут одни придурки.

Так вот, что касается сегодняшнего преступления, то убийца — тот же самый, что и в деле Кинтри. Если бы он не использовал лекарство, моментально парализующее человека, никакого убийства не произошло бы. Все услышали бы крик священника, и у преступника ничего бы не вышло. Далее. Сейчас у нас пятеро подозреваемых. Это Маккуи, Патерно, старик с пакетом, неизвестный с бритой головой, а также мужчина в белых штанах и черной ветровке с капюшоном. Следует заметить, что эти преступления очень жестоки и необычны. А значит, надо искать психопата, да еще с медицинским образованием. Маккуи я знаю лично. Могу утверждать, что он вполне нормален. Правда, у себя в спальне он расставляет и развешивает вещи так, чтобы видеть каждую, а вся одежда у него разложена по полочкам. Насколько мне известно, никаких знаний и навыков в области медицины он не имеет. То же самое можно сказать и о Патерно. Однако, чтобы все формальности были соблюдены, пошли-таки запрос в клинику, где он состоит на учете,— пусть тебе пришлют историю болезни. К тому же убийца не стал бы ошиваться здесь поблизости, так что Маккуи и Патерно можно смело исключить из списка. Это кто-то из оставшихся троих. И вот

еще что: старик вполне способен все это сделать. Обезглавливание с помощью проволоки или больших острых ножниц не требует особых усилий. Подойдет и предмет вроде медицинского скальпеля. Старичок находился в исповедальне довольно долго, а его дряхлость, о которой мы наслышаны, могла быть и притворной. Он последним видел священника. Это версия номер один. Но ведь на роль убийцы подходит и человек в черной ветровке. Он мог задвинуть ширму так, чтобы старик не увидел мертвого священника. А старичок прождал напрасно. Он так и ушел, не облегчив душу. Может, он устал ждать. Ведь он такой слабенький, как уверяет Коулман. Может, старичок случайно задремал в своем отсеке, и ему почудилось, будто он уже исповедался. Это версия номер два. Версия третья: преступник — человек с бритой головой. Он убивает священника и, закрыв ширму, выходит из исповедальни. Но человек в ветровке видел святого отца, а значит, тот был еще жив. Все могло происходить именно так. А может быть, бритый убил священника, а тот, в ветровке, разозлившись, что его очередь никак не подходит, покинул кабинку, так и не покаявшись в грехах. Весьма вероятно, он не пожелал пропускать бóльшую часть мессы. Тут возможен любой вариант,— подвел итог Киндерман.— А как оно было на самом деле — никто пока не знает. Как говорится, дальше — тишина.

Изложение фактов, касающихся убийства, последовало стремительно, почти скороговоркой. Аткинс понимал, что лирические отступления Киндермана означали лишь, что тот сейчас обдумывает совершенно иные вещи, и, вероятно, размышления уже успели натолкнуть его на нечто важное. Сержант кивнул. Аткинса заинтересовало, почему его шеф спросил Патерно о том, с каким звуком закрывалась деревянная ширма. Однако он предпочел не задавать лишних вопросов.

— Райан, вы сняли для меня отпечатки пальцев? — осведомился Киндерман.

Оглянувшись, Аткинс увидел, что к ним подходит Райан.

— Да, целую кучу,— отозвался тот.

Киндерман безразлично посмотрел на него и отметил:

— Достаточно и одного, лишь бы он был четким.

— Такой у нас есть.

— Вы сняли их и снаружи, и внутри, разумеется?

— Нет, внутри мы не снимали.

— Тогда я сейчас зачитаю вам ваши права. Слушайте внимательно,— рассердился Киндерман.

— А как, вы думаете, мы это сделаем, если труп все еще в исповедальне?

Райан был совершенно прав. Стедман давно закончил обследование тела. Все необходимые фотографии были сделаны, слово осталось только за Киндерманом. Но тот решил повременить с осмотром трупа.

Киндерман знал священника лично. Когда-то давным-давно одно общее дело сблизило их, и вместе с отцом Дайером, в те годы заместителем этого священника, они втроем заваливались иногда в «Могилку», брали по кружке пива и вели долгие-долгие беседы. Киндерман любил погибшего.

— Тут ты, пожалуй, прав,— согласился следователь с Райаном.— Спасибо за своевременное напоминание. Не знаю, что бы я без тебя делал. Честно говорю.

Райан сердито посмотрел на него и, развернувшись, плюхнулся на одну из скамей. Он сложил руки на груди и приготовился ждать.

Киндерман прошел к злополучной исповедальне. Кровавые следы на полу уже вытерли, и было видно, как блестят кафельные плитки — по ним только что прошлись мокрой тряпкой. Какое-то время следователь молча стоял перед дверью, а потом неожиданно распахнул ее. Отец Бермингэм сидел на своем месте. Стены и потолок были забрызганы кровью, а в широко раскрытых глазах священника застыл ужас. Но чтобы перехватить этот взгляд, сле-

дователю пришлось наклониться. Ибо голова священника покоилась у него на коленях, и руки поддерживали ее так, словно выставляли напоказ.

Киндерман тяжело вздохнул и шагнул внутрь. Он приблизился к священнику, осторожно поднял его левую руку и на ладони обнаружил уже знакомый символ Близнецов. Опустив руку, он оглядел другую. На ней отсутствовал указательный палец.

Закончив осмотр трупа, Киндерман взглянул на небольшое черное распятие, висевшее на стене позади стула. Еще немного постояв, он повернулся, вышел из исповедальни и сразу же столкнулся с Аткинсом. Киндерман сунул руки в карманы и, не глядя на помощника, приказал еле слышным голосом:

— Вынесите его отсюда. Сообщите Стедману. И снимите отпечатки пальцев с внутренней стороны ширмы.

Он медленно направился в глубь церкви.

Аткинс молча наблюдал за шефом. «Такой рослый, сильный мужчина,— рассуждал про себя сержант,— и каким же жалким и одиноким он сейчас кажется».

Киндерман тяжело опустился на скамью.

Аткинс отвернулся и пошел искать Стедмана.

Сложив на коленях руки, Киндерман мрачно уставился на них. Он вдруг почувствовал страшное одиночество. «Преднамеренность и случайность,— размышлял он.— Бог существует, это нам известно. Очень хорошо. Но о чем же он сейчас думает? Почему бы ему не вмешаться в это дело прямо сейчас? У нас ведь свобода выбора. Ну, хорошо. Раз мы так сами когда-то решили, отступать уже некуда. Может быть, терпению Бога просто нет предела? — На ум ему пришли строки из какого-то романа Честертона: «Когда на сцену является автор, пьеса заканчивается».— Ну и пусть. Кому это надо? И так все слишком далеко зашло. А вдруг сила и власть Бога ограниченны? Почему бы и нет? — Подобный ответ был проще простого и как нельзя лучше вписывался в данную ситуацию. Однако следователю он

был явно не по душе.— Так кто же тогда Бог? Какая-нибудь деревенщина? Мужлан? Нет, это невозможно.— Разум Киндермана мог воспринимать Бога только как совершенство.— И нечего тут зря раздумывать».

Следователь покачал головой. Мысль о том, что Бог не всесилен, еще страшнее, чем та, что его вообще нет. Смерть — это конец, по крайней мере так считают те, кто не верит в Бога. А если Бог существует, но он недееспособен, что же он может совершить после смерти? Что если его власть не бесконечна, то и доброта — тоже? Что же получается? Выходит, это какой-то тщеславный, капризный и своенравный бог Иов? А если учесть, что у него в распоряжении целая вечность, то жутко даже представить, на какие новые пытки и мучения может он исхитриться.

Что же это еще за «Бог Ltd»?* Киндерман отбросил эту несуразную мысль. Бог — творец всех светил и небесных туманностей, создатель силы тяжести и человеческого мозга, он таится в генах и частицах атома. Но как же тогда получается, что он не может справиться с раком или, например, с сорняками?

Киндерман уставился на массивное распятие над алтарем, и глаза его наполнились холодным блеском: «А какова твоя роль во всей этой заварухе? Ты можешь мне ответить? Или хочешь позвать адвоката? Тебе зачитать твои права? Ну, ладно, не надо переживать. Я твой друг. Я могу составить тебе протекцию. Только ответь мне на пару несложных вопросов, хорошо?»

Постепенно взгляд следователя смягчился, и он уже смотрел на крест со смирением, а в глазах застыло лишь удивление.

«Кто же ты? Божий сын? Нет, ты знаешь, что я в это не верю. Я спросил просто из вежливости. Ты не возражаешь, если я буду с тобой откровенен? Хуже от этого не станет. Если я тебе слишком надоем или далеко зайду, сделай так,

---

* Ltd — limited — ограниченная ответственность (*англ.*).

чтобы в соборе застучали все окна. Я пойму и сразу заткнусь. Просто постучи окнами. Этого достаточно. Совсем не обязательно, чтобы мне на голову обрушилось все здание. С меня и одного Райана довольно. Ты, наверное, это уже заметил. А кто еще дуриком проскользнул к нам в отдел? Ну, не важно, я не хочу никаких обид и разборок. А пока что я не знаю, кто ты. Хотя ты определенно велик. Что, не расслышал? Я говорю: ты некто великий. Это же ясно как день. И мне не нужны доказательства. Какая разница? Для меня это не имеет значения. Я-то знаю. А ты знаешь, откуда мне это известно? Из твоих собственных слов. Когда я читаю "Возлюби врага своего", я трепещу, я схожу с ума и в моей груди что-то поднимается — нечто такое, что, наверное, было там всегда. Будто бы все мое существо в эти мгновения полнится этой истиной. И тогда мне становится ясно, что ты велик. Никто на земле не смог бы сказать так, как ты. И никто не смог бы сделать того, что сделал ты. Такое просто вообразить невозможно. Твои слова не идут ни в какие сравнения.

И еще кое-что, чем бы я хотел с тобой поделиться. Ты не возражаешь? Хотя чего уж тут возражать. Я просто рассуждаю. Твои ученики увидели тебя на берегу. Они вдруг осознали, что ты восстал из мертвых. Петр стоит на палубе совершенно обнаженный. Почему бы и нет? Он рыбак, он молод и наслаждается жизнью. И вот теперь он не может дождаться, когда же судно доплывет до берега. Он возбужден, его переполняет радость, потому что он видит тебя. Он хватает первую попавшуюся под руку тряпку — ты помнишь это? — но не может потратить и минуту на то, чтобы как следует облачиться в нее. Поэтому он обматывает ее вокруг бедер, прыгает в воду и как сумасшедший гребет к берегу. Это уже кое-что. Когда я об этом думаю, я расцветаю. Это так не похоже на картину с изображением святых, где все насквозь пропитано благоговением и почтительностью. Все такое неподвижное. Вот это, возможно, и есть настоящий обман. Здесь же не было никакой

тайны, никакого застывшего образа. И я верю, что все было именно так. Ибо это близко любому человеку, это удивительно и похоже на правду. Видимо, Петр очень любил тебя.

Так же как и я. Это тебя удивляет? Что ж, это действительно так. Ты существовал на самом деле, и эта мысль согревает меня. Ты воскрес — и это даже в меня вселяет надежду. А то, что ты, возможно, и поныне существуешь,— наполняет меня спокойствием и радостью. Я хотел бы дотронуться до тебя и увидеть, как ты улыбаешься. Ведь хуже от этого не станет.

Ну, хватит тут растекаться медом. Кто же ты? И чего ты хочешь от нас? Чтобы мы принимали страдания, как это сделал Ты на кресте? Ну что ж, мы так и поступаем. А потому, пожалуйста, не майся бессонными ночами, кумекая над этой проблемой. Мы в отличной форме. У нас все в порядке. Вот, пожалуй, и все, о чем я хотел поведать тебе в первую очередь. Да, еще кое-что. Отец Бермингэм, твой друг, передает тебе привет».

ВТОРНИК, 15 МАРТА

Глава седьмая

Киндерман явился в контору к девяти утра. Аткинс уже поджидал его. Результаты лабораторной экспертизы лежали на столе.

Киндерман уселся на свое место и освободил пространство для отчета, отодвинув в сторону книги с загнутыми страницами. В отчете подтверждалось использование сукцинилхолина. Здесь же приводились данные исследований отпечатков пальцев, снятых с наружных и внутренних металлических ручек деревянной ширмы в исповедальне. Они совпадали и не принадлежали убитому священнику.

Информация, полученная из редакции «Вашингтон пост», оставалась пока прежней: никаких новых сообщений не поступало. Аткинс добыл историю болезни Патер-

но, а также все сведения о нем, но Киндерман не стал тратить время на их изучение и лишь махнул рукой.

— Для нас это не представляет ровным счетом никакого интереса,— пояснил он.— Надо искать неизвестного с целлофановым пакетом и того, другого, в ветровке с капюшоном. Не путай меня больше. Кстати, где Райан?

— Он сегодня не работает,— сообщил Аткинс.

— Да, я забыл.

Киндерман вздохнул и откинулся на спинку стула. Потом посмотрел на коробку с салфетками, стоящую на столе, и, казалось, снова погрузился в размышления.

— Талидомид излечивает проказу,— рассеянно произнес следователь, а потом резко наклонился к Аткинсу: — Ты никогда не задумывался над тем, почему скорость света служит предельной величиной во всей Вселенной?

— Нет,— растерялся Аткинс.— А почему?

— Не знаю,— ответил Киндерман и пожал плечами.— Я просто так спросил. И кстати, раз уж мы занялись этим делом, ты знаешь, что говорит Церковь об ангелах? Что является основой их существа?

— Чистая любовь,— не задумываясь, изрек Аткинс.

— Вот именно. Даже падшего ангела. А почему раньше ты мне этого никогда не говорил?

— А вы никогда меня не спрашивали.

— Неужели я должен помнить о мелочах?

Следователь стремительно выудил из кучи бумаг на столе зеленую книгу и раскрыл ее там, где между страницами торчала этикетка от банки из-под маринованных огурцов, служившая теперь закладкой.

— Я случайно натолкнулся на эту мысль,— заявил Киндерман,— вот здесь, в книге, которая называется «Сатана». Ее написали твои друзья, католики и теологи. Слушай!

И следователь начал громко читать:

— «Существо ангела совершенно. Поэтому пламя ангельской любви не может разгораться постепенно. В этой любви нет начальной стадии тления. Ангел мгновенно вспы-

хивает разрушительной, сжигающей любовью, которая никогда не убывает».

Киндерман сунул книгу обратно в ворох бумаг на столе.

— Там еще говорится, будто такое положение вещей не может измениться. Независимо от того, что за ангел имеется в виду — падший или какой другой. Так зачем же мы все время твердим, будто это дьявол и черти вокруг нас устраивают разного рода беспорядки и заварушки? Все это ерунда. Такого просто быть не может. Во всяком случае, по мнению Церкви.

Киндерман уже вновь рылся на столе в поисках следующей книги.

— А как обстоит дело с отпечатками пальцев? — поинтересовался Аткинс.

— Ага! — обрадовался Киндерман, вытаскивая наконец нужную книгу и раскрывая ее на загнутой странице.— Вот теперь мы кое-чему можем поучиться и у птиц.

— Поучиться у птиц? — в недоумении повторил Аткинс.

Лицо Киндермана просветлело:

— Аткинс, что я сказал тебе буквально минуту назад? Теперь внимание. Послушай, что пишут про птицу-конька.

— Птицу-конька?

Киндерман загадочно взглянул на сержанта и подмигнул ему:

— Аткинс, пожалуйста, больше так не делай.

— Хорошо, не буду.

— Хорошо, ты не будешь. А теперь я поведаю тебе о том, как птица-конек...— Тут Киндерман выдержал небольшую паузу.— О том, как птица-конек вьет свое гнездо. Это невероятно.

Он раскрыл книгу и начал читать:

— «Конек использует для постройки гнезда четыре вида материалов: мох, паутину, лишайник и перья. Сначала он находит подходящую ветку, напоминающую рогатку. Затем собирает мох и покрывает им эту рогатку. Бо́льшая

часть мха падает, но конек настойчив: он трудится до тех пор, пока кусочки мха не налипнут на ветку. После этого птица переключается на паутину: прижимает ее ко мху, пока та не прилипнет, а потом начинает растягивать нити, чтобы связать свое будущее гнездо. И вот наконец дно гнезда готово. Тут птичка снова начинает таскать кусочки мха. Сооружение по форме напоминает чашу. Сначала конек плетет гнездо горизонтальными нитками паутины, затем вертикальными, соединяя в единое целое кусочки мха. При этом все тельце конька беспрестанно вращается. Когда гнездо обретает нужные очертания, начинается новый этап: прижимание кусочков мха грудкой и утаптывание дна лапками. Когда гнездо свито на одну треть, птичка отправляется на поиски лишайника. Он будет покрывать только внешнюю часть гнезда, и для этого конек проделывает сложные акробатические трюки. Когда «чаша» готова на две трети, строительство проходит уже несколько по-другому, ибо надо позаботиться и о том, чтобы обеспечить наиболее удобный подлет к гнезду. Оставляется аккуратное отверстие, которое укрепляется лишайником и мхом, после чего достраивается купол гнезда и начинается отделка изнутри перьями».

Закончив чтение, Киндерман отложил книгу в сторону.

— А ты думал, Аткинс, что это так легко — вить гнездо? Что можно запросто заказать сборный двухэтажный домик где-нибудь на фирме в Фениксе? Ты смотри, что происходит! Ведь птичка должна заранее иметь представление о том, как в конечном итоге будет выглядеть ее гнездо. К тому же необходимо точно рассчитать, где и сколько мха и лишайника надо уложить, чтобы форма стала идеальной. Что это — ум? У этой птички мозг с бобовое зернышко. Что же руководит ею, когда она так безупречно ведет постройку? Думаешь, Райан смог бы свить такое гнездо? Впрочем, это не важно. И еще кое-что, так, пища для ума. Где на Земле можно отыскать стимул — этакий метод кнута и пряника, о котором талдычат специалисты

по поведению и который так необходим этой птичке, чтобы безупречно выполнить все тринадцать различных операций по витью гнезда? Б. Ф. Скиннер делал вот что: он тренировал во время Второй мировой войны голубей, и из них получались настоящие камикадзе. Ты сам можешь об этом прочитать в книгах. Этим голубям к брюшкам привязывали маленькие бомбочки. Однако раз за разом случалось так, что птица сбивалась с курса и бомбы падали на Филадельфию. К тому же самому ведет и отсутствие свободного выбора у человека.

Что же касается отпечатков пальцев, то они ничего не означают: они лишь подтверждают вещи, давно мне известные. Убийца сам закрыл ширму в исповедальне, чтобы тот, кто ожидал своей очереди с другой стороны, не увидел мертвого священника. И еще для того, чтобы мы заподозрили в преступлении кого-нибудь другого. Вот для этого он и задвинул ширму так, чтобы стук услышал Патерно. Убийца таким образом заставил остальных поверить, будто священник еще жив, а он — этот неизвестный — закончил свою исповедь, так как ширма задвинулась с его стороны. И это вполне объясняет задержку, о которой мне поведал Патерно: сначала ширма движется, потом пауза, а затем она захлопывается до конца. Ведь убийца не мог полностью закрыть ее изнутри, поэтому он задвигает ее уже с внешней стороны. И отпечатки пальцев, несомненно, принадлежат именно ему. В силу этого наголо бритый человек автоматически исключается — он находился в левом отсеке исповедальни. Отпечатки пальцев и эти странные звуки — все с правой стороны. Значит, убийца — либо старичок с пакетом, либо мужчина в черной ветровке с капюшоном.

Киндерман встал и направился к вешалке за пальто.

— Сейчас я собираюсь в больницу, мне пора навестить отца Дайера. А ты, Лткинс, проведай-ка нашу старушку. Дело о Близнеце уже на месте?

— Нет, пока еще нет.

— Позвони снова. Затем вызови свидетелей из церкви: пусть они составят словесные портреты подозреваемых. Сделай с них наброски. Действуй. Встретимся у рек Вавилона*. Чую, мне придется выслушать серьезные жалобы.— У двери Киндерман замешкался.— Я сейчас в шляпе?

— Да.

— Ничего-ничего, это всего-навсего привычка.— Он вышел и тут же возвратился.— А вот еще предмет для разговора, но это уже как-нибудь потом: кому может прийти в голову носить зимой белые полотняные штаны? Подумай. Adieu. И помни обо мне.

Киндерман снова вышел, но на этот раз уже не вернулся.

Аткинс принялся соображать, какие дела ему раскидать в первую очередь.

До Джорджтаунской больницы было только две остановки. Киндерман приблизился к справочному столу с целым кульком гамбургеров в руке. Другой он бережно прижимал к себе большого плюшевого медведя в бледно-голубых шортах и рубашке с короткими рукавами.

— Добрый день, мисс,— обратился он к дежурной.

Девушка подняла глаза и увидела перед собой огромного медведя. На рубашке пестрела надпись: «Если хозяину грустно, немедленно выдайте ему шоколадку».

— Очень остроумно,— улыбнулась девушка.— Это для мальчика или для девочки?

— Для мальчика,— насупился Киндерман.

— Как его зовут?

— Отец Джозеф Дайер.

— Я вас правильно расслышала? Вы сказали «отец»?

— Да, именно так. Отец Дайер.

---

* «Реками вавилонскими» в Библии названы каналы в Вавилоне, возле которых собирались изгнанные из Иерусалима и привезенные сюда иудеи. Вспоминая далекий Сион, пленники плакали и мечтали о возвращении на священную землю предков.— *Прим. ред.*

Девушка удивленно посмотрела сначала на медведя, потом на Киндермана. И только тогда заглянула в списки больных.

— Невропатология, палата номер четыреста четыре, четвертый этаж. Из лифта — направо.

— Спасибо большое. Вы очень любезны.

Когда Киндерман подошел к палате, Дайер полулежал в подушках и, водрузив на нос очки, увлеченно читал газету. «Знает ли он о случившемся?» — подумал Киндерман. Возможно, нет. Дайер, видимо, попал сюда как раз тогда, когда и произошло убийство. Следователь надеялся, что врачи серьезно занялись здоровьем священника и подлечили его нервы. По крайней мере, спокойное поведение отца Дайера и выражение его лица свидетельствовали о том, что он чувствует себя гораздо лучше.

Осторожно ступая, Киндерман медленно подошел к кровати. Дайер не заметил своего друга. А тот внимательно разглядывал священника и в конце концов сделал вывод, что пока вроде все идет нормально. Однако следователя насторожило то, как тщательно Дайер изучает газету. Может, он уже успел прочитать и про убийство? Следователь бросил взгляд на название газеты и остолбенел.

— Ну? Может быть, сядешь, наконец, или так и будешь торчать надо мной и распространять свои микробы? — внезапно спросил Дайер.

— Что это ты читаешь? — каменным голосом произнес Киндерман.

— «Женская одежда», ежедневный выпуск. А что? — Иезуит скосил глаза и увидел медведя.— Это мне?

— Я подобрал его на улице и решил, что это как раз для тебя.

— О!

— Тебе не нравится?

— Цвет чуток подкачал,— с важностью изрек Дайер. И вдруг зашелся в кашле.

— Так, я все понял. А кто пытался меня убедить, что ничего серьезного? — упрекнул его Киндерман.

— Кто же знал? — угрюмо буркнул Дайер.

Киндерман вздохнул с облегчением. Теперь он окончательно уверился в том, что за здоровье Дайера опасаться нечего. Похоже, тот ровным счетом ничего не слышал об убийстве. Следователь вручил священнику кулек с гамбургерами и медведя.

— На вот, возьми,— проворчал он и, пододвинув стул поближе к кровати, плюхнулся на него.— Не могу поверить, что ты так увлекся «Женской одеждой».

— Я должен быть в курсе всех событий,— возразил Дайер.— Я ведь не в вакууме даю духовные наставления.

— А тебе не кажется, что на твоем месте лучше было бы почитать религиозные газеты? Или какую-нибудь другую литературу. Ну, например, «Духовные упражнения».

— Там ничего не сказано про моду,— негромко заметил Дайер.

— Жуй гамбургеры,— предложил Киндерман.

— Я не голоден.

— Тогда можешь съесть только первую половину. Это твои любимые, из «Белой башни».

— А вторая половина откуда?

— Вторая — прямо из космоса, непосредственно с твоей родины.

В палату приковыляла полная, коренастая медсестра с резиновым жгутом и шприцем в руках. Вид у нее был усталый.

— Надо взять у вас кровь на анализ, святой отец.

— Опять?

Сестра застыла на месте.

— Что значит — опять? — удивилась она.

— Только что, минут десять назад, у меня уже брали кровь.

— Вы, наверное, шутите, святой отец?

Дайер поднял руку, и на внутреннем сгибе локтя мелькнул маленький кусочек пластыря.

— А вот и дыра,— добавил он.

— Черт побери, а ведь и правда! — возмутилась сестра.

Резко повернувшись, она с воинственным видом покинула палату. Спустя мгновение коридор огласился ее свирепым воплем:

— Кто посмел зайти к этому парню?

Дайер уставился на распахнутую дверь.

— До чего же мне по душе такое внимание и забота,— пробормотал он.

— Да, здесь довольно мило,— согласился Киндерман.— Спокойненько и полнейшая тишина. Кстати, а как у вас здесь с учебной тревогой?

— О, я совсем забыл,— встрепенулся вдруг Дайер. Он дотянулся до ящика тумбочки и, выдвинув его, извлек оттуда вырезанную из журнала карикатуру. Со словами: «Специально берег для вас» — священник протянул ее Киндерману.

Следователь посмотрел на картинку. Там был изображен бородатый рыбак рядом с гигантским карпом. Надпись гласила: «Эрнест Хемингуэй во время пребывания в Скалистых горах выловил карпа более пяти футов длиной, но потом-таки передумал писать об этом».

Киндерман суровым взглядом окинул Дайера и поинтересовался:

— Где ты это достал?

— Вырезал из «Санди мессенджер». Знаешь, а мне немного легче.— Он вынул из пакета гамбургер и начал с аппетитом уплетать его.— М-м, спасибо, Билл. Это прекрасно. Кстати, карп до сих пор плавает в ванне?

— Его казнили вчера вечером.— Киндерман с удовольствием наблюдал, как Дайер принялся за вторую порцию.— Матушка Мэри безутешно рыдала за столом. Что же касается меня, то я хладнокровно принимал в это время ванну.

— Это чувствуется,— заметил Дайер.

— Как вам нравятся гамбургеры, святой отец? Кстати, сейчас ведь Великий пост.

— Я освобожден от всех постов,— возразил Дайер.— Я болен.

— А на улицах Калькутты дети умирают от голода.

— Они не едят коров,— парировал Дайер.

— Все, сдаюсь. Еврей, выбирая в друзья священника, получает кого-нибудь вроде Тейяра де Шардена*. А что мне досталось? Священник, который интересуется новинками женской моды и обращается с людьми так, будто у него в руках кубик Рубика: вертит его во все стороны, как ему понравится. Главное, чтобы получился один цвет. Кому все это надо?

— Не желаешь гамбургер? — Дайер протянул Киндерману кулек.

— Пожалуй, один съем.— Глядя на с аппетитом жующего Дайера, лейтенант почувствовал, что и впрямь проголодался. Он сунул руку в кулек и вынул гамбургер.— Мне они особенно нравятся из-за этих маленьких маринованных огурчиков. Без них как будто что-то теряется.

Киндерман отхватил здоровенный кусище, и как раз в этот момент в палату вошел врач.

— Доброе утро, Винсент,— поздоровался Дайер.

Амфортас кивнул. Остановившись возле кровати, он взял со столика карту назначений и молча пробежал ее глазами.

— А это мой друг, лейтенант Киндерман,— представил следователя Дайер.— Билл, познакомься, это доктор Амфортас.

— С удовольствием,— приветливо откликнулся Киндерман.

Казалось, Амфортас не слышал его. Он что-то записывал в карте.

---

* Тейяр де Шарден, Пьер (1881–1955) — французский палеонтолог, философ и теолог.

— Меня вроде завтра выписывают...— начал было священник.

Амфортас кивнул и положил карту на место.

— А мне здесь понравилось,— заявил Дайер.

— Да, и медсестры тут просто потрясающие,— добавил Киндерман.

Впервые за все время Амфортас взглянул на следователя. Лицо его по-прежнему оставалось безучастным, глаза серьезными, но в глубине этих грустных темных глаз скрывалась какая-то тайна.

«О чем он сейчас думает? — размышлял Киндерман.— Мне показалось или я действительно вижу улыбку в этих полных печали глазах?»

Их взгляды встретились лишь на мгновение, и уже через минуту Амфортас повернулся и вышел из палаты. В коридоре он сразу же свернул налево и скрылся из виду.

— Твой врач, похоже, хохочет без умолку,— пошутил Киндерман.— С каких это пор талантливые трагики занимаются медициной?

— Бедный парень,— посочувствовал Дайер.

— Бедный? А что с ним случилось? Вы уже успели подружиться?

— Он потерял жену.

— А, понимаю.

— Он так и не оправился полностью.

— Развод?

— Нет, она умерла.

— Жаль. И давно?

— Уже три года,— ответил Дайер.

— Это гигантский срок,— заметил Киндерман.

— Я знаю. Но она умерла от менингита.

— Что ты говоришь!

— И он до сих пор не может простить себе ее смерть. Он сам лечил жену, но не смог не только спасти, но даже облегчить ее страдания. И это разрывало его сердце. Сегодня он работает здесь последний день, а затем увольня-

ется. Он решил посвятить всего себя исследовательской работе. А начал он свои опыты вскоре после потери супруги.

— А что он исследует? — заинтересовался Киндерман.

— Боль,— охотно пояснил священник.— Он изучает боль.

Киндерман явно заинтересовался.

— Ты что, все о нем знаешь? — удивился он.

— Да, вчера он мне полностью открылся,— кивнул Дайер.

— Он любит поговорить?

— Ну, ты же знаешь, как действуют на людей священники. Мы как магнит для встревоженной души.

— А можно сделать соответствующее заключение и относительно меня?

— Если галоши подходят, почему бы их не надеть?

— А он католик?

— Кто?

— Тулуз Лотрек. Разумеется, доктор — о ком же я еще могу спрашивать?

— Ну, ты частенько так неясно выражаешься...

— Это обычный способ. Особенно когда имеешь дело с чокнутым. Итак, Амфортас католик или нет?

— Да, он католик. И вот уже много лет подряд ежедневно посещает мессу.

— Какую мессу?

— В шесть тридцать утра в церкви Святой Троицы. Кстати, я тут обдумывал твою проблему.

— Какую проблему?

— Насчет зла,— напомнил Дайер.

— Да разве это только *моя* проблема? — фыркнул Киндерман.— Чему же тебя столько лет учили? Вы все словно выпускники семинарии для слепых — только и делаете, что занимаетесь теологическими рассуждениями, и не видите дальше собственного носа. Это проблема *каждого*!

— Понимаю,— согласился Дайер.

— А вот это уже странно.

— Тебе не мешало бы относиться ко мне чуть добрее.

— А плюшевый медведь?

— Медведь тронул меня до глубины души. Так мне можно говорить?

— Но это очень опасно,— нахмурился Киндерман. Потом, со вздохом взяв с кровати газету, раскрыл ее и начал читать.— Валяй, рассказывай, я весь во внимании.

— Так вот, я тут кое о чем подумал,— продолжал Дайер.— Пока я лежу в больнице и все прочее...

— Пока ты лежишь в больнице совершенно здоровый,— вставил Киндерман.

Дайер не обратил никакого внимания на этот выпад.

— Я задумался о некоторых вещах, связанных с хирургией.

— Да на них практически ничего и нет! — вдруг весело вскинулся Киндерман. Он с головой погрузился в рассматривание «Женской одежды».

— Говорят, когда человек находится под наркозом,— снова заговорил Дайер,— его подсознание продолжает ощущать все, что с ним происходит. Оно слышит голоса врачей и медсестер. Оно чувствует боль.— Киндерман оторвался от газеты и посмотрел на священника.— Но когда человек приходит в себя, у него остается впечатление, будто ничего с ним не происходило. Поэтому, может быть, когда мы снова вернемся к Богу, то же самое случится и со всей мирской болью.

— Это правда,— согласился Киндерман.

— Ты тоже так считаешь? — удивился Дайер.

— Я имею в виду подсознание,— пояснил Киндерман.— Известные психологи, светила прошлых лет, проводили множество экспериментов. Так вот, они выяснили, что внутри нас существует и второе сознание, которое мы называем подсознанием. Один из таких исследователей — Альфред Бине. Послушай! Однажды он загипнотизировал девушку. И внушил ей, будто с этого момента она не видит его, не слышит и не знает, что он делает. Потом,

вложив ей в руку карандаш, он расстелил на столе бумагу. В комнату вошел помощник и начал задавать девушке самые различные вопросы. В это же время сам Бине тоже спрашивал ее о чем-то. Девушка начала отвечать помощнику и *одновременно* писала на бумаге ответы на вопросы Бине! Удивительно! Но это еще не все. Во время сеанса Бине уколол девушку булавкой. Она, разумеется, внешне никак не отреагировала и продолжала спокойно беседовать с помощником. Но карандаш в ее руке вскоре вывел на бумаге следующее: «Пожалуйста, не делайте мне больно». Разве это не поразительный факт? И то, что ты мне сейчас рассказал про хирургию, тоже правда. Кто-то внутри нас все равно чувствует и как нас режут, и как зашивают. Но кто?

Неожиданно Киндерман вспомнил свой странный сон и непонятное, загадочное высказывание Макса: «У нас две души».

— Подсознание,— мрачно проговорил Киндерман.— Что же это такое? *Кто* это такой? Что у него общего с коллективным подсознанием? И, как ты уже догадался, это тоже входит в мою теорию.

Дайер отвернулся и только махнул рукой.

— А, опять ты про это,— пробормотал он.

— Да, дорогой мой, тебя просто съедает зависть, что Киндерман гений, светлая голова и сейчас стоит на пороге великого открытия. Он-то и разрешит проблему зла,— ораторствовал Киндерман. Потом, насупив брови, продолжал: — Мой гигантский мозг можно сравнить с осетром, окруженным пескарями.

Дайер резко повернулся:

— А тебе не кажется, что это уже просто неприлично?

— Ничуть.

— Ну, а тогда почему же ты мне так до конца и не поведаешь свою теорию? Давай-ка выслушаем и забудем наконец о ней,— распалялся Дайер.— А то в коридоре уже выстроилась целая очередь желающих исповедаться.

— Нет, уж очень она сложна для твоего понимания,— угрюмо пробурчал Киндерман.

— Почему же тогда тебе не по душе мысль о первородном грехе?

— А с какой стати новорожденные младенцы должны нести ответственность за то, что когда-то совершил Адам?

— Это тайна,— возмутился Дайер.

— Скорее, шутка. Должен признаться, я не раз задумывался над этим,— возразил Киндерман. Он наклонился к Дайеру, и глаза его загорелись.— Если бы, например, грех состоял в том, что много миллионов лет тому назад ученые взорвали планету какими-нибудь нейтронными бомбами, мутации в атомах нашего тела наблюдались бы и сейчас. Может быть, именно вследствие подобного кошмара образуются сейчас вирусы, которые несут болезни; может быть, поэтому происходит сумятица в окружающей среде, происходят землетрясения и прочие катастрофы. Что касается самих людей, то они в силу мутаций сходят с ума и превращаются в настоящих чудовищ. Они принимаются уплетать мясо — точно так же, кстати, как и животные,— но вместе с тем обожают валяться в ванне и слушать рок-н-ролл. И ничего не поделаешь. Это ведь обусловлено на генетическом уровне. Даже Бог не смог бы здесь ничем помочь. Грех — такая штука, которая запрятана глубоко в генах.

— А что, если каждый человек, родившийся на Земле, составлял когда-то часть Адама? — вдруг предположил Дайер.— Я имею в виду — физически: будучи действительно одной из его клеток.

Киндерман подозрительно посмотрел на священника:

— Итак, святой отец, я вижу, вы посещали не только воскресную школу, где в вас вдалбливали катехизис. Вы, похоже, увлекались игрой в бинго, поэтому вам совсем не чужд дух авантюризма. И откуда только в вашу голову могла закрасться подобная мысль?

— А что такого? — удивился Дайер.

— Да ты, оказывается, способен думать. Но эта идея не проходит.

— Почему?

— Только еврей может придумать подобное. Ведь получается, что ваш Бог — сварливый и несостоятельный брюзга. Давай разберемся. Ведь Бог может остановить всю эту ерунду в любой момент, когда только пожелает. И может точно так же легко начать все заново. Разве он не может сказать: «Ну-ка, Адам, пойди умойся, пора обедать» — и сразу же обо всем позабыть? И не может сам скорректировать гены? Евангелисты твердят нам: забывайте и прощайте. А разве Бог не способен на это? И развязывается кровавая бойня, как на Сицилии. Жаль, Пьюзо* нас сейчас не слышит. Мы бы с ним в два счета отсняли очередную порцию «Крестного отца».

— Ну хорошо, в чем же, наконец, заключается твоя теория? — настаивал Дайер.

Следователь хитро улыбнулся.

— Я все еще корплю над ней, святой отец. Мое подсознание собирает ее по кусочкам и отшлифовывает.

Дайер отвернулся и тяжело опустил голову на подушки.

— Как я измучился,— вздохнул он и уставился в темный экран неисправного телевизора.

— Тогда еще один намек,— не унимался Киндерман.

— Когда же починят эту дурацкую штуковину?

— Перестань язвить в мой адрес и выслушай намек.

Дайер откровенно зевнул.

— Кстати, это из твоего Евангелия,— продолжал Киндерман.— Как ты поступаешь со слабым, так поступаешь и со мной,— перефразировал он.

— Установили бы здесь хоть какие-нибудь игровые автоматы, что ли. «Космических завоевателей», например.

— «Космических завоевателей»? — как эхо повторил Киндерман и задумался.

---

* Пьюзо, Марио — автор бестселлера «Крестный отец».

Дайер повернулся к следователю.

— А ты не можешь купить мне газету в местном киоске? — попросил он.

— Какую именно? «Глобус» или «Звезду»?

— Мне кажется, «Звезда» выходит по средам, правда?

— Да нет, я пошутил. Я просто искал связь между нашими мирами.

Дайер обиделся:

— А почему тебе не нравятся эти газеты? Вот недавно там писали, что Микки Руни лицезрел призрака, как две капли воды похожего на Авраама Линкольна. Ну, где еще ты об этом прочитаешь?

Детектив сунул руку в карман.

— Вот, у меня здесь есть несколько книжонок. Может, они тебя развлекут? — предложил он Дайеру.

Тот задержал взгляд на названиях и поморщился.

— Документальные исследования,— сердито проворчал он.— Тоска. Мне бы роман какой-нибудь.

Киндерман поднялся со стула.

— Хорошо, я принесу роман.— Он подошел к столику и взял карту назначений.— Какой именно? Исторический?

— Купи мне «Угрызения совести»,— потребовал Дайер.— Я уже дошел до третьей главы, но забыл захватить роман в больницу.

Киндерман посмотрел куда-то мимо священника, положил карту на место и, повернувшись, медленно направился к двери.

— После ленча,— пообещал он.— Перед едой вредно возбуждаться. Да и мне, кстати, тоже неплохо было бы перекусить.

— После поглощения трех гамбургеров?

— Двух. Но кто же тут их подсчитывает?

— Если у них этого романа нет, возьми «Принцессу Дейзи»,— крикнул ему вслед Дайер.

Покачивая головой, Киндерман покинул палату.

В коридоре он внезапно остановился. У дежурного столика следователь заметил Амфортаса, записывающего что-то в блокнот. Киндерман быстро направился к врачу, на ходу меняя выражение лица. Он прикинулся озабоченным и встревоженным.

— Доктор Амфортас? — мрачно произнес Киндерман.

Невропатолог поднял глаза.

«Снова эти глаза,— подумал Киндерман.— Что за тайна прячется в них?»

— Я хотел бы поговорить с вами об отце Дайере,— начал было следователь.

— С ним все в порядке,— коротко бросил Амфортас и вновь вернулся к своему блокноту.

— Да, мне известно,— не отступал Киндерман.— Но я хотел бы побеседовать о другом. Это чрезвычайно важно. Мы оба — друзья отца Дайера, но кое в чем я помочь ему не могу. Только вы.

Встревоженный тон лейтенанта привлек наконец внимание врача, и взгляд печальных темных глаз застыл на лице Киндермана.

— Что случилось? — поинтересовался он.

Следователь огляделся.

— Ну, только не здесь. Может быть, поищем более укромное местечко? — Он взглянул на часы.— Кстати, мы могли бы пообщаться за ленчем.

— Ленч — это не для меня,— заявил Амфортас.

— Тогда вы можете просто посидеть рядом. Пожалуйста, это очень важно.

Амфортас внимательно изучал его и колебался.

— Ну хорошо,— в конце концов согласился он.— А нельзя ли поговорить у меня в кабинете?

— Я очень голоден.

— Тогда я сейчас оденусь.

Амфортас ушел и вскоре вернулся в синем свитере.

— Ну вот, я готов,— сказал он Киндерману.

Тот посмотрел на свитер и заметил:

— Вы так замерзнете. Надо еще что-нибудь накинуть.

— Этого хватит.

— Нет-нет, оденьтесь потеплее. Я уже вижу заголовки завтрашних газет: «Невропатолог наповал сражен морозом. Неизвестный полный мужчина разыскивается для дачи показаний». Набросьте сверху что-нибудь потеплее. Иначе вина тяжким бременем обрушится на меня. А кроме того, вы, по-моему, не больно-то пышете здоровьем.

— Все в порядке,— тихо возразил Амфортас.— Но все равно спасибо вам за заботу.

Киндерман казался удрученным.

— Ну хорошо,— смирился он.— Во всяком случае, я вас предупреждал.

— И куда мы пойдем? Только не очень далеко.

— В «Могилку»,— ответил Киндерман.— Ну, двинули.

Он ухватил врача под руку и вместе с ним направился к лифтам.

— Вам будет очень полезно поесть. Да и прогуляться по свежему воздуху тоже. Это улучшает цвет лица. А обед фигуре не повредит. Кстати, ваша матушка в курсе, что вы пропускаете ленч? Ладно, я уже понял, что вы очень упрямы. Это заметно.

Киндерман окинул взглядом врача. «Что это — улыбка? Кто знает? Да, трудный случай, очень трудный»,— констатировал про себя лейтенант.

По дороге в «Могилку» Киндерман задавал бесчисленные вопросы о состоянии Дайера. Амфортас был занят своими мыслями и поэтому отвечал очень коротко или молча кивал. А то и просто отрицательно качал головой. Выходило, что такие симптомы, как у Дайера, в некоторых случаях действительно давали повод заподозрить опухоль мозга, но у священника это, скорее всего, было связано с излишним напряжением и усталостью. Он очень много работал и переутомился.

— Переутомился? — удивленно воскликнул Киндерман, когда они уже входили в «Могилку».— Напряжение? Кто бы мог подумать? Да он же нынче как вареная лапша!

В «Могилке» столики были накрыты чистыми скатертями в красно-белую клетку, а за большой круглой дубовой стойкой подавали пиво в высоких стеклянных кружках. Стены украшали многочисленные гравюры, изображавшие сценки из прошлой жизни Джорджтауна. Народу было не так уж много. Время приближалось к полудню.

Еще при входе Киндерман приметил уютный кабинет.

— Вон туда,— указал он, и скоро они уже сидели за небольшим столиком в нише.

— Я ужасно голоден,— повторил Киндерман.

Амфортас ничего не ответил. Он сложил на коленях руки и, склонив голову, молча уставился на них.

— Вы будете что-нибудь есть, доктор?

Амфортас только покачал головой.

— Ну, что там насчет Дайера? — спросил он.— Что вы мне хотели рассказать?

Киндерман наклонился к нему и яростно прошептал:

— Не чините ему телевизор.

Амфортас удивленно посмотрел на Киндермана.

— Простите, не понял вас.

— Не чините ему телевизор. А то он все узнает.

— Что он узнает?

— Вы еще не слышали про убийство священника?

— Конечно слышал,— сказал Амфортас.

— Этот священник был закадычным другом отца Дайера. И если вы почините телевизор, то он узнает об этом из новостей. И еще: не приносите ему газеты, доктор. И заприте сестрам.

— И для этого вы привели меня сюда?

— Не будьте так жестоки,— упрекнул врача Киндерман.— У отца Дайера очень чувствительная душа. И в любом случае, пока человек лежит в больнице, лучше его не расстраивать.

— Но он уже в курсе.

Следователь остолбенел.

— В курсе?

— Да, мы с ним говорили об этом,— подтвердил Амфортас.

Следователь отвернулся и понимающе покачал головой.

— Как это похоже на него,— наконец заговорил Киндерман.— Он не хотел беспокоить меня, поэтому притворился, что абсолютно ничего не знает.

— Так зачем вы привели меня сюда, лейтенант?

Киндерман повернулся к врачу. Амфортас пристально смотрел на него.

— Зачем я привел вас сюда? — смущенно пробормотал Киндерман, стараясь выдержать этот вопрошающий взгляд, и щеки у него начали краснеть.

— Вот именно, зачем? Видимо, все-таки не для того, чтобы поговорить о неисправном телевизоре,— съязвил Амфортас.

— Да, я вам солгал,— выпалил вдруг следователь. Теперь у него пылало все лицо, он отвернулся и засмеялся: — От вас ничего не скроешь. Я не знаю, как мне сохранять полное спокойствие и невозмутимость.— Киндерман снова повернулся к Амфортасу и беспомощно вскинул над головой руки: — Да, я виновен. Я бесстыжий. Я солгал. Но я ничего не мог поделать с собой, доктор. Неведомые силы побороли меня. Я предлагал им пряник и уговаривал: «Подите прочь!» Но они-то знали мою слабинку, поэтому не отступали и твердили: «Солги, иначе на обед ты получишь какой-нибудь дрянной бутербродик с ломтиком прокисшей дыни!»

— Надо было предложить им тако*, тогда бы подействовало,— посоветовал Амфортас.

Киндерман от неожиданности опустил руки. Выражение лица Амфортаса нисколько не изменилось, оно по-

---

* Тако — острое мексиканское блюдо: плоский пирог с салатом и мясом.

прежнему оставалось невозмутимым, а глаза все так же пристально изучали Киндермана. Но ведь следователь только что своими ушами слышал его шутку.

— Да, и тако тоже,— неуверенно подхватил он.

— Ну, так чего же вы хотите? — осведомился Амфортас.

— Вы простили меня? Я бы хотел услышать от вас кое-что.

— О чем?

— О боли. Это просто сводит меня с ума. Отец Дайер говорил мне, что вы работаете в этой области и что вы настоящий специалист. Вы не возражаете? А чтобы затащить вас сюда и спокойненько поговорить, мне пришлось пойти на хитрость. Но теперь я страшно смущен и прошу вашего прощения. Доктор, вы ведь уже простили меня? Может быть, договоримся на условное отбывание наказания?

— Вам что-то причиняет постоянную боль? — поинтересовался Амфортас.

— Да, и это «что-то» называется Райан. Но сейчас я бы хотел поговорить не о нем.

Амфортас по-прежнему оставался мрачным.

— О чем же? — тихо спросил он.

Но прежде чем следователь успел ответить, перед ними возник официант и протянул меню. Это был совсем молодой парень, видимо студент. Скорее всего, он подрабатывал здесь в свободное время. В глаза бросались его ярко-зеленый галстук и жилетка.

— Вы будете обедать? — вежливо осведомился юноша.

Официант все еще протягивал меню, и Амфортас кивнул на Киндермана.

— Нет, это не мне. Мне принесите только чашку черного кофе. Этого достаточно.

— Тогда и я не буду обедать,— заявил следователь.— Мне только чай с лимоном, пожалуйста. И пряники. У вас есть такие круглые, с имбирем и орехами?

— Есть, сэр.

— Тогда принесите их. Кстати, почему это сегодня на всех официантах жилетки и галстуки?

— Праздник святого Патрика. В «Могилке» его отмечают всю неделю,— сообщил официант.— Больше ничего заказывать не будете?

— У вас сегодня есть куриный суп?

— Да, с лапшой.

— С чем угодно. Принесите одну порцию, пожалуйста.

Официант кивнул и отправился выполнять заказ.

Киндерман нахмурился, разглядев на соседнем столике большую кружку, доверху наполненную светлым пивом.

— Просто бред какой-то,— проворчал он.— Человек гоняется за змеями, как полоумный, а вместо того, чтобы поместить его в палату для буйных где-нибудь в психлечебнице, католики причисляют его к лику святых.— Он повернулся к Амфортасу: — Эти маленькие садовые змейки, они же совершенно безвредные, они даже картошку не едят. Ну разве такое поведение разумно, доктор?

— А я-то думал, что вы голодны,— заметил Амфортас.

— Неужели вы не можете оставить человеку хоть капельку достоинства? — расстроился Киндерман.— Да, конечно, это было моей очередной ложью. Я всегда так поступаю. Я неисправимый врунишка, стыд и позор всего нашего участка. Теперь вы удовлетворены, доктор? Милости просим использовать мой мозг для своих опытов. Я только тогда смогу спокойно отойти в мир иной, когда буду знать, отчего это происходит. Ведь собственное вранье сводит меня с ума вот уже долгие годы!

В глазах доктора промелькнула лукавая усмешка.

— Вы начали говорить о боли,— напомнил он.

— Это правда. Послушайте, вы ведь знаете, что я работаю в отделе по расследованию убийств.

— Да.

— И мне часто приходится сталкиваться с болью, которая обрушивается на невинных людей,— вздохнув, признался следователь.

— А почему это вас так волнует?

— Вы религиозны, доктор?

— Я католик.

— Это хорошо. Тогда вы сами должны все знать и понимать. Мои вопросы будут касаться доброты Бога,— пояснил Киндерман.— И того, каким образом погибают невинные детишки. Избавляет ли их Бог от чудовищной, невероятной боли? Как в фильме «А вот и мистер Джордан», где ангел извлекает героя из падающего самолета как раз в тот момент, когда происходит катастрофа. Повсюду только и судачат о таких вот случаях. Возможно ли такое? Сталкиваются, к примеру, два автомобиля. В одном находятся трое детей. Они не пострадали от удара, но машина загорелась, дети оказались в ловушке и не могут сами выбраться из машины. Позже в газетах мы читаем, что они сгорели заживо. Это ужасно. Но что они чувствуют, доктор? Где-то я слышал, будто кожа в эти мгновения немеет. Это так?

— Вы очень странный следователь,— признался Амфортас. Теперь он смотрел прямо в глаза Киндерману.

Лейтенант пожал плечами:

— Я старею. И мне необходимо задумываться о таких вещах. Ведь хуже от этого не станет. Ну и каков же ответ на мой вопрос?

Амфортас опустил глаза.

— Никто не знает,— тихо вымолвил он.— Мертвые ничего не могут нам рассказать. Все, что угодно, может произойти в такие минуты,— пояснил врач.— Человек может задохнуться от дыма прежде, чем до него доберется пламя. Может случиться сердечный приступ или смерть от шока. Кроме того, поток крови сразу же устремляется к жизненно важным органам в надежде как-то защитить

их. Отсюда и сообщения о немеющей коже.— Он пожал плечами.— Я не знаю. Мы можем только догадываться.

— А если все не так, как вы говорите? — засомневался следователь.

— Но ведь это только предположения и размышления,— напомнил Амфортас.

— Ну пожалуйста, доктор, поразмышляйте еще немножко. Я весь во внимании.

Подошел официант с заказом. Он хотел было поставить тарелку с супом перед Киндерманом, но лейтенант жестом указал на доктора:

— Нет-нет, это ему,— а когда тот начал возражать, перебил его: — Не заставляйте меня звонить вашей матушке. Здесь куча витаминов и только те продукты, которые упоминаются в Торе. Не упрямьтесь. Вы должны поесть. Эта лапша — просто кладезь полезных веществ.

Амфортас сдался, и официант поставил перед ним тарелку.

— Кстати, мистер Маккуи сейчас здесь? — поинтересовался Киндерман.

— Да, по-моему, он у себя наверху,— подтвердил официант.

— Вы бы не могли позвать его на минуточку сюда? Однако если он очень занят, то не стоит беспокоить. Это не так уж важно.

— Хорошо, сэр. Я его позову. Как ваше имя?

— Уильям Ф. Киндерман. Он знает меня. Но если он занят, то не надо.

— Хорошо, я передам.— Официант удалился.

Амфортас смотрел на лапшу.

— От первых ощущений боли до самой смерти проходит двадцать секунд. Так вот, когда сгорают нервные окончания, они, естественно, перестают выполнять свои функции, и боль сразу же прекращается. Когда именно это происходит, мы тоже можем лишь догадываться. Однако

не позднее чем через десять секунд. Но в течение этих десяти секунд боль действительно невыносима и неописуема. Вы находитесь в полном сознании и понимаете, *что* происходит. Адреналин выбрасывается в избытке.

Киндерман, уставившись себе под ноги, качал головой.

— Как же Бог допускает такое? Это еще одна тайна.— Он поднял глаза и посмотрел на доктора.— А вы никогда об этом не задумывались? Это вас не злит?

Амфортас какое-то время колебался, а потом заглянул в глаза следователю.

«Да этот человек просто горит желанием что-то рассказать мне,— подумал Киндерман.— Что за тайну схоронил он в себе?» Лейтенанту внезапно показалось, что Амфортас испытывает нечеловеческую боль, которой хочет поделиться с ним, но что-то продолжает его удерживать.

— Наверное, я ввел вас в заблуждение,— спохватился Амфортас.— Я ведь пытался исходить из ваших собственных предположений. И забыл сказать вам, что в тот момент, когда боль становится невыносимой, нервная система испытывает перегрузку. Она отключается — и боль прекращается.

— Вот как? Понимаю.

— Боль — очень странная штука,— задумчиво произнес Амфортас.— Если у человека боль длится долгое время, а потом его неожиданно лишают этой боли, то обычно развиваются серьезные душевные заболевания. Можно вспомнить эксперименты над собаками. Результаты этих опытов довольно-таки занимательны.

Амфортас рассказал следователю об опытах над скотч-терьерами, проведенных еще в 1957 году. Собак выращивали в изоляции, в специальных вольерах. Брали маленьких щенят и содержали их там до полового созревания. Они никогда не общались ни с другими собаками, ни с людьми. Их оберегали от всяческих травм, ушибов и даже царапин. Когда щенки подрастали, им причиняли боль, и

реакция на нее была весьма неадекватной. Многие щенки совали нос в горящие спички, затем инстинктивно отдергивали его, но через секунду снова пытались понюхать пламя. Если оно случайно затухало, точно так же собаки реагировали и на вторую спичку, и на третью. Другие щенки вообще не обращали на огонь внимания, однако тоже не пытались избежать контакта с ним, когда ученые пытались их обжечь. И не важно, сколько раз это повторялось. К такому же результату пришли экспериментаторы в ходе опытов по укалыванию собак булавками. С другой стороны, такие же терьеры, но выращенные в естественной среде, сразу же понимали, откуда может исходить опасность, и при повторном появлении булавки или спички в руках ученого пытались увернуться.

— Боль — загадочное явление,— подытожил Амфортас.

— Скажите мне откровенно, доктор, как вы считаете, Бог мог бы защитить нас как-нибудь иначе? Скажем, придумать некую сигнальную систему, которая предупреждала бы о возможной опасности?

— Вы имеете в виду безусловный рефлекс?

— Ну, что-то вроде колокольчика, который звенел бы каждый раз у нас в голове.

— Представьте себе, что случится, если у вас, скажем, повреждена артерия,— произнес Амфортас.— Вы что, сразу же кинетесь накладывать жгут или решите слегка повременить и закончить игру в карты? А если это произойдет с ребенком? Нет, это вряд ли поможет.

— Тогда почему не сотворить человеческое тело невосприимчивым к повреждениям?

— Об этом спросите у Бога.

— Но я спрашиваю вас.

— Я не знаю ответа.

— А чем вы занимаетесь у себя в лаборатории, доктор?

— Стараюсь выяснить, как можно отключить боль, когда в ней нет необходимости.

Киндерман затаил дыхание, но Амфортас так ничего больше и не сказал.

— Ешьте суп,— нарушил наконец молчание следователь и пододвинул к доктору тарелку с супом.— А то он остынет. Как любовь Бога.

Амфортас взял ложку, но тут же отложил ее в сторону. Ложка тихонько звякнула, стукнувшись о край тарелки.

— Я тоже не голоден,— произнес врач.— Я вспомнил кое-что. Мне надо идти.— Он поднял глаза и уставился на Киндермана.

— Странно, что вы вообще верите в Бога,— отозвался Киндерман.— С вашими знаниями о мозге и его функциях.

— Мистер Киндерман? — послышался вдруг голос официанта. Он уже стоял перед столиком.— Мистер Маккуи, похоже, очень занят сейчас. Я подумал, что лучше его не беспокоить. Извините.

Подумав немного, следователь проговорил:

— Нет, пожалуй, побеспокойте его.

— Но вы же сами сказали, что это не очень важно.

— Так-то оно так. Но все равно побеспокойте его. Я ужасно капризный человек, у меня свои причуды. Я старенький.

— Хорошо, сэр.— Официант немного постоял, но потом все же отправился наверх за хозяином кафе.

Киндерман снова повернулся к Амфортасу:

— А вам не кажется, будто все, что мы называем «душой», на самом деле не более чем процессы, протекающие в нейронах?

Амфортас посмотрел на часы.

— Я вспомнил кое-что,— повторил он.— Мне надо идти.

Киндерман удивленно взглянул на него. «Может быть, я схожу с ума? — промелькнуло в голове следователя.— Ведь он уже говорил это».

— На чем вы остановились? — произнес он вслух.

— Простите, не понял,— замялся Амфортас.

— Ну, не важно. Послушайте, побудьте со мной еще чуточку. Я еще не обо всем спросил. Меня тут мучают разные сомнения. Вы не задержитесь на минутку? Кроме того, невежливо прямо так уходить из-за стола. Я еще не допил чай. Разве цивилизованные люди так поступают? Даже всякие там знахари и шарлатаны не вытворяют таких штук. Вот они сидели бы себе спокойненько и наматывали все на ус, а старый глупый толстяк пусть распинается о чем угодно. Вот это и называется «правилами хорошего тона». Я не слишком отвлекся? Отвечайте прямо. Мне тут все пеняют, будто я неясно выражаюсь, хожу вокруг да около, и я должен рассеять эти утверждения. Неужели это и в самом деле так? Только честно.

Амфортас вздохнул, и что-то похожее на удовлетворение проскользнуло в глубине его глаз.

— Так чем же я все-таки могу вам помочь, лейтенант? — спросил он.

— Это все та же проблема мозга и ума,— объявил Киндерман.— Уже столько лет подряд я мечтаю проконсультироваться у хорошего невропатолога, но, понимаете ли, очень стесняюсь незнакомых людей. А вот теперь меня свели с вами. И я счастлив, что мне представляется такой случай. Так вот, разъясните мне: неужели все чувства и мысли человека на самом деле всего лишь процессы в нейронах мозга?

— Вы хотите сказать, будто это то же самое, что и нейроны?

— Да.

— А что вы сами думаете по этому поводу? — поинтересовался Амфортас.

Киндерман задумался и, приняв серьезный вид, кивнул.

— Я думаю, что это одно и то же,— важно изрек он.

— А почему?

— А почему бы нет? — парировал следователь.— Кому это приспичит продираться в таких дебрях, как душа, если мозг функционирует достаточно ясно, чтобы все объяснить. Я прав?

Амфортас слегка подался вперед. Видимо, эти слова тронули его, и он заговорил уже более мягко.

— Предположим, что вы любуетесь небом,— с жаром начал он.— Перед вами огромное однородное пространство. Это примерно то же, что и электрические разряды между клетками мозга. Вот вы видите грейпфрут. В вашем чувственном восприятии появляется образ округлого предмета. Но проекция этого грейпфрута в вашей затылочной доле мозга вовсе не круглая. Она более смахивает на эллипс. Так как же тогда эти вещи могут быть одним и тем же? Когда вы думаете о Вселенной, неужели вы в состоянии разместить ее в своем мозгу? Или, скажем, предметы, находящиеся в этом кафе. Они имеют иную форму, нежели клетки вашего мозга. Так что же? Неужели они становятся таковыми в вашем мозгу? Есть и другие загадки, над которыми стоит поразмышлять. Одна из них — избирательная способность мозга. Каждую секунду на вас обрушиваются сотни, а может быть, тысячи чувственных впечатлений, но вы фильтруете их и выбираете именно те, которые необходимы в данный момент. Так вот, все эти бесчисленные решения принимаются даже не за секунду, а за долю секунды. Кто же принимает решение, что именно отбросить, а что — оставить? И вот еще что, лейтенант: мозг шизофреника структурно находится в более выгодном положении, чем мозг человека, не страдающего психическими заболеваниями. Между прочим, многие люди, после того как у них удаляют большую часть мозга, все равно продолжают вести себя адекватно.

— А что вы скажете о том ученом с электродами? — спросил Киндерман.— Он дотрагивался до некоторых участков, и человек либо слышал голос из далекого прошлого, либо испытывал определенные эмоции.

— Знаю. Это Уилдер Пенфилд,— отозвался невропатолог.— Но испытуемые в один голос утверждали, будто все эти ощущения шли не от них самих, а откуда-то извне. Они были им *навязаны*.

— Весьма странно слышать такое от представителя ученых кругов,— вставил следователь.

— Уилдер Пенфилд также считает, что мозг и ум — это одно и то же. Так же как и сэр Джон Экклес, английский физиолог, который получил Нобелевскую премию за исследования мозга.

Киндерман удивленно вскинул брови:

— В самом деле?

— Да. Если бы ум и мозг были идентичны, то мозг обладал бы некоторыми штучками, совсем не обязательными для существования тела. Например, удивление или осознание самого себя. Некоторые ученые идут даже дальше, они считают, что человеческое сознание сконцентрировано не в мозге. Есть некоторые теории, предполагающие, будто человеческое тело, а также мозг и даже внешний мир в целом пространственно располагаются внутри сознания. И последнее, лейтенант. Хочу предложить вам веселый куплет.

— Обожаю веселые куплеты.

— Я тоже, но этот мне, пожалуй, особенно нравится:

Когда бы вес мозга
Был весом ума —
Любой бегемот
Стал мудрей бы Ферма.

С этими словами невропатолог склонился над тарелкой и начал стремительно уплетать лапшу.

Краешком глаза Киндерман заметил, как к их столику приближается Маккуи.

— Это именно то, что я думаю,— заявил лейтенант Амфортасу.

— Что? — не понял врач. Он замер с ложкой у рта, удивленно уставившись на собеседника.

— Я решил ненадолго стать адвокатом дьявола*. Полностью с вами согласен: ум — это не мозг. Я абсолютно уверен.

— Вы очень странный человек,— признался Амфортас.

— Да, вы мне уже об этом говорили.

— Вы хотели видеть меня, лейтенант?

Киндерман поднял глаза и увидел Маккуи. Тот, как всегда, был в пенсне, неизменном темно-синем блейзере и серых фланелевых брюках.

— Ричард Маккуи. А это доктор Амфортас,— представил их друг другу Киндерман. Маккуи сразу же протянул руку и поздоровался с доктором.

— Очень рад познакомиться,— заулыбался он.

— Я тоже.

Маккуи повернулся к следователю.

— Так я вас слушаю.— Он демонстративно посмотрел на часы.

— Все дело в чае,— объяснил Киндерман.

— В чае?

— Какой сорт вы завариваете на этой неделе?

— «Липтон». Как, впрочем, и всегда.

— По-моему, у него несколько другой вкус.

— Вы меня для этого пригласили сюда?

— О, я мог бы потрепаться о любых пустяках, но я ведь знаю, что вы очень занятой человек. И поэтому не смею вас задерживать.

Маккуи холодно окинул взглядом столик.

— И что же вы заказали?

— Вот. Все перед вами,— сообщил следователь.

Во взгляде Маккуи проскользнуло безразличие.

— Но это же столик на шестерых.

— А мы как раз уходим.

---

* Адвокат дьявола — лицо, которому поручено при католической канонизации поддерживать сомнения в действительности чудес, совершенных усопшим.

Маккуи ничего не ответил. Он просто повернулся и удалился.

Киндерман посмотрел на Амфортаса. Тот доедал суп.

— Ну вот и хорошо,— обрадовался лейтенант.— Ваша матушка останется очень довольна.

— У вас еще есть ко мне вопросы? — осведомился доктор и потрогал чашку с кофе. Та уже остыла.

— Сукцинилхолинхлорид,— выговорил Киндерман.— Вы его используете в больнице?

— Да. То есть не я лично, разумеется. Его применяют в электрошоковой терапии. А почему вас это интересует?

— Если бы кто-то в больнице захотел украсть его, это возможно?

— Да.

— Каким образом?

— Например, стащить его с тележки, на которой развозят лекарства. Улучить момент, когда тележка останется без присмотра, несложно. А почему вы спрашиваете?

Но Киндерман снова уклонился от ответа.

— А посторонний человек мог бы это сделать?

— Ну, если он уверен в том, что именно ему нужно. И еще надо точно знать расписание, когда и куда доставляют лекарства.

— Вам приходилось работать в психиатрическом отделении?

— Случалось. Вы для этого меня сюда пригласили, лейтенант? — Амфортас сверлил Киндермана взглядом.

— Нет, не для этого,— успокоил его Киндерман.— Честно. Бог не даст мне соврать. Но раз мы все равно уже здесь...— Он замолчал на некоторое время, а потом продолжил: — Понимаете, ведь если бы я задал такой вопрос в больнице, мне бы, разумеется, ответили, что это сделать невозможно. Вы меня понимаете? А так как мы с вами успели немного подружиться, я понял, что вы ответите мне правду.

— Спасибо, лейтенант. Вы очень милый и симпатичный человек.

Киндерман почувствовал, что Амфортас словно теплеет изнутри. Он тут же подхватил настроение.

— В той же манере и я хотел бы высказаться о вас.— Киндерман улыбнулся.— Вы помните выражение «в той же манере»? Мне оно очень понравилось. В фильме «А вот и мистер Джордан» Джо Пендлтон так и сыплет им.

— Да, я помню.

— И вам нравится этот фильм?

— Да.

— Мне тоже. Должен признаться, что люблю такие фильмы. Ведь подобную доброту и невинность в наши дни встречаешь довольно редко. Что за жизнь! — вздохнул Киндерман.

— Она всего лишь подготовка к смерти.

Этим высказыванием Амфортас уже в который раз удивил следователя.

— В самом деле,— согласился Киндерман.— Как-нибудь нам надо будет встретиться еще разок и обсудить эту проблему.— Следователь снова заглянул в глаза собеседнику и заметил в них еле уловимые искорки. «Что это? Что?» — вновь недоуменно спросил он себя, а вслух поинтересовался: — Вы уже допили свой кофе?

— Да.

— Я задержусь и оплачу счет. Вы были так добры и потратили на меня уйму времени. Я-то знаю, что вы очень заняты сейчас.

Киндерман протянул доктору руку. Амфортас крепко пожал ее, а потом встал и уже собрался было уйти, но замешкался и, глядя на Киндермана, тихо спросил:

— Я хотел узнать насчет сукцинилхолина. Это ведь имеет отношение к убийству. Я прав?

— Да, совершенно.

Амфортас кивнул и направился к выходу. Киндерман еще какое-то время наблюдал, как он пробирается между

столиками. Но вот Амфортас скрылся из виду. Лейтенант вздохнул, подозвал официанта и расплатился. Затем он поднялся по лестнице туда, где находился кабинет Маккуи. Директор беседовал с бухгалтером. Заметив Киндермана, он слегка опешил, но выражение его глаз за стеклами пенсне различить было невозможно.

— Наверное, вы хотите спросить меня про кетчуп? — ровным голосом съязвил Маккуи.

Киндерман только молча поманил его пальцем, и Маккуи тотчас подошел к нему.

— Вы обратили внимание на того человека, с которым я сидел за столиком? — спросил следователь.— Запомнили его лицо?

— Довольно симпатичный джентльмен.

— Вы его раньше нигде не видели?

— Не могу точно сказать. За год в своих магазинах и кафе я вижу тысячи людей.

— А не был ли он вчера на исповеди?

— Что?

— Вы его видели в церкви?

— Не уверен.

— Подумайте.

Маккуи замолчал. Однако спустя пару секунд закусил нижнюю губу и отрицательно замотал головой.

— Понимаете, когда ожидаешь своей очереди на исповедь, стараешься не смотреть на людей. Почти всегда прихожане стоят или сидят опустив глаза, и каждый вспоминает свои грехи. Даже если я и видел его, то вряд ли теперь вспомню,— объяснил Маккуи.

— Но человека в ветровке с капюшоном вы видели.

— Да. Только я не могу сказать, был ли это тот же джентльмен.

— А можете ли вы с уверенностью сказать, что это были два разных человека?

— Нет. Утверждать не стану.

— Понятно.

— Видите ли, я очень сомневаюсь.

Киндерман оставил Маккуи погруженным в размышления, а сам отправился в больницу. Там он сразу же заглянул в книжный киоск и тщательно осмотрел полки. Обнаружив роман «Угрызения совести», Киндерман покачал головой и взял книгу. Наугад открыв ее, он прочитал несколько строчек. «Да, такое он одолеет в два счета»,— решил Киндерман и стал подыскивать еще одну книжонку, которая помогла бы его другу-иезуиту скоротать время. В конце концов он выбрал роман из рыцарских времен.

Киндерман подошел к кассе.

Продавщица взглянула на обложки и засияла:

— Я уверена, ей это очень понравится.

— Не сомневаюсь.

И тут ему вздумалось купить какой-нибудь забавный брелок для Дайера. В кассе было полно всяческих безделушек. Неожиданно его внимание привлек большой пакет, и Киндерман, не мигая, уставился на него.

— Еще что-нибудь? — спросила девушка.

Но Киндерман уже ничего не слышал. Он медленно поднял пакет. Внутри находились розовые заколки для волос с надписью: «Большие Виргинские водопады».

Глава восьмая

Психиатрическое отделение Джорджтаунской больницы соседствовало с отделением невропатологии. Оно разделялось на две основные секции.

В первой находились палаты для буйных. Здесь содержались пациенты, подверженные припадкам насилия. Параноики и активные кататоники. В лабиринте коридоров и палат затерялась парочка комнат, обитых войлоком. Уж что-что, а меры безопасности здесь соблюдались свято.

В другой секции располагались так называемые «общие палаты».

Больные здесь не представляли опасности для окружающих. Большинство из них — люди преклонного возраста — попадали сюда по причине старческого слабоумия. В этих же палатах коротали свои дни и пациенты, страдающие шизофренией или депрессией, алкоголики или несчастные, перенесшие паралич. Кроме того, среди обитателей «общих палат» были и пассивные кататоники. Замкнувшись в себе, они день за днем проводили в полной неподвижности, с застывшими и странными выражениями лиц. Случалось, они вступали в разговор, являя при этом пример чрезвычайной исполнительности и скрупулезно следуя всем распоряжениям. В этих палатах не принималось никаких особых мер предосторожности. Пациентам разрешалось на денек-другой отлучаться из больницы. Пропуск им мог выписать кто угодно: от врача до подсобного рабочего.

— Кто выписывал ей пропуск? — осведомился Киндерман.

— Медсестра по фамилии Аллертон. Кстати, она как раз сегодня дежурит и придет сюда с минуты на минуту,— сообщил Темпл.

Они сидели в его небольшом уютном кабинетике рядом с дежурной стойкой. Киндерман разглядывал висевшие на стенах грамоты, дипломы и фотографии. На двух снимках красовался Темпл, на вид лет двадцати, в боксерской стойке, облаченный в спортивную форму университета. Взгляд его был свирепым. На других снимках Темпл обнимал какую-нибудь очередную подружку и широко улыбался в объектив. На столе лежал сувенир — маленький Экскалибур*. На подставке была выгравирована надпись: «Использовать в экстренных случаях». К боковой тумбе стола кнопками был пришпилен лозунг: «Алкоголик — это тот, кто выпивает больше доктора». Разбросанные на столе бумаги были обильно посыпаны сигаретным пеплом.

---

* Экскалибур — волшебный меч из легенды о короле Артуре.

Киндерман повернулся к Темплу, стараясь избегать взглядом его расстегнутой ширинки.

— Я не могу поверить,— произнес следователь,— что эту женщину выпустили без сопровождения.

Пожилую женщину с пристани удалось наконец опознать. Киндерман показывал ее фотографию на всех дежурных постах больницы. В отделении психиатрии ее и опознали. Больной оказалась Мартина Отси Ласло. В «общую палату» ее перевели из окружной больницы, где она пробыла сорок один год. Болезнь Мартины классифицировали как кататоническую форму слабоумия. Оно началось у нее еще в юности. Этот диагноз оставался неизменным и поныне, с того самого момента, как Ласло перевели в открывшуюся в 1970 году Джорджтаунскую больницу.

— Да, я просматривал ее историю болезни,— согласился Темпл,— и сразу понял, что там какая-то ерунда. Чего-то там явно не хватает.— Он прикурил и небрежно швырнул спичку в пепельницу, но промахнулся, и спичка упала на раскрытую историю болезни. Темпл мрачно проводил спичку взглядом.

— Черт их знает, чем они там занимаются. Она проторчала в окружной больнице целую вечность, так что никто и не помнит, с чего у нее крыша поехала. Ранние записи они куда-то засунули. А эти более чем странные пассы, которые она вытворяет руками! Вот такие!

Темпл и хотел было продемонстрировать их следователю, но тот оборвал его.

— Да, я видел,— спокойно произнес Киндерман.

— Правда?

— Она сейчас у нас в полиции.

— Я счастлив за нее.

Киндерман почувствовал неприязнь к врачу.

— Что означают эти движения? — поинтересовался он.

Вспыхнувшая над дверью лампочка прервала разговор.

— Войдите! — крикнул Темпл.

Порог кабинета переступила молодая привлекательная медсестра.

— Вызывали, доктор?

Врач взглянул на медсестру.

— Мисс Аллертон, вы выписывали пропуск Ласло в субботу?

— Простите?

— Ласло. Вы выписали ей пронуск в субботу, так?

Медсестра озадаченно взглянула на него.

— Ласло? Нет, я не выписывала.

— А это что же такое? — удивился Темпл. Он взял со стола бланк пронуска и начал читать: «Фамилия и имя: Ласло Мартина Отси. Цель поездки: визит к брату в Фэрфакс, штат Виргиния. Срок: до 22 марта». Затем передал листок медсестре.— Выдан в субботу и подписан вами.

Медсестра, изучая пропуск, нахмурилась.

— Это была ваша смена,— напомнил Темпл.— С двух часов дня до десяти вечера.

Девушка посмотрела на него.

— Сэр, я не писала этого,— заявила она.

Лицо врача побагровело.

— Ты шутишь, крошка?

Мисс Аллертон, ежась под взглядом Темпла, взволнованно заговорила:

— Нет, я не писала этого. Клянусь. Да ведь она никуда и не уезжала. Я делала вечерний обход в девять и видела ее в постели.

— Разве это не ваш почерк?

— Нет. То есть да. Ой, я не знаю! — воскликнула мисс Аллертон. Она снова уставилась на бланк пропуска.— Да, похож на мой почерк, но это все равно не моя рука. Чем-то все равно отличается.

— Чем же именно? — выпытывал Темпл.

— Я не могу сразу сказать. Но я точно знаю, что не писала этого.

— Дайте-ка посмотреть.

Темпл выхватил листок у нее из руки и стал внимательно изучать его.

— Да, вижу,— наконец проронил он.— Вы имеете в виду эти закорючки?

— Можно мне? — вмешался Киндерман и протянул руку к документу.

— Конечно.— Темпл передал ему пропуск.

— Спасибо,— поблагодарил Киндерман, рассматривая листок.

— Я не писала этого,— стояла на своем медсестра.

— Да, возможно, вы правы,— пробормотал Темпл. Следователь взглянул на психиатра.

— Что вы только что сказали? — спросил он.

— Да нет, ничего.— Темпл окинул взглядом медсестру.— Все в порядке, крошка. Зайди ко мне попозже, я угощу тебя чашечкой кофе.

Медсестра Аллертон кивнула и торопливо вышла из кабинета.

Киндерман вернул пропуск Темплу.

— Странно, вы не находите? Кто-то подделал пропуск мисс Ласло.

— Но ведь это сумасшедший дом! — Психиатр беспомощно вскинул руки.

— Зачем и кому это могло понадобиться? — не унимался Киндерман.

— Я же вам объяснил. Тут все сплошь да рядом психи.

— Вы имеете в виду и персонал отделения?

— Конечно. Эти заболевания заразны, как чума.

— И кто из вашего персонала уже заболел?

— Да будет вам. Перестаньте.

— Что перестать?

— Я просто пошутил.

— И вас не насторожил этот случай?

— Абсолютно.— Темпл небрежно смял пропуск и швырнул его в пепельницу, но опять промахнулся.— Ах, черт! Впрочем, это, скорее всего, чья-то плоская шуточка.

А может быть, кто-то из моих подчиненных точит на меня зуб.

— Но ведь если бы дело сводилось только к этому,— возразил следователь,— то шутник наверняка подделал бы именно ваш почерк.

— Возможно, вы и правы.

— По-моему, это называется паранойей.

— Умница.— Темпл прищурил глаза, и теперь они стали похожи на узенькие щелочки. Пепел с сигары упал прямо ему на пиджак. Темпл попробовал было стряхнуть его, но только размазал большое темное пятно.— Она могла и сама выписать себе пропуск.

— Кто? Мисс Ласло?

Темпл неопределенно пожал плечами.

— А почему бы и нет? Здесь всякое случается.

— В самом деле?

— Да нет, конечно, это весьма сомнительно.

— Кто-нибудь видел, как мисс Ласло покидала больницу? Ее кто-нибудь сопровождал?

— Я пока этого не знаю, но постараюсь выяснить как можно скорее.

— Скажите, а после девятичасового обхода кто-нибудь еще раз проверяет больных?

— Да, ночная дежурная обходит палаты в два часа,— сообщил Темпл.

— А вы не могли бы спросить у нее, находилась ли в это время мисс Ласло в постели?

— Непременно. Я оставлю ей записку. Послушайте, а почему вас все это так интересует? Ведь это не имеет никакого отношения к убийствам.

— Каким убийствам?

— Вы меня прекрасно поняли. Я имею в виду того мальчишку и священника.

— В том-то и дело, что здесь имеется связь,— посерьезнел Киндерман.

— Впрочем, я так и подумал.

— Почему?

— Я-то ведь еще не окончательно тронулся.

— По-видимому, нет,— согласился Киндерман.— Вы на редкость сообразительный человек.

— Итак, какое имеет отношение Ласло к убийствам?

— Не знаю. Она замешана в этом деле, хотя и косвенно.

— Я теряюсь в догадках.

— Это обычное человеческое состояние.

— И вы считаете, что здесь она будет в полной безопасности?

— Скорее всего, да. И все же вы точно уверены, что пропуск для нее был подделан?

— Ни на йоту не сомневаюсь.

— Кто же его подделал?

— Понятия не имею. Вы начали задавать вопросы по второму кругу.

— Этот необычный почерк с закорючками вам ни о чем не говорит?

Темпл уставился на Киндермана, а потом неуверенно отвел взгляд и коротко бросил:

— Нет.

«Слишком поспешно»,— отметил про себя Киндерман. Он молча оглядел врача, а затем неожиданно попросил:

— Объясните мне, пожалуйста, отчего мисс Ласло все время повторяет руками какие-то необычные движения?

Темпл снова повернулся к своему собеседнику. На этот раз на его лице сияла самодовольная ухмылка.

— Видите ли, моя работа во многом похожа на вашу. Я ведь тоже в каком-то смысле сыщик.— Он весь подался вперед.— И вот что я выяснил. Уверен, вы все поймете и оцените. Движения Ласло кажутся неслучайными, верно? Они всегда одни и те же.— Темпл попытался изобразить их.— Как-то раз я очутился в сапожной мастерской: мне надо было срочно отремонтировать ботинки — оторвалась подошва. И вот от нечего делать я принялся наблюдать за работой мастера, пока он пришивал мою подошву. Саму

операцию, разумеется, выполняла специальная машина. Я подошел к мастеру и спросил: «Скажите, любезнейший, а как же вы раньше справлялись с этой задачей, когда у вас не было никаких машин?» Сапожник был уже в годах и говорил с акцентом — по-моему, у него в роду имелись сербы. А спросил я его просто по наитию, так как вдруг почувствовал, что мне очень важно узнать об этом. «Раньше мы все делали руками»,— ответил он и засмеялся, приняв меня, видимо, за дурачка. И тогда я его попросил показать, как именно. Он, конечно же, сразу заявил, что ему некогда заниматься подобной чепухой, но я предложил деньги — по-моему, долларов пять. И вот тогда он уселся рядом со мной, зажал между коленями ботинок и, имитируя движения, которыми прилаживают оторванные подошвы, начал «зашивать» его. И, поверите ли, его жесты точь-в-точь походили на пассы Мартины Ласло. Я попал в точку! Пулей помчался в больницу и связался с ее братом в Виргинии. И знаете что? Как раз перед тем, как Ласло свихнулась, ее бросил парень, который обещал на ней жениться и клялся в вечной любви. Догадываетесь, кем работал этот пройдоха?

— Неужели сапожником?

— Вот именно. Она не вынесла потери — и сама как будто превратилась в своего возлюбленного. Когда тот ее бросил, Ласло было всего лишь семнадцать. Девушка не мыслила жизни без него и полностью отождествляла себя с этим негодяем. А сейчас ей уже стукнуло пятьдесят два.

Киндерману стало грустно.

— Ну, и что вы об этом скажете? Я имею в виду способность выслеживать,— краснобайствовал психиатр.— Этот талант у вас либо есть, либо его просто нет. И проявляются такие способности довольно рано. Только-только закончив университет, я столкнулся с одним занятным пациентом. Он страдал депрессией. Несчастный утверждал, что постоянно слышит в ухе щелчки. И вот, после долгой беседы мне неожиданно пришла в голову идея. «А в каком имен-

но ухе у вас щелкает?» — поинтересовался я. Он тут же ответил: «Всегда в левом».— «А в правом никогда?» — не унимался я. «Нет, только в левом».— «А можно, я послушаю?» — попросил я. «Пожалуйста»,— согласился больной. Тогда я приложил к его уху свое и — поверите ли? — действительно услышал щелчки! И довольно громкие. Оказывается, молоточек у него в среднем ухе вечно соскальзывал и издавал эти злосчастные щелчки. Пришлось прибегнуть к помощи хирурга, и пациент сразу же почувствовал облегчение. А ведь он пролежал в психиатрическом отделении целых шесть лет. Именно эти щелчки и сводили его с ума — он сам себя считал психом, а отсюда и начиналась депрессия. Как только пациент понял, что щелчки ему вовсе не кажутся, что они реальны, он сразу же выздоровел.

— Да, просто потрясающе,— согласился Киндерман.— Ничего подобного я еще не слышал.

— Довольно часто я применяю и гипноз,— продолжал распинаться Темпл.— Хотя многие врачи не признают его, да и не верят в успех. И потом, гипноз считается в некоторых случаях даже опасным. Но взгляните на этих несчастных. Неужели лучше оставить их в том положении, в каком они пребывают сейчас? Боже мой, да надо быть воистину изобретателем, чтобы облегчить их страдания! И всегда искать новые пути. Всегда.— Он тихо засмеялся.— Я тут еще кое-что вспомнил. Во времена студенчества мы проходили практику в гинекологическом отделении. И вот там я наткнулся на одну больную, женщину лет сорока, которая жаловалась на странные боли в половых органах. Я часто и подолгу беседовал с этой пациенткой, наблюдал за ней и пришел к выводу, что место ей не в гинекологическом отделении, а в сумасшедшем доме. Никаких гинекологических заболеваний у нее не обнаружили. Я был убежден, что она просто свихнулась, и высказал свои соображения заведующему психиатрическим отделением. Тот побеседовал с этой женщиной, но в конце концов заявил, что не согласен со мной. Тем не менее время шло, и день за днем

я все более убеждался, что наша подруга чокнутая. Но заведующий психиатрическим отделением и слышать о ней не хотел. И вот я решился. В один прекрасный день я улучил момент и вошел к ней в палату, прихватив с собой небольшую стремянку и резиновую простыню. Я запер дверь изнутри, накрыл женщину простыней до подбородка, поднялся на несколько ступеней, вытащил свою дудку и от души помочился на кровать. Женщина не верила своим глазам. Тогда я спустился с лестницы, свернул клеенку и молча удалился, не забыв прихватить и стремянку. А потом начал выжидать. Буквально через день в столовой я наткнулся на молодого психиатра. Он пристально посмотрел на меня и заявил: «Послушайте, а ведь вы оказались правы насчет той женщины. Вы даже не представляете, что она тут понаплела медсестрам!» — Темпл с довольным видом откинулся на спинку кресла.— Да, иногда приходится потрудиться. И пофантазировать.

— И для меня это был неплохой урок, доктор,— признался Киндерман.— В самом деле. Вы мне открыли глаза на кое-какие вещи. Знаете, многие врачи почему-то недолюбливают психиатров и в удобный момент не прочь покритиковать их.

— Идиоты,— буркнул Темпл.

— Между прочим, я сегодня обедал с одним из ваших коллег. С доктором Амфортасом, невропатологом. Может, слышали?

Психиатр прищурился.

— Уж Винс-то не преминул бы ущипнуть меня, это точно.

— Да нет же,— поспешил вступиться за своего нового знакомого Киндерман.— Ничего плохого о психиатрах он не говорил. Мы говорили совсем о другом.

— И что же?

— Он оказался очень симпатичным человеком. Кстати, вы не могли бы попросить кого-нибудь проводить ме-

ня до палаты Ласло? — Киндерман встал.— Мне необходимо осмотреть ее кровать.

Темпл поднялся с кресла и, свирепо взглянув на следователя, потушил сигару.

— Я сам вас провожу,— сердитым голосом предложил он.

— Нет-нет, ни в коем случае. Вы ведь чудовищно заняты. Я не могу быть таким навязчивым и отнимать у вас кучу времени.— Киндерман поднял руки, как бы умоляя Темпла остаться в кабинете.

— Какая ерунда,— возразил Темпл.

— Я правда не доставляю вам чрезмерного беспокойства?

— Это отделение — мое детище. И я по праву горжусь им. Пойдемте, я вам все покажу сам.— И он распахнул дверь.

— Это окончательное решение?

— Абсолютно.

Киндерман вышел в коридор. Темпл указал направо:

— Вот сюда, пожалуйста.— И быстрым шагом устремился вдоль коридора. Киндерман едва поспевал за ним.

— И все же мне так неудобно,— наигранно сокрушался следователь.

— Лучшего провожатого вам не найти.

Отделение представляло собой настоящий лабиринт коридоров, перемежающихся небольшими холлами. По обеим сторонам коридоров располагались многочисленные палаты, кое-где встречались конференц-залы и комнаты для персонала. Тут же находилась небольшая столовая и целый комплекс кабинетов физиотерапии. Но настоящей гордостью отделения являлся, разумеется, зал отдыха с теннисным столом и телевизором. Очутившись в этом помещении, психиатр указал на группу больных, смотревших по телевизору какие-то спортивные соревнования. Большинство пациентов — люди пожилого возраста — уставились на экран в полном безразличии, словно не понимая,

что там происходит. Все они были в пижамах, халатах и в одинаковых тапочках.

— Здесь-то и разыгрываются настоящие сражения — сообщил Темпл.— С утра до вечера бедолаги с пеной у рта обсуждают, какую именно программу смотреть. А медсестра выступает в роли арбитра. Собственно, в этом и заключается вся ее работа.

— Похоже, они сейчас довольны своим выбором,— заметил Киндерман.

— Погодите. Я вам кое-что о них расскажу. Вон там, например, видите? Очень интересный пациент,— шепнул Темпл, указывая на одного из мужчин, внимательно следящих за происходящим на экране. На голове у больного была бейсбольная кепка.— Он страдает кастрофренией,— пояснил Темпл.— Считает, что враги высасывают у него из головы мысли. Не знаю. Возможно, в его словах есть доля правды. А вон там, позади него, стоит Лэнг. Когда-то он считался неплохим химиком, но внезапно начал слышать голоса на чистых магнитофонных лентах. Это были голоса умерших. Они отвечали ему на любые вопросы. В свое время он где-то раздобыл книгу, где рассказывалось о разного рода психических аномалиях, вот с этого-то все и началось.

«Почему мне это кажется таким знакомым?» — удивился вдруг Киндерман. Ему стало не по себе.

— Ну, а потом он стал слышать голоса и в ванной, когда принимал душ,— продолжал Темпл.— И в звуках любой текущей воды. Например, в струе из-под водопроводного крана. Или в шелесте океанского прибоя. Дальше — еще хлеще. Голоса раздавались в шорохе листвы. И наконец, они проникли в его сон. Несчастный никуда не мог от них деться. А сейчас он утверждает, что телевизор лишь чуть-чуть заглушает их.

— И эти голоса свели его с ума? — заинтересовался Киндерман.

— Нет, не так. Из-за того, что он сошел с ума, он и начал их слышать.

— Как щелчки в ухе?

— Нет, этот парень по-настоящему чокнутый. Уж вы мне поверьте. А вон, гляньте на ту даму в дурацкой шляпке. Местная красотка. Но у нее-то вроде дела понемногу идут на лад. Видите, вон та? — Он указал на пышную женщину средних лет, восседающую в кресле возле телевизора.

— Да, вижу,— подтвердил Киндерман.

— Ах, черт возьми,— удрученно буркнул Темпл.— Она меня заметила и уже мчится сюда.

Женщина торопливым шагом приближалась к ним, оглушительно шаркая тапочками. Через пару секунд Киндерман уже разглядывал ее синюю фетровую шляпку, украшенную шоколадными плитками, которые она прикрепила к полям иголками.

— Не надо полотенец,— сообщила она Темплу.

— Не надо полотенец,— эхом отозвался психиатр.

Женщина круто развернулась и с гордым видом зашагала назад к телевизору.

— Дело в том, что раньше она припрятывала полотенца,— объяснил Темпл.— Воровала их у других больных и прятала. Но мне удалось ее вылечить. В течение первой недели она каждый день получала по семь полотенец дополнительно. Через неделю — по двадцать штук ежедневно, а еще через неделю — уже по сорок. В результате у нее накопилось их столько, что в палате уже негде было повернуться. И вот, когда сестра принесла ей очередную порцию, наша красавица вдруг как закричит да как примется метать из палаты полотенце за полотенцем. Теперь она видеть их не может.— Психиатр замолчал, наблюдая, как больная устраивается в кресле у телевизора, а затем добавил: — Думаю, что и с шоколадками нам удастся разобраться.

— Они у вас такие спокойные,— заметил Киндерман.

Он огляделся. Больные, расположившиеся в креслах, либо глядели на экран, либо безразлично смотрели в одну точку.

— Да, совсем как растения,— подхватил Темпл. Он многозначительно постучал пальцем по голове.— Никого нет дома. Разумеется, лекарства здесь не помогают.

— Лекарства?

— Да, таблетки, которые им обычно назначают. Торазин. Они получают его каждый день. Но толку мало.

— Скажите, а тележку с лекарствами сюда тоже доставляют?

— Разумеется.

— А кроме таблеток на ней еще что-нибудь привозят?

Темпл удивленно взглянул на Киндермана:

— Разумеется. А что?

— Ничего, просто так.

Психиатр пожал плечами.

— Особенно если тележка предназначена для палаты буйных.

— По-моему, именно там производят лечение шокотерапией?

— Сейчас ее почти не применяют.

— Почти?

— Ну, иногда, конечно, бывает,— спохватился Темпл.— Когда это крайне необходимо.

— Скажите, а в этих палатах среди пациентов есть врачи?

— Забавный вопрос,— улыбнулся Темпл.

— Считайте, это мое слабое место,— начал оправдываться Киндерман.— Если мне в голову приходит какая-нибудь ерунда, я должен сразу же высказать ее вслух.

Казалось, эти слова несколько озадачили Темпла, но он очень быстро пришел в себя и махнул рукой в сторону одного из больных — худощавого пожилого мужчины. Тот сидел у окна, тупо уставившись на улицу. Солнечные лучи, попадая на его сутулую фигуру, разделяли ее на полосы света и тени. Лицо мужчины абсолютно ничего не выражало.

— В пятидесятые годы он служил в Корее военным врачом,— поведал Темпл.— И там потерял гениталии. За тридцать лет он не произнес ни слова.

Киндерман кивнул. Потом повернулся в ту сторону, где располагалась стойка дежурной медсестры. Как раз в этот момент та что-то записывала в журнал. Рядом с ней, облокотившись о стойку, неподвижно застыл крепкий чернокожий санитар. Он безразлично рассматривал больных.

— Разве у вас здесь только одна сестра? — поинтересовался Киндерман.

— А больше и не надо,— спокойно откликнулся Темпл и, хлопнув себя по бедрам, уставился куда-то вдаль.— Видите ли, когда телевизор выключен, единственный звук, который раздается в этой комнате,— это шарканье тапочек. Хотя, надо признаться, звук довольно неприятный.

Некоторое время он еще рассматривал что-то впереди себя, а затем взглянул на следователя. Тот продолжал наблюдать за пациентом у окна.

— Вы, похоже, чем-то расстроены? — встревожился Темпл.

Киндерман будто очнулся.

— Кто? Я?

— Вы, кажется, любите погружаться в раздумья — верно? Я сразу заметил, как только вы переступили порог моего кабинета. С вами это часто происходит?

Киндерман с удивлением отметил про себя, что сейчас Темпл как никогда близок к истине. Войдя в его кабинет, следователь сразу почувствовал себя не в своей тарелке. Психиатр, похоже, начинал исподволь влиять на него. Как же это у него получалось? Киндерман взглянул на Темпла. В глазах доктора бурлила энергия.

— Такая уж у меня работа,— уклонился от ответа Киндерман.

— Так поменяйте ее. Знаете, один мне тут выдал: «Доктор, как быть? Только начинаю есть свинину, меня сразу

же одолевают головные боли». Ну так я ему ответил: «Завяжите со свининой».

— Простите, можно мне осмотреть палату мисс Ласло?

— Только в том случае, если вы немного приободритесь.

— Постараюсь.

— Вот и хорошо. Тогда пойдемте, я вас туда отведу. Здесь недалеко.

Темпл через зал провел Киндермана в коридор, затем в другой небольшой холл, и очень скоро они очутились в довольно уютной палате.

— Вещичек здесь не густо,— объявил Темпл.

— Да, я вижу.

Иными словами, палата оказалась пуста. Киндерман открыл шкаф. Там висел синий халат. Следователь обыскал ящики, но во всех хоть шаром покати. В ванной обнаружились несколько полотенец и мыло. Других вещей в комнате не было. Киндерман еще раз окинул взглядом скромное помещение. И вдруг почувствовал на лице холодное дуновение. Казалось, ветерок промчался сквозь тело лейтенанта и точно так же внезапно стих. Киндерман взглянул на окно, но оно было закрыто. Странное чувство охватило следователя. Он посмотрел на часы и про себя отметил точное время: три часа пятьдесят пять минут.

— Ну, мне пора идти,— засобирался Киндерман.— Огромное вам спасибо.

— Всегда к вашим услугам,— отозвался Темпл.

Психиатр вывел Киндермана из палаты и проводил до холла, откуда начиналось отделение невропатологии. У самого выхода они расстались.

— Я должен вернуться,— торопливо бросил Темпл.— Дальше сами доберетесь?

— Разумеется.

— Был ли я вам полезен, лейтенант?

— Еще как!

— Чудесно. И если у вас снова начнется депрессия, звоните — или лучше заходите сразу. Думаю, что смогу вам помочь.

— А какой школы в психиатрии вы придерживаетесь?

— Я всегда был убежденным бихевиористом,— ответил Темпл.— Вы мне подробно излагаете все факты, а я вам наперед говорю, что сделает любой человек.

Киндерман уставился в пол и покачал головой.

— И что же это означает? — поинтересовался Темпл.

— Нет-нет, ровным счетом ничего.

— Ну уж меня-то вы не проведете,— запротестовал Темпл.— У вас какие-то проблемы?

Киндерман поднял взгляд и уловил злобный огонек в глазах психиатра.

— Просто мне всегда было жаль бихевиористов, доктор. Они ведь никогда не поблагодарят соседа по столику: «Спасибо, что передали мне горчицу».

Психиатр стиснул зубы и процедил:

— Так когда вернется Ласло?

— Сегодня вечером. Я позабочусь об этом.

— Хорошо. Просто великолепно.— Темпл толкнул стеклянную дверь.— Мы еще увидимся, лейтенант,— произнес он и скрылся в коридоре.

Киндерман некоторое время постоял, прислушиваясь к звуку быстро удаляющихся шагов, и, когда они стихли, неожиданно для самого себя испытал облегчение. Тяжело вздохнув, он почувствовал, будто все же забыл кое-что. Рука его нащупала оттопыривающийся карман — там лежали книги, купленные для Дайера. Следователь повернулся и быстро зашагал прочь.

Когда Киндерман заглянул в палату, Дайер по-прежнему читал в кровати.

— Ну, как же ты долго шлялся,— пожаловался он.— Мне тут уже несколько раз переливали кровь.

Киндерман подошел к кровати и положил книги прямо на живот Дайера.

— Вот все, что ты заказывал,— доложил он.— «Жизнь Моне» и «Беседы с Вольфгангом Паули». Знаете ли вы, святой отец, за что распяли Христа? За то, что он стара-

тельно прятал эти книжонки, боясь, что другие их обнаружат.

— Ну, не будьте таким снобом.

— Да, святой отец, а вы слыхали о иезуитской миссии в Индии? Может, и для вас там найдется работенка? И мухи там не такие уж и злые, как люди судачат. А очень даже милые — всех цветов радуги. Кстати, «Угрызения совести» уже перевели на хинди, а все необходимое для обеспечения вашего комфорта будут непременно доставлять первым рейсом. А еще там можно приобрести сразу несколько миллионов экземпляров «Кама-сутры».

— Это я уже проштудировал.

— Я и не сомневался.— Киндерман подошел к краю кровати, где лежала медицинская карта Дайера, и, пробежав ее глазами, положил на место.

— Вы уж простите меня, если я прекращу нашу милую мистическую беседу. Эстетика в непомерных количествах вызывает у меня страшную головную боль. Кроме того, в соседних палатах меня ждут еще два священника: Джо ди Маджо и Джимми Грек. Посему я оставляю вас.

— Не возражаю.

— А к чему такая спешка?

— Я хочу вернуться к «Угрызениям».

Киндерман повернулся и направился к выходу.

— Разве я что-то не так сказал? — забеспокоился Дайер.

— Мать Индия зовет вас к себе, святой отец.

Киндерман вышел из палаты. Как только он скрылся из виду, Дайер, глядя в открытую дверь, улыбнулся.

— Прощай, Билл,— тихо проговорил он и снова углубился в чтение.

Вернувшись в участок, Киндерман миновал шумную приемную, вошел в свой кабинет и плотно прикрыл дверь. Аткинс уже ждал его, прислонившись к холодной стене. На сержанте помимо синих джинсов и теплой водолазки была надета блестящая черная кожаная куртка.

— Мы погружаемся слишком глубоко, капитан Немо,— посетовал Киндерман, грустно глядя в глаза своему помощнику.— Корпус может не выдержать такое давление.— Он не спеша подошел к столу.— То же самое и с моей обшивкой. Аткинс, о чем ты все время думаешь? Довольно! «Двенадцатую ночь» гонят не здесь, а в кинотеатре напротив. А это еще что такое? — Следователь нагнулся и, взяв со стола два рисунка, посмотрел на них, а потом исподлобья взглянул на Аткинса.— И это что, подозреваемые? — раздраженно вскинулся он.

— Никто в точности не запомнил их,— попытался оправдаться Аткинс.

— Сам вижу. Старик смахивает скорее на сушеный плод авокадо. А второй меня просто сбивает с толку. Разве у него были усы? Что-то я не припомню, чтобы в церкви мне хоть кто-нибудь обмолвился об усах.

— Это мисс Вольп вспомнила.

— Мисс Вольп...— Киндерман бросил рисунки на стол и устало потер рукой лицо.— Мисс Вольп, познакомьтесь, это Джулия Фебрэ.

— Мне надо вам кое-что сообщить, лейтенант.

— Только не сейчас. Неужели ты не видишь, что я готовлюсь к смерти? А ведь это требует от человека полной сосредоточенности и абсолютного внимания.— Киндерман тяжело опустился в кресло и уставился на рисунки.— Вот Шерлоку Холмсу было намного легче,— проворчал он.— Ему ведь не подсовывали таких портретов собаки Баскервилей. И уж конечно, мисс Вольп не идет ни в какое сравнение с Мориарти*.

— Пришло дело о Близнеце.

— Знаю. Оно передо мной на столе. Ну что, Немо, мы понемногу всплываем на поверхность? По-моему, видимость слегка улучшается.

---

* Профессор Мориарти — один из персонажей рассказов А. Конан Дойла.

— Лейтенант, есть новости.

— Не забудь о них. А вот у меня сегодня выдался чудеснейший денек в Джорджтаунской больнице. Неужели тебе не интересно?

— Что же там произошло?

— Пожалуй, я еще не готов к обсуждению. Тем не менее горю желанием узнать, что ты думаешь по этому поводу. Хотя пока это только теория. Понимаешь? Просто некоторые факты. Известный психиатр, занимающий в больнице видное место,— скажем, заведующий целым отделением,— делает зачем-то откровенно неуклюжую попытку выгородить одного из своих коллег — скажем, невропатолога, работающего над проблемами боли. Так вот, когда я спрашиваю психиатра, не напоминает ли ему определенный почерк руку одного из его коллег, он вдруг начинает притворяться. Психиатр целый час буравит меня взглядом, а затем очень четко и громко произносит слово «нет». И я, как опытная лиса, тут же делаю вывод, что между ними уже давно кошка пробежала. Может быть, я и ошибаюсь, но почему-то уверен, что прав. Ну и какое же умозаключение можно вывести из всего сказанного, Аткинс?

— Несомненно, психиатр хочет подставить невропатолога, но боится сделать это открыто.

— А почему, Аткинс? — выпытывал следователь.— Не забывай, ведь своим «нет» он вводит следствие в заблуждение.

— Вероятно, он чует за собой вину. Может быть, он и сам впутан в какую-то историю. Однако если он кого-то и покрывает, то его самого уж никак не заподозришь.

— Да, хитрая бестия. Но я с тобой вполне согласен. Однако должен сообщить и кое-что более важное. В городе Белтсвилл, штат Мэриленд, существовала когда-то больница для пациентов, умирающих от рака. Врачи назначали безнадежным больным большие дозы ЛСД. Хуже ведь от этого уже не стало бы. Верно? Наркотик снимает боль. Од-

нако странное дело: все пациенты независимо от своего прошлого и религиозных убеждений переживали одни и те же невероятные ощущения. Будто сквозь бесчисленные слои грязи, помоев, нечистот и прочей гадости они проникали в самые недра земли. Так вот, в короткие мгновения несчастные чувствовали себя частью этой мерзости, сливались с ней и растворялись внутри. И вдруг направление резко менялось. Они внезапно взлетали и двигались вверх до тех пор, пока все вокруг не преображалось до неузнаваемой ослепительной красоты. Тогда они вроде бы являлись пред ясны очи Господа. А он им и заявлял: «Придите же скорей ко мне, это же вовсе не Ньюарк!»

Аткинс, каждый больной испытал подобное хотя бы раз. Ну ладно, ладно, пусть не сто процентов. Но девяносто уж точно. Вот так. Однако суть не в этом. Все пациенты в один голос утверждали, будто их пронизывает ощущение абсолютного слияния со всей Вселенной. В эти мгновения больные понимали, что они и весь космос — одно и то же. Они словно чувствовали себя неким единым существом. И разве не удивительно, что подобные переживания испытывал каждый? И еще, Аткинс, покумекай над теорией Белла: в любой системе, состоящей из двух частей, изменение спина одной ее части тут же влечет за собой изменение спина другой ее части. При этом совершенно все равно, каково между ними расстояние. И не важно, о чем идет речь: о галактиках или световых годах!

— Лейтенант...

— Помолчи, пожалуйста, когда глаголет твой шеф! Я еще не все сказал.— Следователь подался вперед, глаза его заблестели.— А еще пораскинь-ка мозгами над автономной системой. Это она управляет всеми заумными процессами, которые поддерживают твое драгоценное тело в полном здравии. Но эта система лишена собственного разума. Да и твое сознание не властвует ни над ней, ни над самими процессами. «Так что же ею управляет?» — справедливо поинтересуешься ты. Твое подсознание. А теперь

прикинь в уме: Вселенная — это твое тело, а эволюция и охотящаяся оса суть автономная система. Так что же всем управляет, Аткинс? Ну-ка, поразмышляй. Да, и не забудь про коллективное подсознание. А вообще-то, на эту тему можно без умолку чесать языки. Так ты навестил старушку или нет? Впрочем, для нас это не так важно. Она душой и телом принадлежит Джорджтаунской больнице. Звякни куда надо, и пусть ее заберут. Она обитает в психиатрическом отделении и, видимо, пожизненно приговорена к заключению.

— Старушка умерла,— сообщил Аткинс.

— Что?

— Сегодня днем она умерла.

— От чего?

— Сердечный приступ.

Киндерман несколько секунд не шевелился, а потом, опустив голову, кивнул.

— Да, для нее это, наверное, единственный выход,— пробормотал он. Его вдруг охватила тоска — горькая и мучительная.— Мартина Отси Ласло,— с искренней нежностью произнес он, глядя на Аткинса.— Это была великая старушка. В жестоком мире, где любовь так недолговечна, она была просто грандиозна.— Киндерман выдвинул ящик и достал из него заколку, найденную на пристани. Он грустно взглянул на нее и произнес: — Надеюсь, старушка уже предстала пред Господом.— Потом положил заколку на место и задвинул ящик.— У нее брат где-то в Виргинии,— обратился он к Аткинсу.— Его фамилия Ласло. Позвони, пожалуйста, в больницу и сообщи им. Свяжись с человеком по фамилии Темпл, доктор Темпл. Он заведует отделением психиатрии. Но только не позволяй ему гипнотизировать себя. Я думаю, с него станется сделать это даже по телефону.

Следователь встал и направился к двери, но, как обычно, дойдя до выхода, резко повернулся и снова подошел к столу.

— Ходьба полезна для сердца,— констатировал он и, прихватив папку с надписью «Дело Близнеца», мельком взглянул на Аткинса.— А вот наглость, наоборот, вредит,— предупредил Киндерман.— И даже не пытайся мне возражать.— Он подошел к двери и, взявшись за ручку, оглянулся на помощника.— Проверь по всему округу рецепты на сукцинилхолин за последние два месяца. Особое внимание обрати на имена Винсент Амфортас и Фримэн Темпл. Послушай, а сам-то ты ходишь по воскресеньям в церковь?

— Нет.

— Почему нет? Знаешь, Немо, ведь именно про таких, как ты, монахи говорят: этот человек создан для трех таинств: крещения, венчания и смерти.

Аткинс безразлично пожал плечами.

— Я об этом никогда не задумывался,— признался он.

— Теперь у тебя появилась такая возможность. Последний маленький вопросик, Аткинс, и я готов отдать тебя на растерзание всем желающим. Если бы Христос не позволил распять себя, как бы мы узнали о воскрешении из мертвых? Не отвечай, ибо это так очевидно, Аткинс. Благодарю тебя за убитое время и великое усилие порассуждать вместе. Ну а теперь наслаждайся в полной мере, погружаясь в морскую пучину. Уверяю тебя, ничего интересного ты там не найдешь — на тебя будет глазеть лишь стая глупых рыбешек. Речь, конечно, не идет об их вожаке — карпе весом тринадцать тонн и с мозгом дельфина. Вот он-то весьма необычен, Аткинс. Старайся избегать его. Если карп поймет, что мы с тобой заодно, он может предпринять нечто ужасное.— С этими словами следователь покинул кабинет.

Аткинс видел, как Киндерман прошел в дежурную комнату и остановился посередине, приветствуя кого-то и касаясь пальцами полей своей потрепанной шляпы. И тут его чуть было не сбил с ног полицейский, тащивший упирающегося нарушителя. Киндерман что-то сказал им обо-

им, но Аткинс был далеко и поэтому не расслышал. Наконец Киндерман очутился на улице и исчез из поля зрения сержанта.

Аткинс подошел к столу и сел. Он выдвинул ящик и, разглядывая розовую заколку, с удивлением вспоминал слова лейтенанта о любви. Что же все-таки тот имел в виду? Неожиданно сержант услышал чьи-то шаги и поднял голову. Рядом со столом стоял Киндерман.

— Если когда-нибудь из моего ящика пропадет еще хотя бы одна конфетка, учить тебя я больше никогда ничему не буду. Кстати, в котором часу умерла та старушка?

— В три часа пятьдесят пять минут,— отчеканил Аткинс.

— Понятно.— Киндерман уставился куда-то в пустоту, а потом, не вымолвив ни слова, повернулся и вышел.

Аткинс так и не понял, зачем это лейтенанту приспичило узнать время смерти несчастной.

Киндерман сразу же отправился домой. Сняв в прихожей шляпу и пальто, он прошел на кухню. Джулия сидела за столом и увлеченно читала какой-то модный журнал, а Мэри с матерью суетились у плиты. Мэри что-то усердно размешивала в блюде. Наконец она оторвала от него взгляд и улыбнулась.

— Здравствуй, дорогой. Хорошо, что ты успел к обеду.

— Привет, па,— не поднимая головы, произнесла Джулия.

Теща демонстративно повернулась к лейтенанту спиной и принялась протирать разделочный столик.

— Здравствуй, милый пончик,— откликнулся Киндерман, целуя жену в щеку.— Без тебя жизнь походила бы на пустой стакан и черствую пиццу. А что это вы тут стряпаете? — спохватился он.— Пахнет обалденно.

— Это блюдо вообще не пахнет,— пробурчала Ширли.— У тебя что-то с носом.

— Ну, насчет носа пусть волнуется Джулия,— мрачно отозвался Киндерман и уселся за стол напротив дочери.

Папка с делом о Близнеце лежала у него на коленях. Джулия, сложив на столе руки, продолжала читать журнал, и ее длинные черные волосы касались обложки. Она рассеянно откинула локон и перевернула страницу.

— Так что у нас насчет Фебрэ? — нарушил молчание Киндерман.

— Папочка, пожалуйста, не заводись,— коротко бросила Джулия, переводя взгляд на следующую страницу.

— А кто заводится?

— Я ничего еще не решила окончательно.

— Как, впрочем, и я.

— Билл, не приставай к ней,— одернула его Мэри.

— А кто к кому пристает? Только, Джулия, все ведь не так-то просто. Понимаешь, если один человек в семье решает вдруг поменять фамилию, проблем особых не возникает. Но вот когда все трое собираются сделать подобный шаг, тогда это совсем другое дело. Я прямо-таки в недоумении. Это может привести к массовой истерии, не говоря уже о мелких недоразумениях. Может быть, нам сообща следует все хорошенько продумать?

Джулия перевела наконец взгляд на отца. Пытаясь сосредоточиться, она уставилась на него своими красивыми удивленными глазами.

— Извини, я не уловила. Что ты сказал?

— Дело в том, что мы с твоей мамой меняем фамилию на Дарлингтон.

Деревянный половник громко стукнулся о раковину, и Киндерман заметил, как Ширли, фыркнув, стремглав вылетела из кухни. Мэри еле слышно хохотнула и отвернулась к холодильнику.

— *Дарлингтон?* — ахнула Джулия.

— Да,— подтвердил Киндерман.— Кроме того, мы меняем вероисповедание.

Джулия чуть не задохнулась от ужаса.

— Вы что, станете католиками? — воскликнула она.

— Не говори ерунду,— устало произнес Киндерман.— Это ничуть не лучше, чем оставаться евреями. Мы тут подумываем о лютеранстве.— Он услышал, как и Мэри вслед за матерью торопливо ретировалась из кухни.— Разумеется, твоя мать немного расстроена. Любые перемены весьма мучительны и болезненны. Ну да ничего, это пройдет. Однако в один миг ничего не изменишь. Все нужно делать постепенно, шаг за шагом. Сначала фамилия, потом вера, а потом мы уже всей семьей подпишемся на «Нэшнл ревью».

— Я тебе не верю,— твердо заявила Джулия.

— Придется поверить. Мы вступаем в период Великой Каши. И теперь мы будем представлять собой некое Пюре... или Фебрэ... Не важно. Если неизбежно. Единственная проблема заключается в том, чтобы действовать согласованно. Поэтому свои предложения прошу обсуждать вместе с нами, Джулия. Ну, что ты на это скажешь?

— Мне кажется, вам не следует менять фамилию,— с жаром возразила девушка.

— Почему же?

— Потому что это *твоя* фамилия! — продолжала она. Увидев, что вернулась мать, Джулия с ходу обратилась к ней: — Мам, вы что, серьезно?

— Конечно, Джулия, совсем не обязательно Дарлингтон. Если тебе не нравится, мы подыщем другую фамилию, такую, чтобы она устраивала нас всех. Например, Бунтинг,— вставил Киндерман.

Мэри задумчиво поглядела на них и кивнула.

— Мне нравится.

— Бог ты мой, это же просто невыносимо,— застонала Джулия. Она вскочила со стула и бросилась вон из кухни, натолкнувшись на бабушку, возвращавшуюся из комнаты.

— Ты все еще продолжаешь свои сумасшедшие бредни? — сердито проворчала Ширли.— В этом доме невозможно ничего понять — кажется, будто все свихнулись.

Скоро, наверное, у меня начнутся слуховые галлюцинации, и вы с удовольствием упечете меня в психушку.

— Да-да, разумеется,— искренне согласился Киндерман.— Приношу свои извинения.

— Ну вот, что я говорила! — взвизгнула Ширли.— Мэри, скажи же ему, пусть немедленно прекратит это издевательство!

— Билл, довольно,— осекла мужа Мэри.

— Уже прекратил.

В семь часов все дружно отобедали. Киндерман, пытаясь сбросить с себя груз дневных забот и волнений, погрузился в горячую ванну. Однако, как оно и повелось, ванна не помогла. «Как же складно выходит у Райана,— размышлял Киндерман.— Надо будет непременно выведать у него секрет. Для этого подкараулим, покуда он совершит что-нибудь героическое, из ряда вон выходящее и разоткровенничается». Зацепившись за слово «секрет», следователь тут же перескочил на рассуждения об Амфортасе: «Это весьма загадочная личность — ну просто тайна, покрытая мраком». Киндерман чувствовал, что Амфортас многого не договаривает. Но что именно он скрывает? Лейтенант потянулся за пластмассовым флаконом и щедро плеснул в воду пенящейся жидкости, чуть было не опрокинув весь флакон.

После ванны Киндерман облачился в банный халат и, захватив папку с делом о Близнеце, направился в свой кабинет. Стены там были сплошь увешаны плакатами. Они рекламировали старые черно-белые киноленты — шедевры 40-х и 50-х годов. На темном деревянном столе валялось множество книг. Киндерман вдруг поморщился. Он пришлепал сюда босым и теперь случайно наступил на острый край книги, лежавшей на полу. Сей труд назывался «Феномен человека» Тейяра де Шардена. Лейтенант нагнулся и, подняв книгу, бережно положил ее на стол, а потом включил лампу. Световой поток выхватил из полумрака целые залежи скатанных в шарики фантиков, притаив-

шихся в закутках между книгами. Киндерман расчистил место для папки, уселся за стол и, почесав нос, попытался сосредоточиться. Он перерыл все книги, отыскал наконец свои очки и, рукавом халата протерев стекла, водрузил очки на нос. Но ничего не увидел. Тогда он прищурил один глаз, затем другой, снял очки и повторил процедуру. Тут его осенило. Он решил, что без левой линзы читать будет неизмеримо легче. Тогда он обернул ее краем рукава и выдавил на стол. Стекло шлепнулось на его поверхность и благополучно раскололось надвое. Киндерман насупился и что-то мрачно буркнул, затем, вновь взметнув на нос очки, попытался прочесть несколько строк.

Бесполезно. Сегодня, видимо, надо поставить на этом крест. Глаза устали и не желали слушаться. Киндерман снял очки и, выйдя из кабинета, побрел в спальню.

И приснился ему сон. Будто сидит он вместе с психами и смотрит кино. Ему казалось, что крутили «Потерянный горизонт», хотя на экране отчетливо мелькали кадры из «Касабланки». Но при этом Киндерман не ощущал никакого противоречия. Тут же за пианино сидел сам Амфортас. Он как раз пел песенку «А время проходит», когда в кабачок «У Рика», где все они находились, вошла героиня, которую в фильме играла Ингрид Бергман. Но во сне ею оказалась Мартина Ласло, а ее мужем — доктор Темпл. Ласло и Темпл приблизились к пианино, и Амфортас произнес: «Оставьте его, мисс Илье». Тогда Темпл скомандовал: «Пристрелите его», и Ласло, выхватив из сумочки скальпель, вонзила его прямо в сердце Амфортасу. Неожиданно Киндерман сам очутился на экране. Он восседал за столиком в компании Хэмфри Богарта. «Документы подделаны»,— заявил Богарт. «Да, я знаю»,— кивнул Киндерман. Он поинтересовался, не замешан ли в этом деле его братец Макс, но Богарт только пожал плечами и заметил: «Это же кабачок Рика».— «Да, многие шляются сюда,— подхватил Киндерман.— Я видел эту картину уже раз двадцать». — «Хуже от этого не будет»,— возразил Богарт. Внезапно Кин-

дерман заволновался, потому что никак не мог вспомнить свои первоначальные реплики. Тогда он быстренько свернул тему и перевел разговор на проблему зла. Он вкратце изложил Богарту свою теорию. Во сне это заняло какую-то долю секунды. «Ну, теперь-то я вас здорово зауважал»,— восхитился Богарт и сам затеял беседу о Христе. «Что-то в вашей теории ему не нашлось места,— удивился Богарт.— Будьте предельно осторожны, а то немецкие курьеры пронюхают об этом».— «Нет-нет, я обязательно включу его в свою теорию»,— поспешно воскликнул Киндерман, и в этот момент Богарт почему-то превратился в отца Дайера, а Ласло с Амфортасом пересели к ним за столик. Ласло на этот раз была молодой и очень красивой. Дайер выслушивал исповедь невропатолога и, когда отпустил тому все грехи, получил от Ласло одну-единственную белоснежную розу. «Я никогда не покину тебя»,— пообещала она Амфортасу. «Иди и не живи более»,— напутствовал доктора Дайер.

В следующий миг Киндерман оказался среди зрителей. Он уже знал, что все это ему только снится. Экран разросся, он занял все видимое пространство. Вместо кадров из «Касабланки» на экране возникли два световых пятна. Они сверкали на фоне бледно-зеленой бездны. Пятно слева было большим и переливалось голубоватым пламенем. А справа от него находился маленький белый шарик, сияющий подобно тысяче солнц. Но в то же время шарик этот не ослеплял и не мерцал: он был спокоен и казался безмятежным.

Киндерман услышал, как заговорил левый огонек:

— Я не могу не любить тебя.

Второй огонек не отвечал. Наступила тишина.

— Вот, что я есть на самом деле,— продолжало голубоватое пламя.— Чистая любовь.

Ослепительный шарик снова промолчал.

Долгую паузу вновь нарушил первый огонек:

— Я хочу создать себя.

И тогда заговорил шарик:

— Будет больно.

— Я знаю.

— Но ты не понимаешь, что это такое.

— Я сделал свой выбор,— возразил голубоватый огонек. И стал ждать, переливаясь в бледно-зеленом пространстве.

Целая вечность канула, прежде чем ответил белый шарик:

— Я пришлю тебе кого-нибудь.

— Нет, не надо. Ты не должен вмешиваться.

— Он будет частью тебя,— настаивал шарик.

Голубоватое пламя сжалось. Вспышки его на какое-то время укоротились и ослабли. Наконец огонек вновь расправился и замерцал:

— Да будет так.

Воцарилась тишина. Она длилась вечность. Все вокруг было проникнуто покоем и миром. Божественное сияние освещало сумрачное пространство.

Тихим и ровным голосом заговорил белый шарик:

— Пусть же начнется время.

Голубоватое пламя вспыхнуло с новой силой, и по нему заструились потоки радужных соцветий; постепенно они погасли, и голубое пятно вновь замерцало мирно и спокойно. И опять безмолвие.

Тогда в этой абсолютной тишине зазвучал нежный и грустный голос голубого огня:

— Прощай. Когда-нибудь я вернусь к тебе.

— Торопись.

Голубое пламя начало вспыхивать ярче и ярче. Оно выросло и стало намного прекрасней, чем прежде. Затем оно уменьшилось и вот уже по размерам не превосходило белый шарик. На какую-то секунду все вокруг замерло.

— Я люблю тебя,— прошептало голубое пламя.

И тут же взорвалось, разлетевшись сверкающей пылью и рассыпавшись по вечной Вселенной триллионами кро-

шечных частиц всепроникающей и вездесущей энергии. Раздался чудовищной силы грохот.

Проснувшись, Киндерман вскочил в постели. Затем медленно сел и потрогал лоб. Испарина. В глазах еще полыхали отсветы того умопомрачительного взрыва. Киндерман чуточку посидел в кровати, раздумывая, что же только что произошло. И происходило ли все это на самом деле? Сон был настолько реален, что хотелось в него верить. Даже тот, прошлый сон о Максе не казался лейтенанту таким настоящим. Киндерман ни на миг не вспомнил о первой части сна, где действие разворачивалось в кабачке, потому что вторая половина начисто затмила ее.

Он встал с кровати и спустился в кухню, зажег свет и, прищурившись, взглянул на большие настенные часы. «Пять минут пятого? Просто безумие какое-то,— возмутился Киндерман.— Фрэнк Синатра только собирается в койку». Тем не менее чувствовал он себя отлично, словно успел прекрасно выспаться. Киндерман поставил чайник и прислонился к плите, чтобы не прозевать момент: надо успеть снять чайник до того, как раздастся свисток. А то он разбудит Ширли. Киндерман стоял и раздумывал над сном, который глубоко потряс его. «Что же терзает меня? — размышлял следователь.— Какая-то мучительная боль потери». Ему вспомнилась книга о сатане, написанная католиками-теологами. Как-то раз она попалась ему на глаза, и он с удовольствием прочитал ее. Красота и совершенство сатаны описывались в книге как «захватывающие дух». «Несущий свет». «Утренняя звезда». Бог, очевидно, очень любил его. Но тогда почему он проклял его на все времена?

Киндерман дотронулся до чайника. Только начал нагреваться. Еще несколько минут. Он снова подумал о Люцифере, о существе, излучающем свет. Католики утверждали, что сущность его изменить нельзя. Ну и что? Неужели именно он несет болезни и смерть на землю? И он же изобретает кошмары, зло и жестокость? Нет, здесь смысл теряется. Даже на старика Рокфеллера снисходила иногда

благодать, и он раздавал монетки бедным. Киндерман вспомнил Евангелие и несчастных одержимых. Кем одержимых? Уж конечно, не падшими ангелами. Только дураки могли бы спутать дьявола с духом умершего человека. Это просто шутка. Это мертвые пытаются возвратиться в мир живых. Кассиус Клей может бесконечно повторять это, но что остается делать бедному погибшему портному? Нет, сатана никогда бы не стал мелочиться и занимать чужие тела. Даже евангелисты так считают, вспомнил Киндерман. Да, конечно, однажды сам Иисус пошутил насчет этого, мысленно подтвердил он. Как-то явились к нему апостолы, полные впечатлений и окрыленные успехом в изгнании демонов. Иисус кивнул и, сохраняя полнейшее спокойствие, заявил: «Да, я видел, как сатана падал с небес подобно молнии». Вот и противоречие. Он просто пошутил над ними. «Но почему именно молния? — удивлялся Киндерман.— И почему Христос называл сатану Князем Тьмы?»

Через несколько минут чайник закипел, и, налив себе чашку, Киндерман понес ее наверх, в кабинет. Он тихо прикрыл за собой дверь, на цыпочках подошел к столу, включил свет и сел читать дело Близнеца.

Убийства, сведения о которых были собраны в папке под названием «Дело Близнеца», происходили в районе Сан-Франциско на протяжении семи лет, с 1964 по 1971 год, и прекратились, когда преступник был застрелен полицейскими при попытке перелезть через ограду моста «Золотые Ворота». Ранее он утверждал, что убил двадцать шесть человек, причем каждое преступление было особо жестоким и труп очередной жертвы подвергался либо расчленению, либо другим изуверствам. В списке несчастных оказались и мужчины, и женщины разного возраста, иногда даже дети. Город жил в постоянном страхе, несмотря на то что личность убийцы удалось установить. Сразу же после первого убийства он прислал письмо в газету «Сан-Фран-

циско кроникл». Этого человека звали Джеймс Майкл Веннамун, ему было тридцать лет. В городе знали и его отца-евангелиста. Беседы с этим священником передавались по всей стране каждое воскресенье в десять часов. И все же найти Близнеца не удавалось. Не смог помочь и евангелист, который в 1967 году прекратил всякие публичные выступления. После расстрела на мосту тело убийцы словно сгинуло. Оно упало в реку, и в течение нескольких дней его тщетно пытались выловить драгами. Однако в смерти садиста не приходилось сомневаться. Не менее сотни пуль изрешетили его. К тому же страшные убийства после этого сразу прекратились.

Киндерман медленно листал страницу за страницей. Вот раздел, посвященный издевательствам над жертвами. Внезапно следователь остолбенел. Не веря своим глазам, он заново перечитал целый абзац. Волосы на его голове встали дыбом. «Этого не может быть! — думал он.— Боже мой, но этого просто не может быть!» И все же приходилось верить. Следователь оторвал взгляд от страницы и тяжело задышал. А потом вновь углубился в чтение.

Киндерман дошел до описания психического состояния преступника, большей частью основанного на его бессвязных письмах и детских дневниках. У преступника имелся брат Томас. Они родились близнецами, но Томас страдал слабоумием и жил в своем собственном мире. Несмотря на то что его постоянно окружали люди, Томас боялся темноты и спал всегда при включенном свете. После развода отец не уделял мальчикам должного внимания, и всю заботу о брате Джеймс взял на себя.

Вскоре Киндерман погрузился в изучение истории их жизни.

Томас сидел за столом, уставившись своими детскими наивными глазами в никуда. Взгляд его был пуст. Джеймс пек ему блинчики. Внезапно на кухню ввалился Карл Вен-

намун, одетый только в пижамные штаны. Он был навеселе и держал в руке стакан с почти опорожненной бутылкой виски. Как сквозь туман Веннамун окинул взглядом кухню и заметил Джеймса.

— Что ты тут делаешь? — взревел он.

— Готовлю блинчики для Томми,— объяснил мальчик.

Он проходил мимо отца с полной тарелкой, когда Веннамун крепкой затрещиной неожиданно сбил его с ног.

— Сам вижу, сопляк! — зарычал Веннамун.— Я тебе ясно сказал, что сегодня он еды не получит! Он испачкал штаны!

— Но он не виноват в этом! — заплакал Джеймс.

Веннамун пнул его ногой в живот и направился к дрожавшему от страха Томасу.

— А ты, негодяй?! Я же запретил тебе есть! Ты что, не слышал? — На столе стояло несколько тарелок с едой, и разъяренный Веннамун одним движением опрокинул их на пол.— Ты, маленькая обезьяна, ты у меня научишься послушанию и порядку! — Евангелист сдернул мальчонку со стула и поволок к входной двери. По дороге он осыпал сынишку ударами кулака.— Ты как твоя мать! Грязная свинья! Вонючая католическая скотина!

Веннамун подтащил мальчика к двери, ведущей в подвал. Яркое солнце заливало окрестные холмы. Веннамун распахнул дверь.

— Ты полезешь туда, в подвал, к крысам, будь ты проклят!

Томас задрожал еще сильнее, и в огромных мальчишеских глазах заметался страх. Мальчик заплакал.

— Нет! Нет! Я не хочу в темноту, папа! Пожалуйста, пожалуйста...

Веннамун ударил его, и мальчонка кубарем покатился вниз по лестнице.

Томас в отчаянии закричал:

— Джим! Джим!

Дверь в подвал захлопнулась, раздался скрежет засова.

— Да уж, крысы им займутся, я надеюсь,— донесся пьяный голос отца.

Внезапно тишину прорезал истошный вопль.

Вернувшись в дом, Веннамун привязал Джеймса к стулу, а сам уселся к телевизору и возобновил попойку. В конце концов он так и уснул у экрана. А Джеймс всю ночь напролет не смыкал глаз, постоянно слыша крики и плач брата.

На рассвете крики прекратились. Веннамун проснулся, развязал Джеймса, а потом вышел во двор и открыл дверь подвала.

— Можешь выходить,— крикнул он в темноту.

Но ответа не последовало.

Веннамун безразлично наблюдал, как Джеймс стремглав ринулся вниз, и вскоре услышал чье-то рыдание. Но это был не Томас. Это плакал Джеймс. Мальчик понял, что после этой страшной ночи его брат окончательно потерял рассудок.

Томаса поместили в психиатрическую лечебницу Сан-Франциско. Не оставалось ни малейшей надежды на излечение, и мальчик был вынужден до конца жизни коротать свои дни в больничной палате. Как только выдавалось свободное время, Джеймс навещал брата, а в шестнадцать лет он сбежал из дома и устроился разносчиком газет в Сан-Франциско. Теперь он мог приходить к Томасу каждый вечер. Джеймс держал брата за руку, читая ему детские книги и сказки. Он же и убаюкивал Томаса. Так продолжалось до 1964 года. А потом случилось непоправимое.

Тогда была суббота, и Джеймс с утра до вечера просидел у Томаса.

Пробило девять часов вечера. Томас уже лежал в кровати. Джеймс устроился рядышком на стуле, а доктор прослушивал Томасу сердце. Спустя некоторое время врач опустил стетоскоп и подмигнул Джеймсу.

— Твой братишка хорошо себя чувствует,— улыбнулся он.

Из-за двери высунулось личико дежурной медсестры:

— Мне очень жаль, сэр, но время посещений уже закончилось.

Врач сделал знак Джеймсу, чтобы тот не вставал, а сам подошел к сестре.

— Я хочу поговорить с вами, мисс Кинч. Нет, не здесь, давайте пройдем в холл.— Они вышли из палаты.— Вы сегодня первый раз дежурите, мисс Кинч?

— Да.

— Надеюсь, вам у нас понравится,— сказал доктор.

— Я тоже так думаю.

— Молодой человек, который пришел к Тому,— его родной брат. Уверен, вы и сами это заметили.

— Да, конечно,— подтвердила мисс Кинч.

— Вот уже несколько лет подряд он неизменно приходит к брату каждый вечер. И мы разрешаем ему находиться в палате до тех пор, пока его брат не заснет. Иногда он остается даже на ночь. Но не беспокойтесь. Здесь все в порядке. Это исключение,— пояснил доктор.

— Да, я понимаю.

— И еще: у него в палате горит лампа. Мальчик боится темноты. Страх этот патологический. Никогда не выключайте у него свет. Я опасаюсь за его сердце. Он очень слабенький.

— Я запомню это,— кивнула медсестра и улыбнулась.

Доктор ответил ей добродушной улыбкой.

— Ну и прекрасно, тогда увидимся завтра. Всего вам хорошего.

— Спокойной ночи, доктор.— Сестра Кинч проводила его взглядом, но едва врач скрылся из виду, улыбка ее превратилась в злобный оскал. Она покачала головой и произнесла: — Идиот.

Джеймс сидел рядом с братом, крепко сжав его руку. Перед ним лежала детская книга, но он уже выучил ее наи-

зусть, а уж это стихотворение Джеймс повторял Томасу, наверное, тысячи раз:

Спокойной ночи, милый дом,
И все, кто обитает в нем:
Спокойной ночи, мыши
И голуби на крыше.

Спокойной ночи, каша, щетка,
Спокойной ночи, злая тетка,
Спокойной, доброй ночи вам...
Я с вами засыпаю сам.

На секунду Джеймс смежил веки, а потом чуть-чуть приоткрыл их, чтобы взглянуть, заснул ли Томас. Но Томас, уставившись в потолок, не спал, и тогда Джеймс увидел, что из глаз брата текут слезы.

— Я л-л-люблю т-т-тебя,— заикаясь, произнес Томас.

— И я люблю тебя, Том,— нежно ответил Джеймс.

Тогда Томас закрыл глаза и вскоре уснул.

Джеймс ушел, а спустя некоторое время мимо палаты проходила сестра Кинч. У двери она остановилась и заглянула внутрь. Томас был один и спокойно спал. Медсестра прошла в палату, выключила лампу и вышла, захлопнув за собой дверь.

— Тоже мне, «исключение»,— недовольно пробормотала она и вернулась в свой кабинет, где занялась просмотром журналов.

Среди ночи отчаянный вопль прорезал больничные покои. Это проснулся Томас. Крик не стихал несколько минут, а потом неожиданно оборвался. Томас Веннамун умер.

И родился убийца Близнец.

Киндерман посмотрел в окно. Начинало светать. История братьев неожиданно растрогала его. Неужели жалость к этому чудовищу закралась в его душу? Тогда он снова вспомнил, что Близнец вытворял со своими жертвами. И символом-то он избрал перст Божий, которым Господь тронул Адама. Поэтому всем жертвам Близнец отрезал ука-

зательный палец. И первой буквой фамилии или имени погибших стала буква «К» — Карл Веннамун.

Киндерман дочитывал последнюю страницу: «Последовательно убивая людей, чьи имена или фамилии начинались с буквы "К", Близнец пытался отомстить отцу и испортить его карьеру. В конце концов имя Веннамуна-старшего стали связывать с убийствами. Это подтверждается и тем, что Карл Веннамун вскоре перестал выступать публично. Месть отцу явилась вторым основным мотивом всех преступлений Близнеца».

Киндерман молча смотрел на лежащее перед ним толстое дело. Наконец он снял очки и, заморгав, снова оглядел папку. Он никак не мог взять в толк, с какой стороны браться за расследование.

Зазвонил телефон. Вздрогнув от неожиданности, Киндерман поднял трубку.

— Да, Киндерман слушает,— тихо произнес он, бросая взгляд на часы.

Сердце вдруг замерло. Он услышал голос Аткинса. Потом в трубке раздались гудки.

На Киндермана обрушилось страшное одиночество.

В больнице был убит отец Дайер.

Часть вторая

Величайшим современным событием в истории Земли является, очевидно, постепенное осознание факта (разумеется, теми, кто способен видеть), что во главе всей субстанции, созданной в процессе сжатия развивающейся Вселенной, стоит не только Нечто, но и Некто...

Существует только одно зло: Отсутствие Единства.

Пьер Тейяр де Шарден

СРЕДА, 16 МАРТА

Глава девятая

«Уважаемый отец Дайер! Вероятно, Вы зададите себе вопрос: "Почему именно я? Почему он не выбрал кого-нибудь из своих коллег, которые бы лучше разобрались в этом вопросе, и все тяжкое бремя переложил на мои плечи?"

Да, ученые, конечно же, разобрались бы во всем лучше. Такие проблемы притягивают их, словно сладкое лекарство ребенка. Но, я думаю, вы и сами отнеслись бы к их мнению скептически. "Еще один псих, уверяющий, будто видел плачущую статую Христа.— Так, возможно, вы подумали.— Только потому, что священник, я должен верить любым байкам. И на сей раз это должно быть что-то из ряда вон выходящее". Нет, дело совсем не в этом. Я решил рассказать вам обо всем, ибо доверяю вам. Доверяю не как священнику, а как человеку. Если бы вы захо-

тели предать меня, то уже не раз воспользовались бы удобными моментами. Но вы этого не сделали. Вы сдержали свое слово. И это говорит о многом. Когда мы с вами беседовали, уста ваши не были запечатаны тайной исповеди. Другой священник, да и просто всякий человек на вашем месте, уже настучал бы куда следует. Поэтому, прежде чем доверить вам свою причину, я вынужден был пойти на подобную проверку. Мне очень жаль, что в награду вы получаете лишь еще одно обязательство. Но я верю в вас, и это обретает великий смысл. Вы сейчас все поймете. Ну что, святой отец, вы еще не жалеете, что познакомились со мной?

Не знаю, с чего начать и как рассказать вам все, что я хотел бы. Мне чуточку неловко. Я очень хочу, чтобы вы поверили мне и все правильно оценили. Боюсь, это будет нелегко. Может быть, то, о чем я поведаю, заставит вас съежиться от страха. Ну что ж, другого выхода у меня нет. Да будет так. Теперь немного попридержите свое любопытство, потерпите и не читайте дальше, пока не выполните мою просьбу. Сейчас я вам все подробно объясню. Сначала надо достать магнитофон, только не кассетный, а с простыми катушками, причем такой, на котором можно проигрывать запись с различной скоростью. Лучше всего возьмите мой. К этому письму я клейкой лентой прилеплю ключ от своего дома. А теперь загляните в картонную коробку, которую я вам прислал. В ней лежат несколько бобин со сделанной мною записью. Найдите катушку с надписью "9 января 1982 года". Поставьте счетчик на ноль. Теперь перемотайте пленку вперед до отметки "383". Возьмите наушники, добейтесь максимальной громкости (разумеется, в наушниках) и запустите пленку на нормальной скорости. Слушайте внимательно. Раздастся шипение усилителя, это вполне естественно. И с этим придется смириться. А потом вы услышите голос. Он перестанет звучать, ко-

гда счетчик достигнет цифры "388". Прогоните пленку несколько раз, прослушивая этот ее участок до тех пор, пока не убедитесь, что точно расслышали сказанное. Голос звучит достаточно громко, но шипение и статические шумы мешают с первого раза разобрать слова. Когда вы поймете, что он говорит, переключите магнитофон на повышенную скорость (она удвоится) — и снова повторите всю операцию. Да, я не ошибся. Я хочу, чтобы вы прослушали этот кусочек пленки на другой скорости. И тогда забудьте о том, что вы услышали в первый раз. Слушайте внимательно! Пожалуйста, сделайте все это, прежде чем начнете читать дальше.

Хотя я и доверяю вам, но все же продолжаю с новой страницы. Нам всем время от времени нужна отсрочка.

Ну вот, теперь вы все услышали сами. Слово, прозвучавшее на нормальной скорости, я уверен, вы поняли хорошо: мужской голос произнес "Лэйси". А на большей скорости вы так же четко разобрали слова, но теперь это была фраза: "Верь в это". Здравый смысл и глубокая вера должны убедить вас, что я абсолютно ничего не выиграл, если бы решил подстроить все это нарочно или обмануть вас. А теперь расскажу вам, как мне удалось сделать эту запись. Я взял чистую магнитофонную ленту — еще ни разу не использованную — и применил диод, который исключает запись всяких комнатных шумов, но действует наподобие микрофона, и, поставив нормальную скорость, вслух произнес: "Существует ли Бог?" Я максимально вывернул ручки громкости и включил магнитофон на запись. В течение последующих трех минут я молча ждал. Потом прекратил запись и, перемотав пленку, услышал этот голос.

Я отослал бобину своему приятелю в Колумбийский университет. По моей просьбе он исследовал ее на спектрографе и вернул вместе с результатами анализа. Их

вы тоже найдете в коробке. В письме он указал, что, по данным спектрографа, голос на пленке не может принадлежать человеку. Для подобного звучания необходимо сконструировать искусственную гортань и запрограммировать ее на произнесение данных слов. Мой приятель утверждал, будто его аппарат не мог ошибиться. Далее. Он совершенно сбит с толку, каким образом слово "Аэйси" на двойной скорости превращается во фразу "Верь в это". Обратите внимание еще и на то — это уже мой собственный комментарий,— что ответ на мой вопрос звучит бессмысленно, пока пленка не проигрывается на удвоенной скорости. Это исключает возможность подделки голоса, если представить, будто я мог записать его с радио. И, святой отец, ведь окажись здесь какое-то совпадение, оно все равно давало бы некоторое объяснение. Вероятно, вы сами захотите удостовериться в истинности сказанного и лично убедиться, что это возможно. Так ради Бога пойдите на все, лишь бы избавиться от малейших сомнений. Позвоните моему приятелю в Колумбийский университет — это профессор Сирил Харрис. А лучше всего сделайте еще один спектрографический анализ где-нибудь в другом месте. Я уверен, что вы получите точно такие же результаты.

Я начал делать эти записи спустя несколько месяцев после смерти Анны. В психиатрическом отделении больницы находится один пациент, некий Антон Лэнг. Пожалуйста, не разговаривайте с ним на эту тему. У него серьезные проблемы, и если он начнет делиться ими, то моя теория не покажется вам такой достоверной. Мне бы этого очень не хотелось. Лэнг жаловался на сильную головную боль, поэтому мне пришлось обследовать его и таким образом вступить с ним в контакт. Я читал историю его болезни и знаю, что несколько лет он записывал на магнитную ленту звуки, которые назвал "голосами". Я побеседовал с ним, и он рассказал мне несколько

интересных вещей, а потом я решил прочитать что-нибудь по этому вопросу. Лэнг посоветовал мне книгу "Прорыв". Ее написал один латыш, Константин Раудиев, она была переведена на английский и издана в Великобритании. Я заказал себе экземпляр и буквально проглотил ее от корки до корки. Святой отец, вы еще не устали?

Бóльшую часть книги занимали четкие воспроизведения слов, записанных Раудиевым на магнитную ленту. Содержание фраз мало обнадеживало. Это были либо какие-то незначительные слова, либо просто бессмысленные сочетания звуков. Если они, как утверждал латвийский профессор, суть голоса мертвых, то возникает вопрос: неужели же это все, что они хотят нам передать? "Костя устал", "Костя сегодня работает". "На границе — таможня". "Мы спим". Мне сразу вспомнилась древняя тибетская "Книга мертвых". Вы знакомы с этим произведением, святой отец? Довольно занятная рукопись, некое пособие для тех, кто собирается на тот свет. Людей подготавливают к загробным явлениям. Первое ощущение, как уверяли древние мудрецы, это встреча с так называемым "чистым светом". Понятие это, разумеется, трансцендентальное. Дух умершего — если захочет — может слиться с "чистым светом". Но подобное удается лишь немногим, потому что подавляющее большинство людей не успели за свою земную жизнь как следует подготовиться к этому. Мертвые вновь и вновь исчезают и перевоплощаются на земле бесчисленное множество раз. Находясь на грани между смертью и следующим рождением, дух, разумеется, может нести всякого рода околесицу; подобного рода чушь встречается не только в книге у Раудиева, но и во многих трудах по спиритизму. Эти фразы навевают тоску. Они не вызывают никакого восторга и желания слушать их дальше. Поэтому, мягко говоря, книга "Прорыв" не очень-то меня порадовала. Но там я нашел предисловие другого ученого — Колина

Смита. Именно здесь я обнаружил много невысказанного и завуалированного. Это заинтриговало меня. Я раскопал еще несколько книг, написанных физиками и инженерами, а автор одной из них — даже католический архиепископ из Германии. Все они весьма сдержанно отзывались об этих голосах. Авторы рассуждали о причинах их возникновения, и кто-то из них высказал предположение, будто эти голоса не что иное, как подсознание самого записывающего.

И я отважился убедиться во всем на собственном опыте. Буду говорить начистоту. Меня потрясла смерть Анны. Тогда я воспользовался своим портативным магнитофоном "Сони". Он настолько мал, что легко умещается в кармане пальто, но зато дает возможность быстро перематывать пленку и, кроме того, имеет кнопку "реверс", что позволяет записывать на обе стороны кассеты, не вынимая ее. В дальнейшем это сыграло мне на руку в моих экспериментах. Как-то летним вечером — а темнело сравнительно поздно — я сидел у себя в комнате рядом с магнитофончиком и от нечего делать пригласил все присутствующие голоса проявить себя и вступить со мной в контакт путем записи на пленку. Потом я нажал на кнопку "запись" и просидел молча, пока вся кассета не кончилась. Я прокрутил пленку, но ничего не услышал, кроме записавшихся уличных шумов и шипящего фона. Вскоре я забыл об этой неудачной попытке.

Однако спустя пару дней я снова решил прослушать пленку. И вот, где-то в середине записи я услышал нечто странное: щелчок, а потом слабый, едва уловимый звук — его словно обволакивало шипение усилителя. Этот звук поразил меня, потому что был очень странным. Я вновь и вновь перематывал ленту, то и дело воспроизводя этот кусочек. Звук с каждым разом становился громче, и наконец я услышал — или мне это только показалось? — будто мужской голос ясно выговорил мою фамилию: "Ам-

фортас". Ни много ни мало. Голос был чистым и отчетливым, но определить, кому он принадлежал, я не смог. По-моему, у меня в тот миг бешено колотилось сердце. Я еще раз внимательно прослушал всю пленку, но, ничего больше не обнаружив, снова вернулся к тому заветному кусочку, где раздавался таинственный голос. Однако теперь здесь царило молчание. Мои надежды рухнули, подобно кошельку, который бедняк обронил в бездонную пропасть. Раз за разом прокручивал я пленку, и через некоторое время мне показалось, что я опять слышу тот же странный звук. После трех перемоток вернулся и мужской голос.

Может быть, у меня к тому времени уже помутился рассудок? А может, я намеренно заставлял свой мозг искать слова в равнодушном шелесте пленки? Я снова проиграл запись, и теперь уже в другом месте, где раньше был слышен один только фон, отчетливо различил новый голос. На этот раз женский. Нет, голос принадлежал не Анне, а какой-то другой женщине. Она произнесла целое предложение, начало которого я никак не мог разобрать, несмотря на то что прослушивал пленку бесчисленное количество раз. Вся фраза звучала очень странно по ритму. Да и интонация казалась необычной: слова то сыпались вниз, то взмывали ввысь. Конец высказывания мне все же удалось разобрать. "Продолжай слушать нас?" — произнесла женщина, но почему-то с вопросительной интонацией. Я был поражен. Вне всяких сомнений, я отчетливо расслышал эту часть фразы. Но почему же раньше в этом же самом месте звучал только фон усилителя? И тут я решил, что после многократного прослушивания мой мозг научился наконец правильно разбирать слова, отбрасывая прочь весь ненужный шелест и шипение. Кроме того, я уже успел привыкнуть к этому странному, едва уловимому голосу.

Но вот опять сомнения. Может быть, мой магнитофон случайно выловил голоса с улицы или обрывки како-

го-то разговора из соседних домов? Бывали времена, когда я довольно отчетливо слышал беседы своих соседей. Кстати, один из них вполне мог назвать меня по фамилии. Тогда я перешел в кухню — она расположена дальше от улицы — и, поставив чистую кассету, сделал новую запись. Я громко попросил всех, кто будет со мной "вступать в контакт", повторять слово "Кириос" — это девичья фамилия моей матери. Но, проиграв запись, я убедился, что пленка так и осталась совершенно чистой, не считая шелеста усилителя. Раздавались и другие звуки, производимые самим магнитофоном, но в одном месте они напомнили мне визг тормозящего автомобиля. "Разумеется, этот звук донесся с улицы",— констатировал я. К этому времени я здорово притомился, ибо подобное напряжение требует немалой затраты энергии. Той ночью я не произвел больше ни одной записи.

На следующее утро, ожидая, пока закипит кофе, я решил заново прокрутить обе пленки. "Амфортас" и "продолжай слушать нас" звучали уже гораздо уверенней. Поставив вторую пленку, я решил сосредоточиться на том участке, где раздавался визг тормозов, и, несколько раз подряд прослушав ее, вдруг понял, что мой мозг приспособился и теперь каким-то таинственным образом стал воспринимать послания, ибо вместо непонятного звука я ясно различил женский голос, довольно высокий, произносящий слова "Анна Кириос", причем довольно быстро. Я был настолько потрясен, что не уследил за "туркой" и кофе у меня, разумеется, сбежал.

В тот же день я прихватил в больницу и магнитофон, и обе кассеты. Во время обеденного перерыва я проиграл ключевые моменты одной из наших сотрудниц — медсестре Эмили Аллертон. Она призналась, что ровным счетом ничего не услышала ни на одной из пленок. Позже я предложил эти записи другой медсестре из невропатологического отделения — Эми Китинг. Я запустил первую кассету, и девушка поднесла магнитофон прямо к

уху. Прослушав запись всего один раз, она кивнула и, возвращая мне "Сони", как ни в чем не бывало заметила: "Да, я слышу вашу фамилию",— а потом занялась своими делами. Тогда я решил прекратить дальнейшие опыты, по крайней мере на наших медсестрах.

В течение нескольких недель я был одержим. Я купил большой катушечный магнитофон, обзавелся приличными наушниками, приобрел дополнительные усилители и еженощно часами продолжал записывать. Казалось, теперь-то дела пошли на лад, и каждый раз я добивался определенных результатов. Все пленки были буквально набиты голосами, да так плотно, что те иногда перекрывали друг друга. Одни голоса еле доносились из динамика — я даже не тратил время на их расшифровку, зато другие раздавались громко и отчетливо. Некоторые слова я разбирал с ходу, но встречались и такие, которые я начинал понимать только при изменении скорости проигрывания. К примеру, несколько голосов зазвучали только тогда, когда я снизил ее вдвое. То и дело вызывал я Анну, но так и не смог услышать ее. Иногда, правда, до меня доносились таинственные голоса, сообщавшие: "Я здесь" или "Я Анна". Но эти голоса не принадлежали ей. В этом я уверен.

Как-то октябрьским вечером я прокручивал одну из своих пленок, записанную неделей раньше. Там мне встретилось одно интересное местечко, где голос произносил: "Земной контроль". После нескольких повторов я прослушал чуточку дальше, и тут у меня перехватило дыхание. Я различил другие слова: "Винсент, это Анна". Я почувствовал, как по телу пробежали мурашки. Нет-нет, это не мой мозг повторял ее слова. Это был ее, да-да, ее собственный голос. Я вновь и вновь ставил этот кусочек записи и всякий раз испытывал ту же дрожь, доводящую меня почти до экстаза. Я пытался сдерживать себя, но не мог. Это была Анна.

На следующее утро в мою душу закрались сомнения. А вдруг этот голос — всего лишь проекция моего желания? Или, может быть, ментальный уровень моего существа просто заставил услышать этот голос среди ничего не значащего шелеста пленки? И я решил раз и навсегда разобраться в этом.

Я связался с Эдди Фландерсом — сотрудником Джорджтаунского института языкознания. Когда-то он числился моим пациентом. Не помню точно, что я ему тогда наговорил, но он согласился прослушать кусочек с голосом Анны. Когда Фландерс снял наушники, я с нетерпением попросил его рассказать, что же он услышал. Фландерс сообщил: "Кто-то разговаривает. Но только очень тихо". Я не унимался: "Что говорит этот голос? Вы можете разобрать слова?" Фландерс неуверенно произнес: "Кажется, там назвали мое имя".

Я выхватил у него наушники и убедился, что Эдди слушает именно ту часть пленки, а потом еще раз попросил прослушать запись. Результат остался прежним. Я находился на грани отчаяния. "Но это действительно голос,— засомневался я,— а не простой шум?" — "Нет, совершенно определенно, это голос. А не ваш случайно?" — "А вы что, слышите мужской голос?" — оторопел я. Фландерс кивнул: "Да, причем очень похожий на ваш". На этом я и закончил свои исследования. Но не прошло и недели, как я снова вернулся к ним. В институте имелся прекрасный лингафонный кабинет, оборудованный профессиональными магнитофонами и усилителями. В одной из звуконепроницаемых кабинок я обнаружил вмонтированный высокочувствительный микрофон. И тогда я уговорил Эдди помочь мне сделать запись. Я вошел в кабинку и отвернулся, чтобы Эдди по губам не смог разобрать мои слова, и, как раньше, пригласил все присутствующие голоса вступить в контакт. Я задал два конкретных вопроса и в качестве ответов предложил воспользоваться словами "положительно" и "отрица-

тельно". Эти слова ведь звучат гораздо более отчетливо, нежели обычные "да" и "нет", которые можно порой спутать с шумом. Потом я вышел из кабинки, плотно прикрыл за собой дверь и подал знак Эдди, чтобы он начинал запись. Он спросил меня: "А что мы записываем?" Я ответил: "Молекулы воздуха. Мне это необходимо для новых исследований о функциях мозга". Казалось, Эдди вполне удовлетворил такой ответ, и мы записали эту "тишину" с максимальным уровнем при скорости 7,5 дюймов в секунду. Минуты через три мы остановили пленку и прокрутили ее на максимальной громкости. И тут мы услышали нечто странное — нет, это был не голос, а какой-то непонятный булькающий звук, причем раз в десять более громкий, чем любая моя доморощенная запись. И больше ничего. "Эдди! — воскликнул тогда я.— А часто у вас при записи появляется этот звук?" У меня мелькнула догадка, что, возможно, сложное оборудование само по себе порождает подобные звуки. Но Эдди заявил, что он сам озадачен и не может взять в толк, откуда на пленке возникли посторонние шумы. Я предположил, что нам, вероятно, попалась бракованная пленка, и он со мной согласился. После нескольких проигрываний звук стал напоминать голос. Однако ни разобрать слова, ни найти разумное объяснение мы не могли и поэтому прекратили исследования.

Я принес запись домой и прослушал ее. Теперь я различил множество голосов, тихих и очень поспешных, которые либо отвечали на мои вопросы, либо сами произносили какие-то фразы. Но голоса Анны среди них не оказалось. Из всего этого я сделал следующие выводы. Видимо, я вошел в контакт с личностями, находящимися в переходном состоянии. Они не обладали даром ясновидения и не умели предсказывать будущие события, но уровень их знаний намного превосходил мой собственный. Например, они могли назвать мне фамилию медсестры, дежу-

ривщей в данный момент, но с которой я не был знаком лично и фамилии которой не знал. Однако у них частенько возникали разногласия. Когда я задавал им конкретные вопросы, например просил назвать день рождения моей матери, они почему-то давали разные ответы, причем ни одного правильного. Но в то же время я чувствовал, что они просто не хотят, чтобы я потерял к ним интерес. Иногда они откровенно вешали мне лапшу на уши, а иногда пытались уколоть меня. Я стал узнавать такие голоса и в дальнейшем перестал на них реагировать — точно так же как мы иногда стараемся не слышать людей, сквернословящих в нашем присутствии. Некоторые голоса умоляли о помощи, а когда я их спрашивал — и не один раз! — что именно должен сделать, чтобы помочь, ответ всегда звучал одинаково: "Прекрасно. Уже хорошо". Одни просили помолиться за них, другие утверждали, что, наоборот, они будут молиться за меня. Тогда у меня возникала мысль, будто все они представляют собой некое сообщество святых.

Совершенно очевидно, что они обладают чувством юмора. Как-то в самом начале эксперимента я, делая записи, облачился в старенький банный халат, являвший собой безвкусное, аляповато-полосатое произведение ткацкого искусства. Помимо всего прочего, у правого плеча в нем зияла огромная дыра. Вот тогда мне и выдали: "Конская попона". Я неоднократно спрашивал: "Кто создал материальный мир?" И один голосок заявил: "Я создал". Как-то раз я пригласил участвовать в опытах молодого коллегу. Он интересовался различными парапсихологическими явлениями, и мне было легко обсуждать с ним цели и результаты проводимых экспериментов. Весь вечер напролет он убеждал меня, будто ничего не слышит, в то время как я, разумеется, прекрасно разбирал знакомые голоса. Они бормотали: "Какой в нем толк?", "Зачем так суетиться?", "Пойдите поиг-

райте в Пакмэн" и еще что-то в этом роде. Позднее я узнал, что врачу этому медведь на ухо наступил и он очень стеснялся своего недостатка, никогда о нем не заикаясь.*

Иногда голоса сами помогали мне и предлагали другие способы записи. Один из этих способов — использование диода. Другой же заключался в том, что мне надо было найти в радиоприемнике полосу "белого шума" и подсоединить его к магнитофону. Последний прием я так и не применил, ибо боялся, что случайно запишу и голоса реальных людей. Микрофон лучше всего срабатывал в тихой пустой комнате со звукоизоляцией. Но в конце концов я решил использовать диод, потому что он исключал возможность записи случайных звуков.

Голоса критиковали порой даже техническую сторону моих опытов. Иногда я путался и нажимал не те кнопки, и тогда голос тут же констатировал: "Ты сам не знаешь, что делаешь". (Этот голос звучал особенно устало. В тот вечер у меня буквально все падало из рук и я постоянно ошибался.) Подобные высказывания укрепили меня во мнении, что я имею дело с крайне индивидуальными и не похожими друг на друга особами, и к тому же довольно простодушными. Они напоминали мне обыкновенных людей. Частенько желали "спокойной ночи" после бесконечной записи, когда я забывался. Я тут же вспоминал, что действительно устал и пора идти спать. По разным поводам они говорили мне "спасибо" и "благодарю вас". А вот еще один важный момент. Как-то я поинтересовался, не следует ли мне опубликовать результаты исследований, на что все они явственно ответили: "Отрицательно". Это меня тоже удивило.

Где-то в середине 1982 года я решил отправить письмо Колину Смиту, тому самому человеку, который напи-

* Пакмэн — одна из самых известных компьютерных игр.

сал предисловие к книге "Прорыв". Мне почему-то показалось, что ему можно доверять. В письме я задал несколько вопросов, и он не только сразу же ответил мне, но и посоветовал прочесть свою книгу (она называется "Продолжайте говорить"). Правда, он был несколько сдержан, но это и понятно, потому что такие проблемы, особенно в лондонской прессе, принято считать сенсационными. Некоторые прохиндеи так далеко зашли, что стали утверждать, будто могут разговаривать с Джоном Кеннеди, или с Фрейдом, или кем-либо еще особенно известным. Смит поведал мне кое-что из ряда вон выходящее. Несколько невропатологов из Эдинбурга, приехавших в Лондон на медицинскую конференцию, разыскали Смита и прокрутили ему записи, сделанные ими в присутствии коматозных пациентов или же несчастных, которые по разным причинам не могли разговаривать. На пленках зазвучали голоса этих больных.

Вскоре после этого я прихватил в больницу свой портативный "Сони". Было часа два или три ночи, и я сразу направился в психиатрическое отделение, в палату для тяжелобольных, где и записал пленку возле одного пациента, кататоника, страдающего амнезией. Он уже многие годы находился в больнице. Личность этого человека так и не установили. Полиция подобрала его в районе М-стрит в 1970 году: он бродил по улицам и ничего не помнил. С тех пор пациент не произнес ни слова. Хотя, может быть, его просто никто не слышал. Я спросил его, кто он такой и слышит ли меня, а потом включил магнитофон. Я записал целую кассету, а потом вернулся домой и прослушал ее. Результат оказался весьма странным. За все полчаса я обнаружил только пару участков пленки, где появился голос. Обычно запись напичкана голосами, хотя частенько они, разумеется, едва различимы. Здесь же — за исключением двух участков, о которых я упомянул,— пленка осталась чистой, и пустота

эта сама по себе казалась необычной. Но что меня еще более поразило — я бы даже сказал испугало,— так это сами голоса. Оба раза звучал мужской голос, и я уверен, что он принадлежал именно этому пациенту-кататонику. Сначала голос произнес: "Я начинаю вспоминать". А потом я услышал, скорее всего, имя и фамилию пациента, то есть ответ на мой вопрос, а звучало это примерно так: "Джеймс Венамин", как мне помнится. От этого голоса меня почему-то бросило в дрожь, и я не отважился повторить свой эксперимент.

В конце года произошло важное, решающее событие. Поначалу я еще сомневался в том, что же именно мне удается слышать. Но все развивалось гораздо стремительней, чем я предполагал. Свой магнитофон я поменял на другой, высшего класса. В него была вмонтирована электронная подстройка скорости. Еще там имелся полосовой фильтр, который автоматически выбрасывал любые звуки, выходящие за рамки диапазона человеческого голоса.

Так вот, в субботу симпатичный молодой человек из магазина радиоаппаратуры явился с этим чудом ко мне домой, сам установил его и подключил к сети. Когда техник уже заканчивал работу, у меня вдруг мелькнула мысль: ведь у молодых людей слух, как известно, гораздо лучше, чем у стариков, а у этого юноши, учитывая профессию, он должен быть просто исключительным. Поэтому я поставил одну из пленок, где звуки раздавались довольно громко, и, вручив ему наушники, попросил прослушать запись. После этого я поинтересовался, что же ему удалось разобрать, и он незамедлительно ответил: "Там кто-то разговаривает". Это меня удивило. "А кто — мужчина или женщина?" — спросил я. Он не колебался: "Мужчина".— "А что он говорит?" — "Не знаю, запись очень замедленная". Новый сюрприз! Я уже привык к тому, что голоса произносили фразы очень быстро. "Вы хо-

тите сказать, ускоренная",— поправил его я. "Да нет же, наоборот, замедленная, по крайней мере мне так кажется". Он перемотал пленку к отмеченному месту и, надев наушники, руками немного добавил скорость. Потом снял наушники и кивнул. "Конечно же, скорость очень маленькая, вот, послушайте сами.— Он протянул мне наушники.— Я вам сейчас продемонстрирую". Я надел наушники, а он руками начал увеличивать скорость записи. И тогда я услышал четкий мужской голос, объявивший: "Положительно. Вы меня слышите?"

Этот несложный опыт знаменовал новый этап в моей работе. Теперь я часто получал записи с отчетливыми голосами, и значение слов менялось при переключении скорости. "Лэйси" — "Верь в это" явилась одной из первых таких записей. Ее смог бы услышать даже тот тугоухий молодой врач.

Три такие пленки я послал своему приятелю в Колумбийский университет, о чем я уже сообщал вам. Прослушайте мои записи, а потом сделайте свои собственные. Поначалу у вас, вероятно, ничего не получится или же голоса будут едва уловимы. Если вы не сможете привыкнуть к шуму и не научитесь пробиваться сквозь него, возьмите за основу мои самые громкие записи и судите по ним. Сначала их надо очистить от шума — для этого существует специальное оборудование,— а после этого подвергнуть спектрографическому анализу. Можно также восстановить скорость первоначальной записи и, исходя из этого, исключить возможную подделку, как если бы запись делалась с радио.

Эти голоса — реальны. Я уверен, что они принадлежат умершим. Это нельзя доказать. Но даже с научной точки зрения можно продемонстрировать, что они принадлежат сущностям без тела в том смысле, как мы это понимаем. Возможно, католическая церковь заинтересуется этим явлением — у нее достанет средств. Необхо-

димо доказать, что голоса существуют, а их источник — неземной. И опыты можно повторять до бесконечности, лишь бы убедить самых твердолобых.

Да, голоса уверяли меня, что это не важно. Для кого не важно? Интересно узнать. Люди боятся смерти и не желают смириться с тлением и вечным забвением. По ночам они рыдают, оплакивая своих потерянных любимых. Неужели только вера способна избавить нас от страданий? Неужели ее достаточно?

Эти пленки — моя молитва за всех, кто пребывает в горе. Конечно, они не суть спасение, ибо сомнения наверняка останутся — ведь воскрешение Лазаря не убедило даже тех, кто видел его своими собственными глазами! Если Бог не желает вмешиваться, то вмешаться должны люди. И он позволяет нам сделать это. Это наш мир.

Спасибо вам за то, что вы не объявили мое решение великим грехом отчаяния. Я-то знаю, что это не так. Я же ничего не делаю. Я только жду. Может быть, в глубине души вы все же подумали, что это неправильно. Но вы не сказали этого вслух. Поэтому я прощаюсь, и надежда не оставляет меня.

В дальнейшем вы, возможно, услышите обо мне странные вещи. Мне страшно об этом думать, но, если это все же произойдет, знайте, что я никогда и никому не желал зла. Думайте обо мне только хорошо. Договорились, святой отец?

Сколько же времени мы с вами знакомы? Два дня? Я буду скучать без вас. Но я знаю, что когда-нибудь мы с вами опять встретимся. Когда вы прочтете это письмо, я буду уже с моей Анной. Пожалуйста, порадуйтесь за меня.

С глубоким уважением,

Винсент Амфортас».

Амфортас пробежал глазами письмо. Кое-где он внес незначительные поправки, потом, взглянув на часы, отметил, что уже пора делать инъекцию гормона. Доктор научился

делать укол заранее, не дожидаясь страшной головной боли. Теперь каждые шесть часов он почти автоматически вводил себе шесть миллиграммов лекарства. Вскоре ослабевший разум покинет его. Поэтому надо поторопиться.

Амфортас поднялся в спальню и, сделав себе укол, быстро спустился обратно и направился к пишущей машинке, которая стояла на маленьком журнальном столике. Он немного подумал и, решив, что в письмо надо внести еще одно дополнение, начал печатать:

«P. S.: В течение долгих месяцев, пока я был занят своими исследованиями, я частенько обращался к голосам: "Опишите свое состояние и месторасположение как можно точнее и яснее". Несколько раз мне удавалось добиться весьма четких ответов. Вообще, голоса стараются избегать подобных настойчивых вопросов. И вам, наверное, будет интересно, какие ответы я получил. Вот они:

"Сначала мы приходим сюда»;

"Здесь мы ждем";

"Забвение";

"Мертвые";

"Это похоже на корабль";

"Это похоже на больницу";

"Врачи — ангелы".

Еще я спросил: "Что мы, живые, должны делать?" — и отчетливый голос произнес: "Творить добро". Голос был похож на женский».

Амфортас выдернул письмо из каретки и вставил в нее конверт, на котором напечатал:

«Пресв. Джозефу Дайеру.
Общество Иисуса,
Джорджтаунский университет.
Доставить в случае моей смерти».

Глава десятая

Киндерман приближался к больнице и постепенно замедлял шаг. У самого входа он оглянулся и сквозь моросящий дождь посмотрел на хмурое небо. Он попытался было определить, когда же взойдет солнце, потому что полностью утратил счет времени, но увидел лишь красные вспышки огней на полицейских машинах, которые одна за другой следовали по улице, врезаясь в ночные, сверкающие от дождя сумерки. Киндерман почувствовал, что движется как во сне. Он не ощущал собственного тела. Мир стал неузнаваем. Издалека заметив подкативших в автомобиле телерепортеров, лейтенант отвернулся и торопливо прошел внутрь больницы. Он поднялся на лифте в невропатологическое отделение и сразу же окунулся в знакомый хаос. Репортеры были уже тут как тут. Внезапно Киндермана ослепила фотовспышка. Повсюду стояли полицейские. У поста дежурной медсестры уже столпились любопытные врачи, в большинстве своем сбежавшиеся сюда из других отделений. Коридор был забит перепуганными и заспанными больными. Похоже, они еще не совсем поняли, что произошло. Медсестры по очереди подходили к ним и уговаривали вернуться в палаты.

Киндерман огляделся. Напротив дежурного поста, у входа в палату Дайера стоял грозный с виду полицейский. Тут же суетился и Аткинс. Окружившие сержанта репортеры буквально засыпали его градом вопросов. Аткинс размахивал руками, мотал головой, но упорно молчал. Киндерман направился к нему. Взгляды их встретились, и лейтенант понял, что Аткинс потрясен не меньше, чем он сам.

— Аткинс, отправь всех журналистов вниз в вестибюль! — прокричал Киндерман прямо в ухо подчиненному.

На мгновение он крепко стиснул руку сержанта выше локтя и, заглянув Аткинсу в глаза, почувствовал, что тот искренне разделяет его боль. Киндерман вошел в палату Дайера и закрыл за собой дверь.

Сержант подозвал к себе полицейских.

— Отправьте этих людей вниз, на первый этаж! — приказал он.

Толпа репортеров недовольно загудела.

— Вы подняли такой шум, а здесь больные,— объяснил им Аткинс.

Журналисты продолжали громко возмущаться. Полицейские стеной наступали на них, притирая к лифтам. Аткинс подошел к посту дежурной медсестры и прислонился к столу. Скрестив руки, он цепким взглядом скользнул по двери в палату. Там, внутри, царил сверхъестественный ужас, осознать который в полной мере Аткинс пока не мог.

Из палаты вышли Стедман и Райан. На бледных лицах обоих лежали следы усталости. Райан впился взглядом в пол и, так и не поднимая глаз, торопливо удалился в глубину коридора. Стедман рассеянно посмотрел ему вслед, а потом повернулся к Аткинсу.

— Киндерман хочет побыть один,— произнес он неестественно ровным, каким-то металлическим голосом.

Аткинс кивнул.

— Вы курите? — спросил Стедман.

— Нет.

— Я тоже, но сейчас не отказался бы от сигареты,— признался Стедман.

Он на секунду отвернулся, будто размышляя о чем-то. Потом вытянул перед собой руку и поднес ладонь к глазам. Пальцы сильно дрожали.

— Господи Иисусе! — тихо воскликнул Стедман.

Дрожь усилилась. Он резко сунул руку в карман и стремительно отошел от Аткинса, направляясь вслед за Райаном. Какое-то время Аткинс еще слышал его голос: «Боже! Боже мой! Господи Иисусе!»

Раздался приглушенный звонок: один из пациентов, видимо, вызывал медсестру.

— Сержант...

Аткинс очнулся от невеселых раздумий. Полицейский, дежуривший возле дверей палаты, смотрел на него странным взглядом.

— Слушаю вас,— откликнулся Аткинс.

— Что за чертовщина здесь происходит, сержант?

— Я не знаю.

До Аткинса донеслась грубая словесная перепалка. Он поднял глаза и увидел, что возле лифта журналисты с пеной у рта что-то втолковывают полицейским. Сержант узнал одного из комментаторов местного телевидения, ведущего шестичасовых новостей. У него были напомажены волосы. Телевизионщик лез на рожон, постоянно осыпая бранью полицейских. Однако стражи порядка не давали пройти репортерам, а, наоборот, оттесняли их назад. Комментатор, нехотя пятясь, оступился и чуть было не потерял равновесие. Видимо, это окончательно вывело его из себя. Он крепко выругался и вместе со своей журналистской братией спешно ретировался, выкрикивая что-то на ходу.

— Скажите, пожалуйста, кто здесь главный? Раньше мне почему-то казалось, что это я.

Аткинс повернул голову налево и увидел возле себя невысокого худощавого мужчину в синем фланелевом костюме. За толстыми стеклами очков светились умные добрые глаза.

— Вы здесь командуете? — не унимался незнакомец.

— Я сержант Аткинс. К вашим услугам, сэр.

— А я доктор Тенч. Сдается мне, что я главный врач больницы,— добавил он.— Понимаете, у нас здесь много пациентов в критическом состоянии. И вся эта суматоха здорово действует им на нервы.

— Понимаю, сэр.

— Я не хочу показаться вам бессердечным,— продолжал Тенч,— но чем раньше уберут покойника, тем быстрее уляжется эта заварушка. Как вы думаете, скоро это произойдет?

— Думаю, что да, сэр.

— Надеюсь, вы понимаете мое положение.

— Безусловно.

— Спасибо.— Тенч устремился к выходу. В его походке сквозило подобострастие.

Внезапно Аткинс заметил, что вокруг стало тише. Он огляделся по сторонам и обнаружил, что телерепортеры один за другим покидают холл. Комментатор еще что-то говорил и для убедительности шлепал по ладони свернутой в трубочку газетой. Вот разошлись дверцы лифта, из него вышли Стедман и Райан, и лифт тут же поглотил всю телебригаду.

Стедман и Райан направились к Аткинсу. Оба шагали молча, уставившись в пол.

Репортер еще успел крикнуть им вслед:

— Эй, а что здесь произошло?

Створки лифта сомкнулись.

Аткинс услышал, как скрипнула дверь палаты Дайера. И тут же увидел возникшего на пороге Киндермана. Глаза у следователя покраснели — видимо, он без конца тер их. Какое-то время Киндерман молча разглядывал Стедмана и Райана.

— Вот и все, можете заканчивать,— тихим, надломленным голосом произнес он.

— Лейтенант, примите наши соболезнования! — проникновенно воскликнул Райан. Его лицо выражало сострадание.

Киндерман, упорно глядя в пол, кивнул.

— Спасибо, Райан, да, спасибо,— пробормотал он и торопливо устремился к лифтам, не поднимая головы.

Аткинс догнал его.

— Мне необходимо чуточку прошвырнуться, Аткинс.

— Да, сэр.

Сержант продолжал идти рядом. Как только они подошли к лифтам, створки одного из них тут же распахну-

лись. Лифт направлялся вниз, следователь и его помощник вошли внутрь и сразу же развернулись лицом к дверям.

— Похоже, что мы удачно выбрали лифт,— произнес кто-то за их спинами.

Аткинс услышал, как заработал мотор, и, обернувшись, разглядел ухмылку на губах комментатора, а также стрекочущую камеру в руках оператора.

— Скажите, а священнику отрезали голову,— начал было комментатор,— или...

Не задумываясь, Аткинс со всего маху врезал комментатору в челюсть. От неожиданности и силы удара тот стукнулся головой о стенку лифта. Из разбитой губы брызнула кровь, комментатор осел на пол и потерял сознание. Аткинс перевел взгляд на оператора, и тот сразу же онустил камеру. Сержант посмотрел на Киндермана. Казалось, следователь даже и не заметил происшедшего. Он молчал, уставившись в пол и засунув руки в карманы. Аткинс нажал кнопку, и лифт остановился на втором этаже. Взяв следователя под руку, сержант бережно вывел его из лифта.

— Аткинс, что это ты затеял? — рассеянно пробормотал Киндерман. Сейчас он выглядел жалким и беспомощным стариком.— Я хочу прошвырнуться.

— А мы как раз и идем гулять, лейтенант. Вот сюда, прошу вас.

Аткинс проводил лейтенанта в другое крыло больницы и, вызвав лифт, спустился с Киндерманом на первый этаж. Ему не хотелось натолкнуться в вестибюле на журналистов. Миновав еще несколько длинных коридоров, они оказались в конце концов на улице, но только с другого выхода, рядом с территорией университета. Небольшой портик оберегал их от дождя, который заметно усилился к этому времени. Молча наблюдали они за ливневыми струями. Вдалеке группа студентов в разноцветных куртках и плащах припустилась бегом, торопясь на завтрак. Две подружки-студентки, заливаясь смехом и прикрывая газетами головы, выпорхнули из общежития.

— Этот человек был настоящей поэмой,— нежно произнес Киндерман.

Аткинс ничего не ответил. Он продолжал следить за дождевыми потоками.

— Аткинс, я хочу немного побыть один. Спасибо тебе.

Аткинс обернулся и внимательно посмотрел на следователя. Тот невидящим взглядом уставился прямо перед собой.

— Хорошо, сэр,— коротко бросил сержант.

Он повернулся и отправился назад, в отделение невропатологии, где с ходу принялся опрашивать свидетелей трагедии. Всех врачей, медсестер и санитаров психиатрического отделения, дежуривших в эту ночь, попросили задержаться. Некоторые из них уже крутились поблизости. Пока Аткинс задавал вопросы дежурной медсестре, рядом с ними неожиданно появился какой-то врач.

— Вы простите меня... Извините...— перебил он Аткинса.

Взглянув на него, сержант заметил, что человек находился в сильнейшей растерянности.

— Меня зовут Амфортас, доктор Амфортас. Я лечил отца Дайера. Скажите, неужели это правда?

Аткинс с грустью кивнул.

Несколько секунд Амфортас молча стоял, бледнея прямо на глазах. Взгляд его становился все более пустым и отрешенным. Врач словно ушел в себя и, обронив на прощание: «Благодарю вас», неуверенной походкой двинулся к выходу.

Аткинс посмотрел ему вслед и снова повернулся к медсестре:

— Когда он приходит на работу?

— Он не приходит сюда больше,— ответила та, пытаясь сдержать подступающие слезы.— Амфортас теперь не работает с больными.

Аткинс что-то пометил в своем блокноте. Он уже собрался было задать медсестре очередной вопрос, но вдруг

неожиданно обернулся и увидел, что к ним приближается Киндерман. Шляпа и пальто следователя промокли насквозь.

«Наверное, бродил под дождем»,— подумал Аткинс.

Киндерман остановился перед сержантом. Но это был уже совсем другой Киндерман. Чистый и ясный взгляд его выражал решимость.

— Ну ладно, Аткинс, хватит тебе лодырничать и завлекать в свои сети хорошеньких сестричек. Здесь серьезное дело, а не шуры-муры.

— Сестра Китинг была последней, кто видел его живым,— сообщил Аткинс.

— Когда это произошло? — обратился следователь к медсестре.

— Примерно в половине пятого,— ответила та.

— Сестра Китинг, можно мне поговорить с вами наедине? — спросил Киндерман.— Простите, но это необходимо.

Она кивнула и вытерла нос платком.

Киндерман указал на кабинет с застекленными дверями, расположенный неподалеку от дежурного поста:

— Может, там?

Девушка снова кивнула. Киндерман последовал за ней в кабинет. Здесь стоял небольшой столик, два стула, все стены были сплошь увешаны книжными полками, на которых теснились всевозможные папки и документы. Следователь жестом предложил девушке сесть и закрыл дверь. Сквозь стекло он заметил, что Аткинс не сводит с них взгляда.

— Итак, вы видели отца Дайера приблизительно в половине пятого,— сказал он.

— Да.

— И где вы его видели?

— В палате.

— А что вы там делали?

— Ну, я вернулась, чтобы сообщить ему, что не нашла вина.

— Я не ошибся, вы сказали «вина»?

— Да. Незадолго до этого он вызвал меня и попросил немного хлеба и вина.

— Это что, было нужно ему для мессы?

— Да, именно так,— подхватила медсестра. Слегка покраснев, она неуверенно пожала плечами.— Видите ли, кое-кто из наших врачей... В общем, иногда у них бывает спиртное.

— Понимаю.

— Я заглянула туда, где они обычно его прячут,— объяснила девушка.— А потом вернулась и сказала, что, к сожалению, мне ничего не удалось найти. Но хлеб я ему передала.

— И что же он вам сказал?

— Не помню.

— А когда вы дежурите, мисс Китинг?

— С десяти вечера до шести утра.

— Каждую ночь?

— Нет, только когда работаю.

— А по каким дням вы работаете?

— Начиная со вторника и до субботы,— ответила она.

— А до этого отец Дайер когда-нибудь служил мессу?

— Не знаю.

— Но раньше-то он никогда не просил вина и хлеба?

— Никогда.

— Он не говорил вам, почему именно в тот день собирался это сделать?

— Нет.

— Когда вы сообщили, что вина нет, он что-нибудь ответил?

— Да.

— И что же он ответил, мисс Китинг?

Медсестра вновь скомкала носовой платок и, взяв себя в руки, попыталась сосредоточиться.

— Он спросил меня: «Вы его выпили?» — Голос у девушки задрожал, и лицо исказилось от страшного горя.— Он всегда шутил,— добавила она, а потом отвернулась и снова заплакала.

Киндерман разглядел на одной из полок коробку с салфетками, выдернул сразу несколько штук и сунул их девушке в руку, потому что ее собственный платочек давно превратился в мокрый бесформенный комок.

— Спасибо,— поблагодарила медсестра.

Киндерман терпеливо ждал.

— Простите,— еле слышно пробормотала она.

— Ничего страшного. И больше отец Дайер вам ничего не говорил?

Медсестра отрицательно покачала головой.

— А когда вы увидели его в следующий раз?

— Когда нашла его.

— Когда это произошло?

— Примерно без десяти шесть.

— Скажите, в промежутке между половиной пятого и пятью пятьюдесятью никто не заходил в палату к Дайеру?

— Нет, я никого не видела.

— И никто не выходил от него?

— Нет.

— Все это время вы находились в кабинете напротив его палаты?

— Да, я составляла отчет о дежурстве.

— И вы постоянно находились здесь?

— Да, за исключением, конечно, нескольких минут, когда я занималась некоторыми пациентами.

— Сколько времени у вас на это ушло?

— Ну, не более двух минут на каждого, наверное.

— В каких палатах вы были?

— В четыреста семнадцатой, четыреста девятнадцатой и четыреста одиннадцатой.

— Значит, вы отлучались с поста три раза?

— Нет, только дважды, потому что два укола я сделала за один раз.

— А когда вы их делали?

— Кодеин мистеру Болгеру и мисс Райан — без четверти пять, а мисс Фрейц из четыреста одиннадцатой палаты — гепарин и декстран — примерно через час после этого.

— Скажите, эти палаты в том же коридоре, что и палата отца Дайера?

— Нет, они за углом.

— А вот если бы неизвестный вздумал проникнуть в палату отца Дайера без четверти пять и через час вышел бы оттуда, вы не заметили бы этого?

— Не заметила бы.

— Скажите, а уколы вы всегда делаете именно в это время?

— Нет, гепарин и декстран для мисс Фрейц — новое предписание. Я вычитала его в истории болезни только вчера.

— А кто назначил эти уколы? Вы не могли бы вспомнить?

— Доктор Амфортас.

— Вы уверены? Может быть, стоит проверить?

— Нет, я хорошо помню.

— Почему?

— Потому что это несколько странно. Обычно назначения делают врачи-интерны. Но, видимо, доктор заинтересовался пациенткой.

Следователь опешил:

— Насколько мне известно, доктор Амфортас больше не лечит больных.

— Совершенно верно. Вчера он выходил на работу в последний раз.

— И он посещал эту девушку?

— Да, но это вполне естественно. Он часто к ней заглядывал.

— Ночью?

Китинг кивнула.

— Девушка страдает бессонницей. Как, впрочем, и он сам.

— Почему? То есть, я хотел спросить, почему вы так решили?

— Последнее время он то и дело неожиданно появлялся среди ночи и подолгу болтал со мной о всякой ерунде или же просто слонялся по коридорам. За глаза мы окрестили его Призраком.

— Когда он последний раз разговаривал с мисс Фрейц?

— Вчера.

— А именно?

— Часа в четыре утра или, может быть, в пять. Потом он заглянул в палату к отцу Дайеру и с ним тоже о чем-то побеседовал.

— Он заходил к отцу Дайеру?

— Да.

— Вы случайно не слышали, о чем они разговаривали?

— Нет, он закрыл за собой дверь.

— Понятно.— Киндерман задумался. Его взгляд сквозь стеклянные двери был прикован к Аткинсу. Сержант облокотился на стол и тоже внимательно смотрел на следователя. Киндерман снова обратился к сестре:

— А еще кого-нибудь вы заметили возле палаты примерно в это же время?

— Вы имеете в виду персонал?

— Не важно. Кто-нибудь появлялся в коридоре?

— Только миссис Клелия.

— Кто это?

— Пациентка из психиатрического отделения.

— Она что, гуляла по коридорам?

— Нет. Я нашла ее в холле — она лежала на полу.

— Просто лежала?

— У нее было состояние, близкое к ступору*.

---

* Ступор — состояние обездвиженности с отсутствием реакций на внешние раздражители, в том числе болевые.

— А где именно в холле?

— Здесь за углом, как раз у входа в психиатрическое отделение.

— В котором часу это произошло?

— Как раз перед тем, как я обнаружила тело отца Дайера. Я позвонила в психиатрическое отделение, прибежали санитары и забрали ее.

— У миссис Клелии старческое слабоумие?

— Я точно не могу вам сказать. По-видимому, да. Но я не знаю. Она больше похожа на кататоника.

— Она кататоник?

— Это только моя догадка,— спохватилась девушка.

— Понятно.— Киндерман еще секунду помолчал, затем решительно встал.— Спасибо вам, мисс Китинг.

— Не за что.

Киндерман вручил ей еще пару салфеток и покинул кабинет. Он сразу же направился к Аткинсу.

— Аткинс, немедленно достань телефон доктора Амфортаса и вызови его сюда. А я пока что загляну в психиатрическое отделение.

Вскоре Киндерман стоял в отделении для тихих пациентов. Ночная трагедия не коснулась этого уголка. Обычная толпа молчаливых зрителей собралась возле телевизора, сонные пациенты расселись на стульях и креслах.

К следователю подошел старичок.

— Я хочу, чтобы кашу мне сегодня подали с финиками,— заявил он.— Не забудьте про эти проклятые финики. Я хочу фиников.

К ним уже направлялся рослый санитар.

Киндерман огляделся по сторонам в поисках дежурной сестры — ее место за столом пустовало. Медсестра разговаривала по телефону в застекленном кабинете. Лицо ее казалось напряженным.

Киндерман двинулся в сторону стола, а старичок продолжал выговаривать пустому месту, где только что стоял следователь.

— Я не хочу есть эти проклятые финики,— ныл он теперь.

Неожиданно появился Темпл. Он буквально влетел в дверь и начал озираться по сторонам. Вид у него был сонный и растрепанный. Тут он заметил Киндермана и тоже приблизился к столу дежурной сестры.

— Боже мой! — воскликнул он.— Я не могу поверить в это! Неужели это правда? То, как он умер?

— Да, это правда.

— Мне позвонили и разбудили. Боже мой! Я все равно не могу в это поверить.

Темпл стрельнул в медсестру взглядом, отчего та, беспомощно заморгав, тут же опустила трубку.

В это время санитар уже вел старичка к креслу.

— Я бы хотел поговорить с вашей пациенткой. С миссис Клелией. Где мне ее найти?

Темпл метнул в следователя внимательный взгляд:

— Я вижу, вы уже здесь освоились. Что же вам нужно от миссис Клелии?

— Я бы хотел задать ей несколько вопросов. Один-два, не больше. Хуже ведь ей от этого не будет?

— Миссис *Клелии*?

— Да.

— Это все равно, что задавать вопросы стене,— сказал Темпл.

— Ну, к этому-то я давно привык,— не моргнув, парировал Киндерман.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего особенного.— Киндерман пожал плечами и беспомощно развел руками.— Понимаете, у меня рот открывается и слова вылетают прежде, чем я успеваю их обдумать.

Темпл скользнул по нему цепким, пронзительным взглядом, а потом повернулся к медсестре. Та суетливо возилась с бумагами за дежурным столом.

— Где у нас миссис Клелия, а, курносая? — спросил Темпл.

Сестра, не поднимая глаз, ответила:

— У себя в палате.

— Ну, проявите же к старику снисходительность, позвольте мне поговорить с ней,— попросил Киндерман.

— Разумеется. Почему бы и нет? — согласился Темпл.— Пойдемте.

Киндерман последовал за доктором, и вскоре они очутились в узкой палате.

— А вот и ваша подружка,— сообщил Темпл.

Он указал рукой на седую старушку, примостившуюся на стуле у окна. Та, не мигая, уставилась на свои шлепанцы, руками стягивая на плечах концы красной шерстяной шали. Старушка даже не взглянула на вошедших.

Следователь коснулся пальцами полей шляпы.

— Миссис Клелия?

Женщина посмотрела мимо него.

— Вы мой сын? — равнодушно спросила она Киндермана.

— Нет, но хотел бы стать им,— ласково ответил он.

Несколько секунд миссис Клелия буравила его взглядом, а потом отвернулась.

— Вы не мой сын,— пробормотала она.— Вы высокий.

— Попробуйте вспомнить, что вы делали сегодня рано утром, миссис Клелия.

Старушка начала тихонько напевать нечто совершенно лишенное мелодии.

— Миссис Клелия...— напомнил о себе следователь.

Казалось, она не слышала его.

— Я же вам говорил,— вмешался Темпл. В его голосе мелькнуло самодовольство.— Но для вас я ее, конечно, введу, так и быть.

— Введу?

— В состояние гипноза. Ну как? — все еще мешкал Темпл.

— Конечно.

Темпл закрыл дверь и пододвинул второй стул поближе к старушке.

— Разве не надо затемнить комнату? — удивился Киндерман.

— Нет, это сущий бред,— рубанул Темпл.— Итак... фокус-покус! — Из верхнего кармана белого халата он извлек миниатюрный блестящий медальон треугольной формы, висевший на короткой цепочке.

— Миссис Клелия,— начал Темпл.

Старушка сразу повернулась к психиатру. Темпл приподнял медальон и начал раскачивать его у нее перед глазами. А потом произнес: «Пора засыпать». В тот же момент старая женщина смежила веки и словно обмякла. Темпл высокомерно взглянул на Киндермана.

— О чем ее спросить? — осведомился он.— О чем и вы ее спрашивали?

Киндерман кивнул.

Темпл повернулся к старушке.

— Миссис Клелия,— обратился он к ней.— Вы помните, что делали сегодня рано утром?

Они ждали, но ответа не последовало. Старушка не шевелилась. На лице Темпла отразилось удивление.

— Что вы делали сегодня рано утром? — повторил он.

Киндерман переступил с ноги на ногу.

Молчание.

— Она сейчас спит? — тихо спросил следователь.

Темпл отрицательно покачал головой.

— Вы видели сегодня священника, миссис Клелия? — продолжал допрос психиатр.

Неожиданно тишина была прервана:

— Не-е-е-ет.— Голос казался низким и напоминал стон.

— Вы сегодня утром ходили гулять?

— Не-е-е-ет.

— Вас куда-нибудь водили?

— Не-е-е-ет.

— Что за черт! — прошептал Темпл. Он обернулся и посмотрел на Киндермана.

— Хорошо, этого достаточно,— остановил его следователь.

Темпл коснулся лба старушки рукой и произнес:

— Проснитесь.

Постепенно старушка выпрямилась и, открыв глаза, взглянула на Темпла. Потом на Киндермана. Глаза ее были пусты и невинны.

— Вы починили мне радио? — накинулась она на следователя.

— Я починю его завтра, мэм,— пообещал Киндерман.

— Вот так все говорят,— пожаловалась миссис Клелия и, вновь уставившись на шлепанцы, затянула свою невеселую песню.

Киндерман и Темпл вышли в коридор.

— Как вам понравился мой вопросик насчет священника? — полюбопытствовал Темпл.— Для чего все время ходить вокруг да около? Надо хватать быка за рога. А как я ловко спросил, не *отвел* ли ее кто-нибудь в отделение невропатологии? По-моему, тоже неплохо, а?

— Но почему она не стала вам отвечать? — удивился Киндерман.

— Понятия не имею. Честно говоря, меня это беспокоит.

— Вы, вероятно, неоднократно вводили эту даму в подобное состояние?

— Всего пару раз.

— Она так быстро заснула.

— Потому что я отличный гипнотизер,— похвастался Темпл.— Я же вам говорил. Боже мой, никак не могу прийти в себя! Как вспомню этого несчастного священника... Что же с ним сделали! Неужели это возможно, лейтенант?

— Мы разберемся.

— И он был изуродован? — не унимался Темпл.

Киндерман пристально посмотрел на психиатра.

— У него был отрезан указательный палец,— сказал он.— А на левой ладони убийца вырезал знак зодиака. Знак Близнецов,— добавил Киндерман. Он не сводил глаз с Темпла.— И о чем это вам говорит?

— Не знаю,— растерялся Темпл и недоуменно уставился на следователя.

— Разумеется, вы не знаете,— поддакнул Киндерман.— И откуда вам знать? Кстати, а у вас в больнице имеется патологоанатомическое отделение?

— Конечно.

— Там, где производят вскрытие и все такое прочее?

Темпл кивнул.

— Это внизу, в секции «В». Вам надо сесть в лифт в отделении невропатологии, спуститься и повернуть налево. Вы сейчас туда?

— Да.

— Ну, тогда не промахнетесь.

Киндерман зашагал прочь.

— Эй, а зачем это вам? — крикнул ему вдогонку Темпл.

Но Киндерман, не замедляя шага, лишь пожал плечами.

Темпл выругался про себя.

Прислонившись к столу дежурной медсестры, Аткинс ждал. Внезапно он заметил приближающегося лейтенанта. Сержант пошел ему навстречу.

— Ты связался с Амфортасом? — спросил следователь.

— Нет.

— Дозвонись обязательно.

— Стедман и Райан уже закончили.

— А я еще нет.

— На всех бутылочках остались отпечатки пальцев,— сообщил Аткинс.— Причем довольно четкие.

— Да, убийца осмелел. Он издевается над нами, Аткинс.

— Приехал отец Райли. Он сейчас внизу и говорит, что хотел бы увидеть тело покойного.

— Нет, этого делать нельзя. Спустись к нему, Аткинс, и побеседуй. Не обещай ничего определенного. И пусть Райан поторопится с отпечатками. Мне нужно срочно сравнить их с теми, что мы сняли в исповедальне. А я пока спущусь к патологоанатомам.

Аткинс кивнул, и они направились к лифтам. Когда Аткинс выходил на первом этаже, Киндерман, бросив мимолетный взгляд, заметил отца Райли. Тот сидел в углу, обхватив руками голову. Следователь отвернулся и, только когда дверцы лифта захлопнулись, вздохнул с облегчением.

Киндерман без труда отыскал патологоанатомическое отделение и вошел в помещение, где студенты медицинского факультета производили вскрытие трупов. Стараясь не смотреть в их сторону, он прямиком устремился к доктору, который восседал за письменным столом. Тот поднял голову и вопросительно взглянул на следователя.

— Чем могу помочь? — вежливо осведомился врач, поднимаясь со своего места.

— Чем-нибудь, наверное, можете.— Киндерман показал ему свое удостоверение.— Мне тут кое-что нужно узнать. Нет ли среди ваших инструментов такого, который по внешнему виду напоминал бы ножницы?

— Разумеется,— кивнул доктор.

Он подвел следователя к стене, где в чехлах висело великое множество различных инструментов. Доктор снял один и протянул его Киндерману.

— Только осторожней,— предупредил он.

— Непременно,— отозвался Киндерман.

В руках у него оказался блестящий режущий инструмент из нержавеющей стали. Он как две капли воды походил на садовые ножницы. Концы загибались в форме полумесяцев, и когда Киндерман наклонил секатор, тот сверкнул, отражая свет ламп.

— Да, это уже кое-что...— пробормотал следователь. Подобная штука внушала страх.— И как же это называется? — полюбопытствовал он.

— Ножницы.

— Ну да, конечно. В стране мертвых все вещи называют своими именами.

— Что вы сказали?

— Ничего.— Киндерман попытался раскрыть секатор. Для этого ему пришлось применить усилие.— Да, вероятно, я ослаб,— пожаловался он.

— Нет, они на самом деле очень тугие,— возразил доктор.— Они совсем новые.

Киндерман удивленно вскинул брови.

— Вы сказали «новые»?

— Да, мы их только-только получили.— Доктор подошел ближе и содрал с ножниц прилипшую этикетку.— Видите, еще даже цена осталась.— Он скомкал этикетку и сунул себе в карман.

— И часто вы меняете эти инструменты? — заинтересовался следователь.

— Вы, наверное, шутите. Эти вещи очень дорогие. К тому же они практически никогда не выходят из строя. Я даже не знаю, зачем нам понадобились новые ножницы.— Оглядев стену, он печально кивнул: — А-а, понятно, старых-то нет на месте. Наверное, кто-нибудь из студентов прихватил на память.

Киндерман возвратил ему секатор.

— Спасибо вам большое, доктор... простите, я не знаю вашего имени.

— Арни Дервин. Это все, что вы хотели?

— Этого вполне достаточно.

Приближаясь к посту дежурной медсестры отделения невропатологии, Киндерман заметил, что там царит какая-то суматоха. У столика собрались несколько медсестер, а Аткинс стоял прямо перед главным врачом Тенчем и о чем-то с ним спорил.

Лейтенанту удалось расслышать гневные выкрики Тенча:

— Это больница, сэр, а не зоопарк! Вы понимаете, что здесь важнее всего благополучие и покой наших больных? Вы можете это понять или нет?

— Что у вас тут за шум? — вмешался Киндерман.

— Это доктор Тенч,— представил врача Аткинс.

Тенч резко обернулся, угрожающе выдвинув острый подбородок.

— Я главный врач больницы,— заносчиво выпалил он.— А вы кто такой?

— Бедный и несчастный лейтенант полиции, гоняющийся за призраками,— шутливо пояснил Киндерман и мгновенно посерьезнел: — Пожалуйста, отойдите в сторону. У нас еще много важных дел.

— Бог ты мой! Да у вас еще хватает наглости...

Но Киндерман уже обернулся к Аткинсу:

— Убийца находится где-то в больнице,— уверенно произнес он.— Позвони в участок. Нам потребуется много людей.

— А теперь выслушайте *меня!* — взорвался Тенч.

Но следователь не обратил на него ни малейшего внимания.

— На каждом этаже выставить двух охранников. Запереть все выходы. Возле каждого тоже оставить по одному дежурному. Никого не впускать и не выпускать без надлежащих документов.

— Ну уж это у вас не пройдет! — взвизгнул Тенч.

— Всех выходящих обыскивать. Необходимо найти хирургические ножницы. С этой же целью следует обшарить все подозрительные уголки в больнице.

Тенч побагровел.

— Да вы будете слушать меня или нет, черт вас побери?!

На этот раз следователь круто обернулся к доктору и мрачно отчеканил:

— Нет, слушать будете *вы,* а не я.— Голос его звучал ровно.— Я хочу, чтобы вы знали, с чем мы сейчас имеем

дело. Вы когда-нибудь слышали об убийце по прозвищу Близнец?

— Что-что? — Тенч кипел злобой и никак не мог успокоиться.

— Я сказал: об убийце по прозвищу Близнец,— повторил Киндерман.

— Да, я о нем слышал — ну и что же? Его убили.

— А вы помните, как описывали его «фирменные знаки» на жертвах?

— Послушайте, на что вы намекаете?

— Так вы помните?

— Как он уродовал трупы?

— Да,— твердо произнес Киндерман. Он вплотную придвинулся к доктору.— Убийца всегда отрубал у жертвы средний палец на левой руке, а на спине вырезал знак Зодиака — знак Близнецов. Фамилия или имя каждой жертвы начинались с буквы «К». Ну, теперь вспомнили, доктор Тенч? А теперь забудьте об этом, вычеркните все из памяти, выкиньте из головы. На самом деле он отрезал вот этот палец! — И следователь выставил вперед указательный палец правой руки.— Не средний, доктор, а *указательный* палец! И не на левой руке, а на *правой!* Да и знак Близнецов он вырезал не на спине, а на левой ладони! Только сотрудники отдела по расследованию убийств в Сан-Франциско знали об этом, а больше никто. Но они специально подкинули прессе ложную информацию, чтобы потом к ним не являлся какой-нибудь очередной псих и не утверждал, будто он и есть настоящий убийца, тот самый Близнец. Таким образом, они не тратили напрасно время на лишние допросы и расследования, а сэкономили его на поиски истинного преступника и вышли на его след.— Киндерман говорил теперь прямо в лицо доктору: — А в *этом* конкретном случае, в этом и еще в двух других, доктор, мы имеем дело как раз с настоящим убийцей, потому что все сходится! Абсолютно все.

Тенч остолбенел.

— Я не могу вам поверить,— наконец выдавил он из себя.

— Придется. И еще: когда Близнец писал свои послания в газету, он имел привычку иногда удваивать букву «р» — наверное, для большего эффекта. Это вам ни о чем не говорит?

— Боже мой!

— Теперь вам все ясно? Все понятно?

— Но как же с фамилией? Ведь «Дайер» не начинается с буквы «К»! — воскликнул пораженный Тенч.

— Его второе имя было Кевин. А теперь позвольте нам заняться делом, чтобы мы имели возможность обеспечить вашу же безопасность.

Бледный как полотно доктор кивнул.

— Простите меня,— тихо пробормотал он и зашагал прочь.

Киндерман вздохнул и, устало посмотрев на Аткинса, огляделся вокруг. Одна из медсестер соседнего отделения стояла рядом. Сложив руки, она пристально наблюдала за следователем. Киндерман встретил ее взгляд и отметил про себя, что девушка неестественно возбуждена. Он повернулся к Аткинсу и, взяв его под руку, отвел от стола.

— Сделай все, о чем я только что говорил. И еще не забудь про Амфортаса. Ты ему так и не дозвонился?

— Нет.

— Продолжай звонить. Ну, все. Теперь иди.

Киндерман легонько подтолкнул сержанта и молча проследил, как тот вошел в застекленный кабинет и снял телефонную трубку. И снова неимоверная тяжесть обрушилась на его душу, как только он направился в палату Дайера. Следователь старался не смотреть на полицейского, дежурившего у двери. Он медленно взялся за ручку, открыл дверь и вошел внутрь.

Внезапно Киндерману показалось, будто он проник в другое измерение. Лейтенант прислонился к стене и взглянул на Стедмана. Патологоанатом сидел на стуле, уставив-

шись в пустоту. За его спиной дождь барабанил в оконное стекло. Половину комнаты скрывала тень, а тусклый свет, струящийся сюда с улицы, серебристым сумраком окутывал палату.

— Во всей комнате ни капли крови,— еле слышно проговорил Стедман. Голос его звучал безжизненно.— Ни единого пятнышка. Даже на бутылочных горлышках,— добавил он чуть погодя.

Киндерман кивнул. Он набрал в легкие побольше воздуха и посмотрел на тело, которое покоилось на кровати, накрытое белой простыней. Рядом стояла тележка для развоза лекарств, и на ней ровными рядами выстроились двадцать две бутылочки для анализов. В них была разлита вся кровь отца Дайера. Взгляд следователя застыл на стене за кроватью, где убийца кровью отца Дайера вывел слова:

«ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА».

Когда солнце уже почти скатилось к горизонту, стало ясно: таинственные события выходят далеко за рамки разумного и не поддаются никаким объяснениям. В полицейском участке Райан докладывал Киндерману о результатах лабораторных исследований. Они провели сравнительный анализ отпечатков пальцев.

Следователь недоумевал.

— Вы что же, хотите сказать, будто эти убийства совершил не один, а два человека? Два разных человека? — допытывался он.

Отпечатки пальцев в исповедальне и на бутылочках не совпадали.

ЧЕТВЕРГ, 17 МАРТА

Глава одиннадцатая

Представим себе, что человек решил пошевелить рукой. Мозговые нейроны возбуждают следующую цепочку нейронов, порождая моторную реакцию. Но вот какой

именно нейрон принимает необходимое решение? И если мысленно продлить эту цепь зажигания миллиардами нейронов головного мозга, то что же все-таки остается там, где эта цепь прерывается,— что же такое, что побудило человека на движение рукой? Может ли нейрон принять подобное решение? Некий Первичный Нейрон, который сам возбуждению не поддается? Отдающий команды, но в свою очередь не подчиняющийся ни одной из них? А может быть, весь мозг целиком принимает решение? Обладает ли целое чем-то таким, что отсутствует у его составных частей? И могут ли миллиарды нолей дать в итоге нечто большее, чем ноль? Так что же заставляет мозг отдавать команды?

Киндерман прислушался к надгробной речи.

— И пусть ангелы введут тебя в Царство Небесное,— произнес отец Райли.— Пусть хор ангелов приветствует тебя у врат рая. Вместе с Лазарем, который когда-то влачил свои дни в нищете, ты пребудешь в вечном покое.

С тяжелым сердцем Киндерман наблюдал, как отец Райли окропляет гроб святой водой. Церковная месса закончилась, и теперь все они находились в тенистой университетской долине. День только-только зарождался. На иезуитском кладбище вырыли свежую могилу. Сюда пришли священники из церкви Святой Троицы, а также несколько университетских иезуитов — остальные занимались сейчас в основном мирскими делами. Из семьи погибшего никто не присутствовал — не успели сообщить. Похороны иезуитов скоротечны.

Киндерман разглядывал людей, облаченных в черные сутаны. Священники, съежившись на пронизывающем ветру, дрожали от холода. Может быть, они размышляли о собственной смерти?

— Ослепительную молнию ниспошлет нам небо, озарит она обитель теней и смерти...

Киндерман вдруг вспомнил свой сон про Макса.

— Я есмь воскрешение, и я есмь жизнь,— молился Райли.

Киндерман обвел взглядом многочисленные красноватые здания, гигантским кольцом обступившие кладбище, и ему показалось, что люди на их фоне словно уменьшились в размерах, утратив свою значительность. Однако мир продолжал жить как ни в чем не бывало, а вместе с ним влачили свое существование и эти жалкие, никчемные людишки.

Как же так случилось, что Дайера не стало?

«Любой человек, когда-либо ступавший по земле, стремился к совершенству или к счастью,— с горечью размышлял следователь.— Но каким образом можно быть счастливым, если знаешь, что когда-нибудь умрешь? Любая радость омрачается при мысли, что рано или поздно эта радость пройдет. Так что же, природа внушила нам желание, которое никогда не сможет исполниться? Нет, это невероятно. Опять теряется весь смысл. Любое другое желание, продиктованное природой, предполагает конкретный предмет, а вовсе не туманный призрак. Почему же тогда желание быть счастливым являет собой исключение? — терзался Киндерман.— Природа вызывает в нас чувство голода, когда это необходимо. И мы продолжаем жить. Мы прорываемся дальше и дальше. Так смерть утверждает жизнь».

Наступила тишина. Один за другим священники начали расходиться. На кладбище остался только отец Райли. Словно окаменев, он не сводил скорбного взгляда с могилы. Глаза его наполнились слезами. И вдруг, еле слышно, Райли начал декламировать:

Не возгордись, о Смерть,
Хоть и зовут тебя
Отчаянья и слез
Безмолвною сестрою.
Все те, кого, ты мнишь,
Настигла власть твоя,
По-прежнему живут
За гробовой доскою.

Так буду жить и я
В блаженстве вековом
Средь лучших из людей,
Ушедших за тобою,
Где отдыха и сна
Видений сладкий рой
Ты превзошла
Покоя красотою.

Но ты — раба судьбы,
Пусть даже твой удел
В болезнях и войне
Нести нам злую кару.
От мака или чар
Мы крепче спим вдвойне,
Чем от твоих
Безжалостных ударов.

Не возгордись, о Смерть,
Хоть королей и слуг
Равняешь ты
Движением незримым.
Напрасен твой порыв
Сковать бессмертный дух
Забвением
И сном неодолимым.

Сей краткий сон пройдет,
И, вечность обретя,
Победу жизнь
Одержит над тобою.

И ты сама умрешь,
Как времени дитя,
Как все, что тленно
В мире под луною*.

Замолчав, священник смахнул рукавом слезы. Киндерман подошел к нему поближе.

— Мне так жаль,— тихо пробормотал он.

---

* Джон Донн. «Не возгордись, о Смерть...» Перевод В. Ю. Терещенко.

Священник кивнул, не отрывая взгляда от могилы. Потом наконец поднял глаза на Киндермана. Боль и мука отразились в них.

— Найдите его,— мрачно произнес священник.— Найдите это чудовище и отрежьте ему яйца.

Повернувшись, Райли зашагал прочь.

Киндерман долго смотрел ему вслед.

Люди жаждали справедливости.

Когда иезуит скрылся из виду, следователь подошел к надгробному камню неподалеку от могилы Дайера и прочитал:

«ДЭМЬЕН КАРРАС
ОБЩЕСТВО ИИСУСА
1928–1971».

Киндерман изумленно уставился на камень. Эта надпись будто пыталась о чем-то рассказать следователю. Но что так встревожило его? Может быть, год? Киндерман никак не мог сосредоточиться. Впрочем, теперь все вокруг теряло смысл. Логические рассуждения вмиг растаяли как дым, когда пришли результаты дактилоскопического исследования. В этом закоулке гигантской Вселенной царил сейчас полный хаос. Что же теперь делать? Киндерман не знал. Он беспомощно взглянул на здание администрации университета.

По дороге Киндерман решил проведать Райли.

Войдя в приемную, он снял шляпу. Секретарша Райли склонила набок головку и вежливо осведомилась:

— Могу вам чем-нибудь помочь?

— Скажите, отец Райли у себя? Можно мне с ним увидеться?

— Сомневаюсь, что он сейчас кого-нибудь примет,— вздохнула девушка.— Сам он, во всяком случае, никому не назначал встреч. Впрочем... Как ваша фамилия?

Киндерман представился.

— Да-да, конечно.— Секретарша сняла трубку. Выслушав Райли, она кивнула Киндерману: — Он вас примет. Пожалуйста, проходите.— И указала на дверь.

— Спасибо, мисс.

Киндерман вошел в просторный кабинет. Здесь стояла старинная деревянная мебель в отличном состоянии, а на стенах висели литографии и портреты известных иезуитов Джорджтауна. С портрета, написанного маслом и обрамленного массивным дубовым багетом, добрыми глазами взирал основатель общества иезуитов святой Игнатий из Лойолы.

— Что вас так обеспокоило, лейтенант? Хотите выпить?

— Нет, спасибо, святой отец.

— Пожалуйста, присаживайтесь.— Райли жестом указал гостю на большой старинный стул, стоявший у стола.

— Благодарю, святой отец.

Киндерман устроился поудобнее. От этой комнаты веяло спокойствием и безопасностью. И так здесь было всегда. А покой Киндерману был просто необходим.

Райли опрокинул рюмку виски и поставил ее на стол, поверхность которого была обтянута блестящей кожей.

— Бог велик и умеет хранить свои тайны. Что же произошло, лейтенант?

— Два священника и распятый мальчик,— откликнулся Киндерман.— Мне кажется, здесь прослеживается религиозная связь. Но какая именно? Я сам не знаю, что ищу, святой отец, и двигаюсь на ощупь. Что общего между Берминтэмом и Дайером, кроме священнического сана? Какая здесь кроется связь? Может быть, вы мне поможете?

— Конечно,— отозвался Райли.— А разве вы сами не знаете?

— Нет. И что же это?

— Вы сами и есть эта связь. Сюда же можно включить мальчонку Кинтри. Вы знали всех троих. Неужели вам это ни разу не приходило в голову?

— В общем, да,— признался следователь.— Но ведь это, конечно же, простое совпадение. К тому же распятие Томаса Кинтри уж точно не имеет ко мне никакого отношения.— Киндерман развел руками.

— Да, вы правы,— согласился Райли.

Он повернул голову и обратил внимательный взгляд в окно. Урок закончился, и студенты переходили из корпуса в корпус на следующую лекцию.

— Возможно, это связано с изгнанием дьявола,— предположил он.

— С каким изгнанием, святой отец? Я вас не понимаю.

Райли отвернулся от окна и посмотрел Киндерману прямо в глаза.

— Бросьте, лейтенант, кое-что об этом вы знаете.

— Ну, разве что самую малость.

— Обманываете.

— В том обряде участвовал и отец Каррас.

— Да, если смерть можно назвать участием,— возразил Райли. Он снова взглянул в окно.— Дэмьен являлся тогда одним из изгоняющих. Джо Дайер был знаком с семьей жертвы. А Кен Бермингэм давал Дэмьену разрешение на расследование, а потом помог ему найти и главного изгоняющего. Я, конечно, не знаю, какие отсюда можно сделать выводы, но в какой-то степени это объясняет связь, вы не находите?

— Да, конечно,— согласился Киндерман.— Все это очень загадочно. Но все равно Кинтри выпадает из логической цепочки.

Райли повернулся к следователю.

— Неужели? Его мать преподает в институте лингвистики. Дэмьен приносил туда пленку — просил прослушать ее и дать заключение. Ему не терпелось узнать, что означала запись, сделанная на пленке: был ли это какой-то неизвестный ему язык или же просто набор случайных звуков. Он стремился доказать, что жертва способна разговаривать на языке, который дотоле не изучала.

— И получилось?

— Нет. Это оказался английский, но все слова произносились наоборот. А обнаружила это мать Кинтри.

Киндерман почувствовал, как ощущение спокойствия и безопасности покидает его. Эта тоненькая ниточка уводила его во мрак.

— Послушайте, святой отец, тот случай одержимости... Вы в самом деле считаете, что он был настоящим?

— Я не могу позволить себе долгих размышлений о бесах,— усмехнулся Райли.— Вокруг столько несчастных. Мне не хватает времени подумать даже о них.— Он приподнял рюмку и начал крутить ее в руках, рассматривая на свет.— Как же они это сделали, лейтенант? — еле слышно спросил он.

Киндерман молчал, раздумывая, стоит ли об этом говорить, а потом наконец так же тихо произнес:

— При помощи катетера.

Райли продолжал вертеть в руках рюмку.

— Может быть, и вам следует поискать дьявола? — пробормотал он вполголоса.

— Меня вполне устроит врач,— отрезал следователь.

Киндерман вышел из кабинета и поспешил на улицу. Покидая университетскую территорию, он надрывно дышал. Наконец лейтенант зашагал по 36-й улице.

Дождь только-только закончился, и кирпичная мостовая блестела от воды. На углу Киндерман свернул направо и уверенно двинулся в сторону небольшого каркасного дома, принадлежавшего Амфортасу. Еще издали лейтенант заметил, что все ставни плотно закрыты. Он поднялся по ступенькам на крыльцо и позвонил. Медленно тянулись минуты. Лейтенант позвонил снова, но и на этот раз ему никто не открыл. Отчаяние охватило Киндермана. Повернувшись, он вновь поспешно отправился в больницу. Мысли его разбегались, но он шел очень быстро, словно надеялся, что эта стремительность поможет ему сосредоточиться и выработать определенный план действий.

Разыскать в больнице Аткинса тоже не удалось. Никто из полицейских так толком и не мог сказать, где тот сейчас находится. Тогда Киндерман заглянул в отделение невропатологии и, приблизившись к столику, за которым восседала дежурная медсестра Джейн Харгаден, спросил у нее об Амфортасе:

— Вы не подскажете, где можно его найти?

— Нет. Он больше у нас не работает,— объявила Харгаден.

— Да, я знаю, но он иногда заходит сюда. Вы его, случайно, не видели?

— Нет. Подождите, я позвоню ему в лабораторию.

Медсестра сняла трубку и набрала номер. Но на другом конце провода никто не отвечал. Девушка повесила трубку и вздохнула:

— Жаль, но там тоже никого.

— Может быть, он поехал куда-нибудь отдохнуть? — поинтересовался Киндерман.

— Я не могу вам ответить. У нас уже скопилось для него несколько писем. Я вам их сейчас покажу.

Девушка подошла к почтовым ячейкам и вынула из одной пачку писем. Она просмотрела их и вручила Киндерману:

— Вот, взгляните сами.

— Спасибо.

Киндерман внимательно пролистал корреспонденцию. Одно письмо пришло из магазина медицинского оборудования. Они просили подтвердить заказ на лазерный зонд. Все остальные — от некоего доктора Эдварда Коффи. Киндерман взял один конверт и протянул его медсестре.

— Тут уйма одинаковых,— сказал он.— Можно мне это оставить себе?

— Конечно,— ответила девушка.

Киндерман сунул письмо в карман и вернул пачку медсестре.

— Я вам очень признателен,— поблагодарил он.— Если вы увидите доктора Амфортаса,— добавил лейтенант,— или как-нибудь свяжетесь с ним, передайте, пожалуйста, чтобы он сразу же позвонил мне.— Он вручил медсестре свою визитку с рабочим телефоном.— Вот по этому номеру, хорошо?

— Конечно, сэр.

— Спасибо.

Киндерман повернулся и направился к лифтам. Он нажал кнопку «вниз». Лифт остановился, из него вышла медсестра, и следователь шагнул в кабинку. Однако медсестра вдруг вернулась в лифт, и Киндерман мгновенно вспомнил: это ее странный взгляд он поймал на себе сегодня утром.

— Лейтенант...— неуверенно обратилась к нему девушка.

Она хмурилась, очевидно не зная, с чего начать разговор. Сложив на груди руки, девушка нервно теребила белую кожаную сумочку.

Киндерман снял шляпу.

— Чем могу помочь?

Медсестра отвернулась. Она все еще колебалась.

— Я не знаю... Это ерунда какая-то... Прямо не знаю...

Они спустились в вестибюль.

— Пойдемте, отыщем где-нибудь укромный уголок и поболтаем,— предложил следователь.

— Я себя чувствую ужасно глупо. Видите ли, дело в том...— Девушка пожала плечами.— Ну, я просто не знаю...

Дверцы лифта разошлись. Лейтенант проводил медсестру за угол, где они расположились в удобных, обтянутых голубой искусственной кожей креслах.

— Все это, наверное, глупости...— начала сестра.

— Ничего под этой луной не может быть глупо,— возразил следователь, подбадривая ее.— Если бы мне сейчас кто-нибудь заявил, что мир — это апельсин, я бы поинтересовался сортом этого апельсина. И кто знает, что могло

произойти дальше. В самом деле, сейчас, по-моему, уже никто не может точно ответить, что есть что.— Киндерман мельком взглянул на табличку, прикрепленную к халату медсестры: Кристина Чарльз.— Так что вы хотели мне рассказать, мисс Чарльз?

Она тяжело вздохнула.

— Все в порядке,— успокоил ее следователь.— Ну, так что же?

Девушка подняла голову, и их взгляды встретились.

— Я работаю в психиатрическом отделении,— сообщила она.— А точнее, в отделении для буйных. У нас там есть один пациент.— Кристина снова пожала плечами.— Когда его доставили, я еще здесь не работала. Это было очень давно, много лет тому назад. Десять, а может быть, двенадцать. Я видела его историю болезни.

Она раскрыла сумочку, порылась в ней и достала пачку сигарет. Вытряхнула одну и, несколько раз чиркнув по коробку, зажгла спичку. Потом отвернулась и выпустила струйку серого дыма.

— Простите,— тихо пробормотала она.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Ну так вот, про этого больного. Полицейские подобрали его в районе М-стрит. Он бродил по улицам и ничего не помнил. Он не разговаривал, к тому же у него не обнаружили никаких документов. Ну, в конце концов он так и остался в больнице.— Медсестра нервно затянулась сигаретой.— Ему поставили диагноз «кататония», хотя кто его знает, чем он на самом деле страдает. Я с вами буду откровенна. В общем, он так и не заговорил, и все эти годы его держали в обычной палате. До недавнего времени. Сейчас я об этом расскажу. Мы не знали, как его зовут, и сами придумали ему имя. Мы окрестили его Томми Подсолнух. В комнате для отдыха он весь день перебирался из кресла в кресло, чтобы сидеть на солнце. Он никогда не оставался в тени, и, если где-то появлялось солнце, Томми сразу же устремлялся туда.— Она еще раз пожала плечами.— Было

в нем что-то милое и безобидное. Но, как я уже говорила, неожиданно все изменилось. В начале года он как будто стал понемногу выходить из своего замкнутого состояния. И мало-помалу начал издавать нечленораздельные звуки, словно хотел что-то сказать. Возможно, разум его и прояснился, но он так долго не пользовался речевым аппаратом, что из его горла вырывались только стоны и мычание.— Медсестра потянулась к пепельнице и потушила сигарету.— Боже мой, у меня из ничего прямо целая повесть получается.— Она виновато взглянула на следователя.— Короче, он вскоре заговорил, но у него начались приступы буйства, и мы поместили его в отдельную палату. Смирительная рубашка, стены, обитые войлоком, и все такое прочее. Он там находится с февраля. Так что не может иметь никакого отношения к этому делу. Но Томми утверждает, будто он и есть убийца, которому дали когда-то прозвище Близнец.

— Не понял?..

— Томми говорит, будто он и есть тот самый Близнец.

— Но вы же сами сказали, что его держат взаперти.

— Да, вот именно. Поэтому-то я и сомневалась, рассказывать ли вам про все это. Он ведь с такой же легкостью мог утверждать, будто он Джек Потрошитель. Так что... Но вот только...— Она не договорила, и в глазах ее мелькнула тревога.— Видите ли, на прошлой неделе, когда я давала ему таблетки торазина, он произнес одно слово...

— Какое?

— Он сказал: «Священник...»

Посреди большого зала при входе в отделение для буйных стояла круглая стеклянная будка дежурной медсестры. Девушка нажала на кнопку — металлические двери, отделяющие больных от внешнего мира, раздвинулись. Киндерман и Темпл шагнули внутрь, и створки дверей так же беззвучно сомкнулись за их спинами.

— Выбраться отсюда просто невозможно,— заявил Темпл. Находясь в раздражении, он вел себя бесцеремонно.— Сестра видит вас через стеклянную дверь и нажимает кнопку, чтобы выпустить наружу. Или вы должны набрать шифр — а это комбинация из четырех цифр, и к тому же она меняется каждую неделю. Вы все еще торопитесь увидеть его? — строго спросил он.

— Хуже от этого не будет.

Темпл, не поверив своим ушам, ошарашенно уставился на Киндермана.

— Но его палата заперта на ключ. Он в смирительной рубашке, и у него связаны ноги.

Следователь неопределенно пожал плечами.

— Я просто посмотрю.

— Это ваше право, лейтенант,— резко отрубил Темпл.

Он стремительно зашагал вперед по тускло освещенному коридору, и Киндерман поспешил вслед за ним.

— Не успеваем менять эти проклятые лампочки,— проворчал психиатр,— то и дело перегорают.

— Это не только у вас. Во всем мире так.

Темпл извлек из кармана огромное кольцо, на которое было нанизано множество разных ключей.

— Он вон там,— указал доктор.— Палата номер двенадцать.

Киндерман подошел к крошечному дверному оконцу и сквозь него принялся рассматривать обитую войлоком комнатку. Он заметил жесткий стул, раковину, унитаз и питьевой фонтанчик. В дальнем углу комнаты на кушетке сидел мужчина в смирительной рубашке. Лица его не было видно. Мужчина склонил голову на грудь, и его длинные черные волосы лоснящимися спутанными прядями свисали на лицо.

Темпл отпер дверь и распахнул ее, жестом приглашая лейтенанта войти.

— Будьте как дома,— съязвил он.— Когда закончите, нажмите кнопочку у двери палаты. Сестра вам откроет. А я

буду у себя. Эту дверь я оставлю незапертой.— Темпл с отвращением посмотрел на следователя и чуть ли не бегом устремился к выходу.

Киндерман вошел в палату и тщательно прикрыл за собой дверь. С потолка свисала голая лампочка. Она едва светилась, бросая зловещий красноватый отблеск на окружающие предметы. Киндерман взглянул на раковину. Кран подтекал, и стук разбивающихся капель отчетливо слышался в тишине. Киндерман подошел к кушетке и остановился.

— Что-то уж больно долго ты сюда добирался,— раздался внезапно низкий и приглушенный голос пациента. Этот человек явно издевался над следователем.

Киндерман вздрогнул. Голос показался ему знакомым. Интересно, где он мог его слышать?

— Мистер Подсолнух? — обратился Киндерман к больному.

Мужчина поднял голову и мельком взглянул на следователя.

Киндерман чуть не задохнулся.

— Боже мой! — прошептал он и, пошатнувшись, отступил назад. Сердце его бешено колотилось.

Пациент скривил рот в довольной ухмылке.

— Жизнь прекрасна,— объявил он, искоса посмотрев на Киндермана, и осклабился: — Ты не находишь?

Все поплыло у него перед глазами. Киндерман попятился к двери, споткнулся и с ходу нажал кнопку вызова дежурной сестры. Он выскочил из палаты и, не помня себя, помчался в кабинет Фримэна Темпла.

— Эй, приятель, что у вас там стряслось? — нахмурился тот, когда Киндерман без стука влетел в его кабинет.

Темпл развалился за столом и листал свежий номер журнала по психиатрии. Взглянув на запыхавшегося и побледневшего следователя, он указал на стул.

— Эй, ну-ка садитесь. Вы что-то неважно выглядите. Что случилось?

Киндерман буквально рухнул на стул. Он никак не мог прийти в себя. Психиатр озабоченно склонился над следователем, внимательно заглядывая тому в глаза.

— С вами все в порядке?

Киндерман опустил веки и кивнул.

— Дайте мне воды, пожалуйста.— Он положил руку на грудь. Сердце не успокаивалось.

Темпл налил ледяной воды из графина в пластмассовый стаканчик и протянул его Киндерману.

— Вот, выпейте.

— Спасибо. Да-а...— Киндерман взял стаканчик. Он сделал глоток, потом еще один, ожидая, когда же пульс придет наконец в норму.— Ну вот, уже лучше,— вздохнул он.— Гораздо лучше.— Дыхание его выровнялось, и теперь следователь уже спокойно взглянул на сгорающего от нетерпения Темпла.— Подсолнух,— произнес он.— Я хочу посмотреть историю его болезни.

— Для чего?

— Мне это нужно! — внезапно взорвался следователь.

Психиатр вздрогнул и отпрянул.

— Хорошо-хорошо, приятель. Только не волнуйтесь. Я сейчас ее принесу.— Темпл выскочил из кабинета и чуть было не сбил с ног Аткинса.

— Лейтенант? — Аткинс вошел внутрь.

Следователь взглянул на него отсутствующим взглядом.

— Где ты был? — осведомился наконец Киндерман.

— Выбирал обручальное кольцо, лейтенант.

— Это здорово. Хорошо, Аткинс. Никуда не уходи.

Киндерман перевел взгляд на стену.

Аткинс не знал, как реагировать на слова лейтенанта. Нахмурившись, он прошел к дежурному столу и стал молча выжидать, что будет дальше. Никогда еще Аткинс не видел лейтенанта в таком состоянии.

В этот момент вернулся Темпл и вручил Киндерману историю болезни. Следователь тут же углубился в чтение, а психиатр сидел рядом и наблюдал за ним. Он прикурил

тонкую сигару и молча изучал лицо Киндермана. Затем Темпл перевел взгляд на руки, быстро перелистывающие страницы. Пальцы у лейтенанта дрожали.

Наконец Киндерман поднял глаза.

— Вы уже работали в больнице, когда доставили этого человека? — резко спросил он.

— Да.

— Тогда напрягите память, доктор Темпл. Во что он был одет?

— Боже мой, столько лет прошло!..

— Вы не помните?

— Нет.

— Имелись ли у него какие-нибудь следы повреждений? Синяки, раны, кровоподтеки?

— Это все должно быть отмечено в истории болезни.

— Но здесь ничего нет! Ничего нет! — Каждое «нет» сопровождал яростный удар папкой по столу.

— Эй, потише, пожалуйста.

Киндерман поднялся.

— Сообщали ли вы или кто-нибудь из персонала пациенту из палаты номер двенадцать об убийстве отца Дайера?

— Лично я — нет. А с какой стати мы будем ему об этом рассказывать?

— Опросите сестер,— мрачно скомандовал Киндерман.— Узнайте у них. Ответ должен быть готов к утру.

Киндерман повернулся и торопливо покинул кабинет. Он сразу же отыскал Аткинса.

— Наведи справки в Джорджтаунском университете,— приказал лейтенант.— Там был священник, отец Дэмьен Каррас. Узнай, сохранилась ли его медицинская карта. И еще. Позвони отцу Райли. Я хочу, чтобы он немедленно пришел сюда.

Аткинс удивленно уставился на Киндермана. Словно прочитав его мысли, Киндерман отчеканил:

— Отец Каррас был моим другом. Он умер двенадцать лет назад. Каррас скатился с лестницы Хичкока до самого

низа. Я сам присутствовал на его похоронах. И вот я только что видел его. Он здесь, в больнице. В одной из палат. В смирительной рубашке.

Глава двенадцатая

В одной из вашингтонских ночлежек Карл Веннамун разливал бесплатную похлебку. Он двигался вдоль длинного дощатого стола, за которым сидели нищие. Несчастные благодарили его, а он неизменно тихим и вкрадчивым голосом отвечал: «Благослови вас Господь!» Следом за Карлом ступала хозяйка ночлежки, миссис Тремли. Она раздавала здоровенные ломти хлеба.

Пока бездомные, зажав в трясущихся руках ложки, торопливо вычерпывали суп, старый Веннамун забрался на невысокую кафедру и принялся читать им отрывки из Священного Писания. Затем последовала проповедь. Она пришлась как раз на то время, когда посетители дожевывали пирог, запивая его кофе. Глаза священника полыхали огнем благочестия. Голос его гремел, а ритм и паузы завораживали. Ближайшие к нему слушатели находились уже в полной его власти. Миссис Тремли обвела внимательным взглядом лица нищих. Кое-кто уже задремал, ощутив приятную тяжесть в желудке и прикорнув в теплом уголке. Однако большинство нищих внимали священнику. Их лица светились. Один старичок даже прослезился.

После обеда миссис Тремли подсела к Веннамуну за опустевший стол. Она подула на горячий кофе в кружке, над которой клубился пар, и отхлебнула глоток. Сложив на столе руки, Веннамун задумчиво уставился на них.

— Карл, ваши проповеди восхитительны! — воскликнула миссис Тремли.— У вас настоящий дар.

Веннамун не ответил.

Миссис Тремли поставила кружку на стол.

— Подумайте, может быть, вам стоит возобновить публичные выступления,— продолжала она.— Уж сколько вре-

мени прошло. Все давно забыли о той трагедии. Вам надо снова выступать перед людьми.

Некоторое время старый Веннамун не шевелился. Наконец он поднял голову и, взглянув на миссис Тремли, тихо произнес:

— Я как раз об этом думал.

ПЯТНИЦА, 18 МАРТА

Глава тринадцатая

«Говорят, у каждого человека есть двойник,— размышлял Киндерман,— совершенно идентичный субъект с точки зрения физиологии, реально существующий на белом свете. Может быть, здесь и следует искать разгадку?» Лейтенант посмотрел вниз на могильщиков, которые с мрачным видом выкапывали гроб Дэмьена Карраса.

У Карраса не оказалось близких родственников, которые могли бы пролить свет на невероятное сходство между ним и тем мужчиной из психиатрического отделения. Не сохранилась и медицинская карта иезуита: после гибели Карраса ее уничтожили.

Другого выхода не было, думал Киндерман. Это единственное, что Дэмьен мог сделать. И сейчас, стоя вместе с Аткинсом и Стедманом у края могилы, лейтенант молился про себя, чтобы тело в гробу оказалось останками Карраса. Но если вдруг случится иначе, то ужас, слепой и сводящий с ума своей безысходностью, вот-вот нависнет над Киндерманом. Нет. Не может быть, решил он. Невозможно. Однако ведь даже отец Райли принял Подсолнуха за Карраса.

— Вот вы говорите «свет»...— задумчиво произнес Киндерман.

Аткинс, застегивая воротник своей кожаной куртки, прислушался. Полдень был в разгаре, но холодный ветер свирепствовал вовсю. Стедман не отрывал взгляда от могильщиков.

— Мы наблюдаем лишь часть спектра,— вслух размышлял Киндерман.— Крошечную щелочку в гамма-излучении, толику света.

Он прищурился и посмотрел на серебристый диск солнца, просвечивающий сквозь серое облако.

— Когда Бог молвил: «Да будет свет»,— продолжал следователь,— он имел в виду: «Да будет реальность».

Аткинс не знал что и подумать.

— Они закончили,— объявил Стедман и уставился на Киндермана.— Ну что, открывать?

— Да, пусть откроют.

Стедман отдал распоряжение могильщикам, и они аккуратно отодвинули крышку гроба. Киндерман, Стедман и Аткинс молча смотрели на гроб. Ветер, трепавший их одежду, усилился.

— Выясните, кто это,— наконец выдавил из себя Киндерман.

Тело в гробу не принадлежало отцу Каррасу.

Киндерман и Аткинс вошли в отделение для буйных.

— Мне необходимо видеть больного из палаты номер двенадцать,— потребовал Киндерман. Он двигался как во сне и не мог бы с полной уверенностью сказать, кто он такой и где сейчас находится. Его лишь удивлял тот простой факт, что он вообще еще до сих пор дышит.

Дежурная медсестра Спенсер проверила его документы. Когда девушка случайно взглянула на него, следователь заметил, что она возбуждена и, очевидно, чем-то напугана. Впрочем, страх поселился теперь в сердцах всех сотрудников больницы. Зловещая тишина проникла в самые укромные уголки здания. Люди в белых халатах передвигались словно привидения на корабле призраков.

— Хорошо,— коротко бросила медсестра и, достав из стола ключи, повела полицейского по коридору. Пока она отпирала палату, Киндерман посмотрел вверх, на потолок, и заметил, что еще одна лампочка перегорела.

— Заходите.

Киндерман взглянул на медсестру.

— За вами запереть? — спросила та.

— Не надо.

Девушка окинула его внимательным взглядом и удалилась. Туфли у нее были совсем новые, и подошвы, касаясь плит пола, громко скрипели. Киндерман проводил ее взглядом, а потом вошел в палату и закрыл за собой дверь. Подсолнух сидел на кровати и безучастно смотрел на следователя. Кран продолжал подтекать, и каждая капля ритмично отдавалась ударом сердца. Заглянув в глаза Подсолнуха, следователь почувствовал в груди неприятный холодок. Он прошел к стулу у стены, отчетливо слыша каждый свой шаг. Подсолнух не сводил с него взгляда. Киндерман рассмотрел теперь и шрам над его правой бровью. А равнодушное выражение лица пациента не давало ему покоя. До сих пор следователь никак не мог поверить в то, что видел теперь собственными глазами.

— Кто вы? — спросил Киндерман.

В этой маленькой, обитой войлоком комнатенке голос его прозвучал до неестественности отчетливо. Ему вдруг показалось странным, что звук этот исходил от него самого.

Томми продолжал молча смотреть на посетителя остановившимся взглядом.

В углу с громким стуком падали из крана капли.

Следователь почувствовал, как где-то в глубине души поднимается противная и липкая волна страха.

— Кто вы? — повторил он.

— Я кое-кто.

Киндерман удивленно вытаращился на Томми и вздрогнул. Подсолнух злобно усмехнулся, в глазах его сверкнула ярость.

— Ну, разумеется, вы «кое-кто»,— отозвался Киндерман, собирая в кулак всю свою волю и самообладание.— Но кто? Вы — Дэмьен Каррас?

— Нет.

— Тогда кто вы? Как вас зовут?

— Называй меня «Легион», ибо нас множество.

Дрожь охватила Киндермана. Больше всего ему хотелось убраться сейчас из этой комнаты. Но он словно остолбенел. Неожиданно Подсолнух запрокинул голову и прокукарекал, а потом громко по-лошадиному заржал. Звуки поразительно походили на настоящие. У Киндермана похолодело внутри.

Подсолнух залился смехом, начав хохотать на высоких нотах и закончив низким басом.

— Да, неплохо я подражаю животным, как ты считаешь? В конце концов, у меня был потрясающий учитель,— промурлыкал он.— И еще уйма времени, чтобы оттачивать свое мастерство. Практика, постоянная практика! Вот в чем секрет. Поэтому-то я и усовершенствовался в убийствах, лейтенант.

— Почему вы называете меня «лейтенант»? — спросил Киндерман.

— Да не ломай тут комедию,— прорычал Подсолнух.

— Вы знаете, как меня зовут? — продолжал Киндерман.

— Да.

— Ну и как же?

— Не надо на меня наседать,— зашипел Подсолнух.— Я буду раскрывать свои силы постепенно.

— Какие силы?

— Ты мне надоел.

— Кто вы?

— Ты знаешь, кто я.

— Нет, не знаю.

— Знаешь.

— Тогда скажите мне.

— Близнец.

Киндерман замолчал, прислушиваясь к падающим каплям, а потом попросил:

— Докажите это.

Подсолнух снова откинул назад голову, но на этот раз закричал как осел.

Следователь почувствовал, как по спине побежали мурашки.

Подсолнух посмотрел на него и как бы между прочим заметил:

— Время от времени надо менять тему разговора — тебе не кажется? — Он вздохнул и перевел взгляд на пол.— Да, в жизни моей были и приятные моменты. Я успел неплохо поразвлечься.— Томми закрыл глаза, и лицо его приняло блаженное выражение, как будто он вдыхал тончайший аромат изысканных духов.— О-о-о, Карен,— нараспев произнес он.— Прелестная Карен. С милыми желтыми бантиками в волосах. Эти волосы так приятно пахли. Я как сейчас помню этот запах.

Киндерман приподнял брови. Кровь отхлынула от его лица.

Подсолнух, взглянув на него, сразу уловил эту перемену.

— Да, я убил ее,— признался Подсолнух.— Ну, сам пойми, это ведь было неизбежно. Разумеется. Божественная сила определяет нашу кончину и так далее. Я нашел ее в Сосалито, а потом выбросил на городскую свалку. Ну, не всю, конечно, частично. Кое-какие ее кусочки я оставил себе на память. Я же такой сентиментальный! Конечно, это мой недостаток. А у кого их нет, лейтенант? Я отрезал ей грудь и некоторое время хранил ее в морозилке. А как мило она была одета! Такая хорошенькая деревенская кофточка с белыми и розовыми рюшечками. У меня до сих пор в ушах крик этой девчушки. Я-то считаю, что мертвые должны молчать. Если им, конечно, нечего сказать живым.

Томми нахмурился, а потом вдруг затрубил как олень. Звук этот удивительно походил на настоящий крик оленя-самца. Так же внезапно он оборвался, и Томми снова посмотрел на Киндермана.

— А над этим надо еще покорпеть,— недовольно сознался он.

Помолчав несколько секунд, Подсолнух не мигая уставился на Киндермана, а потом заявил:

— Успокойся. Я слышу, как в тебе пульсирует страх. Будто у тебя часы изнутри тикают.

Киндерман нервно сглотнул и прислушался к монотонно падающим каплям, не в силах отвести от безумца взгляд.

— Черномазого парнишку на реке тоже убил я,— продолжал Подсолнух.— Уж как я повеселился! Впрочем, все они доставляли мне массу удовольствия. Кроме священников. Со священниками все было по-другому. Это не мой профиль. Я ведь убиваю просто так, наобум. Без всяких мотивов — в этом-то и заключается вся прелесть. Но вот священники — другое дело. Да, конечно, присутствие в их именах буквы «К» являлось непременным условием. В конце концов, это оказалось даже удобно. Хотя все равно со священниками все получилось как-то не так. Это не мой стиль. Это уже не наобум. Я был обязан, понимаешь, просто обязан свести кое-какие счеты от имени... моего друга.— Томми замолчал, но продолжал выжидающе смотреть на следователя.

— Какого друга? — спросил, наконец, Киндерман.

— Сам знаешь, кого я имею в виду. С другой стороны.

— А вы сейчас с какой стороны?

Внезапно Подсолнух начал меняться прямо на глазах. Напыщенность и развязность как рукой сняло, во взгляде появилось выражение беспокойства и страха.

— Не надо завидовать, лейтенант,— промолвил Томми.— Знаешь, сколько там страданий. Это так тяжело. Да, тяжело. Они причиняют иногда жестокую боль. Чудовищную.

— Кто «они»?

— Не важно. Я не могу тебе сказать. Это запрещено.

Киндерман задумался, а через минуту, наклонившись вперед, поинтересовался:

— Вы знаете, как меня зовут?

— Тебя зовут Макс.

— Неправильно.

— Как сказать.

— А почему вы подумали, что Макс?

— Не знаю. Наверное, потому, что ты здорово смахиваешь на брата.

— Разве у вас есть брат по имени Макс?

— Не у меня.

Киндерман всмотрелся в остановившиеся глаза. Что это — очередная издевка?

Вдруг Подсолнух опять затрубил как олень. Умолкнув, он самодовольно заметил:

— По-моему, уже лучше.

И срыгнул.

— Как звали твоего брата? — спросил Киндерман.

— Мой брат здесь ни при чем,— прорычал Подсолнух. И вдруг с жаром заговорил: — А известно ли тебе, что ты беседуешь с истинным художником? Я иногда такое вытворяю со своими жертвами! Здесь необходима дьявольская изобретательность. Подобным искусством можно гордиться, но, естественно, оно требует определенных знаний. Тебе известно, например, что отрезанная голова может еще примерно секунд двадцать видеть? Так вот, если голова моей жертвы оставалась с открытыми глазами, я успевал показать ей тело. И это уже совершенно бесплатно — просто так, сувенирчик на память. Должен признаться, что при этом я каждый раз хохотал от души. С какой это стати все удовольствия получаю я один? Так нехорошо, надо и с другими поделиться. Да и прессе не слишком доверишься. Они про меня только самое плохое печатали. Разве это честно?

— Дэмьен! — резко выкрикнул Киндерман.

— Пожалуйста, не ори,— оборвал его Подсолнух.— Здесь вокруг больные люди. Соблюдай установленные правила, не то я тебя вышвырну вон. Кстати, кто такой Дэмьен, за которого ты меня принимаешь?

— А вы сами не знаете?

— Мне иногда становится интересно.

— Что интересно?

— Почем сейчас сыр и как поживает мой папуля. Там, в газетах, эти убийства называют делом рук Близнеца? Это очень важно, лейтенант. Обязательно должны называть. Надо, чтобы папочка об этом узнал. В этом-то весь секрет. Это и есть моя цель. Я просто счастлив, что нам удалось так мило поболтать.

— Близнец умер,— вставил Киндерман.

Подсолнух бросил на него взгляд, полный ненависти.

— Я жив,— прошипел он.— И продолжаю существовать. Позаботься, чтобы и все остальные узнали об этом. Иначе мне придется наказать тебя, толстяк.

— И как же вы накажете меня?

Неожиданно Подсолнух перешел на дружелюбный тон:

— Танцы — это такое наслаждение. Ты любишь танцевать?

— Если вы Близнец, докажите это,— потребовал Киндерман.

— Снова? Да я, черт побери, уже все доказательства тебе представил,— проскрипел Подсолнух и начал яростно вращать глазами.

— Не может быть, чтобы это вы убили священников и мальчика.

— Я.

— Как фамилия мальчика?

— Того черномазого ублюдка? Кинтри.

— Как же вам удалось выбраться отсюда, чтобы совершить убийства?

— Меня иногда выпускают,— признался Подсолнух.

— Что?

— Меня выпускают. С меня снимают смирительную рубашку, открывают дверь и выпускают побродить по улицам. И врачи, и сестры. Они со мной заодно. Иногда я приношу им пиццу или воскресный экземплярчик «Вашингтон пост». В другой раз они просят меня попеть им

немного. Я хорошо пою.— Томми запрокинул голову и высоким безупречным фальцетом затянул оперную арию. Когда он наконец закончил, Киндерман почувствовал, как в его душу вновь заползает страх.

Подсолнух довольно ухмыльнулся:

— Ну, понравилось? По-моему, совсем неплохо. Как ты считаешь? Мой талант так многогранен! Жизнь — это сплошное развлечение. Жизнь прекрасна, я бы сказал. Для некоторых. А вот бедняге Дайеру не повезло.

Киндерман застыл на месте.

— Ты же знаешь, что это я убил его,— спокойно продолжал Подсолнух.— Это оказалось довольно занятно и непросто, но все же у меня получилось. Сначала немного сукцинилхолина, чтобы не отвлекали никакие посторонние шумы, затем в вену вставляется трехфутовый катетер. Какую вену лучше выбрать — уже дело вкуса, правда? Потом трубочка должна подойти прямо к аорте. А еще надо поднять ему ноги, чтобы выкачать всю кровь из конечностей. Ювелирная работа! Возможно, в теле и осталось чуть-чуть крови, но это уже не так важно. Главное, что общий эффект потряс всех. А ведь именно это и ценится в конечном итоге — верно?

Киндерман не мог выговорить ни слова.

Подсолнух засмеялся.

— Ну конечно же. Это ведь своего рода шоу-бизнес, лейтенант. Самое главное — произвести впечатление. Сила эффекта. Не пролить ни одной капельки, а? Я бы сказал, это стало моим величайшим достижением — своего рода шедевром. Но, естественно, этого-то никто не оценил. Правильно говорят: не мечите бисер перед...

Подсолнух не закончил фразу, ибо Киндерман вскочил со стула и, метнувшись к кровати, что есть силы врезал безумцу по лицу тыльной стороной ладони. Лейтенант дрожал с ног до головы и угрожающе склонился над больным. Из носа и уголков рта Томми закапала кровь. Он злобно уставился на Киндермана.

— Ага, некоторые на галерке пытаются освистать меня. Понятно. Это прекрасно. Да-да, все в порядке. Я же понимаю. Я успел наскучить. Ну что ж, попробуем-ка тебя развеселить.

Киндерман ничего не мог понять.

Слова Подсолнуха утратили смысл, веки его вдруг сами собой начали слипаться, голова поникла... Но губы еще продолжали что-то шептать.

Киндерман нагнулся и прислушался, пытаясь разобрать, что же бормочет этот несчастный.

— Спокойной ночи, мыши... Маленькая мышка Эми. Лапочка... Спокойной ночи...

И тут случилось невероятное. Губы Подсолнуха все еще шевелились, и вдруг из его горла вырвался другой голос, тоже мужской, но гораздо моложе и выше. Казалось, что человек, которому принадлежал этот голос, кричит откуда-то издалека:

— Ос-стан-новите его! — заикался в отчаянии голос.— Н-не д-дайте ему...

— Эми...— снова прошептал Подсолнух.

— Н-нет! — надрывался далекий голос.— Д-д-джеймс! Н-нет! Н-н-н...

Голос стих. Голова Подсолнуха упала на грудь, и он потерял сознание.

Киндерман, охваченный ужасом, наблюдал, не понимая, что происходит.

— Подсолнух,— тихо позвал он. Но ответа не последовало.

Киндерман повернулся к двери. Он нажал кнопку вызова и покинул палату, ожидая, когда появится медсестра. Она тут же подбежала к следователю.

— Он потерял сознание,— сообщил Киндерман.

— Снова?

Киндерман вопросительно поднял бровь, а медсестра бросилась в палату. Когда она склонилась над Подсолнухом, лейтенант повернулся и быстро зашагал по коридо-

ру. У него защемило сердце, когда раздался громкий возглас медсестры:

— Боже мой, да у него нос сломан!

Киндерман поспешил к дежурному посту, где его поджидал Аткинс с какими-то бумагами. Он сразу же вручил лейтенанту.

— Стедман велел вам срочно передать,— пояснил сержант.

— Что это? — удивился Киндерман.

— Заключение патологоанатомов относительно трупа в гробу.

Киндерман сунул бумаги в карман.

— У палаты номер двенадцать должен неотлучно дежурить полицейский. Срочно. И передай ему, чтобы он не уходил вечером, прежде чем я переговорю с ним. Далее. Найди отца этого Близнеца. Его зовут Карл Веннамун. Постарайся получить доступ к национальному компьютеру. Мне нужен этот человек здесь. Аткинс, займись этим сразу же. Это очень важно.

— Слушаюсь, сэр,— коротко бросил Аткинс и торопливым шагом удалился прочь.

Киндерман устало облокотился о стол и вытащил бумаги. Он бегло просмотрел их, а затем, вернувшись назад, перечитал одну из страниц. Написанное поразило его.

Через некоторое время знакомо заскрипели подошвы. Киндерман поднял голову и увидел медсестру Спенсер. Девушка с укором смотрела на него.

— Вы его ударили? — спросила она.

— Можно мне поговорить с вами?

— Что у вас с рукой? — полюбопытствовала медсестра.— Смотрите-ка, она распухла.

— Ничего, пройдет,— заверил ее следователь.— Может быть, лучше поговорим у вас в кабинете?

— Заходите,— согласилась она.— А мне тут нужно кое-что достать.

Девушка направилась куда-то за угол.

Киндерман вошел в маленький кабинет и сел за стол. Ожидая возвращения медсестры, он снова перечитал заключение. И без того потрясенный, теперь он находился в полном смятении.

Медсестра вернулась, держа в руках перевязочные материалы.

— Ну-ка, давайте сюда свою руку.

Киндерман вытянул руку, и девушка, обложив ее марлевыми тампонами, туго забинтовала.

— Вы очень добры,— поблагодарил следователь.

— Ерунда.

— Когда я сообщил вам, что Подсолнух потерял сознание, вы произнесли слово «снова».

— Правда?

— Да.

— Все правильно. Это и раньше с ним случалось.

Следователь поморщился от боли в руке.

— Что — больно? Не надо обижать других,— назидательно проворчала сестра.

— А как часто с ним случаются такие приступы?

— Ну-у-у... Откровенно говоря, они начались лишь на этой неделе. Если не ошибаюсь, первый раз это произошло в воскресенье.

— В воскресенье?

— По-моему, да,— задумалась Спенсер.— Потом на следующий же день. Если вам надо знать точное время, я могу заглянуть в историю болезни.

— Нет-нет, пока не надо. А еще? — не унимался Киндерман.

— Еще? — Медсестра Спенсер выглядела смущенной.— В среду около четырех утра. То есть как раз перед тем, как обнаружили...

Девушка разволновалась и не смогла закончить фразу.

— Я вас понимаю,— подхватил Киндерман.— Вы очень чувствительны. И большое вам за это спасибо. Кстати, когда с ним это случалось, сон-то у него был нормальный?

— Ничего подобного,— возразила Спенсер, обрезая ножницами бинт и подклеивая кусочком пластыря его кончик.— Автономная система почти бездействовала: я имею в виду биение сердца, температуру и дыхание. Он как будто впадал в зимнюю спячку. И с мозгом творилось что-то невероятное. Мозг, наоборот, начинал лихорадочно работать.

Киндерман слушал, не перебивая.

— Это вам о чем-нибудь говорит? — поинтересовалась Спенсер.

— Вы не знаете, Подсолнуху никто не рассказывал о том, что случилось с отцом Дайером?

— Не знаю. Я-то, разумеется, не рассказывала.

— А доктор Темпл?

— Понятия не имею.

— Он много времени тратит на лечение Подсолнуха?

— Кто? Темпл?

— Да, Темпл.

— Наверное. Он считает, что это исключительный случай.

— Он гипнотизирует его?

— Да.

— Часто?

— Не знаю. Я не могу сказать наверняка. Откуда мне знать?

— А когда вы видели, как доктор его гипнотизировал? Вы не помните?

— В среду утром.

— В котором часу?

— Около трех дня. Я подменяла подругу — она как раз ушла в отпуск. Пошевелите пальцами.

Киндерман повертел распухшей рукой.

— Ну как? — осведомилась Спенсер.— Не очень туго?

— Нет, все в порядке, мисс. Спасибо. И благодарю вас за беседу.— Он поднялся.— И еще кое-что,— добавил он.—

Можно вас попросить, чтобы вы никому не рассказывали об этом разговоре?

— Разумеется. И про сломанный нос тоже ни слова.

— Как он сейчас себя чувствует?

— Все в порядке. Ему сейчас делают ЭЭГ.

— Вы потом расскажете мне о результатах?

— Непременно. Лейтенант...

— Я вас слушаю.

— Все это так странно...— протянула сестра.

Киндерман встретил ее напряженный взгляд. Он еще раз поблагодарил девушку и вышел из кабинета. Лейтенант быстро миновал коридоры и вскоре очутился перед кабинетом Темпла. Дверь была закрыта. Киндерман поднял было забинтованную руку, чтобы постучаться, но затем, вспомнив о своей травме, сделал это другой рукой.

— Войдите,— услышал он грубый голос Темпла и отворил дверь.

— А, это вы,— буркнул Темпл.

Он сидел за столом, и его белый халат был сплошь осыпан пеплом. Темпл тут же достал новую сигару и послюнявил ее кончик. Затем указал Киндерману на стул:

— Присаживайтесь. Какие у вас проблемы? Эй, а с рукой-то что случилось?

— Пустяки. Царапина,— отмахнулся следователь и плюхнулся на стул.

— Большая, должно быть, царапина,— съязвил Темпл.— Чем могу служить на этот раз, лейтенант?

— У вас есть право не отвечать,— сообщил ему Киндерман ровным голосом, повторяя давно заученную фразу.— Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Вы имеете право на помощь адвоката и можете требовать его присутствия во время допроса. Если вы хотите прибегнуть к услугам защитника, но не имеете средств, адвокат будет назначен вам бесплатно. Вам понятно?

Темпл был потрясен.

— О чем вы говорите, черт возьми?

— Я задал вам вопрос,— рявкнул Киндерман.— Отвечайте!

— Да.

— Вам понятны ваши права?

Психиатр не на шутку перепугался.

— Да, все понятно,— тихо пробормотал он.

— Вы занимались лечением мистера Подсолнуха из двенадцатой палаты в отделении для буйных больных?

— Да.

— Вы делали это в одиночестве?

— Да.

— И применяли гипноз?

— Да.

— Часто?

— Один или, может быть, два раза в неделю.

— В течение какого времени?

— Уже несколько лет подряд.

— Для чего?

— Просто, чтобы заставить его говорить, а потом выяснить его личность.

— И вам это удалось?

— Нет.

— Не удалось?

— Нет.

Киндерман замолчал. Наступила напряженная тишина. Психиатр ерзал на стуле.

— Ну, больной утверждает, будто он Близнец,— в конце концов выпалил Темпл.— Но это же безумие!

— Почему?

— Да потому что Близнеца убили.

— Доктор, а не могло ли так получиться, что под гипнозом вы сами внушили пациенту Подсолнуху мысль о том, будто он и является убийцей Близнецом?

Лицо психиатра побагровело. Он резко мотнул головой и коротко отрубил:

— Нет.

— Этого не могло случиться?

— Ни в коем случае.

— Вы рассказывали мистеру Подсолнуху, как именно убили отца Дайера?

— Нет.

— Вы называли ему мою фамилию и звание?

— Нет.

— Вы сами подделали пропуск на имя Мартины Ласло?

Темпл вспыхнул и, немного помолчав, решительно произнес:

— Нет.

— Вы в этом уверены?

— Да.

— Доктор Темпл, правда ли то, что в Сан-Франциско вы работали в полицейском участке консультантом как раз по делу Близнеца?

Темпл был поражен.

— Работали или нет? — повысил голос Киндерман.

— Да, я там работал,— упав духом, промямлил психиатр.

— Мистер Подсолнух обладает сведениями об убийстве женщины по имени Карен Джекобс, которое Близнец совершил в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году. Эта информация была доступна только полицейским в участке. Вы сообщали подробности мистеру Подсолнуху?

— Нет.

— Вы абсолютно уверены?

— Абсолютно! Клянусь вам.

— А могли вы путем гипноза внушить человеку из двенадцатой палаты, что он и есть убийца Близнец?

— Я же сказал — *нет!*

— Вы хотите изменить кое-что в своих показаниях?

— Да.

— Что именно?

— Насчет пропуска,— еле слышно выдавил из себя Темпл.

Следователь приставил руку к уху.

— Насчет пропуска,— уже громче повторил Темпл.

— Вы сами его подделали?

— Да.

— Чтобы доставить неприятности доктору Амфортасу?

— Да.

— Чтобы навлечь на него подозрение?

— Нет, не для этого.

— Тогда для чего же?

— Я его не люблю.

— Почему?

Темпл поколебался и, наконец, выложил:

— Из-за его поведения.

— Поведения?

— Он ставит себя выше других.

— И вы решили таким образом его проучить, доктор?

Темпл угрюмо молчал.

— Когда в среду мы с вами беседовали об отце Дайере, я упомянул о том, как действовал настоящий Близнец. Вы оставили это без замечаний. Почему? Почему вы скрыли свое прошлое, доктор?

— Я ничего не скрывал.

— Почему вы сами ничего не рассказали?

— Я боялся.

— Боялись?

— Конечно, я перепугался. Ведь вы бы начали подозревать меня.

— Вы получили достаточную известность во время расследования дела Близнеца, а потом исчезли из поля зрения. Может, вам теперь захотелось воскресить убийства Близнеца?

— Нет.

Киндерман сверлил психиатра немигающим, пронзительным взглядом. Он замолчал и не шевелился.

Темпл побледнел как полотно, а потом неуверенно пробормотал:

— Вы ведь не арестуете меня, правда?

— Личная неприязнь,— чеканя слова, твердо заявил Киндерман,— к сожалению, не является поводом для ареста. Вы бесчестный, ужасный человек, доктор Темпл, но сейчас единственной мерой пресечения может явиться лишь изоляция вас от мистера Подсолнуха. Вы не будете ни лечить его, ни даже заходить к нему в палату до получения дальнейших инструкций. И лучше не попадайтесь мне на глаза,— добавил Киндерман.

Он поднялся и, с треском хлопнув дверью, покинул кабинет.

Долгое время Киндерман бродил по коридорам, ожидая, когда же пациент из двенадцатой палаты придет наконец в себя. Но ждал он напрасно. Примерно в половине шестого Киндерман ушел из больницы. Мостовая блестела от воды. Лейтенант свернул с О-стрит на 36-ю улицу и направился к югу, в сторону дома Амфортаса. Киндерман и звонил, и стучал в дверь, но ему никто не открыл. Тогда лейтенант поднялся по О-стрит и вскоре очутился перед университетом. Он сразу отправился в кабинет к отцу Райли. В приемной никого не оказалось — секретарша, видимо, отлучилась. Киндерман посмотрел на часы.

И в этот момент из кабинета донесся знакомый негромкий голос:

— Я здесь, друг мой. Заходите.

Иезуит сидел за столом, сложив руки на затылке. Он выглядел очень усталым и измученным.

— Сядьте и расслабьтесь,— предложил Райли следователю.

Киндерман кивнул и устроился в кресле рядом со столом.

— С вами все в порядке, святой отец?

— Да, спасибо. А как у вас?

Киндерман опустил глаза и кивнул, а потом вспомнил, что забыл снять шляпу.

— Простите,— пробормотал он.

— Чем могу помочь вам, лейтенант?

— Я бы хотел узнать кое-что об отце Каррасе,— откликнулся следователь.— С того момента, как его увезла «скорая помощь». Что было дальше, святой отец? Вы не помните? Мне надо знать буквально все, до мелочей. Начиная с момента смерти и вплоть до окончания похорон.

Райли рассказал все, что было ему известно.

Когда он завершил свое повествование, оба погрузились в долгое молчание. Завывал ветер, и в здании напротив то и дело хлопали ставни. На город навалилась бесконечная зимняя ночь.

Иезуит достал бутылку виски. Наступившую тишину резанул короткий скрип отвинчиваемой пробки. Райли плеснул в стакан немного виски и, отхлебнув пару глотков, поморщился.

— Уму непостижимо,— вздохнул он и уставился в окно, словно наслаждаясь видом ночного города.— Я больше ничего не могу понять.

Киндерман кивнул, будто соглашаясь, затем наклонился и, сцепив пальцы, сложил руки на коленях. Он пытался выстроить хоть мало-мальски разумную логическую цепочку.

— Итак, его похоронили уже на следующее утро,— подытожил он.— В закрытом гробу. В полном соответствии с вашими традициями. Но кто последним видел его, отец Райли? Вы не помните? Я имею в виду, когда он находился уже в гробу?

В задумчивости Райли поболтал стакан, наблюдая, как переливается в нем янтарная влага. Он собирался с мыслями.

— Фэйн. Брат Фэйн,— наконец промолвил Райли и на какое-то время заколебался, будто сомневаясь, правильно ли он назвал фамилию. Затем кивнул и уверенно подтвердил: — Да, именно он. Ему поручили переодеть покойника и запечатать гроб. Но с тех пор его никто не видел.

— А что произошло?

— Я же говорю, его больше никто не видел.— Райли пожал плечами и покачал головой.— Грустная история.— Иезуит вздохнул.— Он всегда ворчал и жаловался, что орден к нему несправедлив. У него была семья где-то в Кентукки, и он просил, чтобы его перевели поближе к семье. К концу жизни он...

— К концу? — перебил его Киндерман.

— Брат Фэйн был уже старенький — восемьдесят... нет, восемьдесят один. Он любил повторять, что позаботится о том, чтобы умереть дома. Мы подозревали, что он сбежит от нас, ибо старик чувствовал свою близкую кончину. К тому времени он перенес уже два инфаркта.

— Именно два?

— Два,— повторил Райли.

По телу Киндермана поползли мурашки.

— Помните останки мужчины в гробу Дэмьена? — глухо произнес Киндерман каким-то чужим голосом.— В одежде священника.

Райли кивнул.

Киндерман немного помолчал, а потом продолжил:

— Так вот, патологоанатомы утверждают, что этот человек был престарелым и перенес три инфаркта — два при жизни, а третий стал причиной смерти.

Они молча уставились друг на друга. Отец Райли ждал, понимая, что следователь еще не все выложил. Киндерман выдержал взгляд священника и тихо добавил:

— Они уверены, что третий инфаркт наступил от испуга.

Мужчина из палаты номер двенадцать пришел в себя только на следующее утро, часов в шесть. А через несколько минут в пустой палате отделения невропатологии было обнаружено тело медсестры Эми Китинг. Живот ее был вспорот, все внутренности вынуты, а брюшная полость набита электрическими выключателями. После этого убийца умудрился тщательно зашить рану.

Глава четырнадцатая

Амфортас сидел в комнате и слушал магнитофон. Когда-то музыка, записанная на этих кассетах, доставляла им обоим такое наслаждение! А сейчас он находился совсем в другом измерении, где-то между ужасом и ожиданием. Он не понимал, что происходит нынче там, в реальном мире,— ночь теперь или день. Тускло мерцали лампы, и все, что существовало на самом деле, навеки растворилось в тумане за пределами этой комнаты. Амфортас не знал, сколько просидел здесь. Может быть, пару минут, а может быть, и долгие часы. Реальность в какой-то фантасмагорической пляске клочьями кружилась перед ним. Амфортас смутно помнил, что последний раз удвоил дозу лекарства, и боль пульсировала теперь в голове. Но что делать, ведь это требовалось, чтобы разрушить мозг. Амфортас уставился на диван и заметил вдруг, как тот прямо на глазах начал таять в размерах. Вот он уже уменьшился вдвое. Когда Амфортас увидел, что диван улыбнулся ему, он счастливо смежил веки и полностью отдался музыке. Звучала одна из его самых любимых песен:

Коснись меня. И уходи.
Пускай лишь грезы остаются
О днях, связавших нас с тобой...

Песня обволакивала, полностью захватывала его воображение, она словно убаюкивала израненную душу. Амфортасу захотелось увеличить громкость. Он начал на ощупь искать рычажок и вдруг услышал, как кассета выпала из магнитофона на пол. Амфортас нагнулся за ней, и тут еще пара кассет соскользнули с его колен и шлепнулись рядом с первой. Амфортас открыл глаза и увидел прямо перед собой человека. Он сразу же понял, что человек этот — его собственный двойник.

Двойник, ссутулившись, сидел прямо в воздухе, находясь в той же самой позе, что и Амфортас. Одет он был в

такие же джинсы и синий свитер. Он с недоумением таращился на настоящего Амфортаса.

Амфортас отпрянул, и то же сделал двойник. Амфортас прикрыл лицо рукой, аналогичное движение повторил и фантом. Амфортас сказал «привет» и тут же услышал «привет». Он почувствовал, как колотится сердце. О двойниках частенько упоминали в случаях серьезного повреждения височной доли. Но, пристально вглядевшись в глаза напротив, он испытал самый настоящий страх. Амфортас зажмурился и постарался глубоко дышать. Постепенно сердце успокоилось. «Если сейчас открыть глаза, увижу ли я двойника?» — задумался Амфортас. Он приоткрыл глаза — двойник оставался на прежнем месте. Внезапно доктор испытал жгучий профессиональный интерес. Ведь ни один невропатолог наверняка не переживал ничего подобного. Вот поэтому-то все известные описания случаев появления двойников весьма поверхностны и противоречивы. Амфортас вытянул ноги. Двойник не преминул проделать то же. Тогда доктор принялся дергать ногами, стараясь не соблюдать определенного ритма. Он производил эти движения невпопад, однако двойник повторял их с безупречной точностью.

Амфортас прекратил свои попытки и задумался. Потом на ладони поднял магнитофон. Двойник скопировал и это движение, взметнув руку с воображаемым магнитофоном. Амфортас удивился: как могло случиться, что в галлюцинациях воспроизводится только сам человек, без окружающих предметов, например без того же магнитофона. Ведь доктор ясно различал на двойнике одежду, и в то же время тот сжимал сейчас в руке воздух. Амфортас так и не смог логически объяснить этот парадокс.

Он взглянул на ноги пришельца. Тот был обут в его же собственные бело-синие кроссовки фирмы «Найк». Амфортас перевел взгляд на свои кроссовки и начал осторожно сводить вместе носки, стараясь не смотреть, повторяет ли это движение двойник. Будет ли тот делать то же са-

мое, если на него не смотреть в это время? Амфортас незаметно глянул на ноги двойника. Они находились в том же положении, что и его собственные.

Пока Амфортас раздумывал, что бы ему еще предпринять для дальнейших опытов, он вдруг заметил на шнурке левой кроссовки двойника чернильное пятно. Доктор посмотрел на свою ногу и разглядел точно такое же пятно, и тоже на шнурке. Это уже выходило из ряда вон. Он никак не мог вспомнить, было ли у него это пятно раньше. Так как же он смог увидеть его на шнурке двойника? «Наверное, мое подсознание запомнило это пятно»,— решил Амфортас.

Доктор заглянул двойнику в глаза. Они сверкали. Он придвинулся к пришельцу, и тут ему показалось, что в глазах двойника отражается лампа. «Как же это?» — изумился Амфортас. Опять ему стало не по себе. Двойник внимательно наблюдал за ним. Амфортас отчетливо слышал веселые голоса студентов, доносящиеся с улицы, потом они внезапно смолкли, и теперь ему казалось, будто он так же ясно внимает и ударам своего сердца.

Внезапно двойник, застонав, схватился за виски. Амфортас не смог уследить за происходящим, ибо страшная боль словно тисками сжала вдруг его череп. Доктор зашатался, магнитофон и кассеты с грохотом посыпались на пол. Все поплыло у него перед глазами. Рванувшись к лестнице, Амфортас опрокинул настольную лампу и сильно ударился о край журнального столика. Застонав, он ввалился в спальню, рывком раскрыл саквояж и вытащил оттуда шприц и лекарство. Боль становилась невыносимой. Амфортас рухнул на кровать и дрожащими руками наполнил шприц. Он ничего не видел перед собой. Доктор с размаху всадил иглу прямо сквозь плотную джинсовую ткань и ввел двадцать миллиграммов гормона. Все это произошло в считанные секунды, поэтому укол в большей степени походил на удар молотком по мышце. Однако очень скоро боль начала стихать, и разум наконец прояснился. Амфортас тя-

жело вздохнул и, расслабив пальцы, выпустил из руки шприц. Тот шлепнулся рядом с кроватью и, легонько звякнув, откатился по полу к стене.

Открыв глаза, Амфортас снова увидел двойника. Он висел в воздухе, терпеливо ожидая пробуждения доктора. Амфортас заметил, что двойник — а значит, и он сам — улыбается.

— Я чуть было не потерял тебя,— произнесли они одновременно.

У Амфортаса закружилась голова.

— Ты умеешь петь? — спросили они и тут же в один голос затянули адажио из рахманиновской симфонии. Оборвав мелодию, они рассмеялись.— Чудненькая компания,— подытожили оба.

Взгляд Амфортаса наткнулся на фарфоровую уточку, стоящую на тумбочке. Взяв ее в руки, он с нежностью принялся разглядывать статуэтку. Воспоминания нахлынули на него.

— Я подарил эту фигурку Анне, еще когда мы не были женаты,— заговорил он вместе с двойником.— В нью-йоркском магазинчике «Матушка Леоне». Там находилась одна забегаловка. Кормежка отвратная, но зато уточка превосходная. Анна была от нее просто без ума.

Амфортас посмотрел на двойника, и они ласково друг другу улыбнулись.

— Она говорила, что это так романтично,— продолжили оба.— Как и те цветы, что я подарил ей в Бора-Бора. Она говорила, что все это навсегда останется в ее сердце.

Амфортас нахмурился, тут же посерьезнел и двойник. Раздвоение голоса начинало раздражать доктора. Ему вдруг показалось, что тело его стало таять. Да и связь с окружающей действительностью внезапно сошла на нет. Надвигалось что-то чудовищное.

— Убирайся! — рявкнул Амфортас на двойника, но тот даже не шелохнулся.

Вместо этого он повторил приказание Амфортаса и изобразил на своем лице такое же гневное, как у доктора, выражение. Амфортас поднялся и, шатаясь, направился к лестнице. Краешком глаза он фиксировал, что двойник следует рядом, бок о бок, словно в зеркале.

Амфортас вошел в гостиную и присел на стул. Он и сам не помнил, как здесь очутился. В руках он все еще сжимал фарфоровую уточку. Сознание вроде бы прояснилось, мысли текли спокойно, но ощущения как будто стерлись. От этого Амфортас чувствовал себя весьма неуютно. В голове по-прежнему стучало, однако боль исчезла. Доктор с отвращением покосился на двойника. Тот завис в воздухе, презрительно уставившись на Амфортаса. Невропатолог смежил веки, чтобы не видеть его.

— Не возражаешь, если я закурю?

На этот раз голос не раздвоился. Амфортас удивленно распахнул глаза и остолбенел: двойник развалился на диване, лениво закинув одну ногу на подушки. Он чиркнул спичкой и, прикурив, выдохнул дым.

— Боже мой, сколько раз пытался бросить,— засокрушался двойник. Он снисходительно сдвинул брови.— Ну, извини.— И пожал плечами.— Откровенно говоря, расслабляться мне бы не следовало, да, Бог свидетель, я безумно устал. Вот и все. Надо передохнуть. В нашем случае вреда от передышки никакого. Ты ведь знаешь, что я имею в виду.— Двойник умолк, будто ожидал от Амфортаса ответа, но тот словно воды в рот набрал.— Я тебя понимаю,— наконец вымолвил двойник.— Чтобы привыкнуть к этому, необходимо время. А вот я так и не научился проникать куда-либо постепенно. Видимо, все это надо было бы обстряпать осторожненько и поэтапно, в час по чайной ложке.— Он виновато пожал плечами и улыбнулся.— Экая промашка. Короче, я явился и приношу свои извинения. Я-то тебя уже многие годы знаю как облупленного, ну, а ты обо мне, разумеется, не имеешь ни малейшего представления. Скверно получается. Бывало, мне хотелось встряхнуть те-

бя, вернуть, так сказать, в рамки. Однако вряд ли это мне удалось бы, как не получится и сейчас! Ох уж эти дурацкие правила игры! Но потрепаться мы можем.— Внезапно двойник занервничал: — Тебе не полегчало? Нет? Вижу, что ты никак в себя не придешь. Язык проглотил. Ну, ничего. Я буду говорить, пока ты не оклемаешься и не привыкнешь ко мне.— Сигаретный пепел упал ему на свитер. Стряхнув его на пол, двойник пробормотал: — Экая небрежность!

Амфортас тихонько рассмеялся.

— А, так ты, оказывается, еще живехонек,— обрадовался двойник.— Прелестно! — Он замолчал и уставился на хохочущего Амфортаса.— Ты давай потише, дружок,— внезапно разозлился двойник.— Ты что, хочешь, чтобы я снова начал все повторять за тобой?

Амфортас отрицательно замотал головой, пытаясь подавить смех. А потом вдруг заметил, что стол, который он сдвинул, и лампа, упавшая с него, снова стоят на своих местах. Невропатолог удивленно покосился на двойника.

— Да, это я поставил их на место,— заверил его тот.— Я существую на самом деле.

— Нет, ты только в моей голове,— возразил Амфортас.

— Ну вот, уже целую фразу выдал, надо же. Экий прогресс. Я, разумеется, имею в виду форму, а не содержание,— пояснил двойник.

— Ты — галлюцинация.

— А стол? А лампа?

— У меня случился провал памяти. Я их сам поднял, а потом забыл об этом.

Двойник выпустил очередное облачко дыма.

— Земная душа,— укоризненно пробормотал он и покачал головой.— Может быть, ты убедишься, если я потрогаю тебя? Если ты сам ощутишь мое присутствие?

— Может быть,— согласился Амфортас.

— Увы, это невозможно,— огорчился двойник.— Даже думать забудь.

— Это из-за того, что у меня галлюцинации.

— Еще одно такое словечко, и меня вырвет наизнанку. Послушай, как ты думаешь, кто сейчас перед тобой?

— Я сам.

— Да, частично ты прав. Поздравляю. Я твоя вторая душа,— признался двойник.— Ну, крикни же теперь: «Рад познакомиться» — или хоть что-нибудь в этом роде. Однако и манеры же у тебя! Да, я тут вспомнил один забавный случай по этому поводу. Насчет знакомств. Очень милая история.— Он загадочно улыбнулся.— Мне рассказал ее двойник Ноэля Кауарда, да и сам Кауард признает, что она действительно имела место в жизни. В общем, в одном королевстве давали бал, и Кауард оказался в числе приглашенных. Он стоял рядом с королевой, а по другую руку от него стоял Никол Уильямсон. И тут появляется некий чудак, Чак Коннорс. Американский актер. Знаешь его? Разумеется, разумеется. Ну, короче, протягивает он Ноэлю руку и смущенно бормочет: «Мистер Кауард, я Чак Коннорс!» А Ноэль не растерялся и так, по-отечески, успокаивает его: «Конечно, мальчик мой, я в этом не сомневался». Ну как? По-моему — прелестно! — Двойник откинулся на спинку дивана.— Какой умница этот Кауард. Жалко, что он перебрался за границу. Ему, конечно, хорошо. А нам-то плохо.— Двойник многозначительно посмотрел на Амфортаса.— Хороший собеседник — большая редкость. Понимаешь, куда я клоню, или нет? — Он стряхнул сигаретный пепел прямо на пол и добавил: — Ну, не волнуйся. Не загорится.

Амфортас испытывал сейчас странное чувство: нечто среднее между смятением и непонятным возбуждением. Ведь именно двойник обладал той настоящей, жизненной силой, которая полностью отсутствовала у него самого.

— Почему ты не хочешь доказать, что не являешься галлюцинацией? — попытался он вывести двойника на чистую воду.

Тот удивился:

— Доказать?

— Да.

— Как?

— Сообщи мне что-нибудь такое, чего я не знаю.

— Я не смогу остаться здесь навсегда.

— Да нет, что-нибудь такое, что я потом смог бы проверить.

— Ты слышал когда-нибудь эту забавную байку про Ноэля Кауарда?

— Я мог сам сочинить ее. Это ведь не факт.

— Да, тебе трудно угодить,— разочарованно протянул двойник.— И ты думаешь, у тебя достанет ума состряпать такую историю?

— Подсознательно — да,— кивнул Амфортас.

— И снова ты близок к истине,— подтвердил двойник.— Твое подсознание и есть твоя вторая душа. Но не в том смысле, как ты привык его понимать.

— Пожалуйста, объясни.

— Превентивно.

— Что?

— Это как раз то, чего ты не знаешь. Мне только что пришло в голову. «Превентивно». Это словечко я позаимствовал у Ноэля. Ну как? Теперь ты доволен?

— Нет, я не употребляю это слово, но его латинский корень мне известен.

— Слушай, от тебя можно сойти с ума. Ты просто невыносим,— удрученно заметил двойник.— Я сдаюсь. Ладно. У тебя галлюцинации. И теперь ты, разумеется, начнешь уверять меня, будто не убивал тех несчастных. Что ты ничегошеньки не знаешь.

У невропатолога вдруг похолодело внутри.

— Кого убивал? — едва ворочая языком, выдавил он из себя.

— Сам знаешь. Мальчонку и двух священников.

— Нет.— Амфортас покачал головой.

— Ну, не упрямься. Я знаю, что сознание твое, конечно же, не участвовало в этом. Ну и что же? — Он пожал плечами.— Ты знал. Ты все равно знал.

— Я не имею никакого отношения к этим убийствам.

Двойник рассвирепел и выпрямился на диване:

— Вот-вот, еще не хватает свалить теперь все на меня. Ну, у меня-то, к счастью, нет тела, так что я автоматически выпадаю из игры. И кроме того, мы никак не пересекаемся. Понимаешь? Ты да твоя злоба — вот виновники убийств. Да и Анну ты потерял, потому что гневался на Бога. Придется взглянуть правде в глаза. Вот почему ты и решил умереть. Кстати, это очень даже глупая затея. Чистейшей воды трусость. Кроме того, подобная выходка преждевременна.

Амфортас посмотрел на фарфоровую фигурку. Крепко сжав ее в руках, он встряхнул головой.

— Я хочу быть с Анной,— произнес он.

— Но ее там нет.

Амфортас уставился на двойника.

— Я вижу, мне удалось наконец завладеть твоим вниманием,— обрадовался тот.— Так ты отправляешься в мир иной, чтобы встретиться с Анной? Я не собираюсь сейчас спорить с тобой. Ты слишком упрям. Это бессмысленно: Анна уже перешла в другое измерение. А теперь, когда руки твои обагрены кровью, я сомневаюсь, что тебе вообще удастся ее догнать. Мне ужасно неприятно сообщать все это, но ведь я здесь не для того, чтобы потворствовать твоим заблуждениям. Не могу себе это позволить. У меня и без того хлопот хватает.

— Где Анна?

У невропатолога заколотилось сердце, боль снова начала подступать со всех сторон.

— Анну сейчас лечат,— сообщил двойник.— Как, впрочем, и всех остальных.— Он хитро прищурился: — Кстати, а ты знаешь, откуда я только что прибыл?

Амфортас скользнул безучастным взглядом по магнитофону, валявшемуся в углу комнаты, а потом вновь остановился на двойнике.

— Удивительно. Ты начинаешь поразительно быстро соображать Да, ты и раньше слышал мой голос в магнитной записи. Я как раз оттуда. Ты, наверное, хочешь об этом узнать поподробнее?

Амфортас кивнул как загипнотизированный.

— Боюсь, что не смогу тебе рассказать,— объявил двойник.— Извини. Там свои правила и порядки. Назовем это просто перевалочным пунктом. Что же касается Анны, то, как я уже упоминал, она миновала этот рубеж. Сие сообщить я имею право. Ты должен узнать о ней все, равно как и о Темпле.

У невропатолога перехватило дыхание. В висках чудовищно застучало, боль становилась невыносимой.

Двойник лишь пожал плечами и отвернулся.

— Хочешь услышать неплохое определение ревности? Так вот, это чувство возникает тогда, когда кто-то, кого ты ненавидишь, чудненько проводит время без тебя. В этом есть доля истины. Подумай.

— Ты не настоящий,— задохнувшись, с трудом выдавил из себя Амфортас.

Перед глазами все поплыло. Тело двойника волнами растекалось по дивану.

— Боже мой, у меня кончились сигареты,— посетовал двойник.

— Ты не настоящий.

Свет начал меркнуть.

Двойник превратился в сплошной звук — в голос, пронизывающий трепещущую реальность.

— Правда? Ты уверен? Да простит меня Господь, но я нарушу еще одно правило. Это точно. Моему терпению приходит конец. Сегодня вышла на работу новая медсестра. Ее зовут Сесилия Вудс. Скорее всего, ты не знаешь это-

го. Сейчас она на дежурстве. Иди, позвони в отделение и выясни, прав я или нет. Ты же сам хотел, чтобы я сказал тебе нечто, чего ты не знаешь. Вот, пожалуйста. Теперь действуй. Позвони в отделение невропатологии и попроси к телефону сестру Вудс.

— Ты не настоящий.

— Позвони ей немедленно.

— *Ты не настоящий!!!* — во весь голос завопил Амфортас.

С ног до головы охваченный дрожью, он вскочил, сжимая в руке фарфоровую уточку. Боль разрывала его на части, выжимая стоны.

— Боже! О Боже мой!

Амфортас заковылял к дивану, спотыкаясь и ничего не разбирая перед собой. Он оступился и рухнул на пол. Падая, Амфортас ударился головой о край журнального столика. Кровь проступила на голове, и тело глухо стукнулось о пол. Раздался звон, напоминающий вопль отчаяния. Это на мелкие осколки разлетелась бело-зеленая фигурка. Спустя несколько секунд кровь залила разбитую статуэтку и пальцы, все еще сжимающие кусочек подставки, на которой виднелись слова «от меня без ума». Но скоро они исчезли под струйками крови. Амфортас прошептал:

— Анна...

СУББОТА, 19 МАРТА

Глава пятнадцатая

Тело Китинг обнаружили в палате номер четыреста, когда на дежурство в шесть утра заступила другая медсестра. Там же был найден без сознания и пациент психиатрического отделения Перкинс. Палата располагалась за углом и не попадала в поле зрения полицейского, охранявшего на дежурном посту возле лестницы и лифтов покой больных. На руках Перкинса остались пятна крови.

— Вы будете мне отвечать? — допрашивал старика Киндерман.

Тот сидел на стуле и пустыми глазами смотрел на следователя.

— Мне нравится обед,— повторял он.

— Кроме этого, он ничего не говорит,— объяснила Киндерману медсестра Лоренцо. Она дежурила в палатах для тихих больных.

Медсестра из отделения невропатологии, которая нашла труп, стояла сейчас у окна и никак не могла оправиться после перенесенного стресса. Она только-только поступила на работу. Это был ее второй день в больнице.

— Мне нравится обед,— с отсутствующим видом вновь произнес старик, а потом причмокнул губами.

Киндерман повернулся к медсестре отделения невропатологии. По выражению ее лица он пытался определить, пришла ли она уже в себя. Взгляд Киндермана скользнул по табличке на ее халате.

— Спасибо вам, мисс Вудс,— поблагодарил он.— Вы можете идти.

Девушка поспешно вышла и закрыла за собой дверь.

Киндерман повернулся к мисс Лоренцо.

— Вы не могли бы проводить этого старика в туалет?

Сестра Лоренцо на секунду замешкалась, а потом помогла старику подняться и довела его до двери туалета. Следователь не отставал от них и первым вошел внутрь. Медсестра и больной остановились у входа. Киндерман указал на зеркало над раковиной, где виднелась кровавая надпись.

— Это вы писали? — резко спросил следователь. Рукой он повернул голову старика так, чтобы тому были видны красно-коричневые буквы.— Кто-нибудь заставлял вас написать это?

— Мне нравится обед,— как заведенный бормотал старик.

Киндерман устало посмотрел на него, а потом, обратившись к сестре, отрешенно произнес:

— Уведите его в палату.

Сестра Лоренцо кивнула и вывела слабоумного старика в коридор. Как только их шаги затихли, Киндерман снова взглянул на зеркало и, нервно облизнув пересохшие губы, перечитал страшную надпись:

«НАЗЫВАЙ МЕНЯ ЛЕГИОН.
ИБО НАС МНОЖЕСТВО».

Следователь торопливо покинул туалет и направился к Аткинсу, поджидавшему его у дежурного поста.

— Пойдем-ка со мной, Немо,— на ходу бросил лейтенант, не замедляя шага.

Аткинс безропотно последовал за ним, и через некоторое время они уже стояли перед палатой номер двенадцать. Киндерман заглянул в окошечко. Мужчина в палате не спал. Он сидел на кровати в смирительной рубашке и, как будто зная, что Киндерман находится за дверью, ехидно ухмылялся и шевелилил губами, словно что-то пытался сказать следователю.

Киндерман повернулся и обратился к полицейскому, дежурившему у двери:

— Сколько времени вы здесь стоите?

— С полуночи,— ответил тот.

— Кто-нибудь заходил в эту палату?

— Медсестра. Несколько раз.

— А доктор?

— Нет, только медсестра.

Киндерман задумался, а потом повернулся к Аткинсу:

— Скажи Райану, что мне нужны отпечатки пальцев всех сотрудников больницы. Начни с Темпла, потом проверь весь персонал невропатологического и психиатрического отделений. А там видно будет. Мобилизуй на это дело еще пару человек, чтобы побыстрее провернуть его. Сравни отпечатки с теми, которые обнаружены на местах пре-

ступлений. Чем больше людей тебе удастся задействовать, тем лучше, ибо результаты нужны как можно раньше. Действуй, Аткинс. Поспеши. И передай медсестре, чтобы она пришла сюда с ключами.

Киндерман смотрел вслед быстро удаляющемуся помощнику. Когда тот скрылся за углом, лейтенант все еще прислушивался к его шагам, словно с этим звуком от следователя отдалялся весь реальный мир. Вот шаги затихли, и снова мрак просочился в душу Киндермана. Он посмотрел вверх, на лампочки. Три из них не горели — их еще не успели поменять,— и коридор был погружен в полутьму. Снова шаги. Это приближалась медсестра. Следователь ждал. Когда девушка подошла, он указал на дверь палаты номер двенадцать. Медсестра внимательно оглядела лейтенанта и отперла дверь. Следователь зашел внутрь. Нос у Подсолнуха был тщательно забинтован. Пациент, не мигая, следил за каждым движением Киндермана. Следователь прошел в дальний угол и устроился на стуле. Тишина начала обволакивать его. Подсолнух сидел не шелохнувшись. Настоящий манекен с широко раскрытыми глазами, да и только. Киндерман перевел взгляд на одиноко свисающую лампочку. Она вдруг начала мерцать, а потом так же внезапно перестала. И тут следователь услышал злорадный смешок.

— Да будет свет,— раздался голос Подсолнуха.

Киндерман повернулся к нему, но глаза больного были по-прежнему пусты.

— Вы получили мое послание, лейтенант? — спросил он.— Я передал его через Китинг. Прелестная девушка. Отзывчивое сердце. Да, кстати, я восхищаюсь вами. Вы правильно сделали, что позвали моего отца. Хотя тут надо еще кое-что уточнить. Вы не могли бы сделать мне маленькое одолжение? Звякните журналистам — пусть они снимут папашу вместе с Китинг, хорошо? Ведь, собственно, ради этого я и убиваю — чтобы обесчестить его. Вы же прекрасно понимаете это. Так помогите мне. И смерть восторже-

ствует. Ну хотя бы на один денек. Тогда я вас не трону. Вы останетесь мною довольны. Кстати, я могу замолвить за вас словечко. Вас тут не больно-то жалуют. Только не спрашивайте почему. Они мне все уши прожужжали, что ваша фамилия начинается с буквы «К», но я не обращаю на них внимания. Правда, это очень благородно с моей стороны? И смело. Когда они выходят из себя, то бывают иногда так капризны и привередливы.— Казалось, Подсолнух вспомнил вдруг о чем-то неприятном, потому что внезапно передернулся.— Ну, не важно. Давайте больше не будем о них говорить. Итак, я вам задал любопытную задачку, лейтенант? Конечно, если учитывать вашу уверенность в том, что я Близнец.— Лицо его исказила гримаса ненависти, голос угрожающе загремел: — Убедился ты наконец или нет?!

— Нет,— ответил Киндерман.

— И очень глупо,— злобно прорычал Подсолнух.— Похоже, ты явно напрашиваешься на танец.

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать,— откликнулся Киндерман.

— Я тоже,— равнодушно заметил Подсолнух. Лицо его разгладилось и являло собой в этот момент непроницаемую маску.— Я же сумасшедший.

Киндерман молчал, прислушиваясь к мерному стуку падающих в раковину капель. Наконец он заговорил:

— Если вы и есть тот самый Близнец, то как же вам удается выбираться отсюда?

— Вы любите оперу? — спросил вдруг Подсолнух и сочным бархатным голосом затянул известнейшую арию. Потом неожиданно замолчал и взглянул на Киндермана.— А я больше уважаю пьесы. Моя любимая — «Тит Андроник». Такая милая.— Он тихо засмеялся.— Как поживает ваш друг Амфортас? Недавно его посещал прелюбопытнейший гость, насколько я понимаю.— Подсолнух закрякал как утка, потом снова замолчал. И отвернулся к стене.— Над этим тоже надо еще покорпеть,— недовольно пробормотал он глухим, низким басом, а потом как ни в

чем не бывало обратился к Киндерману: — Так вам интересно, как я отсюда выбираюсь?

— Да, расскажите мне.

— С помощью друзей. Закадычных друзей.

— Каких друзей?

— Да ну, это ужасно утомительно. Давайте побеседуем о чем-нибудь другом.

Киндерман ждал ответа.

— Зря вы меня тогда ударили,— ровным голосом произнес Подсолнух.— Я ведь псих и не могу отвечать за свои слова.

Киндерман снова прислушался к падающим каплям.

— А мисс Китинг на ужин съела тунца,— сообщил Подсолнух.— Я чувствовал его запах. Дерьмовая больничная кормежка! До чего же она гнусная!

— Как вам удается выбираться отсюда? — настаивал Киндерман.

Подсолнух запрокинул голову и расхохотался, а потом горящим взглядом впился в Киндермана.

— Вариантов хоть отбавляй. Я все тщательно планирую. И оцениваю. Ты думаешь, так все и есть на самом деле? А вдруг я действительно твой приятель Дэмьен Каррас? Может быть, меня только объявили мертвым, а на самом деле я и не собирался на тот свет. Я оклемался в один миг — надо заметить, весьма необычно, ну а потом начал шляться по улицам, окончательно сбрендив. Да я до сих пор, может быть, не знаю, кто я такой на самом деле. И не надо напоминать, что помимо всего прочего я безнадежно болен — свихнулся, так сказать. Мне частенько снится один и тот же сон: будто я лечу вниз с длиннющей лестницы. А это случалось на самом деле? Если да, то я, скорее всего, действительно здорово повредил черепушку. Было это на самом деле, лейтенант?

Киндерман не ответил.

— А еще мне снится, что фамилия моя — Веннамун,— продолжал Подсолнух.— Эти сны мне нравятся куда боль-

ше. Там я убиваю людей. Так трудно отличать грезы от реальности. Я же безумен. И вы, кстати, мудро поступаете, не доверяя мне. Но тем не менее вы всего лишь расследуете убийства. Произошло уже несколько преступлений. Это ясно. Вы знаете, что я думаю по этому поводу? Все это — дело рук Темпла. Ведь он так успешно гипнотизирует пациентов, что может внушить им любые действия. Ну а я, очевидно, просто способный телепат или ясновидящий и поэтому на лету схватываю всю информацию о проделках Близнеца. Неплохая мысль, а? Да, я вижу, вам она тоже приходила в голову. Хорошо. Ну, пока хватит с вас и этого. А вот вам еще пища для размышлений.— Глаза Подсолнуха заблестели, и весь он подался вперед.— А что, если у Близнеца есть соучастник?

— Кто убил отца Бермингэма?

— Это кто такой? — невинным тоном спросил Подсолнух. Брови его удивленно поползли вверх.

— Разве вы не знаете?

— Я не могу находиться одновременно в нескольких местах.

— Кто убил медсестру Китинг?

— «Гасите свет, гасите свет»,— повторяла она.

— Кто убил медсестру Китинг?

— Ну какой же вы завистливый! — Подсолнух резко вскинул голову и затрубил как олень, а потом торжествующе посмотрел на Киндермана.— Вот теперь, по-моему, почти то, что надо,— подытожил он.— Уже близко. Сообщите прессе, лейтенант, что я Близнец. Это мое последнее предупреждение.

Он злобно уставился на Киндермана. Наступила тишина.

— Отец Дайер был недалеким человеком,— нарушил наконец молчание Подсолнух.— Очень глуп был, очень. Кстати, как ваша рука? Опухоль еще не опала?

— Кто убил медсестру Китинг?

— Хулиганы. Неустановленные личности. Грязная работенка.

— Если это сделали вы, где ее внутренние органы? — не унимался Киндерман.— Вы должны это знать. Что с ними? Расскажите мне.

— Мне нравится обед,— равнодушно произнес Подсолнух.

Киндерман заглянул в эти пустые глаза, и тут сердце его замерло. «Закадычные друзья»...

— Отец должен узнать об этом,— выговорил наконец Подсолнух. Он отвернулся и уставился в пустоту.— Я устал,— тихо добавил больной.— Похоже, я так и не закончу свое дело. Я устал.— Теперь он казался беспомощным и одиноким. Глаза его затуманились, голова склонилась на грудь.— Томми не понимает,— пробормотал Подсолнух.— Я сказал ему, чтобы дальше он делал все сам, а он не слушает. Он боится. Томми... сердится на меня.

Киндерман встал и, подойдя ближе, нагнулся к Подсолнуху, чтобы разобрать его шепот.

— Маленький... Джек Корнер. Детская... игра.

Лейтенант еще немного подождал, но больше ничего не услышал. Подсолнух потерял сознание.

Киндерман поспешил из палаты. Его мучило дурное предчувствие. На обратном пути он позвонил медсестре и, как только она появилась, сразу же направился в отделение невропатологии за Аткинсом. Сержант стоял у дежурного столика и разговаривал по телефону. Заметив следователя, он занервничал и принялся тараторить в трубку.

В отделении появился новый пациент — шестилетний мальчик. Санитар только что подкатил инвалидное кресло с мальчуганом к дежурному столику.

— Вот вам симпатичный молодой человек,— представил он мальчика медсестре.

Та улыбнулась и ласково произнесла:

— Привет.

Киндерман внимательно смотрел на Аткинса.

— Как фамилия? — осведомилась медсестра.

— Корнер. Винсент П.,— сообщил санитар.

— Винсент Пол,— поправил мальчик.

— Я не расслышала. Корнер или Хорнер? Какая первая буква? — заколебалась медсестра.

Санитар передал ей документы. Первой буквой оказалась «К».

— Аткинс, побыстрее,— поторопил сержанта Киндерман.

Через несколько секунд тот закончил разговор и повесил трубку. Мальчика повезли в палату.

— Поставь человека у входа в отделение психиатрии,— приказал Киндерман.— Я хочу, чтобы там круглосуточно дежурил полицейский. Ни один больной не должен выходить оттуда, что бы ни случилось. Ты понял? Что бы ни случилось!

Аткинс потянулся за трубкой, но Киндерман схватил его за руку.

— Потом позвонишь, а сейчас поставь кого угодно,— скомандовал он.

Аткинс окликнул полицейского, дежурившего у лифтов.

Когда тот подошел, Киндерман коротко бросил:

— Пойдемте со мной

А потом обратился к сержанту:

— Аткинс, я тебя покидаю. Всего хорошего.

Киндерман с полицейским быстрыми шагами направились в психиатрическое отделение.

Остановившись у входа, Киндерман отдал распоряжение:

— Ни один пациент не должен выходить отсюда. Пропускать только сотрудников. Понятно?

— Так точно, сэр.

— И пока не получите дальнейших инструкций, ни под каким видом не покидайте свой пост. Даже в туалет не отлучайтесь.

— Слушаюсь, сэр.

Киндерман оставил полицейского на посту, а сам пошел в отделение, в зал для отдыха. Там он остановился возле дежурного столика и принялся внимательно рассматривать лица больных. Чувство тревоги не оставляло его. Тем не менее обстановка здесь была спокойной. В чем же дело? Внезапно он понял, отчего сегодня здесь гробовая тишина. Растерянно заморгав, Киндерман приблизился к группе больных, устроившихся у телевизора. Те внимательно всматривались в пустой экран. Телевизор был выключен.

Киндерман еще раз огляделся по сторонам и только сейчас заметил, что в холле нет ни санитаров, ни медсестры. Он прищурился, внимательно осматривая застекленный кабинет. Но и там никого не оказалось. Пациенты вели себя на редкость спокойно. У Киндермана тревожно заколотилось сердце. Он обошел дежурный стол и открыл дверь в кабинет. Дыхание у него перехватило. Перед ним, распростертые на полу, лежали медсестра и санитар. Из ран на головах сочилась кровь. Медсестра была совершенно голая. Одежды поблизости не оказалось.

«Детская игра! Винсент Корнер!»

Слова эти стремительно пронеслись в голове следователя и заставили его похолодеть. Киндерман повернулся и выскочил из кабинета, но тут же, как пригвожденный, застыл на месте. Больные плотной стеной надвигались на него, и единственным звуком в этой жуткой тишине было зловещее шарканье их шлепанцев. Отовсюду доносились страшные голоса:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Рады видеть вас, дорогой.

Эти монотонные голоса сливались воедино, и тогда Киндерман громко и отчаянно крикнул, призывая на помощь.

Мальчику сделали укол, и он заснул. Жалюзи в палате опустили, и на стеклах замелькали блики, срывающиеся с телевизионного экрана, на котором резвились мультипли-

кационные герои. Звук был выключен. Дверь бесшумно отворилась, и в палату вошла медсестра в белом халате. В руках она несла большой пакет. Девушка тихонько закрыла дверь, поставила пакет на пол и вынула из него какой-то предмет. Она внимательно посмотрела на мальчика, а потом на цыпочках подошла к нему. Мальчик заворочался во сне. Он повернулся на спину и приоткрыл глаза. Медсестра склонилась над ним и медленно подняла руки.

— Посмотри-ка, что у меня для тебя есть,— нараспев произнесла она.

В это мгновение в палату ворвался Киндерман. Резко выкрикнув: «Нет!», он стремительно набросился на медсестру и что есть силы сдавил пальцами ее шею. Девушка начала кашлять и судорожно махать руками. Мальчонка вскочил и заплакал от страха.

Вслед за лейтенантом в палату вбежали Аткинс и дежурный полицейский.

— Вот она! — прохрипел Киндерман.— Свет! Дайте свет! Скорее!

— Мама! Мамочка!

Зажегся свет.

— Вы меня задушите! — задыхаясь, прохрипела медсестра.

Из ее рук выпал плюшевый медвежонок.

Увидев игрушку, Киндерман застыл на месте и медленно опустил руки.

Медсестра вывернулась и начала растирать шею.

— Бог ты мой! — воскликнула она.— Что, черт возьми, на вас нашло? Вы что, с ума сошли?

— Я хочу к маме! — хныкал мальчик.

Медсестра нежно обняла его и прижала к себе.

— Вы мне чуть шею не сломали! — набросилась она на Киндермана.

Следователь с трудом перевел дыхание.

— Простите,— хрипло вымолвил он,— простите меня, пожалуйста.— Он вытащил платок и приложил к щеке, где красовалась свежая царапина.— Приношу свои извинения.

Аткинс подошел к пакету и заглянул в него.

— Игрушки,— коротко доложил он.

— Какие игрушки? — заинтересовался мальчуган. Он сразу же успокоился и забыл про медсестру.

— Обыщи всю больницу! — приказал помощнику Киндерман.— Она кого-то выслеживает! Найди ее!

— Какие игрушки? — повторил мальчик.

Еще несколько полицейских вбежали в палату, но Аткинс остановил их и наскоро проинструктировал. Дежурный полицейский вышел вместе с ними. Медсестра подняла пакет с игрушками.

— Я вам не верю,— заявила она Киндерману и одним движением вытряхнула содержимое пакета на кровать.— Вы и дома так же себя ведете? — строго спросила она.

— Дома? — Киндерман лихорадочно соображал, и вдруг на глаза ему попалась табличка, приколотая к халату медсестры: «Джулия Фантоцци».

— «...Ты любишь танцевать?»

— Джулия! Боже мой!

И он опрометью бросился вон из палаты.

Мэри Киндерман и ее мать готовили обед. Джулия пристроилась здесь же, за столом, и читала роман. Зазвонил телефон. Джулия, хотя и находилась дальше всех, подошла к телефону и сняла трубку.

— Алло?.. А, пап, привет... Конечно. А вот и мама.— Она протянула трубку матери. Мэри взяла ее, а Джулия вернулась к столу и снова погрузилась в чтение.

— Привет, дорогой. Ты обедать придешь? — Мэри молчала несколько секунд.— Правда? — спросила она.— А почему так? — Опять молчание. Наконец она произнесла: — Конечно, любимый, как скажешь. Ну так как, обедать придешь? — Она вновь выслушала что-то.— Хорошо, дорогой. Обед будет горячий. Только поторопись. Мы без тебя скучаем.— Мэри положила трубку и опять принялась хлопотать по хозяйству. Она выпекала сейчас хлеб по новому рецепту.

— Что там? — полюбопытствовала ее мать.

— Да так,— отозвалась Мари.— Медсестра заглянет к нам и передаст какой-то пакет.

Снова зазвонил телефон.

— Ну вот, теперь он передумал,— недовольно проворчала мать Мэри.

Джулия вскочила из-за стола, но мать остановила ее.

— Не снимай трубку,— предупредила она.— Отец просил пока что не занимать телефон. Если это он сам, то даст сначала предупредительный сигнал — два звонка.

Киндерман стоял у дежурного поста отделения невропатологии, судорожно вцепившись в трубку. С каждым гудком тревога его возрастала. «Ответьте! Ну хоть кто-нибудь, ответьте!» — как завороженный, повторял он про себя. Выждав еще минуту, следователь швырнул трубку на рычаг и бросился к лестнице. Он больше не мог терять ни секунды и ринулся вниз по ступенькам, не дожидаясь лифта.

Задыхаясь, Киндерман добрался наконец до вестибюля и, ничего не видя перед собой, рванулся на улицу. Заметив первую же полицейскую машину, он сел в нее и с треском захлопнул дверцу. За рулем сидел полицейский в каске.

— Фоксхолл-роуд, двести семь-восемнадцать, и побыстрее! — выдохнул Киндерман.— Включите сирену! Жмите на полную! И быстрее! Как можно быстрее!

Взвизгнули шины, и автомобиль сорвался с места, вспоров тишину оглушительным воем сирены. Они промчались по Резервуар-роуд к Фоксхолл-роуд — туда, где находился дом Киндермана. Следователь закрыл глаза и не переставая молился всю дорогу.

Машина резко затормозила у подъезда.

— Обойдите дом и встаньте у черного хода,— приказал лейтенант полицейскому, который тут же выскочил из машины и бросился за дом, на ходу выдергивая из кобуры

короткоствольный револьвер. Киндерман с трудом выбрался из машины и, достав ключи и пистолет, двинулся к парадной двери. Дрожащей рукой он хотел было вставить ключ в скважину, но тут дверь внезапно распахнулась.

Джулия в недоумении уставилась на пистолет, а затем, обернувшись назад, крикнула:

— Мам, это папа пришел!

Через секунду в дверях показалась Мэри. Она бросила недовольный взгляд на пистолет, а потом и на мужа.

— Карп уже видит седьмой сон. Что это ты еще задумал, ради всего святого?

Киндерман опустил пистолет и, шагнув вперед, обнял Джулию.

— Слава Богу! — прошептал он.

Подошла мать Мэри.

— У черного хода торчит какой-то штурмовик,— пожаловалась она.— Ну вот, начинается. Что ему сказать?

— Билл, я требую объяснений,— настаивала Мэри.

Следователь чмокнул дочь в щеку и спрятал пистолет в карман.

— Я просто сошел с ума. Вот вам и все объяснения.

— Ну, тогда мы все меняем фамилию на Фебрэ,— недовольно пробурчала мать Мэри и вернулась в дом.

Зазвонил телефон, и Джулия побежала в гостиную снимать трубку.

Киндерман двинулся к черному ходу, как бы между прочим обронив:

— Я сам разберусь с полицейским.

— Что значит «разберусь»? — удивилась Мэри, семеня на кухню вслед за Киндерманом.— Билл, что происходит? Может быть, ты все-таки объяснишь мне?

Киндерман остановился, не дойдя до двери. В коридоре возле кухни он увидел большой сверток, прислоненный к стене.

Следователь бросился к нему, и тут из кухни раздался незнакомый женский голос:

— Здравствуйте.

Киндерман машинально выхватил пистолет и, ворвавшись в кухню, направил его на сидевшую за столом пожилую женщину, облаченную в халат медицинской сестры. Женщина уставилась на следователя пустыми глазами.

— Билл! — взвизгнула Мэри.

— Милый мой, я так устала,— произнесла женщина.

Мэри изо всех сил вцепилась в руку мужа и опустила ее вниз.

— В своем доме я ничего не хочу знать ни о каком оружии, понятно?

В этот миг на кухню с черного хода вбежал полицейский, держа наготове свой револьвер.

— Опустите пистолет! — закричала Мэри.

— Опустите его! — донесся из гостиной сердитый голос Джулии.— Я же разговариваю по телефону.

— Неевреи! — пробормотала мать Мэри, продолжая размешивать на плите соус.

Полицейский ждал дальнейших указаний и то и дело бросал на лейтенанта многозначительные взгляды.

Следователь не сводил глаз с женщины. Та же виновато и смущенно разглядывала всех присутствующих.

— Опустите, Фрэнк,— приказал наконец Киндерман.— Все в порядке. Возвращайтесь назад в больницу.

— Слушаюсь, сэр.

Полицейский спрятал пистолет в кобуру и удалился.

— Так сколько же нас будет за столом? — подала голос мать Мэри.— Мне необходимо знать это.

— Как все это понимать? — строго спросила Мэри, указывая на старушку.— Что это за сестричку ты мне прислал? Я открываю дверь, а она тут же теряет сознание. Вернее, сначала она запрокидывает голову, бормочет всякую ерунду, а потом валится без чувств. Боже мой, да в таком возрасте противопоказано работать медсестрой! Она ведь...

Киндерман жестом остановил ее и подошел к старушке.

Та окинула его невинным взглядом, а потом спросила:

— Уже пора спать?

Следователь тяжело опустился на стул, снял шляпу и, положив ее рядом, повернулся к пожилой женщине.

— Да, скоро пора спать,— тихо подтвердил он.

— Я так устала.

Киндерман еще раз взглянул в эти добрые милые глаза. Мэри в смятении застыла рядом.

— Говоришь, она успела тебе что-то сказать? — переспросил Киндерман.

— Что? — нахмурилась Мэри.

— Ты сказала, будто она что-то бормотала. А что конкретно?

— Не помню. Но объясни же наконец, в чем дело.

— Пожалуйста, постарайся вспомнить, что она говорила.

— «Конец»,— проворчала мать Мэри, не отходя от плиты.

— Да-да, именно,— подхватила Мэри.— Теперь я вспомнила. Она закричала: «Ему конец», а потом упала.

— «Ему конец» или просто «конец»? — не отступал Киндерман.— Припомни поточнее.

— «Ему конец»,— уверенно заявила Мэри.— Боже мой, у нее был такой странный голос... Как у оборотня. Что случилось с этой женщиной? Кто она такая?

Но Киндерман уже не слушал ее.

— «Ему конец»,— тихо повторил он.

В кухню заглянула Джулия.

— Что у вас тут происходит? — поинтересовалась она.— В чем дело?

Снова зазвонил телефон, и Мэри тут же схватила трубку.

— Алло?

— Меня? — спросила Джулия.

Мэри протянула трубку Киндерману.

— Это тебя,— объявила она.— Я думаю, надо налить бедняжке тарелку супа.

Следователь взял трубку и громко произнес:

— Киндерман слушает.

Звонил Аткинс.

— Лейтенант, он требует вас,— сообщил сержант.

— Кто?

— Подсолнух. Орет как резаный. И без конца повторяет только ваше имя.

— Хорошо, сейчас приеду,— коротко бросил Киндерман и повесил трубку.

— Билл, а это что такое? — услышал он за спиной голос Мэри.— Я нашла эту штуковину у нее в пакете. Именно это ты и хотел мне передать?

Киндерман обернулся, и сердце его чуть не выпрыгнуло из груди: Мэри держала в руках огромные хирургические ножницы.

— Разве нам это нужно? — удивилась Мэри.

— Конечно нет.

Киндерман вызвал полицейскую машину и вместе со старушкой отправился в больницу, где несчастную сразу же опознали. Она оказалась пациенткой психиатрического отделения, и ее тут же перевели в палату для буйных, чтобы понаблюдать и обследовать.

Киндерману доложили, что медсестра и санитар не получили серьезных повреждений и смогут выйти на работу уже на следующей неделе.

Удовлетворенный таким ходом событий, Киндерман направился в отделение для буйных, где в коридоре его уже поджидал Аткинс. Скрестив руки и прислонившись к стене, сержант стоял у открытой двери в палату номер двенадцать. На Аткинсе лица не было. Подойдя к сержанту, Киндерман с тревогой оглядел молодого человека.

— Что с вами стряслось? — забеспокоился следователь.— Что-то случилось?

Аткинс покачал головой.

— Просто он утверждал, будто вы уже приехали,— безучастным тоном произнес помощник.

— Когда?

— Минуту назад.

Из палаты вышла медсестра Спенсер.

— Вы пойдете к нему? — спросила она следователя.

Киндерман кивнул и сразу же шагнул внутрь, плотно прикрыв за собой дверь. Опустившись на стул, он увидел, что Подсолнух не сводит с него пылающего взгляда. «Что же изменилось в нем?» — удивился следователь.

— Мне позарез надо было увидеть вас,— произнес Подсолнух.— Вы мне приносите удачу. Я вам многим обязан, лейтенант. И так как это уже произошло, я хочу, чтобы вся эта история закончилась.

— Что же произошло? — заинтересовался Киндерман.

— Джулия легко отделалась, вы не находите?

Киндерман молчал, прислушиваясь к знакомому стуку падающих капель.

Подсолнух закинул назад голову и рассмеялся, а потом снова уставился на Киндермана горящими глазами.

— А вы сами не догадались, лейтенант? Конечно догадались. В конце концов вы поняли, как действуют мои драгоценные заместители, мои чудесные, славные, дряхленькие рыдванчики. Между прочим, они рачительные хозяева. Самих-то их здесь, конечно, нет. Их личности разрушены, и поэтому я могу спокойненько забираться в их тела. Но, разумеется, только на определенное время. Ненадолго.

Киндерман молча смотрел на Подсолнуха и не шевелился.

— Ах, ну да. Насчет вот этого тела. Это ведь ваш дружок, лейтенант? — Подсолнух громко расхохотался и постепенно безумный смех перешел в ослиный крик. Киндермана охватил ужас, он почувствовал, как волосы у него на голове встают дыбом. Подсолнух внезапно замолчал и уставился на лейтенанта пустыми глазами.— Ну вот. Я оказался тогда абсолютно мертвым, и мне это ужасно не понравилось. А вам бы понравилось? Меня это чрезвычайно расстроило. Понимаете? Я как будто плыл по течению. Тела никакого, а ведь я не успел провернуть самое главное

дельце. Это нечестно. И вот на моем пути появился... Ну, назовем его «приятель». Вы понимаете. Один из *них*. Он считал, что я должен продолжить свою работу. Но только в этом вот теле. Именно в этом.

Следователь слушал его как загипнотизированный, а потом произнес:

— Но почему?

Подсолнух пожал плечами.

— Наверное, вы здорово его разозлили. Он решил отомстить. Вернее, пошутить. Ваш друг Каррас участвовал в изгнании дьявола, и ему удалось выдворить из тела ребенка, так сказать, кое-какие составные части. Так вот, другие... некоторым образом... части... были, мягко говоря, этим не очень довольны. Даже наоборот.— На секунду взгляд Подсолнуха остекленел, будто он вспомнил что-то страшное. Он передернулся, но быстро справился с собой.— И тогда он подумал, что благодаря своей выходке сможет вернуться назад. Надо было использовать это набожное героическое тело в качестве инструмента, чтобы...— Подсолнух неопределенно пожал плечами.— Ну, вы сами понимаете. Чтобы закончить мое дельце. Этот мой приятель прекрасно осознавал, что для меня оно очень важно. Он-то и привел меня к нашему общему знакомому, отцу Каррасу. Может быть, это оказалось не совсем кстати. Ведь голубчик Каррас в это время как раз загибался. Как вы говорите, «умирал». Так вот, в тот самый миг, когда он выскальзывал из своего тела, мой приятель и подсобил мне нырнуть в этот героический сосуд. Мы пронеслись мимо друг друга как два корабля в ночи, вот и все. Да, конечно, произошла маленькая неприятность, когда врач «скорой помощи» еще тогда, около лестницы, объявил Карраса мертвым. Разумеется, тот действительно умер. В известном смысле этого слова. А вы как думаете! Там ведь не мозги оставались, а сплошное желе. И кислорода не хватало. Просто несчастье какое-то. До чего же трудно быть мертвым. Впрочем, не важно. Я-то выжил.

Пришлось приложить максимум усилий, чтобы выбраться из гроба. Но зато я от души повеселился, наблюдая, какой эффект произвело мое появление из гроба на брата Фэйна. Это даже немного прибавило мне сил. Да, шуточки частенько помогают нам удержаться на плаву. Особенно когда все происходит неожиданно. И кроме того, пришлось уйти в подполье. Ни много ни мало — на двенадцать лет. Слишком серьезными оказались повреждения мозговых клеток. Многие вообще погибли. Но мозг обладает удивительной силой, лейтенант. Можете спросить об этом у своего дружка, доктора Амфортаса. Хотя... Теперь, видимо, мне самому придется поинтересоваться у него.

Подсолнух на какое-то время умолк, а потом язвительно заметил:

— Что-то галерка не аплодирует. Вы что, не верите мне, лейтенант?

— Нет.

Ехидная ухмылка сползла с лица Подсолнуха, и он посерьезнел. Киндерман вдруг увидел перед собой беспомощного, затравленного старика.

— Не верите? — Голос Подсолнуха дрожал.

— Нет.

Старик поднял на следователя умоляющий взгляд.

— Томми говорил, что не простит меня до тех пор, пока я не расскажу вам всю правду.

— Какую правду?

Подсолнух отвернулся и мрачно произнес:

— Они меня за это накажут.

И снова в глазах его замелькал неподдельный ужас.

— Какую правду? — повторил вопрос следователь.

Подсолнух задрожал. В глазах его застыла мольба.

— Я не Каррас,— хрипло прошептал он.— Томми хочет, чтобы вы знали это. *Я не Каррас!* Пожалуйста, поверьте мне. Томми говорит, что, если вы не поверите, он не уйдет. Он останется здесь. А я не могу оставить брата одного. Прошу вас, помогите мне. *Я не могу уйти без брата!*

Киндерман удивленно поднял брови и наклонил голову.

— Куда уйти?

— Я устал. Я хочу и впредь существовать. Необходимость оставаться здесь уже отпала. Я хочу идти дальше. Ваш друг Каррас не имеет никакого отношения к этим убийствам.

Подсолнух внезапно подался вперед.

Киндерман резко отпрянул. Никогда раньше не наблюдал он в этих глазах такого отчаяния и страха.

— Скажите Томми, что вы верите в это! — умолял старик.— *Скажите же!*

Киндерман затаил дыхание. Он ощущал, что сейчас должно произойти нечто очень важное. Но что? И откуда взялось это смутное предчувствие? Может быть, он поверил наконец словам Подсолнуха? Впрочем, сейчас это не важно, решил следователь. Только одно имело значение в этот момент.

— Я вам верю,— твердо и громко произнес он.

Подсолнух откинулся назад, сильно ударившись о стену, глаза его закатились, а из горла донесся все тот же странный, заикающийся голос:

— Я л-л-люблю т-тебя, Д-д-джимми!

Голова Подсолнуха бессильно упала на грудь, он закрыл глаза.

Киндерман вскочил со стула. Встревоженный, он бросился к Подсолнуху и склонился над ним. Но Подсолнух не издал больше ни звука. Лейтенант нажал кнопку вызова и торопливо вышел в коридор.

— Опять начинается,— на ходу бросил он Аткинсу.

Не теряя времени, Киндерман ринулся к дежурному телефону и позвонил домой. Трубку подняла жена.

— Дорогая, никуда не выходи из дома,— предупредил Киндерман.— И никого не впускай! Закрой двери, окна и никому не открывай, пока я не приеду!

Мэри пыталась было что-то возразить, но он перебил ее, повторил указания и, не дожидаясь ответа, повесил трубку. Потом вернулся к Аткинсу.

— Немедленно пошли людей к моему дому,— приказал Киндерман.

В этот момент из палаты вышла медсестра Спенсер и объявила:

— Он умер.

Киндерман уставился на нее непонимающим взглядом.

— Что?

— Он умер,— повторила медсестра.— У него только что остановилось сердце.

Киндерман заглянул в палату. Подсолнух навзничь лежал на кровати.

— Аткинс, подожди здесь,— пробормотал следователь.— Никуда пока не звони. Подожди немного.

Киндерман медленно вошел в палату. Он слышал, как вслед за ним поспешила и медсестра Спенсер. Девушка остановилась, а лейтенант подошел к самой кровати и посмотрел на Подсолнуха. Смирительную рубашку и ремни с ног уже сняли. Подсолнух был мертв, и смерть смягчила суровые черты его лица; теперь он казался спокойным и безмятежным, будто обрел наконец долгожданный покой. Киндерман вдруг вспомнил, что однажды уже наблюдал подобное выражение лица. Он попытался сообразить, когда же именно, а потом заговорил, не поворачивая головы:

— Он раньше просил о встрече со мной?

— Да,— кивнула медсестра Спенсер.

— И больше ничего?

— Я не совсем понимаю...— отозвалась медсестра и подошла к следователю.

Киндерман повернулся к ней.

— Он больше ничего не говорил?

Девушка сложила руки и неуверенно произнесла:

— Ну, не совсем...

— Что значит «не совсем»? Выражайтесь яснее.

В полумраке глаза ее казались совсем черными.

— Я слышала какой-то странный голос. В общем... такое иногда с ним случалось. Он начинал заикаться.

— Это были членораздельные звуки? Слова?

— Точно не знаю.— Медсестра пожала плечами.— Я не уверена. Это произошло как раз перед тем, как он начал требовать вас. Я подумала, что он еще не пришел в себя, и подошла, чтобы пощупать пульс. И вот тогда я услышала заикающийся голос. Он произнес что-то похожее на... Я точно не могу поручиться... Что-то вроде слова «отец».

— «Отец»?

Девушка снова пожала плечами.

— По крайней мере, мне так показалось.

— И он в это время находился без сознания?

— Да. А потом он вроде бы пришел в себя и... Ну да, конечно, теперь я вспомнила. Он прокричал: «Ему конец».

Заморгав, Киндерман близоруко прищурился.

— «Ему конец»?

— Да, а потом начал выкрикивать ваше имя.

Несколько секунд Киндерман молча смотрел на девушку, а затем повернулся к телу.

— «Ему конец»,— пробормотал он.

— И вот что удивительно,— спохватилась медсестра Спенсер.— В последние минуты мне показалось, что он обрел покой. Он неожиданно открыл глаза, и на меня взглянул как будто другой человек — такой счастливый... как ребенок.— В голосе девушки послышалась печаль.— И мне стало его по-настоящему жалко. Да, он страшный человек, не важно, болен он или нет, но в эти минуты в нем появилось нечто такое... Мне правда стало его жалко.

— Он часть ангела,— тихо произнес Киндерман, не в силах отвести от Подсолнуха взгляд.

— Простите, я не разобрала.

Киндерман слушал, как продолжают мерно падать капли, ударяясь о раковину.

— Вы можете идти, мисс Спенсер,— произнес следователь.— Спасибо.

Девушка вышла, и, когда ее шаги в коридоре стихли, лейтенант с нежностью дотронулся до лица Подсолнуха,

ненадолго задержал руку на его щеке, а потом резко повернулся и покинул палату.

Что-то изменилось вокруг. Но что?

— Что тебя так беспокоит, Аткинс? — спросил он.— Выкладывай.

Сержант не знал куда глаза девать.

— Как вам сказать...— неуверенно начал он и пожал плечами.— У меня есть для вас сообщение, лейтенант. Отец Близнеца... Короче, мы нашли его.

— Нашли?

Аткинс кивнул.

— И где же он? — осведомился Киндерман.

В этот момент,— или это только показалось Киндерману? — глаза Аткинса словно зажили своей собственной жизнью, растекаясь ярко-зелеными пятнами вокруг темных зрачков.

— Он мертв,— констатировал сержант.— Скончался от удара.

— Когда?

— Сегодня утром.

Киндерман молчал.

— Что за чертовщина творится здесь, лейтенант? — воскликнул Аткинс.

Только теперь Киндерман осознал, что же вокруг изменилось. Он посмотрел на потолок. Все лампочки ярко горели.

— Думаю, что кошмар закончился,— тихо пробормотав, кивнул лейтенант.— Да, я так думаю.— Он взглянул на Аткинса и уже более решительно добавил: — Все кончено.— Киндерман еще немного помолчал.— Я поверил ему.

А в следующее мгновение ужас и горечь потери, облегчение и новая боль опять заполнили его душу. Киндерман сморщился от этой боли. Прислонившись к стене, беспомощный и одинокий, он заплакал.

Аткинс никак не ожидал подобного. Он растерялся, не зная, что делать, а потом шагнул вперед и обнял следователя.

— Все в порядке, сэр,— снова и снова повторял он.

Но лейтенант никак не мог успокоиться. Аткинс уже отчаялся, когда рыдания наконец стихли. Сержант продолжал удерживать следователя в своих объятиях.

— Я просто устал,— прошептал Киндерман.— Прости меня. Все нормально. Абсолютно нормально. Я просто устал.

Аткинс проводил его домой.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 20 МАРТА

Глава шестнадцатая

«Какой же из этих миров настоящий? — размышлял Киндерман.— Тот, что находится за пределами человеческого понимания, или же наш, в котором мы живем? Эти миры пересекаются порой. Безмолвные солнца обоих миров иногда сталкиваются».

— Для вас это, наверное, явилось настоящим ударом,— пробормотал Райли.

Священник и следователь одиноко застыли у гроба на кладбище. В этом гробу покоилось тело того, кто мог быть Каррасом. Молитвы были прочитаны, и мужчины стояли теперь молча, погруженные в свои думы и печали.

Поднималось солнце, кругом царила тишина.

Киндерман посмотрел на Райли. Священник находился совсем близко.

— Почему?

— Вы потеряли его дважды.

Киндерман помолчал и перевел взгляд на гроб.

— Это был не он,— тихо возразил лейтенант, покачав головой.— Это был совсем не он.

Райли покосился на Киндермана и предложил:

— Давайте выпьем!

— Да, пожалуй, не помешает.

Эпилог

Киндерман застыл на тротуаре перед входом в кинотеатр «Байограф» и поджидал сержанта Аткинса. Он вспотел и, засунув руки в карманы плаща, то и дело бросал нетерпеливые взгляды на М-стрит. Стоял воскресный полдень, двенадцатого июня.

Двадцать третьего марта было точно установлено, что отпечатки пальцев на местах преступлений соответствовали отпечаткам пальцев разных больных из психиатрического отделения. Всех этих пациентов перевели в палаты для буйных, чтобы тщательно обследовать.

Рано утром двадцать пятого марта Киндерман отправился в дом Амфортаса вместе с доктором Эдвардом Коффи, другом и коллегой невропатолога. К нему поступили результаты томографии, которую заказывал Амфортас. Эти результаты отчетливо указывали на то, что мозг доктора претерпел необратимые изменения.

Коффи настоял на том, чтобы снять замок с входной двери. В доме они обнаружили мертвое тело Амфортаса. Позднее специалисты установили, что смерть наступила в результате несчастного случая. Доктор скончался от кровоизлияния в мозг, вызванного сильным ушибом головы

во время падения, но Коффи заверил Киндермана, что в любом случае жить Амфортасу оставалось не более двух недель: у него обнаружили неизлечимую опухоль. Киндерман поинтересовался, почему Амфортас ничего не предпринимал, чтобы вылечиться, на что Коффи ответил: «Я считаю, что это связано с его любовью». В спальне, в шкафу Амфортаса, обнаружили и черную ветровку с капюшоном.

Третьего апреля еще один подозреваемый — Фримэн Темпл — перенес удар и попал в психиатрическое отделение.

В течение последующих трех недель в больнице продолжали дежурить полицейские, но потом мало-помалу напряжение сошло на нет. В Джорджтауне больше не происходило подобных преступлений, и одиннадцатого июня дело передали в архив, хотя страшные убийства так и не были раскрыты.

— Мне, наверное, все это снится,— проворчал Киндерман.— Что это с тобой? — Аткинс предстал перед ним в полосатом костюме и при галстуке.— Это что, твоя очередная шуточка?

Аткинс окинул его загадочным взглядом.

— Ну, я теперь человек женатый,— сообщил сержант. Он только-только вернулся из свадебного путешествия.

Киндерман никак не мог прийти в себя.

— Я этого не вынесу, Аткинс,— признался он.— Это так странно. И неестественно. Сжалься надо мной. Сними галстук.

— Меня могут увидеть,— хладнокровно произнес Аткинс, преданно глядя на лейтенанта.

Киндерман скорчил гримасу.

— Тебя могут увидеть? — передразнил он.— Кто?

— Люди.

Киндерман недоуменно посмотрел на помощника.

— Все, Аткинс. Сдаюсь. Добровольно. Я твой пленник. Передай моей семье, что здесь со мной прекрасно обращаются. Как только у меня перестанут трястись руки, я

им сразу же черкну пару строчек. Это случится примерно месяца через два.— Следователь немного помолчал.— А кто это тебе подбирал галстук? — вдруг спросил он. Галстук являл собой какие-то необычайно яркие гавайские пейзажи.

— Я сам,— смутился Аткинс.

— Так я и думал.

— Ну, я ведь тоже могу придраться к вашей шляпе,— обиделся Аткинс.

— Лучше не надо.— Киндерман вплотную приблизился к помощнику.— Был у меня в школе один приятель, позже он подался в монахи, стал траппистом*. Одиннадцать лет тому назад. Он стряпал домашний сыр, собирал виноград, но главным его занятием оставались молитвы. Он молился за людей, которые носят галстуки и костюмы. А потом он вдруг ушел из монастыря. И знаешь, что он тут же прикупил? Самое первое? Пару ботинок за двести долларов. Мягкие кожаные мокасины с кисточками, такие чудненькие, прямо с витрины. Что, тебя уже тошнит? Погоди, это еще не все. Они были свекольного цвета, Аткинс. Лилово-бордовые. Это тебе о чем-нибудь говорит, или я, как всегда, обращаюсь к дереву?

— Говорит,— солгал Аткинс, хотя по его тону можно было понять, что красноречие Киндермана пропало втуне.

— Лучше возвращайся на флот.

— Мы прозеваем начало фильма.

— Ну да, нас могут увидеть,— мрачно добавил Киндерман.

Они вошли в зал и уселись на свои места. Сначала пошел фильм «Гунга Дин», а после него — «Третий человек». В конце первой ленты была трогательная сцена: Дин стоял на вершине храма и из последних сил дул в рожок, после того как его настигли три пули бандитов. И как раз в этот момент женщина, сидевшая сзади Киндермана, на-

---

* Трапписты — монашеская община ордена цистерцианцев, известная крайним аскетизмом и обетом молчания.

чала смеяться. Лейтенант оберпулся и осуждающе посмотрел на нее. Но этот взгляд не возымел действия. Тогда лейтенант решил предложить Аткинсу пересесть. Он уже открыл было рот, но тут заметил, что сержант плачет. Киндерман замер на своем месте, довольный сержантом, и даже сам всплакнул за компанию, когда на тризне по случаю погребения Дина зазвучала мелодия песни «Забыть ли старую любовь».

— Вот это картина! — выдохнул следователь.— Я обожаю ее.

Когда закончился последний фильм, мужчины вышли на охваченную зноем улицу и остановились недалеко от кинотеатра.

— Ну а теперь самое время перекусить,— нетерпеливо заметил Киндерман. У обоих этот день оказался выходным.— Я сгораю от любопытства, Аткинс. Жажду услышать рассказы о медовом месяце и подробное описание твоего гардероба. Мне, видимо, придется к нему какое-то время привыкать. Ну, куда двинем? В «Могилку»? Хотя нет, погоди. Я кое-что придумал.— Он вспомнил о Дайере и, взяв сержанта под руку, повел вперед.— Пойдем-ка. Я знаю чудное местечко.

Через несколько минут они уже сидели в «Белой башне» и, вдыхая аромат свежих гамбургеров, обсуждали только что просмотренные фильмы. Кроме них, в кафе никого не было. Бармен стоял у гриля спиной к ним. Крепкий и высокий, он казался несколько грубоватым. Его белый фартук и шапочка были забрызганы жиром.

— Видишь ли, мы привыкли говорить о зле и о том, откуда оно берется,— рассуждал Киндерман.— А как объяснить добро, если мы просто являем собой набор молекул, как привыкли считать? Так откуда же берутся такие люди, как Гунга Дин, способные жертвовать жизнью во имя других? И кроме того, ведь всегда находится и Гарри Лайм,— возбужденно продолжал он.— Гарри Лайм — полная противоположность Дина, олицетворение зла. По-

мнишь, что он говорит в той сцене на чертовом колесе? — Киндерман переключился на фильм «Третий человек».— Там, где он рассуждает о швейцарцах. После того как они несколько веков прожили в мире, самое большое их достижение, заявляет он, часы с кукушкой. И это на самом деле так, Аткинс. Да. Возможно, миру нужна иногда серьезная встряска, для того чтобы не окочурился прогресс. Кстати, сейчас я расследую убийство и кражу со взломом на П-стрит. Преступление совершено на прошлой неделе. И завтра ты ко мне подключаешься.

Бармен бросил на них недовольный взгляд, а потом, отойдя в сторону, начал раскладывать ломтики мяса на половинки булочек. Киндерман следил за тем, как он аккуратно кладет кусочек маринованного огурца на будущий гамбургер. Ему вдруг стало грустно.

— Послушайте, а может быть, лучше класть побольше огурчиков? — обратился он к бармену.

— Нет, так можно их испортить,— буркнул бармен. Голос его походил на окрики командира, муштрующего солдат,— низкий и грубый. Бармен начал накрывать бутерброды вторыми половинками булочек.— Если вам нужны всякие соусы да разносолы, идите в «Бью Риваж».

Киндерман опустил глаза.

— Я бы заплатил за лишний огурчик.

Бармен с каменным лицом поставил перед каждым из них по картонной тарелочке с шестью гамбургерами.

— Что будете пить? — грубо спросил он.

— Что-нибудь наркотическое,— улыбнулся Киндерман.

— Уже все вылакали, приятель,— безразличным голосом произнес бармен.— Только не надо мне тут мозги пудрить. У меня и так спина разламывается. Так что пить-то будем?

— Эспрессо,— с серьезным видом заказал Аткинс.

Бармен перевел на него взгляд.

— Вы что-то сказали, профессор?

— Две пепси,— быстро вставил Киндерман и многозначительно посмотрел на помощника.

Бармен выдохнул с такой силой, что из ноздрей его вылетел волосок. Яростно сверкнув глазами, он отправился за бутылками.

— Все хитрожопые так и прут сюда со всего проспекта,— недовольно проворчал он, удаляясь.

В кафе ввалилась многочисленная группа студентов, и вскоре маленький зал наполнился смехом и веселым щебетаньем молодых людей. Киндерман расплатился с барменом и со словами: «Засиделись мы здесь» — поднялся из-за стола и направился к выходу. Аткинс послушно двинулся следом. Они перенесли гамбургеры на стойку у противоположной стены. Киндерман откусил кусочек.

— А Гарри Лайм в чем-то прав. Вот видишь, немного волнений и тревог — зато какой шедевр получился в образе гамбургера.

Аткинс кивнул в знак согласия — он с удовольствием жевал.

— Это все часть моей теории,— сообщил Киндерман.

— Лейтенант...

Аткинс поднял вверх указательный палец и, прожевав большой кусок, проглотил его. Он вынул из пластмассового стаканчика белую бумажную салфетку, вытер уголки рта и пододвинулся поближе к Киндерману. В зале становилось слишком шумно.

— Вы не могли бы сделать мне одолжение, лейтенант? — попросил он.

— Я здесь для того, чтобы исполнять все, что ты прикажешь. Я насыщаюсь и поэтому еще более великодушен. Ну, подавай же свою петицию. Все печати на месте?

— Пожалуйста, расскажите о вашей теории.

— Невозможно, Аткинс. Ты же меня сразу посадишь под домашний арест.

— Почему?

— Нет, это исключено.

Киндерман откусил гамбургер, запил его пепси, а потом вновь повернулся к сержанту.

— Ну, если ты настаиваешь. А ты правда настаиваешь?

— Да.

— Я так и понял. Но сначала сними галстук.

Аткинс улыбнулся. Он развязал галстук и снял его.

— Вот это хорошо,— одобрительно произнес Киндерман.— Я не могу излагать свою теорию какому-то незнакомому человеку. Она слишком умопомрачительная. И сложная. Ты читал «Братьев Карамазовых»? — спросил он.

— Нет,— опять солгал Аткинс. Он хотел, чтобы следователь был сегодня доволен буквально всем.

— Три брата,— начал Киндерман,— Дмитрий, Иван и Алеша. Дмитрий представляет собой как бы тело человека, Иван — его ум, а Алеша — сердце. В конце — в самом конце книги — Алеша приводит маленьких мальчиков на могилу их школьного товарища Илюши. Они плохо обращались с этим Илюшей, потому что... ну, в общем, он отличался странностями. А когда он умер, мальчики поняли, почему он так себя вел и что на самом деле Илюша был храбрым и добрым мальчиком. И вот Алеша — он, кстати, монах,— разговорился с мальчиками у могилы. И он сказал мальчикам, что, мол, когда они вырастут и встретятся с настоящим злом, пусть вспомнят этот день и чувства, испытанные у могилы Илюшечки. Пусть всю жизнь помнят добро, которое и есть основа человека. И это добро ничем не вытравить из души. Воспоминание о добре, живущем в сердцах этих мальчиков, сказал он, может спасти их веру в добро общечеловеческое. Улавливаешь? Как там...— Он закатил глаза к потолку и указательным пальцем дотронулся до губ, которые уже начали растягиваться в улыбку.— Вот! Вспомнил: «Может быть, именно это воспоминание одно его от великого зла удержит, и он одумается и скажет: "Да, я был тогда добр, смел и честен"». А потом Алеша произносит очень-очень важные слова: «Будем вопервых и прежде всего добры»,— говорит он. И мальчи-

ки — а все они любят его — все кричат: «Ура Карамазову!» — Киндерман почувствовал, как в горле поднимается комок.— Когда я вспоминаю это, я всегда плачу. Это так прекрасно, Аткинс. И так трогательно.

Студенты прихватили с собой гамбургеры, и Киндерман проводил взглядом веселую стайку молодых людей.

— Может быть, именно это и имел в виду Христос,— размышлял он.— Прежде чем войти в Царствие Небесное, мы должны стать маленькими детьми. Не знаю. Но похоже на правду.— Лейтенант наблюдал за барменом. Тот слепил еще несколько булочек, поджидая, возможно, очередного наплыва посетителей, а потом, плюхнувшись на стул, принялся читать газету. Киндерман повернулся к Аткинсу.— Не знаю, как это выразить. Я имею в виду самую невероятную часть теории. Но иначе ничего объяснить нельзя: все остальное — бессмыслица, Аткинс. Иначе никак. Я в этом уверен. Но вернемся к Карамазовым. Так вот, самое главное — это когда Алеша говорит: «Будем добры». И пока это не произойдет, никакая эволюция нам не поможет. Мы туда не попадем,— сказал Киндерман.

— Не попадем куда? — удивился Аткинс.

В «Белой башне» снова воцарилась тишина. В гриле капал расплавленный жир да время от времени шелестели переворачиваемые страницы газеты.

— Многие физики уверены,— продолжал Киндерман,— что все известные процессы, которые происходят сейчас в природе, являлись когда-то частью единой силы.— Он помолчал и заговорил уже более спокойно: — Я верю, что силой этой была некая личность, которая много веков тому назад взорвала себя и разлетелась на кусочки, ибо стремилась сформировать свое собственное бытие. И это явилось Падением,— проговорил он.— Это легло в основу времени и дало начало существованию материальной Вселенной, когда один превратился во множество — в Легион. Вот потому-то Бог и не может вмешиваться: эволю-

ция — процесс, в результате которого эта личность снова должна воссоединиться.

Сержант сморщил лоб, силясь понять Киндермана.

— Так кто же она такая — эта личность?

— А ты не можешь сам догадаться? — В глазах Киндермана плясали веселые искорки.— Я уж столько наподсказывал тебе.

Аткинс покачал головой и замер в ожидании ответа.

— Мы — это Падший Ангел,— сдался наконец Киндерман.— Мы — Несущий Свет. Мы — Люцифер.

Киндерман и Аткинс уставились друг на друга. Колокольчик над входом звякнул, и они одновременно оглянулась на дверь. Порог кафе робко переступил нищий. Его видавшая виды одежда была вся в грязи и клочьями свисала с тщедушного тела. Бродяга смущенно приблизился к бармену и умоляюще посмотрел на него. Бармен поверх газеты метнул в ответ злобный взгляд, слепил несколько гамбургеров и, сунув их в пакет, протянул бездомному. Тот тут же покинул кафе, шаркая истертыми подошвами.

— Ура Карамазову! — пробормотал Киндерман.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗГОНЯЮЩИЙ ДЬЯВОЛА 5
ЛЕГИОН 343

Литературно-художественное издание

Уильям Питер Блэтти

ДИЛОГИЯ ОБ ИЗГОНЯЮЩЕМ ДЬЯВОЛА

Ответственный редактор *А. Етоев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректор *М. Ахметова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *С. Шикина*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино».
197198, Санкт-Петербург, ул.Блохина, 20/7. Тел./факс (812)325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@ eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16. Многоканальный тел. 411-50-74. **E-mail: reception@eksmo-sale.ru**

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать 11.07.2005. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 34,44.
Тираж 5000 экз. Заказ 1370.

ISBN 5-699-12842-5

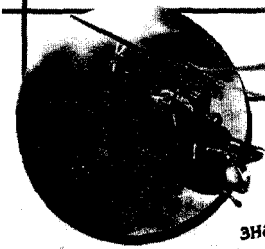
9 785699 128426 >

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
на ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон:(0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

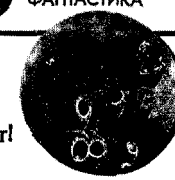
Издательство «Эксмо» представляет

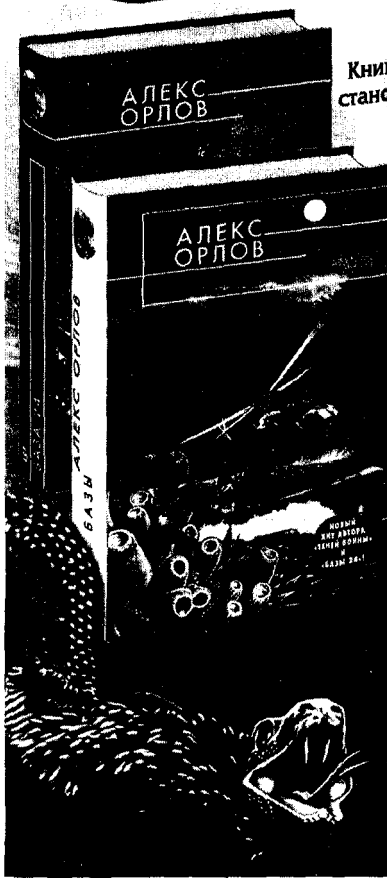
АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ РУССКАЯ ФАНТАСТИКА



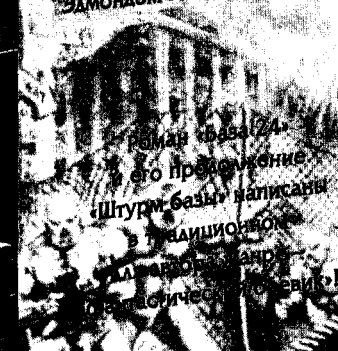
Алекс Орлов – знаменитый писатель-фантаст!





Книги Орлова мгновенно становятся бестселлерами!

Многочисленные фэны называют Орлова «российским Эдмондом Гамильтоном»!



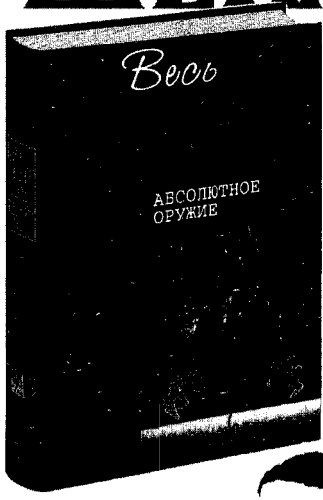
Роман «База 24» и его продолжение «Штурм базы» написаны в традиционном для Гамильтона жанре космической оперы!

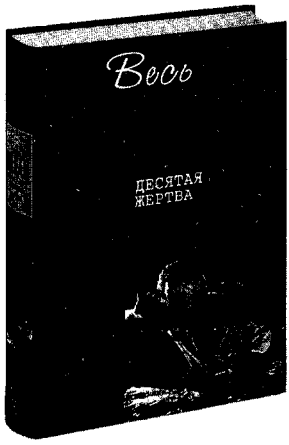
Также в серии:
«Атака теней»,
«Тени войны»,
«Двойник императора»,
«Особый курьер»

Клиффорд
САЙМАК
В
С
ОСНОВАТЕЛИ
Весь САЙМАК
ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ
Весь САЙМАК
ЗВЕЗДНОЕ НАСЛЕДИЕ
ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ
SCI-FI FOUNDATION
Клиффорд Саймак -
патриарх научно-фантастического жанра,
один из крупнейших американских фантастов,
автор свыше тридцати романов,
лауреат многочисленных литературных премий,
в том числе и самой престижной
в американской фантастике
премии «Хьюго».
www.eksmo.ru
В серии «Отцы-основатели»
выйдет полное собрание сочинений К.Саймака!

РОБЕРТ ШЕКЛИ

В СЕРИИ «ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ»





Все произведения знаменитого американского писателя Роберта Шекли в 6 томах!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Цивилизация статуса»
«Лабиринт Минотавра»
«Обмен разумов»
«Белая смерть»

УИЛЬЯМ
ПИТЕР
БЛЭТТИ

William Peter Blatty

ISBN 5-699-12842-5

ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ